ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

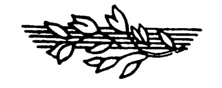
БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1959

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА



СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья
С. А. Рейсера

Подготовка текста и примечания
С. А. Рейсера и *А. А. Шилова*

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1

В силу тех своеобразных условий политической жизни, о которых Белинский в 1847 году в письме к Гоголю писал, что в обществе «кипят и рвутся наружу свежие силы» и что «в одной только литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед», — в России издавна возникла особого рода «письменная» литература, впоследствии получившая название «вольной».

Ее история восходит к отдаленным временам. К концу XVIII — началу XIX века многочисленные списки запретной оды Радищева «Вольность» демонстрируют уже определенную развитость этого вида поэзии.

«Городок» Пушкина (1815) рассказывает нам о хранении этой литературы — «на самой нижней полке», за заброшенными школьными учебниками:

Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата,
Я даром получил.

Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.

Далее Пушкин приводит перечень этих, современных ему, запретных произведений — сатиры Д. П. Горчакова, «Видение на берегах Леты» К. Н. Батюшкова, «Опасный сосед» В. Л. Пушкина, «Трумф» И. А. Крылова и др. Себя самого Пушкин здесь не мог еще назвать — он сделал это в «Послании цензору» (1822):

И Пушкина стихи в печати не бывали,
Что нужды? Их и так иные прочитали.

Вспоминая свои юношеские годы, Огарев в числе тех факторов, которые способствовали развитию его мировоззрения, прежде всего назвал опять-таки «потаенную» литературу:

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.

(«Памяти Рылеева», 1857)

«Тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки», — свидетельствует Герцен в «Былом и думах», в главе, относящейся к 1834 году (ч. 1, гл. 6).

Герой автобиографического романа А. И. Пальма «Алексей Слободин», ставший впоследствии петрашевцем, бережно хранил «заветную тетрадку, заключавшую в себе много разных запрещенных плодов российской даровитости».[1]

С особенной силой эта «презревшая печать» литература стала распространяться в годы Крымской войны, перед смертью Николая I и непосредственно после воцарения Александра II. Причины этого с полной ясностью указал в свое время Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» (1890). В Крымской кампании «царизм потерпел жалкое крушение... Наступило небывалое отрезвление».[2]

---

[1] П. Альминский <А. И. Пальм>. Алексей Слободин... СПб., 1873, стр. 253.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, ч. 2, 1936, стр. 29.

Выражением этого отрезвления и было развитие «вольной» литературы. «В конце концов протест против... подавления общественной мысли высказался в особой рукописной литературе, уже не считавшей нужным искать дозволения цензуры. В канун и в течение Крымской войны эта рукописная литература обильно разрослась и распространилась в списках, ходивших по рукам и с жадностью прочитываемых».[1] Это свидетельство внимательного современника совершенно точно отражает действительное положение, подтверждая анализ Энгельса. В предисловии к первой книжке «Голосов из России» Герцен тоже указывал, «что «письменная» литература «развивалась с необыкновенной силой во время последней войны и после смерти Николая I».[2]

Видал поэтов запрещенных
С стихом правдивым на устах

и Н. А. Добролюбов, в эти годы студент Главного педагогического института в Петербурге (стихотворение «Газетная Россия»).

Факт существования и особого развития «подземной» литературы признавался не только в революционном лагере. Он анализировался в обширной «Записке о письменной литературе», напечатанной Герценом в первой части «Голосов из России». Ее вдохновитель — либерал К. Д. Кавелин. Автор констатирует, что после Крымской кампании в «обществе возникла литература письменная, ускользающая от цензуры и неведомая правительству. Статьи всякого содержания ходят из рук в руки, переписываются в значительном количестве экземпляров, перевозятся и пересылаются из столиц в провинции и из провинций в столицы, и все это делается само собою, без всякого заранее обдуманного плана, без всякой организации... Каждый... с жадностью читает их, переписывает и сообщает своим знакомым». Автор признает, что эта литература расшатывает основы власти, авторитет которой этим ослабляется и подрывается. При этом получается, по его словам, своеобразный парадокс: в легальной печати цензура запрещает самые умеренные статьи, а гораздо более резкие широко обращаются в списках по всей стране. «В распространении письменных статей участвует почти весь образованный класс в России... Полицейские же меры, вместо того чтобы положить конец злу, могут повести к результатам совершенно противоположным». Нельзя же «к каждому сколько-нибудь образованному человеку приставить шпиона».

[1] А. Н. Пыпин. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, стр. 17.
[2] А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 12. М., 1957, стр. 329.

Разбирая состав широко распространенных по всей стране копий, автор «Записки...» замечает, что далеко не все является подлинно запрещенным. По рукам, притом «почти публично, без всякого опасения» «ходил второй том «Мертвых душ», который теперь уже напечатан, ходят записки, поданные самому правительству, ходят политические статьи, написанные в правительственном духе и которые потому только не напечатаны, что у нас не печатаются почти никакие политические статьи, ходят, наконец, совершенно невинные эпиграммы». Народ требует подробной информации, требует гласности — «письменную литературу может убить только литература печатная». Отсюда требование о немедленной отмене цензуры.[1] Нетрудно видеть, что в условиях тех лет это требование, хотя и исходившее из умеренно-либеральных кругов, было тем не менее прогрессивным.

На отмену цензуры царское правительство никогда и ни при каких условиях решиться не могло: даже после революции 1905 года ликвидация цензуры была, в сущности, номинальная и временная. В 1860-х годах, неохотно и медленно уступая назревшим требованиям времени, правительство шло на полумеры, ограничиваясь самыми незначительными смягчениями жесткого цензурного режима.

Действительные требования политически созревших масс были несравненно бо́льшими, чем эти уступки, и подпольная, рукописная литература не только не прекратила своего существования, но продолжала расти, развиваться и просуществовала до дней свержения царизма. Советские архивохранилища хранят тысячи рукописных альбомов, сборников и отдельных листков — плод напряженной борьбы вольнолюбивой русской мысли с тиранией самодержавия.

Убедившись в безосновательности надежд на свободу печати, «вольная» мысль поднялась на качественно более высокую ступень и стала достоянием печатного станка. Ходившие по рукам тексты надо было «закрепить печатью».[2]

В 1853 году Герцен основал в Лондоне Вольную русскую типографию, и этот год по праву должен считаться годом рождения зарубежной революционной печати. «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга», — писал В. И. Ленин.[3]

---

[1] «Голоса из России», т. 1. Лондон, 1856, стр. 40—46.

[2] А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 12. М., 1957, стр. 270.

[3] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 18, стр. 12. Далее все ссылки на сочинения В. И. Ленина приводятся по этому изданию.

Вскоре после того русская революционная печать воспользовалась станками Парижа, Амстердама, Цюриха, Берна, Женевы, Брюсселя, Берлина, Лейпцига, Гейдельберга, Наумбурга, Вюрцбурга, Штутгарта, Сан-Франциско и т. д. и т. д. В условиях огромного интереса к русской книге издания радикальных произведений стали осуществлять не только специально основанные для этой цели типографии. Из коммерческих соображений ряд книгоиздателей, совсем иных взглядов и убеждений, ничтоже сумняшеся, стали издавать революционную литературу, сулившую им немалые барыши. Реакционный журналист, сотрудник «Московских ведомостей» Н. В. Щербань, в 1875 году вынужден был с горечью констатировать, что в Берлине «во всех книжных магазинах целые груды революционных изданий. Тут и книги, и брошюры, и песенники, и газеты, и сборники — всего не перечтешь. . .»[1]

Развитию русской зарубежной печати тщетно пыталось противостоять царское правительство: субсидированные властями или даже просто провокационные книги и журналы вроде брошюр Шедо-Ферроти, издававшегося Н. П. Поггенполем «Nord'а», женевской «Правды» бывшего исправника И. Климова и другие не могли задержать или ослабить развитие русской революционной мысли.

Следующим этапом было создание подпольной революционной печати в России. Первыми нелегальными типографиями считаются: московская, основанная в конце 1860 года, и петербургская — 1861 года, — в ней были отпечатаны три листка «Великорусса».

В отличие от зарубежных революционных изданий, типографии, печатавшие нелегальную литературу в России, были «летучими» или «карманными», — так и называлась, например, типография, основанная П. Д. Баллодом. Полиграфически издания эти были чрезвычайно примитивны,[2] «производственная мощность» типографий совершенно ничтожна: небольшие воззвания, листовки, максимум брошюры — вот и все, что могло в них выпускаться вначале. Со временем эти издания стали совершеннее, но все-таки никогда не могли соревноваться с «вольной» прессой за границей. Для того чтобы облегчить распространение книг, создать видимость

---

[1] Литературно-политические заметки. «Московские ведомости», 1875, № 137, 1 июня.

[2] См. любопытное заключение судебных экспертов-типографов по делу долгушинцев. В. Богучарский. Государственные преступления в России в XIX веке, т. 1. 1906, стр. 291—294.

налаженности издательской работы и как можно сильнее обеспокоить правительство, революционеры организовали издание книг за рубежом с фиктивными выходными данными — Кронштадт, Москва, Петербург, с вымышленными цензурными дозволениями и т. д.

Во всех рукописных, зарубежных и подпольных изданиях — в отдельных сборниках, в журналах и листовках — значительное место занимали стихи. Их писали далеко «не только первоклассные и второклассные, но и вовсе бесклассные таланты, или даже не таланты, а просто люди, которым показалось на этот раз удобнее сказать свою мысль стихами, выразить свое чувство мерными строчками, заострить рифмою оплеуху государственному подлецу или власть имущему».[1]

2

В качестве произведений «вольной» поэзии нередко, особенно в первое время, фигурировали стихотворения, объективно далекие от революционности, но вследствие тех или иных причин оказавшиеся запрещенными. Так, например, запретность имен поэтов-декабристов — Рылеева, А. Одоевского, Кюхельбекера — сделала все их наследие достоянием «вольной» поэзии.

В состав «вольной» поэзии вошли и произведения, легально напечатанные, ставшие частью революционного репертуара уже в дальнейшей своей истории. Сюда надо отнести знаменитую «Узницу» Полонского — поэтический отклик на процесс Веры Засулич, «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Пророк» Некрасова — стихотворения «переадресованные» сравнительно с первоначальным замыслом, стихотворения «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», «Слу-шай» И. И. Гольц-Миллера, «Requiem» Л. И. Пальмина и другие.

Иногда «нелегальными» становились стихотворения, принадлежавшие перу реакционных по своим политическим убеждениям авторов. Так, «волго-разбойничий» романтизм стихов А. А. Навроцкого («Есть на Волге утес, диким мохом оброс...», «Воля-матушка», «То не на небе туча черная собиралася...»), напечатанных в умеренно-либеральном «Вестнике Европы», способствовал тому, что

[1] Н. П. Огарев. Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861. Перепеч.: Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 417.

уже через три года эти стихотворения вошли в обиход русской революционной поэзии, были переизданы (с незначительными изменениями) кружком чайковцев за границей и имели длинную и примечательную историю в дальнейшем.

Органически вошли в состав русской «вольной» поэзии и некоторые переводные произведения, в первую очередь Гейне и Беранже. В советском литературоведении вполне закономерно возникли понятия «русского Гейне» и «русского Беранже» — так естественно и прочно они вошли в русскую поэзию. Сюда можно добавить и имена Ришпена, Барбье, Гартмана и других. Переводы из этих поэтов, а зачастую переделки их произведений, приспособленные к условиям той или иной эпохи русской жизни — запрещенные или даже публиковавшиеся легально, — сыграли определенную роль в истории революционной борьбы. Без «Диспута» Гейне, без «Господина Искариотова» Беранже-Курочкина, без «Белого покрывала» Гартмана-Михайлова и некоторых других произведений наше представление о репертуаре русской революционной поэзии будет неполным.

Диалектика революционной борьбы привела наконец к тому, что оппозиционными, а значит использованными революционной пропагандой, стали и стихотворения, непочтительно касавшиеся вопросов религии или такие, где религия «кощунственно» соприкасалась с эротикой. Порою же и откровенно эротические стихотворения, в той мере, в какой они были запрещенными, тоже становились, особенно в первое десятилетие после 1855 года, объектом популяризации революционным станком. Попав в Париж, Елена Базелейн в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» прежде всего просила купить ей «потаенные русские стихотворения». Правда, там были не только революционные, но и такие, как «Царь Никита»,[1] но все равно — это был акт «оппозиции русскому правительству... оно не хотело, чтобы мы это знали, а мы знаем!» (часть 6, глава 14).

Таким образом, понятие «вольной» поэзии оказывается разносоставным, в разное время включавшим в себя стихотворения различного происхождения и различной направленности. «Гражданское движение в стихотворной литературе» (Огарев) выражалось в ней в самых разнообразных формах.

---

[1] Из этих слов видно, что речь идет о сборнике «Русская потаенная литература», вышедшем в Лондоне в сентябре 1861 г. под редакцией Н. П. Огарева.

«Вольная» поэзия второй половины XIX века более или менее отчетливо распадается на два периода.

В середине века — точнее говоря, тотчас же после Крымской кампании — в России стала назревать революционная ситуация. Она окончательно определилась в 1859—1861 годы, но подготовлялась, разумеется, всем предыдущим ходом исторических событий.

Не перейдя в революцию, она тем не менее в течение некоторого времени продолжала быть двигателем революционной деятельности и литературного творчества. Таким образом, первый период приблизительно соответствует 1855—1870 годам. Второй период длительнее. Ориентировочно его границы — с 1870 года почти до конца века.

Середина 1850-х годов характеризовалась значительным повышением активности масс, значительным обострением материальной нужды эксплуатируемых слоев населения, сознанием даже и в высших классах невозможности сохранить прежнее положение, — все эти признаки В. И. Ленин считал основными для революционной ситуации,[1] они были налицо в России этих лет — вот почему «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».[2]

Вера в близость революции и желание всеми силами ускорить ее наступление является основной тенденцией «вольной» поэзии этого времени и превращает ее в особую форму революционной агитации. К этой, полной ожиданий, эпохе вполне применимы меткие, по оценке В. И. Ленина, слова К. Каутского: «каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».[3]

Революционная лирика этих лет прежде всего должна быть охарактеризована как политически целеустремленная. Независимо от того, касается ли она какого-либо отдельного, конкретного предмета или общеполитической проблемы, расшатывание основ самодержавия, подготовка революционного взрыва — ее основная задача.

Пафосная, гневная, обличительная, она действовала, так сказать, непосредственно. Поэт выступает не как усладитель досуга,

---

[1] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 189—190.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 27.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 245.

не как певец идеала чистой красоты или прелестей природы, а как борец со злом, трибун и агитатор за лучшее будущее или, по меньшей мере, за уничтожение неправды этого мира:

И верю я — невдалеке
Грядет, грядет иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — *Земля и Воля!*

(«Сим победиши» Огарева)

Экспрессивная и эмоциональная сторона стиха определила то, что он доходил до всякой, даже самой отсталой аудитории и реакция была непосредственная и активная. Революционеры хорошо понимали значение искусства в деле пропаганды: смысл ее был в том, что слово вело к делу.

Частная тема неизменно приводила к общим выводам; иногда они формулированы прямо, иногда только подразумеваются. Ирония севастопольских песен, написанных группою офицеров с участием Льва Толстого, приводит к заключению о развале военно-феодальной системы, о протекционизме и бездарности военачальников николаевской школы; юбилей предателя Я. И. Ростовцева служит поводом, чтобы характеризовать положение в стране в целом:

Подчинены науки барабану,
В младенчестве задавлен человек,
И ход открыт бездушному болвану;
Умы отдвинуты назад на целый век,
А нравы чистые, а чувства семьянина,
А долг и доблесть гражданина
Убиты наповал! ..

(«Иакову Ростовцеву. . .» неизвестного автора)

Убийство крестьянами помещика дает Добролюбову возможность в пафосном стихотворении призвать Русь к революционному восстанию:

Вставай же, Русь, на подвиг славы, —
Борьба велика и свята! ..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

(«Дума при гробе Оленина»)

Стихотворение Добролюбова, очень длинное, использовалось революционными кругами иногда и в сокращенной редакции и в наиболее значимых отрывках ходило по рукам.

В это же время получили широкое распространение нелегальные и полулегальные произведения поэтов-декабристов, поэтов-петрашевцев и их попутчиков. Даже некоторые «презревшие печать» стихотворения К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, относящиеся к самому началу 50-х годов, получают новую жизнь; в условиях общественно-политического подъема они начинают звучать по-новому и переосмысляются.

Поэтическая «генеалогия» «вольной» русской поэзии 1850—1860-х годов должна быть установлена, в особенности, в сопоставлении с литературной традицией поэзии декабристов. Гражданская тема — «я не поэт, а гражданин» — очень сильно звучит у ряда поэтов, например Н. А. Добролюбова, М. Л. Михайлова, Н. П. Огарева, П. Л. Лаврова и других.

Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы!
Туда иди! Буди людей!
Зови к оружию народы!

(«Апостол» Лаврова)

На передовую традицию опирается, конечно, и широко распространенное в 1860-х годах «Напутствие» Огарева, правильное понимание которого возможно только на фоне пушкинского «Пророка»:

Готов ли?.. Ну! Теперь смотри,
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

Это произведение, впервые опубликованное в сборнике стихотворений Огарева в 1858 году, в 1869 было переиздано в Женеве отдельной листовкой, с особым предисловием, разъясняющим его призывный революционный смысл — «делать остается одно: сплотить крестьянство, закабаленное в чужую, противную собственность». И в заключение снова: «дать крестьянству направление для того, чтобы оно сплотилось в одно всеобщее восстание».

Литературная традиция была столь сильна, что в одном из рассчитанных на народную массу агитационных стихотворений 1862 го-

да встречаем даже близкое к стилистике XVIII века — «Проливайте токи слезны» (см. стр. 145). Ничего подобного в подпольной поэзии 1870—1880-х годов встретить нельзя.

Вне исторических ассоциаций нельзя понять и ряд стихотворений Лаврова. Пафосная и риторическая, несколько растянутая и усложненная, его лирика заставляет вспомнить о гражданской поэзии начала века. Рассчитанная не столько на крестьянскую массу, сколько на интеллигента, она требует от читателя знания истории и мифологии: «гогенштауфенский меч», «гнилых местечек депутат», «мирмидон», «пьяный Ульриха тиран» едва ли могли быть поняты массами. Впрочем, торжественная, ораторская поэзия вовсе не требовала точного знания всех намеков и слов. Ведь стихотворение не изучается, а воздействует раньше всего общей политической направленностью, высокая приподнятость стиля и торжественная интонация привлекают слушателя и входят в его сознание не отдельными деталями, а целым: стихи захватывали своим бунтарским духом, призывом к восстанию.

Поэзия, требующая по существу более или менее высокой квалификации, может в то же время быть доступна и читателю, не разбирающемуся во всех конкретных деталях. Во всяком случае, стихотворения Лаврова, как и многие другие аналогичного типа, прочно вошли в революционную традицию «вольной» поэзии и были распространены во множестве списков.

Лирический герой этой «презревшей печать» поэзии вызывал у читателя горячее сочувствие своим страданием, своим жертвенным подвигом во имя родины, борьбой за униженное и попранное человеческое достоинство.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья...

(«Михайлову» Огарева)

Прочно вошедшие в репертуар «вольной» поэзии «Когда я был отроком тихим и нежным...» Огарева, «Памяти Добролюбова» и «Ответ» М. Л. Михайлова, «Узнику» Рождественского или Н. Утина, стихи Навроцкого и других могут служить примерами непосредственно выраженного лирического чувства, близкого по мотивам и настроениям угнетенным классам.

Лирическое стихотворение во многих случаях становилось песнею, и тогда ему была обеспечена прочная популярность и долгое и устойчивое существование в народной массе. Пропагандистский эффект песни всегда сильнее, чем стихотворения, остававшегося

в пределах лишь «декламационного» исполнения. Переработка стихотворения в песню — это своего рода особое призвание. Один из участников процесса «193-х» показывал, что «особенно удобно было производить известное впечатление песнями». [1]

«Песня — верная спутница революционного движения, могучее средство революционной агитации. Песня помогала гневно изобличать угнетателей народа, разъяснять цели и задачи освободительного движения. Она способствовала сплочению народных масс в борьбе против царского самодержавия, против власти помещиков и капиталистов, в борьбе за социализм». [2] Эти слова современного исследователя правильно определяют место песни в революционном движении.

Среди изданных революционерами книг мы недаром находим «Солдатские *песни*», «Свободные русские *песни*», «Вольный *песенник*», «Сборник новых *песен* и стихов», «Стихи и *песни*», «Новый сборник революционных *песен* и стихотворений» и т. д. Многие стихотворения непосредственно ориентировались на музыкальный мотив пометой о том, на какой голос его надо исполнять. Голос — это напев популярной, всем известной и давно бытующей народной песни.

Если «Полярная звезда» и «Русская потаенная литература», а потом «Лютня» были рассчитаны не на массовую аудиторию, а на интеллигентного читателя, то всевозможные песенники, изданные Герценом, а позднее другими эмигрантскими группами, ориентированы на самую широкую массу. «Колокол» получил такое распространение, какого до того времени не знала Россия. Его читали в столицах и в самых дальних «медвежьих» углах страны, читали люди, не часто обращавшиеся к печатному слову. И все же такой масштаб не мог удовлетворить революционеров. Надо было найти пути еще более широкого распространения революционного слова, такого, который захватил бы и малограмотную массу, и в первую очередь солдат, активная роль которых могла бы решить исход революционного восстания.

Литература отставала от потребностей революционной пропаганды. В народе и революционно настроенной интеллигенции надо было распространять стихи максимально простые, доходчивые. Их было недостаточно. Тогда, отвечая этой потребности, Огарев издает отдельными листовками некоторые из своих старых стихотворе-

---

[1] Цит. по статье М. С. Друскина «Революционная песня народовольцев». «Советская музыка», 1934, № 3, стр. 49.

[2] М. С. Друскин. Русская революционная песня. М., 1954, стр. 5.

ний — «Студент», «Напутствие», пишет намеренно опрощенным языком, в так называемом народном духе, «Восточный вопрос в панораме», «Гой, ребята, люди русские...», «Встречу», «Размышления русского унтер-офицера перед походом», «Мужичкам» и другие. Тогда же он принимает активное участие в подготовке «Вольного песенника», в котором ему принадлежат несколько стихотворений, отчасти переработок своих же старых. Если в личном творческом пути Огарева эти стихотворения и не являются большим достижением, то в истории революционной поэзии они заняли почетное место.

По сравнению с действенной, целеустремленной лирикой — все другие жанры отступают на второе место.

Дидактизм басни, ее условная аллегоричность и эпичность не позволили ей стать ведущим жанром политической поэзии. Список «вольных» басен очень невелик и едва ли не ограничивается, в интересующее нас время, «Помойной ямой», приписывавшейся Д. Т. Ленскому, «Раз до царя животных, льва...» из «Полярной звезды», особого рода «Притчей» Некрасова, а позднее — «Державной вороной» Алеко (А. И. Стронина) в «Общем деле». Популярность политической басни относится к XX веку и связана с именем Демьяна Бедного. Его басня не только продолжила крыловскую традицию, но и пошла дальше, став подлинно боевым жанром массовой пропагандистской литературы.

Эпиграмма, для того чтобы она производила нужный эффект и была действенна, требует утонченного литературного мастерства, известной эрудиции слушателя или читателя, знания намеков или реалий, о которых пишет автор, должной квалификации для понимания «pointe'a» — заключительного удара. Поэтому в первой половине века, когда революционная поэзия ориентировалась на узкий сравнительно круг и далеко не была массовой, она гораздо чаще прибегала к этому жанру. В 1850—1860-е годы эпиграмма, не получив столь широкого развития, все же не исчезла из литературного оборота. Лаконизм эпиграммы способствовал ее устному бытованию; читатель второй половины века не мог не знать «Посланий» из Петербурга в Москву и из Москвы в Петербург, эпиграммы на смерть императрицы Александры Федоровны, «Грустно матушке России...» и некоторых других. Ряд метких политических эпиграмм Огарева не выходил за пределы узкого круга друзей и в широкий обиход революционной поэзии не вошел, если не считать блестящей — «В „Норде" сквозь все тонкости...»

Поэма тоже не приобрела в это время характера ведущего в политической литературе жанра. Поэма слишком объемна и су-

ществовать в условиях конспирации, когда устная передача по памяти являлась одним из основных способов распространения, не могла. Стихотворение легко запоминается и может передаваться друг другу, хотя бы с некоторыми искажениями. Стихотворение не требует продолжительного времени для «исполнения», — поэма требует его. Поэма всегда сюжетна и, стало быть, не непосредственно эмоциональна, она требует большего внимания, большего напряжения, большей культуры слушателя. Тем не менее революционная традиция знает поэмы, сыгравшие определенную роль в истории «вольной» литературы. В списках много лет распространялся «Юмор» Огарева, а потом его небольшая поэма «Забытье». Имя и судьба Белинского определили успех одноименной поэмы Некрасова, которая обращалась в огромном количестве списков.

Необычайно легко доходили до народа так называемые «перепевы». Использование знакомого «оригинала» делает переделку особенно доходчивой, тем более доходчивой, чем популярнее «основа», на мотивы которой написано новое стихотворение. Такие произведения воспринимаются легче, так как контраст давно известного с тем, во что это знакомое превратилось, обеспечивал необходимый пропагандистский эффект. Хорошо знакомое лирическое стихотворение Пушкина «Цветок засохший, безуханный...» дважды в русской политической лирике превратилось в сатирическое воспевание российского кнута. Тонкая лирика пушкинских строк звучала особенно остро в перепеве:

Кто дал тебе твой вид приятный?
Тебя тесемкою обвил?
И кто твой кончик сыромятный
Так превосходно прикрепил?

Лермонтов, приспособленный Огаревым для осмеяния царских указов, доходил легко и живо. Мотив популярной в 1860-х годах оперетты Оффенбаха «Орфей в аду» превращался в непочтительный куплет «Когда я был царем российским...».

Нежная лирика Фета превращалась в свою противоположность:

В вечность канувшие грезы,
Бед в грядущем тьма,
И прощание, и слезы —
И тюрьма, тюрьма!

Интонация православной молитвы резко зазвучала в ироническом:

Царя Алексашу
Для родины нашей,
Господи помилуй
На веки веков!

Это приспособление знакомого для создания нового ориентировалось далеко не только на интеллигентного читателя или слушателя, поэтическая эрудиция которого, конечно, богаче и разнообразнее, но и на самые широкие народные массы.

Рабочая тематика в 1850—1870-х годах звучит еще слабо и может быть отмечена только двумя стихотворениями: «Железной дорогой» Некрасова и «Думой ткача» С. С. Синегуба — оба эти произведения прочно вошли в репертуар «вольной» поэзии.

Таковы были пути русской революционной поэзии в первые два десятилетия второй половины XIX века.

Крах революционных чаяний был выражен в знаменитом восьмистишии Некрасова, как бы подводившем итог надеждам и ожиданиям:

Душно! без счастья и воли,
Ночь бесконечно длинна, —
Буря бы грянула, что ли!
Чаша с краями полна.

Грянь над пучиною моря!
В поле, в лесу засвищи!
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!!!

4

В революционно-демократической поэзии второй половины XIX века довольно отчетливо наметились две группы: легальных поэтов, объединившихся вокруг «Современника», «Искры», «Русского слова», «Дела» и некоторых других журналов, а с другой стороны — поэтов-революционеров, принимавших участие в подпольной борьбе. Если первые были профессиональные поэты, то вторые обращались к поэзии только от случая к случаю и никак не считали стихи своим основным занятием. Конечно, резкой границы между этими двумя группами не было — в легальные издания проникали стихи революционеров, в нелегальных систематически использовалась передовая легальная поэзия, но самое разделение чувствуется

все-таки довольно отчетливо. Чем больше мы приближаемся к концу века, тем сильнее и значительнее становится удельный вес революционной, «непрофессиональной» поэзии.

Революционное народничество, по словам В. И. Ленина, выражало интересы «массовой, *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего».[1] Подлинный путь исторического развития, действительное соотношение классов было народниками не понято. «Народничество — есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России».[2]

Наиболее значительным в практической деятельности революционных народников было так называемое «хождение в народ», когда революционная интеллигенция стала селиться в деревнях и селах, стараясь завоевать доверие народа и вести в массах революционную работу. Таким представлялся путь пробуждения народных масс.

«Хождение в народ» было наивной попыткой разрешения в малом масштабе грандиозных задач подготовки революционного взрыва. Немногие революционеры, рассеянные по Руси и «сливавшиеся» с народом, представляли собою ничтожную долю процента по отношению к числу крестьян или даже населенных пунктов страны.

Эта страница русского освободительного движения была опоэтизирована рядом поэтов. Теоретическая слабость и неудачи этого этапа русского революционного движения не нашли выражения в этих стихах. Напомним, что Г. А. Лопатин — автор предисловия к сборнику «Из-за решетки» — склонен был укорять И. С. Тургенева за то, что он посодействовал своими трудами «искажению нашего «мученика правды ради» в глазах нашего общества».[3] Речь идет о «хождении в народ» Нежданова, героя романа «Новь». Ни Г. Михайлов, автор стихотворения «Пропагандист», ни М. Д. Муравский («Из 1874 года») ничего подобного не знают. Для них народник, пошедший на село, чтобы слиться с народом, окружен ореолом героизма:

Непреклонная гордость во взгляде,
Неподдельная страстность в речах,

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 102.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 490. История понятия «народничество» изучена в статье Б. П. Козьмина «„Народники" и „народничество"». «Вопросы литературы», 1957, № 9, стр. 116—135.
[3] Женева, 1877, стр. XV.

Простота в небогатом наряде,
Блеск ума и развитья в очах...

(Г. Михайлов)

Добрая почва:
Семя тут ладно упало...
Ну-ка, что дальше?
Пашни еще ведь не мало.

(М. Д. Муравский)

Победа революции мыслится как восстание, руководимое интеллигенцией, которая разъяснит простолюдину смысл борьбы. Так, Ф. В. Волховской описывает студента, который, проснувшись, протерев глаза и оглянувшись на Запад,

...работника разбудит,
С ним сольет свой интерес
И с ним об руку добудет
Хлеб, свободу и прогресс.

(«Там и здесь»)

Воодушевляет на борьбу идея земли, — революционеры и в 1880-х годах ориентируются на крестьянство. В подпольной «Рабочей газете» в стихотворении неизвестного автора лозунг формулируется так:

Гей, землицу добывать!

(«Время, братцы, уж приспело...»)

Возвеличение террора — другая тема революционной лирики 1870—1880-х годов. Народники не понимали всей ошибочности этой тактики «устрашения» самодержавия, нередко приводившей к обратным результатам по сравнению с тем, чего они ожидали. Характеризуя этот метод, В. И. Ленин указывал: «Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы... Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма».[1] Практика политической борьбы, сводившаяся, в основ-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 7.

ном, к террору, не только не была полезна, но приносила вред. Народовольцы, как указывал В. И. Ленин, «понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения» и «суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы».[1]

Проблематика террористической борьбы занимает немалое место в поэзии этих лет. Убийство шефа жандармов Мезенцева, жандармского подполковника Судейкина, киевского жандарма Гейкинга, шпиона Никонова, харьковского губернатора Кропоткина, покушение Веры Засулич на Трепова, наконец убийство Александра II — вызывают многочисленные поэтические отклики.

Поэты не устают звать к мести и расправе:

А вы, убитого сотрудники живые!
Пускай покинут вас спокойствие и сон!
Рука могучая разит уж не впервые,
И не последний будет он.

(«На смерть Судейкина» В. Г. Богораза)

Дорогой той же без боязни
Пойдем мы мстить, друзья, за вас.

(«Письмо в тюрьму» неизвестного автора)

Жажда мести доходит у поэта до того, что он просит на его могиле врыть жердь:

И, свив веревку, на вершину
Жандарма вздерните на ней!
. . . .
Лишь только скрипнет шест высокий —
Могилы скромный мавзолей, —
Я каждый раз в земле глубокой
Благословлю моих друзей!

(«Завещание» Н. А. Морозова)

Как бы ни были скромны художественные достоинства этих стихотворений, героика самопожертвования привлекала читателя и вызывала его преклонение перед подвигом. Первомартовцы всегда были окружены ореолом почитания. «Они проявили, — писал

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 342. Ср. также т. 4, стр. 256 и т. 2, стр. 316.

Ленин, — величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа». [1]

Поэты 1870—1880-х годов любят адресовать свои стихи отдельным героям, тем, кто посвятил свою жизнь борьбе за народное счастье. Личное обращение достаточно часто встречается в поэзии любого периода, — вспомним хотя бы дружеское послание XVIII — начала XIX века. Это послание обращено к конкретному лицу, связано с его индивидуальными качествами и потому может иметь только один вполне определенный адрес.

Иное дело стихи интересующего нас периода — это явление особого рода. Дружеское послание может быть теперь обращено даже и к незнакомому лично человеку, потому что перед нами обобщенный тип современника-героя, прославление его подвига, а не его индивидуальных особенностей. Поэтому стихи подобного типа так легко можно «переадресовывать» — они представляют собою особый вариант пропагандистской поэзии.

Можно назвать множество стихотворений, посвященных революционерам-героям. Таковы стихи Лаврова, обращенные к Огареву, Некрасова и Оржиха — к Чернышевскому, Белоголового и Волховского — к Лаврову, Лаврова и Синегуба — к М. Л. Михайлову, Бардиной — к В. Н. Фигнер, Синегуба — к С. М. Кардашеву, В. С. Любатович — к Петру Алексееву, Морозова — к О. С. Любатович, Носова — к Синегубу, Ф. В. Волховского — к Н. А. Чарушину, неизвестного автора — к В. Засулич и т. д., — список весьма обширный. К нему же надо присоединить и стихотворения, обращенные не к конкретному лицу, а к типическому герою-борцу, томившемуся на каторге в Сибири:

Не звон колокольный, не пенье попов
В могилу его провожали —
Молчанье товарищей, лязг кандалов
Да слезы глубокой печали.

(Неизвестный автор)

Самым ярким и действенным произведением этого типа явилось стихотворение Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие...», переадресованное к подсудимым процесса «50-ти» и ставшее в своей

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 235.

дальнейшей истории замаскированным изображением революционного движения вообще.

В этом же ряду должны быть поставлены и стихи, посвященные памяти тех, кто отдал свою жизнь за дело свободы. Революционеры бесстрашно гибли на виселицах, в тюрьмах и на каторге. Обращенные к ним многочисленные стихотворения — одна из выразительнейших страниц в наследии русской революционной поэзии прошлого века. Напомним ставшее классическим стихотворение Григория Мачтета, посвященное умершему в 1876 году от туберкулеза студенту Чернышеву («Замученный тяжкой неволей. . .»), стихотворение П. А. на смерть покончившего самоубийством в тюрьме в 1875 году студента Богомолова, поэму П. В. Григорьева о Каракозове, стихотворение неизвестного автора, посвященное умершему в тюрьме от чахотки учителю Трутковскому, стихи Ольхина и Григорьева — памяти казненного в 1878 году Ковальского, стихи Синегуба — памяти умершего в Петропавловской крепости в 1878 году участника кружка «чайковцев» Куприянова, стихотворения Синегуба, Богораза и Попова, обращенные к Софье Перовской, стихотворение Веры Фигнер «Памяти Баранникова» и пр. Наиболее выразительное обобщение этих известных и еще большего числа безымянных героев дал в 1877 году умирающий Некрасов:

Есть и Руси чем гордиться —
С нею не шути!
Только славным поклониться —
Далеко идти.

Вестминстéрское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей.

Мы приводили выше ленинские оценки революционной теории и практики 1870—1880-х годов. Слабые стороны народничества очевидны, однако никто и никогда не сможет отказать его деятелям в беспредельной преданности идеям революции, в беззаветном героизме и самопожертвовании, в нравственной красоте их подвига. «Деятели старой «Народной воли», — по словам В. И. Ленина, — сумели сыграть громадную роль в русской истории».[1] Смысл этой их роли состоял в том, что они революционизировали массу.

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 163.

«Кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса».[1]

Многочисленные высказывания В. И. Ленина о предшественниках русской социал-демократии ярко характеризуют эту сторону их подвига и не оставляют сомнения в его оценке. Ленин не раз писал о «корифеях революционной практики», о «блестящей плеяде революционеров 70-х годов», об их «беззаветной решимости и энергии», о «героях «Народной воли», о деятельности «геройских одиночек-народников»[2] и т. д.

Революционная поэзия создала образ поэта — борца за идеалы народа. В 1860-х годах этот образ почти исчерпывался известными строками «Поэта и гражданина» Некрасова, потом в 1870-х дополнился образом Григория Добросклонова, который как бы осуществлял завет поэта — «умрешь не даром, дело прочно, когда под ним струится кровь». С начала 1880-х годов типическим стал несколько иной образ — примерно тот, который был обрисован в стихотворении французского поэта Ж. Ришпена в запрещенном цензурою вольном переводе А. П. Барыковой. Теперь поэт призывает к себе «голь непокрытую», всех обездоленных и горемычных, всю «базарную рвань». Всех их он зовет к борьбе, чтобы добыть «широкую, вольную волюшку». Перевод Барыковой выражал новые настроения и новое понимание роли поэта. Недаром цензор иронически замечал, что «с этим воинством, набранным из самых грязных подонков общества, поэт намерен произвести социальный переворот».[3]

Поэт — не раб. Позорному кумиру
Хвалебных песен он не пропоет:
Скорей свою беспомощную лиру
О первый камень с гневом разобьет.

(«Глухая ночь... Ни проблеска,
ни света...» неизвестного автора)

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 416.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 326; т. 5, стр. 342, 345; т. 18, стр. 15, 445.

[3] «О бесцензурной книге «Отклик...» ЦГИАЛ, фонд 776, опись 20, дело № 345 III Отделения Главного управления по делам печати, л. 2 об.

Поэт — на переднем плане борьбы. Он воспевает революционный подвиг не со стороны, а борется в самой гуще народных масс. Он разделяет и все перипетии событий. XIX век определяется формулой П. Ф. Якубовича:

Музой был мне — сумрак каземата;
Цепь с веревкой — лиры были струны.

(«Из песен о молодом поколении»)

5

Вторая революционная ситуация 1879—1880 годов окончилась, как и первая, неудачей. И на этот раз реакция оказалась достаточно сильной, чтобы одержать верх. Крах революционных чаяний был обусловлен глубоко ошибочной политической теорией народничества, определявшей в эти годы развитие революционной мысли. Народники представляли собою группу интеллигентов: «широкого, действительно массового революционного движения не было».[1]

Революция не наступила, и началось время «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции».[2]

По верноподданной реляции Толстого[3]
Последний нигилист заклепан в Шлиссельбург, —

писал Н. А. Белоголовый в стихотворении «1888 год». Неустановленный автор в журнале «Набат» так характеризовал это время:

Время унылое. Грозное горе
Камнем тяжелым на сердце легло:
Счастья житейского светлое море
Кровью народной полно...

(«Нечего ждать»)

Я вижу тяжкие несчастья и страданья
Кругом все беззаветно гибнущих людей,
Их стоны громкие и громкие рыданья
Звучат как адский хор в груди моей.
Бушует зло... Тираны торжествуют
Над жертвами свободы мировой.

(«Хаос» П. А.)

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 257.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 267.
[3] Имеется в виду граф Дмитрий Андреевич Толстой, бывший в 1882—1889 годах министром внутренних дел.

Символом победившей реакции становится «дворник» — тот самый, о котором Н. С. Лесков писал, что полиция ему «верит больше, чем любому ученому и литератору».[1] В поэзии тех лет частая аллегория — два дворника: один сидит у ворот, другой, почти такой же безграмотный, сидит на троне (см., например, в «Общем деле» стихотворения «Царство дворников» и «Дворник»).

Разгром революции, победа реакции, жестокие репрессии, разочарование в не оправдавших себя методах революционной борьбы не могли не вызвать упадок сил и пессимизм у революционных деятелей, не могли не отразиться и в их поэзии.

Живой призыв к революционному действию, пропаганда восстания против самодержавия — то, что было основной темой в 1855—1875 годы, — постепенно уступает место другой теме, — в первую очередь переживаниям революционера. Его страдания в тюрьме, его мучения от бесперспективности становятся вскоре доминирующим мотивом поэзии.

Эти настроения особенно ярко выразились еще в сборнике «Из-за решетки», составленном заключенными в петербургском Доме предварительного заключения и переданном «на волю» для издания. Сборник был издан в Женеве в 1877 году и может служить выражением наступавшего нового этапа «вольной» поэзии. Накануне зарождения «Народной воли», когда стала ясной неудача революционных выступлений, родились и новые настроения. Эта поэзия создавалась в совершенно особых, ни с чем не сравнимых условиях. Она была выражением личного страдания, «неотвязчивого, как зубная боль» (Предисловие, стр. XXIV), и в то же время выражением твердости побежденного, но не сдавшегося поэта.

«Когда содержанием чьей-либо души являются общественные чувства и стремления, когда главный внутренний интерес человека сосредоточен на социально-политической задаче, тогда задушевное «лирическое слово» его не может иметь узко личного смысла» (стр. XXXI). Приведенными словами очень точно определяется значение этих стихов. Поэзия «менее даровитых, но сердцем чистых» людей, как писал некогда Огарев, не может быть обойдена при анализе русской революционной поэзии. Перед нами своеобразное расширение границ и пределов лирики: существенно «демократизуется» круг тем, читательское и целевое «назначение» поэзии определяется с максимальной четкостью, значительно расширяется круг участников этого поэтического движения. Характерное вообще для

---

[1] Н. С. Лесков. Русское тайнобрачие. Собрание сочинений, т. 6. М., 1957, стр. 599.

революционной поэзии третьей четверти XIX века это расширение с особенной яркостью проявилось в том специфическом жанре, который принято обозначать не вполне точным термином — тюремная поэзия. В списке поэтов этого рода находим: Бардину, Синегуба, Едукова, Помеху, Тихомирова, Морозова, Волховского и еще нескольких, оставшихся неизвестными. Стихи их были выражением гражданского чувства, облеченного в стихотворную форму.

Раньше стихи писали находившиеся на воле, активно участвовавшие в революционной работе поэты, верившие в близость народного взрыва. Теперь стихи стали писать находящиеся в тюрьме революционеры, никогда раньше не прибегавшие столь широко к этой форме для выражения своих чувств.[1]

В предисловии к называвшемуся уже сборнику «Из-за решетки» читаем: «Писание стихов не составляет специальности человека народного дела; даже те из них, которые были одарены природными наклонностями в этом направлении, будучи завалены более настоятельною и важною работою, не имели случая развить своего поэтического таланта» (стр. XXIII), теперь он пробуждается даже у тех, которые и не подозревали раньше о том, что они поэты.

В мемуарах Веры Фигнер хорошо описана обстановка, в которой происходило это, едва ли не массовое, поэтическое творчество. «Я написала стихотворения «К матери», «К сестре», «Старый дом» и другие. Товарищи последовали моему примеру, и в нашей жизни открылась целая полоса поэтического творчества: стихи посыпались со всех сторон. Объявилось шестнадцать поэтов, и каждый на свой лад забряцал на лире — Шлиссельбург превратился в Парнас; в тюрьме пошла такая трескотня в стену, что Морозов... не знал, куда деваться: «Спиритические духи, — говорил он, — завладели всем зданием». Увлеклись самые трезвые: реалисты Попов и Фроленко — и те написали по одному стихотворению. Воздержались лишь немногие, как Лукашевич, Янович, Ашенбреннер и некоторые другие. Писали разное: акростихи и сонеты, оды и поэмы. Панкратов изображал в стихах жизнь ростовских золоторотцев; Лаговский воспевал революционное знамя и другие возвышенные предметы. Писали в героическом роде, писали в тоне элегическом, кто во что горазд. Главной темой были воспоминания; они наиболее отвечали лирическому настроению, так свойственному первым годам заклю-

---

[1] Об этом выразительно писала Вера Фигнер, автор многих впоследствии очень популярных стихотворений. См. «Вместо предисловия» к 1-му изданию (1906) ее стихотворений. Перепечатано: Вера Фигнер. Полное собрание сочинений, изд. 2, т. 4. М., 1932, стр. 241.

чения. О качестве стихотворений я говорить не буду, несомненно одно — писание стихов облегчало тогда нашу жизнь, давая исход накопившемуся чувству; с другой стороны, взаимный обмен ими вносил некоторое разнообразие в одиночество, и это давало известное удовлетворение, а иногда приносило большую радость». [1]

Нарисованная В. Н. Фигнер картина очень типична. Примерно такого рода было стихотворчество и в Доме предварительного заключения, и в других местах. Стихи шлиссельбургских поэтов не смогли прорваться на волю, стихи петербургских, благодаря счастливой случайности, преодолели все препоны и издавались для того, чтобы они дошли до народа, т. е. с пропагандистскими целями, но перед нами пропаганда особого рода и характера.

Психология заключенного в тюрьме, оторванного от борьбы, которой он посвятил свою жизнь, от близких, вообще полностью изолированного от окружающей жизни, рождала эту специфическую форму выражения накопившегося чувства:

Проклятие! Пиши стихи в тюрьме,
Когда на воле ждет не слово — дело!

(Н. А. Морозов)

Тюремная обстановка невыносима; тоска, уныние, скука — вот слова, которыми заключенные чаще всего выражают свое состояние:

Однажды я в башне тюремной лежал,
Тоска мою грудь надрывала...

(«Тюремные видения» Н. А. Морозова)

Боже мой, какая скука
Заключенной быть в тюрьме!
Целый день лежать без звука
И без мысли в голове!

(С. И. Бардина)

---

[1] Вера Фигнер. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1932, стр. 54—55. Из воспоминаний В. Н. Фигнер видно, что стихи писали еще М. Бердягин, Ю. Н. Богданович, М. Ф. Грачевский, Г. А. Лопатин, И. Л. Манучаров, П. С. Поливанов. По подсчетам Н. В. Осьмакова («Из истории поэзии революционного народничества». Не издано), из числа участников революционного движения народнического периода свыше тридцати человек были в большей или меньшей степени причастны к поэтическому творчеству.

Тюремная камера, не без оснований, сравнивается с могилой:

Как тихо, покойно в могилке моей!
Здесь смерти безмолвье царит,
Не дремля стоит часовой у дверей
И крепко мой гроб сторожит.

(«Призрак» П. А.)

В этой могиле люди страдают, болеют, приходят в отчаяние:

Друзья! Страдать, как я страдаю,
Не дай бог никому из вас;
Я не живу, я умираю
Изо дня в день, из часу в час.

(«Друзьям» Ф. В. Волховского?)

Еще недавно, во время «хождения в народ», революционеры жили на лоне природы, теперь с особою остротою ощущается отрыв от нее:

Эх, кабы нам теперь да на луг, господа,
Да весь день промахать бы косою!
А как жар поспадет, и прилечь не беда
Где-нибудь под душистой копною.

(Л. Михайлов)

Прошла зима, прошло и лето,
Прошла и осень, и зима,
И вновь все зеленью одето,
А для меня — все та ж тюрьма!

(«Всё то же» Ф. В. Волховского)

В тюремной обстановке вполне закономерно, так сказать по контрасту, рождалась и созерцательная лирика, и лирика раздумий о небесных мирах, свободных от человеческих мук и страданий:

Там, средь движенья
Стройных светил мировых,
Нет треволненья
Бурь и страданий земных...

(Н. А. Морозов)

Страдающий в заключении поэт с любовью обращает свои стихи к матери (стихотворения С. И. Бардиной, Ф. В. Волховского, В. Х. Кравцова, В. Г. Богораза, П. Ф. Якубовича, В. Н. Фигнер и других), к оставленной на воле жене (Ф. В. Волховской, С. С. Синегуб и другие), но он хорошо всегда помнит, что гражданский подвиг выше любого частного дела. И жена осужденного тоже на высоте. Она готова заменить мужа в тюрьме, готова отдать палачам за любимого свою жизнь, но если он сдастся на милость победителя, станет просить о пощаде — тогда все кончено и любви нет места:

Лучше смерть, лучше холод могилы!
И отныне ты знай: ждет тебя ад иль рай —
Все равно ты мне больше не милый!

(«Песнь гражданки» Ф. В. Волховского)

Иногда революционная лирика использует традиционные образы религиозного мира. Тихомиров перелагает в стихи строки послания апостола Павла:

Время настало... Пути беспокойного
Видится близкий конец,
Вьется терновый венец
И для меня, недостойного...

(«Из апостола Павла»)

С. И. Бардина использует евангельский рассказ об отречении апостола Петра от Христа:

Мы были там... Его распяли,
А мы стояли в стороне
И осторожно все молчали,
Свои великие печали
Храня в душе своей на дне...[1]

В этой обстановке единственное, что дает силу вынести муки тюрьмы, — вера в правоту своего дела, непреклонное убеждение в том, что иначе поступать было невозможно. Томящийся в заклю-

---

[1] Ср. у Некрасова («Н. Г. Чернышевский»)
Его еще покамест не распяли...
и т. д.

чении борец знает, что жизнь его отдана не напрасно. Кровь, которую пролили за революцию,

Падет на деспота покров,
Пожаром вспыхнет перед ними!

(«Вербовчанину» В. Носова)

Во имя родины поэт-борец готов вынести любые тяготы:

Будь же ты, о родина, счастлива!
Мы ж смиренно в рудники пойдем,
И спокойно, кротко, терпеливо
Свой тяжелый крест мы понесем.

*(«Гибнем мы! Безумной злобы сила...»
неизвестного автора)*

Поэт-заключенный верит в свое дело, стоек в своих убеждениях, и только иногда в его стихах прорывается грустная дума о том, что вся его работа, все муки заключения, вся разбитая жизнь приведет к тому, что российский обыватель, с увлечением, а может быть, даже и с сочувствием прочтя его стихи, грустно вздохнет, а в день именин своего начальника

пойдет гнуть спину
Перед сиятельным ослом.

*(«Судьба русского поэта»
Ф. В. Волховского)*

Но такие минуты разочарований и смятения недолги. Поэт сурово обрывает себя и требует веры и выдержки:

Звать невозможно тебя человеком,
Если умеешь ты только рыдать.

(«Завет» неизвестного автора)

На данном этапе революция подавлена: революционеры хорошо это сознают. Наступило поражение, но не гибель надежд.

Обессиленный, заключенный в тюрьму революционер не теряет бодрости:

Пусть я в тюрьме, пускай я связан —
Все ж остается мне мой смех;
И им я доконаю тех,
Кому веревками обязан!

(Ф. В. Волховской)

Борьба должна длиться всегда, до победы, на воле и в заключении:

И если деспот хищною рукою
Тебя за горло схватит наконец
И ты не в силах будешь крикнуть: «К бою!»,
Хоть молча плюнь в лицо ему, боец!

(«Кричи! ..» Ф. В. Волховского)

Поэты знают свой удел и, не смущаясь им, готовы бороться:

Твердой поступью, с радостным взором
Мы на дело святое пойдем,
Не смущаясь толпы приговором,
Кровь свою за несчастных прольем!

(Неизвестный автор)

Подсудимые и осужденные — совсем не бессловесные и покорные люди. И со скамьи подсудимых, и из тюрьмы они продолжали борьбу. Процесс «193-х» прошел при явном перевесе сил и моральном успехе подсудимых. М. Д. Муравский, Ф. В. Волховской, С. С. Синегуб (или Н. А. Саблин) в нескольких стихотворениях сатирически осмеяли не удавшуюся правительству инсценировку.

Поэт должен бороться до последней капли крови и до последней минуты жизни. С петлей на шее он славит народ и свободу:

Прости, прости... Петля уж жмет,
В глазах темно, хладеет кровь...
Ура! Да здравствует народ,
Свобода, разум и любовь!!.

(«Последние минуты» Е. И. Минакова)

Едва ли не в каждом стихотворении каждого поэта — вера в светлое будущее, в грядущую свободу народа. Вера эта бесспорно искренна — без нее не было бы нравственной силы выдержать тяжелые годы испытаний, — однако она выражена общими словами Сколько-нибудь конкретный положительный идеал отсутствует:

Истина зло победит
И над униженным краем
Счастье и мир водворит.

*(«Два течения»
неизвестного автора)*

Или:

Придет пора, пробудится народ,
И старый мир среди огня и дыма
В потоках крови в бездну упадет.

(«Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...» неизвестного автора)

6

Разумеется, к стихам, возникшим в обстановке подпольной революционной борьбы, а потом тюремного заключения, нельзя было предъявлять требований утонченной формальной отделки. Профессиональные революционеры-поэты писали «по старинке», ориентируясь на то, что было в их сознании, на те стихи, которые они знали с детства.

И теперь прежде всего надо назвать песню как наиболее доходчивый и популярный жанр. Материалы судебного следствия по процессу «193-х» убедительно это доказывают. В обвинительном акте упоминаются многие сборники песен, нелегально и подпольно изданные, распространенные большими тиражами и оказывавшие на крестьян «вредное» влияние.[1]

Мы знаем, что А. А. Ольхин «просил доставлять ему песни, поющиеся среди фабричных, для переделки их в революционные».[2] «Переделки... народных песен, — свидетельствует Н. А. Морозов, — где осмеивались власти и самодержавные порядки... были здесь пущены в полный ход. С особенным воодушевлением пела толпа известный революционный вариант приволжской бурлацкой «Дубинушки». Среди общего смеха и гула так и гремели ее куплеты... Такие задирательные противоправительственные песни особенно соответствовали народному вкусу и вызывали в крестьянской публике неудержимый смех. Они тотчас заучивались и разносились присутствовавшими далее по деревням».[3] «Я напал на счастливую мысль: сложить революционные песни на готовые уже, всем известные народные голоса — „Камаринскую", „Здравствуй, милая, хо-

---

[1] В. Богучарский. Государственные преступления в России в XIX веке, т. 3. 1906, стр. 4—243.

[2] М. С. Друскин. Революционная песня народовольцев. «Советская музыка», 1934, № 3, стр. 50.

[3] Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 1. М., 1947, стр. 112—113.

рошая моя...", „Ах вы, сени, мои сени..."» — писал Ф. В. Волховской;[1] все эти песни действительно стали популярными в народе.

Составители сборника «Из-за решетки» подчеркивали, что «эстетические стремления» составляют неотъемлемую принадлежность «человека на всех ступенях культуры, и разве тот же «мужик», средоточие забот русского революционера, не складывает и не поет песен?» (стр. XXVI). Это относится, конечно, к любой эпохе революционной борьбы. «Он был одним из самых великих пропагандистов посредством песни», — читаем в статье «Правды» об авторе «Интернационала» Потье.[2] «Вот послушайте наши песни — в них наша вера», — говорит Миронов в повести М. Горького «Мать» (часть 1, глава 27).

Поэзия семидесятых и восьмидесятых годов XIX века в качестве своего первого учителя и вдохновителя по праву должна назвать имя Некрасова. Н. А. Морозов прямо указывает, что в повальном движении «в народ» «главным рычагом»... была поэзия Некрасова, «которой все зачитывались в переходном юношеском возрасте, дающем наиболее сильные впечатления... Некрасов же был великий поэт, его образы были могучи».[3] В том же роде свидетельство еще одного современника — Л. Г. Дейча.[4] В самом деле, достаточно внимательно прочитать стихи Ольхина, Оржиха, Морозова, Волховского, Синегуба и многих остающихся неизвестными авторов, чтобы понять, что их учителем был Некрасов. С Некрасовым связан печатавшийся в «вольной» поэзии Вейнберг — сатирическая ирония, переключающая «взгляд на природу» в социальный план (звезды «...милее те, что светят — На чиновничьем мундире»), стоит в прямой зависимости от манеры Некрасова. К Некрасову близок Ольхин, особенно в стихотворении на смерть Мезенцева, с «Кому на Руси жить хорошо» связана «Сказка...» А. П. Барыковой. Пафос гражданского долга — один из основных мотивов поэзии Якубовича, — конечно, тоже идет от Некрасова. Поэты повторяют не только отдельные интонации и стилистические приемы Некрасова, но и пользуются близкими к его тексту словами, с самой незначительной перефразировкой:

---

[1] Ф. В. Волховской. Ткач Петр Алексеев. СПб., 1906, стр. 10.

[2] «Правда», 1913, 3 января, № 2 (206).

[3] Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 1. М., 1947, стр. 435—436.

[4] Н. А. Некрасов и семидесятники. «Пролетарская революция», 1921, № 3, стр. 14.

Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...

(Б. Д. Оржих)

Дедов вина и беспечность отцов
Создали целое племя рабов...

(Н. А. Морозов)

Но не то тебе пало на долю:
Ты аскетом всю жизнь проживешь...

(Неизвестный автор)

Поэты 1870—1890-х годов писали не только под влиянием Некрасова, поэзия которого действовала уже опосредствованно. Они ориентировались на Плещеева, на Надсона. То, что было когда-то активным и действенным, нередко превращалось в общее место.

Бушует зло... Тираны торжествуют
. . . .
И тризну шумную их гибели пируют.

(«Хаос» П. А.)

Можно без особого труда составить перечень наиболее употребительных оборотов и образов этих поэтов.

Страдание — одно из наиболее частных обозначений состояния поэта: «Ярмо страданья за народ» (Белоголовый); поэты призывают учиться «страданью, жизни и любви» (Синегуб), вспоминают о жертвах страдания, о гнете страдания, о тяжких страданиях, пишут о гордом страдании.

Со страданием неизбежно сочетаются образы деспота и тирана, которые являются как бы родовым обозначением для всякого источника угнетения: «хищная рука деспота», «греми на деспота проклятьем», «с деспота сорвать венец» (Волховской), тиранам беспрерывно посылается проклятие, им напоминается о грядущем грозном (или гордом) мстителе.

Страданию, деспотизму, тирании неизменно сопутствуют — рабы, палачи, злодеи, оковы и цепи. Перед нами все время кровавая борьба, кровь, которая проливается за правду, кровь правды, кровь борцов и т. д.

Самодержавный мир характеризуется как царство лжи, произвола, мрака, а путь борца — как пути (дороги) тернистые, тяжкие, роковые (роковая судьба, роковой или тяжкий жребий). В этом «жалком мире» властвуют «губительный гнет», «ярмо рабства», раздаются «адские стоны», происходят «адские деяния», перед ними «власть зла», «царство неправды и зла» и обязательный, после Плещеева и Надсона, Ваал.

Всему этому противопоставляется свобода — «святая свобода», многократно использовано «солнце свободы» («Солнце свободы взойдет», «Веря, что солнце свободы взойдет» — Б. Д. Оржих); поэт дал «клятву за свободу», вспоминает «сынов свободы», «работников свободы», «родник свободы», «он дышит свободой», горюет о «забитой свободе». «Казненная свобода» «лучезарная свобода», «свободная мысль» присутствуют едва ли не в каждом стихотворении. К свободе примыкают почти столь же частые «глагол истины», «глагол правды», чистая, нетленная, гордая или горячая любовь, любовь к истине и правде и т. д.

Любимый эпитет «святой» чаще всего употребляется в значении священный — святой труд, святая истина, святая правда, святой день, святое дело, святая работа, святое братство, «святой свободы чистый пламень», «огонь святой любви к свободе», «жажда к подвигам святым», «святая личность человека», «факел истины святой», «святые дни» и т. д.

Тут же следует упомянуть и о Добре и Зле, которые часто встречаются в качестве понятий, перерастающих в символы нового и старого мира или в абстрактные формулы философского порядка.

Удивительное постоянство и устойчивость этих эпитетов и образов свидетельствует и о бедности изобразительных средств. Однако подлинность человеческих переживаний, внутренняя энергия стиха нередко заслоняли в сознании читателя однообразие лексики:

И вот скуешь железный стих!
В него положишь ты всю душу.
Он — наболевший сердца крик,
Он — кровь, забившая наружу...

(«Судьба русского поэта» Ф. В. Волховского)

Обращаясь к молодежи, авторы предисловия к сборнику «Из-за решетки» писали: «Пусть вынесут они из этих скорбных песен — не всегда складных, но всегда вполне искренних, — побольше того

духа, о котором говорится: не бойтеся убо убивающих тело, души же убити не могущих» (стр. XXI—XXII).

Тургенев, по его собственным словам, сочувствовал «цели и направлению» изданий типа сборника «Из-за решетки». И тем не менее, получив от Г. А. Лопатина книгу, он в ответном письме противопоставил «горькой, жизненной правде» стихотворений, составивших этот сборник, понятие таланта. Стихи эти, по его словам, искренни, но, за незначительными исключениями, неталантливы. «А обилие минорных (весьма, впрочем, понятных) тонов, на которые намекает сам издатель, в общем возбуждает чувство сострадания, жалости — скорей, чем негодования. Нет; поэт этой эпохи народной жизни еще не пришел... хотя я не сомневаюсь, что он появится. Все это пока — лепет да плач... Всякий пострадавший, например, имеет полное право проклинать «тиранов»; но если он делает это в стихах — то пусть его проклятие будет столь же красиво и сильно — или пусть он проклинает прозой».[1]

Абстрактный идеал незыблемой эстетической нормы помешал Тургеневу увидеть и оценить ростки того нового, что вскоре определило поэзию пролетарского периода. Среди шести-семи десятков поэтов, связанных так или иначе с традициями «вольной» поэзии, наряду с второстепенными, малооригинальными поэтами мы встречаем и поэтически своеобразных Бардину, Клеменца, Морозова, Мачтета, Барыкову, Якубовича, Ольхина, Синегуба, Волховского и некоторых других. Рядом с ними стоят и такие попутчики, симпатизировавшие отдельным фактам и эпизодам революционной борьбы, как Боровиковский, Полонский и другие. Поэтические достижения «вольной» русской поэзии второй половины XIX века переплетаются с большими историческими задачами, поставленными перед ней эпохой.

7

Ориентация народников на крестьянство, как на единственную активную историческую силу, была ошибочной. В. И. Ленин указывал, что деятельность революционеров этого периода шла по неверному пути, потому что «исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле

---

[1] И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 12. М., 1958, стр. 521—523.

крестьянство не представляет из себя особого класса... так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата». [1]

«Рабочий люд», который упоминается в стихотворении неизвестного автора «Не трава в степи колышется...» (1876) — это еще не рабочий. Перед нами общая формула трудящегося:

Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.

То же и у Морозова, когда он пишет:

И проснулся рабочий на бой

(«Памяти 1873—75 гг.»)

Поэзии решительно не хватало образа рабочего, не хватало настолько, что в 1883 году пришлось воспользоваться переводом «Ткачей» Гейне. «Дума ткача» С. С. Синегуба, «Ночью» Морозова, «Недоразумение» Н. А. Саблина не могли изменить положение. В стихотворении того же Синегуба, посвященном знаменитой речи Петра Алексеева, как уже отмечалось в литературе, дан вовсе не образ рабочего-революционера: перед нами вообще «бунтарь» из народа. «Песня рубильщиков» Якубовича — песня подневольных каторжан, а не пролетариев, и т. д.

Поэзия второй половины XIX века, в силу своей исторической ограниченности, не сумела увидеть нарождающийся класс рабочих и понять историческую роль пролетариата. Тем самым она не смогла разрешить и проблему изображения рабочего класса. Эту задачу смогла выполнить только массовая пролетарская поэзия на новом этапе развития освободительной борьбы, когда роль организатора и творца революции перешла «от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов». [2]

Эта новая поэзия была исторически связана с предшествующим периодом «вольной» русской поэзии революционной демократии и революционного народничества. Эта преемственность отчетливо видна в лирике пролетарских поэтов, в их «перекличке» с Некрасовым, Курочкиным, Синегубом, Волховским, Мачтетом, Пальминым, В. Богдановым, Якубовичем, Фигнер и другими. Это было «принци-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 261.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 97.

пиальное и последовательное стремление лучших представителей поэзии рабочего класса к действенному освоению художественного наследия».[1]

«Вольная» русская поэзия второй половины XIX века создала стихотворения, навсегда вошедшие в русский революционный репертуар, ставшие, так сказать, классическими. Многими десятилетиями измеряется популярность стихотворений «Памяти Рылеева», «Когда я был отроком тихим и нежным...», «Из-за матушки за Волги...» Огарева, «Двуглавый орел» В. С. Курочкина, вероятно его же «Долго нас помещики душили...», «Славься свобода и честный наш труд...» неизвестного автора, «Замученный тяжкой неволей...» Г. А. Мачтета, «Дубинушка» А. А. Ольхина, «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...» А. Л. Боровиковского, «Полюбила ты брата убогого...» С. И. Бардиной, «Доля» и «Барка», приписывающиеся Д. А. Клеменцу, «Отречемся от старого мира...» П. Л. Лаврова, «Смело, друзья! Не теряйте...» М. Л. Михайлова, «Узница» Я. П. Полонского и другие — все они в той или иной степени звали к революционному подвигу, все они были действенной формой пробуждения революционных идей в самых широких массах.

«Русь нуждается в бодрых песнях», — писал М. Горький Д. Н. Семеновскому.[2]

Эти бодрые песни вольнолюбивой русской поэзии прошли долгий и сложный путь и внесли свою долю в победу русской революции. Многие из песен, сложенных в 1850—1880-х годах, с изменениями, вызванными обстоятельствами времени, продолжали свою жизнь и впоследствии. Достаточно напомнить «Думу ткача» Синегуба, «Думу кузнеца» Клеменца, солдатскую песню «Братцы! Дружно песню грянем...» и другие — все они дожили до революции 1905 года, когда распевались восставшим народом на фабриках и в боях. Не говорю уже о «Дубинушке», о «Марсельезе» Лаврова, ставшей прототипом целого ряда песен аналогичного характера, о похоронном марше «Вы жертвою пали...», прочно вошедшем в советскую традицию с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. Нельзя забыть и о том, что песня Навроцкого «Есть на Волге утес...» была в 1905 году трансформирована в песню о восстании в Черноморском флоте, а в дни Великой Отече-

---

[1] А. Л. Дымшиц. Поэты пролетарской революции. Сб. «Революционная поэзия (1890—1917)». Л., 1954, стр. 26.

[2] Д. Н. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., 1940, стр. 19.

ственной войны была использована как основа для ряда песен о героической защите Сталинграда.[1]

Таковы были исторические судьбы «вольной» русской поэзии второй половины XIX века, к изучению и популяризации которой настойчиво призывал Владимир Ильич Ленин.[2]

С. А. Рейсер

---

[1] См. собранные А. М. Новиковой материалы в ее статье «Революционные песни XIX века в эпоху массового рабочего движения». «Ученые записки Московского областного педагогического института», т. 40, вып. 2, 1956, стр. 153—197.

[2] См. В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях. «Литературная газета», 1955, 21 апреля, № 48.

Собранные в этой книге стихотворения охватывают эпоху второго, «разночинского», по определению В. И. Ленина, этапа русского революционного движения — с середины 1850-х до середины 1890-х годов.

Материал расположен по сборникам и другим источникам (периодическим изданиям, листовкам и пр.) в хронологической последовательности их выхода в свет, с незначительными отступлениями от этого принципа, чтобы не разрушать цельности изданий той или иной группы. В последнем разделе собраны стихотворения, не напечатанные в составе предшествующих сборников, — ходившие по рукам в списках или напечатанные в легальной печати.

Стихотворения печатаются в редакциях, распространявшихся в революционных кругах.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Лондон. 1855—1869

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Как восьмого сентября
Мы за веру и царя
    От французушли.
И так храбро отступали,
Что всех раненых бросали
    Умирать в степи.
Меньшик, умный адмирал,
Суденушки потоплял
    В море-пучине.
Молвил: «Счастия желаю»,
Сам ушел к Бакчисараю,
    Ну вас всех...
Сент-Арно позакопался,
Он учтиво обращался —
    Сзаду обошел.
Кабы нам да в этот вторник
Не помог святой угодник,
    Всех бы нас забрал.
С моря, с суши обложили,
Севастополь наш громили
    Из больших маркел.
Духовенство всё молило,
Чтоб француза потопило, —
    Бурю бог послал.

Была сиверка большая,
Но француз, не унывая,
На море стоял.
И князья к нам приезжали,
Да француза не спужали, —
Всё палит с маркел.
Штуцеров мы поджидали,
Да гвардейцы их забрали, —
Видно, им нужней.
Из-под града Кишинева
Ждали войска мы большого, —
Войско подошло.
Даненбергу поручили,
Его очинно просили
Войска не жалеть.
Павлов, Соймонов ходили,
Круты горы восходили,
Вместе не сошлись.
А Липранди хоть видал,
Как француз одолевал, —
Руку не подал.
Тысяч десять положили —
От царя не заслужили
Милости большой.
Князь изволил рассердиться:
Наш солдат-де не годится,
...показал.
Из сражения большого
Вышло только два героя,
Их высочества.
Им повесили Егорья,
Повезли назад на взморье,
В Питер напоказ.
Зимой вылазки чинили,
Много войска положили, —
Всё из-за туров.
Меньшик просит подкрепленья,
Царь ему во утешенье
Сакена послал.
Меньшик, умный адмирал,
Царю прямо отписал:
«Батюшка, наш царь,

Ерофеич твой не крепок,
От твоих же малолеток
    Толку ничего».
Царь на Меньшика серчал,
И в ту пору захворал
    На одном смотру.
И отправился на небо,
Видно, в нем была потреба, —
    И давно пора!
А когда же умирал
Сыну крепко наказал:
    «Ты теперь смотри!»
Сын же к Меньшику писал:
«Ты, мой милый адмирал,
    К черту, брат, тебя.
Я пошлю туда другого,
Того князя Горчакова,
    К турку что ходил;
Много войск ему не надо,
Будет пусть ему награда
    Красные штаны».
Посылали тут Хрулева
Выгнать турку из Козлова, —
    Наша не взяла.
И вот ждем и поджидаем,
Севастополь защищаем, —
    Скоро ль отойдет?

Между сентябрем 1854 и мартом 1855

Л. Н. ТОЛСТОЙ

* * *

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
    Горы занимать.
Барон Вревский енерал
К Горчакову приставал,
    Когда под шефе:

«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мной ты в споры, —
    Право, донесу».
Собирались на советы
Всё большие эполеты,
    Даже Плац-Бекок.
Полицмейстер Плац-Бекок
Никак выдумать не мог,
    Что ему сказать.
Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
    На большом листу.
Чисто писано в бумаге,
Да забыли про овраги,
    Как по ним ходить.
Выезжали князья, графы,
А за ними топографы
    На большой редут.
Князь сказал: «Ступай, Липранди!»
А Липранди: «Нет, ата́нде,
    Я уж не пойду;
Туда умного не надо,
А пошли-ка ты Реада,
    А я посмотрю».
А Реад — возьми да спросту
Поведи нас прямо к мосту:
    «Ну-ка на уру!»
Веймарн плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал;
    «Нет, уж пусть идут».
И «уру» мы прошумели,
Да резервы не поспели,
    Кто-то переврал.
На Федюхины высоты
Нас всего пришло две роты,
    А пошли полки.
Енерал-то Ушаков,
Тот уж вовсе не таков,
    Всё чего-то ждал.
Долго ждал он, дожидался,
Пока с духом не собрался
    Речку перейти.

А Белявцов енерал,
Тот всё знамем потрясал,
    Вовсе не к лицу.
Наше войско небольшое,
А французов ровно вдвое,
    И сикурсу нет.
Ждали — выйдет с гарнизона
Нам на выручку колонна,
    Подали сигнал.
А там Сакен енерал
Всё акафисты читал
    Богородице.
И пришлось нам отступать,
. . . .
    Кто туда водил?!
А как первого числа
Ждали батюшку-царя
    Мы у Фот-Сала.
И в усердном умиленьи
Ждали все мы награжденья, —
    Не дал ничего.

Август 1855

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

КНУТ

(Подражание «Ветке Палестины» Лермонтова)

Скажи мне, двигатель народный,
Симвóл народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесен откуда ты?

От стран ли дикого Востока
Пришел ты в обществе меча,
В руках ревнителей пророка
Слепому рабству нас уча?

Иль, чуждого происхожденья,
Ты по сродству нам близок стал,
И ни единого мгновенья
Еще нерусским не бывал?

Скажи мне: грешною спиною
Тебя кто первый перенес?
От униженья ль пред тобою
Он лил потоки горьких слез?

Иль, честью не обеспокоен
И крепок выей и хребтом,
Он был равно тебя достоин
Перед людьми и божеством?

Меж нами действуя свободно,
Пришлец в России вековой —
Ты лучший страж любви народной
И власти верный часовой!

<1858>

СКАЗКА

Я когда-нибудь сберусь
Сказку вам сложить про Русь,
Про царей ее державных,
Про людей, отвагой славных,
И про разные дела —
С той поры, как начала
Русь считаться государством,
Не спускать заморским царствам,
Да врагам давать отпор...
Но покамест сказкой длинной
Я вам, други, удружу, —
На обычай, на старинный,
Я вам присказку скажу:

Гей!.. Садись, честной народ!
Разевай пошире рот,

Придвигай скамьи к огню, —
Слушай присказку мою!..

Долго бывши старшиною
Над славянскою страною,
Князь маститый Гостомысл
Потерял под старость смысл.
И пред смертною кончиной
На болезненном одре
Он сказал перед дружиной:
«Надо думать о царе...
Вы одни не уживетесь,
Как бараны, вы деретесь;
Так плывите за моря
Выбирать себе царя!»

Вот и поплыли бараны
За царем в чужие страны
(Словно не было кого
Взять из стада своего)
И, приехавши к соседям,
Поклонились им челом,
Подарили их медведем,
Соболями и добром,
И чеканным серебром,
И сказали: «Край наш силен,
Он велик, как белый свет,
Он богатствами обилен —
Да порядку лишь в нем нет!
Так нельзя ли нас уважить:
К нам пожаловать и княжить?»

А соседи отвечали:
«Мы об вас давно слыхали,
Рады мы вам сделать честь,
На престол к вам рады сесть!»

И пришли на Русь варяги,
Безземельные бродяги;
Стали княжить, не шутить,

А славяне — им служить...
Много времени прошло,
Много море унесло;
Но с тех пор судьба народа
Всё в руках чужого рода;
И до нынешних времен
Нам варяг дает закон...
Край славянский так же силен,
И богатствами обилен,
И велик, как белый свет, —
А порядку нет как нет!
Что за притча? Что за диво?
Как же жить ему счастливо?
Или нам других царей
Надо звать из-за морей?

Не шуми, честной народ,
Не дивись разиня рот!
Подвигай скамьи к огню,
Слушай присказку мою!

Но всему конец бывает,
Так и присказке моей...
Кто же, братцы, отгадает,
Что за мысль сокрыта в ней?
Кто не понял, пусть вспомянет
Притчу старую одну,
Притча эта не обманет,
Говорили в старину:
«Кто урод был в колыбели —
До могилы тот урод!»
(Так и русский, знать, народ).
Други, что ж, теперь яснее
Стала присказка моя?
Да? Так знайте про себя!

<1858>

Н. П. ОГАРЕВ

ИСКАНДЕРУ

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомóщный,
Сквозь все завывания ветра ночного,
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И всё-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода
И рук для борьбы захотела свобода, —
Сейчас полечу на защиту народа!
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный, в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого:
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

1858

В. М. МИХАЙЛОВ

ИЗ «WINTERMÄRCHEN»

<Из Гейне>

Редеют туманы, и первым лучом
Румяной зари освещен
Вот крест с изваяньем того, кто на нем
Неправедно был пригвожден.

Прискорбно стесняется сердце мое
При виде твоем, Назарей,
Мечтатель, безумец божественный, всё
Забывший для блага людей!

Собор фарисейский коварно, безбожно
На гибель тебя осудил,
Зачем же так смело, так *неосторожно*
Ты равенству, братству учил?

Не был, по несчастью, во время твое
Известен печатный станок, —

Особою книжкой ученье свое
Пустить бы вернее ты мог.

Цензура, приличие нравов любя,
Смарала бы много в ней мест,
Как добрая мать охраняя тебя,
И ты не попал бы на крест.

Как жаль, что с талантом твоим и умом
Ты не́ взял для речи Нагорной
Хоть текста другого, чтоб легче потом
Сойтись с синагогой упорной.

Сплеча бичевал ты злодейство, порок,
За что и прослыл вольнодумцем.
Был предан и распят — в урок
Подобным грядущим безумцам.

<1859>

Д. Т. ЛЕНСКИЙ (?)

ПОМОЙНАЯ ЯМА

Басня

На улице и длинной, и широкой
И на большом дворе стоит богатый дом;
И со двора разносится далеко
Зловоние кругом.

А виноват хозяин в том.
«Хозяин наш прекрасный, да упрямый, —
Мне дворник говорит, —
Раскапывать велит помойную он яму,
Но чистить не велит».

1855 (?)

И. С. ТУРГЕНЕВ (?)

КНУТ

Ремянный кнут, не безуханный,
Забытый в поле, вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто дал тебе твой вид приятный?
Тебя тесемкою обвил?
И кто твой кончик сыромятный
Так превосходно прикрепил?

Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек,
С тяжелой, легкой ли рукою?
А главное — кого ты сек?

Стегал ли ты клячонки жалкой
Хребет и впалые бока?
Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по ... мужика?

Мужчин ли больше ты исправил,
Иль также женщин поучал?
И тот зачем тебя оставил
Кто, кнут, тобою обладал?

Ты, громко девок вызывая
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?

Иль, может быть, о бич славянской,
Вооружась тобой, холоп
Дал заднице понять дворянской
Тоску простых мужичьих ...?

И что б ни делал ты доныне,
Привет тебе усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Симвóл страны моей родной!

<1859>

Н. А. НЕКРАСОВ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальных
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет,
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы — равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога
Погибла даром жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал,
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкой,
Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденьи прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой,
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектеру,

Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на север перебрался...

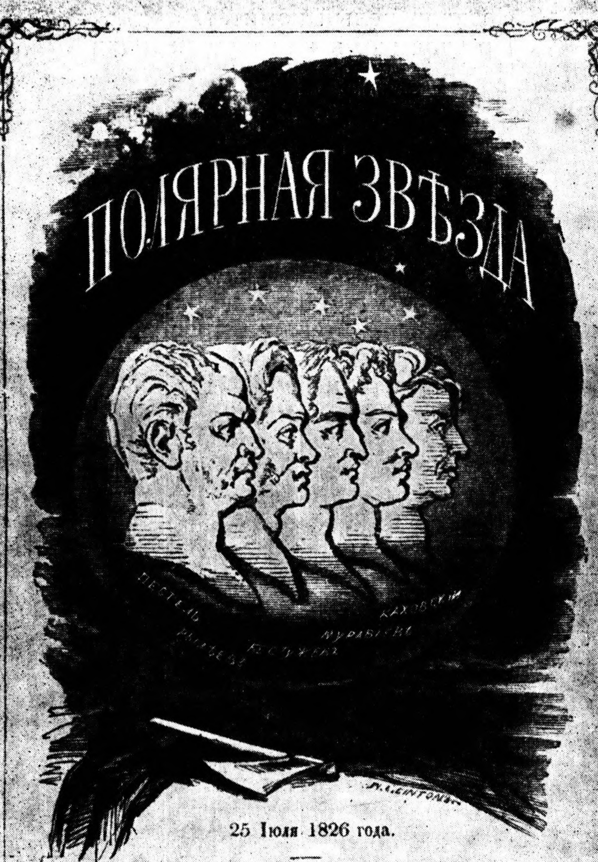
Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В бореньи пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличеньи зла.

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов,

Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвеньи истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг, —
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока...
В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шел один неколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли бога)
Сказать полезного успел
И, может быть, бы уцелел...
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру,



25 Іюля 1826 года.

ЛОНДОНЪ

S. THORZEWSKI & Co.

POLISH LIBRARY 10, GREEK STREET, SOHO;

TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW.

1855

Послушав наконец клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Палач науки Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..»
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... И о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре

Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь? .. Невелико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

1855

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ВОЖДИ СВОБОДЫ

1

На соломе лежал он в темнице сырой...
Сквозь решетку сиял утра луч золотой,
И ходил он узором по мокрой стене,
Видны вольные птицы и небо в окне,
Видны в огненном море плывут острова...
И леса, и заря, и небес синева!
А кругом давят своды темницы сырой,
Да железо звенит и блестит под рукой.
Он в темнице сырой неподвижно лежал,
И с крестом перед ним черный инок стоял.
Крест горел серебром на пурпурных лучах...
Горе тайное — в мрачных монаха чертах...

«Завтра казнь! Топор широкий
Эту голову отрубит...
Я покоен! Кто жалеет —
Будет плакать, если любит...
Будет злобно издеваться
Над моим кровавым телом
Сонм рабов тупых и диких,
Низких духом, подлых делом...
За свободу, за свободу
  Я страдал и бился,
За свободу богу силы
  Пламенно молился!
Но растет тупая сила
  На бою упорном,

И распнет она свободу
    На кресте позорном!
И умру я бесполезно,
    Кровь прольется даром...
Смерть покончит с жизнью счеты
    Топора ударом!»

Он упал на солому со стоном глухим...
А монах неподвижно стоял перед ним,
    И глаза его дико сверкали,
И таинственно-тихо кровавым огнем
Осветили лучи его лик, и на нем
    В светлотенях, бледнея, играли...

«Нет, брат мой, нет! — заговорил, —
Нет, кровь людей не льется даром,
Ты в души искры заронил,
И вспыхнут искры те пожаром...
Ты дело жизни совершил,
И подвиг смерти пред тобою;
В венце терновом в сень могил
Иди с подъятой головою!..
Бесполезной жизни цепи
    Я влачил, страдая,
Я постился и молился,
    Плача и рыдая.
Власяницу и вериги
    Я влачил, страдая.
И восстать я мнил духовно,
    Тело убивая.
Но творец создал природу
    В красоте и силе,
Мы ли смеем жизнь святую
    Торопить к могиле?
Я смотрел на гнет безмолвно,
    Ты ж за братьев вечно
Исходил в борьбе упорной,
    В муке бесконечной...
Я — мертвец — смотрел бессильно,
    Ты и жил, и бился!..»
И монах перед страдальцем
    Тихо преклонился...

2

А тиранство тупое сурово
Налагает на волю оковы,
И мученья великого стон
Носит ветер от разных сторон...
Задыхаются люди от злобы —
Кровь, да цепи, да черные гробы!
И волнуется глухо народ,
И на битву свободы идет...

<1861>

ФАНТАЗИЯ

Шибко по полю мчится дорожный возок,
Под дугой заливается яркий звонок,
И от звона пугается стая ворон,
И далече разносится грохот и звон...
И безмолвно вперяюсь я в тусклую даль,
И чего-то я жду, и чего-то мне жаль,
И всё чудится, будто встают мужики,
И острят топоры, и сбирают полки,
И огромною ратью идут без бояр
На Москву да на Питер... А в поле пожар
И гудит, и визжит, озаряя им путь,
«Не бе́лые снеги́» надрывают им грудь,
И поют мужики... Вот и Кремль, и Москва...
И кати́тся одна за другой голова —
Что-то грозное будет...

Шибко по полю мчится дорожный возок,
Под дугой заливается яркий звонок,
И от звона пугается стая ворон,
И далече, далече проносится звон...
И безмолвно вперяюсь я в тусклую даль,
А на сердце и мщенье, и желчь, и печаль...
И всё чудится: будто бы цепи звенят,
Но ни вопля, ни слез — лишь проклятья гремят,
«Не белые снеги» надрывают нам грудь,

И мы в каторжных шубах, и долог наш путь...
А вокруг собралися попы да полки,
И акафисты правят, и точат штыки —
Что-то страшное будет...

Шибко по полю мчится дорожный возок,
Под дугой заливается яркий звонок,
И от звона пугается стая ворон,
И далече разносится грохот и звон...

<1861>

ФЕЙЕРВЕРК

Я страшный видел сон. Мне снилось, будто где-то,
В каком-то смрадном я вертепе заключен.
Запоры да замки, ни воздуха, ни света,
И душно было мне. Кругом я слышал стон,
Да свист бичей, да жертв отчаянные крики,
Проклятья и мольбы, и хохот палачей,
Напевы пьяные каких-то песен диких,
И стук оков, и звук бряцающих цепей.
Обширен был вертеп, людей в нем было много,
И всё томилося впотьмах и духоте...
И терлись между них назойливо и строго
Тюремщик да палач. Привычный к темноте
Их глаз следил за всем, их ухо каждый шепот,
Казалось, слышало, ловило всякий плач...
И — горе бедняку! За жалобу, за ропот
На истязание тащил его палач.
И всем внушали нам, чтоб были мы покорны,
Что бог нам так велел, что нету благ иных,
Что блага прочие мечтательны и вздорны,
Что смирных возведут в тюремщики самих,
И право, в свой черед, дадут им безгранично
Губить, и буйствовать, и грабить, и душить.
Что можно красть и лгать, но ловко и прилично;
Что всё тому простят, кто мастер доносить.
И узников народ, казалось, примирился
С своею долею; под бременем оков

Несчастный по уши погряз и опустился
В пороки гнусные подавленных рабов:
Невежество, обман, и ложь, и лицемерье,
Мздоимство, подкуп, лесть, наветы и подлог,
И веру для него сменило суеверье,
И стало золото ему единый бог.
Из удушающей атмо́сферы насилья
Исхода я искал, но заперт был исход,
И стерегло его народное бессилье,
И жалко было мне подавленный народ
В его падении, в его несчастной доле;
Безвестный всем певец, душою я скорбел,
Поклонник пламенный добра, любви и воли,
Хоть песней узников утешить я хотел
И в памяти поднять забитого народа
Слова, которые давно утратил он.
Сказать, что есть и свет, и право, и свобода;
Напомнить узникам, что сила не закон,
Что быть осиленным насилием возможно,
Но права признавать насилия не должно;
Что́ всё невольное обманчиво и ложно,
Коварно, пагубно, неправо и темно! . .
Мой голос с первых слов шпионы услыхали,
Напали на меня тюремщики толпой,
И подняли бичи, и яму указали,
И рот зажали мне нечистою рукой.
. . . .
Вдруг что-то странное в вертепе совершилось:
Внезапно ослабел давивший душу гнет,
Громадная тюрьма как будто оживилась,
Вздохнул, задвигался колодников народ. . .
На час, казалося, замолкли плач и стоны;
Пахнуло воздухом; мелькнул отрадный свет;
Тюремщик был в слезах, в смущении шпионы,
И узники толпой кричали мне: «Рассвет!»
И чей-то голос вдруг, подобно сладкой песне,
Раздался с высоты: «Вставай, народ-мертвец!
Вставай, униженный! Подавленный, воскресни!
Конец насилию, цепям твоим конец!»
И мы поверили отрадному обету
(В несчастье верится так скоро и легко!),
Навстречу бросились мерцающему свету;

Но свет бежал от нас, блистал он далеко. . .
И это был не он, тот свет животворящий,
Свет вечный, истинный, то был не солнца свет,
А просто фейерверк трескучий и блестящий,
Иллюминация, минутный блеск ракет;
В его колеблемом, сверкающем сияньи
Едва успели мы друг друга опознать;
Про наши бедствия, неволю и страданье,
Про наши тяготы взаимно рассказать;
Оно лишь ужасы яснее озарило,
Которые доселе от нас таила тьма! ..
Но фейерверк угас, и всё опять как было,
И те ж тюремщики, шпионы и тюрьма.

<1861>

В. С. КУРОЧКИН

НАВУХОДОНОСОР

<Из П.-Ж. Беранже>

1

В давно минувшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка;
Оно для древних было ново.
Но льстили точно так же встарь,
И так же пел придворных хор:
«Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!»

2

«Наш царь бодается, так что ж,
И мы топтать народ здоровы, —
Решил совет седых вельмож, —
Да здравствуют рога царевны!
Да и в Египте, государь,
Бык божество с давнишних пор, —
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!»

3

Державный бык коренья жрет,
Ему вода речная — пойло.
Как трезво царь себя ведет!
Поэт воспел царево стойло.
И над поэмой государь,
Мыча, уставил мутный взор —
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!

4

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной,
Что из сердец ему алтарь
Воздвиг народный приговор, —
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!

5

Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,
Но под ярмо жрецов попал
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь
За приговором приговор, —
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!

6

Тогда не вытерпел народ,
Царя избрал себе другого.
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного.
Как злы-то люди были встарь!

Придворным-то какой позор!
Был съеден *незабвенный* царь
Навуходоносор!

7

Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышённой —
Да и цензурный комитет
Ее одобрит непременно;
А впрочем, слово «государь»
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь —
Навуходоносор!

Между 1855 и 1858

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

БАСНЯ

(Посвящается генералу Чевкину)

Раз до царя животных Льва
Дошла, не знаю уж откуда,
Молва
Про редкие способности Верблюда.
И вот —
В тот самый год,
По высочайшей воле, быстро
Достиг Верблюд до звания министра.
В восторге земноводный мир,
Что дан им новый командир!
Но от Верблюда
Напрасно ждали чуда:
Он поперег
Большой дороги лег,
И больше уж по ней никто пройти не мог.

После октября 1855

НА КОНЧИНУ Е. И. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Умерла императрица...
Что же вышло из того?
Будет горько плакать Ницца,
А Россия — ничего.

1860

ПОСЛАНИЯ

1

Из Петербурга в Москву

У царя у нашего
Верных слуг довольно,
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно.

Влепят в наказание
Так ударов со сто,
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

2

Из Москвы в Петербург

У царя у нашего
Всё так политично,
Что и без Тимашева
Высекут отлично;

И к чему тут здание
У Цепного моста?
Выйдет приказание —
Отдерут и просто.

1860 или 1861 (?)

Н. П. ОГАРЕВ

ЗАБЫТЬЕ

Я сплю иль нет? .. Что это — ночь иль день?
Пора ли встать? Иль медленная лень
Даст мне понежиться и члены порасправить
И полусонный мозг на волю грез оставить?
День без утра, иль утро без зари...
Опять туман! Куда ни посмотри —
Сырое реянье в протяжном колебаньи...
Всё зыбь — как на море. Я, точно наяву,
Куда-то вдаль на корабле плыву —
С волны и на волну в размеренном качаньи.
Исчезли берега, в тумане небеса,
И только плеск кругом, всё только плеск бессвязный,
Безостановочный, глухой, однообразный,
Да ветер свищет в паруса.

Куда плыву? С чего сердечный трепет?
Не близки ли знакомые края?
И ты не лжешь — надежды тайный лепет?
Чу — в воздухе морозная струя!
Туман упал под ледяным дыханьем,
И ярко блещет день ликующим сияньем.
Передо мной лежит и искрится вдали
Равнина белая в серебряной пыли;
По ней, где кучками, а где поодиночке,
Чернеются рассеянные точки —
Дома, деревни, города,
И люди жмутся, как стада.

Прощай, пловучий дом с свободным, красным
флагом! ..
На лед прибережный ступил я скользким шагом
И, пробираяся утоптанной тропой,
Я миновал сугроб, метелью нанесенный,
И выхожу на путь, санями улощенный...
Печален плоский край с замерзшею рекой!
Безвестным странником вхожу я в город людный,
Прямые улицы, высокие дома...
Знакомый мне дворец, знакомая тюрьма,

И медный богатырь в посадке многотрудной,
Сто лет уже взмощенный на гранит,
На медной лошади безмолвие хранит.
А люди около мелькают постоянно:
Курьеры вскачь спешат, как на пожар,
Летит жандарм — архангел царских кар;
Чернильный мученик — чиновник бесталанный —
Пешком усердствует со связкою бумаг;
Идут ряды солдат — сто ног в единый шаг,
И всюду суета да грохот барабанный...
Лишь редкий гость — брадатый раб, мужик —
Сторонится и головой поник,
Глядя в унынии на город чужестранный.
Бывало, тоже гость, невольный иль незваный,
Тоскуя, проклинал я бледный небосклон,
Мундиры и гранит, весь новый Вавилон,
И мерил с ужасом его тупую силу...
Теперь, я знаю, он — торопится в могилу.

Толпа стоит без шляп — и в санках проскакал,
В шинели до ушей, какой-то генерал —
Вид озабоченный, военная посадка,
И зыбкость помысла, и робкая оглядка...
Знакомым призраком он показался мне,
Его, мне помнится, я видел — но во сне.
То было в ночь, темно сошедшую в молчаньи,
Над целою страной, томившейся в страданьи,
То было в ночь, вослед за незабвенным днем,
Когда все в трауре, с торжественным пеньём,
Огромного венчанного злодея
Похоронили, не жалея;
В ту ночь, во сне, передо мной стоял,
В порфире и венце, вот этот генерал...
Ступай себе пока!.. А мне своя дорога.

И я на тройке быстроногой
Скачу по скатам и холмам,
Да по бревенчатым мостам,
То полем безрубежно-белым,
То бором мрачно-поседелым.
По глади снежной тройка мчит,
Через ухаб, нырнув, летит,

Метет и жмется по сугробью,
И колокольчик мелкой дробью
И замирает, и звенит.

И гаснет день, и звезды ночи —
Небес бесчисленные очи —
Сквозь тьму глядят на белый путь,
Но мне не время отдохнуть.
Пусть дни и ночи, свет со тьмою,
Бегут, чредуясь меж собою, —
Не успокоюсь до конца,
С упорством вечного гонца;
Пренебрегу, покуда можно,
Пока не слег в тиши гробов,
Дороги у́сталью тревожной,
Седою у́сталью годов.

И и́дут дни, и следом и́дут ночи,
Уж холод сдал, и слышу я весну;
Посыпал дождь в замену мокрых клочий,
И рыхлый снег утратил белизну.
Полозья в земь ударились с упором...
Седлай коня! И дальше в путь!
И в топь, и вплавь, по кочкам и зажорам, —
Я проберуся как-нибудь!
Чернеет почва из-под снегу,
Ручьи сбегают в глубь долин,
И речка мутная с разбегу
Уносит вдаль обломки льдин.
Уже поля рядиться стали
В зеленый полог озиме́й,
Листом по роще зашептали
Побеги свежие ветвей;
Уж первый гром затих с раскатом,
Облекся вечер мирным златом;
При лунном трепете лучей
Защелкал первый соловей.

О! как баюкает томленьем сладострастья
Весенней неги мягкий звук!
Но мне не до него! Я вырос вон из счастья,
Мне нужен толк да сила рук.

Мой путь с утра идет дремучим бором...
А вот и ночь, и скат береговой,
Река — что море: не окинешь взором,
И месяц всплыл над синей мглой.
Внизу у отмели пологой
Стоит бурлак с ладьей убогой.
Бурлак, вези! Пора пришла!
Ладья скользит, и волны мчатся,
И брызги искрами дробятся
Под взмахом мощного весла.
Плыву, молчу от ожиданья,
От нетерпенья и желанья,
А тут и волны, и луна,
И плеск, и блеск, и тишина...

Свежеет воздух, ночь бледнеет,
И сумрак трепетный редеет.
Заря! заря! Я различить могу
Кусты на дальнем берегу.
И вижу я: стоит толпа народа,
Кричат: «Скорей! сюда! сюда! свобода!»
И голос, точно дальний зов,
Поет... и песня так знакома!..
И подхватили с силой грома
Ее сто тысяч голосов:

«Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья,
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, сбирайтесь —
С Бела-моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украйне по казацкой!
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю,
Чтоб земля нам да осталась,

Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась! ..»

Ладья причалила, я выпрыгнул на берег...

Первая половина 1862

ГОЛОСА ИЗ РОССИИ

Лондон. 1856—1860

П. Л. ЛАВРОВ

ПРОРОЧЕСТВО

Пусть преклоняются пред палкою народы!
Пусть попран и презрен закон!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считают за нелепый сон!
Бессмертна истина! Не поколеблют люди
Ее несокрушимый храм;
Ее огонь зажжет опять их груди
И поселится там...
Кто перед истиной колена преклоняет,
Кто верит в бога своего, —
Тот без завес грядущее читает
И людям возвестит его...

Как злые коршуны над пищею кровавой,
Сидели над своей добычею цари.
Их власть была свята; разврат был их забавой;
Народ страдал, молчал и ждал своей зари.
И вот она взошла. И бури взволновали
Дремавший издавна народов океан,
Престолы рухнули, и кровью искупляли
Тогда цари земли свой вековой обман.
Но утомилися народы от волнений:
Напиток равенства хмелен был для детей.
Мир задремал: над ним вознесся деспот-гений;
Он пал — и сонный мир стал вновь рабом царей.
И много лет прошло. И снова клич свободы

От Сены берегов пронесся через свет,
И встали мощные пред тронами народы,
Грозя царям бедой и требуя отчет.
Монархи, трепеща на ненадежном троне,
Для усмирения разгневанных судей
Бросали им права, министров и короны,
Блюсти вовек закон клялись душой своей.
Но деспот Севера склонился к их моленью;
Тяжелый бросил меч он на весы судьбы,
«Оставьте, — он сказал, — мечту освобожденья:
Царям — от бога власть, народы — их рабы!»
Восстали все цари по слову властелина:
Толпа слуг-воинов их окружила трон,
Забывши для наград призванье гражданина,
И повторили все: «Свобода — это сон!»
Как хитрый жид-торгаш, как ябедник подьячий,
Цари нарушили священный договор,
От слова отреклись, над клятвою горячей
Смеялись, и права вон вымели, как сор...
И самый тот народ, свободы проповедник,
Забыл свои права, призванью изменил;
Бесславный — имени великого наследник —
Постыдное ярмо на граждан наложил.
Страх подлый обуял, оцепенил народы,
И беспрепятственно нарушен был закон...
«Изгнание и смерть защитникам свободы!»
И повторили все: «Свобода — это сон!»

Нет! Отгоните прочь коварное сомненье,
Не верьте слугам зла, невежества и тьмы!
То не мечта, за что страдали поколенья,
К чему стремилися великие умы...
Ударит час: придет неправды наказанье,
Придет для всей земли желанная пора;
Стократною ценой искупятся страданья,
Настанет торжество свободы и добра...
А вы, цари земли! вы, пастыри народа!
Падучею звездой промчится ваша власть,
И вам проклятие прейдет из рода в роды!
Спешите выситься, чтобы страшней упасть!
Готовьтесь! скоро вас настигнет наказанье:
Придут к вам мстители потребовать ответ,

И не помогут вам пустые обещанья:
Клятвопреступникам уж не поверит свет...
Да грянет вечное, тяжелое проклятье
Свободы хищникам — Европы королям!
Забыли вы свой долг и то, что люди братья,
Вы, беззаконные цари, — проклятье вам!
И ты, сын случая, избранник миллионов,
Воздвигший власть свою на трусости людей,
Изменник Франции, присяге, враг законов!
Потомство изречет стыд памяти твоей!
И вечный стыд всем тем, которые кручину
Отчизны в страшный час, смеясь, пренебрегли,
Присягу воина — присяге гражданина,
Приказ начальника — закону предпочли!
Стыд вечный воинам — опорам самовластья!
Стыд вечный знамени отечества бичей!
Убийцам братий — стыд, без мысли и без страсти
Провозгласившим власть свободы палачей!..

И ты, один из всех не дрогнувший поныне,
Полмира властелин, самодержавный царь!
Для подданных твоих твои слова — святыня,
Желание — закон, и твой престол — алтарь.
Вне прав твоих — нет прав; ты выше всех законов;
Беспрекословною, бессмысленной толпой
Разноплеменные десятки миллионов
Во прахе ног твоих лежат перед тобой.
Монархам Запада ты подаешь советы,
На сонме королей Европы ты глава.
Стоокою толпой стоят твои клевреты,
В народе сторожа и мысли, и слова...
И веришь ты в свое божественное право,
Ты веришь, что престол твой непоколебим,
Что, как утес средь бурь, стоит твоя держава,
Что ввек твои слова — закон рабам твоим.
Но и для них придет пора освобожденья,
Когда луч истины проникнет их умы;
Не вечен будет сон: настанет пробужденье,
И устыдится Русь невежественной тьмы,
И вырастет тогда общественное мненье,
Признает русский царь народные права,
К гражданской доблести воскреснут поколенья,

Свободно потекут и мысли, и слова.
Молись, чтобы тогда не выстрадали внуки
За всё величие, за все твои дела!
Молись, чтобы без слез, без крови и без муки
Освобождения минута перешла!
Молись, чтоб луч один теперешней святыни
В печальный час твоих потомков осенил,
Чтобы грехи отца не наказались в сыне.
Молись, чтобы тебя народ твой позабыл!

Когда над обществом господствует порок,
В годину злую испытанья,
Встает среди людей восторженный пророк,
Чтоб братьям облегчить страданья.
Спокойно будущность указывает он:
Пусть мчатся годы за годами,
Пусть торжествует зло, — божественный закон
Вновь воцарится над умами.
Не сомневайтеся — отчаяние грех!
Постигнут кары святотатство —
И будет лишь один тогда закон для всех:
Свобода, равенство и братство!

Январь 1852

РУССКОМУ НАРОДУ

Ты вставай, во мраке спящий брат!

Хомяков

«Меня поставил бог над русскою землею, —
Сказал нам русский царь. —
Во имя божие склонитесь предо мною,
Мой трон — его алтарь.
Для русских не нужны заботы гражданина —
Я думаю за вас;
Усните — сторожит глаз зоркий властелина
Россию всякий час.
Мой ум вас оградит от чуждых нападений,
От внутреннего зла;

Пусть ваша жизнь течет вдали забот,
в смиреньи,
Спокойна и светла.
Советы не нужны помазаннику бога:
Мне он дает совет;
Народ идет за мной невидимой дорогой,
Один я вижу свет;
Гордитесь, русские, быть царскими рабами:
Закон вам — мысль моя;
Отечество вам — флаг над царскими дворцами;
Россия — это я!»

Мы долго верили: в грязи восточной лени
И мелкой суеты
Покорно целовал ряд русских поколений
Прах царственной пяты.
Бездействие ума над нами тяготело!
За грудами бумаг,
За перепискою мы забывали дело
В присутственных местах.
В защиту воровства, в защиту нераденья
Мы ставили закон;
Под буквою его скрывалось преступленье,
Но пункт был соблюден.
Своим директорам, министрам мы служили,
Россию позабыв;
Пред ними ползали, чинов у них просили,
Крестов наперерыв.
И стало воровство нам делом обыденным:
Кто мог схватить, тот брал;
И между нами тот был более почтённым,
Кто более украл.
Развод определял познанья генерала,
Он глуп или умен,
Церемоньяльный марш и выправка решала,
Чего достоин он.
Бригадный генерал был лучший губернатор,
Искуснейший стратег,
Отличный инженер, правдивейший сенатор,
Честнейший человек.
Начальник, низшего права не соблюдая,
Был деспот, полубог;

Бессмысленный сатрап был царский бич для
края,
Губил, вредил где мог.
Стал конюх цензором, шут царский —
адмиралом,
Клейнмихель — графом стал;
Россия роздана в аренду обиралам...
Что ж русский?.. Русский спал...

Кряхтя, нес мужичок, как прежде, господину
Прадедовский оброк;
Кряхтя, помещик клал вторую половину
Имения в залог;
Кряхтя, по-прежнему дань русские платили
Подьячим и властям;
Шептались меж собой, ворчали, говорили,
Что это стыд и срам,
Что правды нет в суде, что тратят
миллионы —
России кровь и пот —
На путешествия, киоски, павильоны,
Что плохо всё идет.
Потом за ералаш садились по полтине,
Косясь по сторонам;
Рашели хлопали, бранили Фреццолини,
Лорнировали дам,
И низко кланялись продажному вельможе,
И грызлись за чины,
И спали, жизнь свою заботой не тревожа,
Отечества сыны;
Иль удалялись в глушь прадедовских имений
В бездействии жиреть,
Мечтать о пироге, беседовать о сене,
Животным умереть...
А если кто-нибудь средь общей летаргии,
Мечтою увлечен,
Их призывал на брань за правду и Россию, —
Как был бедняк смешон!
Как ловко над его безумьем издевался
Чиновный фарисей!
Как быстро от него, бледнея, отрекался
Вчерашний круг друзей!

И, под анафемой общественного мненья,
Средь смрада рудников,
Он узнавал, что грех прервать оцепененье,
Тяжелый сон рабов...
И он был позабыт. Порой лишь о безумце
Шептали здесь и там:
«Быть может, он и прав... Да, жалко вольнодумца...
Но что за дело нам?»

Гордились мы одним: могуществом России
В собраньи королей;
«Что нам, — мы думали, — их укоризны злые,
Мы все-таки сильней».
Когда на площади, пред царскою коляской
Шли стройные полки,
Знамена веяли, блестели грозно каски,
И искрились штыки,
И над колоннами, окрестность оглашая,
Гремел приветный клик, —
Мы верили на миг: сильна страна родная
И русский царь велик.
Мы верили, гордясь необозримым краем,
Мильонами штыков:
«Не любят нас за то, что мы преобладаем
Над сонмищем врагов».
И вот ударил час: британские витии
Пустили в оборот
Народов ненависть давнишнюю к России,
И наступил расчет...
И бросил Францию в кровавый путь сражений
Венчанный интриган,
И стала Австрия готовиться к измене:
Встал враг от всяких стран...
А мы?.. Смеялись мы началу непогоды,
Мы гордо шли на бой.
«Пусть, — говорили мы, — безумствуют народы;
Силен наш край родной.
Предвидел русский царь давно уже волненье,
Всё приготовил он,
И мировой борьбы ждет тяжкое мгновенье, —
Спокоен и силен».

И крепче прежнего сбирались мы вкруг трона,
Внимая бранный клик;
Давали богачи отчизне миллионы,
Свой грош давал мужик...

И что ж? Застал врасплох нас взрыв вражды народной;
В тяжелый, мрачный час
Объял посланников сон глупости природной:
Все обманули нас.
Куда девалися солдатов миллионы?
Где был готов отпор?
Мы всё не верили, а слышались уж стоны
Из-за кавказских гор;
Пределы русские война уж разоряла,
Уже страдал народ,
С креста Исакия Россия различала
Британский гордый флот.
Один курьер идти вперед нес приказанье,
Другой — идти назад,
И двигались войска без цели, без сознанья —
То был уж не парад...
И было мало нас везде, где враг являлся.
Солдат наш грудью брал;
Глупее прежнего зато распоряжался
Парадный генерал.
Там отступали мы от фóртов Силистрии
С потерей и стыдом,
Здесь унижали мы достоинство России
Пред габсбургским орлом;
Тут берег финский весь был предан разграбленью;
Там гордый адмирал —
Амфибия, герой проигранных сражений —
Своей земли не знал;
Толпой любимчиков ничтожных окруженный,
Он погубил наш флот;
Паркетный бонмотист, шут колкий и надменный,
Злой гений — для острот...
Он защищает Крым, высочествам с почтеньем
Он раздает кресты...
А русских кровь течет... враг ближе к укрепленьям...
Россия! Где же ты!

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством!
От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движенье,
Черед уж за тобой!
Давно гнетут тебя наследники Батыя,
Нет права для тебя...
Проснись, проснись! Восстань, несчастная
Россия!
Твой бог зовет тебя...
Не в звучном пении торжественного клира
Пред ликом золотым,
В живой душе ищи глагол владыки мира,
Внимай словам живым!
Встань: ты пред идолом колена преклоняешь,
Внимаешь духу лжи;
Свободный, вечный дух ты рабством
оскверняешь...
Оковы развяжи!
Восстань, свободная, пред силой беззаконной,
Пред хáосом властей!
От неурядицы спасенье, оборону
Ищи в душе своей!
Припомним, русские, печальную годину,
Пору великих смут,
Когда боярин-князь по слову мещанина
Шел на кровавый суд;
Когда поляк царил над матушкой Москвою,
Огромным пустырем
Лежала наша Русь; шла челядь злой толпою
За тушинским царем...
Но в день безвластия проснулась Русь родная,
Сознанием сильна;
Живой глагол прошел от края и до края,
И поднялась она...
Встань на анархию чиновных мандаринов
Теперь, как под Москвой
На крáмолу бояр, на ляхов и литвинов
Ты шла живой стеной!

Пред троном деспота, без криков и проклятий
Предстань судьей, народ!
За славу русскую, за кровь всех падших братий
Пускай он даст отчет...

Скажи ему: не бог вознес тебя над нами;
Твой трон — не божий трон,
Не он нас осудил твоими быть рабами!
Нет! рабство — не закон!
Где знаки твоего божественного права?
Где чудеса твои?
Где кротость голубя — свидетель нелукавый?
И мудрость где змии?
Россия облекла тебя верховной властью,
Ты на земле был бог —
Владел ли ты собой? повелевал ли страстью?
Всё ль совершил, что мог?
Читаешь ли ты, царь, прозрением пророка
В умах, в сердцах людей?
Ты ненавидишь ли слуг лести и порока?
Живешь ли для детей?
Ты слушаешь ли, царь, глас божий — глас народа?
Зовешь ли в свой совет
Ты крепких доблестью — не знатностию рода,
Не древностию лет,
Не раболепных слуг, не алчных чинолюбцев,
Клеветников, ханжей,
Продажных обирал, развратных сластолюбцев,
Бесчувственных судей?
Нет, увлекался ты неведеньем и страстью,
Ты прямодушье гнал;
В опасную игру своей играл <ты> властью, —
И Русь позабывал;
Ты делал всё смотры; ты отменял султаны;
Наперекор уму,
Под предложением невежды, шарлатана
Писал: «Быть по сему»!
Ты сóбрал цензоров презренную породу,
Чтоб сон твой охранять,
Чтобы не видеть слез, не слышать стон народа,
Чтоб правде не внимать...

Ты предал истину на тяжкие мученья,
На смерть ее обрек:
— Распни, распни ее! — кричали в исступленьи
Безумство и порок.
Она истерзана, оплевана рабами,
В ночи погребена;
На камень гробовой нечистыми руками
Печать наложена,
И стражу строгую над грозною могилой
Поставил фарисей.
И деспот говорит, гордясь своею силой:
«Нельзя воскреснуть ей».
Но видишь ли: заря зажглася на востоке —
То третий день настал...
Давно тот светлый день провидели пророки;
Довольно мир страдал...
Ты видишь ли: в огне несутся херувимы
С пылающих небес...
Ты слышишь ли — гремит их глас незаглушимый —
Христос, Христос воскрес!
Воскресла истина! На суд сбирайтесь строгий
Пред скипетром ея,
Монархи-деспоты, земные полубоги!
Грядет ваш судия!
Предстань, царь, пред судом истории, закона,
Пред божиим судом!
Ты правду отвергал, ты попирал свободу,
Ты был страстей рабом;
Россию погубил ты гордостью пустою
И мир вооружил...
Смирись пред братьями, пред родиной святою:
Ты немощен и хил.
«Простите мне, — скажи, — мое забвенье, братья!
Мне нужен ваш совет;
Откройте грешнику народные объятья —
Другой опоры нет...»
Смирись; летят часы; пройдут дни испытанья,
История не ждет...
И грозно под тобой волнуется в молчаньи
Проснувшийся народ.

Декабрь 1854

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

РУССКИЙ ПЕВЕЦ

При разделе мира
Мне сказал Зевес:
«Вот тебе, брат, лира,
Вот клочок небес.
Полную свободу
Дам тебе кругом —
Пой себе природу
И Романов дом!»

Полон мощной веры,
Я пошел в леса:
Надо мною серы
Были небеса;
Тучи, как в дремоте,
Плыли над рекой —
Город на болоте
Встал передо мной.

Звезды генералов
Озаряли путь;
Несколько журналов
Силились раздуть
Где-то в тьме безличья
Тлевший огонек —
Русского величья
Маленький залог.

На плацу солдаты;
Делал царь развод;
Пастырь бородатый
Поучал приход;
Под кнутом боярским,
Взятку дав властям,
Раб кадил о царском
Здравьи фимиам.

Прелесть царской власти
В сердце ощутив,

Укротил я страсти
Бешеный порыв.
К нежным песням склонность
Вдруг я возымел
И цепей законность
Сладостно воспел.

Рабства все разряды,
Каждый звук цепей,
Взятки, мрак, парады,
Шалости царей,
Крепостное право —
Пел в поту лица,
И облекся славой
Русского певца.

Нынче будто стали
Строже к соловью.
Громовержец! Я ли
Без усердья пью
Из Фонтанки воду,
Чтобы петь потом
Серую природу
И Романов дом!

<1857>

В. С. КУРОЧКИН

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:

Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да никак ты о двух головах!»

Я нашел, друзья, нашел *и проч.*

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью
Заклеймен двуголовым орлом.
Наш брат, русский, уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется,
Оттого что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел *и проч.*

Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят
На обоих бортах вицмундира
По шести двуголовых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зерцалом, внушающим страх, —
А уж грабит, так грабит здоро́во
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел *и проч.*

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего.
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый

Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

<1857>

КОЛОКОЛ

Лондон—Женева. 1857—1867

Н. П. ОГАРЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ ⟨К „КОЛОКОЛУ“⟩

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребенка мощного давил,
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,
Какая есть в ребенке сила:
Рука ее не задушила —
Сама с натуги замерла.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободномыслию привык —
И не касалася окова
До человеческого слова.

Привета с родины далекой
Дождался голос одинокой,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

(ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 1.

1 Іюля 1857.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
И мысль его не понимала
Какая есть въ ребенкѣ сила:
Рука—ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучалъ на почвѣ не родной—
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался бы отъ казни;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободомыслію привыкъ
И не касалася окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучитъ, раскачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны—
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ,
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто смѣла—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, Колоколъ посвященный исключительно русскимъ интересамъ, будетъ звонить чѣмъ бы ни былъ затронутъ—нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное, все идетъ подъ Колоколъ.

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ, дѣлящимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ Колоколъ, но и самимъ звонить въ него!

Появленіе новаго русскаго органа служащаго дополненіемъ къ Полярной Звѣздѣ не есть дѣло случайное и зависящее отъ одного личнаго произвола, а отвѣтъ на потребность; мы должны его издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомню короткую исторію нашего типографскаго станка.

Русская Типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была запросомъ. Открывая ее, я обратился къ нашимъ

Теперь юней, сильнее он...
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет,
И крепко на ноги не станет!
И, непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной,
Звонить во все колокола.

Май или июнь 1857

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ШАРМАНКА

(К воспоминаниям о Незабвенном)

По дворам таскал старик
  Тридцать лет шарманку,
Он вертеть ее привык:
  Вертит спозаранку,
Вплоть до полночи глухой,
  На потеху людям;
Той шарманки писк и вой
  Мы не позабудем:
Что за музыка, ей-ей,
  Не поймешь, хоть тресни!
И всего-то были в ней
  Три плохие песни:
Бога славила одна,
  А царя — другая,
Третья — ужас как длинна —
  Честь родного края.
Многих не было в ней нот,
  Так что слушать гадко,
Всё визжит, бренчит, скребет,
  Не выходит гладко.
И не то чтоб стар уж так
  Инструмент потешный;

Сколотил его варяг,
  Северян, не здешний;
Им вертеть потом пошла
  Русопетов стая, —
Что за музыка была,
  Бестолочь родная!
Наконец им завладел
  Удалой татарин
И шарманку завертел
  Молодцом, как барин.
С нею пробовал потом
  И поляк возиться,
Но ни силой, ни трудом
  Ладу не добиться,
Всё фальшивила она,
  Шла в разлад со светом —
Инструмента ли вина,
  Мастера ли в этом?
Леший сам не разберет!
  Вскоре отыскался
Для шарманки доброхот,
  И чинить принялся.
Придал ей он новый вид
  И покрой немецкий,
А шарманка всё скрипит
  И пищит по-детски.

Вот шарманкой завладел
  Наш шарманщик ярый,
Повернул, пересмотрел —
  Песни больно стары.
Он навел на крышку лак,
  Починил снаружи,
А внутри осталось так,
  Даже стала хуже.
Сам он видит, что она
  Уж пришла в негодность,
Что в ней лопнула струна,
  Певшая *народность*,
Что осипла в ней давно
  Песня *православья*,
Что поправить мудрено

Хрип *самодержавья.*
«Ведь починка труд большой,
А на век мой станет!
Да и внутрь шарманки той
Вряд ли кто заглянет!» —
Так шарманщик рассуждал —
Видно, что дубина, —
И шарманку ту взвалил
Он на плечи сына.
Сын справляет день и ночь
Старую работу,
Хоть вертеть ему невмочь,
Да и не в охоту:
В том труде не быть пути,
Так и жди — порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг,
Взяться бы за разум, —
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом,
Если ты под звук заснешь
Льстивого напева
Иль, забывшись, повернешь
Справа да налево.

1855 или 1856 (?)

Н. П. ОГАРЕВ

С ТОГО БЕРЕГА

Молчат. Топор блеснул с размаха,
И отскочила голова.
Всё в поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.

Пушкин «Полтава»

На утесе на твердом сижу я и слушаю:
Море темное плещет, колышется;
И хорош его шум, и безрадостен,
Не наводит на помыслы светлые.

Погляжу я на берег на западный —
И тоска берет, отвращение;
Погляжу я на дальний на восток —
Сердце бьется со страхом и трепетом.
Голова так и клонится на руки,
И я слушаю, слушаю волны — да думаю,
А что думаю — говорится вслух,
Не то оно песня, не то сказание.

Погляжу я на берег на западный, —
Вот что было там, что случилося.
Мерзлым утром рано-ранехонько
Выступали полки, шли по улице;
Громко конница шла, стуча копытами,
Мерно пехота шла, раз в раз, не сбиваяся;
Гул тяжелый несся от поступи.
Барабаны трещали без умолку,
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орел сидит,
А орел — птица кровожадная!
И пришли полки, стали на площадь,
Средь площади плаха воздвигнута.
За полками народу тьма тьмущая;
Все на плаху глядят и безмолвствуют,
Тишина была страшная, гробовая.
Вот на площадь ввели двух колодников,
Что задумали подорвать кесаря;
Не хотели они орла кровожадного
Али ястреба, падалью сытого.
Вот ввели их, двух колодников,
А ввели их со солдатами,
А солдаты со саблями с обнаженными, —
Для двух скованных сила грозная!
И пришли они, два колодника,
По морозцу пришли босоногие,
Два попа им лгали милость божию.
И пришли они, два колодника,
А затылки у них острижены,
Топору чтоб помехи не было.
И надели на них, на колодников,

Покрывало черное на каждого:
За отцеубийство казнить их велено.

Да отец-то где ж, вы скажите мне?
Разве тот отец, кто казнить велит,
Кто казнить велит, а не миловать?
Ах, лжецы вы, лжецы окаянные!
Погляжу на вас да послушаю —
Так с отчаянья индо смех берет.

И пошли на плаху колодники.
Шли спокойно они и безропотно,
Перед смертью только воскликнули:
«Эх! да здравствует наша родина
И другая страна, столь любимая,
Где теперь мы слагаем головы,
А в любви к ней не раскаялись!»
И попадали обе головы,
И палач склал обе головы в мешок,
А безглавые тела повалил на телегу,
Повезли спозаранку к ночлегу.

И безмолвный народ по домам пошел,
Кто понурясь пошел с горькой горестью,
А иной был рад, что бог милость дал
Увидать на веку дело редкое.
Постояли полки, — делать нечего,
И пошли опять стройной выстройкой,
Только гул стонал от их поступи.
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орел сидит,
А орел — птица кровожадная!

Кровожадная она и не новая:
В стары годы ее на знамени
Гордо-лютые носили римляне.
И у них был Брут, убил кесаря,
И была ему слава великая.
Да не впрок пошло убиение, —
Сам народ был раб, по душе был раб,
И пошли всё кесари да кесари;

Много крови лилось человеческой...
Сказка старая, невеселая!

Погляжу я на дальний на восток:
Там мое племя живет, племя доброе.
Кесарь хочет ему сам свободу дать,
Хочет сам, да побаивается.
Если кесарь сам нам свободу даст,
Он не кесарь — новый дух святой!
Ну! да как же кесарю нам свободу дать?
У него всё ж орел на знамени:
Дух святой являлся в виде голубя,
А орел — птица кровожадная!
Верить хочется — и не верится,
С думы сердце в груди надрывается.

И всё жаль мне их — этих двух людей,
Что сложили свои головы
Так спокойно и так доблестно,
Перед смертью только воскликнули:
«Эх! да здравствует наша родина
И другая страна, столь любимая,
Где теперь мы слагаем головы,
А в любви к ней не раскаялись!»

Моя песня — не просто сказание,
Моя песня — надгробное рыдание
По людям, убиенным за родину,
За любовь к воле человеческой,
По мученикам, по праведным,
Святой вольности угодникам.
Моя песня — не просто сказание,
Моя песня — надгробное рыдание:
Из груди она с болью вырвалась,
От глубокой тоски сказалася...
Ты лети ж, моя песня скорбная,
Через море, море шумное,
Долетай до людских ушей,
Пусть их слушают хотя-нехотя.
Кто в душе грешон — тот пусть бесится,
До него мне и дела нет;

А прямая душа — пусть прочувствует,
Горькой думою призадумается.
А не тронешь из них ни единого, —
Лучше ж, песня ты моя скорбная,
Потони ты в плеске волн морских,
Без следа развейся по ветру.

Март — апрель 1858

СОВРЕМЕННОЕ

Вот Семен Авдеич
Крикнул, зло немножко:
«Филька!.. Ерофеич!..
Всё сосет под ложкой.
Ты, дурак, скажи-ка —
Врал там кто с тобою,
Даст-де царь великой
Волю да с землею?
Что ж? Поверил сдуру?
А? Холопья морда!
Ты свою фигуру
Держишь больно гордо.
Эдак мне умыться
От тебя, крамольный,
Скоро не добиться:
Скажешь — я-де вольный!
Ну! вы что от воли
Ждете за послугу?
Излениться, что ли,
Да и спиться с кругу?
Чай, мой дед недаром
Вас купил с землями
И причислен к барам:
Нажил всё трудами;
Долго службу правил,
Исполнял веленья
И себе составил
Важное именье.
Ну! С твоей ли рожей
Станешь ты вдруг волен?

Спи себе в прихожей
Да и будь доволен!»

«Эх! Семен Авдеич!
Успокойтесь, барин,
Пейте ерофеич,
Век у нас бездарен.
Те, к царю кто ближе,
Наши лиходеи,
Думают как вы же,
Тупы и злодеи.
Неизвестно, что ли, —
Там всё разговоры:
Не дадут нам воли
Панины да воры;
Так восторжествуют,
Так подпустят шпильку,
Что кругом надуют
И царя, и Фильку!»

Август 1858

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ИАКОВУ РОСТОВЦЕВУ

В ДЕНЬ ЕГО ЮБИЛЕЯ, 23 ДЕКАБРЯ 1856 ГОДА

Когда деспóт от власти отрекался,
Желая Русь, как жертву, усыпить,
Чтобы потом верней ее сгубить, —
    Свободы голос вдруг раздался,
    И Русь на громкий, братский зов
    Могла б воспрянуть из оков:
Тогда, как тать ночной, боящийся рассвета,
Позорно ты бежал от друга, от поэта,
    Взывавшего: «Грехи жидов,
    Отступничество униатов,
    Все преступления сарматов

Принять я на душу готов,
Лишь только б русскому народу
Вновь возвратить его свободу!»
Ты убежал! Куда ж? — В Аничковский дворец.
И приумножил ты грехи жидов, сарматов,
Отступничество униатов:
Ты де́споту скрепил шатавшийся венец.
И как презрительна, подла твоя услуга!
Ты указал ему на друга,
По пальцам жертвы сосчитал;
Деспо́т их всех арестовал —
И пала русская свобода!
И друг твой, честь, краса народа,
Повис на петле роковой!..

Скажи, ужель ни в размышленьях,
Беседах с собственной душой,
Ни покаянья в час святой,
Ни даже в темных сновиденьях
Ни разу ты не вспоминал,
Как друг твой в воздухе качался,
Как он весь корчился, дрожал
И как мучительно скончался?
Ужель тебе глас совести твоей,
Во весь период долгой жизни,
Ни разу не шепнул, что ты — злодей,
Продажный враг своей отчизны!..

Печальных две картины знаю я:
В одной — ты сам; рука твоя
Рылееву сжимает руку;
В другой — Иуда, во уста
Лобзающий Христа:
И друг, и ученик равно ведут на муку!..
Но нет! С Иудой не сравню
Я душу черствую твою!
В раскаяньи Иуда удавился,
А ты всегда своим предательством гордился,
И возвышал тебя деспо́т
Как самовластия и подлости оплот.
Потом, чтобы не дать опомниться народу,

Чтоб окончательно убить его свободу,
Он поручил тебе воспитывать детей!
Сынам России благородной
Он указал идти твоей тропой позорной,
Сосать млеко́ души твоей,
Души безнравственно-тлетворной!
Ты долг свой выполнил пред де́спотом-царем:
Программы всех наук раздуты пузырем,
Подчинены науки барабану,
В младенчестве задавлен человек
И ход открыт бездушному болвану;
Умы отдвинуты назад на целый век,
А нравы чистые, а чувства семьянина,
А долг и доблесть гражданина
Убиты наповал!..

Теперь, исполненный отваги самохвал,
Ты вздумал сам себя потешить юбилеем:
Ты приказал своим лакеям,
Чтоб в честь твою задали пиршество́,
Чтоб каждый, позабыв нужду, свою злодейку,
На пир твой отдавал последнюю копейку
И восхвалял тебя, как будто божество!
Но ты забыл: дела и помыслы людские
Рассудит бог, узрит потомства верный взор.
Твой юбилей есть стыд России
И человечеству позор.
Придет пора — и летопись науки
Предаст тебя проклятью, Герострат,
И от тебя твои родные внуки
Откажутся не трижды, но стократ.

21—22 декабря 1856

* * *

Грустно матушке России,
Грустно юному царю.
Царь покойный гнуть лишь выи
Дворню выучил свою.

Грустно! Думаю я часто
Про отечество отцов:
Незабвенный лет *ведь на сто*
Заготовил дураков!

<1858>

Н. А. НЕКРАСОВ

У ПАРАДНОГО КРЫЛЬЦА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям.
Записав свое имя и званье,
Ретируются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье.
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему, то и знай, по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает: трам-трам,
А иные скрежещут и плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и встали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых

(Знать брели-то далеко они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни».
И захлопнулась дверь... Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...
А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...

Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!..
Но счастливые глухи к добру...
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах...
Что тебе эта скорбь вопиющая?
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное право зовешь;
Без него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!
Безмятежной аркадской идиллией
Закатятся прекрасные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени;
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, как дитя

Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением).
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу, герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой.

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Сами терпим... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье.
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да и он сам привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут побираться дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьма́м, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьему, солнцу не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъездов судов и палат...
Там на Волге — чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песнью зовется —
Бурлаки то идут бечевой.
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так поливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!

Где народ, там и стон... Ах, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,
Создал песню подобную стону,
И духовно навеки почил?

1858

П. И. ВЕЙНБЕРГ

ГИБКИЙ ЧЕЛОВЕК

(Посв. Михайле Ивановичу)

Я составил себе положение —
Без связей, без протекций, один.
У меня славный дом и имение,
Ордена и почетнейший чин.
Оттого что сгибаться почтительно
Было делом святым для меня.
Говорят: шею гнуть унизительно!
Это всё пустяки, болтовня;
Это мелют философы новые
(Упаси и избави нас бог!),
Это всё либералы суровые,
Без чинов, кошелька и сапог.
Я таким убежденьям не следую,
Не такая натура моя.
Сыновьям я своим проповедую:
Дети, гнитесь — как гнулся и я.
У меня был заступник сиятельный,
Оттого он и силу мне дал,
Что чиновник я смирный, искательный
И ему, как никто, угождал.
Раз — помню — пришел я с докладами, —
Перед ним его младшая дочь.
На нее он сердитыми взглядами
Смотрит сумрачен, грозен как ночь;
Обернулся ко мне и с суровою
Миною мне он изволил сказать:

«Что мне делать с девчонкой бедовою?
Мне не хочет руки целовать!
Покажи ей пример послушания,
Одолжи ты меня, старика:
Поцелуй для ее назидания».
Тут его протянулась рука.
В ту ж минуту смиренно, почтительно
Подбежал я, согнувшись дугой,
И губами своими чувствительно
Приложился к руке дорогой.
Помню также другой замечательный,
Славный случай из жизни моей.
Было лето: начальник сиятельный
Жил в то время на даче своей.
В вицмундире, навесив отличия,
Я являюсь к нему, только вдруг
Говорит он: «Такие приличия
Бесполезны на даче, мой друг.
Здесь не город, тебе позволительно
В сюртуке здесь стоять предо мной».
Я ни слова: согнулся почтительно
И из комнаты мигом домой;
Снял тотчас я свои украшения,
Взял сюртук у лакея его
И, исполнен святого смирения,
Перед шефа предстал своего,
Много, много услуг я оказывал,
Чтобы быть у него на виду:
Для него я обеды заказывал,
Расчищал я дорожки в саду,
На лошадке сыночка прокачивал,
У супруги болонок чесал,
В магазины по счетам уплачивал
И провизию в дом припасал.
По его одному мановению,
Голос сердца в себе затая,
Правых я подвергал осуждению
И виновных оправдывал я.
Чуть кого награждал он любовию,
Я того принимался любить;
Никакому ни в чем прекословию
Не давал из себя выходить.

Оттого я вознесся значительно,
Оттого сила есть у меня...
Говорят, шею гнуть унизительно!
Это всё пустяки, болтовня.

<1860>

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

УРАЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Как по реченьке
По мутнешенькой
Неснащеное
Судно плавало.
Как снесло его
Путем-нéпутью,
А мутнóй струей
В море синее.
Поперек и вдоль
Всё исплавало,
Пополам с горем
Всё изведало.

Порасшатанный
Руль навесили,
Позаплатанный
Парус подняли,
А на ту беду
С зари утренней —
Злая нéпогодь,
Необходная
Не косым реем
И не веслами...
Приросло ко дну
Двойным якорем.

Много вынесло
Бурь, невзгодушек;

Горек был настой
Соляной воды.
Ждет погодушки,
Что не жалуясь
На судьбу свою
Горемычную;
Чает волюшки,
Что не радуясь,
Глядя в зеркало
Моря мутного.

Отдало свои
Все подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.
Расплылись они
По всем речушкам,
Разбрелися вдоль
По мутнешеньким:
По Днепру, Дону,
Волге-матушке,
По золотну дну,
По горыничу.

То не вороны
От обеих зорь
На гребцов пали
Тучей черною:
Цари-кормщики —
Императоры,
Рулевые их —
Губернаторы.
Не сизой орел
Из-за тучи той
Змией-молнией
Снесся нá корму.

И собрал, созвал
Милых детушек
Под свое крыло
Неразрывное:
То вспорхнул орлом

Вечевой наш дух,
И пал на́ корму
Мировой наш круг.
И сплылися в круг
Все подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.

Он одним крылом
Бился с тучею,
А другим — с волной
Всё кипучею, —
И суденышко
Всею грудью крыл,
И подчалочки
Меж широких крыл.
Уходилася
Туча черная,
Уложилася
Волна бурная.

Засветилася
Заря алая,
И суденышко,
Тихо плавая,
Всё идет вперед,
Не торопится,
На стояньице
Не воротится:
Всё нажитое
Не взято займом,
А прожитое
Поросло быльем.

<1861>

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Русская кровь льется,
И польская с ней, —
Слово раздается:
Не пали́, солдат, не робей!

Солдат, ты душу погубишь,
Стреляя невинных людей,
А иначе мученик будешь, —
Не пали́, солдат, не робей!

Русская кровь льется,
И польская с ней, —
Слово раздается:
Не пали́, солдат, не робей!

Мужик иль благородный,
Тайком иль средь друзей,
Повторяйте все крик народный:
Не пали́, солдат, не робей!

Русская кровь льется,
И польская с ней, —
Слово раздается:
Не пали́, солдат, не робей!

<1861>

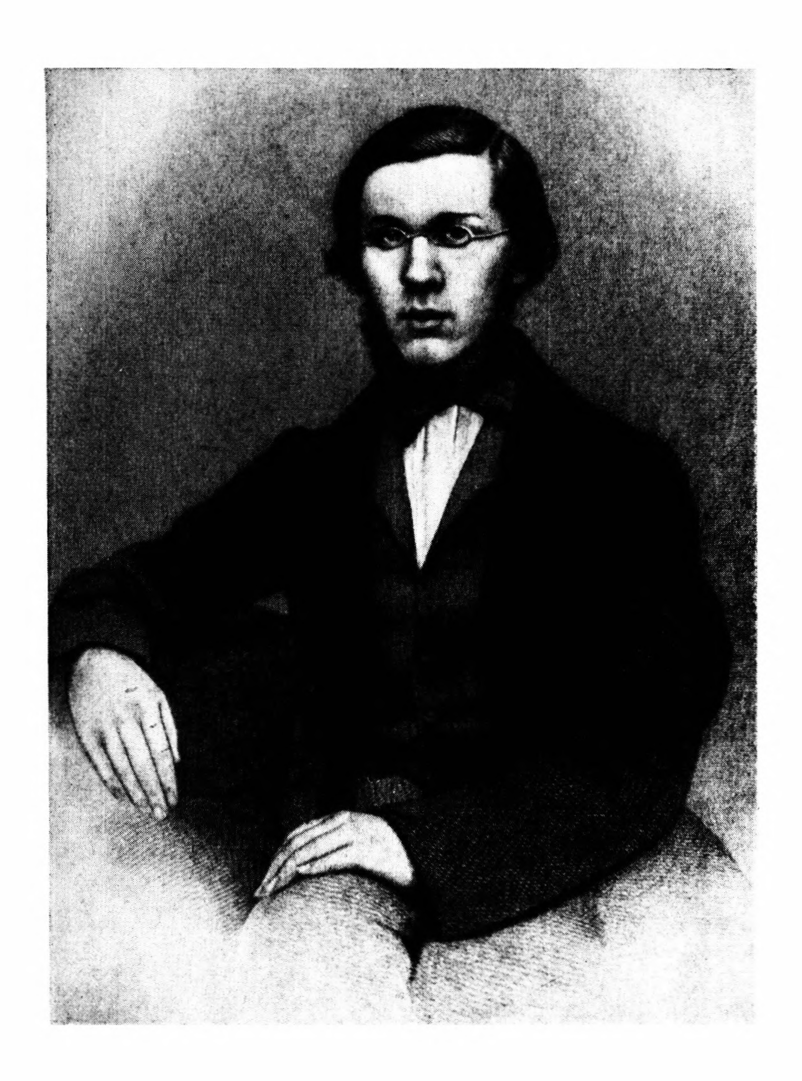
М. Л. МИХАЙЛОВ

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь за мысль и слово
    Топчет произвол.

И чем жизнь честней и чище,
Тем нещаднее судьба;
Раздвигайся ты, кладбище,
    Принимай гроба!

Гроб вчера, и гроб сегодня,
Завтра гроб... А мы стоим
Средь могил и... «власть господня»,
    Как рабы, твердим.



Вот и твой смолк голос честный,
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Жаждой правды изнывая,
В темном царстве лжи и зла
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла!

Ты умолк, но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба?
Что любовь молчит?

Иль в любви у вас лишь слезы
Есть для ваших кровных бед?
Или сил и для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья! Пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова, —
И, ликуя, зверски зол,
Тризну мысли, тризну слова
Правит произвол.

20 ноября 1861

Н. П. ОГАРЕВ

МИХАЙЛОВУ

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь —
Грядущих подвигов предтечь;

Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепенея, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал —
В рядах один из наших пал!..
И гнева трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед, вперед! Разрушен страх —
И гордый враг падет во прах.

Ты эта жертва! За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьм, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалей!

Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор
Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли —
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово «казнь» не произнес,
Но до пощады не дорос,
Мозг узок и душа мелка —
Мысль милосердья далека.

Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,

И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закован в желёзы, с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною снежною степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

И верь неослабно, мой мученик ссыльный,
Иной рудокоп не исчез, не потух —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный,
Народной свободы таинственный дух,

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвьи ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя призовет.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

<1861>

И. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ или Н. И. УТИН

УЗНИКУ

Из стен тюрьмы, из стен неволи,
Мы братский шлем тебе привет.
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!

Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать.

Но день придет, и на свободе
Мы про тебя расскажем всё,
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам;
Верь — плод взойдет, и наше племя
Отмстит сторицею врагам.

И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя!

Ноябрь 1861

М. Л. МИХАЙЛОВ

ОТВЕТ

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил,
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

Конец ноября 1861

Н. П. ОГАРЕВ

«СИМ ПОБЕДИШИ»

(Ответ писавшему «Братское слово», «Колокол», № 171)

Мой друг, твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет.
А есть с чего сойти с ума
Или утратить силу веры —
Так зверств и подлостей чума
Россией властвует без меры!

И вот пришло на память мне,
Как в старину, никем не знаем,
Бывал, спасаясь в тишине,
Отшельник адом искушаем.

Из тьмы углов, из черной мглы,
Из-за полуночной завесы,
И отвратительны и злы,
Его смущать являлись бесы,
А он крепился и мужал
И призрак верой побеждал.

Мой друг, твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет,
И верю, верю я в исход
И в наше светлое спасенье,
В землевладеющий народ
И в молодое поколенье.
И верю я — невдалеке
Грядет, грядет иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — *Земля и Воля!*

Сентябрь или октябрь 1863

В. С. КУРОЧКИН (?)

* * *

Долго нас помещики душили,
        Становые били,
И привыкли всякому злодею
        Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
        Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти, —
        Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись,
        Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо, —
        Стричь да брить нас надо.
Про царей попы твердили миру
        Спьяна или с жиру —

Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин, до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Всё не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малыим начальством.
Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слыхал о 25-м годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело,
И сложили головы за братий
Пестель да Кондратий.
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

<1861>

Н. П. ОГАРЕВ

ДО СВИДАНЬЯ

Смолкает «Колокол» на время,
Пока в России старый слух
К свободной правде снова глух,
Пока помещичее племя

Царю испуганному в лад
Стремится всё вести назад.
И вновь касается окова
До человеческого слова.
Но вспять бегущая волна
Не сгубит дерзостным наплывом
Раз насажденные по нивам
Свободы юной семена.

Смолкает «Колокол» на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится, как ненужный сон,
И снова наш раздастся звон,
И снова с родины далекой
Привет услышится широкой,
И, может, в наш последний час
Еще светло дойдет до нас —
Как Русь торжественно и стройно,
И непорывисто смела,
С сознаньем доблести спокойной
Звонит во все колокола!

Июнь 1867

К. Ф. РЫЛЕЕВ. ДУМЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ

Лондон. 1860

Н. П. ОГАРЕВ

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом

И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстанови́м для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на́ берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая, и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

1859

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛЕТИЯ

Отдел первый. Стихотворения. Часть первая. С предисловием Н. Огарева

Лондон. 1861

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

НА СМЕРТЬ ПОМЕЩИКА ОЛЕНИНА, УБИТОГО КРЕСТЬЯНАМИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Перед гробницею позорной
Стою я с радостным челом,
Предвидя новый, благотворный
В судьбе России перелом.

О славном будущем мечтаю
Я для страны своей родной,
Но о прошедшем вспоминаю
С негодованьем и тоской.

На муки рабства и презренья
Весь род славянский осужден,
Лежит печать порабощенья
На всей судьбе его племен.

И Русь давно уж подчинилась
Иноплеменному ярму,
Давно безмолвно покорилась
Она позору своему.

В цари к нам сели скандинавы,
Теснили немцы нас. Царьград
Вносил к нам греческие нравы
И всё вертел на новый лад.

Потом, при этом рабстве старом,
Доставшись новым господам,
Русь в пояс кланялась татарам
И в землю — греческим попам.

Сперва под игом Русь стонала,
Кипело мщение в сердцах,
Но рабство и тогда сыскало
Себе защитников в попах.

«Покорны будьте и терпите, —
Поп в церкви с кафедры гласил, —
Молиться богу приходите,
Давайте нам по мере сил».

Века промчались. Поколенья
Сменялись быстрой чередой.
В повиновеньи и терпеньи
Нашли обманчивый покой.

Природными рабами были
Рабы, рождаясь от рабов,
И, как веленья бога, чтили
Удар кнута и звук оков.

И пред баскаками смиренно
Князья их падали во прах...
Но гибнет мощь татар мгновенно
В домашних распрях и война́х.

Орда разбилась. Русь свободна...
Но с рабством русские сжились, —
Они, не умствуя бесплодно,
От воли сами отреклись.

Зато князья, увидев ясно,
Что не рабы они теперь,
Приня́лись править самовластно,
С господ ордынских взяв пример.

Как из лакеев управитель,
Как дворянин из мужиков,

Таков же вышел повелитель —
Царь-самодержец из рабов.

И деспотизмом беззаконным
Довольно Русь угнетена;
И до сих пор в забы́тьи сонном
Молчит и терпит всё она.

Царь стал для русских полубогом,
Как папа средневековой;
Но не спокойствия залогом
Был он, а гибельной грозой.

Но пусть бы так!.. Еще России
Полезны дядьки и лоза;
Пусть предрассудки вековые
Рассеет царская гроза;

Пусть сказки нянек царь прогонит,
Пусть ум питомца развернет,
Сомненья искру в нем заронит,
К любви, к свободе приведет.

Тогда пусть правит. Но неведом
Ему язык высоких дум;
Но чужд он нравственным победам,
Но груб и мелочен в нем ум.

Но шесть десятков миллионов
Он держит в узах, как рабов,
Не слыша их тяжелых стонов,
Не ослабляя их оков.

О Русь! Русь! долго ль втихомолку
Ты будешь плакать и стонать,
И хищного в овчарне волка
«Отцом-надеждой» называть?

Когда, о Русь, ты перестанешь
Машиной фокусника быть?
Когда проснешься ты и встанешь,
Чтобы мучителям отмстить?

Проснись, о Русь! Восстань, родная!
Взгляни, что делают с тобой!
Твой царь, себя лишь охраняя,
Сам нарушает твой покой.

И сам, в когтях своих сжимая
Простых и знатных, весь народ,
Рабов чиновных награждая,
Такое ж право им дает.

И раб разумно рассуждает:
«Я сам покорствую царю;
Коль он велит, то умолкает
Честь, разум, совесть — я творю.

И раб мой, ползая во прахе,
Пусть, что велю ему, творит;
Пусть в угнетении и страхе
И ум и совесть заглушит.

Он мой! Он должен отступиться
От прав, от чести... от всего...
Он для меня живет, трудится;
Мои — плоды трудов его».

И в силу мудрого решенья
Он мучит бедных мужиков,
Свои безумные веленья
Законом ставя для рабов.

Какой-нибудь крючок приказный,
За подлость «статского» схватив,
Солдат, бессмысленный и грязный,
Дворянство силою добыв;

Князь промотавшийся, мильоны
Взяв за купеческой женой;
Безвестный немец, жид крещеный,
Нажившись на Руси святой, —

Все ощущают вдруг стремленье
Душáми ближних обладать,

Свое от высших униженье
Чтоб на подвластных вымещать.

И хладнокровно приступает
К позорной купле старый плут,
И люди братьев покупают!..
И люди братьев продают!..

Ужасный торг. Он — поношенье
Покупщикам и продавцам,
Царю и власти униженье,
Всему народу стыд и срам.

Какой закон, какое право
Торг этот могут оправдать?
Какие дикие уставы
Дозволят ближних продавать?

Не ты ль, наш царь, с негодованьем
Продажу негров порицал?
Филантропическим воззваньем
Не ты ль Европу удивлял?

А между тем в твоей России
Не негры, пленники войны, —
Свои славяне коренные
На гнусный торг обречены.

Скажите, русские дворяне,
Какой же бог закон изрек,
Что к рабству созданы крестьяне
И что мужик не человек?..

Весь организм простолюди́на
Устроен так же, как у вас,
Грубей он, правда, дворянина,
Зато и крепче во сто раз.

Как вы, и душу он имеет,
В нем ум, желанья, чувства есть,
Он ложь высказывать не смеет;
Но и за это — вам же честь!

Свободы, мысли и желанья
Его лишили; этот дар —
Всех человеков достоянье —
Ему неведом: он товар.

О нем спокойно утверждают,
Что рабство у него в крови, —
И те же люди прославляют
Ученье братства и любви.

Сыны любимые Христовы,
Они Евангелие чтут
И однокровного, родного
Позорно в рабство продают.

И что за рабство! Цепь мучений,
Лишений, горя и забот;
Не много светлых исключений
Представит горький наш народ.

Всё в угнетеньи, всё страдает,
Но всё трепещет и молчит,
Лишь втайне слезы проливает
Да тихо жалобы твердит.

Но ни любви, ни состраданья
Нет в наших барах-палачах,
Как нет природного сознанья
О человеческих правах.

На грусть, на плач простолюдина
Они с презрением глядят,
Рабы в руках их все — машина,
Они вертят ей как хотят.

Помещик в карты проиграет, —
Завел машину: «Дай оброк!»
И раб последнее сбирает,
Скрыв в сердце горестный упрек.

Но если бедный, разоренный
Неурожаем мужичок,

Большой семьей обремененный,
Не в силах выплатить оброк?

Так что ж! пусть мерзнет, голодает,
Пусть ходит по миру с семьей.
Свои права помещик знает
Над крепостной своей душой:

Он у раба возьмет корову,
Отнимет лошадь, хлеб продаст
И в назидание сурово
Ему припарку в спину даст.

И раб покорен, как машина,
Но хочет он и есть и пить,
И не во власти господина
В нем чувства тела истребить.

Меж тем и хлеб дневной не может
Он, как хотелось бы, иметь:
Гнилую корку часто гложет,
Пустые щи — его обед.

Изба соломою покрыта,
В ней тараканы, душь и смрад —
И вот всё доброе забыто,
Мужик пускается в разврат.

Пустеет хата, плачут дети,
Муж с горя пьет, да бьет их мать,
Не силен страх господской плети —
У них уж нечего отнять.

И, наконец, мужик несчастный,
Уже негодный для господ,
Для муки новой и ужасной
К царю в солдаты попадет.

Еще счастлив, когда он может
Мгновенно в битве умереть,
Но чаще в гроб его уложат
Труд, горе, бедность, розги, плеть.

Да еще крепкое сложенье,
Да мысль, что так велит судьба,
С привычкой давнею к терпенью
Спасают русского раба.

Лишь русский столько истязаний
С терпеньем может выносить,
Лишь он среди таких страданий
Спокойно может еще жить.

Но есть ужасные мученья,
Невмочь и русскому они,
И большей части населенья
Они в России суждены.

Проступок легкий и ничтожный
И даже мнимая вина,
В чем мысль и правду видеть можно,
Всегда жестоко казнена.

Не может барину свободно
Всей правды высказать мужик,
Не может мыслить благородно,
Боясь бессовестных владык.

Не может барину ответить
На вздор и грубости его;
Не смеет даже он приметить
Уничиженья своего.

Владеть имуществом не смеет,
Не волен даже сам в себе,
Затем что барин им владеет,
Он господин в его судьбе.

И даже брачных наслаждений
Раб часто барином лишен:
Тиран для скотских наслаждений
Берет детей, берет и жен.

Считая барина священным,
Каким-то высшим существом,

Мужик пред деспотом презренным
Поникнет телом и умом.

А тот собаками для шутки
Начнет несчастного травить;
Велит в мешок на трое сутки
Позорно вплоть его зашить.

Иль на дворе в крещенский холод
Водой холодной обольет,
Или на жажду и на голод
Дня три-четыре предает.

Заставит голыми руками
Из печки угли выгребать
Иль раскаленными щипцами
На теле кожу припекать.

Льет кипяток ему на руки,
Сечет плетьми по животу...
Но все их казни, все их муки
Я никогда не перечту.

Одну ужасную картину
Запомнил я до этих пор,
Как раз к вельможе-господину
Рабы являлись на позор.

С тупым, но злобным выраженьем,
С самодовольствием в лице,
К рабам проникнутый презреньем,
Сидел он гордо на крыльце.

И вот идут к нему в ворота,
Без шапок, кучка мужиков;
Грызет их бедность и забота,
Довольства нет в них и следов.

Печально, робкими шагами
Они к тирану их идут,
Стараясь угадать глазами,
Что — гнев иль милость — в нем найдут?

«Скоты! все станьте на колена!» —
Вдруг крикнул барин. Мужики
Со страхом падают; их члены
Дрожат, и чувства их горьки.

Они пришли сюда с прошеньем,
Чтоб их палач повременил
Оброк с них драть с ожесточеньем, —
Но сразу он их поразил.

Все в землю стукаются лбами
И на коленях все ползут...
Зачем? Они не знают сами,
Им на язык слова нейдут.

А он, смотря на них спесиво,
Дает им ближе подползать
И, точно папа, горделиво
Велит сапог свой лобызать.

Все исполняют. Лишь несчастный
Один остался средь двора,
И стал — бессмысленный, бесстрастный.
Теперь пришла его пора.

«Сюда!» — прикрикнул барин гневно;
Земной поклон ему мужик,
И говорит ему плачевно:
«Отсохни, барин, мой язык!

Ей-богу, ноженьки разбило.
Тронуться с места не могу!
Я чуть доплелся. Кабы сила,
Тогда я первый прибегу».

С лицом больным, изнеможенным,
Дрожащий, бледный и худой,
Со взором тусклым, помраченным,
Был жалок он своей тоской.

Но барин крикнул: «Притащите
Его ко мне!» И вот мужик

Притащен. «Барин, пощадите!»
Но он щадить их не привык.

Вскочив, он начал кулаками
Бить в грудь и в щеки мужика
И, сбивши с ног, топтал ногами,
Толкал пинками под бока.

Потом за чуб поднял и снова
Его хлестать стал по щекам
И, в кровь избивши, чуть живого
На руки бросил мужикам.

И приказал, чтоб двести палок
Ему приказчик завтра дал;
Но завтра раб был меньше жалок:
Несчастный завтра не видал.

Запомнил я, в душе смятенной,
Его страдальческую тень...
Зовет она борьбы священной,
Суда и мщенья грозный день.

И, может, дружным, громким криком
Ответит Русь на этот зов,
И во дворянстве полудиком
Взволнует он гнилую кровь.

И раб, тиранством угнетенный,
Вдруг от апатии тупой
Освободясь, прервет свой сонный,
Свой летаргический покой.

И встанет он в сознаньи права,
Свободной мыслью вдохновён,
И гордых деспотов уставы,
Быть может, в прах низвергнет он.

Отмстит он им порабощенье
Свободы равных им людей,
Свои беды и поношенье
Крестьянских жен и дочерей.

Восстанет он, разить готовый
Врагов свободы и добра,
И для России жизни новой
Придет желанная пора.

Уже в ней семя жизни зреет,
Стал чуток прежний мертвый сон,
Зарей свободы пламенеет
Столь прежде мрачный небосклон.

И, друг за другом, грезы ночи
При свете мысли прочь летят,
И всё бледней, и всё короче
Видений сонных пестрый ряд.

Без малодушия, боязни
Уж раб на барина восстал
И, не страшась позорной казни,
Топор на деспота поднял.

Вооружившись на тиранство,
Он вышел с ним на смертный бой
И беззаконному дворянству
Дал вызов гордый и прямой.

За право собственности личной,
За душу, наконец, он встал:
«Я не товар для вас обычный,
Душа — моя, — он им сказал. —

Протек для русского народа
Тьмы и тиранства долгий век,
Я жить хочу! хочу свободы!..
Я равен вам, я — человек!»

И пусть во всех концах отчизны
То слово мощно прозвучит,
Пусть всех возбудит к новой жизни
И гибель рабству возвестит!

И пусть злодеи затрепещут
И в прахе сгибнут навсегда,
И ярким светом пусть заблещет
Величья русского звезда.

Вставай же, Русь, на подвиг славы —
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волненьем
Твои полки увижу я!
О Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя, —

Когда, сорвав свои оковы,
Уж не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величьи благородных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств —

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин.
И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

Начало 1855

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ (?)

ДРУЗЬЯМ В РОССИИ

(Перевод с польского)

<Из А. Мицкевича>

Вы вспоминаете ль меня? А я мечтаю
Всегда о вас, когда моих друзей
Изгнанья, смерть и ссылки вспоминаю;
Хоть чуждые, но вы родны душе моей.

Где ж вы теперь? Погиб Рылеев непокорный...
Вкруг шеи той, что я в объятиях моих,
Как брат, сжимал, обвился шнур позорный...
О, проклят ты народ, бич избранных своих!

Меч отнят и перо у воина-поэта;
Бестужев — в рудниках, в тележку запряжен,
И той рукой, что мне давал он знак привета,
Там, рядом с полякóм, руду копает он...

Другим же, может, казнь еще лютей: в позоре
Умов и орденов, предал царю иной
Свой дух, и счастья ждет он в милостивом взоре,
И бьет порог царя покорной головой,

Наемным языком его триумфы хвалит
И злобно тешится страданьями друзей,
И в родине моей, своей же кровью залит,
Как честью, хвалится проклятьем Польши всей.

О, если с Запада, от вольного народа,
Унылый стих мой к вам на Север долетит
И в небе прозвучит, над краем льдов свободу,
Пусть, как журавль, весну он вам предвозвестит.

Знаком вам голос мой... Опутан быв сетями,
Я, с хитростью змеи виясь, тирану льстил;
Но душу и тогда раскрыл пред вами, —
Для вас, друзья, всегда я прост, как голубь, был.

Теперь открыто я излил отравы чашу,
И жгуч, и едок яд моих горячих слов:
И слезы высосал, и кровь он Польши нашей,
Пусть же сосет и ест — не вас, — а вашу сталь
оков!

Когда ж за речь любви ответит кто мне бранью,
Как лай цепного пса приму я эту брань,
Который, полюбив цепей своих бряцанье,
Кусает их с него срывающую длань.

Сентябрь или октябрь 1855 (?)

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

СОБАЧИЙ ПИР

<Из О. Барбье>

Когда взошла заря и страшный день багровый,
Народный день, настал,
Когда гудел набат и крупный дождь свинцовый
По улицам хлестал,
Когда Париж взревел, когда народ воспрянул
И малый стал велик,
<Когда в ответ на гул старинных пушек грянул
Свободы звучный клик, —>
Конечно, не было там видно ловко сшитых
Мундиров наших дней, —
Там действовал напор лохмотьями прикрытых,
Запачканных людей.
Чернь грязною рукой там ружья заряжала,
И закопченным ртом,
В пороховом дыму, там сволочь восклицала:
... ... умрем!
А эти баловни в натянутых перчатках,
С батистовым бельем,
Женоподобные, в корсетах, на подкладках,
Там были ль под ружьем?
Нет! их там не было, когда, всё низвергая
И сквозь картечь стремясь,

Та чернь великая и сволочь та святая
К бессмертию неслась.
А те господчики, боясь громов и блеску
И слыша грозный рев,
Дрожали где-нибудь вдали, за занавеску
На корточки присев.
Их не было в виду, их не было в помине
Средь общей свалки там,
Затем что, видите ль, свобода — не графиня
И не из модных дам,
Которые, нося на истощенном лике
Румян карминных слой,
Готовы в обморок упасть при первом крике,
Под первою пальбой.
Свобода — женщина с упругой, мощной грудью,
С загаром на щеке,
С зажженным фитилем, приложенным к орудью,
В дымящейся руке;
Свобода — женщина с широким, твердым шагом,
Со взором огневым,
Под гордо веющим по ветру красным флагом,
Под дымом боевым;
И голос у нее — не женственный сопрано:
Ни жерл чугунных ряд,
Ни медь колоколов, ни шкура барабана
Его не заглушат.
Свобода — женщина, но в сладострастьи щедром
Избранникам верна;
Могучих лишь одних к своим приемлет недрам
Могучая жена!
Ей нравится плебей, окрепнувший в проклятьях,
А не гнилая знать,
И в свежей кровию дымящихся объятьях
Ей любо трепетать.
Когда-то ярая, как бешеная дева,
Явилась вдруг она,
Готовая дать плод от девственного чрева,
Грядущая жена!
И гордо вдаль она, при кликах исступленья,
Свой простирала ход,
И целые пять лет горячкой вожделенья
Сжигала весь народ.

А после кинулась вдруг к палкам, к барабану,
И маркитанткой в стан
К двадцатилетнему явилась капитану:
«Здорово, капитан!»
Да, это всё она! Она с отрадной речью
Являлась нам в стенах,
Избитых ядрами, испятнанных картечью,
С улыбкой на устах;
Она — огонь в зрачках, в ланитах жизни краска,
Дыханье горячо,
Лохмотья, нагота, трехцветная повязка
Чрез голое плечо.
Она — в трехдневный срок французов жребий вынут!
Она — венец долой!
Измята армия, трон скомкан, опрокинут
Кремнем из мостовой!
И что же? О, позор! Париж, столь благородный
В кипеньи гневных сил,
Париж, где некогда великий вихрь народный
Власть львиную сломил,
Париж, который весь гробницами уставлен
Величий всех времен,
Париж, где камень стен пальбою продырявлен,
Как рубище знамен,
Париж, отъявленный сын хартий, прокламаций,
От головы до ног
Обвитый лаврами, апостол в деле наций,
Народов полубог,
Париж, что некогда, как светлый купол храма
Всемирного блистал, —
Стал ныне скопищем нечистоты и срама,
Помойной ямой стал,
Вертепом подлых душ, мест ищущих в лакеи,
Паркетных шаркунов,
Просящих нищенски для рабской их ливреи
Мишурных галунов,
Бродяг, которые рвут Францию на части
И сквозь щелчки, толчки,
Визжа, зубами рвут издохшей тронной власти
Кровавые клочки.
Так вепрь израненный, сраженный смертным боем,
Чуть дышит в злой тоске,

Покрытый язвами, палимый солнца зноем,
Простертый на песке;
Кровавые глаза померкли, обессилен,
Свирепый зверь поник;
Раскрытый зев его шипучей пеной взмылен,
И высунут язык...
Вдруг рог охотничий пустынного простора
Всю площадь огласил,
И спущенных собак неистовая свора
Со всех рванулась сил.
Завыли жадные, последний пес дворовый
Оскалил острый зуб
И с лаем ринулся на пир, ему готовый,
На неподвижный труп.
Борзые, гончие, лягавые, бульдоги,
Пойдем! — и все пошли;
Нет вепря-короля! возвеселитесь, боги!
Собаки — короли!
Пойдем! Свободны мы — нас не удержат сетью,
Веревкой не скрутят,
Суровый старец нас не приударит плетью,
Не крикнет: «Пес! назад!»
За те щелчки, толчки хоть мертвому отплатим;
Коль не в кровавый сок
Запустим морду мы, так падали ухватим
Хоть нищенский кусок!
Пойдем! И начали, из всей собачьей злости,
Трудиться что есть сил:
Тот пес — щетины клок, другой обглодок кости
Клыками захватил.
И рад бежать домой, вертя хвостом мохнатым,
Чадолюбивый пес,
Ревнивой суке в дар и в корм своим щенятам
Хоть что-нибудь принес
И, бросив из своей окровавленной пасти
Добычу, говорит:
«Вот, ешьте: эта кость — урывок царской власти.
Пируйте — вепрь убит».

1856 или 1857 (?)

П. Л. ЛАВРОВ (?)

* * *

Когда он в вечность преселился,
Наш незабвенный Николай, —
К Петру апостолу явился,
Чтоб дверь ему он отпер в рай.
— «Ты кто?» — спросил его ключарь.
«Как кто? Известный русский царь!»
— «Ты царь, так подожди немного,
Ты знаешь, в рай трудна дорога,
К тому же райские врата
Узеньки, видишь — теснота».
— «Да что же это всё за сброд?
Цари или простой народ?»
— «Ты не узнал своих! Ведь это россияне,
Твои бездушные дворяне,
А это вольные крестьяне,
Они все по миру пошли,
А нищие к нам в рай пришли».
Тогда подумал Николай:
Так вот как достигают в рай!
И пишет к сыну: «Милый Саша!
Плоха на небе доля наша.
Коль подданных своих ты любишь —
Богатством только их погубишь,
А если хочешь в рай ввести —
Так всех их по миру пусти!»

1855 (?)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

На голос:
«...Ах ты, Феня, Феня, Феня,
Феня ягодка моя!..»

Эх, солдатское житье,
Горемычное вытье!

Ай, люлюшеньки люли!
Ай, люлюшеньки люли!

Только тем и кавалер,
Что блестит его мундер.

Ай *и пр.*

А посмотришь, за душой
И полушки нет одной.

Ай *и пр.*

Всяка воля отнята!
Всяка правда заклята!

Ай *и пр.*

От зари и до зари
Царской службы лямку три.

Ай *и пр.*

Чуть заслышишь барабан,
Повинуйся как чурбан

Ай *и пр.*

Не доспи и не доешь,
Знай ученье да манеж!

Ай *и пр.*

Зябь и мокни под ружьем
На морозе, под дождем.

Ай *и пр.*

На ученьи день-деньской
Майся, словно как шальной.

Ай *и пр.*

А в награду опосля
Кулаки да фухтеля.

Ай *и пр.*

Командеры-то отцы
Только грабить молодцы.

Ай *и пр.*

Отобрать солдатский грош
Да давить тебя, как вошь.

Ай *и пр.*

Чтоб без дела наказать,
Матюками обругать...

Ай *и пр.*

Провиантом обделить,
Да и в рыло норовить!

Ай *и пр.*

Эх, солдатское житье,
Горемычное вытье.

Ай *и пр.*

Хуже каторги оно,
Очень больно солоно!

Ай *и пр.*

Между июнем и ноябрем 1862

* * *

На голос:
«Молодцам солдатам
Не о чем тужить»

Русскому солдату
Тяжело служить,
Хоть какому хвату
Тошно станет жить!
Бедность одолела,
Командир гнетет,
Он сечет без дела
И без дела бьет.
А скажи хоть слово
За себя в ответ,
Всяку смелость снова
Он в тебя вобьет!
Палочной науки
Школу проходя,
Много всякой муки
Примешь на себя!
И хоть будь начальства
В десять раз умней —
Ихнего нахальства
Осуждать не смей...
Половину века
В службе загубя,
В ней за человека
Не считай себя!
А дотянешь, с богом,

Лямки царский срок
Клянчай по дорогам,
Да иди в острог...
До могилы дружбы
Не забудь с сумой,
Ежели со службы
Не прошел «сквозь строй»!

Между июнем и ноябрем 1862

* * *

На голос:
«...Василиса, Василиса,
Не сердися на меня,
Оттого что мы с Борисом
Всё узнали про тебя!..»

Эх, товарищи любезны,
Уж и что я вам спою —
Проливайте токи слезны,
Как и сам я слезы лью!
Для того ли вы от поля
В службу царскую пошли,
Чтобы те, что ищут воли,
Смерть от ваших пуль нашли!
Чтобы вы, как ворог, стали
Без вины стрелять в крестьян,
А они вас проклинали,
Умираючи от ран!
Чтобы честный штык солдата
Проникал — не в вражью грудь,
А отца порой иль брата
Отправлял в смертельный путь!..
Чтоб на родине любезной
Исчезала к вам любовь,
И повсюду, как *под Бездной,*
Пролилась честная кровь!..
Чтоб повсюду, где крестьянин
Настоящей воли ждет,
Командиры, их тираня,
Вас травили на народ
И с нахальною отвагой
Заставляли вас стрелять,

Наказаньем и присягой
Вас сумевши запугать...
Командирам злым не верьте,
И присяги нет такой,
Чтоб своих же бить до смерти
Пулей штуцерной, шальной!
И честней под наказаньем
Самым тяжким умирать,
Чем по злому приказанью
В горемык-крестьян стрелять.

Между июнем и ноябрем 1862

Н. П. ОГАРЕВ

* * *

На голос:
«Ездил русский белый царь,
Православный государь,
Из своей страны далеко
Лавры пожинать»

Жил на свете русский царь,
Разнемецкий государь,
Он крестьянскому народу
Волю обещал!

Чтобы каждый селянин,
Как теперя дворянин,
От работы подневольной
Век не горевал.

Чтоб его ни бить, ни сечь,
Обдирая шкуру с плеч,
Ни помещик, ни чиновник
Более не мог.

Чтобы он землей владел,
И пошли ему в надел
Те поля, за что платил он
Барину оброк.

Обещал-то царь легко,
Но уехать далеко
На посуле, как на стуле,
Видно, захотел.

Думал: «Глуп мужик, всё съест!»
И составил манифест,
Что ни в толк взять, ни понять
Никто не сумел.

Ну, чиновники читать
Да крестьянам толковать,
Что та новая неволя
Волюшка и есть.

Воля вольная нищать,
Да под розгами пищать,
Да начальству грош последний
Со слезами несть.

Призадумался народ.
Чует — кто-нибудь да врет,
Иль начальство надувает,
Или самый царь.

Что за воля без земли?
Чтобы барщину несли
И оброк крестьяне так же,
Как водилось встарь?

Это что-нибудь не так —
И попалися впросак
Те крестьяне, что судили
О делах своих.

По села́м без дальних слов,
Как прямых бунтовщиков,
Стала сечь их и тиранить
Стая становых.

Ну сзывать на них полки
Да водить солдат в штыки,

Чтоб по старому порядку
Всё водилось вновь.

Напроказил царь-отец!
На Руси с конца в конец
Из-за царского обмана
Пролилася кровь.

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно — миром, волостями
В одно время встал.

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему как брат
И, не слушая приказа,
В него не стрелял.

Между июнем и ноябрем 1862

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

На голос:
«То не соколы крылаты,
Чуя солнышка восход,
Белого царя солдаты
Собираются в поход».

Что так ветер воет глухо,
Али воля отнята?..
Нет, то плачет мать-старуха:
Сын попался в рекрутá.
В чужедальную неволю
На солдатское житье,
Проклиная злую долю,
Он уходит от нее.

«Ты прощай, моя родная,
От сегодня навсегда!
Умереть тебе, пока я
Отслужу свои года!

Горек черствый хлеб солдата,
Хоть труды и тяжелы,
Да и скорого возврата
Нет из царской кабалы!
Для тебя ль навек отселе,
Всё равно что умер я,
Не в бою — не на постеле
Приключится смерть моя!
Гибнуть я иду — без доли,
Но приказ не исполнять,
Ни в крестьян, что ищут воли,
Ни в поляков — не стрелять!
Ты прощай, моя старуха,
Богомолица моя!
Ветер в поле стонет глухо —
Не вернусь в деревню я!..»

Между июнем и ноябрем 1862

* * *

На голос:
«Братья! дружно веселу́ю
Грянем песню в добрый час!»

Братцы! дружно песню грянем
Удалую в добрый час!
В поляко́в стрелять не станем,
Не враги они для нас!
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтобы русские мундиры
В этой бойне осрамить...
Брат ли встанет против брата?
А поляки — братья нам,
И для честного солдата
Убивать их — грех и срам!
Женщин слабых и недужных
Арестуя по церквам,
Убивая безоружных —
Не бывало ль стыдно нам?..
Нам ли сердце не сжимали
Ихний стон и ихний плач?..

В этой бойне мы устали,
  Русский воин — не палач!..
И за что их бить?.. За то ли,
  Что они стране своей
Ищут счастья, ищут воли
  И терзаются об ней?..
Русский — русским быть обязан,
  Как поляк — поляком быть,
Быть к стране своей привязан
  И отечество любить.
Пусть себе за ослушанье
  Нас начальство душит всех,
Лучше вынесть истязанье,
  Чем принять на душу грех!..
Нам довольно доказали,
  Как самих тиранят нас,
Как *Арнгольдта* расстреляли,
  И *Сливицкого* зараз!
И *Ростковского* сгубили
  Вместе с *Щуром* зауряд
Лишь за то, что все любили
  Всей душой они солдат!
В память их мы дружно грянем
  Нашу песню в добрый час:
В поляков стрелять не станем,
  Не враги они для нас!..

Между июнем и ноябрем 1862

* * *

«Дядя, ты в походах
Побывал довольно,
Расскажи — повсюду ль,
Как у нас, невольно?
Всюду ли солдаты,
Как у нас доселе,
Держатся начальством,
Тоись, в черном теле?»

— «Правду молвить, точно,
Видел я довольно,
Но сказать ли, братцы?

Говорить-то больно!
Нет нигде по свету
Тяжелей неволи,
Как в России нашей
Злой солдатской доли!..
У других народов
Люди без различья:
Офицер, солдат ли —
Вовсе нет отличья;
В службе — он начальник,
Ровня — не на службе,
И живет с солдатом
Офицерство в дружбе.
Всякий там солдатом
В очередь бывает,
Оттого и званье
Всякий уважает!..
Отслужил два года,
Или три — не боле,
И опять, как прежде,
Стал гулять на воле!..
Ведь и мы, признаться,
То же бы имели,
Если б только, братцы,
Дружно захотели...
Стоит лишь однажды
Сговориться дружно
И сказать всем вместе:
То и то нам нужно!
Порознь нас, конечно,
Насмерть перепорят —
А как все мы вместе,
Нас не переспорят!
Самый царь ведь нами,
Братцы, только силен:
Выйдем *все* на площадь,
Будет с нами смирен!»

Между июнем и ноябрем 1862

ОБЩЕЕ ВЕЧЕ

Прибавление к «Колоколу»

Лондон. 1862—1864

Н. П. ОГАРЕВ

МЫСЛИ РОССИЯНИНА

ПРИ ЧТЕНИИ УКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯН К ПОМЕЩИКАМ В ЗАПАДНЫХ ЧЕТЫРЕХ ГУБЕРНИЯХ И ЧЕТЫРЕХ УЕЗДАХ

1

Эх ты, царь наш батюшка,
Александр Второй!
Знать, и вправду бубны-то
Славны за горой.
Знать, покуда в Питере
Тешили слова,
Думал ты, пируючи:
«Всё, мол, трын-трава!
И в освободители
Попаду, мол, я,
И с моими барами —
Будем мы друзья.
Мужику помажу я
Медом по усам,
А другой-де воли я
Всё ж ему не дам.
В некой постепенности
Отыщу матéрью
Удоблетворить зараз
Всю мою имперью...»

2

Эх ты, царь наш батюшка,
Я простой мужик —
И к словам заморскиим
Вовсе не привык.
Мне бы как попроще-то:
Посулил — подай,
Хочешь *да* — скажи, а *нет* —
Рта не разевай.
В промежутке пустошном
Между *да* и *нетом*
Смыслу не найти тебе
С всем твоим Советом.
Был бы ты, царь-батюшка,
Сам себе не враг, —
Верно, не втесался бы
В постепенный мрак,
А с начала с самого
Нам бы землю дал,
Без оброков-выкупов
Всех бы развязал.

3

Ты пойми, царь-батюшка,
Испужавшись ляха,
Ты ведь за развязку-то
Вдруг взялся со страха.
Страх — советник плохонькой,
Не волён в мыслях,
И, глаза зажмуривши,
Бродит всё впотьмах.
Страх в российском воинстве
Уничтожил строй
И пустил солдатушек
На простой разбой;
Так что победятся-то
Ляхи не войсками,
А сдадутся — будут в том
Виноваты сами.
С страху ты, царь-батюшка,

Русским на проклятье
Бросился украдкою
В прусские объятья;
С поганью немецкою
Заключил союз,
Хныча, словно махонькой:
«Дяденька, боюсь!»

4

И теперь со страху же
Хочешь ты, чтоб пан
Лапою казенною
Брал оброк с крестьян.
Да смотри: не поздно ли
Ты взялся за ум?
Да и ум не выйдет ли
Только *наобум?*
Кто к уставной грамоте
Руку приложил —
По указу надобно,
Чтобы рубль платил;
Кто же не подписывал,
Был тебе противен —
Тот заплатит с скидкою
Только восемь гривен:
Стало быть, царь-батюшка,
Уж такой уряд —
Кто тебя послушался,
Тот и виноват.
Племена литовские

Идут бунтовать —
Ты крестьян от панщины
Хочешь развязать.
А как между русскими
Бунта еще нет, —
Ну, так переходностью
Сжать их на сто лет,
Чтобы царской милости
Век был русский барин
За неразвязание
Очень благодарен.

5

Ну, с Литвой как рядышком
Если наш народ
В неповиновении
Выгоду поймет?
Если Псков да Новгород,
Да смоленский люд,
А потом московские
К ним же подойдут;
Да по всей империи
Русский весь народ
На неправосудие
Вдруг возопиет:
«Ну-тка, царь, развязывай!»
Нет, уж тут с рубля
Двадцатью копейками
Отлынять нельзя!
Видишь ли, царь-батюшка,
В страхе нет добра,
С ним — чего мудреного —
Побежишь с двора.
Знамо, — тучу божию
Не сшвырнешь на вилах —
Ты сознайся попросту,
Что владать не в силах,
Обратись-ка к земщине,
Созови собор,
Да народных выборных
Слушай приговор;
Слушай во смирении,
Головой склонись,
Разуму народному
Сам-то поучись.
Да спеши, царь-батюшка,
Чтоб не запоздать,
Не пришлось бы земщину
Без тебя сзывать!

6

Если я, царь-батюшка,
Что сказал не в лад, —

Ты уж не взыщи на мне,
Я не виноват.
Твой покойный тятенька
Человек был строг,
Всех, кто был пограмотней,
Гнул в бараний рог.
Мы учились без толку,
Как-то на авось...
Впрочем, свет царь-батюшка,
Ты меня не бось.
Человек я маленький,
Смирный, не буян,
Чином не запятнанный
И не из дворян.
Я не вор, не взяточник,
Не шпион какой,
Купленный и проданный,
А мужик простой...
Пока верноподданный.

Фирс[1] *Холмогоров*

1863

СТАРООБРЯДЕЦ

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРООБРЯДЦА НА ТАЙНЫЕ «ПОСОАНОВЛЕНИЯ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА»

1

Царь, советом утвердясь,
Сел и думает гордясь:
«Ведь я барин, господин
И почетный властелин.
Мужики, мол, дураки,
Крепки *наши* кулаки —
Мы дворяне, господа!

[1] Я, люди добрые, именинник бываю 14 декабря; милости просим закусить.

Подавай-ка их сюда,
Нужно зубы обчесать;
А указов им не знать —
А то нам и не нажиться,
Если всякий вразумится;
Слово сказано в кулак,
Чтоб никто не знал никак,
Кроме нас — одних господ,
И да здравствует деспо́т!»

2

Так дворяне все считают,
Императоры мечтают —
Через тайные указы
И дворянские пролазы
Как бы даром дани брать
Да с крестьян всю шкуру драть,
Грабить деньги трудовые
Да стяжать чины пустые.
Знают, как когда прижать
Аль немножко воли дать,
Чтоб народ не рассердился,
Свергнуть иго не решился.
А народу жутко это,
Горемыкает по свету,
Тщится скрыть он злую долю,
Затевает *землю-волю.*

3

«Мы пускай, мол, мужики,
По-вашему дураки,
А ты, батюшка наш царь,
Благодушный государь,
Ты, однако, *землю дай* —
Наш природный вечный пай,
Не забудь и *волю* тоже, —
Вот что нам всего дороже.
А не дашь — так мы возьмем
И *народный* суд начнем,
И как скажем: «Надо так!» —

Не изменишь ты никак.
Сгинут паны и дворяне:
Что дворяне, что крестьяне —
Станут все один народ
Без различия пород.
Мы же будем все с народом,
Как желатели свободы,
Дорогие наши братцы,
Вообще старообрядцы!»

<1863>

СВОБОДНЫЕ РУССКИЕ ПЕСНИ

‹Берн›. 1863

Н. П. ОГАРЕВ

* * *

На голос:
«Вниз по матушке по Волге»

Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
«Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, сбирайтесь —
С Бела моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украйне, по казацкой!
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю!
Чтоб земля нам да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!..»

Первая половина 1862

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

На голос:
«God, save the Queen»[1]

Родина наша,
Нас помяни,
Горестей чаша
Ждет наши дни.

Много ль нас, мало ль,
Что б нас ни ждало,
С братской любовью
Ляжем костьми.

Князь и невольник,
Поп и раскольник
Нашею кровью
Станут людьми.

<1863>

* * *

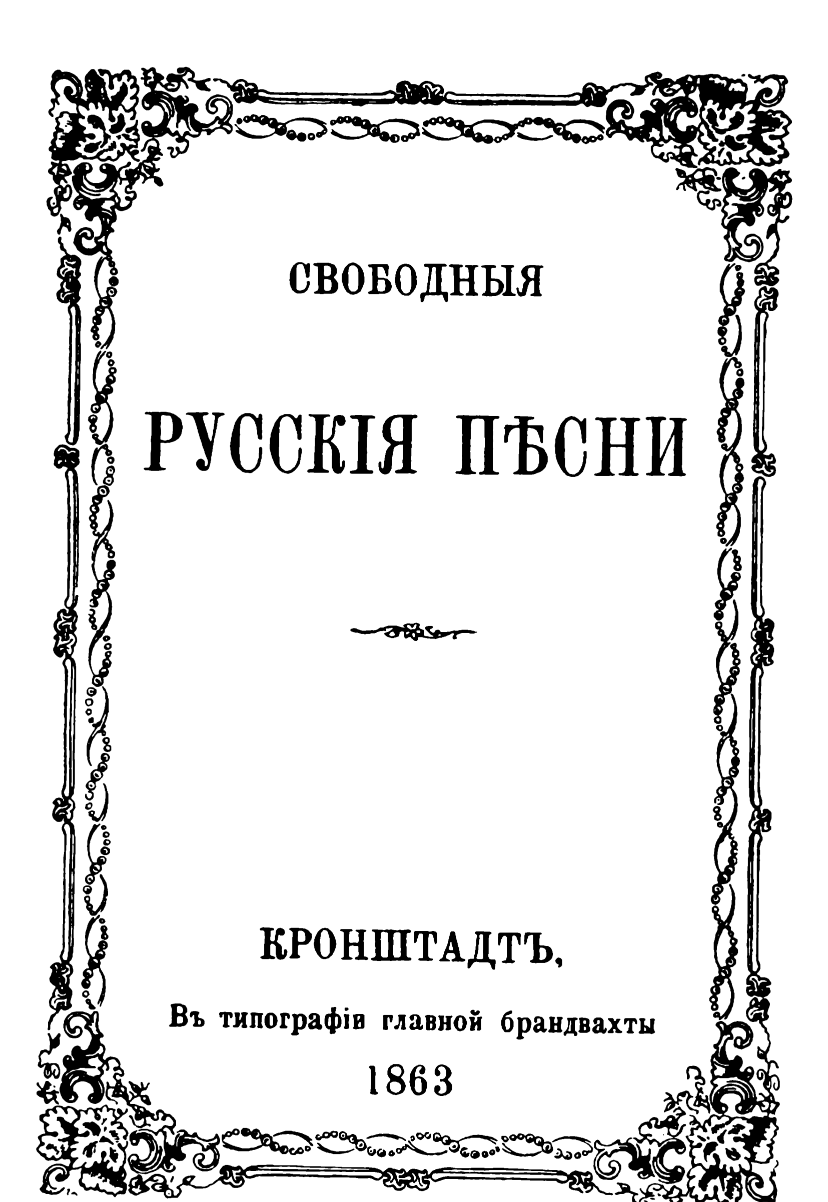
На голос:
«Камаринской»

Ах ты, сукин сын, проклятый становой!
Во всю прыть бежишь, раздуй тебя горой!
Целый стан, поди, как липку ободрал;
Ах ты, сукин сын, чтоб черт тебя подрал!

Ах ты, сукин сын, помещик-грубиян!
Чай, надул уставной грамотой крестьян,
Их землей, как есть, негодной наделил,
Черту с богом в одно время угодил.

Ах ты, сукин сын, ярыга-пьяный поп!
Полицейский да помещичий холоп!
Что бежишь опять о воле божьей врать?
Стыдно харей постной бога надувать.

[1] Боже, храни королеву (англ.). — *Ред.*



СВОБОДНЫЯ

РУССКІЯ ПѢСНИ

КРОНШТАДТЪ,

Въ типографіи главной брандвахты

1863

Ах ты, сукин. . . то бишь, царской адъютант,
Что, на девок зарясь, свой теребишь бант,
Для чего навел ты к нам в село солдат?
Не стрелять ли снова вздумал невпопад?..

Нет, брат, шутки! Нашей воле не перечь!
Ноне вам уже нас более не сечь!
Коль земли своей да мир не господин,
Так и царь-то смыслит дела на алтын![1]

<1863>

ОСЛУШНАЯ ПЕСНЯ

На голос:
«Marseillaise»

Час ослушный пробил для нас,
Освободим себя со славой!
Злодеи вынудили нас
К расправе дружной и кровавой! (bis).

К оружию, друзья!
Сомкнемтеся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды!

Пусть, как единый человек,
Вся Русь замученная встанет!
Освободим себя навек!
Земли родной на всех достанет! (bis).

К оружию, друзья! *и т. д.*

Довольно немцам пировать,
Довольно тешиться над нами!
Солдат да земство угнетать
С кнутом, плетьми и кандалами! (bis).

К оружию, друзья! *и т. д.*

---

[1] Вариант: Так и царь в<аш> т<оже> с<укин> с<ын>.

Нас грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родные нивы напоили! (bis).

К оружию, друзья! *и т. д.*

Довольно нас терзали зря,
Довольно стригли нас, как стадо...
Не надо больше нам царя,
Чиновной сволочи — не надо! (bis).

К оружию, друзья! *и т. д.*

Без полицейских и дворян
С собой управимся мы сами;
Рассудим все дела мирян,
Как встарь — землей да волостями! (bis).

К оружию, друзья! *и т. д.*

Сходись со всех сторон, народ,
Всяк, кто *за волю* — будет с нами.
Солдаты к нам! Настал черед
Свободу отстоять штыками! (bis).

К оружию, друзья!
Сомкнемтеся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды!

<1863>

* * *

На мотив:
«Славься же, славься, русский наш царь».
(Из оперы Глинки)

Славься свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытают и жгут нас огнем, —
Песню свободе и в пытке споем.

Славься же, славься, родимая Русь,
И пред царем и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорее, родимая, встань!

<1863>

ПЕСНЯ БРАННОГО ВОИНСТВА

Послушайте, братцы,
Советы мои!
Есть на всяком месте
Выгоды свои.

В городах — палаты,
В деревнях — сады,
В столицах — кареты,
А в полях — цветы.

Иной от шампанского
В подагре лежит,
А наш брат и за версту
Водку пить бежит.

Отбить государство
Посылают нас,
Опоздать к разводу —
Под арест тотчас!

Мундир рублей в триста,
А в кармане грош,
Корми коня сытно,
А сам сухарь гложь.

Над скотом — в сто тысяч
Стоит мавзолей,
А над нашим братом —
Свищет воробей.

Отбей десять пушек —
Дают крест златой,
Оторвало ногу —
Ступай жить домой.

А где ж этот домик,
Которого нет? . .
Вот тебе награда
За двадцать пять лет.

<1863>

* * *

Уж опять не бывать
  Прежней рабской доли,
Ночью, днем — жадно ждем
  Мы желанной воли.

Облегчить, свободить
  Нас давно сулили,
А пока — лишь бока
  Наши колотили.

Уж опять не бывать *и т. д.*

Коль путем и добром
  Не дадут нам воли,
Топором заберем
  Мы свое приволье!

Уж опять не бывать *и т. д.*

Обещать и не дать
  Уж теперь не могут,
Не то нам, мужикам,
  Рученьки помогут!

Уж опять не бывать *и т. д.*

И плечо горячо
  Раззудится силой,
И хоть раз, да горазд
  Хватим, что ли, вилой!

Уж опять не бывать *и т. д.*

И с лихвой дружный бой
    Барщине отплатим,
Не одну головý
    Барскую отхватим!

Уж опять не бывать *и т. д.*

Пусть тогда для суда
    Земские наедут —
И по ним, по родным,
    Рученьки проедут.

Уж опять не бывать
    Прежней рабской доли,
Ночью, днем — жадно ждем
    Мы желанной воли.

<1863>

БУДУЩНОСТЬ. L'AVENIR

Лейпциг — Париж. 1860—1861

Ф. А. КОНИ

СТИХИ К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II ПРИ ВОСШЕСТВИИ ЕГО НА ПРЕСТОЛ

Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка,
И где зависит всё от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, — чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И где звездами лечат знать
От заслужённых ей пощечин!
Где много есть свободных мест
Для угнетенья и позора;
Где вешают на вора крест,
А не на крест вздевают вора!
Где низость доставляет чин,
А чин дает на подлость право:
Кто низко ползал — исполин,
Кто честно жил — упал без славы!
Где надо знать маршировать,
Чтоб выслужиться перед троном;
Где можно родину продать
И ей же вновь служить шпионом!
Где с детства учат фрунтовой,
Из школ поделали казармы;
Где управляет всей страной
Фельдфебель с палкой да жандармы!

Где всё правительство живет
Растленьем нравственным народа;
На откуп пьянство отдает
Для умножения дохода!
Где за словечко — цензоров
Пугают пытками тиранства,
А грабить можно мужиков
И драть — по вольности дворянства!
Где недостатка нет в попах,
А веры не видать от века;
Где бог в одних лишь образах,
Не в убежденьи человека!
Где нет управы для людей;
Где мысль их гонят; изуверство
Где есть закон; для лошадей
Особое есть министерство!
Где все цари едят и пьют
Или в солдатики играют,
Из мертвых мощи создают,
Живых же в землю отправляют!
Где прихоть барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затменья умов
Есть министерство «просвещенья».

1856 (?)

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

* * *

Внемли, о царь, надежда Руси новой!
Перед тобой народ — на всё, на всё готовый,
И много дум, и много светлых сил!
Чтоб утвердиться на отцовском месте,
Как будешь в высочайшем манифесте
Из-под оков воров освобождать
И каторжным свободу даровать,
Не позабудь родной литературы
Освободить из-под цепей цензуры!

Дай ей хоть миг свободой подышать
И молодые грезы рассказать,
Невинного несчастья упованья,
К добру и чести чистые воззванья!
Тогда всё, всё простят тебе ее сыны!
И даже новые кафтаны и штаны,
Которыми свою ты начал славу
И удивил родную ты державу.

1855

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

К ГЕНЕРАЛУ ГАРИБАЛЬДИ

Муж убеждений! Муж призванья!
Вождь героических времен!
Звезда народного восстанья!
Любовь и щит родных племен!

Веди свои полки на торжество народу,
В обетованный край, дней наших Моисей!
Погибни произвол! Умолкни звук цепей!
Святая брань, провозгласи свободу!

Муж вдохновенья, муж сознанья!
Ты выждал час, судьбой храним!
Ты силой своего призванья
Неколебим, непобедим!

Ценили голову избранника злодеи,
Предателя искали — не нашли!
Затих синедрион... смутились фарисеи...
Тиара никнет до земли!..

<1861>

ЛИСТОК,

издаваемый кн. Петром Долгоруковым

Брюссель—Лондон. 1862—1864

Н. П. ОГАРЕВ

‹Н. П. ПОГГЕНПОЛЮ›

В «Норде» сквозь все тонкости
Языка французского
Беспрестанно чувствуешь
Погань поля русского!

Я хвалю за оное
Царскую полицию:
Третье отделение
Нужно за границею...

1863

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИЙ

Вот истертым вицмундиром
Облеченный, он идет,
В департамент от квартиры
Совершая свой поход.
Худ и слаб, и нищ, и беден,
С виду робок и угрюм.

Посмотрите, как он бледен,
Как убит в нем дух и ум;
Всё ведь, кажется, пристойно,
Но вглядитеся, и вас
Безнадежностью спокойной
Испугает он подчас, —
Так бессильем апатии
Мертво-страшен этот вид.
Это он, беда России,
Это он, наш вечный жид;
Порожденье канцелярий,
Он не нижний, мелкий чин,
Он — наш русский пролетарий,
Всех губерний дворянин.
Повсеместный — это верно,
Потому что лишь ему,
Что на всей Руси безмерной,
Нету места одному;
Нету места в ней такого,
Чтобы мог он вспоминать
Больше всякого другого,
И своей сторонкой звать:
Чтоб он был там — точно дома,
Не заезжий, не чужой,
Хоть по имени — знакомый,
Хоть по кладбищу — родной!
Всякий дворник, без сомненья,
В праздник божий, с земляком
Чинно сядет в заведеньи
Угоститься кипятком.
Расспросить, как мать-старуха
Дома может да живет
И по-прежнему ль Петруха
Всё запоем так же пьет?
Как-де выборный Никита
Нынче ладит с головой?
Как господь сподобил жито,
И каков был яровой?
Всяк бурлак, окончив гонку,
Всякий нищий, дровосек
На свою идет сторонку
Меж родными кончить век;

Есть у каждого избенка:
Некрасива — да своя;
Есть приют вдове с ребенком, —
Не пойдет вразброд семья.
Односелы — не чужие:
С ними полгоря в беде,
Для него лишь вся Россия
Одинакова везде!
Дед схоронен в Оренбурге,
Слег в Житомире отец,
Мать скончалась в Петербурге, —
Где-то он найдет конец? . .
Русской почве отпрыск чуждый,
К ней насильственно привит,
Он гнетет ее без нужды,
Засоряет и мертвит!
. . . .
Жизни радости на свете
От него, как тень, бегут:
Недоступны те, а эти
Неприличны, не идут.
Наслаждения искусства
Чужды, темны для него;
Прежде было в нем и чувство,
Но давно уж нет его;
Но давно оно убито
Гнетом жизни деловой,
Тяжкой жизни без защиты,
Беспардонной, роковой.
Никогда он не был молод:
В лета юности и сил
Нищеты суровый холод
Молодую кровь студил;
Но тогда, по крайней мере,
Упованье было в нем;
Было в сердце место вере
Одолеть судьбу трудом.
«Рано ль, поздно ль, труд, конечно, —
Думал, — выведет меня»,
Но напрасно ждал сердечный
Он прохлады от огня!
Поздно вызнал мой бедняга,

Вызнал горько над собой,
Что бесплодны труд, отвага
В этой битве роковой!
Чтоб не пасть на этом поле,
Там, что даже не зовут
Полем чести, мало воли;
Что тут с боя не берут;
Что игры служебной тайна
И хитра, и глубока...
. . . .
Долго нес он гнет постылый,
Злой судьбе не уступал,
И покуда были силы,
Не смущался, не роптал...
Видел с страшным он мученьем,
Как томилася жена,
Как в работе и лишеньях
Изнурялася она;
Нестерпимым истязаньем,
Истязаньем выше сил
Поднялося в нем сознанье,
Что ее он погубил!
И при мысли, что, быть может,
То же ждет его детей,
Что судьба их также сгложет
Неправдивостью своей,
Позабыл он самолюбье,
О достоинстве забыл,
Совесть, гордость, честолюбье
Навек в сердце задушил,
И готов сорвать был взятку,
Чтоб малюток оградить,
Но ведь право и на взятку
Прежде надобно купить...
Убедясь, что нет спасенья,
Что куда ни погляди,
Нищета и униженье —
Назади и впереди,
Свыкся с мыслью он угрюмой,
Что забыл его творец,
И под гнетом этой думы
Пал он духом наконец!

Не решился мой бедняга,
Злополучный мой чудак,
Утешеньем сделать флягу,
А прибежищем кабак;
Но, прокляв свою судьбину,
Угнетавшую весь век,
Обратился он в машину,
И заглох в нем человек!
Без надежд, без упованья,
Ничего уже не ждет;
Уничтоженный страданьем,
Служит он — но не живет!
Словно маятник, исправно
Он поход свершает свой
Ежедневно, тихо, плавно
В департамент и домой.

<1862>

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

САДОВОДСТВО

Жил-был садовник — барин важный,
Он про Версаль давно слыхал,
И каждый кустик, прутик каждый
Собственноручно подрезал.

Он стриг леса, сажал аллеи,
С соснами пальмы разводил;
Ну, словом, барские затеи
В своем владении вводил.

Он детям не давал резвиться
В заповедных лесах своих,
И ни один сучок развиться
Не смел по воле между них.

Он резал их, крутил, калечил,
Стриг все деревья каждый год,

И дивный сад так изувечил,
Что стал он истинный урод.

И это всё дошло к потомку:
Он пальм не трогал, не губил;
Покончил стрижку, бросил ломку,
Но много тыну порубил.

Он издавна любил природу
И волю дал всему расти:
Хотел он сучьям дать свободу
И от увечья их спасти.

Оделись зеленью березы;
Лес, приосанясь, зашумел;
Веселье заменило слезы,
Топор и ножик присмирел.

Уже, без стрижки и обрезки,
Деревья радостно глядят,
Оделись тенью перелески,
Кусточки ли́ствой шелестят,

Не пахнут воздухом теплицы,
Уж не запружены ручьи,
И завелись в деревьях птицы,
И засвистали соловьи.

Везде и весело и любо,
Свежо, отрадно и светло;
Садовник не ломает грубо,
И не сажает под стекло.

Но экзотических растений
Немноголюдная семья
Перепугалась свежей тени
И вольной песни соловья.

Все пальмы, кактусы, лимоны,
Семья ползучая плющей
Заговорили про законы
И про влияние лучей...

Что нету им благополучья,
Что этак им нельзя расти
И что плебеи эти — сучья —
Хотят им тени навести;

Что ничего сквозь их не видно,
Что заслоняют солнца свет,
Что жить им так весьма обидно,
Светло проживши столько лет!

И барин выслушал моленья,
Склонясь к ласкающим плющам:
«Хоть пользы нет, но украшенье
Я вижу в них моим садам.

Да сучья что ж?.. Ведь сучьев много —
Еще их можно порубить;
А пальмы? Жаль! Зачем их строго
И так сурово погубить?..»

И вот пошел топор в аллеи,
Пошли пила и нож в леса;
Стал строить вновь оранжереи,
Стал барин делать чудеса...

Напрасно рос в лесу шиповник,
Напрасно руки всем колол;
Душил и снял его садовник —
И без оглядки к цели шел.

Он резал сучья без пощады,
Законы роста позабыв;
Деревья крепли от досады,
Все соки в корни перелив.

И наползли везде коренья,
И стали сильны под землей,
А наши нежные растенья
Всё чахли, чахли чередой...

Среди забот и сладкой неги
Лучи их солнца не спасли,

Затем что сильные побеги
От сильных корней проросли;

Что лишь себе благополучья
Они желали средь лесов;
Что из-за них губили сучья
Полезных и родных дерев...

Ни вкус, ни прихоть, ни затеи —
Ничто не вечно под луной,
И пали в прах оранжереи
Над экзотической семьей...

Ни пальм, ни кактусов колючих,
Ни орхидеев, ни плющей
Уж не видать среди могучих
Побегов новых от корней.

От тех дубов, и сосн, и елей,
От лип, и кленов, и берез...
А сколько вьюги и метелей
Ты, лес родимый, перенес!..

Теперь вздохни, и верь! Настанет
Иная, лучшая пора!
Тебя никто уж стричь не станет,
И не увидишь топора.

1861 или 1862

ОВЦЫ

На земле у нас родной
Не изнежены судьбой
Овцы — славная порода
Всем известного завода,
Но пасут их — пастухи,
Воплощенные грехи;
Жутко стаду достается,
И не так оно пасется,
А паслось бы так, как надо;
Ох! лихое было б стадо!..

Хоть в лугах позеленело,
Да кому какое дело,
Что смиренные ватаги
Загоняются в овраги?..
Что за дело пастухам?
Невдомек их головам,
Что скотину надо холить,
Не морить и не неволить?..
Пастухам удобно тут,
Где овец они пасут:
Вечно веселы и пьяны...
Ничего... Зато бараны...
Топчут тернье да песок...
Если ж маленький клочок
Им случайно попадется
Доброй травки и придется
Пощипать и пожевать, —
Да зато ее искать
Уж не малой стоит муки,
И терпения, и скуки!
Вот, родимый, и причина,
Отчего у нас скотина
Пропадает ни за грош...

<1862>

П. И. ВЕЙНБЕРГ

ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ

Я люблю смотреть на звезды —
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны:
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны.

И люблю я слышать шелест,
Но не вязов, не акаций —
Мне милее шелест крупных
Всероссийских ассигнаций.

И люблю внимать я реву —
Но не ветра над волнами:
Мне милее рев *особы*
Над мельчайшими чинами.

Я люблю смотреть, как гнется —
Но не ива в роще темной:
Мне милей сгибанье тела
У начальника в приемной.

Я люблю ключи большие,
Но не в скалах и пещерах:
Мне милее те, что блещут
На высоких камергерах.

И люблю я теплый климат —
Но не стран благословенных:
Мне милей теплынь родная
Мест гражданских и военных.

<1862>

В. Г. ТИХАНОВИЧ

ВЕЛЬМОЖА

У подъезда линейки, коляски;
Нет прохода от пышных карет;
Из карет появляются маски,
Лиц открытых, без хитрости — нет...

У подъезда швейцар с булавою,
Желтым, черным украшен — как шут;
Все кивают ему головою
И по отчеству даже зовут.

В кресле Гамбса, в своем кабинете,
Наш вельможа внимает доклад;
Он не в полном своем туалете,
И закутан в соболий халат.

За страницей проходит страница
И уходит на вечный покой...
А в приемной просителей лица
Ждут его, словно бога, с мольбой...

Сам же он устремляет заботы,
Оставляя подвластных людей,
На подарок для Мины, Шарлоты,
На четверки гнедых лошадей.

По сверхштатной улыбке министра
В голове его зреет расчет,
Что на службе, как кажется, быстро,
Очень быстро теперь он пойдет.

Ты, живущий трудами другого
И не ценящий тягостный труд,
Что тебе мое слабое слово?..
Выходи на общественный суд!

В твоей власти мильоны народа,
Что работать желают и есть;
В твою власть отданы их свобода,
Средства к жизни, и личность, и честь!

Полон мысли об общем их благе,
Ты, приехавши поздно домой,
Не читая подпишешь бумаги,
Все подпишешь — чтоб с шеи долой!

Все дают тебе имя благого,
А в углу втихомолку клянут...
Сибарит и вельможа, я снова
Вас зову на общественный суд!

<1862>

СТАРИК

Пусть молодежь кричит публично,
Что грабить взятки неприлично;
А я к ним с детства так привык,
Что хороню концы отлично...
Хоронит кто?.. Да я, старик!..

Пускай лишусь с отставкой чести:
Беда, ей-ей, невелика!
Коль сосчитать все деньги вместе,
Найдется верных тысяч двести...
А у кого?.. У старика...

Другой пусть служит кровью, потом,
А я, век лежа на боку,
Прослыть успел уж патриотом,
И едут, йдут все с почетом...
К кому?.. Ко мне же, старику...

Как прогрессистов к нам набрали,
Я взял их сразу за бока:
Придрался, вытурил вначале...
Так старики ж и прославляли...
Кого?.. Меня же, старика!..

Раз мы казну обдули ловко...
Какой везде поднялся крик:
Вот в ком сноровка так сноровка!
О тонкий плут! О вор старик!..

Кто побогаче, пораспутней —
Со мной наверное знаком...
En grand[1] с кем можно спрятать плутни?
Да всё со мной же, стариком!

О ком пришлося молодежи
Кричать, как я раз, налегке,

[1] В общем (франц.). — *Ред.*

Пришел с попойки без одёжи,
С большой царапиной на роже,
С спиной — синяк на синяке?
Всё обо мне, об старике!..

Хоть прокричи всему народу,
Что мы старье и дураки;
Вводи гуманность, гласность в моду,
А не дадим ни в чем им ходу...
Да кто?.. Всё мы же, старики...

Писак непризванных ватаги
Кричат: кто стар, тот бестолков;
То эгоист, то плут, то скряга...
Вам, молодежь, не сделать шага...
А без кого?.. Без стариков!..

Не страшны ваши нам порядки,
На плутни ярые нападки.
Мы рот зажмем говорунам...
Всегда лупить удобно взятки
Кому?.. Да нам же, старикам...

На них желчь можно только вылить,
Загорбок малость им намылить
Сарказмом прозы и стихов...
А уж на деле не осилить...
Кого?.. Да нас же, стариков!

Коль ты писатель с головою,
Так злость не бранью площадною,
А тонкой шуткой облеки,
И не кричи перед толпою:
О, плуты, воры — старики!

Сказать по совести, меж нами:
Мы выживаем из ума,
И если целыми веками
У нас в отчизне длилась тьма,
Так это нами, стариками!..

<1862>

ЮНОШЕ

Не там, где громко, многолюдно,
Где блещет блеск и шум шумит,
Где так великолепно, чудно,
Где всё незыблемым глядит;

Где горделиво тяготеет
Полуторастолетний плен, —
Не там и не оттуда веет
Дух новых, будущих времен!

Но там, где тихо слышно слово,
Где нет ни копий, ни мечей, —
Там возрастает семя ново,
Залог иных, грядущих дней;

Но там, где ветхая лачуга,
Где честный обитает труд,
Где сталь косы, серпа и плуга,
Где песни старые поют;

Куда не вкралася измена
И не вошли ее дары;
Где только цепь чужого плена,
А не богатства и пиры, —

Оттуда дух грядущей жизни
Восстанет, полный сил благих,
Подаст свободу вновь отчизне
И разорвет оковы их!

Среди насмешки и сомненья
Благое дело восстает,
И поколенью поколенье
Свой славный труд передает;

И чувство в нас проснулось снова,
И древний голос слышен вновь.
Произнеслось живое слово —
Измену победит любовь!

Спадает с каждым часом боле
С очей густая пелена —
И богатырь выходит в поле,
От долгого очнувшись сна!..

И жизнь, и труд, и ум народа
Стряхают цепь и долгий плен,
И улыбается свобода
Былых и будущих времен!

Быть может, время недалече,
Когда, прияв свой мощный вид,
Как море заколеблясь, вече
Заговорит и зашумит.

И ты ль пред добрым начинаньем,
Боясь насмешки и труда,
Пребудешь чуждый ожиданьям,
Теряя юные года?..

Не бойся полюбить сверх меры —
Ты молод; должен не робеть:
Прими и труд, и силу веры,
Умей страдать, умей терпеть!

Так с богом! Доблестно и смело!
Сомненья прочь! Иди на брань!
За земское, святое дело
Неколебимо, твердо стань!

<1862>

Н. П. ОГАРЕВ

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ПАНОРАМЕ

Рифмованные строчки

Женева. 1869

> Мужичок с ящиком по ярмарке похаживает,
> Разные картинки в стеклышко показывает.

1

Не бось, не бось! мои боярыни и баре,
В стеклышко смотрите, подходите по паре;
Вам, чай, приятна и ектенья на амвоне,
Вы попривыкли ко всякой царской вони.
Мужик вот нейдет — ему неинтересно,
Земля-то широкая, только жить тесно;
И что, мол, мне до восточного вопроса,
Коли дома ни ржи, ни пшеницы, ни проса.
А у вас, господа мои, боярыни и баре,
Всё же кое-что да сбереглося в амбаре;
Вы на комедью восточного заката
Приходите взглянуть по копеечке с брата.

2

Вот первое стеклышко — тем и обидно —
Кажется, когда темно, так ничего не видно.
В прочих стеклышках идет иллюминация,
В каждом стеклышке особая нация.

3

Первая — Франция — Наполеон Третий,
Человек первый из девятнадцати столетий;
Речь говорит — уж нельзя превосходней,

«Француза, говорит, прижать — тем он и свободней.
Я, говорит, не просто король аль император,
Человек, говорит, штатский и больше оратор.
Хожу, говорит, не в мундире, а во фраке я,
Что мне их Крит, а либо Фракия?
Я, говорит, человек мирный — даже по платию,
Между Турцией и Грецией учрежду симпатию.
Конфедерацию строю из плюса да минуса,
Да затем дальше всех вперед и подвинуся.
Войско для миру держу, даже денег не жáлится
(Они ж не свои), а иначе мир провалится.
Франция меня любит, у меня жена Евгения,
И все рукоплещут, в принце узрев гения».
Видите, господа, у него речи звонкие,
Мысли всё благие и усы тонкие.

4

А вот тут на него граф Бисмарк смотрит косо,
«Я, говорит, за Рейном ему дам хлопштоса.
У меня, говорит, совсем новая Пруссия,
Стало — в восточном вопросе упрусь и я,
Правда, нас не обдает оттолева страхом;
Мое дело — князьков немецких швырнуть прахом,
Да кто б и Австрию хватил, кабы да не я?
У меня в комочек свернулась и Дания.
У меня король Фридрих вошел в леты,
А носит всегда енеральские эполеты.
А сам я, хоть и граф, но настоящий король;
Богатейшая, говорит, моя на сем свете роль».

5

А вот Австрия — император Франц-Осип,
По-венгерски Карл — такой уж у них способ:
Надо, говорит, чтоб имен была троица,
Потому что без троицы дом не строится,
А сам он сидит бедный да печалится.
«Того гляди, говорит, Австрия провалится;
Друзей в самом деле нету, потерял святого Марку,
А Берлина, говорит, боюсь и его Бисмáрку.

Славяне к России тянут, и Чехия, и Галиция
(Я, говорит, немец — не люблю их лицы я),
Да им и к нам притянутым время соскучиться,
Куда им к России?.. Все врозь хотят скучиться.
Того гляди, говорит, не Франц-Осипом имперским,
А придется остаться мне только Карлом венгерским».
Но фон Бейст говорит: «Не беспокойтесь, обделаю,
Уж такую господь в меня вложил душу смелую».
Франц-Осип фон Бейсту на шею повалился,
От избытка чувствия слезами залился.

6

А вот Виктор-Иммануил, веселый любитель,
А по-русски значит: избранный победитель,
«У меня, говорит, богатырские и усы и талия,
И королевство теплое — имя ему Италия.
Всякие строгости хотел бы ослабить,
Да с министрами пришлось только народ грабить,
А народ от евтова тянет к республике,
А мне бы, говорит, только поплясать в публике.
А тут ничего не поделаешь и с папою,
Он всё загребает священною лапою;
Рад бы поплясал на его гробе я,
Да у него всё французские пособия.
Какое, говорит, мне дело до восточного дела,
Лишь бы своя голова-то на плечах уцелела».

7

А вот Англия — в восточный вопрос-то
Вступаться не желает, говорит просто.
«Мне, говорит, чтоб у народа прошел глад и стон,
Только и нужно, и министр у меня Гладстон,
Человек, мол, крепкий, да и сама королева
Ездит себе в коляске безо всякого гнева».

8

А вот, господа, стеклышко большое самое,
Это наша Россия, племя неупрямое.
Александр Николаевич, всех дел вершитель,

«Я, говорит, ввожу всякие реформы,
А сам, говорит, знаю, что это для проформы.
Войны, говорит, не хочу, хотя мы и хватики,
А рекрутов, говорит, надо — поиграть в солдатики.
Грекам обещаний надам выше тополя,
А сам, говорит, и прочь — не забыл Севастополя.
Мужичкам любезным поберегу розги,
Пусть дворяне секут — это в их мозге.
А сам к обедне схожу для божьего оплоту,
Да позабавиться и съезжу на охоту».
Так у нас, господа, дело и варганится,
Куда нам тут восточным вопросом чваниться?

9

А вот греческий король сидит да всё плачет:
«Всё, говорит, христианство ко гробу скачет.
Мне бы, говорит, хорошо — и в салате настурция,
Сам я греков не ем, ест нас Турция.
Но надо мириться, когда кто не сможет,
Все, говорит, нас надуют, никто не поможет».
Да вот и Султан: «Я, говорит, лыс, без волоса,
Но с Грецией смирюсь — мы оба без голоса.
Голос, говорит, у Краевского, с ним и оболванится».
Затем, господа, прощайте! Друзьям просим кланяться.

1869

Н. П. ОГАРЕВ

МУЖИЧКАМ

Женева. 1869

Люди мои милые, люди мои бедные,
Когда ж это вы начнете голоса-то победные?

Поразберите сами — что вы теперь справляете —
Пло́тите, пло́тите, голодаете, голодаете...

Разве это в самом деле жизнь для человека?
И чем же это лучше какого крепостного века?

Старшин выбираете будто вы, а выбирает начальство, —
От этого и идет только грабеж и нахальство.

А вся беда, что вы еще верите в дело царское,
А оно тоже дело чиновничье и дело барское.

Когда ж это вы перестанете во вздоры-то верить
Да станете все дела на свой аршин мерить?

Пора, братцы, пора! Время-то уходит.
Не станете за себя сами — так они вас уходят.

Надо самим силу в руки взять для лучшей-то доли,
Чтобы добиться в самом деле и земли и воли.

А там уж меж себя поделитесь и разверстаете,
Не то что по указу царскому, а как сами знаете.

Июль или август 1869

Н. П. ОГАРЕВ

ГОЙ, РЕБЯТА, ЛЮДИ РУССКИЕ

Женева. 1869

Гой, ребята, люди русские!
Голь крестьянская, рабочая!
Наступает время грозное!
Пора страдная, горячая.
Подымайтесь наши головы,
От печалей преклоненные!
Разминайтесь наши рученьки,
От работы притомленные!
Мы расправу учинить должны,
Суд мирской злодеям-ворогам.
А злодеи эти вороги:
Все дворяне, все чиновники,
Люди царские, попы, купцы,
Монастырские, пузатые —
Все они нас поедом едят,
Поедом едят — судом судят,
Обложили нас оброками,
Мы за всё про всё платить должны;
Про их брюхо ненасытное
Работáем с утра до ночи,
Сами наги, сами голодны,
На Руси мы как в аду живем!
Подмененный царь Александрушка,
С головой пустой, со немецкою,
Только пиво пьет да командует
Палачам своим толстой гвардии,
Чтоб стреляли нас, чтоб нас вешали,
Чтоб в Сибирь вели людей умных.

Видно, с глупыми легче справиться, —
Как ни мучай их, всё «ура» кричат.
А отродье-то его царское,
Дети, внучата, сестры, братчики
В золотых дворцах потешаются,
Только пьянствуют да распутствуют;
А мы, глупые, неразумные,
За них молимся, «много лет» кричим.
От нужды-горя от крестьянскова
Как бы стон стоит по земле русской;
В деревнях печаль ветром носится,
Сердце рвет у всех, зубы скоркают.
Услыхал о том Стенька Разин сам,
Во горах что спал лет поболе ста.
Он, заступник наш, просыпается,
На помогу к нам собирается.
Подымайтесь наши головы,
От печалей преклоненные!
Разминайтесь наши рученьки,
От работы притомленные!
Мы расправу учинить должны,
Суд мирской царю да ворогам.
Припасайте петли крепкие
На дворянские шеи тонкие!
Добывайте ножи вострые
На поповские груди белые!
Подымайтесь, добры молодцы,
На разбой — дело великое!
Мы отплатим нашим недругам
Все злодейства, все мучения;
От рук наших умираючи,
Пусть помянут годы тяжкие,
Как тиранили народ простой,
Как поборами нас грабили!
Будут плакать, будут сетовать
Жены их и дети малые:
Не должно для них пощады быть,
Надо всех их нам со света сжить,
Города, дворцы огнем спалить,
Чтоб не знали, где главы склонить.
И очистим мы землю русскую
От всех ворогов да бездельников,

Что наш хлеб едят да нам зло творят,
От попов, купцов, от чиновников,
От дворян, от бар, что кровь нашу пьют.
Мироедам всем карачун дадим;
Все дома их пустим по ветру.
Подставному царю-батюшке,
Александрушке подмененному,
Мы скрутим руки немецкие,
Поведем на площадь Красную,
На московскую площадь Красную,
Пред мужичий люд, им обманутый;
Там судить его станем миром всем,
Мы допрос ему учиним такой:
«Подмененный царь, Александрушка,
Лиходей земли нашей русския,
А зачем ты нас обманул-надул,
Вместо волюшки в кабалу отдал?
Ты зачем велел нас рубить-стрелять,
Как хотели мы себе землю брать?
Ты за что про что мучил пытками
Вожаков наших да заступников?
Ты за что рубил, ты за что секал
Их разумные, буйны головы?
Подымалися под Архангельском
Мы от голода от великого,
Наги, босы, отощалые,
В Питер-город шли шестьсот тысячей;
Ты послал на нас свою гвардию,
С генералом своим плутом Треповым,
Свою гвардию откормленную,
Откормленную, подпоенную;
Ты велел нас бить, да без милости,
Без разбору безо всякого
Палить залпами да картечами,
На штыки сажать, конем топтать.
От тоё ли, от картечи от поганые
Полегло нас много тысячей,
Потекла ручьем кровь мужицкая
По лицу земли нашей русския.
Мы теперь с тобой, подмененный царь,
Поквитаемся, рассчитаемся!
Мы теперь тебя разорвем в куски,

Разбросаем их во все стороны».
Подымайтеся наши головы,
От печалей преклоненные!
Разминайтеся наши рученьки,
От работы притомленные!
Мы расправу учинить должны,
Суд мирской царю да ворогам,
Без пощады им поделом воздать,
Чтоб добыть себе *волю вольную.*

1869

Н. П. ОГАРЕВ

ВСТРЕЧА

(Посвящено духовенству)

Женева. 1869

От плевка мужика поп обиделся.
«Ты из старой сказки, — говорит, — не выбился.
Чем же я не друг тебе, мужичок?
А пойдем-ка мы лучше с тобой в кабачок,
Зеленáго вина выпьем чару дружную,
Потолкуем речь, обоим нужную.
А старуха святых даров без хлопот подождет,
И приду ли я поздно, всё равно помрет».

И пошел с попом мужичок в кабачок,
Чару выпили зеленáго вина,
И поп говорит: «Моя жизнь не красна
И не лучше мужицкой, ты мне просто поверь,
Мы живем — как холоп, как замученный зверь.
А теперь нам еще хуже приходится,
Наше племя больше на шатанье расходится».

А мужик говорит: «Дурень ты, поп,
Присылай к нам детей и в жар и в зноб,
Мы им работу дадим на месте,
Землю пахать станем вместе,
Мы только примем их как родных,
Мы только вскормим их как своих.
А не то надоело косить траву блеклую,
Я возьму косу, косу вострую,
Да смету вас всех, моих начальников,
Моих предателей, моих нахальников,
И поверь, тогда, без вашей подготовщины,
Проживем и проверуем безо всякой поповщины».

Сентябрь 1869

Научите немудрых

Забудь уныния язык!
Хочу — помимо произвола, —
Чтоб ты благоговеть привык
Перед святынею глагола.

Мне надо, чтобы с уст твоих,
Непраздннословных и нелживых,
Звучал поток речей живых,
Как разум ясных и правдивых.

Отбрось рабов обычных школ —
И книжника, и фарисея:
Пред ними истины глагол
Проходит, власти не имея.

Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто жаждет, искренен и смел,
Рассудка простоты несложной.

Глагол — орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли?.. Ну! Теперь смотри,
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

<1858>

Н. П. ОГАРЕВ
СТУДЕНТ
Молодому другу Нечаеву
Женева. 1869

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

И, гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом,
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но, весь век нелицемерен,
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

1868

ВОЛЬНЫЙ ПЕСЕННИК. ВЫП. 1—2

Женева. 1870

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

Обманул нас царь свободой,
Ждать нам нечего теперь,
Лучше с барскою породой
Нам расправиться скорей!
Мы теперя пашем, сеем,
  Всё в оброк идет,
И разинуть рта не смеем,
  Потому — *убьет*.
Подпоят солдат, и шлют их
  К мужикам тотчас,
Как услышат, что ругаем
  Царский мы указ.
Бунт! — кричат, как затолкуем
  Мы про что-нибудь,
И солдат штыком пыряет
  Во мужицку грудь!
Кровь течет наша задаром,
  Нечего нам ждать,
Наступает пора, братцы,
  Топоры нам брать.
Передушим лиходеев,
Перевешаем злодеев,
Всех купцов, всех попов,
Всех чиновных подлецов!
Все столицы Петербурги,

Все большие города
Мы по камню раскидаем,
Чтобы не было следа!
Все приказны крючкотворства,
Все законы, все дела,
Вместе с судьями, с судами
    Мы сожжем дотла.
Вот когда огнем, железом
Вспашем мы весь божий мир,
Тогда вырастет свобода,
    Будет про нас пир.

1871

* * *

Царя Алексашу
Для родины нашей,
Господи, помилуй
На веки веков!

За его заслуги
Жизнь его супруги,
Господи, спаси
На веки веков!

Даром чудодейства
Царское семейство,
Господи, помилуй
На веки веков!

Для счастья народа
Главных лиц Синода,
Господи, помилуй
На веки веков!

От лихой напасти
Все чины и власти,
Господи, спаси
На веки веков!

Для смотров, параду
Воинства громаду,
Господи, спаси
На веки веков!

А от просвещенья
Всех без исключенья,
Господи, помилуй
Во веки веков!

Пусть нас дуют палкой
Вдоль и с перевалкой,
Мы ведь христиане:
Наш удел терпеть.

Можно под мазурку
С нас содрать и шкурку —
Господи, помилуй! —
Мы всё будем петь.

У нас у Синода
Уж такая мода:
Скакаше, играя,
Сам святый Давид.

Нынче те же нравы:
Для твоей забавы
Мы скакать готовы,
Хоть спина болит.

<1870>

Н. П. ОГАРЕВ

НАДГРОБНОЕ

Что тебя прихлопнуло,
  Старый генерал?
Совесть ли проснулася?
  Царь ли обругал?

Видишь, как бы ни было,
   Будь хотя подлец,
А кондрашка все-таки
   Хватит наконец.

И хватил насмешливо,
   Не уважив чин,
Накануне именно
   Царских именин.

И равно ни холодно
   И не горячо,
Есть Андрей с брильянтами
   Иль через плечо.

Вот мораль из этого —
   Будь ты хоть палач,
А издохнешь все-таки,
   Злобствуй или плачь.

Сентябрь 1866

ЦАРСКИЕ УКАЗЫ

(Подражание Лермонтову)

Есть речи — значенье
Темно и ничтожно,
Но их без волненья
Сносить невозможно.

Как полны их звуки
Безумством стяжаний,
В них все наши муки,
Обман обещаний.

Дождется отпора
От схода мирского
Из гнета и вздора
Сотканное слово.

В седле или в поле,
Мы — где б ни случилось —

Проклясть поневоле
Его мы решились.

Не кончивши жнитвы,
Для воли все разом
Мы бросимся в битвы
На гибель указам.

1869

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Царь, дворяне да попы,
Мироеды да купцы —
Враги наши искони,
Кровопийцы все они!

Они нами завладали,
Мы холопами их стали,
И про их мы всё работали,
А они нас драли!

Жен, девиц наших любили,
Ко себе в спальню водили;
Если мы за них просили,
Нас за это били!

Мы от этакой печали
В городах суда искали,
Во судах с бар взятки брали,
А нас там стегали.

Мы в леса от них бежали,
Нас ловили, нас хватали,
В цепи звонкие ковали,
Во Сибирь ссылали!

Мы в Сибири сговорились,
Наутек пустились!
Мы в Расеюшку вернемся,
Врозь все разойдемся!

В разны стороны пойдем,
Крепку дружбу соблюдем,
Крепку дружбу соблюдем,
Дружно дело поведем.

Ножи зá пояс заткнем,
Мы разбойничать начнем,
Как мы в силушку войдем,
Их, злодеев, перебьем!

Всех злодеев перебьем!
Города их мы сожжем!
Города их мы сожжем,
Жить по-новому начнем!

<1870>

Н. П. ОГАРЕВ

МЫСЛИ РОССИЯНИНА ПРИ ЧТЕНИИ УКАЗА О ВОЛЕ

Эх ты, свет царь-батюшка, Александр Второй,
Знать, и вправду бубны-то славны за горой.
Знать, покуда в дело-то шли одни слова,
В Питере вы думали: «Всё, мол, трын-трава,
И в освободители попаду, мол, я,
И с моими барами будем мы друзья;
И народ помажем медом по усам
(А другой-де воли я мужику не дам), —
Только в постепенности отыщу материю
Удоблетворить чтобы всю мою империю».

Эх ты, свет царь-батюшка! Я простой мужик
И к словам заморским вовсе не привык.
Мне бы как попроще-то: посулил — подай,
Хочешь *да* — скажи, *нет* — и рта не разевай;

В промежутках, знаешь, между *да* и *нетом*
Смысла не найдешь ты со всем твоим Советом.

Эх ты, свет царь-батюшка! Я простой мужик,
Поведу я речи-то просто напрямик:
Был бы ты, царь-батюшка, сам себе не враг —
Не вдался тогда бы ты в постепенный мрак,
А с начала с самого нам бы землю дал —
Без оброков-выкупов нас бы развязал.

1863, 1869

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Царь — отечества отец!
Гроши сгибли на дворец,
На железные дороги
И на невский мост,
Прошлогодние итоги
Нам поджали хвост.

Вам известно, что расход
Прибывает каждый год,
И недаром за ушами
Чешет бедный наш народ.
Все финансы по рукам
Так и льются здесь и там;
А уж главный над путями
Без пути берет.

Мы министры-господа,
Неизвестна нам нужда!
Всё, по-русски, сущий вздор.
Чтоб добраться цели,
Жмем народ до тех мы пор,
Сок пока есть в теле.
Им же лучше — пусть сидят
В нищете и мраке;

Ведь от жиру, говорят,
Бесятся собаки.

Все приказы отданы,
Не жалей мирской казны.
Войску нашему маршрут:
Пусть их лямку трут.
На венгерца — прут,
За австрийца — мрут,
Вместо их — рекрут
Втрое наберут.

<1870>

Н. П. ОГАРЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ РУССКОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ПЕРЕД ПОХОДОМ

Женева. 1870

Решено, чтобы шли мы под турку
Для спасения братьев-славян, —
Пусть же царь наш сдирает с них шкурку,
А не то что турецкий султан.
Царь забыл, знать, про крымское дело,
Где их тятенька выступил смело,
Да и слег, проклиная судьбу...
Ах! . . . . !

Ну куда посылать нам солдата,
Чтоб спасать незнакомый народ?
Своего понужнее нам брата —
Мужика-то спасать от господ,
От попов, от судей-лиходеев,
От царя и от всяких злодеев,
Ну! потом уж и можно идти,
А теперича . . . . . . !

Всем нам голодно, холодно, тупо,
Все мы жалкие люди-рабы,
А, казалося, племя неглупо,
Не того нам ждалось от судьбы.
Душит нас генеральчик с полчишком,
Душит нас и чиновник с крестишком,
Душит нас что ни есть господин —
Сукин сын, сукин сын, сукин сын!

Душит царь подавляющей лапой,
Забирая налог да рекрут,

Всё его, что мужик ни состряпай, —
До войны ли, любезные, тут?
Не пойти ль со степей да с Урала
Их прогнать от велика до мала,
Да уж им на прощанье сказать:
Вон! . . . . !

Сентябрь (?) 1869

Н. П. ОГАРЕВ

ПЕСНЯ РУССКОЙ НЯНЬКИ У ПОСТЕЛИ БАРСКОГО РЕБЕНКА

Подражание Лермонтову

Женева. 1871

Спи, потомок благородья,
Баюшки-баю,
Я, дитя простонародья,
Песенку спою.
Мать на бале пляшет стройно —
Барыня она...
Ты же спи себе спокойно —
Я с тобой одна.
Наш народ хотел бы воли,
Воли, да с землей,
Но не даст хорошей доли
Царский наш разбой.
И отец твой, русский барин,
Знает роль свою,
Он хоть ловок, но бездарен,
Баюшки-баю.
Он учен всему на свете,
Вышло — ничего.
У него одно в предмете —
Денежки его.
Но и с ними он не сладит,
Разорит семью,
Праздной жизнью всё изгадит,
Баюшки-баю.
Он служил в полку на диво
И солдат бивал,
В Отделеньи третьем живо
Вышел генерал.

А потом был губернатор,
    Грабил всех гуртом,
Его русский император
    Наградил крестом.
Но не верь ты в штуку эту —
    Всё не впрок пойдет...
Ты с сумой пойдешь по свету,
    Няня, знай, помрет.
Да ты будь слугой народа,
    Помни цель свою,
Чтоб была ему свобода,
    Баюшки-баю.

1871

СОБРАНИЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ СТИХОВ И ПРОЗЫ

Лейпциг. 1865—1876 (?)

«ЛЮТНЯ»

собрание свободных русских песен и стихотворений

Лейпциг. 1869—1897

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

ГОДОВЩИНА

(18-го февраля 1856 года)

Была пора: над трупом фараона,
В том склепе, где хранились мертвецы,
Спокойные, без жалобы и стона,
Сбиралися мемфисские жрецы.
Всю жизнь усопшего без страха разбирали
И приговор над мертвым изрекали.

И новый царь внимал суду жрецов,
Покорствуя правдивому решенью,
И хоронил отца в тиши, с толпой рабов,
Иль пышное ему готовил погребенье —
И на граните первозданных скал
Народный приговор историк высекал.

Теперь не та пора: пусть нам невмочь страданья,
Погибших извергов судить мы не должны.
Усопшим мир! — нам говорит преданье,
Завет веков, обычай старины.
Религия прощать врагов нас учит,
Молчать, когда нас царь гнетет и мучит.

И мы молчим; нет, больше: между нас
Является поэт, покрытый срамом;

Забыв, что голос музы — бога глас,
Он злу кадит душевным фимиамом,
Он деспота зовет спасителем людей,
В грязь затоптав всю славу прежних дней.

Но пусть его боятся и в могиле,
В ней льстят ему, чтоб только он не встал.
Душа кипит, покорна высшей силе,
Певец на суд веков царя призвал.
Покинь свой гроб! Взгляни на рубежи родные —
Смотри, что в год ты сделал из России!

Вот без конца проходит вереница,
Вся в трауре, отцов, детей, сирот;
Вот плачет мать, одежды рвет вдовица —
Кто кости их мужей, сынов берет?
За что погибло ты, младое поколенье,
Полно надежд и сил, в безумном ослепленьи?

Смотри, наш царь: вот реки слез тяжелых,
Вот море крови чистой, горы тел;
Не мало ли? А в городах и селах
Вот новый бич: огонь рассвирепел,
Рукой врага зажженный. Стены, зданья —
Всё падает во прах, — за что же наказанье?

За что ж и мирный сын родной земли
Богат сегодня, — завтра бедный нищий,
Все житницы, все домы, корабли
Вдруг потеряв, насущной просит пищи,
Бежит из города, где думал мирно жить,
Которого, о царь, не мог ты защитить.

Считай же, сколько этих городов
Разрушено иль взято у России
И сколько доблестных отечества сынов
В плену, изранены, выносят муки злые...
Картиной этой не доволен ты?
История тебе перевернет листы.

Смотри — вот золото сияет пред тобой:
Богатство здесь без счета, без числа;
Владельцы их идут сплошной толпой —

Но золото толпа не принесла
Отчизне в дар, а, зная блага в жизни,
Его сама украла у отчизны.

Здесь всё: и миллион казны твоей,
Последний грош, пожертвованный нищим,
Хлеб ратнику, пособие врачей,
Оружие, одежда... Мы отыщем
Наверно лепты здесь самих воров,—
Недаром все они слывут за бедняков.

Позор и стыд! Грабеж вошел в обычай,
В закон, в обряд, и нагл и явен стал.
И кра́дут все: путеец и лесничий,
Чиновник, поп, солдат и генерал;
И девка грязная, любовница министра,
Продажей мест разбогатела быстро.

А кто стоит у трона твоего?
Тебе б советник, правды друг, наскучил.
Нет, ты искал молчанья одного,
Покорности — и ряд бездушных чучел,
Холопов чувством, евнухов ума,
Вокруг тебя — и их такая тьма!..

И над тобой, и над твоей землей
Теперь Европа целая смеется.
И твой позор, и стыд земли родной
В потомстве отдаленном отзовется.
И дорог будет примиренья пир,
И за войной нелепой — подлый мир.

Лишь год прошел — и ты забыт, как мебель
И неуклюжий хлам старинных лет,
Венчанный Хлестаков, между царей
фельдфебель,
Разбитый и расслабленный атлет —
И ноют в гробе от тоски и злости
Гниющие, поруганные кости.

И день придет!.. — и не один певец,
Но голос всей народной Немезиды

Средь века прогремит вдруг из конца в конец:
Да будешь проклят ты......
И в страхе, и в стыде, в последний, судный день
Не выйдет из гробниц развенчанная тень.

Февраль 1856

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА Н. И. ГРЕЧА

Вниманьем высшего начальства
Заслуги ваши почтены:
Достигли вы до генеральства...
Вас все российские сыны

Достойно чтут как патриота
И как творца учебных книг.
В своих грамматиках без счета
Терзали вы родной язык.

Вы в географии мешали
Восток и Запад меж собой;
Фаддея с Гоголем равняли,
Уча словесности родной.

Вы и историю нам дали,
Чужой издавши перевод, —
Где много мест вы пропускали,
Чтобы не знал их наш народ.

И на позорище журнальном
Вы подвизались много лет:
Кто чище вас, вы звали сальным,
Ложь правдой звали, мраком — свет.

Заслуг таких не мог, конечно,
Ваш добрый барин позабыть, —
И вот он дал чистосердечно
Свое согласье вас почтить

Формально, громким юбилеем,
Как генерала подлецов:

И мы, дескать, ценить умеем
Заслуги преданных рабов.

И рад наш Греч. Одушевились
Его бездушные черты,
В душонке мелкой зароились
Честолюбивые мечты.

Мечтает он, как сонм ученых
Придет труды его почтить
И на сединах посрамленных
Венец бессмертья возложить.

Мечтает с радостным волненьем
О близком часе торжества,
О том, как поздним поколеньям
О Грече перейдет молва.

Он мыслит: не противореча,
Русь примет торжество мое,
И не поймет, что праздник Греча
Есть униженье для нее.

И рад наш Греч... Но рано, рано
Ты поднял знамя торжества!
Не всем довольно слов обмана,
Чтобы признать твои права!

Ты хочешь в славе и почете
К потомству перейти на суд;
Не ошибись, мой друг, в расчете:
Тебя поняли и поймут.

Скажи нам, немец обруселый,
Что для России ты свершил?
Когда и в чем ты в век свой целый
Любовь свою к ней проявил?

В те дни, как русские спасали
Святую Русь от чуждых сил, —
В патриотическом журнале
Ты иль ругался или льстил.

Ни разу голос благородный
Из уст твоих не прозвучал;
Святой любви к стране природной
Ты, как пришлец, не понимал.

И вслед за тем, когда Россия
Вдруг пробуждаться начала;
Когда понятия живые
Европа нам передала;

Когда к нам светлый луч познаний
Сквозь мрак невежества проник,
То сколько пошлой, грубой брани
Изверг поганый твой язык?..

Всё, в чем дышала жизнь живая —
Любовь, свобода, правда, честь, —
Чиновный дух твой возмущая,
В тебе нашло вражду и месть.

Затем, что чести был приятней
Тебе державный произвол,
И, льстя ему, ты благодатно
Всю жизнь позорную провел.

С другим мошенником связавшись,
Составил шайку подлецов,
Судьей в словесности назвавшись,
Метал ты громы глупых слов

На гениальные созданья;
В них видел ложь и пустоту;
Фаддея ж пошлому мараныо
Придал и ум, и красоту.

Поляк и немец, вы судили
О русском слове вкривь и вкось,
И патриотами прослыли,
Хваля Россию на авось.

Весь брак литературы нашей,
Всё, что в ней пошло и подло,

Всё к вам сошлось, в газете вашей
Всё дичь свободно понесло.

Князь Вяземский, поэт продажный,
Брант — не писатель — аферист,
И Зотов, романист отважный,
Масальский — поздний фабулист,

И Розен тот, кому доныне
На лад язык наш не дался;
Сушков, взывающий в пустыне,
И А-А-А, и Я-Я-Я.

Но с этой братией убогой
Успеха не могло вам быть.
Явился Пушкин... Суд ваш строгой
Его не мог уж сокрушить.

Явился Гоголь... За живое
Он вас, Тряпичкиных, задел.
Ругались вы, но бранью злою
Уж не могли поправить дел.

И знает вас теперь Россия,
Известны ваши все дела,
И ваши личности седые
Судьба презренью предала.

Твой друг, безграмотный писака,
Легко презрение сносил;
Но ты, поборник лжи и мрака,
Ты путь другой себе открыл.

Как раб, как червь ты пресмыкался,
Позорно ближних продавал,
И всё за честью ты гонялся,
Хоть честь давно ты потерял.

И вот добился... По прошенью
Твоих протекторов, друзей,
Заслуг твоих в вознагражденье,
Тебе назначен юбилей...

Твоя почетная известность
Решеньем тех утверждена,
Кому вся русская словесность
Есть незнакомая страна.

И вот, по общему решенью,
Взялись чиновные друзья
Собрать на праздник приношенье
От почитающих тебя.

Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым
И с Гоголем век другом был,
Он прежде всех презренья словом
Твой пошлый праздник заклеймил.

За ним все те, кто уважает
Науку, правду и себя,
Не слышат зова, презирают
И этот праздник, и тебя.

И ты остался лишь с толпою
Писак да нескольких людей,
Давно задобренных тобою...
Скажи, прекрасный юбилей!

А чтоб он был еще прекрасней,
Прими приветствие мое...
И прокляни, мой Греч несчастный,
Высокомудрие свое.

Мой стих жестокий за тобою
Пусть будет бегать, будто тень,
Пусть он не даст тебе покою,
Тебя тревожит каждый день.

Пусть будешь ты кричать, беситься,
Начнешь бессмысленную речь...
Но даже мщеньем насладиться
Не можешь ты, бедняжка Греч.

Презрение других, безмолвных
Легко отсюда ты поймешь,

И у друзей своих чиновных
Ты утешенья не найдешь.

И даже твой державный барин
Отвергнет твой молящий стон...
Лишь твой достойный друг Булгарин
Напишет громкий фельетон.

Декабрь 1854

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

БИОГРАФИЯ БЛАГОРОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Родился я — как подобает.
Родитель мой был столбовой.
Где он служил, господь уж знает,
Но человек был с головой.
Хотя не дрался он с французом,
Носил медаль; не знал аптек,
Был дюж, здоров, с огромным пузом...
Как благородный человек!

Весь дом его был в строгом чине:
Холопей праздную семью
Держал всегда он в дисциплине,
Как свору гончую свою.
Он вел дела благополучно,
Виновных на конюшне сек,
Псарей учил собственноручно...
Как благородный человек!

Имея дела очень много,
То на охоте, то в гостях,
Меня он сдал на волю бога:
Я взрос у ключниц на руках.
Я поедал варенья славно,
Ходил смотреть рысистый бег,
Да в бабки дулся преисправно...
Как благородный человек!

Я с гордостью открою внукам,
Что полный курс мой — был букварь,
Что обучал меня наукам
Наш деревенский пономарь.
Я рос свободно, праздно, вольно
Меж дворни, гончих и телег,
Да плеткой слуг стегал пребольно...
Как благородный человек!

Чтобы избавиться от жалоб,
Отец решил меня женить,
Да рассудил, что не мешало б
Сперва маленько послужить.
Мои бумаги были чисты,
Тогда был неученый век,
И поступил я в копиисты...
Как благородный человек!

Не знал я, что такое страсти,
За честью гнаться не умел,
Я покорялся всякой власти,
Пред богачом благоговел;
Не простирал далеко виды,
Сбирал щепы, как дровосек,
Сносил безропотно обиды...
Как благородный человек!

Я враг был всяких либералов,
Во мне помещик не потух,
Всегда терпеть не мог журналов,
В них этакой какой-то дух...
Я денег не сорил на вздоры,
Не заводил библиотек,
И не вступал ни с кем я в споры...
Как благородный человек!

Я проводил досуг иначе:
Бродягам гроша не давал,
И в зимний вечер и на даче
Исправно спал иль козырял.
Меня не трогал неимущий,
Не призревать же всех калек!

Пусть сам достанет хлеб насущный...
Как благородный человек!

Жену мою — как вам сказал бы —
Мне мой начальник предложил,
Ее он знал еще до свадьбы...
И награждал по мере сил.
За ней сулил он тридцать тысяч...
Ну кто ж откажется в наш век?
Да я б себя позволил высечь...
Как благородный человек!

Жена любила, страх, обряды
Великолепных, светских дам:
Днем закупала всё наряды,
Скиталась ночью по балам.
Сперва ее пленила полька,
А там подъехал знатный грек...
Что было делать? Плюнул только...
Как благородный человек!

Я был в делах отменно тонок,
Спины и шеи не жалел,
Пред сильным просто падал до́ ног,
Знал фамильярности предел;
И хоть без мудрого ученья,
А переплыл я много рек!
Да нажил славных три именья...
Как благородный человек!

Я в свете с важностью прямою
Всегда держать себя умел;
И подчиненный предо мною
Ни сесть, ни пикнуть бы не смел.
А если б вышел он из правил,
Да я бы суд над ним изрек —
Без хлеба на всю жизнь оставил...
Как благородный человек!

Детей к начальству на поклоны
Всегда с собою я возил.
Что значат важные персоны —

Я с малолетства им внушил.
Зато карьеру им составил,
Теперь пойдут и без опек —
Я долг родительский исправил...
Как благородный человек!

Весь век я терся по приемным
У командиров и вельмож,
Терпел их шутки с видом скромным,
На всё готов был и пригож,
За честь считал вкушать их брашен...
Домой ходил лишь на ночлег, —
Зато их милостью украшен...
Как благородный человек!

Хоть, правда, ждал бедняк уплаты
С меня лет восемь иногда,
Но метил я в аристократы,
Притом же знал, что нет стыда
Должать за́ мебель да линейки;
Зато платил я весь мой век
Долги по картам до копейки...
Как благородный человек!

И внес на имя неизвестных
Давно в ломбард я капитал,
Достиг до степеней известных
И всё, что можно, нахватал.
Возвел эта́жей в пять домишко,
И формуляр мой чист, как снег,
А жил-то я на свой умишко...
Как благородный человек!

Скончался я. Оплакан сыном.
За мной тянулся ряд карет,
Свезли меня под балдахином,
И для поминок дан обед.
На днях в газетах выйдет нумер:
«Что мол такой-то (имя рек)
Почтенно жил и умер честно —
Как благородный человек».

<1865>

П. Л. ЛАВРОВ

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Нет, бог не милосерд! Пред ним напрасны слезы,
И не сочувствует людскому горю он;
Спокойно внемлет он и скрып сухой березы,
Жужжание пчелы и человека стон.
Нет, он не милосерд! По вечному закону,
Один вслед за другим кончаются века.
И рушатся миры, и падают короны,
И кровью пенится истории река.
И заблуждение встает за заблужденьем,
Пороки новые влекут к себе людей;
Игрушкою бренча, страдает с наслажденьем
Толпа измученных, обманутых детей;
И мукам голода обречены мильоны;
Соблазна жертвою невинные падут;
Над обществом стоят бессмысленные троны,
Над правыми творя несправедливый суд.
И благо каждое искуплено слезами,
Для каждой истины страдает человек;
И тщетно ползает толпа пред алтарями:
Не прийдет для людей блаженства светлый век.
Нет, бог не милосерд: когда его веленье
Могло боренье сил враждебных отвратить,
Могло дух излечить от зла и заблужденья,
И плоть могло от нужд, от боли охранить, —
И он не захотел!.. Идьоту властелину
Позволил угнетать измученный народ,
Позволил матери рыдать над гробом сына,
Дал людям бремя нужд, желаний и забот.
И вы, скорбящие, не ждите утешенья;
Молитвы ваши суть лишь бред души больной;
Не милосердие, а предопределенье
Влечет израненных вас жизненной стезей.
И горе, братия, не есть вам наказанье,
Не испытание вам посылает бог:
Прибавить радости, убавить вам страданья
Единой каплею он не хотел — не мог.

Да, он не мог затем, что своего закона
Не может отвратить неотменимых слов.
Не захотел затем, что плач людей и стоны —
Необходимый звук в гармонии миров.
Затем, что каждый миг для целого созданья
Заранее в своем всезнаньи он решил,
Затем, что каждый крик и каждое стенанье
Он завсегда уж знал и предопределил.
Затем, что он ведет нас к неизвестной цели
По скользкому, для нас печальному пути;
Желанье каждое нам шепчет с колыбели:
Нам больно, страшно нам, но мы должны идти.
И в этот самый миг он руково́дит мною;
Дрожит рука моя, но слышу глас: «Будь тверд!
Я мыслю чрез тебя, я говорю тобою».
И повторяю я: да, бог не милосерд.

1857

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЧАСОВЫЕ

(Посвящ. В. Г. Б.)

Не время спать!

«Слуша́й! Слуша́й!» — гремит над сонною
землею...
То оклик часовых,
Они одни стоят и в жар, и под грозою
Всё на местах своих.
И мимо часовых идет себялюбиво
Толпа, и все спешат
Себе построить дом, свою засеять ниву
И отыскать свой клад.
И, ежедневною осилены заботой,
Не смотрят люди вдаль:
Приносит каждый день им новую работу
И радость иль печаль.
Утомлены они работами дневными,
И крепок сон людей...

А между тем гроза сбирается над ними:
В тьме кра́дется злодей;
И грех растет меж них, бесстыдно, без боязни;
Враг цепи им кует;
И суд истории готовит людям казни...
Кто ж сонный мир блюдет?
Над ним стоят одни во мраке часовые,
И зорки очи их,
И не заснут они в минуты роковые,
Не бросят мест своих.
Меж ними есть одни, увенчанны судьбою,
Полмиром почтены,
Высоко держат стяг могучею рукою.
На них устремлены
Всех современников внимательные очи;
Их подвиги гремят,
И гордо над толпой днем и во мраке ночи
Могучие стоят.
И ярко их щиты блестят над вышиною,
Их громки имена,
И слышно далеко их слово громовое:
«Восстаньте ото сна!
Слушай! готовит враг ночное нападенье!
Слушай, грозит беда!
Порок ползет в тиши, и злое преступленье
Свершилось без суда!
Слушай, к оружию! за правду, за свободу!
Настал вновь день борьбы!
Слушай!..» И, слыша клич, волнуются народы
И ждут своей судьбы.
Но есть других бойцов ряд темный, безыменный,
Не виден миру он,
Стоит с мечом в руках он, мраком облеченный,
Без веющих знамен.
И повторяет он: «Слушай, над сонным миром
Не видим на местах —
Слушай, о братия, война земным кумирам!
Они да рухнут в прах!»
И братьев в тишине внимает он призванью
И шепчет: «Слава им!
Пусть имя их живет в народном почитаньи,
В урок векам другим!

Пусть современники и будущее племя
Не знают наших дел!
Пусть нашей жизни след совсем завеет время;
Забвенье наш удел...
Мы долг свершили свой, мы тоже сторожили
Мир спящий до зари;
За ту же истину мы меч свой обнажили,
За те же алтари».

19 августа 1856

П. Л. ЛАВРОВ

НОВОМУ ЦАРЮ

(26 августа 1856 года)

Пусть гордой Франции презренный повелитель
Мечтает ослепить великолепьем мир;
Пусть думает прикрыть присяг всех нарушитель
Дела минувшего под бархатом порфир;
Пускай пиры его неслыханно богаты;
Пускай послы всех стран в передних Тюльери;
Пускай безмолвствуют продажные сенаты;
Пусть братом назовут его земли цари;
Пускай в тюрьма́х его все воины свободы;
Пусть голос партий всех во Франции умолк;
Пусть лижет след его придворная порода;
Пусть преклоняется рабов чиновных полк;
Пусть всеми звездами мундир его украшен;
Пускай алмазами блистает двор его;
Пусть миру целому он армиями страшен,—
Он всё венчанный вор — и больше ничего.

Но ты, законный царь покорного народа,
Наследник родовой Великого Петра,
Ты, от кого ждала дел правды, дел свободы,
Дел милосердия, дел земского добра
Русь, утомленная солдатами-царями,

Русь, истощенная чиновным воровством,
Русь, развращенная шпионами, рабами,
Русь, разоренная безумным мотовством,
Ты, в ком мы с радостью встречали человека,
Ты, в ком приветствовал ум новую зарю,
Надежду лучшего, живительного века,
Кому Русь, верная законному царю,
Шептала: «Душно мне под ступенями трона!
Мне тесно, мне темно, сними мне бремя с плеч!
Дай мне свет знания! Дай воздух мне закона!
Освободи мою закованную речь».

Ты тоже захотел блеснуть пред целым миром,
Восточной роскошью народы ослепить,
Сравниться мишурой с французским лжекумиром
И в пышных празднествах мильоны рассорить.
Мильоны те добыл колодник из Сибири;
Их пóтом вырастил голодный твой мужик;
Их с нищего содрал в судах за герб проныра;
От пьяных в кабаке украл их откупщик.
А там неурожай... там голод, мор в народе...
Дорог нет; нету школ; аптек нет; нет врачей...
Невежество растет в России на свободе,
Продажность, рабство, лень — все низости людей...
А всё Москва горит в огне иллюминаций,
Стараясь превзойти ликующий Париж;
Пирует русский царь среди послов всех наций...
К чему весь этот блеск? Кого ты удивишь?

Неужли твой народ, с рожденья приученный
Тебя бессмысленно за бога почитать,
Что пред тобой лежит коленопреклоненный
И ждет слова твои, как божью благодать?
Ему всегда ты свят не золотой одеждой,
Не пышным празднеством, не царственным венцом,
Ты божьей властью свят, народною надеждой,
Ему посредник ты меж ним и божеством.
Ты не прельстишь его потешными огнями,
Не привлечешь сердца пирами напоказ:
Он ждет заветных слов меж царскими речами,
Он ждет: царь-батюшка не вспомнит ли про нас?

Скажи ты пахарям святое слово: воля!
Сними с них барщины несправедливый гнет!
Свободной общине отдай родное поле!
Тогда тебя народ великим назовет.

Не тех ли, что стоят толпой вкруг царских тронов?
Тех, что толкаются среди твоих дворов?
За ленты ползают, живут лишь для поклонов?
Бездушную толпу лакеев и льстецов,
Разводных тактиков, министров безголовых,
Вельмож безграмотных, советников немых,
Судей, отечество всегда продать готовых,
И паразитов всех на празднествах твоих?
Ты их не удивишь: они ждут жадной сворой
Добычу милостей, дождь титлов и чинов,
Ждут места теплого, где бы нажиться скоро,
Чтобы озолотить любовниц и льстецов.
Для них отечество — лишь дойная корова...
Для них казна твоя — источник воровства...
Нет, их не удивишь: им ничего не ново.
Ты для карманов их устроил торжества.

Иль тех, что вдалеке от царского престола
Стоят спокойные средь суетных детей,
Другому, высшему покорные глаголу?
Твоих непризнанных, неузнанных судей?
Во имя истины, во имя человека
Они поставлены свершать свой строгий суд,
И суд тот перейдет к сынам другого века,
И правнуки его в истории прочтут.
Для них цари земли — служители народа;
Для них короны блеск — лишь отраженный свет;
Для них не свят престол — одна свята свобода,
И, кроме истины, других законов нет.
И говорят они: твой пир есть расхищенье
Народного труда, народных свежих сил,
России собственность — твои все помышленья,
И в пышных торжествах ты долг царя забыл.

Август или сентябрь 1856

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ВЕРХ ПРЕМУДРОСТИ

Крайний вывод рассудка и знания:
Всё на благо нам создал творец;
В стройном плане всего мироздания
Всё имеет разумный конец.

Создан свет, чтоб в России преследовать
Было что цензорам и попам,
И чтоб было о чем проповедовать
Разных школ и цветов мудрецам.

Чтобы люди от глада не сгинули,
Создан хлеб, создан бык и баран;
Чтоб раздоры меж нами не ми́нули,
Создан бог, создан царь и карман.

Только вникни, сколь промысла божия
Попеченье о нас велико:
То, за чем должен вылезть из кожи я,
Глядь — дается другому легко.

Всё затем, чтоб раве́нство зловредное
Водвориться меж нас не могло;
Чтобы всех прозябанье безбедное
У богатства цены не сняло.

Да, твердит мне рассудок и знание:
Всё ко благу нам создал творец;
В стройном плане всего мироздания
Всё имеет разумный конец.

<1869>

В. С. КУРОЧКИН

О ЦЕНЗУРЕ

Комедия в трех действиях,
без соблюдения единства времени, места и действия

Весна

1. Поэт

Пришла весна. Но не любовь
Меня манит под тень дубравы;
Нет, негодующая кровь
Меня зовет на бой кровавый.

(Кажется, цензурно?)

2. Редактор
(поправляя)

Пришла весна. Природа вновь
Раскрыла тысячи объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братий.

3. Цензор
(зачеркивая и поправляя)

Пришла весна. Но не любовь
Меня мани́т под тень дубравы;
Не плоть, а дух. Я вижу вновь
Творца во всем величьи славы.

(Печатать позволяется.)

Любовь

1. Поэт

Люблю тебя. Любовь к тебе
Дает мне бодрость, дух и силу,
Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

(Кажется, цензурно?)

2. Редактор

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной, вековой борьбе
Мои истраченные силы.

3. Цензор

Люблю тебя. И, не скорбя,
Подобно господам писакам,
Я буду век любить тебя,
Законным сочетавшись браком.

(Печатать позволяется.)

Вино

1. Поэт

Люблю вино; в нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорбь гражданина, а коплю
Вражду к проклятым самодурам.

2. Редактор

Люблю вино; я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья.

3. Цензор

Люблю вино; но как люблю?
Как сладкий мед, как легкий танец;
Пью рюмку в день, и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.

(Печатать позволяется.)

1863

⟨*А. А. НАВРОЦКИЙ*⟩

ВОЛЬНЫЙ АТАМАН СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

⟨*Женева. 1872*⟩

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл,
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночною порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И, в полуночной мгле, на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути,
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою он был в Москву приведен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

И Степан, будто знал, никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

1864 (?)

ПЕСЕННИК

‹Женева› 1873

А. А. НАВРОЦКИЙ

ВОЛЯ-МАТУШКА

Было времечко, время давнее,
Время давнее, время славное:
На Руси жила Воля-матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смел обижать ее.

Как по селам, по богатым городам
Без боязни все расхаживали,
Перед Юрьевым, перед славным вольным днем.
От лихих бояр да перехаживали,
Выбирали кто кого хотел
И служили кому вздумалось.

Не понравится — и не нудятся,
Год промаются, год потрудятся,
А придет пора — не останутся:
Воле-матушке всяк поклонится
И пойдет туда, куда хочется.
Было времечко, время вольное,
Время вольное, переходное.

Но пришла на Волюшку невзгодушка,
Юрьев день у бедной Воли отняли
И детей ее, людей свободных,
В кабалу по смерть боярам отдали.

С той поры лихой Воля-матушка
От бояр ушла во дремучий лес,

Во сыром бору схоронилася,
С темной ноченькой породнилася.
Ходит пó лесу, по глухим местам,
С бурей грозною потешается,
С частым дождичком по корням стучит,
А в осенний день, в непогодушку,
Тянет песенку про невзгодушку
Или пó полю с вихрем кружится,
Или пó небу, с ветром буйным,
Тучи черные разгонять учнет —
Не мешали бы, непроглядные,
Красну солнышку светить нá землю.
А иной порой залетит в село,
Зашумит в трубе, застучит в окно,
И шепнет тому, кому надобно,
Кто на барщине от работы мрет:
«Аль забыл меня, крепостной народ!
Позови, смотри, коль понадоблюсь,
Коль пора придет старый счет свести!»
Ходит много лет, не стареется;
И давно уж ждет, не пришла ль пора,
Не отыщется ль богатырь какой,
И забытую, и заглохшую,
Пустит Волюшку на крещеный свет.
И дождалася. С Дону тихого
Атаман Степан Тимофеевич
Крикнул грозный клич! гаркнул с посвистом!
И сошлись к нему добры молодцы,
Слуги верные Воли-матушки!
А за ними вслед и сама она
Долго ждать себя не заставила!
Лишь заслышала — встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетела к нам, поселилася,
Добрым молодцам полюбилася!
Атаман ее принял с почестью;
Погулял он с ней, понатешился!
Перемолвился да условился
С того времени вместе путь держать.
Где пройдет атаман, там и Воле быть!

Мы не воры, не разбойнички,
Атамановы работнички,
Есауловы помощнички.
Мы веслом махнем — корабли возьмем!

Хор

Жги!
Кистенем махнем — караван собьем!
Жги!
А ножом махнем — всех бояр побьем!
Жги!

<1871>

* * *

То не нá небе туча черная собиралася,
То не нá море буря грозная разыгралася,
То на «Соколе» атаман Степан потешается,
С есаулами его храбрыми забавляется.

Эх, гуляй, душа, душа вольная!
Душа вольная, молодецкая!
Эх, ты жги, говори, да на месте не сиди!
Да на месте не сиди, знай поплясывай!

Расступись, народ, хоровод идет,
Хоровод ведет Волга-матушка,
С ветром буйныим, с ночкой темною,
С нашей удалью молодецкою!
Как пойдем плясать, разыграемся,
Не мешай никто, с кем не знаемся!
Начинай, Кузьма, ждать нам некого,
Начинай живей, ноги чешутся!
Эх, ходи, гуляй, разговаривай,
Не робей, Косой, знай наяривай!
Поднимайтеся, ветры буйные,
Надвигайтеся, тучи черные,
Расходись сама, Волга-матушка,
Покачай ты нас ради праздничка!

Ну, ходи живей, разговаривай!
Не робей, Косой, знай наяривай!
Расходись, рука, ну, живей еще!
Расступись, народ, места надобно!

Эх, ты жги, говори, да на месте не сиди,
Да на месте не сиди, знай отплясывай!

<1871>

СБОРНИК НОВЫХ ПЕСЕН И СТИХОВ

‹Женева› 1873

Н. А. НЕКРАСОВ

НОЧЬ ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:
Всё чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная
Слышней всего она!
У кабаков смятение:
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?
У столбика дорожного
Беседует с крестьянами
Какой-то барин с книжкою.
Похвалит барин песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!

СБОРНИКЪ НОВЫХЪ ПѢСЕНЪ И СТИХОВЪ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ БОРИСОВА.

1873

Позаписав достаточно,
Сказал им барин дружески:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся, —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
И барин что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненькой
Мужик, — он против барина
На животе лежал;
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал, — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!

Чему ты позавидовал?
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем;
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас;
У нас на сéмью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую и́збу трезвую
Мужицкая беда.
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские,
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,

А не гораздо щедрые.
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы — вечером?
На пожне гору добрую
Поставил — съел горошину.
Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди — стоят три дольщика:
Царь, поп и господин.
Нет меры хмелю русскому,
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли ж за чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам

Ползком ползет с плетюхами
Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по ма́кушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь.
Небось мы тут красивее?
Жалеть — жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..
У каждого крестьянина
Душа, что туча черная,
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!»
Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:

«Эй, царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми, вольней шуми!..»

— «Как звать тебя, старинушка?»

— «А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: в деревне Босове
Аким Нагой живет,
Он до́ смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

<1869>

С. С. СИНЕГУБ

ДУМА ТКАЧА

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в очиньках крупными
Каплями пота и слез.

«Ах, да зачем же, зачем же вы льетеся,
Горькие слезы, из глаз?
Делу — помеха; основа попортится!
Быть мне в ответе за вас!

Нитка порвалась в основе, канальская,
Эка, канальская снасть!
Ну, жизнь бесталанная! Сколько-то нá душу
Примешь мучениев, — страсть!

Кашель проклятый измаял всю грудь мою,
Тоже болят и бока,
Спинушка, ноженьки ноют, сердечные,
Стой целый день у станка!

Шибко измаялся нынче, — присел бы я,
Кабы надсмотрщик ушел.
Эх, разболелися бедные ноженьки,
Словно верст сорок прошел!..»

Взором туманным обводит он ткацкую,
Нет ли надсмотрщика тут;
Сел бы, — торчит окаянный надсмотрщик —
Вмиг оштрафует ведь плут!

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопкá,
Маслом прогорклым воняет удушливо:
Да, жизнь ткача нелегка!

Стал он, бедняга, понуривши голову,
Тупо глядеть на станок.
Мечется, режет глаза наболевшие
Бешеный точно челнок.

«Как не завидовать главному мастеру,
Вишь, на окошке сидит!
Чай попивает, да гладит бородушку,
Видно, душа не болит.

Ласков на вид, а взгляни-ка ты вечером;
Станешь работу сдавать,
Он и работу бранит и ругается,
Всё норовит браковать.

Так ведь и правит, чтоб меньше досталося
Нашему брату, ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин, надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу!

Хвор становлюся; да что станешь делать-то,
Нам без работы не жить —
Дома жена, старики да ребятушки,
Подати надо платить.

Как-то жена нынче с домом справляется,
Что нам землица-то даст?
Мало землицы; плоха она, матушка,
Сущая, право, напасть!

Как сберегу, заработавши, денежки,
Стану домой посылать...
Сколько за месяц-то нынче придется мне
Денег штрафных отдавать?

Эх, кабы меньше... О, господи, господи!
Наш ты всевышний творец!
Долго ли будет житье горемычное,
Скоро ль мученью конец?!»

Конец 1872 или начало 1873

Н. А. НЕКРАСОВ

РАЗГОВОР НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Ваня. Папаша! Кто строил эту дорогу?
Папаша-генерал. Инженеры, душенька!

1

Добрый папаша! К чему же напрасно
Умному Ване глаза закрывать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.
Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден —
Голод названье ему;
Он-то согнал сюда массы народные.
Многие в страшной борьбе,
Строив<ши> эту дорогу железную,
Гроб обрели здесь себе.
Прямо дороженька, насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?
Чу! Восклицанья послышались грозные...
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? толпа мертвецов?
То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ли пение?

Песнь мертвецов

«В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
Жили в землянках, боролися с голодом,

Мерзли и мокли, болели цингой,
Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!
Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете,
Или забыли давно?..»
Не пугайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

2

Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли, колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!
Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да, вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!
Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

Генерал

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Веселье и счастье крестьян.

Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ
Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался —
Стали в копейку прогульные дни!
Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...
В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.
Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..
С богом, теперь по домам, — поздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И *недоимку дарю!..*»
Кто-то «ура!» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!
Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864

Бочку рабочимъ вина выставляю
И—недоимку дарю!...
Кто то ура закричалъ. Подхватили
Громче, дружнѣе, протяжнѣе... Глядь:
Съ пѣсней десятники бочку катили...
Тутъ и лѣнивый не могъ устоять!
Выпрегъ народъ лошадей— и купчину
Съ крикомъ ура!—по дорогѣ помчалъ...
Кажется, трудно отраднѣй картину
Нарисовать, генералъ?

У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

Разъ я видѣлъ къ дворцу мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди;
Показался швейцаръ. —„Допусти“, говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: не красивы на видъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обуты.
Знатъ брели то долгонько они

Изъ какихъ нибудь дальнихъ губерній.
Кто-то крикнулъ швейцару: „гони!
„Нашъ не любитъ оборванной черни!“
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли наши странники,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ..
Пробудись! Есть еще наслажденье:
Вороти ихъ! Въ тебѣ ихъ спасенье!
Но счастливые глухи къ добру..
Не страшатъ его громы небесные,
А земные онъ держитъ въ рукахъ.
Что ему эта скорбь вопіющая,
Что ему этотъ бѣдный народъ?
Безъ него проживетъ онъ со славою,
И со славой умретъ!
Впрочемъ какъ-же такую особу
Безпокоить для бѣдныхъ людей?
Не бѣда что потерпитъ мужикъ
Да къ тому же давно онъ привыкъ!

Д. А. КЛЕМЕНЦ

СВОБОДУШКА

На голос:
«Лучина-лучинушка»

Свобода, свободушка, воля вольная,
Что же к нам, лебедушка, не идешь, не летишь?
Полно тебе, вольная, за морем гулять,
Пора тебе гнездышко на Руси свивать.
Со бездолья горького, со людского зла
Давно стонет русская мать сыра земля!
У нас правды-матушки видом не видать,
Про любовь да братскую слыхом не слыхать.
Кривда безрассудная над нами царит,
Всех рукой железною давит и теснит.
Крестьянами вольными кривда нас честит,
А сама про волюшку пикнуть не велит;
Ни земли, ни лесу кривда не дает,
А налоги тяжкие шибко с нас дерет.
Судьи да властители нашу кровь сосут,
Нашим страдным хлебушком закусывают.
А сам царь с вельможами мужиков забил,
И народ измученный тяжким сном почил.
Только песню длинную тянет да поет,
Со страды-невзгодушки стонет да ревет.
Стонет в зиму лютую в студеной избе,
В мороз по дороженьке в худом армяке.
Стонет в лето жаркое в поле за сохой,
Вдоль по Волге-матушке с длинной бичевой.
Под кнутом, под розгами стонет он в судах,
В горькую рекрутчину — в грязных кабаках.
По торной дороженьке, что в Сибирь ведет,
Под конвоем скованный стонет да бредет.
В тюрьмах каменных, в мерзлых рудниках,
Вдали света вольного стонет он в цепях.
Ой ты, гой, свободушка, на наш стон и вой
Ты лети к нам, вольная, каленой стрелой!
По полям, по рощицам соловьем свисти
И житье привольное нам благовести.

Рваные лохмотья наши позашей,
Мошны да кошельки казной понабей.
Голытьбу казацкую напой-накорми
Сон-дрему свинцовую с мужика сгони,
Силу-мощь духовную ты в него внеси,
По селам, деревушкам школы разведи
И хоть наших детушек светом просвети.
По тюрьмам решетчатым двери отпирай
И несчастных узников на свет выпускай
Аль у тебя, волюшка, крылья связаны?
Аль пути-дороженьки к нам заказаны?
С тобой и крестьянину — рай, а не житье,
Без тебя же, волюшка, — горе да вытье!
Разойдитесь, реченьки, горы да моря:
Проложите волюшке путь в наши края!

<1873>

ДОЛЯ

Посвящается крестьянину Борунову

На голос:
«Сторона ль моя сторонка».

Эх ты доля, моя доля,
Бесталанно горькая!
Ты меня ли, моя доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство,
И не за ночной разбой
Стороны своей лишился —
За крещеный мир честной!

С нас в голодный год несчастный
Стали подати сбирать
И крестьянские пожитки —
Скотинушку продавать.

Я от мира с челобитьем
К самому царю пошел,
Да схватили на дороге...
До Питера не дошел.

И по царскому веленью,
За прошенье мужиков,
Его милости плательщик
Сподобился кандалов.

До стороны своей далеко...
Эх! А надоби узнать:
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

<1873>

ПРОСЬБА

Мужики

Государь наш батюшка,
Царь российский белый!
К тебе прибегаем
С просьбою несмелой
О своих нуждишках
И о многом прочем...

Царь

Говори короче!

Мужики

Доля наша горькая
Да житье бедовое:
Хлеба нет ни крошечки,
Жрем кору сосновую;
Скота много пало,
Земли больно мало,
А оброков много.

Царь

Потерпи, ребята,
Уповай на бога!

Мужики

Все твои чиновники
Да начальство разное
Нам чинят стеснения
Больно безобразные.

Животишки бедные...
Да деньжонки медные
Дочиста обобраны.

Царь

Ну, а недоимки с вас
Скоро будут собраны?

Мужики

Время ныне мирное,
Тишина отменная,
Надо бы повинности
Облегчить военные,
Ведь солдаты лишние —
Чистый нам изъян!

Царь

Так вас и послушаюсь —
Расставляй карман!

Мужики

Белый царь, российскому
Бедному народу
Дай ты настоящую,
С землею, свободу.
Заживет крестьянство
Вольно, тихо, мирно...

Царь

Не слишком ли, братцы,
Будет это жирно?

Мужики

Если б на последнюю
Просьбу ты склонился,
Если б ты с народом
Властью поделился —
То-то бы веселие
Было на Руси!

Царь

Натко-сь! Выкуси!

<1873>

ДУМА КУЗНЕЦА

(Посвящается кузнецам и слесарям села Павлова, Нижегородской губернии, Горбатовского уезда)

Тридцать лет скоро вот,
Да с излишком пройдет,
Как я начал ковать
И деньгу добывать.
Молодым пареньком

Дружбу свел с молотком,
И в тяжелом труде,
В неисходной беде
С ним дожить довелось
До седых до волос.

Только станет светать,
Я иду работáть,
И пока в небе свет —
Мне и отдыху нет.

Так-то всю жизнь свою
Я железо кую,
С горя песню пою
Всё про долю мою.
Уголь в горне трещит,
Молот громко гудит;
Моей песне в ответ
Он другую поет.

«Брат мой, молот-ковач!
Я ли не был силач,
А с тобой работать
Скоро мне уж не стать:
Одряхлела рука,
Ноют грудь и бока,
И давно б нам с тобой
Уж пора на покой,
Только отдыху, знать,
Нам с тобой не видать.

Сколько, братец, замков
Сработáли, крючков
Да ножей в тридцать лет,
Так и счету уж нет!

Бережлив я, не мот,
Не беру водки в рот,
А для черного дня —
Гроша нет у меня.
И как молот нужда
В гроб вбивает меня.
Ты работай как хошь,
От нужды не уйдешь,
А как век доживешь —
Как собака помрешь».

— «Куда ж деньги-то, друг,
Уплывают из рук?
Что за лютый злодей,
За лихой чародей
Наши деньги берет,
Кровь мужицкую пьет?»

— «Эх! Не лютый злодей,
Не лихой чародей,
Не разбойный народ
Нас клещами-то жмет!»

— «Именитый купец
Да царь белый — отец
Разорили вконец.
Вот рекрутский набор,
Да подушный побор,
Да акцизы на соль
Поперек нас и вдоль
Доконали!.. Потом,
Как живем мы с купцом?»

— «Сработать да продать,
Грош за гривенник взять,
За железо должать —

Вот житье кузнецов,
Слесарей, мастеров.

А от наших трудов
Понастроил торгаш
И палат, и дворцов.

Нет! Довольно страдать!
На людей работáть!
Кликну я кузнецов!
Пик, ножей накуем,
Пушек, ядер нальем,
И густою толпой
За свой труд вековой
Мы на битву пойдем —
Всё вверх дном повернем!

Гей! Богатый народ!
Скоро час твой пробьет!
Уж зовет вас на суд
Весь ограбленный люд!»

<1873>

БАРКА

На голос:
«Дубинушка»

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села —

Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!

Белый царь наш — кормщик пьяный,
Он завел нас на мель прямо.

Ой... *и т. д.*

Шли теченью мы навстречу —
Понатерли лямкой плечи.

Ой... *и т. д.*

Жгло нас солнцем полуденным,
Секло дождичком студеным.

Ой... *и т. д.*

Ой, сидела барка грузно,
И вести было натужно!

Ой... *и т. д.*

Господа на ней сидели,
Веселились, песни пели.

Ой... *и т. д.*

Силы нашей не жалели,
Всё скорей велели.

Ой... *и т. д.*

Они били нас дубиной,
А кормили нас мякиной.

Ой... *и т. д.*

Нашей баркой заправляли,
Нам же пикнуть не давали.

Ой... *и т. д.*

От такого управленья
Стала барка без движенья.

Ой... *и т. д.*

Из-за глупости дворянской
Не стоять барке крестьянской.

Ой... *и т. д.*

Чтоб придать ей снова ходу —
Покидаем бар мы в воду!

Ой... *и т. д.*

Чтобы барка шла вернее —
Надо лоцмана в три шеи!

Ой... *и т. д.*

И тогда охотно, смело
Снова примемся за дело!

Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!

<1873>

* * *

На голос:
«Когда я был аркадским принцем»

Когда я был царем российским,
... французских я любил;
Продав в Америке владенья,
Я им подарков накупил.

Любил охоту я до страсти,
И на медведя я ходил;
Но, нализавшись, не медведя,
А мужичонка подстрелил.

Когда я был царем российским,
С крестьянством лихо подшутил:
Дал в феврале я им свободу,
А к маю пó миру пустил.

Когда я был царем российским,
Я много сделал для крестьян,
И их не барам-живодерам
Велел посредникам я сечь.

Дворянство было недовольно,
Зато доволен был народ:
Его теперь ведь не помещик,
А господин посредник бьет.

Крестьян жалел, и без причины
Я не велел их разорять;
За выбиванье ж недоимок
Стал очень щедро награждать.

Меньшую братью — сиволапых
Любил я больше, чем детей:
Для облегченья их страданий
Я им прибавил податей.

Когда я был царем российским,
Дворян в комиссию созвал
И как-то, выпив через меру,
Указ про волю подписал.

Надул народ и в то же время
Велел друзьям его молчать,
А подлое холу́ев племя
Мне принялось «ура» кричать!

Когда я был царем российским,
Реформ я много затевал,
И что давал одной рукою —
Другой тотчас я отнимал.

Для блага подданных любезных
Я сделать много был готов;
И набрал <я> себе министров
Из палачей да из попов.

Когда я был царем российским,
Пруссака с шахом в гости звал,
Весьма был рад гостям высоким
И чем их потчевать — не знал.

И, несмотря на все заботы
О благе подданных моих,

Я ожидал, что будет плохо:
Народ, пожалуй, в шею даст.

Ввиду всех этих обстоятельств
Уж я беду предупредил:
На всякий случай куш изрядный
Я в банк английский положил!

<1873>

РАБОТНИК

Газета для русских рабочих

Женева. 1875—1876

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

На голос:
«Здравствуй, милая, хорошая моя!»

Эй, ребята, собирайтесь поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружней!

Полно нам под дудку барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть?..

Не прогневайся, помещик-баринок,
Полицейский не прогневайся, крючок!

Не прогневайся и ты, пузан-кулак,
Коль не по носу придется наш табак!

Сколько времени на нашу, на беду
Уж помещик да кулак дудят в дуду.

А начальство знай — подхлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом!..

Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний, знай, летит!

Господа да кулаки берут гроши:
Очень-де мужицки деньги хороши!..

А помещик-вор и землю оттягал;
Ах ты, сукин сын, чтоб черт тебя подрал!

Ну, а ты, надежа-царь, чего ж глядишь,
За сирот своих родных не постоишь?..

Коль не властен, так какой в тебе и прок!
А коль властен, да не хочешь, — ну, дай срок!..

Нет, шабаш теперь, честные господа,
Есть теперича своя у нас дуда!..

Собирайтеся, ребята, поскорей —
Грянем песню мы крестьянскую дружней!

Та ли песня мать-землицу отберет,
И ко всем чертям помещиков пошлет!

Та ли песня изведет все паспорта,
И постылое начальство навсегда!

Та ли песня сдаст все фабрики в артель,
А хозяин да кулак — пошли отсель!..

Припеваючи, по-братски заживет
Под крестьянску песню весь честной народ!..

Расправляйте ж, братцы, грудь свою вольней,
Грянем песню мы крестьянскую дружней!

<1875>

Н. А. НЕКРАСОВ

ПЕСНЯ НАРОДНОГО БОРЦА

Душно без счастья и воли,
Жизнь бесконечно длинна, —
Буря бы грянула, что ли!
Чаша с краями полна.

Грянь над пучиною моря!
В поле, в лесу засвищи!
Чашу народного горя
Всю расплещи!!!

1868

ВПЕРЕД

Двухнедельное обозрение

Лондон. 1875—1876

Н. П. ОГАРЕВ

СВИДАНИЕ

Два императора
Съезжались ныне
Поцеловаться
В городе Берлине.

Мы, говорят, друг с другом
Войны не поднимем;
Мы, говорят, друг друга
Приятельски обнимем.

Друг другу, говорят, поможем
Надуть свои народы,
Не только во имя рабства,
Но и во имя свободы.

Главное ж дело —
Сохранность власти
И чтобы самим не вышло
Како́й напасти.

Ах, окаянные!
Скоро ли ж это
Люди очнутся
От Ветхого завета?

Да так уж очнутся,
Чтоб не пришлось вам
Больше ни драться,
Ни целоваться!

Апрель или май 1875

П. Л. ЛАВРОВ

НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем в ряды страждущих братий,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою;
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

<1875>

Н. С. КУРОЧКИН

В ПАМЯТЬ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ 1848 ГОДА

Нету работы... семья голодает...
Двое малюток припали к отцу,
Рвут на нем платье, есть просят, рыдают...
Мать на них молча глядит и страдает...
«Полноте, дети, — отец утешает, —
Наши страданья приходят к концу:
Хлеба нам или свинцу
Завтра республика дать обещает».

Сдвинуты брови и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицам йдут, и звуки
Песни их грозной исполнены муки:
«Завтра раздастся здесь гром боевой;
Знайте же, братья: вас ждет впереди
Хлеб на столе или пуля в груди
После борьбы роковой!»

Знамя над грудою камней взвивается...
Строит народ баррикаду...
Завтра он здесь умирать собирается;
Здесь для свободы алтарь воздвигается;
Здесь новой жизни заря загорается,
Людям грядущим в урок!
Будет героям награда
Пуля иль хлеба кусок!..

Тени ночные спустились над зданьями...
Полон решимости мрачный народ:
Завтра он кончит с своими страданьями!
Полный надеждами и ожиданьями,
Жаждою полный борьбы,
Целую ночь он очей не сомкнет,
Завтра он хлеб или пулю возьмет
С бою у грозной судьбы!..

27 июня 1875,
Париж

Л. А. ДМОХОВСКИЙ ‹?›

ЗАПОВЕДИ ОТЩЕПЕНЦА

(Акростих)

Борись за истинный закон
Равéнства, братства и свободы,
А не за строй былых времен:
Тот строй идет против природы.

Своди с престола сильных мира —
Тиранов, деспотов, владык.
Война рабам царя-кумира:
Он к жертвам общества привык!

Работай за меньшýю братью,
Апостол истинной любви;
В ее борьбе с давящей знатью
Ей помогай, ее веди!

Не пожелай себе главенства,
Стать выше всех не пожелай;
Твой идеальный план равéнства
В живое дело претворяй.

Одна за счастие порука —
Свободный мыслью человек;
Всё, что пророчила наука,
Осуществит свободный век.

Бесстрашен будь, ты — сын свободы!
Оставь рабам их страх людей:
Другая жизнь зовет народы,
А наша жизнь — ступень лишь к ней.

18 февраля 1876

П. Л. ЛАВРОВ

АПОСТОЛ

Когда железною рукой
Нас власти гнет повсюду давит,
Когда безумный произвол
Измученным народом правит,
Когда никто во всей стране
От страха уст раскрыть не смеет
И силы лучшие людей
В дремоте тяжкой цепенеют, —
Среди страданий и оков
Порабощенного народа
Иди по селам, городам,
Кричи: «Да здравствует свобода!»

Где человека человек
Скотиной вьючною считает,
Где всё пред денежным мешком
Колени трепетно склоняет,
Где честь, и женская любовь,
И человека труд свободный —
Всё покупается с торгов,
Где, презираемый, голодный,
Работник жизнь свою клянет, —
Пусть там твое живое слово
К борьбе со злом и к жизни новой
Народ молчащий воззовет.

Где сильный слабого теснит,
Где деньги право заменяют,
Где всюду наглый паразит
Народ бессильный истощает,
Где человека топчут в грязь,
Где палачи, страны судьбами
Владея, нагло душат всех
Своими грязными руками, —
Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы.

Туда иди! буди людей!
Зови к оружию народы!

Не ты виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется:
Без жертв, без крови, без борьбы
Народам счастье не дается.
Не ты безжалостной рукой
Народа грабил достоянье;
Не ты отда́л его судьбу
Своим льстецам на поруганье;
Не ты, когда страдал народ,
В чертогах пышных веселился;
Не ты виной, что он за нож
Теперь в отчаяньи схватился.

Иди и не слабей в борьбе!
Пусть речь твоя не умолкает!
Пусть будит дремлющих она,
Из гроба мертвых поднимает!
Когда же, к радости врагов,
Ты попадешься власти в руки,
Не побледнеешь ты пред ней,
В оковах, обречен на муки.
И если радостный палач
Тебя с улыбкой бессердечной,
Нахально спросит: «Чья взяла?» —
Ответь: «*Моя* взяла, конечно!»

<1876>

НОВАЯ ТЮРЬМА

Прохожий

Строится, вижу, здесь что-то такое;
Здание, кажется, будет большое...
Что̀ ты здесь строишь? Казармы? Дворец?
Знать любопытно: скажи, молодец!..

Каменщик

Правда, работы здесь будет немало.
Трудное время, брат, нынче настало.

Слышь, зароптал наш рабочий народ:
Полно работать ему на господ!
Видно, не стало уж дальше терпенья
Молча сносить все неправды, мученья,
Вечно трудиться для праздных гуляк...
Думу задумал крестьянин-вахлак:
Хочет он сам добывать свою долю;
Ходят всё слухи про новую волю...
Вот и пошел, что ль, указ от властей
Страху нагнать на строптивых людей:
Всех, кто стоит за народ за голодный,
Жалует царь наш тюрьмой новомодной.
Каторги мало, знать, стало ему:
Выдумал новую, злую тюрьму.
Важная штука — могилушка эта!
В ней не увидишь и божьего света;
Стоны, рыданья лишь гулом пройдут;
Заживо мертвым тебя погребут...
Так-то, земляк! не дворец, не палаты —
Строим живому мы гроб здесь проклятый,
Каменный гроб для свободы людей,
Каменный гроб для народных друзей.
А велика! Знать, немало народу
Стало теперь за святую свободу...
Был здесь сам царь и молебен служил,
Сам первый камень тюрьмы заложил —
Богу потом на коленках молился.
Я поглядел... и душою смутился...
Вишь, кровопийцы! Людей-то морят, —
Сами о боге, любви говорят...
А как подумаешь, мы-то что сами?
Строим тюрьму мы своими руками,
Строим тюрьму для себя для самих
Да для народных друзей дорогих...
Горькая дума! Болит ретивое!
Время-то тяжкое вышло такое...
Эх, брат, заела злодейка нужда!..

Прохожий

Полно тужить, молодец, не беда!
Видимо стало: не долго нам маяться!
Скоро придется всем хищникам каяться;

Скоро здесь буря везде заревет;
Скоро восстанет рабочий народ.
Дрогнут враги его, страхом объятые;
Рухнут пред ним эти зданья проклятые:
Тюрьмы, казармы, суды и дворцы...
С гордых царей он сорвет их венцы...
Брось же, товарищ, печаль и заботу:
Скоро нам будет иная работа...

Каменщик

Слово ты, брат, не пустое сказал;
Я уж давненько его поджидал.
Больно уж много народу страданья!
Всё не приходит наш час воздаянья!
Пусть он ударит: мы вместе пойдем
Правду святую добыть топором!

<1876>

Г. А. МАЧТЕТ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ!..

(Замученному в остроге Чернышеву, борцу за народное дело)

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты буйные кости сложил...

Служил ты немного, но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твои братья по духу,
Тебя на кладби́ще снесли...

Наш враг над тобой не глумился...
Кругом тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах, —

Нет, злоба нас только душила!
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись!..

С тобою одна нам дорога:
Как ты — мы в острогах сгнием...
Как ты — для народного дела
Мы головы наши снесем;

Как ты — мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней!

1876

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Не трава в степи колышется,
Не в дубраве ветр шумит;
Клич удалый, мощный слышится —
В бой с врагом идти велит.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецов:
Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.

Не страшат борцов мучения,
Ни тюрьма, ни эшафот:
Полны мужества, презрения,
Смело движутся вперед.

Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков!
Суд чини, расправу грозную:
Зуб за зуб и кровь за кровь!

Западет пусть в душу каждого:
Подлость, зло с земли стереть
Иль на трупе брата павшего
За свободу умереть!

Братья! дело наше правое:
Смело в путь идти должно́;
Пусть нас сотнями ссылают;
Будь что будет — всё равно.

Чем всю жизнь прожить под гнетом,
Лучше разом кончить с ней.
Жить, как жили мы доселе,
Это — жизнь меж двух огней.

Пусть горит в душе отвага!
Пусть пылает правдой речь!
Пусть девизом нашим будет:
Победить — иль с честью лечь!

Хлынем, братья, не робея,
Как потоки вешних вод!
Пусть для деспота со сворой
Час отмщения пробьет!

Так сойдемся, братья, дружно
Чашу братства вместе пить,
Чтоб над павшим монархизмом
Знамя равенства развить!

<1876>

П. Л. ЛАВРОВ

РОЖДЕНИЕ МЕССИИ

Когда-то шли толпы в соборы
Почтить ту ночь, когда с высот
Гремели херувимов хоры,
Благую весть неся в народ:
«Родился в бедности Мессия,
Родился в яслях царь миров!
Он прекратит вражды земные,
Он уврачует боль рабов,
Он сломит цезаря гордыню,
Он фарисея обличит,
Разрушит идолов святыню,
Любовь и правду водворит!»

Века минули за веками,
Но всюду царствует вражда;
Народов кровь течет реками;
Для фарисеев нет суда;
Под лицемерием закона
Раб голода живет рабом,
И на бессмысленные троны
С небес не низлетает гром.
Любви и правды от Мессии
Народы перестали ждать;
Не сходят ангелы святые
Земное зло уврачевать.

Бессильны жаркие молитвы,
Бессильны Будды и Христы
Среди бесчеловечной битвы,
Среди безумной суеты...
Встань, человек! Ты мертвый идол
Своей любовью оживил.
Ему *свою* ты силу придал,
Себя в Христе ты воплотил;
Благую весть освобожденья
Ты *сам* в душе своей пропел.
Ты чуда ждешь? пришло мгновенье:
Иди на путь чудесных дел!..

Иди! Да восстают народы!
Да прозревают все слепцы!
Весть братства, равенства, свободы
Да грянет в мир во все концы!
Да встанет из своей могилы
Работник Лазарь навсегда!
Да рухнут царства грубой силы!
Да придет грозный день суда!
Да воцарится правда всюду,
Да обновится мир трудом!
Иди, свершай земное чудо!
Сам для себя будь божеством!

Но знай: не дремлют фарисеи.
Христос! тебя Голгофа ждет!
Тебя осудят иереи;
Пилат на казнь тебя пошлет.
Ступай на крест за благо братий,
На крест за правды торжество!
Среди клевет, среди проклятий
В себе родишь ты божество.
В борьбе твои окрепнут силы,
Настанет час: ты повелишь —
И разлетится свод могилы,
И старый мир ты обновишь.

Придешь ты грозным судиею
С мечом и пламенем в руках;
Ложь затрепещет пред тобою,
Кумиры зла падут во прах.
Народы в день освобожденья
Скрепят свой братский договор,
И новое раздастся пенье:
Благая весть! Священный хор!
«Мессия истинный родился —
Всесильный богочеловек!
Он в нашем деле воплотился —
Он — правда, братство, мир — навек!»

25 декабря 1870
Париж

ВПЕРЕД

Непериодическое обозрение

Цюрих—Лондон. 1873—1877

П. Л. ЛАВРОВ (?)

* * *

Война!.. На землю мрак густейший
Ложится трауром окрест,
И повелитель августейший
В народ бросает манифест.

С лица земли стереть желая
Врагов, ликуют без конца
Опять, как в годы Николая,
Холопы Зимнего дворца.

Урок истории минувшей
Забыв, бушует вновь, как встарь,
Цивилизации хлебнувший,
Но ею проклятый дикарь.

Он, встав, щетинится штыками,
Славян освобождать идет,
Забыв, что *с русскими полками*
Свобода рядом не идет,

Что роль позорную играем
Мы на двойном своем пути:
Одной рукою Польшу давим,
Другой славян хотим спасти...

А вы, славяне, наши братья!
Пусть вас не тешит звон мечей!
Иуды нового объятья
Страшней турецких палачей...

И как евреи ждут Мессии
И не дождутся никогда,
Так не взойдет для вас в России
Освобождения звезда.

1877

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

К СУДЬЯМ

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...

Крестьянскую дерюгу вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.

Застигнута на месте преступленья,
С «поличным» я на суд приведена...
Зачем же тут «свидетели» и «пренья»?
Ведь я кругом уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни — я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежа, ноги босы,
Мозоли видны на руках.

Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне.

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья...
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я.

«Пожизненно» меня ты погребаешь,
Но мой недуг уж написал протест...
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арест...

А я умру всё с тою же любовью...
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!..

12 марта 1877

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПИСЬМО В ТЮРЬМУ

Прощайте, братья дорогие!
Вы в жертву преданы судьбой,
В могилы гонят вас живыми,
Как гнали всех за правый бой.

Что тяжко жизнь влачить в неволе,
Мы это чувствуем глубоко;
И та же участь, та же доля
Постигнет нас по воле рока.

Но ни тюрьма, ни даже казни
Не сломят дух протеста в нас:
Дорогой той же без боязни
Пойдем мы мстить, друзья, за вас.

<1877>

С. И. БАРДИНА

* * *

Полюбила ты брата убогого,
Ты его утешала слезами —
И за то пред судью тебя строгого
Привели, оковавши цепями.

Перед ним принесла ты повинную:
У судьи опустилися руки:
«Как могу я головку невинную
Осудить на жестокие муки?!.»

Нет, судья! Эту девушку бледную
Беспощадным карай приговором:
Иль не чуешь ты силу победную
Под незлобивым, любящим взором?!.

Нет! не ратью, оружьем сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побежден будет мир наш великий!

<*1877*>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

К АРЕСТАНТУ

Мой привет тебе, брат по несчастью!
Ты, как я же, стал жертвой цепей!
Погубило нас жизни ненастье:
Трусость, глупость и злоба людей!

Не такого б ты стоил удела,
Полный жизни, энергии, сил;
Верный рыцарь великого дела,
Ты любимым бы был и любил.

Но не то тебе пало на долю:
Ты аскетом всю жизнь проживешь,
Из тюремной лишь выйдешь неволи,
Как в тюрьму ты опять попадешь.

И всю жизнь, как бродяга скитаясь,
Слово правды везде разнесешь;
Но, за счастьем людским век гоняясь,
Своего ты нигде не найдешь!

Но во многом найдешь ты отраду:
В том, что честно исполнил свой долг,
Что страдал за любовь и за правду,
Что твой подвиг был труден и долг,

И что был он свершен не напрасно,
Как отшельника подвиг тупой,
Что, бичуя себя ежечасно,
Истомляет бесплодной борьбой.

Нет, погибнешь ты, брат мой, недаром!
Что ты сеял, то всё и взойдет,
Всё, чему ты учил с юным жаром,
Всё в народе свой отклик найдет!

Глубоко западут в его душу
Семена те, назло людям тьмы:
Их не вырвет суровая стужа
Русской вселеденящей зимы.

Грозен будет тот отклик народа!
Громче звона его кандалов,
Громче яростных воплей врагов
Прозвучит это слово — «Свобода»!!

Рухнет старый союз бюрократа,
Фабриканта, попа и солдата;
Как виденье тяжелого сна,
Вековая исчезнет тюрьма!

Рухнет с виду столь прочное зданье,
Так как в самом его основаньи

Подточил его старый термит,
Человеческих сил паразит.

И на грудах костей твоих братий
Оснуется то царство любви,
Где не будет уж слышно проклятий,
Стонов жертв, затопленных в крови.

1877

НАБАТ

Орган русских революционеров

Женева — Лондон. 1875 — 1881

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Будем верить и ждать, будем громко взывать
Всех к расправе и мести народной,
И дождемся поры, что блеснут топоры
И восстанет народ угнетенный.

<1876>

П. В. ГРИГОРЬЕВ (?)

К ДРУЗЬЯМ

И в лесах, и в степях,
В низких ку́рных избáх —
Всё крестьянские семьи страдают...
В тех избах злой зимой
И в мороз ледяной
Ветры свищут, гудят, завывают...
Не имеет семья
В них и хлеба куска
И, питаясь корой, голодает...
От зари до зари
Почву тощей земли
Она по́том своим поливает...
Что земля родила,
Что за труд нам дала, —

То помещик и царь отнимают...
Недоимку притом
Всем хозяйством, скотом,
Распродав кулакам, — пополняют...
И за голод, за труд
Их ругают и бьют,
Безнаказанно всё оскорбляют...

Там и сям гул стоит,
Дым тьмой небо коптит, —
Люд заводский, фабричный страдает;
Вечный смрад, дым и чад,
Как губительный яд,
Там несчастных людей отравляет!..
Там работа сверх сил
Средь бездушных машин
Им болезненно грудь надрывает...
Алчность там богачей
Для своих барышей
Тех рабочих увечит, ломает...
За увечье, за труд
Грош рабочим дают,
С бранью вон их богач прогоняет,
И увечных отцов,
Их детей, жен и вдов
Бессердечно по миру пускает...
Холод, голод терпя,
Там малютка-дитя,
Даже тот свою жизнь проклинает!

И страдальцев таких —
И бездольных, сирых
И голодных — у нас миллионы...
И гудят над землей
Всей России родной
Их бессменные, тяжкие стоны...
Кровью он удобрил
И слезами полил
Наш народ свою землю родную;
Обречен он страдать,
Голодать, холодать
Всю печальную жизнь трудовую...

Запретили ему
Суеверия тьму
Разогнать ярким светом науки,
И лишь в тщетных мольбах
Пред иконой в церквах
Ищет он исцеленья от муки...

А по тюрьмам глухим,
Нездоровым, сырым
Души честных людей изнывают
Лишь за то, что честна
Молодая душа,
Их за то лишь в застенок бросают...
И народ свой любить,
Ему честно служить
Им под страхом тюрьмы запрещают...
Честным быть не велят,
Их за знанье казнят,
И ссылают в Сибирь, и пытают...
С сердцем, полным любви
К угнетенным, они
Под рукой палача умирают, —
И любить всей душой
Наш народ, край родной,
Умирая, живым завещают.

Эй, чиста чья душа,
Сердце чье и рука
Не обрызганы кровью народной,
Кто успел в царстве тьмы
Сохранить хоть мечты
О другой жизни, вольной, свободной, —
Не теряйте минут:
Вас друзья ваши ждут,
Протяните им руку скорее;
Породнившись в одной
Мысли честной, святой,
Вы с друзьями сходитесь теснее!
«Счастье всех» — наш девиз,
Знанье, честная мысль
Обеспечат идее победу...
Наш теперь здесь черед,

Наша мысль не умрет,
Разольет она счастье по свету...
Самовластье царя
И корысть торгаша,
Все, кто были народу врагами,
Подлость лишь в чьих умах, —
Все рассеются в прах,
Разлетятся, как дым, перед нами!
Эй, скорей же, скорей
Собирайте друзей
Вкруг себя для борьбы за свободу!
Не умрем — победим
В том бою, и дадим
И науку, и счастье народу!

<1876>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НЕЧЕГО ЖДАТЬ!

Время унылое. Грозное горе
Камнем тяжелым на сердце легло:
Счастья житейского светлое море
Кровью народной полно...

И в той крови, как в вине, утопая,
Мелких страстей и разврата полна,
Дикая, алчная хищников стая
В мире пирует одна.

Вечно народною кровию пьяны,
Сытые вечно народной слезой,
Гнусные эти народа тираны
Всё попирают собой.

И в эту страшно тяжелую пору
Присуждены мы позорно молчать
Или терпенью к тупому позору
Темный народ поучать.

Грозные мстители, встаньте же, что ли!
Нет больше сил, ни терпения ждать!
Ржавые цепи народной неволи
Время пришло разорвать.

Встань, подымайся, всё юное племя!
Встань, весь народ для расправы крутой!
Хищников алчных ненужное бремя
С плеч поскорее долой!

<1877>

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ (?)

ДРУЗЬЯМ

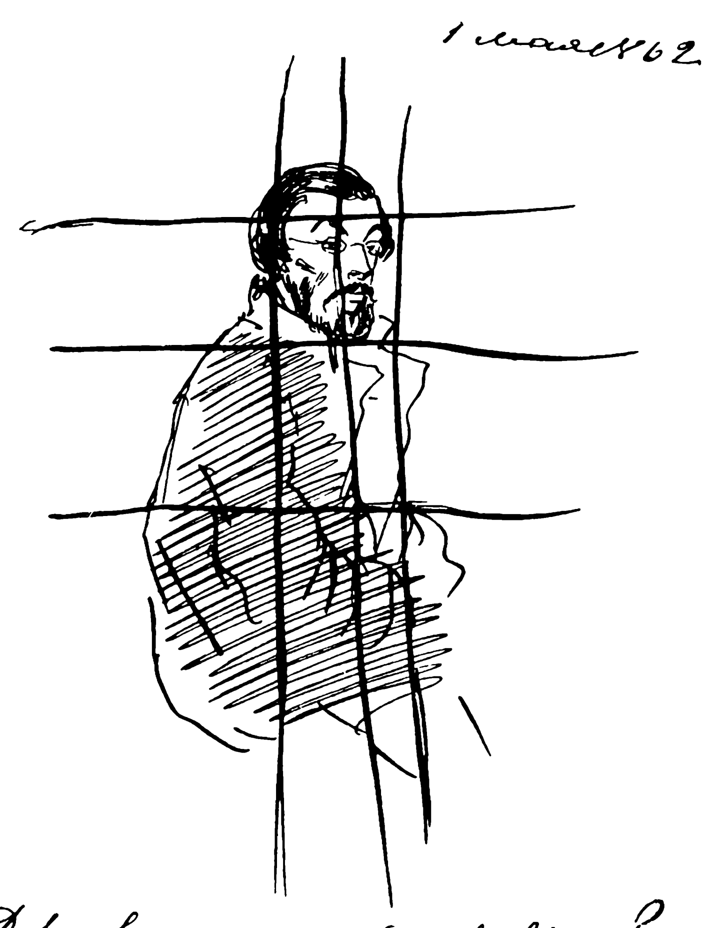
Друзья! Страдать, как я страдаю,
Не дай бог никому из вас;
Я не живу, я умираю
Изо дня в день, из часу в час.

И, может быть, настанет время,
Когда подавит наконец
Меня бессменной пытки бремя,
И стану я живой мертвец.

И неразумными устами
Произнесу хулу тому,
Что шел прямыми я путями,
Что слишком ненавидел тьму.

Но если это святотатство
Язык мой слабый совершит,
Пусть в вас не гнев, а чувство братства
И справедливость говорит.

Тогда, поникнув головою,
Скажите: пал он наконец!
Почтим его своей слезою;
Он наш, он честный был боец!


1 мая 1862
Добро ли похеритъ человека?

Для дела братства и свободы
Он ничего не пощадил,
Он отдал всё в бою с невзгодой,
Всё — до последней капли сил.

Он отдал то, что больше жизни, —
Свой ум, способность понимать,
И нам ли ядом укоризны
Такую жертву запятнать?

И пусть тогда мое паденье,
Вся горечь мысли обо мне
В вас пробудит и жажду мщенья,
И ненависть ко злу вдвойне!

Тогда кидайтесь в бой суровый,
Пусть он грозней, грозней кипит:
Быть может, клич ваш бранный снова
Мой дух замерший пробудит!

1877

Н. В. ГРИГОРЬЕВ

ИЗ ПОЭМЫ «КАРАКОЗОВ»

ПАМЯТИ КАРАКОЗОВА

Отрывок 1-й

(Посвящение)

Всё сбылось, чего желал ты страстно:
Ты полезен родине своей!
Ты казнен, как вождь толпы опасной!
Ты стоишь в рядах убийц царей!

Фив герои, Кассий, Брут великий,
Разин, Телль, Марат, — ты всем им брат!

Лев ко льву, титан к титану! Лики
Лучезарно, радостно глядят!

Годы шли! Твой образ величавый
Нам вдали мерцал как идеал...
Осенен венком бессмертной славы,
Он нас в битву и на мщенье звал!

И сбылось! Взросло иное племя,
По твоим святым стопам идет,
Поднялось посеянное семя
И дает сторицей пышный плод!

Бой в Одессе, Трепов устраненный,
На Дону наказанный шпион,
Гейкинг подлый, Киевом казненный, —
Вот тебе, герой, от нас поклон!

Близок день! За братство и свободу
Вся Россия вступит в страшный бой!
«Смерть тиранам, счастие народу!» —
Громом грянет клич твой над толпой!

Отрывок 2-й

III

Авдотьею нянюшку звали.
Раскольницей баба была,
В селеньи ее одобряли:
«Не вор, не хвастун, не пила;
Любила, ласкала ребенка;
В одежде чиста и скромна;
И голос приятный да звонкий,
И церкви Христовой верна!»
Так мне на миру поверяли, —
Любили в селеньи раскол!
О ней много россказней знали:
«Как враг на Расею пришел,

Вдруг стала Авдотья солдатом,
Скит бросила, бога, попов,
Сражалась железным ухватом,
Сгубила немало врагов!»
Потом снова богу служила:
Ходила в Иргиз, на Афон...
Потом казака полюбила
В Черкассах; — вступила в закон;
Жила лет десяток, ай боле,
Примерной, хорошей женой;
Да в детках бог не дал ей доли:
Был мальчик, да помер грудной...
Потом муженька схоронила
И долго печальна была!
В наймах лет с десяток ходила,
Почесть всю Расею прошла, —
Нигде сироте не повадно!
Любви от людей не видать!
И вздумала баба: «Ну, ладно!
Попробую в детках искать!»
Нанялася в няньки... а вольной
Она от рожденья была!
И дал ей господь сердобольный!
Не выкормка — сына нашла!

IV

Сын барину, Митя барчонок
Ее... ну вот так полюбил,
Что впору как ро́дный ребенок!
Признаться... и мальчик же был!
Пройди ты Расею начи́сто,
Таких не обрящешь робят!
Что ласков, что тих, что речистый,
Что силой, что разумом — хват.
К убогиим-сирым приветлив!
Захожиим-странним всем — брат!
На беды чужие — вот сме́тлив,
Что диво: «Откуда он знат?»
Здоровый; волосики белы,
Все в кольцах; прям, ровен, высок!

Глаза голубые!..» — «А смелый?..»
— «Уж смелый! Да вот, дай мне срок.
Сейчас расскажу те что было...

Отрывок 8-й

VI

«Не выкормка — сына!» Тут дедко,
Рассказчик, добрался до слез!
Он всхлипывал долго и редко,
И вот что узнать довелось:
«Повесили! Митя повешен!
Замучен наш ангел царем!
А он был, как голубь, безгрешен!
Зла капли не знали мы в нем!
Пыта-а-ли! Огнем сожиг-а-а-ли!
Рук кости дробили долбней!..
Господние люди страдали
Не боле для веры святой!
Селедкой соленой кормили,
А пить не давали! Пилу
По мясу, по ребрам водили!
Под ногти втыкали иглу!
И не было муки лютейшей,
И в мире нет казни такой,
Каких он не принял, святейший!
Каких не стерпел наш родной!
За что же? За то, что паскуду,
Обманщика, Ирода, пса
Хотел приглушить, как Иуду,
Чтоб дьявол овцой не звался!
За то, что пречистой душою
Антихриста в корень прозрел!
За то, что за нас встал горою,
За то, что добра нам хотел!
За то, что обиды крестьянской,
Той «воли царевой» — не снес!
За то, что от кости дворянской
Народу дитя родилось!»

ИЗ ГЛАВЫ II

Отрывок 4-й

II

. . . .

Ребенок рос в глуши степной
Среди замученных крестьян.
Дитя-герой, живой душой
В те дни приял он много ран,
Которыми страдал народ.
Он видел адский труд раба,
Он видел: человек, как скот,
В него впряжен! Видал гроба
Засеченных плетьми детей!
Видал зверств диких страшный ряд!
Зрел медленную смерть людей —
Весь крепостной кромешный ад!

III

Проникнуть в тайну душ иных
Нельзя. Средь непроглядной тьмы
Они растут... Но что-то их
Спасает! Ранние умы,
Они, на диво всем векам,
Растут среди убийств и слез
Вольны... на горе палачам!
Так Дмитрий Каракозов рос.
Вот что от дворни я узнал
О славном мальчике о том:
Он часто к няньке убегал;
Рыдал, оставшись с ней вдвоем;
Молил с тоской: «Люби меня!»
И сцены зверства вспоминал,
А в них отца, и, преклоня
Головку, крепко припадал
К ногам старухи и просил:
«Пожалуйста, люби хоть ты!»
Потом подолгу болен был...

Быть может, рано развиты
Инстинкты правды были в нем...
И страх, что вот — он одинок?
Не знаю. Но везде кругом
Разврат царил, как Русь широк...
А просьбу крошка повторял
Не только няне, всем в дому...
Он с ней дворовых обегал —
Все были ласковы к нему!

1878

‹ПЕСНЯ О МЕЗЕНЦЕВЕ›

1

То не тучи божьи-грозны
Воздымалися!
Как сходились, собирались
Добры молодцы,
Вольны братья, собирались
Судьи праведны!
В коем было во году —
Недогадано,
В коем было городу́ —
Недоведано!
Имена судей удалых —
Тайна божия,
На мучителей народа
Припасенная!
Созывала суд тот правый
Скорбь вселенская,
Что не мука ли крестьянства
Вековечная!
Ту́гой-горечью сиротскими
Вскормленная,
Горе-горькою слезою
Воспоенная!
На господское на племя
Суд тот праведный,
Что ни набольшему чину
Учиняемый!

Коновод ворам, сам царь палач
Не спросится,
За дела за душегубны
Он поплатится!
Таковы-то собирались
Судьи грозные!
Таковы-то думы крепки
Они думали!
Приговоры полагали
С правдой-матерью,
Ни деньгами, ни слезами
Неподкупные!

2

Призадумалось начальство,
Призадумался сам царь!
Как на них есть судия,
Есть непрошеный,
Он не прошен, он не гадан,
Да он праведный!
Накануне было Спаса
В Петербурге городу —
Генерал царев казнен
Тот ли Мезенец!
Кровопийца генерал
Вышел с дому погулять,
Он по улице Тальянской
Со милым дружком идет,
Что со тем ли царским псом
Со Макаровым!
Он по улице идет,
Ничего себе не ждет!
О девчонках милы други
Разговаривают,
Друг пред другом генералы
Девкой хвалются,
На гулёманы к девчонкам
Собираются!
Со допросу, вишь, поедут
Погулять-попировать!

Со того ль допросу тайного,
Дворцового,
Что на крепости чинится
Петропавловской!
Он оттуда, генерал,
Много душ в Сибирь сослал!
Много душ в Сибирь сослал
Неповинныих,
Невиновных, голубиных,
Белых-чистыих!
Ой, злодей ты, лиходей,
Царский прихвостень,
Ты подумай-ко, побойся
Бога-господа!
Много ль лет ты кровь точишь
Человеческу?
Много ль душ ты загубил
На веку своем?
Он не думал, не гадал,
Зверь-глот Мезенец,
Что дела его сочтёны
Душегубные!
Что дошли сиротски слезы
К судьям праведным,
Что ему решенья вышли
Быть казненному,
Живота ли казнью лютой
Быть решенному!

8

Как по площади Михайловской
Два мо́лодца
В день под Спаса ранним утречком
Похаживают,
Они ходют-поджидают
Глота-изверга,
Царска друга, генерала,
Значит, Мезенца!
Им приказ-решенья даны
Судий праведных,

Молодым удалым братьям
Пала очередь!
Они ходют да друг с другом
Разговаривают:
«Не легко казнить, не лестно, —
Только надобно!
Не на то мы вольны братья
Прозываемся,
Чтоб решенья не исполнить
Справедливого,
Что того ль решенья грозна
Судий праведных,
Судий праведных, нам братьев,
Нам товарищей!
Не на то мы вольны братья
Прозываемся,
Чтоб жалеть злодея люта,
Кровожадного!»
Так-то молодцы друг с другом
Разговаривают...
Ан и выдь он им навстречу,
Сам тот Мезенец!
То не сокол бьет стрелою
Из поднéбесья —
Брат меньшой на кровопийцу
Тут накинулся!
Он ножом его ударил
Тем булатныим
В сердце лютое, злодейское,
Безжалостное!
Не дрогнула, не прошиблась
Ручка метлива;
Что ни куль овсяный нáземь
Изверг валится!
Аль откуда ни возьмися
Конь вороненький!
Братья сели, кучер свистнул,
Их и след простыл!

1878

⟨*М. П. ДРАГОМАНОВ*⟩
ДЕТОУБИЙСТВО, СОВЕРШАЕМОЕ РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ...
Женева. 1877

С. И. БАРДИНА

ДВЕ СОСЕДКИ

Боже мой, какая скука
Заключенной быть в тюрьме!
Целый день лежать без звука
И без мысли в голове!
А как тяжко, тяжко, душно,
Словно камень давит грудь,
Сердце бьется непослушно,
Только тяжело вздохнуть.
Но ведь рядом тоже клетка...
Может, веселее там?
Стук-стук-стук! «Ну что, соседка,
Хорошо ль живется вам?»
— «Легкие всё не в порядке,
Стало трудно мне дышать, —
То чахотки злой зачатки.
Видно, надо помирать!
Кашель мучает вот тоже
Окаянный, грудь болит...
А сияющий мир божий
За окном так жить манит.
За железную решетку
Солнца луч скользнул,
Ветерок, ворвавшись в клетку,
Свежестью пахнул, —

Шепчет, лишь к лицу касаясь,
    Про зеленый лес,
Что, вершинами сливаясь
    С синевой небес,
Аромат распространяет,
    Свежесть сосен, мхов,
Грудь больную укрепляет
    Лучше докторов...
Шепчет, нервы раздражая,
    Про тот луг родной,
Где цветы, благоухая,
    Искрятся росой;
А порой звучит уныло
    О борьбе глухой,
Где была б полезна сила
    Жизни молодой.
Но подрезаны мне крылья...
    Давит, как тиски,
Чувство гордого бессилья,
    Злобы и тоски.
Перед смертью я не трушу,
    Но желала бы пожить,
Чтоб все силы и всю душу
    В дело положить».
Кашель жалобный раздался,
    И пронесся стон,
Жгучей болью отозвался
    В моем сердце он.
Но и справа есть соседка,
    Дай толкнусь туда,
Лишь понять ее нередко
    Трудно — вот беда!
«Как живешь, касатка Маша?»
    — «Плохо, друг мой, злят...
День и ночь ведь в стену нашу
    Жулики стучат.
Арестанты — все спириты,
    Замечаю я,
А жандармы ядовито
    Смотрят на меня.
Замечаю, как презренье
    В лицах их сквозит,

А улыбка сожаленья
    На устах скользит.
Но, что вижу я, о боже!
    Огоньки горят!
Из углов и окон рожи
    Страшные глядят!
И всё больше! То толпятся
    Гномы вкруг огня,
С адским хохотом грозятся
    Погубить меня:
— Как, несчастная, мечтаешь
    Обновить ты мир?
Уничтожить в нем желаешь
    Наш кровавый пир?
Не спасешь ты человека!
    Нам, и нам одним,
Адом власть дана от века
    Царствовать над ним! —
Подо мной разверзлась бездна,
    Всё плывет кругом,
Я борюсь, но бесполезно!
    Побеждает гном!»
Смолкло всё. Лишь часового
Раздается мерный шаг,
Безотрадно и сурово
Смотрят звезды в небесах.

<1877>

К МАТЕРИ

Когда несчастье надо мной
Нависло крышкой гробовой,
Одна лишь, любящая мать,
Сумела ты меня понять.

Эгоистичная семья
Об арестантке позабыла,
Лишь ты, родимая моя,
В слезах и в горе вся изныла.

Зато я буду уважать
Тебя, родная, беспредельно
И образ твой благоговейно
В святыне сердца сохранять.

<1877>

К <Л. Н. ФИГНЕР

Милая девушка! Сильно влияние
Внешней чарующей нас красоты, —
Так; но сильнее ее обаяния
Прелесть душевной твоей чистоты.

Много в изящной фигуре гармонии
И благородства в движеньях твоих,
Чувства движенья еще благороднее,
Сердце великое чуется в них.

Полон Спасителя лик сострадания,
Скорби в божественных много чертах, —
Но еще больше любви и страдания
В этих бездонно-глубоких очах.

<1877>

* * *

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели...

Нам было лестно состраданье
Прочесть у них на лицах к нам...
Мне даже слышалось рыданье
Из отделения для дам...

И продолжалась до обеда,
И даже больше, их печаль...
У них о нас велась беседа:
Все говорили: «Жаль их, жаль!..»

А у меня, в тюрьме угрюмой,
Была меж тем своя печаль:
Полна им непонятной думой,
Я говорила: «Мне *вас* жаль! .»

Февраль или март 1877

* * *

Мы были там. Его распяли,
А мы стояли в стороне
И осторожно все молчали,
Свои великие печали
Храня в душе своей — на дне.

Его враги у нас спросили:
«И в вас, должно быть, тот же дух?!
Ведь вы его друзьями были!»
Мы отреклись... Нас отпустили...
А вдалеке пропел петух...

Нам было слышно: умирая,
Он всё простил своим врагам;
Он умер, их благословляя,
Открыв убийце двери рая...
Но... он простил ли и друзьям?!

1877

И. Ф. ФЕСЕНКО (?)

СТАНОВОЙ

(Быль в стихах)

Петербург. 1877

1

Полицейский нахал
Тройку серых загнал...
Он кричит, ямщика погоняет;
Точно вихорь зимой,
Господин становой
На деревню грозой налетает.

Колокольчик гудит,
То младенцем визжит,
То как пес перед гибелью ноет,
Тройка скачет, летит,
Бор сосновый дрожит
И макушками жалобно воет.

За версту до людей
Осадил лошадей...
Колокольчик замолк, оборвался...
И к избе небольшой,
Словно тать, становой
По задворкам тихонько пробрался.

2

Некрасива изба:
Как старушка-раба,
Пригорюнилась, в землю врастает;

Но в окошке одном,
Что глазок небольшом,
Словно звезды господни мерцают.

И старинный напев,
Запрещенья презрев,
Из убогой избы доносился;
В ней собрался народ,
Сын тяжелых невзгод,
По душе собрался и молился.

Ряд старинных икон,
Память лучших времен,
Озарен восковыми свечами;
Посреди аналой,
На нем крест золотой —
Бог Исус, измозженный гвоздями.

Посредине стоит
И молитву творит
Ветхий старец, как лунь побелевший,
Но тяжелым постом
И великим трудом
На земле неземное прозревший.

Сколько в жизни видал,
Сколько мук испытал
Этот старец, бедою согбенный!
Ничего не забыл,
Много людям простил,
Голубиной душой вдохновенной.

То покой мудреца,
То улыбка отца
Добрый лик старика украшают...
В черный горести день
Изо всех деревень
За советом к нему приезжают.

Он утеху найдет,
Грусть-тоску разведет,
Побранит, приголубит, наставит;

А заблудших детей,
Что родных сыновей,
Понаучит и в жизни направит.

Под воскресные дни
Соберутся они,
А старик им по книге читает,
Как учил, как страдал,
Как за них умирал
Тот, кто миром миров управляет.

3

Распахнулася дверь. С глупой трубкой в зубах,
Шапку набок, глазами сверкает,
Полицейский стоит... На бескровных губах
Ядовито насмешка играет...

«Где мерзавец? Где поп?.. Что, попались, друзья?
Ах, вы чертово подлое семя!..
Али гость невпопад? Аль забыли, кто я?
Или чешется хамское темя?»

Не докончивши речи, поганой рукой
Он за бороду старца хватает, —
И со стоном на землю святой головой
Новый агнец, как сноп, упадает...

Дрогнул мир христиан. Застонала толпа,
Словно по сердцу плетью хватило...
Бабы плачут навзрыд (баба в горе глупа —
Плачет горько, бессильно, уныло).

Гул и ропот пошел. Загорелись глаза
У привычных к безмолвью страданья...
Брови сдвинулись вдруг, понависла гроза,
Наступила пора воздаянья!

Сжались все кулаки... «За отца постоим!
Не давайте в обиду святого!»
— «Я вас всех в кандалы!» — «Не дадим, не дадим!»
И приперли к стене станового.

Становому конец... Но, бывалый в делах,
Вдруг он свистнул... И, точно указом,
Отворилася дверь... С кандалами в руках
Пять десятских явилося разом.

Понятые и всякая сволочь вопит...
Мужики оробели, смешались...
Стали руки крутить... на телеги валить...
Остальные домой разбежались...

И пошла кутерьма! Крест, лампады, псалтырь,
Аналой и святые иконы
Опечатал и в кучу свалил...
Раздаются тяжелые стоны...

4

Но бессильны они! До сих пор не родил
Мир мужицкого вопля такого,
Что хоть раз бы вселенской бедою смутил
Злую душу дельца станового.

И хоть тысячи тысяч веков пространай
Этот люд в беспощадной невзгоде,
И хоть тысячи тысяч семей погибай
В безответном смиренном народе, —

Нет исхода ему! Его рок — изнывать
На работе бесплодной и дикой;
Что сработал — «счастливцам» земли отдавать...
О народ, о страдалец великий!

Да придет ли, желанный, придет ли пора,
Когда силу свою роковую
Ты поймешь, развернешься и в три топора
Станешь чистить ту негодь людскую,

Что, забравшись вперед, не дает тебе жить,
Изо рта твой кусок вырывает.
Встань, проснись, богатырь! Время биться и мстить!
Враг уж новые силы сбирает!..

1877

ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ

Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих «суда»

Женева. 1877

С. С. СИНЕГУБ

* * *

Думы мои лю́бые,
Думы мои честные,
Жить не помешают вам
Эти стены тесные:

Светом освещенные
Правого страдания,
Вы в народ прорветеся
Силой упования;

Жизнь его просве́тите,
Грудь его согреете,
Мысли-сон прогоните,
Рабства тьму рассеете!

<1877>

К БЮСТУ БЕЛИНСКОГ

Слава тебе, показавшему нам свет!

Ты в пору мрачную невзгод
Пришел с призывом к жизни новой.
Рабом замученным народ
Стоял внизу, во тьме гробовой,
И ни единого луча

ИЗЪ-ЗА РѢШЕТКИ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

русскихъ заключенниковъ
по политическимъ причинамъ
въ періодъ

1873—77 г.г.,

ОСУЖДЕННЫХЪ И ОЖИДАЮЩИХЪ «СУДА»

Ce serait une erreur de croire que ces choses
Finiront par des chants et des apothéoses.
V. HUGO (Châtiments.)

ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФІЯ ГАЗЕТЫ «РАБОТНИКЪ»

1877

Не прорывалось в мир голодный,
Там раздавался свист бича
Над трудовой спиной народной.
Без перемен его судьба
Плелась от века и до века,
Под оболочкою раба
Стиралась личность человека!
Вверху же — барство и разврат,
Невежество в союзе с ленью
Да, как чума, лакейства яд
Вполне царили. Отупенье
Владело каждого умом,
Пред сильным мира — все лакеи,
А над забитым мужиком
Свершали варварства затеи.
За раболепие и лесть
В подачку «души» получали,
Средь них звучало слово «честь»,
Но чести люди те не знали.
Всё гниль, как в царстве мертвецов;
Темно, как в сумрачной могиле,
И лишь у мраморных дворцов
Огни потешные чадили. . .
И ты ошибся, в царстве тьмы
Признав «действительности» право, —
И вот с признательностью мы
Тебя тотчас венчали славой.
Но чутким сердцем ты познал
Всё благо правды животворной
И, раз познавши, разорвал
С средою лживой и тлетворной.
Ты сбросил силою своей
Традиций рабских гнет ужасный,
Переворот в душе твоей
Свершился пламенный и страстный.
Пред нами в этот час святой
Свет солнца вешнего разлился,
И мир наш пошлый и пустой
Пред нами в наготе явился!
Так гадок был тот мир, что мы
Его своим признать не смели:
Как?! Низость, подлость, мрак тюрьмы?

И это всё, что мы имели?!
И мы, как истые рабы,
Несли тебе слова укора:
«Зачем ты обнажил нам лбы
И показал клеймо позора?»
О! как мы злились, что судьба
Твой гений с правдой подружила! —
И вот развратная толпа
Тебя страданьем окружила...
Брань, клеветы со всех сторон,
Злой смех, в невежестве улики
Неслись, как карканье и крики
С добычи спугнутых ворон.
А ты всё ж нас людьми считал,
Людьми в оковах заблужденья,
И с твердой верой призывал
Гнилые души к возрожденью.
Ты в страстной речи говорил
Об уважении к народу,
Его права провозгласил
На жизнь, на счастье и свободу.
Ты призывал и нас самих
В себе возвысить человека:
«Сознай его, хотя на миг,
В себе — ты, нравственный калека!»
Но тупоумье медных лбов
Твои надежды отравило,
Сожгла тебя твоя любовь,
Негодованье задушило!..
И вот, борец многострадальный,
Гляжу теперь на образ твой
С невольным горем и тоской,
Смущенный думою печальной:
Зачем не торжество борца,
Не мир души в нем отразились, —
Черты прекрасного лица
Туманом скорби омрачились?
Зачем нельзя в них прочитать,
Что все сбылись твои желанья?
На них глубокая печать
Невыразимого страданья.

<1877>

МОГИЛА

(Посвящается памяти Михаила Михайлова)

Там, в краю далеком,
Гибнет много сил,
Есть там много, много
Дорогих могил.
И средь них могила
Гордого борца,
Равенства и братства
Светлого певца.
Родиной забытый,
В каторге глухой
Умер он, измучен
Сердцем и душой.
Но не посылал он
(Был он горд в борьбе)
За свои страданья
Укоризн судьбе.
Беззаветно, страстно
Родину любил,
За нее страдал он,
Для нее лишь жил;
Не свои невзгоды
Мучили его,
Ждал он в жизни счастья
Только одного:
Чтобы ты, воспрянув,
Родина моя,
Сбросила вериги
Рабского житья!..
Отчего ж от смерти,
От лихих оков
Не спасешь, родная,
Любящих сынов?

Умер... Путь тернистый
Пройден наконец;
Выстрадан сторицей
Доблестный венец!
И... колодник вырыл
Сажня два земли;

Четверо конвойных
К яме труп снесли;
Кое-как, с досадой,
Торопливо поп
Отчитал молитвы,
Запечатал гроб.
В яму опустили
Этот гроб простой,
Крепко надавили
Твердою землей...
И никто не пролил
Над могилой слез
И цветов прощальных
К гробу не принес.
Хоть бы крест сосновый
Миру говорил:
«Здесь лежит, кто честно
Родину любил!»
Только мать-природа
Раннею весной
Красит ту могилу
Шелковой травой.
Да зимой над нею
Высится курган
Снежный, что навеет
Буря-ураган.

<1877>

ПРОЩАНЬЕ ЭМИГРАНТА

Братья печальны, подруга грустна,
    Очи блеснули слезою...
Пейте последнюю чашу вина,
    Чашу разлуки со мною!..

Выпал на долю удел мне лихой, —
    Еду в изгнанье далеко!
Тяжко расстаться с семьей дорогой
    Братьев, любимых глубоко!..

Кажется, в жизни своей ты и я
Горя узнали довольно, —
Снова с тобою, голубка моя,
Надо расстаться невольно!..

Наши враги беспощадно меня
В душной темнице морили, —
Отняли радости вольного дня,
Чувства и мысль иссушили.

Всех тех, кого я так страстно любил,
Мне не давали увидеть...
Господи! Кто же их так научил
Адски людей ненавидеть?..

Вырвался я из темницы... и вот
Надо расстаться с друзьями...
Кто ж в малодушьи меня упрекнет,
Если зальюсь я слезами?!!

Время настало, уж скоро восход...
Братья! прощайте, прощайте!
Счастье-подруга, прощай!.. Средь забот
В битве меня вспоминайте!

Боже, когда же придется еще
С вами увидеться? Снова
Вместе работать, любить горячо,
Жить для народа родного?!

Братья печальны, подруга грустна,
Грудь разрывает тоскою!..
Пейте последнюю чашу вина,
Чашу разлуки со мною!

<1877>

С. М. К.

Горел огонь в его очах,
Он был силен и энергичен, —
Теперь нет краски на щеках,
Он так устал и апатичен.

Не разрешив своих задач,
Растратив силы безвозвратно,
Разбит он рядом неудач,
Изломан жизнью беспощадно.

В ком сердца нет, быть может, тот
С укором на него укажет,
Его безумцем назовет,
«Виновен сам», — сурово скажет...

Он увлекался, как дитя,
Он ошибался — да, конечно!
Но он так верил бесконечно
И так измучен не шутя!

С любовью искренней в сердцах,
Простивши все его ошибки,
Без слов укора на устах
И без насмешливой улыбки —

Пойдем к нему и подадим
Ему с приветом братским руку,
И теплым словом облегчим
Его больного сердца муку!

Хоть в нем не прежнего найдем,
Хоть в нем для нас сильна утрата,
Не мы измученного брата
Безумцем жестко назовем;

Не ядом горьких укоризн
Усилим мы его невзгоды! —
Но проклянем мы эту жизнь,
Где нет ни счастья, ни свободы!

<1877>

МОЙ ДРУГ КОЛЯ

Лишите вы светлого дня,
Свободы, труда и веселья,
Закуйте вы в цепи меня
И ввергните в мрак подземелья,

Убейте подругу мою,
Друзей на крестах вы распните,
Чтоб злобу насытить свою,
Их муки вы мне покажите, —
Но всё же к народу любовь
И ненависть к вам не убьете,
И в сердце своих же сынов
В грядущем вы мщенье найдете! . .
Что — это с решеткой окно,
Тюрьма, угнетенья, оковы?!.
Есть в мире мученье одно —
Его мне не выразить словом:
Народа глухие сердца,
Народа безмолвье немое,
Его равнодушье тупое
К страданьям своим без конца!
Ах! Вскройте вы сердце мое
И ранами тело покройте,
В темницу, как в яму, заройте,
Всю жизнь пусть палач-идиот
Над мукой моею смеется, —
Но пусть шевелится народ,
Пускай протестует и бьется.

<1877>

ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ

(Отрывки)

Посвящается всем (преимущественно «высокопоставленным») лицам, сгорающим любопытством поглядеть на «политических» и с этой целью посещающим С.-Петербургский Дом предварительного заключения, тюрьмы и суд.

1

Гроб, гроб! гроб! . .
В каждом живая душа изнывает!
Гроб, гроб! гроб! . .
Медленно, тихо в них жизнь угасает.

Но подойдемте поближе к гробам,
Станем, послушаем, — может быть, там

Кой-что полезное будет и нам.
Вот вам хоть камера № 00

Тише, чу! тише! — сквозь дверь гробовую
Слышно биение сердца больного,
Слышится вздох человека живого...
Заживо зарыт в могилу сырую!..
Каждая нота биенья сердечного
Дышит любовью, святым упованием, —
Столько в ней чистого и человечного!
Так наболело то сердце страданием!
Столько в нем ран — ран смертельных, без счета!
Гибнет борец и любви и народа!..
Вечный противник цепей, угнетения —
Годы уж в этом гробу изнывает;
Здесь от безделья тупого страдает
Вечно искавший в труде наслаждения!
Так беззаветно любивший людей,
Живший их счастьем, их горем страдавший,
Он умирает в тюрьме, испытавши
Муки тупых одиночества дней.

Если он в этом гробу не умрет,
Это еще не конец испытания;
О! впереди еще много страдания
Злоба в награду ему поднесет;
Много еще он узнает тревоги:
Цепью железной скуют ему ноги,
В дальнюю сторону прочь уведут;
Силы его бесполезно уйдут
В труд подневольный, в бессмысленный труд!
Как знать? Ведь, быть может, и в дружеском круге
Забудут о нем в треволнениях жизни;
Исчезнет и память любимой подруги
(Ведь память и чувства людские капризны!),
И вряд ли ему, в его темной отчизне,
Найти уваженье за эти мученья,
Погибнув безвестно в глухом заточеньи!

Но этот колючий терновый венец
С верою в счастие сносит боец.

2

Но дальше пойдем... Вот вам новая дверь:
За ней умирает безумец теперь!
Он не был безумцем на воле — о нет! —
Убили в нем душу вот в этой темнице...
Он юношей был в цвете силы и лет,
Когда очутился здесь, в этой гробнице.
Я помню тот день, как его привели
С двумя часовыми... Прекрасен он был!
Глядел он не сыном греховной земли, —
Так взор его кротко, любовно светил,
Так кротко его улыбались уста,
И святостью, всей чистотою Христа
Сияла его красота!..

Ввели и замкнули в темницу глухую,
И тихо тянулись, как мертвые, годы,
Гнели ежечасно тюремные своды
И сердце и душу его молодую!..

Теперь он безумец. Угасли все силы,
Увяла краса, как цветок на могиле,
Морщины глубоко чело бороздят,
И тускл, и бессмыслен блуждающий взгляд.

. . . .

Уж третий год его гнетет тюрьма,
И в эти годы тяжкого мученья
Он не имел ни пищи для ума,
Ни ласки любящей, ни слова утешенья...
Там, вне тюрьмы, была душа одна —
Его сестра, любимая им страстно,
Но он не знал, что с нею? где она?
Не знала и она, где брат ее несчастный!
Как долго он томился ожиданьем:
Не щелкнет ли тюрьмы его замок?
Не скажет ли тюремщик: «На свиданье!»
С каким восторгом тотчас со всех ног
Он кинулся б туда!.. Как страстно, жадно
Взглянул бы он в любимые черты!
Как обнял бы! И как тогда отрадно
В нем шевельнулись бы надежды и мечты!..

Согретый любящим, живым и теплым словом
Своей сестры, ушел бы он в тюрьму,
И свежих чувств и грез притоком новым
Он прóгнал бы все призраки, что тьму
Его гробницы мрачной населяли
И часто ум его больной терзали.

. . . .

Он ждет, по камере нетерпеливо ходит,
То остановится и слушает: идут!
Гремят ключи, тюремщик уж подходит...
А, это — рядом! .. Тотчас поведут!
Сосед ушел... Проходит полчаса,
Он слушает опять: шаги и голоса!
Спросили номер. Чей? Не слышно... Не его ли?
И сердце замерло от жгучей, сладкой боли!
Идут. Шаги всё ближе, ближе... Подошли.
Вот-вот отворят дверь... Сейчас, сейчас...
Прошли!!

. . . .

И много, много дней он ждал сестры прихода...
Так птичка солнца ждет живящего восхода,
Когда всю ночь кругом бушует непогода.
Но бедная сестра к страдальцу не пришла,
Ему любви своей и ласк не принесла...

Тюрьма лишь в дни свиданий оживлялась,
Когда приемная была полна толпой
Пришедших видеться кто с сыном, кто с женой;
Казалось, вдруг с приходом их вливалась
В темницу жизнь отрадною струей;
Но в дни обычные глуха, глуха тюрьма,
Как мрачный склеп мертва, уныла и нема!
И в эти дни тупого прозябанья
Он испытал едва ль не большие страданья.

Один, без книг, без воздуха, без света,
И день и ночь в объятиях тоски,
Он слышал только кашель у соседа
Да то, как щелкали тюремные замки.
Врагом терзаемый, друзьями позабытый,

Как похороненный мертвец,
Он постепенно гас в неволе ядовитой
И стал безумцем наконец!

Молча живет он и даже не бредит,
В сердце давно не живет ничего!..
Кто же за это злодейство ответит?
Кто же отдаст ему душу его?!

. . . .

Сегодня дом муки мы весь обойдем;
Что шаг, то живую могилу найдем,
И много страдальцев я вам покажу,
Но прежде кой-что от себя вам скажу:
Если вы в битву идти не желаете
С подлостью, с рабством, с позором, с насилием;
Если вы робостью, или бессилием,
Или любовью к покою страдаете;
Если страдальцев родимой земли
Участи вы разделить не смогли;
Если у вас у самих нету силы,
Чтоб облегчить их суровую долю,
Чтоб разнести эти стены-могилы, —
То отнеситесь же к ним с уважением!
Все недостатки их, все прегрешения —
Всё искупила их правда сердечная,
Честность, отвага, любовь бесконечная,
Пытка неволи и тяжесть мучения!

Благословите страдальцев святых
И помолитесь с любовью за них!
. . . .

<1877>

«ВОЛЧОНОК»

(Посвящается Вере Любатович)

Ах, как на судьбу мне обидно:
Конца моим мукам не видно!
Так грудь разболелась в неволе,
Я вся исстрадалась от боли!

О! как бы я страстно хотела,
Чтоб весть в каземат долетела
О грозном, святом пробужденьи
Народа родного; о мщеньи
Поборникам тьмы исступленным,
Свободы врагам озлобленным,
Рабам суеты, сладострастья,
Гонителям правды и счастья,
Сгубившим в глухом каземате
Народа друзей — моих братий.
И как мне ни тяжко в темнице,
Как в клетке измученной львице,
Без дела, без воли, без света...
Но только бы весточка эта —
И я бы, как роза, алела,
И грудь бы моя не болела.

Я знаю: народ мой любимый
Меня не забыл бы, гонимой,
И в час своей славы победной,
Когда над отчизною бедной,
Над краем застоя и тленья,
Прошла бы гроза обновленья, —
Он, звуки заслышав тревоги,
Разнес бы дворцы и... остроги!..
И, полный и силы, и власти,
Он волю и светлое счастье
Мне дал бы, как верному другу,
За всю пережитую муку, —
И я бы, как роза, алела,
И грудь бы моя не болела!

Но если бы даже родимый
Народ, мною страстно любимый,
Разбивши ярмо угнетенья,
Забыл бы меня в заточеньи,
В моем каземате постылом,
Как в склепе сыром и унылом,
То всё же в окно каземата,
От ранней зари до заката,
Не песни тоски и печали
Тогда бы ко мне долетали,

Но, полные счастья, свободы,
Неслись бы под темные своды, —
И я бы, как роза, алела,
И грудь бы моя не болела!

Но там, вне тюремной ограды,
Там тоже не много отрады!
Там нивы, луга зеленеют,
Небесные своды синеют,
Там шепот прохладного бора,
Раздолье степного простора,
И вольного вихря дыханье,
И грозного моря плесканье;
Там горы, там синие реки,
То злые, то полные неги;
Там все, все богатства природы,
Но нет одного: нет свободы!

Ах, если б народ угнетенный
Свободно вздохнул, обновленный! —
Я пышной бы розой алела,
И грудь бы моя не болела!

<1877>

* * *

(Посвящается моей жене)

Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою,
Когда еще девочкой дома жила,
Так страстно любила грозу я. Ждала
Всегда с нетерпеньем ее. И грозою
Я шла любоваться в открытое поле.
Лишь только услышу удар громовой
И ветра услышу свирепого вой —
О, как вдруг захочется быть мне на воле!
Из комнаты душной бегу я с отрадой...
Ни матери крик, ни угрозы отца —
Ничто не пугает... Сбегаю с крыльца,
И миг лишь — и я за садовой оградой.

Нависли на небе свинцовые тучи,
Соседняя роща печально шумит,
А в поле открытом свирепо царит,
Порывисто мечется ветер могучий.
Он черные косы размечет мои,
Горячие щеки мои обвевает,
И в грудь мне неистово, гневно кидает,
Как море бурливое, — волны свои.
А я всё иду... Мне так любо и мило
Бороться с напором дыханья его...
И, грудью встречая врага своего,
В ту пору я много в ней чуяла силы.
Но тучи промчатся; расстаться так жаль
Мне с молнией, с ветром, с ударами грома,
Чтоб снова под кровлей постылого дома
Встречать лишь обыденной жизни печаль.
А отчий мой дом, как тюремные своды,
Давил мою душу... Работал мой ум,
Роилось в нем много пленительных дум,
И сердце просило свободы, свободы!
На подвиг рвалась моя сила, как рвется
Измученный узник из душной тюрьмы
В открытое поле, из тягостной тьмы —
Под чистое небо, где солнце смеется!

Я вырвалась в жизнь. Я свободна, мой милый!
Сильна и бороться с судьбою хочу, —
Наружу дать выход живому ключу
Моей молодой и нетронутой силы.
Всю жизнь за народное счастье и волю
С врагами народа, с невежеством, с тьмой
Я буду бороться!.. И той же борьбой
И в хлебе насущном возьму свою долю.
Поверь, две борьбы — за себя и других —
Как сестры родные, жить могут в союзе, —
Как к людям любовь и любовь твоя к музе
Живут в безыскусственных песнях твоих.
С нуждой и с трудом не страшуся я встречи!
Судьбе я укора за них не пошлю!..
Людей уважаю, людей я люблю,
И бременем лечь не хочу им на плечи!

А если страданья всегда неразлучны
С любовью к народу и с честным трудом, —
Идите ко мне вы, с терновым венцом,
Страданья! Я встречу вас песнею звучной!
И что мне они?! Чтобы с ними бороться,
Так много я чувствую силы в груди!..
И если, мой друг, и тебе впереди
Спознаться со вражеской злобой придется
За правду, за святость твоих убеждений;
За честное сердце, за смелость ума
Постигнут тебя униженье, тюрьма
И ряд нескончаемых, жгучих мучений, —
Тогда принесу я тебе не слезу...
О нет, мой желанный! Тогда я явлюся,
Тебя поцелую, тебе улыбнуся
И крест твой тяжелый с тобой понесу.

<1877>

ОНА

(Посвящается женщинам процесса 21 февраля — 14 марта 1877 г.)

Ее всегда в дни детства окружала
Толпа простых, трудящихся рабов;
Средь них она всегда к себе встречала
Одно вниманье, ласку и любовь.
И в их лице она привыкла видеть
Своих друзей — и добрых и прямых;
У них любить училась, ненавидеть
И понимать страдания других...
Зимой, бывало, девочка с охотой
Бежала к ним, в их бедный уголок,
Где коротали, сидя за работой,
Они в рассказах зимний вечерок.
Горит свеча, чадит и нагорает,
Уныло льет по стенам тусклый свет;
Так душно там; забав, веселья нет,
Но девочка-малютка не скучает.
Под крылышко забившись к доброй няне,
Головкою к груди ее прильнет

И слушает то сказку об «Иване»,
То повесть жизни, горя и забот.
Вникая в смысл правдивого сказанья
О их борьбе с позором и нуждой,
Сочувственною, детскою мечтой
Рвалась она в мир скорби и страданья...
Взросла... И вот из тихой детской кельи
Ее ввели в обширный, пышный зал,
Где утопал в изысканном веселье
Гостей блестящих праздный персонал.
Гремел оркестр, весь зал сиял огнями,
Носились пары в танцах перед ней...
С мужчинами кокетничали дамы,
Лился поток заученных речей.
И холодом повеяли ей в душу
Весь этот блеск, весь музыкальный гром:
И лед блестит, — но этот блеск теплом
Не наделит зимы суровой стужу!
Вокруг ни в чем не встретил отголоска
Весь мир ее заветных дум и грез;
Знакомых черт, ни радостей, ни слез
Не встретил глаз под внешним слоем лоска.
И сердце сжалось горько и тоскливо...
Что шаг — то цепь движенью и речам!..
И, в уголку усевшись сиротливо,
Не шла она к ликующим гостям...
Но жизнь не ждет... И перед ней широко
Раскрылся мир тщеславной суеты,
Приличием прикрытого порока,
Ничем не наполнимой пустоты.
В безделии за днями дни бежали;
Желанья все исполнены всегда:
Давалось всё без боли, без труда,
И в праздности ей жить бы без печали!..
Здесь жертвы рок не требовал жестоко;
За хлеб, за кров здесь не было борьбы;
Но шла она печально, одиноко
Среди пустой и барственной толпы;
Да! Сердце чуткое сознало, что вокруг,
Где всё сияет внешней позолотой,
Довольство, блеск, всё — дело черных рук
Сынов нужды, задавленных работой;

Что нищета так страшно в их лице
Уничтожает личность человека
Затем, чтоб в пышном замке и дворце
Из слез нужды родились блеск и нега!..
В веселья час, когда ей поднесет
Бокал вина поклонник именитый,
Шипит вино, но кровью отдает,
Блестит слезой, страдальцами пролитой!
Да! Счастья нет в темнице наслажденья,
Здесь чистота души для сердца яд!
Здесь не найти душе успокоенья,
Как не найти здесь истинных отрад!
Так душно здесь... Всегда и все стремятся
Спокойно жить друг другу не давать,
Под счастие другого подкопаться
И павшего со смехом растоптать!..
Бежать, бежать от этого веселья!
Прочь из толпы ликующих людей!
Вон из палат, где тысячи огней,
Но всё ж темно, как в ходах подземелья!..
И, вырвавшись из золотой неволи,
С любовью к людям в сердце молодом
Пошла она искать счастливой доли
В тот мир забот, где всё полно трудом;
Она пошла искать себе спасенья
Туда, где жили бедные рабы,
Несчастные невольники терпенья
И пасынки озлобленной судьбы.
И вот она в иную жизнь вступила;
Не страшны ей работа и нужда, —
С великими героями труда
Она союз и братство заключила.
Чтоб их борьба к победе привела,
Чтоб их враги свободы не сломили,
Чтоб даром кровь людская не текла, —
Обменом сил они союз скрепили:
Она дала великий свет наук,
Сознанье прав на избранную долю;
Они — внесли испытанную волю
И силу, мощь своих трудóвых рук.
В союзе братском стройною толпой
Они пошли встречать свои невзгоды,

Чтобы рассеять их... И битвы роковой
Ударил час, как вестницы свободы!

В ком сердце честное живет еще в груди,
Пошли им вслед свое благословенье!
Да встретят их любовь и уваженье,
Да встретит их победа впереди.

<1877>

К ДРУГУ

Ты не чужой мне, слава богу!
Зачем же ты мне говоришь,
Чтоб я простил тебя, коль строго
Ты на меня подчас ворчишь?

Затем и волосы твои
Уж сединой посеребрились,
Чтоб у тебя друзья учились
Страданью, жизни и любви.

Кто шел тернистою дорогой,
Лелея честные мечты,
Кто видел много, думал много,
Работал много, жил, как ты,

Тому дано страданьем право,
Нет — больше, это долг его —
Ошибки друга своего
Исправить прямо, нелукаво,

На недостатки указать,
Предохранить от заблужденья,
В час горя помощь оказать,
Не допуская до паденья.

О том, что ты, мой друг и брат,
Перéжил в тяжкие годины,
Мне эти ранние седины
Так просто, ясно говорят!

Не знаю, дороги ль тебе
Любовь, признательность поэта;
Но не лишай меня совета, —
Твой опыт нужен мне в борьбе.

Ворчи побольше на меня,
Без всяких в речи позументов:
Ах, друг мой, эта воркотня
Дороже всяких комплиментов.

<1877>

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВУ

(ОСУЖДЕН 14-МАРТА 1877 г. ОСОБ⟨ЫМ⟩ ПРИ⟨СУТСТВИЕМ⟩ ПРАВ⟨ИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО⟩ СЕН⟨АТА⟩ НА 10 ЛЕТ КАТОРЖНОЙ РАБОТЫ)

«Барству да маклачеству
Неужли потворствовать?!»
Не хотелось молодцу
Кланяться, холопствовать!
Невзлюбило пылкое
Сердце, непокорное,
Путь-дорожку битую,
Путь-дорожку торную.
Правду неподкупную
Божий свет увидела
Голова удалая
И — возненавидела
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую;
Вызвать в бой осмелилась
Гордо, без смущения
Царскую опричину,
Силу угнетения.
Эх, и озлобились же
Подлостью богатые
Палачи народные,
Палачи проклятые!

Каменное, жесткое
Сердце их гранитное
Ядом переполнилось,
Местью ненасытною.
Говорят удалому
Речи ненавистные:
«За свободомыслие,
Чувства бескорыстные,
Да за жизнь рабочую,
Трудную да серую,
Получи наградушку
Нашу полной мерою;
Ты слюбился с волюшкой,
Что с душой-девицею,
Так спознайся, молодец,
С душною темницею.
Невзлюбил ты горюшко,
Жизнь раба бездольную,
Так уж выпей, молодец,
Горя чашу полную.
Чтобы гребню частому
Не было заботушки,
Этой непоклончивой
Сбреем полголовушки;
В звании кандальника,
Битого, голодного,
Ройся в адском темени
Рудника холодного;
Знай землицу-матушку
Заступом покапывай,
Песни пой о волюшке
Да цепьми побрякивай!
Думал ты — для родины
Цепи рабства пагубны, —
Так добудь железца нам,
Нам на цепи надобно!
А уж цепи выкуем,
Так на славу: тонкие,
Хоть тяжеловатые,
Да, как гусли, звонкие!»
Голова удалая
Всё ж не поклонилася,

Сердце молодецкое
Все ж не покорилося:
«Что ж! Закуйте в цепь меня
И обрейте голову,
Но не сброшу с плеч своих
Я креста тяжелого;
Не бегу страдания —
Сила в нем великая, —
Перед ним рассеется
Ваша злоба дикая;
На него помолится
Весь народ задавленный,
Славой увенчается
Вами обесславленный».

<1877>

МОНОЛОГ

За цепи тяжкие, сковавшие мне руки,
За гнет тюрьмы суровой и глухой,
За годы долгие мучительной разлуки
С страдалицей-подругой дорогой,
За одиночество, за пытки униженья,
За всё, за всё, чем мучите меня, —
Отнесся б к вам, враги, без озлобленья,
Простил бы вас с молитвой, не кляня;
Но адские деянья ваших рук —
На плахе палачом казненная свобода,
Позор и нищета родимого народа,
Всё горе тяжкое, разлитое вокруг,
Друзей моих и гибель, и мученья,
Вся пролитая вами кровь —
Убили в сердце чувство всепрощенья
И отравили злобою любовь!
Проклятье вам, ходячие вы гро́бы!
Вы умертвили всё, чем был я так богат...
Отдайте сердце мне мое назад!
Мне тяжело существовать для злобы!

<1877>

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Победа трудна над господством позора,
Над злобным народным врагом,
И скорбно на сердце, что скоро уж, скоро
Усну непробудным я сном.

О, как бы хотелось не трупом холодным
Под крышкой гробовою гнить, —
Народа друзьям в их бою благородном
Хоть чем-нибудь в помощь служить!

Чтоб мог я, дождавшись минуты суровой,
Как грянет решительный бой,
Хотя бы одно одобрения слово
Им крикнуть из тьмы гробовой!

Но смерть беспощадна, — унесши в могилу,
Меня уж не выпустит вновь;
Скует мое сердце, скует мою силу,
И злобу мою, и любовь!

И свяжет мне руки своей пеленою,
Уста заградит мне навек,
Глаза не увидят под мертвой землею,
Как бьется живой человек!..

Но если для битвы не встать уж мне, братья,
Желал бы хотя вспоминать
О муках своих, о слезах, о проклятьях,
О всем, что пришлось испытать;

Чтоб эти все грезы будили сознанье,
Что с жизнью я связан людской,
Что эта разлука с борьбой и страданьем
Есть временный только покой!

Я много страдал... Но страдания страстно
Душой полюбил я... Они
Надеждой на счастье светили так ясно
Мне в наши могильные дни!..

Когда я умру, вы, друзья, окажите
Услугу последнюю мне:
Возьмите мой труп и его схороните
В родимой степной стороне.

Там змейкой веселой, журча и блистая,
Речонка бежит меж холмов,
По берегу целая роща густая
Колючих терновых кустов;

Приветливо солнце сияет над нею,
Широкую степь золотит,
И степь, далеко-далеко зеленея,
Чуть слышно травой шелестит.

Там, с жизнью расставшись, хотел бы лежать я
Под сенью терновых ветвей;
Пусть терн, посылая мне тени объятья,
Растет над могилой моей;

Он, с вихрем степным и целуясь, и споря,
Всё будет, качаясь, шуметь, —
Он жизнь мне напомнит, страданье и горе,
Не даст мне вполне умереть!

<1877>

ЗАВЕЩАНИЕ

Здесь умирая, в казематах,
Мы завещаем всем друзьям
За муки бедного народа
Отмстить врагам!

Самой судьбе бросайте вызов,
Уж раз к врагу́ она пошла,
С ним против братства и свободы
В союз вошла!

Когда же, в час победы светлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнет в сердце, — завещаем
Одну любовь!

Пускай тогда меж вами, братья,
Не будет нищих, богачей,
Ни вечно загнанных страдальцев,
Ни палачей!

Вы храм воздвигнете науки
На место храма лжи и тьмы,
И храм свободы лучезарной —
Взамен тюрьмы!

Пусть край родной не оглашает
Ни стон страдающих людей,
Ни свист бича, ни гром орудий,
Ни звон цепей!

Святая личность человека
И честность мысли и труда
Пускай находят уваженье
У вас всегда!

Когда ж блеснет заря спасенья,
Настанет братства светлый час, —
В счастливой жизни вспомяните,
Друзья, и нас!

<1877>

В. НОСОВ

ВЕРБОВЧАНИНУ

Злобо́й и мщением горят
Все ненавистники свободы,
И ждет того мучений ряд,
Кто будит спящие народы!

Уж протекло три тяжких года,
Как дерзкой деспота рукой
В тюрьму ты брошен и свобода
Навек простилася с тобой.

Уж много пролил алой крови
Надетый на тебя венец...
Но хмурые тирана брови
Разгладит только твой конец.

И ты умрешь! Для палачей
Всего дороже кровь героев,
Слепцы тупые видят в ней
Цемент гнилых своих устоев.

Но помни, милый, — эта кровь,
Так гнусно дóбытая ими,
Падет на деспота покров,
Пожаром вспыхнет перед ними!

В груди рабов она зажжет
Святой свободы чистый пламень,
В сердцах отвагою взойдет
И оживит бездушный камень.

Народу и друзьям твоим,
В пылу решительного боя,
Послужит кликом боевым
Та смерть поэта и героя!

<1877>

* * *

Когда и тьму, и предрассудки
Увидишь ты перед собой,
Когда услышишь плоскость шутки
Над словом истины святой,
Когда заметишь пошлость в мире
И развращенность меж людьми,
Ты волю дай своей сатире
И их насмешкой заклейми!

Когда ж, средь гнили и разврата,
Где царь — холопство и порок,
Увидишь честный облик брата

Со взором хмурым от тревог,
Скажи ему: «Мужайся, милый!
Не падай духом, — это грех!
Не задавить им грубой силой
Могучего движенья всех!»

<1877>

Н. И. ЕДУКОВ (?)

ОЛЬГЕ ЛЮБАТОВИЧ

Песнь надежды, песнь свободы,
Песню чудную свою
Пела ты в былые годы,
Угадавши грусть мою.

Эта песнь в меня вдохнула
Жажду к подвигам святым,
На добро меня толкнула
Сердцем пылким, молодым.

Там, где гнет, где стон народный,
Доля скорбная, нужда,
Ты на подвиг благородный
Бескорыстно шла туда.

И за преданность народу,
За любовь к стране родной
Суд убил твою свободу,
Наградивши злой тюрьмой...

Ты страдаешь за свободу, —
Так утешься: подвиг твой
Будет памятен народу,
Как иконы лик святой.

<1877>

Б. ПОМЕХА

* * *

(Посвящается всем тем, кто заботился о нас в дни нашей невзгоды)

Когда за жажду обновленья
Нас, обвиняя в преступленьи,
Душили медленно тюрьмой,

«Бесчеловечие!» — кричали
И сами ж прочь от нас бежали
Рабы испуганной толпой.

Лишь вы одни нас не забыли:
Вы с нами братски разделили
И хлеб, и чистую любовь.

И ваше теплое вниманье
Нам облегчало гнет страданья
И силы нам давало вновь.

В тюрьме подчас и ум мутится;
И если услыхать случится
Тогда сочувствия привет,

Опять отраднее вздохнется
И сердце радостнее бьется
Привету братскому в ответ.

Так иногда всё небо кроют
Густые тучи, ветер воет —
И вдруг из мрака серых туч

Проглянет солнце: всё светлеет,
И вмиг тюрьма повеселеет,
И радует случайный луч...

Еще не кончен путь страданий...
Но светлых ряд воспоминаний
Я сохраню и в скорбный час;

И как-то верится живее,
Что скоро станет жизнь светлее,
Когда подумаю о вас.

<1877>

Л. А. ТИХОМИРОВ

ИЗ АПОСТОЛА ПАВЛА

Чувствую я: приближается время
Смертную чашу испить
И на себя возложить
Это последнее бремя.

Подвигом добрым я подвизался,
Честно свой путь совершил,
Веру в душе сохранил,
Злобы врагов не боялся...

Время настало... Пути беспокойного
Видится близкий конец,
Вьется терновый венец
И для меня, недостойного.

<1877>

* * *

Дорогие братья!
Из-за стен тюрьмы
Вам свои объятья
Открываем мы.

Верьте, братья, сила
Наших тяжких уз
Наш не задавила
Дружеский союз.

Верьте: путь страданья
Нас сломить не мог...
Братья, до свиданья!
Да хранит вас бог!

<1877>

* * *

Прочь мои снимите цепи,
    Волю дайте мне,
Дайте мне об этом склепе
    Позабыть вполне...

Животворный воздух воли
    Дайте мне вдохнуть,
От тупой душевной боли
    Дайте отдохнуть —

И забыть, что есть законы,
    Судьи и штыки,
Прокуроры и шпионы,
    Цепи и замки...

<1877>

К МОЕМУ ПИДЖАКУ

(Подражание Беранже)

Будь верен мне, товарищ мой короткий,
Мой старый друг, — другого не сошью!
Уж года три ни веником, ни щеткой
Я не стирал ни разу пыль твою.

Немало мы с тобою пережили,
Немало бед встречали вместе мы...
Ты помнишь, как мы время проводили
В начале той, мне памятной, зимы?

Ты помнишь дом за <Невск>ою заставой?
Там жили бедность, дружба и любовь;

Друзьям нужда казалася забавой,
И часто кровь их грела вместо дров.

О счастье там заботилися мало,
Но страсть великая горела в их груди,
И жизнь им много счастья посылала,
И столько же сулила впереди...

Увы, как сон минуло время это:
Ты помнишь ночь, когда обоим нам
Пришлось усесться в «черную карету»,
Сказав «прости» свободе и друзьям?

Ты помнишь, как нас в крепость посадили?
Нам жизнь была обоим нелегка:
Ты весь зацвел от плесени и пыли,
Меня сожгли неволя и тоска.

Тебя никто не мог спасти от моли,
А я не мог спастися от людей,
Спастись от дум, от черных дум неволи,
От долгих дней, мучительных ночей.

Как долго шли убийственные годы!
Я их провел в могильной тишине,
В порывах страстных к жизни и свободе,
В отчаяньи, в пассивном полусне.

А ты? Да, это время, друг мой милый,
Нам дорого обоим обошлось:
Истертые не жизнью, а могилой,
К чему теперь мы годны? — вот вопрос.

Служить опять найдутся ли в нас силы?
Иль ничего уж не осталось нам,
Как снова лечь, уже навек, в могилу,
Послав проклятье нашим палачам?!

<1877>

* * *

Прощай, земля родная! Может быть,
Уж больше мне тебя не суждено увидеть;
Но буду я тебя по-прежнему любить,
И всех твоих врагов, как прежде, ненавидеть.

В дали изгнания, закованный в цепях,
Свободы, счастия и радости не зная,
Я буду умолять судьбу о лучших днях —
Не для себя, а для родного края.

Себе же одного прошу в темнице душной:
За все грехи меня не обвини,
Смешные слабости забудь великодушно,
И за немногое — с участьем помяни.

<1877>

ПЛЯСОВАЯ

Полно, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего нам горя этим не избыть,
Проживем мы и в Сибири как-нибудь,
Так не лучше ль плясовую затянуть?

Лоб забрили, заковали в кандалы,
В чужедальнюю сторонку повели,
Да еще конвой нам дали для пути,
Чтобы, значит, попочетнее идти.

Ну так что ж такое, братцы? Наплевать!
Из-за малости такой не горевать!
Мы еще себе дождемся красных дней,
И себя еще потешим, и людей!

Полно ж, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего нам горя этим не избыть,
Проживем мы и в Сибири как-нибудь,
Так не лучше ль плясовую затянуть?

<1877>

Л. МИХАЙЛОВ

* * *

Эх, кабы нам теперь да на луг, господа,
Да весь день промахать бы косою!
А как жар поспадет, и прилечь не беда
Где-нибудь под душистой копною.
Вон хоть там, где тот куст, что растет у конца
Серебристой, привольной полянки,
Что манит, что зовет, искушая косца,
Как объятья красивой смуглянки...
Полной грудью вдохнуть ароматы полей
Да раскинуть усталые руки,
И забыть, хоть на миг, про несчастья людей,
Про их скорби, печали и муки!..
Устремив светлый взгляд в синеву без конца,
Песне звонкой, любовной внимая
Прилетевшего к нам из-за моря певца,
Полежать бы, беспечно мечтая...
И, забывшись в мечтах, незаметно уснуть;
А меж тем, подобравшись украдкой,
Ветерок опахнет распаленную грудь,
И зажжется истомою сладкой
Молодая, горячая, страстная кровь...
И приснятся задорные глазки,
Поцелуи, объятья, улыбки без слов
И любовные, страстные ласки...
Да недолго проспишь... Вот потянет дымком,
Смех у самого уха раздастся...
Приоткроешь глаза: котелок — и кругом
Наши все уж успели собраться.
Так ли сладко зевнешь, дрожь пройдет вдоль спины...
Полежишь да, схватясь за соседа,
Подползешь к котелку — и забудешь все сны,
Как начнется живая беседа!
Хорошо бы, друзья, нам теперь на лужок,
Хорошо б за работу приняться...
Чу!.. Вот с визгом громыхнул проклятый замок...
Эх!.. С лужком-то, знать, нужно прощаться!

<1877>

Н. А. МОРОЗОВ

В ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Комнатки, точно пчелиные соты,
Стройно и плотно рядами стоят;
Люди в них тихо, без дел и заботы,
Словно личинки, в тех сотах сидят.

Самою чистою пылью одеты
Стены кругом, от окон до дверей,
Лишнего воздуха, вредного света
Нет, — как ума в голове у царей.

Точно орехам под их скорлупою,
Так нам уютно за этой стеной!
Сколько удобств! .. И, ликуя душою,
Стали мы бодры, как мухи зимой...

<1877>

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Голые стены, тюремные думы,
Как вы унылы, темны и угрюмы!
Скверно в неволе без дела лежать,
Целые годы о воле мечтать.
Всё здесь так тихо, безжизненно, бледно...
Годы проходят бесплодно, бесследно,
Тянутся долго недели и дни,
Скуку тупую наводят они...
Мысли тупеют от долгой неволи,
Тяжесть в мозгу от мучительной боли,
Даже минута как вечность долга
В этой каморке в четыре шага!
Душно под низким, запачканным сводом,
Силы слабеют сильней год за годом,
Давит собой этот каменный пол,
Этот железный, прикованный стол,
Эта кровать, этот стул, что прибиты
К стенам, как будто могильные плиты;

В вечном молчаньи, суровом, немом,
Даже себя сознаешь мертвецом!
Наглухо рамы двойные забиты,
Грязью и пылью все стекла покрыты,
Замерла муха на грязной стене,
Лапки скрестивши на черной спине.
Полночь пришла. Бой часов раздается,
Резко их звук в коридоре несется...
Давит, сжимает болезненно грудь,
Гложет тоска... Не удастся заснуть...

<1877>

ПАМЯТИ 1873—75 гг.

Я врагами давно погребен,
Но живу всё еще год от году...
В дни тяжелой борьбы за свободу
Было время моих похорон.

За железной тюремной решеткой,
За сырой и холодной стеной
Ярким светом горят предо мной
Эти дни моей жизни короткой.

Вспоминается мне та пора,
Как по нивам родимого края
Раздалось, мужика пробуждая,
Слово братства, свободы, добра...

Как в смятеньи забила тревогу
Сила мрака, оков и цепей,
И покровом терновых ветвей
Застилала к народу дорогу...

Как в борьбе с той несметной толпой
Молодая, могучая сила,
Погибая, народ пробудила,
И проснулся рабочий на бой...

Вы, друзья, что в борьбе уцелели,
Тоже здесь вспоминаетесь мне...

Лучше ль вам на родной стороне?
Ближе ль, братья, стоите вы к цели?

Тяжкий крест привелось вам принять,
Легкий жребий мне выпал на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.

Трудно жить, чтоб порой не дрожала,
На врага подымаясь, рука,
Чтобы сил не губила тоска,
Если подлость добро побеждала;

Чтобы в том, кто восстал за любовь,
Вплоть до двери холодного гроба
Не смолкала кипучая злоба
На сосущих народную кровь!

<1877>

ТЮРЕМНЫЕ ВИДЕНИЯ

1

Однажды я в башне тюремной лежал,
 Тоска мою грудь надрывала,
В окошко порывистый ветер стучал,
 И лампочка слабо мерцала.
В каморку сквозь тучи светила луна,
 Решетку ее озаряя;
Болезненно, бледно глядела она,
 Как смотрит дитя, умирая.
Той темною ночью всё виделись мне
 Унылые жизни картины:
Я думал о воле, родной стороне,
 Мне грезились нивы, равнины
И бедные хижины с бедной землей,
 Покрытые кровью народной. . .
И много картин тех прошло предо мной
 В тот вечер сырой и холодный.

2

Казалось, иду я тернистым путем
Один по кургану крутому;
Терновник мне в платье вцепился кругом,
И трудно идти мне, больному.
Везде непроглядною, черною мглой
Степная равнина одета,
И мрачно и душно в пустыне глухой,
И нет в ней ни жизни, ни света.
Там только, как смутные тени, стоят
Какие-то робкие люди:
Глаза их потухшие в землю глядят
И впали иссохшие груди.
Темно, неприветно в глухой стороне,
Молчит всё в природе глубоко;
И только, я слышу, в ночной тишине
Их песня звучит одиноко:
«Таится болезненно в бедном уме
Сознанье тяжелой неволи,
Весь век свой мы прожили в рабстве и тьме,
Не видев ни счастья, ни воли.
Под вечным трудом мы клонились без сил,
Без хлеба и крова мы жили,
Нас ветер зимой в непогоду знобил,
Оковы и цепи давили.
Мы жили в бесплодных и диких степях,
В безвестной глуши умирали,
И часто в подземных, сырых рудниках
Напрасно мы смерть призывали.
Вся жизнь наша долгой отравой была,
Ряд бедствий, страданий и муки;
Ничтожные против гнетущего зла
Без сил опускаются руки! . .»
И песня, тоски бесконечной полна,
Звучит и вдали замирает. . .
Но всё безучастно. Кругом тишина,
И мрак свой покров не снимает;
Не выглянет небо меж туч полосой,
Блеснувши светил хороводом,
И ветер не дунет живящей струей
Над темным, забитым народом.

8

Мой путь зарастает сильней и сильней...
Туман, точно саван, ложится...
Усталый иду я по грудам камней,
И ум мой болит и мутится...
Я вижу: Царь-колокол правит землей,
Пред ним всё живущее гнется,
Он громко гудит над густою толпой,
Тот гул далеко раздается:
«Проклятый навеки всевышним отцом
И с сердцем, грехом омраченным,
Ты должен быть бедным, покорным рабом,
Служить для других осужденным.
Ты должен смириться душой навсегда,
Обиды сносить молчаливо,
Страдать под ярмом векового труда
И крест свой нести терпеливо.
Люби свои цепи, неволю люби,
Томись безотрадной заботой,
Смиряй свою душу и тело губи,
Работай, работай, работай!
Гони наслажденья, трудись в тишине,
Ты темным родился и грешным!..
Иль будешь ты проклят и в адском огне
Погибнешь во мраке кромешном!»
И тучею черной на гул тот идут
Попы и монахи тупые,
Высоко хоругви и чаши несут
Служители мрака слепые.
И тихо проходят они по лугам,
По нивам, полям — с образами,
По хижинам бедным, большим городам,
По дальним дорогам — с крестами;
И где ни пройдут — всюду мрак над страной
Ложится как саван суровый,
И давит он мысль человека собой,
Как крышкою гроба свинцовой...

4

Всё камни, овраги... Как долог мой путь!
Всё дальше и дальше он вьется...
И негде пристать, и нельзя отдохнуть...
Чу!.. Грохот навстречу несется...
Я вижу: Царь-пушка во мраке густом
Грохочет, губя что ни встретит,
И светом багровым на небе ночном
Кровавое зарево светит.
Над лужами крови, над мерзлой землей,
Над грудами ядер разбитых
Томится народ, и с томящей мольбой,
Упав над телами убитых,
Он просит пощады за то, что искал
От грозной неправды спасенья
И, вставши, бесправных рабов призывал
На бой против зла, угнетенья.
Но Пушка грохочет: «Клонись предо мной,
Ты, подлое, рабское племя!
Пока существует земля под тобой
И в вечность бегущее время
Еще не угасло, — нигде не найдешь
Свободы и правды на свете!
Рабом родился ты, рабом и умрешь,
И будут рабы твои дети!»
Напрасны мольбы перед силою злой...
И клонятся темные люди
Над мокрой от крови погибших землей,
Пред силой ревущих орудий.
И роем пчелиным, несметным идут
Служители грозного бога:
Оковы и пыток орудья несут,
И всюду лежит им дорога.
И блеском железным, щетинясь, блестят
Штыки их, средь дыма сверкая;
И медные каски во мраке горят,
Пожар и огонь отражая.
И едут, и мчатся народа бичи:
И грубый жандарм, и сенатор,
И судьи — несчастной страны палачи —
И с ними палач-император.

То старое рабство привычной стезей
Идет, всё губя и терзая,
И зарево ярче горит над страной,
Мученья людей освещая...

5

Мой путь пропадает... Трудней и трудней
Идти по пустыне холмистой...
Как жарко средь этих песков и полей,
На этой дороге тернистой!
Темно — как в гробу; на земле, в небесах
Природа как будто застыла...
На западе дальнем, крутясь в облаках,
Свистя, непогода завыла...
И вздрогнул весь мир от конца до конца,
Лик прежних царей помрачился,
И образ царя, Золотого Тельца,
Средь мрака и дыма явился.
Всё стихло. Лишь воронов стая снует,
Навстречу тирану слетаясь,
Да полчище слуг на колени встает,
Пред новым царем преклоняясь...
Ревет он к народу: «Незыблем закон
Борьбы за богатство и силу:
Страдать терпеливо ты им осужден,
Трудиться весь век до могилы;
Напрасны о равенстве, братстве слова,
Где слабого сильный терзает.
Успех или гибель! Вот глас божества,
Что миром века управляет!»
И вижу я: движутся массой густой,
Как стаи голодных вампиров,
И золота слитки проносят с собой
Толпы фабрикантов, банкиров;
Фабричные трубы весь воздух коптят,
Поднявшись средь каменных сводов;
Как адские пасти, в долинах стоят
Высокие группы заводов;
Там злятся машины, гремят и ревут,
Шипят, точно змеи, насосы,

И тело, и кости рабочего рвут,
    Мелькая, как в вихре, колеса...
И алчное войско всё больше растет,
    Всю землю собой наполняет,
И копотью, гарью кругом отдает,
    И всё перед ним погибает...

6

Мой путь прекратился. В тумане и мгле
    Всё скрылось под ночью глубокой,
И вот я стою на высокой скале
    Без сил, весь в крови, одинокий...
Отсюда я вижу средь тьмы облаков,
    Что скрыто от взоров другого, —
Я вижу теченье могучих веков
    И долю народа родного.
Мертва и спокойна лежит предо мной
    Страна векового застоя.
Орел безобразный, с двойной головой,
    Парит средь ночного покоя.
Там гады и черви повсюду кишат
    И хищные птицы летают;
Как будто могилы, там тюрьмы стоят,
    И стоны рабов не смолкают.
В ней здание рабства, средь вьющихся змей,
    Стоит широко и громадно;
И трое безумных, жестоких царей
    Терзают народ беспощадно.
И вдруг в этой тьме гробовой разлились
    Могучая жизнь и волненье,
Какие-то люди во тьме поднялись,
    И слышу я гимн пробужденья:
«О родина! Долго ль ты будешь страдать
    Под бременем горькой невзгоды?
И долго ль позорно ты будешь молчать
    На голос призывный свободы?
Встань, бедный народ! Подымитесь, рабы,
    И в битву идите скорее!
Довольно вы гнулись под игом судьбы!
    Разбейте оковы! Смелее!»

И гордый призыв по полям пролетел,
И массы на троны восстали,
И мрак застонал, загудел, зашипел,
И в страхе цари задрожали.
Задвигались гады, цепляясь кругом,
И с громом земля расступилась,
И здание рабства с двуглавым орлом,
Сломившись, треща, провалилось.
И много людей под собой в глубине
В паденьи своем раздавило;
Но с ними пропала и тьма в той стране,
И рабства губящая сила.
И тучи исчезли с туманом густым,
Разбились оковы народа,
И вся ожила под лучом золотым
Весеннего солнца природа...
Но тут я проснулся... В каморке глухой
Всё было темно, безучастно;
И месяц сиял над моей головой
Так бледно, бездушно, бесстрастно...

1876 или 1877

* * *

Русская жизнь! Средь густой темноты
Как неуклюже сложилася ты!..

. . . .

Родина-мать! нет ни счету, ни сметы
Змеям, что были тобою пригреты;
Дедов вина и беспечность отцов
Создали целое племя рабов;
Всюду душил тебя льстивый сенатор,
Хищный чиновник, жандарм, император,
Поп и помещик, судья и купец;
Грабил последний судейский писец...
Ты же, — ты только терпела, страдала,
Вечно трудилась и вечно молчала;
И средь громадной родимой земли

Вечно валялся народ твой в пыли...
Но разойдись ты, тоска гробовая!
Злу не поможешь, лениво страдая;
Некогда плакать, не время стонать,
Надо ошибку отцов поправлять!..
Родина-мать! Разверни свои силы,
Жизнь пробуди средь молчанья могилы!
Встань! Угнетенье и тьму прекрати
И за погибших детей отомсти!!.

<1877>

* * *

Проклятие! Пиши стихи в тюрьме,
Когда на воле ждет не слово — дело!
Да, жить одной мечтою надоело...
Бесплодно бьется мысль в моем уме...

Когда к борьбе с неправдой злой
Стремится всё живое,
Когда повсюду гнет тупой
Над родиной больною, —
Тогда не след в тюрьме сидеть
И песни о неволе петь.

Тогда, поэт, бросай перо скорей
И меч бери, чтоб биться за свободу:
Стесненному неволею народу
Ты не поможешь песнею своей...

Нет! Не для звуков сладких я
Рожден, чтоб мог забыться
Средь грез и сна! Душа моя
К борьбе с врагом стремится!
И муза мне на ум нейдет...
Лишь злость кипит и сердце рвет!

<1877>

* * *

Сгинули силы...
Тускло сияние дня...
Холод могилы
Обнял, как саван, меня...

Те же всё стены,
Тяжесть тупая в уме...
Нет перемены!
Глухо и душно в тюрьме...

Чаша всё ближе,
Мало осталось пути...
Благослови же,
Родина-мать, и прости!..

<1877>

Д. А.

* * *

Прошла зима. Подходит лето,
Но радость мне не принесет,
А как любил я время это,
Когда природа вся живет!..
Но здесь, в могильной тишине,
Дает страдания одни
Всё то, что было мило мне
В былые, радостные дни...
Идет ли дождь, гремит ли гром,
Иль солнце ярче заблестит,
Луна ли на́ небе ночном
Меж туч украдкою бежит, —
Живее прошлое встает
В душе взволнованной моей,
И тяжелей меня гнетет
Унылый звук моих цепей.

Когда ж свободен буду я?
Когда ж увижу я друзей?

Когда отрадно грудь моя
Вздохнет среди родных полей,
Среди лесов, где долго жил,
Где детства дни я проводил?..

Я помню... в детстве... у меня
Был в клетке сокол молодой.
Как часто, часто думал я
О нем в тюрьме моей глухой!
Я помню — он не раз сидел,
Свой взор в небесный свод вперив.
Как грустно, бедный, он глядел;
Как взор тот был красноречив!..
Однажды я с сестрой пришел
И пищу соколу принес;
Я мертвым сокола нашел,
Неволи тяжкой он не снес!..

Когда ты молод, полон сил,
Когда всю жизнь желаньем жил
Борьбы, свободы и труда,
Сидеть в тюрьме, сидеть года,
Вдали от жизни и людей,
Нет муки в мире тяжелей!..

И, может быть, как сокол тот,
Умру и я в стенах тюрьмы,
Умру за то, что свой народ
Освободить хотели мы...

<1877>

ГРУНЯ

1

Поздним вечером,
В бурю грозную,
На крутом бережку
Быстрой реченьки
Сидит Грунюшка,

Сидит девица,
О своем грустит
Дорогом дружке:
«Уж вы, ветры ли,
Ветры буйные,
Уж ты, реченька
Быстротечная,
Сыр-дремучий бор,
Мать сыра-земля,
К вам с мольбой своей
Обращаюсь я:
Вы скажите мне,
Вы поведайте,
Где мой милый друг?
Жив-здоров ли он?»

Застонала тут
Мать сыра-земля:
«Не видать тебе
Твово милого!»

Сыр-дремучий лес
Всколыхнулся весь,
Головой своей
Покачал в ответ,
Прошептал он ей
Внятным шепотом:
«Не видать тебе
Друга милого!»

И сидит она
Да по нем грустит,
Слезы горькие
Проливаючи,
Свое прошлое,
Невозвратное,
С грустью сладкою
Вспоминаючи:
«Как, бывало, тут
Вечерком сижу,
Вечерком сижу

И тебя я жду,
А ты, милый друг,
Из села идешь,
Песнь о Волюшке,
Про себя поешь,
Песнь о Волюшке,
О томящейся
За железными
За запорами.
И любили ж тебя,
Добра молодца!
Стар и млад на селе
Не нахвалится;
С кем беда случись,
Иль совет нужон,
Всяк, бывало, к тебе
Обращается.
Да нахлынули
Злые вороны,
Увезли тебя
В дальню сторону».

А дремучий бор
Всё одно шумит:
«Не видать тебе
Друга милого!»
Мать сыра-земля,
Речка быстрая,
Ветры буйные
Всё одно твердят:
«Не видать тебе,
Душа-девица,
Твово молодца,
Твово милого!»

2

Стихла буря вкруг,
Успокоилась;
Перестали дуть
Ветры буйные;

Не бушует лес,
Не колышется;
Не бурлит река
Быстротечная;
Ясный месяц вдруг
Из-за туч взглянул
И разлил кругом
Серебристый свет;
Всюду сон царит...
Лишь не сладил он
Со змеей-тоской,
С ненавистницей:
Чуть забылася
Душа-девица,
Видит — гроб стоит
Во часовенке...
Часовой с ружьем
Стережет его...
А во гробе том
Лежит друг ее,
Лежит друг ее,
Милый-суженый...
Встрепенулась она,
Пробудилася,
Привскочила с земли
И стоит-глядит:
Пред глазами ее,
На другом берегу,
Стоит милый друг
Не шевелючись...
Исхудало лицо,
Глаза впалые,
На руках, на ногах
Цепи тяжкие...
Он стоит и глядит,
Огнем очи горят;
Он стоит и манит
Свою Грунюшку...
Онемела она,
Приросла к земле,
Сердце девицы
Словно замерло...

А на том берегу
Милый друг всё стоит,
Всё стоит и манит
Свою Грунюшку...
Не стерпела душа,
Сердце дрогнуло;
«Вася!» — вырвалось
Из груди ее;
Протянув к нему
Руки белые,
Она бросилась
С крута берега...
Содрогнулась река,
Содрогнулись поля,
Содрогнулся лес
Густолиственный...
И тот страшный крик
Души-девицы
Всюду носится,
Всюду слышится...

<1877>

П. А.

ХАОС

Как страшно мне! — кругом меня всё мгла немая,
Разбит и помрачен мой ум больной,
И в сердце жизнь, как луч последний догорая,
Роит передо мной видений грозных строй:
Я вижу тяжкие несчастья и страданья
Кругом всё беззаветно гибнущих людей,
Их стоны громкие и громкие рыданья
Звучат как адский хор в груди моей.
Бушует зло... Тираны торжествуют
Над жертвами свободы мировой,
И тризну шумную их гибели пируют,
И шлют проклятья истине святой!

Что это? — Жизнь? Иль сон ужасный?
Иль бред разбитого ума?..
Ответа нет... Но знаю, — мир прекрасный
Исчезнул для меня навеки, навсегда...
Долой же, прочь, ужасное виденье!
Ты душу узника несчастного не мучь!

<1877>

ПРИЗРАК

Как тихо, покойно в могилке моей!
Здесь смерти безмолвье царит,
Не дремля стоит часовой у дверей
И крепко мой гроб сторожит.

Как тихо, уютно в могилке моей
При свете волшебном луны,
Когда она, с кроткой улыбкой своей,
Спокойно глядит с вышины!

Как тихо, покойно на сердце моем!
В нем злоба и горе молчит;
И мысль — даже та, непокорная, сном
Убитым, отчаянным спит.

Печально лежу я на койке своей,
Пытливо глядя в полутьму,
И в диком хаосе лучей и теней
Совсем забываю тюрьму.

Мертво и уныло... Но вот поглядит
В окно к мертвецу часовой
И быстро отскочит, — должно быть, страшит
Там призрак его роковой.

<1877>

ДРУГУ ВЕРБОВЧАНИНУ

Венком из душистых весенних цветов
Покрыл бы я кудри твои;
Прекрасен ты стал бы средь этих оков,
В холодной могиле тюрьмы.

Я б песню безумно прекрасную спел
Герою Свободы народной,
Герою, которому да́но в удел
Влачить дни в неволе холодной.

Далеко бы песня моя разнеслась,
В пучины б морские проникла,
В небесной лазури б она разлилась,
И там бы замолкла, поникла.

Но сковано бедное сердце мое,
В нем звуки свободные мрут,
И песня свободы звучала бы дико
В стране, где рабы лишь живут.

<1877>

НА СМЕРТЬ БОГОМОЛОВА

Он пал, герой! Его могила
Зарыта свежею землей;
Погибло всё, что свято было
Душе прекрасной и живой.
Ни слез, ни слова сожаленья
Он не найдет в стране родной;
Его мечты, его стремленья
Не были поняты толпой.
Награду мысли благородной
И сердца, полного любви,
Он уж стяжал себе в свободной
Борьбе за помыслы свои;
А сердца тайные мученья,
Что вынес он в борьбе со злом,
Схоронены в реке забвенья,
Исчезли, как зловещий сон.

1875 (?)

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПАМЯТИ ПАВЛА ТРУТКОВСКОГО

Прощай, товарищ по страданьям!
Прими последний наш привет!
Иди — до скорого свиданья! —
Туда, где стонов, скорби нет;

Где не гремят рабы цепями,
Где вечный царствует покой,
Где из бессмертников венками
Венчает смерть того меж нами,
Кто гибнет в битве роковой;

Где все равны, где все лишь братья,
Где нет тюрьмы, ни палачей,
И где природа-мать в объятья
Зовет свободы сыновей!

Внимая радостному вою
Шакалов, скоро все туда
Пойдем мы следом за тобою:
Здесь человеку и герою
Есть только ка́ра — нет суда!

<1877>

Г. МИХАЙЛОВ

ПРОПАГАНДИСТ

(Посвящается Н. А. М.)

Непреклонная гордость во взгляде,
Неподдельная страстность в речах,
Простота в небогатом наряде,
Блеск ума и развитья в очах, —
Все черты несдающейся силы,
Не способной пассивно страдать,

Не способной лишь речью унылой
На невзгоду тоску выражать.
Полон честным стремленьем — отчизне
Величавую будущность дать,
Уничтожить всё вредное в жизни
И народное благо создать,
Он не мог равнодушно-лениво
Выжидать измененья судьбы
Тех бедняг, что несут терпеливо
Жизни крест, как немые рабы.
Он не мог выносить угнетенья
И покорно несть рабства ярмо,
Преклоняться пред грубым стесненьем
И лелеять бесправья клеймо.
И, презрев мелочные заботы,
Не страшась тиранических гроз,
Он ушел в мир нужды и работы,
В мир отчаянья, горя и слез;
И учил он страдающих братьев,
И надеждой сердца наполнял —
Вместе с ним они слали проклятья
Тем, кто всё у них в жизни отнял.
Стойко, страстно он вел свое дело,
Пробуждая умы их от сна;
Он громил всё давящее смело,
И спадала с их глаз пелена...
Дни летели... Кипела работа...
Но не дремлет гнетущая власть:
Ее давит одна лишь забота —
Как бы вниз с высоты не упасть...
У тиранов есть верные уши:
Тип Иуды с земли не исчез,
Есть на свете продажные души...
Властелины ж богаты, как Крез.
И в тюрьму друг народа был брошен,
Как презренный и гнусный злодей;
Тупоумным насилием скошен
Силы цвет и великих страстей.
Прокурор своей речью пристойной
На суде его грозно громил
И мятежнику кары достойной
У озлобленных судей молил.

Робкий голос защиты напрасно
К милосердию суд призывал.
Суд не внял этой просьбе прекрасной
И борца за народ покарал.
И погиб для спокойствия власти
Друг народа в глухих рудниках;
Но великие, мощные страсти
Зажжены его смертью в сердцах!
И напрасны усилья тиранов:
Дух свободы проникнет в народ,
Рухнут все их безумные планы,
И исчезнет губительный гнет.

<1877>

М. Д. МУРАВСКИЙ

ИЗ 1874 ГОДА

Паспорт, котомка,
Дюжина с лишним «изданий»...
Крепкие ноги...
Множество планов, мечтаний.

Нивы, покосы,
Светлые виды, приволье...
Тракты глухие...
В хатах мужичьих бездолье.

Но в хате каждой
«Страннику» хлеб-соль готова...
С жадностью люди
Слушают равенства слово.

В селах жандармы,
Штрафы, оброки, поборы...
«Быть, братцы, бунту!» —
Слышно кой-где в разговоре.

Добрая почва:
Семя тут ладно упало...
Ну-ка, что дальше?
Пашни еще ведь не мало.

<1877>

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Расскажи, научи
Ты, святой человек:
Мне к кому обратить
Слово правды, любви?
«Ты не тех вразумляй,
Коих злоба гнетет,
Речь свою говори
Тем, кто сами гнетут!»
Я пошел к богачам,
Кои давят нужду;
Услыхавши мою
Речь о правде, любви,—
Усмехнулись они
И зорчее свои
Сундуки принялись
Караулить-стеречь...
Я пошел к судиям,
Кои жмут бедноту;
Услыхавши мою
Речь о правде, любви, —
Усмехнулись они
И хитрее свое
Стали дело вести.
Я пошел и к царю,
Что гнетет свой народ;
Услыхавши мою
Речь о правде, любви, —
Он фискалам своим
Расторопней велел
За народом глядеть...
К морю я подошел,
Вижу — тонет рыбак.

Я «насильно» не стал
Человека спасать...
Нет, я словом любви
Волны стал укорять...
Но святые слова
Не спасли бедняка.
Эх, святой человек!
(Догадался тут я)
Не от мира сего,
Видно, мудрость твоя,
Так в мирские дела
Не совался б ты зря!..

<1877>

КТО?

(Из классического поэта Пиндара)

Кто всем дознаньем заправляет?
Кто веру и царя спасает
И множество иных основ?
Жандармский генерал Жидков.

Кто наловил пропагандистов,
Искоренил социалистов,
Пресек распущенность умов?
Жандармский генерал Жидков.

Кто задает вопросы тонко,
С глубокомыслием теленка,
И козни все раскрыл врагов?
Жандармский генерал Жидков.

Кто всех поставил в затрудненье,
Спросив в внезапном вдохновеньи:
«Фуражки этой смысл каков?»
Жандармский генерал Жидков.

Кто арестантов размещает,
Пути к сношеньям преграждает,
Напрягши силы все мозгов?
Жандармский генерал Жидков.

Кто за преступные сношенья
Лишил их чаю, супу, чтенья
И даровал всё это вновь?
Жандармский генерал Жидков.

Кто, в свете дня и кислороде
Вред усмотрев людской природе,
Спас от него их, дураков?
Жандармский генерал Жидков.

Кто только сущность уважает,
А формализм так презирает,
Что плюнуть на закон готов?
Жандармский генерал Жидков.

Но нам всех дел не перечесть,
Жидкову делающих честь.
Так крикнем же без лишних слов:
Ура, Жидков!

<1877>

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

* * *

Пусть я в тюрьме, пускай я связан, —
Всё ж остается мне мой смех;
И им я доконаю тех,
Кому веревками обязан!

<1877>

ПРОКУРОРСКИЕ РЕЧИ

(Посвящается гг. Шубину, Меркулову, Жукову, Жихареву, Желиховскому и иным многим)

Нет, вы скажите мне одно:
О чем весь этот люд хлопочет?
Образованье им дано,
Карьера — всякому, кто хочет!

Так нет: им, видно, честь не в честь,
Коли не сразу в генералы! ..
Но дайте мне на место сесть,
Тогда — держитесь, радикалы!
По мне, серьезный человек,
С определенною карьерой,
Не терпит нравственных калек, —
Его не подкупить химерой!
«Народ!», «Прогресс!» — всё это вздор,
Предлоги для интриг нахалов!
Но, к счастью, я уж прокурор
И... поприжму и радикалов!
Народ слагается из *лиц*,
Народное же благо, счастье —
Из счастья этих единиц.
Пусть, значит, каждый с трезвой страстью
Печется о судьбе *своей*,
Не становясь на пьедесталы, —
И вот вам счастье массы всей! ..
О, берегитесь, радикалы!
Затем — прогресс: мой бог — прогресс!
Но ведь коли он не химера,
Так, значит, личный интерес
Ему и цель, и вес, и мера!
«Вперед! имея цель в виду» —
Вот мой девиз и идеалы!
И я, действительно, иду...
И... трепещите, радикалы! ..
Давно ли был я в Окружном?
А вот теперь уже в Палате,
И, тем же следуя путем,
Наверно буду и в Сенате.
Оклад не бог знает какой —
Ведь жизнь так страшно вздорожала! ..
Но в будущем-то шанс большой
И... горе вам, о радикалы! ..
Притом же, ежели идти
В своих стараньях всё crescendo, [1]
То можно наконец дойти
До получения аренды...

---

[1] Усиливаясь (итал.). — *Ред.*

Не спорю, труден этот приз;
Но я ведь бью во что ни стало
(Как и велит мне мой девиз),
И... горе вам, о радикалы!..
А раз я на виду, — тогда...
Кто знает?.. Министерства стены
Ведь тоже видят иногда
Серьезнейшие перемены!..
Конечно, чтобы так шагнуть,
Усилий надобно немало,
Но я ведь выбрал верный путь,
И... трепещите, радикалы!
Я спрашиваю вас теперь:
О чем хлопочет это племя,
Коль блага и прогресса дверь
Открыта настежь перед всеми?!
Нет, нет! Серьезный человек,
Хоть будь он трижды добрый малый,
Не терпит нравственных калек!..
И... горе вам, о радикалы!

<1877>

ПРОГРЕСС

Дважды ваш слуга покорный
Подвергался заключенью,
Ибо был подозреваем
В том, что служит убежденью.
В первый раз сидел полгода,
Во второй — два года с лишним,
Сколько ж времени на третий
Суждено ему всевышним?
Что ж, судя́ по прежним срокам
И логично рассуждая,
Мы едва ли ошибемся,
Лет пяточек полагая...
Но не думай, о читатель,
Что такое размышленье
Грусть в душе моей рождает
Или даже хоть смущенье!
О, напротив, я в восторге,

Вне себя от восхищенья,
Видя мощный дух прогресса
Даже в сроках заключенья!

<1877>

ГАРМОНИЯ

Как всё мудро в этом свете,
Как гармонии полно!
(И как жаль, что мысли эти
Не усвоил я давно!)
Для того, чей взгляд не шире
Ленты орденской, — простор
Предоставлен полный в мире,
Чтоб расширить кругозор...
Для того же, чьи стремленья
Чересчур уж широки, —
Небольшое помещенье
И... надежные замки!..

<1877>

ИЗ ДОРОЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

1. В степи

Сам-друг в степи необозримой,
Да впереди еще ямщик, —
И только слышен звон, да топот,
Да ямщика удалый крик...

И ни шпионов, ни жандармов,
Ни полицейских на пути!..
О, если б в этом отношеньи
Повсюду ту же степь найти!

2. Знакомый тип

Ходить в корню и на пристяжке,
Как тройка смирных битюгов;
Ходить во всяческой упряжке,
Хоть до скончания веков;

Возить кого и как угодно,
Возить куда укажет кнут,
Возить *всегда,* хоть неохотно,
Носяс терпением хомут;

Возить и под гору, и в гору...
Да об овсе мечтать порой —
Вот тип, давно знакомый взору,
Тип гражданина, нам родной!

<1877>

СУДЬБА РУССКОГО ПОЭТА

Глядишь, глядишь, как правду душат,
Как человека бьют ослы,
Как мысль и энергию глушат,
А тупости поют хвалы, —

Глядишь на все обиды эти,
Глотаешь со слезами их...
Но есть всему предел на свете —
И вот скуешь железный стих!

В него положишь ты всю душу,
Он — наболевший сердца крик,
Он — кровь, забившая наружу
Из-под ножа, что в грудь проник!

И что ж? Твое стихотворенье
Прочтет российский гражданин, —
Прочтет толково, с увлеченьем,
И... вспомнив вдруг день именин,

Надевши фрак, пойдет гнуть спину
Перед сиятельным ослом,
Что Русь, как вьючную скотину,
Взнуздавши, хлещет, знай, кнутом!

1872

СЛУЧАЙНОМУ ТЮРЕМНОМУ ДРУГУ

(П. Л. В — У)

Спасибо, друг! Мы встретились случайно;
Но для меня так много сделал ты,
Что превзошел всё, что хранил я тайно
В душе как фантастичные мечты.

Я не за то тебя благословляю,
Мой добрый, честный, мой отважный друг,
Что если я свободу вновь узнаю,
То, может быть, — ценой твоих услуг.

Услуги вздор! Но ты всю сладость веры
Мне возвратил в успех добра, в людей,
И нет, поверь, да и не будет меры
Любви и благодарности моей!

Ошибками сердечными разбитый,
Истерзанный жестокою борьбой,
Я, словно Иов, язвами покрытый,
Измучен был и телом и душой;

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но ты пришел и для меня, чужого,
На карту ставил волю и покой,
И стал я верить, стал любить я снова...
Спасибо же, спасибо, милый мой!

1870

Н. Ч—И—У

Едва ли мать когда бывает
Так терпелива и нежна,
Когда дитя — в жару, без сна —
Ее капризами терзает,

Как ты ко мне был нежен, милый,
И к вечным стонам терпелив,
Хоть сам подчас едва был жив,
Измученный тюрьмой-могилой.
Мой добрый друг! В былые годы
Я часто слышал клевету,
Что мы, преследуя «мечту»
Равéнства, братства и свободы,
Свою природу позабыли
И разучились полно жить,
По-человечески любить,
Что чувства в нас давно застыли,
Живет одна лишь голова...
А как готовить миру счастье
Без искры чувства и участья? —
Слова, слова, слова, слова!
И я тотчас терял терпенье,
Платил упреком за упрек,
И целый пламенный поток
Лился из уст моих в волненьи!
Всё ту же клевету придется
Мне часто слышать и теперь;
Но сердце в этот раз, поверь,
Не гневом — торжеством забьется:
Я им ни слова не скажу,
Не стану попрекать ошибкой, —
Я молча встречу их улыбкой
И на тебя им укажу.

<1877>

М. А.

О, как я беден бесконечно, —
Беднее бедности самой!
Я это чувствую, подумав
О встрече будущей с тобой.

Когда я вновь тебя увижу,
Мой бесконечно милый друг,
Когда до сердца вновь проникнет
Знакомой речи милый звук;

Когда вновь руку дорогую
Почувствую в руке своей
И вновь на мне ты остановишь
Спокойный взгляд твоих очей, —

Скажи, желанная, скажи мне,
Как страсть тогда я передам,
Чтоб поняла ты сердцем чутким
Всё, что почувствую я сам?

Что я могу? Налюбовавшись,
Тебя в своих объятьях сжать
И страстно, трепетно и нежно
Всё целовать и целовать?

Иль милые обняв колени,
Сказать на тысячу ладов,
Что я люблю тебя безмерно
И за тебя на смерть готов?..

Всё это так, всё это будет,
Невольно будет вновь и вновь!..
Но, бог мой, как всё это бедно,
Чтоб выразить мою любовь!

<1877>

* * *

Когда подумаю, голубка, о тебе —
Что переносишь ты и что переносила
Из-за любви ко мне, — то я молюсь судьбе
О том, чтоб ты меня скорее позабыла.

Когда ж подумаю, чего лишился б я,
Когда бы ты меня действительно забыла, —
О, как мне хочется, желанная моя,
Чтоб ты меня по-прежнему любила!

<1877>

ВСЁ ТО ЖЕ

Прошла весна, прошло и лето,
Прошла и осень, и зима,
И вновь всё зеленью одето,
А для меня — всё та ж тюрьма!

Природа вешнею красою
Стремится в душу жизнь вдохнуть;
Но без свободы и весною
Всё так же трудно дышит грудь.

<1877>

* * *

Не то обидно мне, что отнята свобода,
Покой, здоровье и семья,
Что в мертвой тишине и мгле глухого свода
Дня светлого не вижу я;
Нет, если б дали мне свершить благое дело, —
Что мне страдание мое?
Я делу правому отдался бы всецело,
Свободу б отдал, счастье — всё!
Я знаю этот мир: в нем, в этом жалком мире,
Так исковеркан жизни строй,
Что всяк, кто вздумает взглянуть на жизнь пошире,
Тем самым жертвует собой.
О, если б в мир внести хоть каплю правды чистой!
За это я готов страдать.
И, верьте, жалобы на мой удел тернистый
Вам от меня б не услыхать!
Но вот обидно что: я полон был желаний,
Я многое свершить хотел,
Но я был взят среди одних мечтаний
И воплотить их не успел.
И вот я здесь сижу, страдаю, трачу силы,
Из-за чего? — из-за мечты!
А там, на воле, за стеной могилы,
Там бой идет, там нужен ты!

<1887>

* * *

Бесконечно, мертво, монотонно
За минутой минута ползет,
Словно певчий ленивый и сонный,
Что за гробом, зевая, идет;
Словно всем им в глухое ненастье
От начальства приказано встать
И мое схороненное счастье
Без конца, без конца отпевать...

<1877>

ПИСЬМО

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

Лермонтов

О, сколько ж времени еще мне ждать письма?
Всё, всё, чем жизнь красна, уж отняла тюрьма:
Последней радости, и той не пощадила!
<Последний луч, и тот ревниво заслонила!>
Так скряга алчною, дрожащею рукой
Обрезать норовит случайный золотой.
О, как хотелось бы измученной душою
Теперь мне отдохнуть над строчкой дорогою!
Но нет, я жду и жду; обычным чередом
Томительно идет, проходит день за днем,
А дорогого мне письма всё не приносит...
А сердце так щемит и так отрады просит!..

<1877>

ПРОЩАЙ!

Прощай, голубка дорогая:
Мне больше не видать тебя!
Не много радости, любя,
Узнала ты со мной, родная!

Прощай! Забудь меня скорее;
Полней, молю тебя, живи.

Будь счастлива в труде, в любви;
Гляди вперед, гляди бодрее!

А я... измученный тюрьмою,
Больной ребенок в <трид>цать лет —
Солгу я, если дам обет
До гроба быть твоим душою;

Но то, что я еще имею,
Та капля истинной любви —
Покамест есть она в крови, —
Поверь, останется твоею.

1876 (?)

МАТЬ

Ну, я преступник, уж положим:
Я смел любить и рассуждать;
Для извергов таких что ж ожидать мы можем?
Но мать? За что страдает мать?
За что же ей не знать покою,
Хотя бы на один, хоть на единый час,
И не смыкать ночной порою
От слез распухших старых глаз?
За что же ей в тоске бессменной, безысходной
День в день томиться и хиреть,
И силы надрывать работою бесплодной,
И муки ожидания терпеть?
И для чего нужны подобные искусы?
Что палачам страданья наши принесли?
Да будут прокляты властительные трусы,
Да будут прокляты все сильные земли!

<1877>

* * *

Я вынести могу разлуку
Со всем, что драгоценно мне;
Я вынести могу всю муку —
Быть в вечно мертвой тишине;

Всё — одиночество, лишенья,
Грусть по родному очагу,
В надеждах горькие сомненья —
Всё это вынесть я могу.
Но *прозябать* с живой душою,
Колодой гнить, упавшей в ил,
Имея ум, расти травою, —
Нет, это свыше всяких сил!

<1877>

У ОКНА

...не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світу волочусь,
Бо вже й не плачу й не сміюсь.

Т. Шевченко

На сером фоне фас тюрьмы
Рисуется громадой мрачной;
Чуть видно звездочка средь тьмы
Горит во мгле полупрозрачной;
Фигуры движутся людей
Без лиц, без ясных очертаний;
Мигают лампы фонарей,
Не освещая мрачных зданий...
Тоска!.. В душе какой-то сон,
И в ней всё темень покрывает:
Такой же серый общий фон,
И так же светоч мой мигает...
Проносятся обрывки дум
И образы без очертаний;
Заснуло сердце, спит и ум, —
Нет ни стремлений, ни желаний...
Устал я!

<1877>

* * *

Кашель душит, грудь болит,
Сердце бьется нестерпимо,
И вертится всё вокруг
Целый день неудержимо...

Спичка ль на пол упадет,
Тень ли мимо пробегает, —
Всё, как камнем, в сердце бьет
И мучительно пугает.

Сколько ж лет еще так жить?
Право, сил уж нету боле...
Хоть ссылали бы скорей
Или вешали уж, что ли!

<1877>

* * *

О братство святое, святая свобода!
В вину не поставьте мне жалоб моих:
Я слаб, человек я, и в миг, как невзгода
Сжимает в железных объятьях своих,
Невольного стона не в силах сдержать я —
Ужасны тоски и неволи объятья!

Но быстро минутная слабость проходит,
И снова светлеют и сердце, и ум,
И снова спокойствие в душу нисходит,
И рой благодатных и радостных дум
В тюрьму мою вносит луч тихого света:
Мне чудится звук мирового привета.

Далеко-далеко умчатся сомненья,
И станет мне ясен смысл жизни моей,
Всю душу охватит волна умиленья,
И в той веренице нерадостных дней,
Какую провел я без жизни, без дела,
Я вижу всю прелесть святого удела!

Пусть жизни моей безотрадная повесть
Богата желаньем, делами бедна! —
Не ими одними народная совесть
Выводится к жизни из долгого сна:
Нет, сердцу народа живое страданье
Понятней и ближе, чем все толкованья!

Быть может — как знать это? — кровь моя будет
Той каплей, что, капнув горячим свинцом,
Народную совесть от дремы пробудит,
И в ужасе, встретясь с родным мертвецом,
На этот раз совесть народа сознает,
Чему совершаться она допускает?!

О братство святое, святая свобода!
За каждый жестокий, убийственный миг,
Который я вынес для счастья народа,
За каждый невольный страдальческий крик
Я вам и судьбе моей шлю в умиленьи
Горячее, светлое благодаренье!

<1877>

НАШИМ УГНЕТАТЕЛЯМ

Пусть злоба низкая идет
На нас, работников свободы,
Пускай в разгар святой работы
Оковы нам с собой несет.
Как неизбежное отмщенье
За то, что были мы верны
В делах святому убежденью, —
Пускай лишь сны, одни лишь сны
Дают нам подышать свободой,
И пусть дальнейшей жизни нить
Сплошной окрашена невзгодой —
Пусть так! нет нужды! — не убить,
Нет, не убить вам тех стремлений,
Что в молодой живут груди
И, как прекрасный рой видений,
Манят приветно впереди!
Погибнем все мы незаметно,
Как погибает муравей,
Ногой досужею бесследно
Раздавленный среди полей...
Увы, нам чуждо утешенье,
Что в будущие времена
Произнесутся с уваженьем,
С любовью наши имена.

Когда и как погибли в битве —
Того никто не будет знать,
И только мученица мать
Помянет нас в своей молитве...
Да, мы погибнем. Но рядами
Уж новые бойцы стоят
И двинутся — за рядом ряд —
Тропой, проложенною нами.
Они и знать не будут нас,
Но та же жажда жечь их будет,
И каждый день, и каждый час
На битвы новые побудит.
Навстречу тьмам таких же бед,
Покорны голосу природы,
Они пойдут за нами вслед,
К живому роднику свободы!
Так неизменной чередой
За поколеньем поколенье
Пойдет пробитою тропой
Без отдыха, без утомленья,
Пока не сможет наконец
Поднять забитую свободу
И с деспота сорвать венец
И возвратить его народу.

1870

ТАМ И ЗДЕСЬ

Там, на Западе далеком,
Пролетарий бой ведет;
Крепнет он в бою жестоком,
Крепнет, множится, растет.

Здесь, на пасмурном Востоке,
Пролетарий крепко спит;
Он не думает о сроке
Избавленья и молчит.

Но зато студент проснулся
И протер уже глаза,

И на Запад оглянулся:
Скоро ль божия гроза?

Он работника разбудит,
С ним сольет свой интерес
И с ним об руку добудет
Хлеб, свободу и прогресс.

1872

КРИЧИ!..

Кричи о равенстве, о братстве, о свободе,
За правду честный бой без устали веди,
Греми на деспота проклятьем и в народе
Сознание и мужество буди!

Кричи пером, и словом, и примером,
Кричи при всех, и всюду, и всегда,
Хотя б тебя прозвали изувером
Солидные, с брюшками господа.

И пусть твои слова насмешкой дышат злою
И страстию кипят, как лава горячи,
И если крик твой кончится тюрьмою,
Припав к решетке — все-таки кричи!

И если деспот хищною рукою
Тебя за горло схватит наконец
И ты не в силах будешь крикнуть: «К бою!» —
Хоть молча плюнь в лицо ему, боец!

<1874>

П. А. ОРЛОВ

«МАЛЬЧИШКА»

«Мальчишка» я! .. Хотите вы сказать,
Что молод я, ничтожен, не опасен, —
Зачем же вам в тюрьме меня держать?
Зачем «мальчишка» так для вас ужасен?

«Мальчишки» мы! .. Зачем же поднимать
Вам из-за нас такую суматоху?
Тревогу бить, и голову терять,
И жертвы несть судебному моло́ху?

«Мальчишка» я! .. Пусть так; но вы-то кто ж,
Идущие с дреколием, толпами
На горсть «детей», едва скрывая дрожь?
Вас как назвать? Не доблести ль мужами?

«Мальчишка» я! .. Но знайте — муж стальной
В «мальчишке» том стараньем вашим зреет!
Спасибо вам: спознался я с тюрьмой —
Она во мне кой-что посеет...

И не на радость вам такой посев взойдет;
Клянусь, он будет вам на горе!
Узнаете, когда в народном море
Девятый вал на ваш корабль найдет!

<1877>

РЕВОЛЮЦИЯ

Из скрытых жизни родников
Течет предвечное движенье, —
Оно сильнее всех богов,
Оно разрушит ослепленье
Людских сердец, людских умов,
Как в грозный час землетрясенье —
Основы храмов и дворцов.

Оно взволнует мысль народа,
Как буря — спящий океан;
Народ восстанет — ко́ру гнета
Прорвет, размечет, как волкан!
Хоть туча влагою богата,
Но ей волкана не залить, —
Так жизни вам не задавить
Решеньем дряхлого сената!

Да, лава хлынет и зальет
Дворцы, и за́мки, и темницы!

Да, буря грянет и сорвет
С вас пышный пурпур багряницы!
Огонь святой любви к свободе
Всегда силен, всегда живуч;
Всегда таится он в народе,
Как под землею скрытый ключ;
И он родит вокруг броженье,
Не устоит ничто пред ним,
Как искра Вечного Движенья —
Он никогда не загасим!

<1877>

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Газета политическая и литературная

Женева. 1877—1890

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

* * *

Я

Лет тридцать, как раки, мы задом ползли,
Но крымские громы раздались,
И, вздрогнув, мы быстро вперед побегли,
Да прыти своей испугались.

По прошлому снова взяла нас тоска,
И снова презренно плетемся
Мы к старой болотине рабской, пока
На прусские пушки наткнемся.

Он

Побьют нас — и снова прогресс расцветет,
Падут и Тимашев, и Пален,
И ясное солнце свободы взойдет
Над грудой кровавых развалин.

К свободе воскреснет великий народ
Под песни свободные бардов...

Я

Да, если их всех наповал не убьет
    Уплата пяти миллиардов.

<1877>

Б.

* * *

Люблю тебя, родная Русь,
Люблю до боли сердца я,
Твоих порядков лишь боюсь —
Они бросают в жар меня.
Тебя стеною окружают
Свои и внешние враги,
И беззаконья разъедают,
Хотя законы и строги.
Твои чиновники хвалятся,
Что уж закона не обходят,
Но на закон зато садятся,
Ночами по закону ходят.
У нас ведь это просто чудо:
В двух-трех приказах в день побыть —
И там каким-нибудь Иудой
Совсем обиженным не быть.
Наш «статский» или «регистратор»
Равно причастны произволу,
Как всякий русский губернатор,
Что из корнетов вылез в гору.
Когда мы видим их в гостиных,
То всяк из них «съел европейца»,
В речах их милых и невинных
Не чуешь русского индейца.
Но лишь в «приказ» вы к ним войдете,
На лицах их, у всех подряд,
Большую надпись вы прочтете:
«Как ни верти — я азиат!»

<1878>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НОВАЯ РЕФОРМА

(Драматический этюд)

Действие происходит в кабинете царя в Зимнем дворце.

Царь

(один, ходит по кабинету)

Убит шпион, что жизнь мою хранил как око,
Из-за угла преступною рукой,
Как пес мне преданный и сыщик первый дока,
О Мезенцев незаменимый мой!
Да, тяжела ты стала, шапка Мономаха!
Тебя я прежде, как перо, носил,
И всякий славянин, за исключеньем ляха,
Под шапкой той меня, как бога, чтил.
И царствовать тогда мне было так отрадно:
Каприз мой был для подданных закон,
Я жертв не принимал, как идолы, парадно,
Но выше алтаря мой возносился трон.
Вдруг что-то странное случилося с рабами,
Какой-то вихрь по душам их прошел,
Лассаль и Робеспьер царят над их умами,
И пропаганда бродит среди сел.
Два раза сам я был мишенью пистолета,
Но божий перст направил выстрел вкось!
О, если б не смотры, не гурии балета,
Мишурный трон теперешний хоть брось!
Как бедный Мезенцев, мой щит от всяких страхов,
На Итальянской пал от страшных ран,
Не буду ль также я, потомок Мономахов,
На улице зарезан, как баран?
Мысль эта страшная в уме моем гнездится,
Убийц повсюду видит робкий глаз!
Так жить нельзя, нет... надобно решиться!

(Звонит. Вошедшему лакею)

Министра мне двора позвать сейчас.

Лакей уходит.

Я побеседую с моим бесценным другом,
Поплачем, вспомнивши о прежних днях,

Когда вся жизнь казалась сладким нам досугом,
При звоне чаш и в радужных цветах.
Теперь не то: дрожу, крамолой устрашенный,
О пиршествах веселых позабыв, —
Пусть успокоит друг рассудок мой смущенный,
Рассеет мрачных дум наплыв.

(Входит Адлерберг).

Что нового? Ужель убийцы на свободе?

Адлерберг

Увы, монарх, не пойманы они:
Жандармы рылися в пороховом заводе,
Но там нашли всё пустяки одни:
Кинжал заржавленный, чехол от пистолета,
Десяток книг цензурных и пустых.

Царь

Позор! Вас осмеют газеты всего света!
Как не найти изменников моих?

Адлерберг

Мы меры приняли на суше и на море,
Чтобы не дать преступникам бежать.
Мы всюду сыщиков пустили им на горе,
Всех подозрительных велели мы хватать,
И набрано теперь народу очень много,
Набиты наши тюрьмы все битком,
И с помощью суда, полиции и бога
Всю молодежь в Сибирь мы отвезем!

Царь

Ох, эта молодежь! Кошмар мой, червь ужасный,
Что точит трон самодержавный мой
И делает мне жизнь и скучной, и опасной!
Сибирью с ней не справиться одной.
Я двадцать лет ее прилежно погребаю
В далеких ссылках по России всей.
И что ж? Я хороню, а женщины рожают,
И новая выходит — старой злей!
Она, как кредитор, как недуг неотвязный,
Преследует меня и день и ночь,

Вселяет страх во мне какой-то безобразный,
  Которого нет силы превозмочь!
Толстой представил мне проект преинтересный:
  Скопить он нам советует детей,
Чтобы подрезать зло в источнике телесном,
  Лишив народ энергии, страстей.
Он этой мерою нам путь к спасенью кажет,
  И я ее давно бы утвердил,
Да вдруг подумаю: а что Европа скажет?
И сделать смелый шаг не обретаю сил!
Желаю, Александр, твое узнать я мненье
  Об оскопленьи подданных моих?

Адлерберг

Твои реформы, царь, премудры без сомненья,
  Но то была б мудрейшая из них.
Среди реформ твоих, оскопленный морально,
  Не может жить нормальный человек.
Но, увенчавши их скопленьем матерьяльным,
  Ты узел бы тот гордиев рассек,
Что невозможное вносил противоречье,
  Противу нас дух буйства поднимал,
Друзьям твоим грозил и смертью, и увечьем,
  И царственный покой твой нарушал.

Царь

Европа длинный нос в реформы эти сунет,
  Вот почему я медлю их провесть!

Адлерберг

Пусть русский царь в лицо Европы наглой
плюнет, —
  Как смеет к нам непрошеная лезть?
Что нам до Франции, до англичан, до немцев?
  Мы можем жить и собственным умом;
Свобода хороша для этих иноземцев,
  Но русский люд быть осужден рабом.
Пусть Запад возится с своей свободой славной
  И в пешки обращает королей;
А мы должны хранить твой трон самодержавный
  От бешенства разнузданных страстей.
Мы сохраним его наперекор прогрессу,
  Права людей рабам мы не дадим,

Закроем школы все, в тисках задушим прессу
И молодежь подряд всю оскопим!

Царь

В твоих словах ясна как день любовь к престолу;
Не надо мешкать, сам я нахожу;
Составим комитет: фельдмаршала Николу
Я в президенты смело посажу.
В скоплении быков теперь он ищет счастья,
Которого в боях не мог снискать;
Животных любит он, и будет он со страстью
Людей в животных обращать.
Затем назначим в члены мы Толстого —
Мне мнится, между нами, он скопец!
Недаром он к семье относится сурово,
И этого проекта он творец.
Тимашев, Грейг, Валуев, два-три генерала,
Митрополит наш здешний, Исидóр,
Ну и побольше лиц духовного закала, —
И вот готов наш скопческий собор!

Адлерберг

Чтоб делу нашему научный лоск доставить,
Здекáура я в члены б предложил:
Он стал бы скопчество с большим усердьем славить
И мантией науки нас прикрыл.
В видáх практических недурно б тоже было
Плотицына из каторги призвать:
Пусть ведают скопцы, что время наступило
Им все свои таланты показать.
Его бы при дворе в форшнейдеры поставить
(То званье получило б смысл прямой),
И старые скопцы монарха будут славить,
И выполнишь прогресс ты мирный свой.
Отрадно потечет твое существованье,
Спокойно станешь есть, и будет тих твой сон,
Повсюду тишина — ни бунта, ни восстанья,
Лишь томный ропот недовольных жен
Порою слышится... А для капеллы хора
Каких бы теноров мы стали добывать!
Да, для тебя воскреснет сказка Черномора!
О, что за жизнь и что за благодать!

Царь

Ты кровь мою зажег своею речью страстной...
    Зажить скорей, как Черномор, хочу:
Скопить сейчас! Не трать же времени напрасно,
    Лети! И я тебя озолочу!
За твой совет взыщу тебя щедротой царской —
    Арендой польских дедовских лесов!
Ступай, и пусть Сильверстов, новый шеф жандармский,
    Войдет ко мне, когда услышит зов.

Адлерберг уходит.

Бог не дал своего помазанника в руки
    Поборникам разнузданных страстей,
А мне Людовика уж грезилися муки,
    И эшафот, и сонмы палачей!
Я вскакивал с одра, ужален сновиденьем,
    За эшафот я принимал кровать,
И каялся в грехах, склонясь пред провиденьем, —
    С величием учился умирать!
Вдруг сон исчез — и вновь былые упоенья!
    Я снова царь на троне вековом!
Крамола замерла, и улеглись волненья,
    И я царю в безмолвьи гробовом!
Да, как Навин остановил движенье солнца,
    Движенью жизни я преграду дам,
И образ прадеда, свирепого чухонца,
    Я в памяти народной воссоздам!

(Задумывается.)

Как червь, в уме моем ползет соображенье:
    Вдруг внешний враг ко мне ворвется в дом?
Как отбиваться мне? Как принимать сраженье?
    Не храбр скопец в дыму пороховом!
Обрезав у орлов орлиные их крылья,
    Орлиной мощи мне от них не ждать!
Когда всё грезятся: то плаха, то Бастилья,
    Мне ль о воинских подвигах мечтать!
Придется уступать тогда... вот что несносно!

(Махнув рукой.)

Э, уступлю! А там без дальних слов
Убытки, что нанес мне враг победоносный,
    Взыщу с своих же каплунов!

(Опять задумывается.)

Вот орден Белого Орла теперь не нужен, —
Его нам Белый Голубь заменит;
Им буду награждать, кто в скопчестве недужен,
И чтит меня, и мыслью не блажит.

(Кричит в дверь: «Сильверстов!».)

Сильверстов входит.

Послать во все концы Сибири телеграммы:
Скопцов в Россию снова возвращать!
Скарятин пусть Плотицына на берег Камы
С блестящей свитой выедет встречать.

Сильверстов

Осмелюсь, государь, молить о снисхожденьи —
Любовь и долг велят тебя спросить:
Какой смысл кроется в столь странном порученьи —
Скопцами вновь Россию наводнить?

Царь

Молчать, Сильверстов! Я тобою недоволен,
Ты до сих пор убийц не разыскал,
По милости твоей я так расстроен, болен,
Что хуже мокрой, старой тряпки стал.

Сильверстов хочет говорить.

Не рассуждать! На ниточке твое спасенье!
Закон я нынче новый в силу ввел:
Плохим слугам послужит карой оскопленье,
Ты в списке первым кандидатом. Пшел!..

(Выталкивает его из кабинета.)

<1879>

Н. А. НЕКРАСОВ

ИЗ ПОЭМЫ «ПИР НА ВЕСЬ МИР»

1

СОЛЕНАЯ

Никто, как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок:
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой».

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли́ еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!..
Поел сынок!

Хвалилась мать:
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было тёмно, голодно,
Угрюмо, строго, холодно,
Певал-тужил о матушке
И обо всей вахлачине —
Кормилице своей.

И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси.

Над Русью оживающей
Святая песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?

Одна просторная —
Дорога торная,
Страстей раба;

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная
Бесчеловечная
Вражда — война.

За блага бренные
Там души тленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая тесная —
Дорога честная, —
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного
Умножь их круг.

Иди к обиженным,
Иди к униженным —
И будь им друг!

2

Крестьянский грех

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил;
Под Очаковом бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец:
«Гой ты, староста, береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит,
Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...
Глеб — он жаден был — соблазняется,
Завещание сожигается!
На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем, — что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается!

Ой, мужик, мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

1876

3

Русь

Битву кровавую
С сильной державою
Царь замышлял.
Хватит ли силушки?
Хватит ли золота?
Думал, гадал.

Ты и убогая,
Ты и обильная;
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное.

Сила народная,
Сила могучая,
Совесть спокойная,
  Правда живучая.

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
  Не вызывается.

Русь не шелохнется,
Русь как убитая!
А загорелась в ней
  Искра сокрытая.

Встали небужены,
Вышли непрошены,
Жита по зернышку,
  Горя — по пашенке!

Рать подымается
Неисчислимая.
Сила в ней скажется
  Несокрушимая.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
  Матушка Русь.

«Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая, —
Горячо сказалася правда в ней великая:
Вахлачков я выучу петь ее, — не всё же им
Петь свою «Голодную». Помогай, о боже, им!
Как с горы да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забитые...» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал: «божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалося, не спалося,
Краше прежней песенка в полусне слагалася;

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли <они>, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастия народного.

Сентябрь — октябрь 1876
Ялта

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОТИВЫ

(Вольный перевод из «Floh» [1]*)*

Вот толпа зевак у окон:
В большом доме освещенье,
И жандармы у порога,
И заметное движенье...

Верно, бал здесь или вечер
Элегантно-европейский...
Нет, мой друг, не угадали —
Это обыск полицейский.

Перед зданием громадным
Экипажей съезд огромный;
Вылезают генералы,
Со звездами люд сановный...

Верно, слушать собралися
Знаменитого артиста?..
Нет, сегодня в зданьи этом
Судить будут нигилиста!

Вот хор музыки военной.
И войска идут повзводно.
Офицеры встречным дамам
Глазки строят превосходно...

---

[1] «Блоха» (нем.). — *Ред.*

Полковой, должно быть, праздник
Иль штандарта освященье?! —
Нет, над пленным нигилистом
Смертной казни исполненье!

Шум в столице и движенье,
Ко дворцу народ стремится,
С генералами и знатью
Ряд карет туда катится.

Уж не празднует ли Питер
Конституции явленье? ! . —
Нет, то вновь бог спас монарха
От седьмого покушенья!

<1880>

Н. А. МОРОЗОВ

ЗАВЕЩАНИЕ

(Посвящается Н. А. С.)

Когда для большего порядка
На бедной родине моей
Я от полиции украдкой
Переселюся в мир теней,

Друзья! Мой прах похороните
Без погребальных громких слов,
На гроб цветов мне не кладите
И не носите мне венков, —

Но вройте жердь в сырую глину
Надгробной насыпи моей
И, свив веревку, на вершину
Жандарма вздерните на ней!

Пусть будет вихрь, в полях играя,
Его одежду развевать,
Пусть будет буря, завывая,
Холодный труп его качать!

Лишь только скрипнет шест высокий —
Могилы скромный мавзолей,
Я каждый раз в земле глубокой
Благословлю моих друзей!

<1880>

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

МАРСЕЛЬЕЗА

<Из Ж. Руже де Лиля>

(Музыка одна и та же)

Вперед, сыны страны родной:
    Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
В наш вольный край вступили,
В наш вольный край вступили!
Вам слышны ли у очагов
    Солдат свирепых клики?
Друзья! там ваших бьют сынов,
    Подруг там ваших крики!

В ружье, друзья! Сомкнитесь в тесный строй,
    Вперед за мной;
Да враг бежит кровавою стезей. *(bis)*.

Что хочет здесь орда рабов
    С злодеями вождями?
Кому железо сих оков
    Куется их царями,
    Куется их царями?
Друзья, то нам! .. Какое зверство! ..
И как тут злобой не пылать,
Когда нам рабство, изуверство
Хотят штыками навязать!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis)*.

Как! чужеземные толпы
Нам предписать закон посмеют?
Как! их наемные орды

Сынов отчизны одолеют,
Сынов отчизны одолеют?
Великий бог!.. Скуют нам длани
И под ярмо поставят вновь,
Чтобы зачинщик этой брани
Мог вновь сосать народа кровь?!.

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр.* *(bis)*.

Дрожи, тиран! Дрожите вы,
Крамольники в изгнаньи,
Изменники родной страны:
Вам будет воздаянье,
Вам будет воздаянье!
Здесь всяк солдат, чтобы вас бить!
И пусть падут герои:
Земля родит иных, чтоб мстить
В ожесточенном бое!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр.* *(bis)*.

Друзья, вам сердце говорит:
Щади людей бездольных, —
Так пусть же меч ваш пощадит
Противников невольных,
Противников невольных!
Но деспотам, что крови ждут
И родины паденья,
Но извергам, что их ведут, —
Не будет им спасенья!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр.* *(bis)*.

Дети

Когда мы в свой черед пойдем
Сражаться за отчизну, —
Мы братьев кости лишь найдем
Да честь без укоризны,
Да честь без укоризны!
Но, не страшась им вслед идти,
Искать мы станем боя,
Чтоб мзду за них иль смерть найти,
Как следует героям!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis).*

Веди ж к победным нас путям,
Любовь к стране святая!
Будь лозунгом своим борцам
Ты, вольность дорогая,
Ты, вольность дорогая!
И пусть, с победой, прогремит
Гражданственность нам: «Слава!»
Да вся вселенная узрит,
Что меч стоял за право!

В ружье, друзья! Сомкнитесь в тесный строй,
Вперед за мной;
Да враг бежит кровавою стезей. *(bis).*

1867

Н. А. НЕКРАСОВ

ПРИТЧА

Прислушайте, братья! Жил царь в старину;
Он царствовал бодро и смело;
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:

Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились,
Но храм был и тесен, и ветх, по углам
Летучие мыши гнездились.

Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, упало,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...

И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам,
И славным делам человека.

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекшись от света,
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.

И бог помогал ему: план поражал
Изяществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал,
И был возвеличен хвалою.

То правда, ввернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть уберечь,
Что слишком широки размеры,

Но царь изменить не хотел ничего:
«За всё я один отвечаю!»
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю,

На каждую отрасль громадных работ
Нашлися свободные люди
И двинулись дружной семьею в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устроителем края,
Что новый палладиум нужен стране,
Что старый — руина гнилая.

И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара;
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.

И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!

Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали...

Но вот уже полдень — а их не зовут!
Безропотно ждут они снова;
Царь мимо проехал, вельможи идут,
А всё им — ни слова, ни слова!

И вот уже скучно им праздно сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть,
Их всё не зовут на работу!

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:

«О царь! Ты прославишься в поздних веках!
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь;

А эти пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме — не работа!

Когда ты по площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали: ура!
На нас же сурово взирали.

На площади Мира сегодня в ночи
Они совещалися шумно...
Строение храма ты нам поручи,
А им доверять — неразумно!»

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвеньем, сдвигающим горы,

Связали котомки свои — и пошли,
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы.

И целая треть не вернулась домой:
Иные в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,

Иные скитались по чуждым стрaнáм,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм,
И втайне царю удивлялись.

Строители храма не плану царя,
А собственным целям служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,

И многое, втайне ликуя, спасли,
Задавшись задачею трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной;

В основе труда подневольного их
Лежала рутина — не гений,
Зато было много эффектов пустых
И бьющих в глаза украшений...

Сплотившись в надменный и дружный кружок,
Лишь тех отличая вниманьем,
Кто их заслонить перед троном не мог
Энергией, разумом, знаньем,

Они не внимали советам благим
Людей, понимающих дело;
Советы обидой казалися им;
Царю говорят они смело:

«О царь, воспрети ты пустым крикунам
Язвить нас насмешливым словом!
Зане невозможно судить по частям
О целом, еще не готовом!»

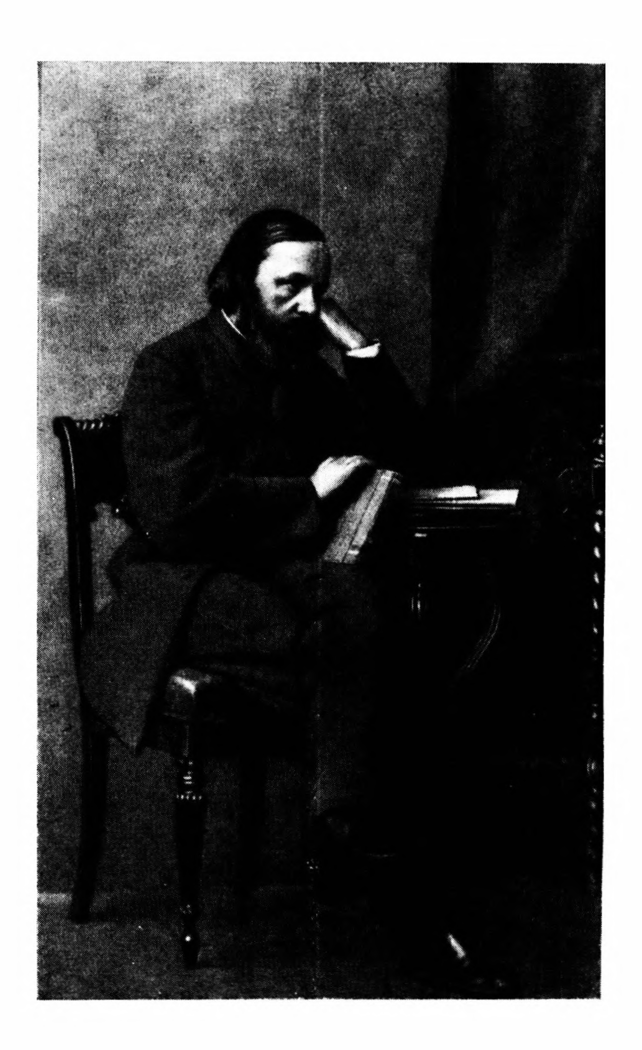
Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше!»

Но смело нарушил жестокий закон
Один гражданин именитый:
Служил бескорыстно отечеству он
И был уже старец маститый,

Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укоризны
И детям внушал, что честней умереть,
Чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
И сеятель правды суровой,
О «новом вине и о старых мехах»
Напомнил библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали:
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали;



Отчизны врагом оказался старик, —
    Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком улик,
    Казнил старика для примера!

И паника страха прошла по стране,
    Всё головы долу склонило:
И строилось зданье в немой тишине,
    Как будто копалась могила...

Леса убирают, убрали... и вот
    «Готово!» царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
    Вельможи его провожают.

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
    Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте,
    Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,
    Он плакал, ликуя душою?..
Нет! Это не плод его царственных дум,
    Царь грустно поник головою.

Ни в целом, ни в малой отдельной черте,
    Увы! он не встретил отрады!
Но всё ж в несказанной своей доброте
    Строителям роздал награды.

И тотчас же им разойтись приказал,
    А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
    Его воплощенья не видя...

20 июля 1870

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

* * *

<Из Т. Г. Шевченко>

Однажды я ночной порой,
Один идя по-над Невой,
Вот так беседовал с собою:
Когда бы, думаю, когда б
Не пал народ, как жалкий раб,
Мы не видали б над Невою
Вот этих мерзостных палат,
Была б сестра и был бы брат...
А то гладка теперь дорога,
Нет ни семьи у нас, ни бога;
Псари с псарятами царят,
А мы усердным доезжачим
За сворой ходим их да плачем.

Вот так-то я ночной порой,
Один идя по-над Невой,
Мекал себе; вдруг замечаю,
Что с того берега меня
Глазами кошка пожирает.
Смотрю, а то два фонаря
У врат апостольских сияют...[1]
Я спохватился, шапку снял,
Перекрестился, трижды плюнул,
Пошел — и снова думать стал
О том же всё, о чем и думал.

Кажись, здоров я... что ж такое
Мне всё мерещится порою?
Чего же сердце ждет? Болит,
Болит оно и, как голодный
Ребенок, плачет и не спит.
Годину ль злой беды народной
Ты, сердце, ждешь? Добра не жди!
Не жди свободы! Мертвым сном
Спит усыпленная царем
Свобода наша сиротою.

---

[1] Т. е. у ворот Петропавловской крепости.

А чтоб ее нам разбудить,
Так надо б прежде всей землею
Топор громадный смастерить
И хорошенько отточить,
Да уж идти потом будить.
Не то проспит она убого
Вплоть до пришествия второго,
А барство будет ликовать,
Дворцы да церкви созидать,
Да обожать царя дрянного,
Да византийство прославлять...
А больше нечего и ждать!

<1881>

В. П. МИХАЙЛОВ

* * *

Если трезвой мысли холод
Страсти ваши усмирил
И нужды железный молот
Волю вашу закалил,

Если верите вы твердо,
Что у жизни с бою взять
Всё возможно воле гордой, —
Смело можете сказать:

Братья! Час настал исхода,
И пароль священный дан —
Там, где счастье и свобода,
Там наш новый Ханаан.

Братство всем, кто выйдет ныне
На борьбу с царящим злом!
И да будет нам в пустыне
Братство огненным столпом...

<1882>

А. П. БАРЫКОВА

ПОЭТ

<Из Ж. Ришпена>

Приходи ко мне, голь непокрытая,
Спокон века бедою повитая,
Под забором, в грязи нарожденная
И горючей слезою вспоенная!

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

Приходите ко мне, голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарные, грязные,
В синяках, лишаях, безобразные!

Я певец *и т. д.*

Рвань базарная, вошью богатая,
Всё отродье, в утробе проклятое,
Приходи ты ко мне незаконное
И судьбой-палачом заклейменное!

Я певец *и т. д.*

Приходите ко мне, горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!
Подымися, проснися, убожество:
Нужно войска мне многое множество...

Я певец *и т. д.*

Встань, проснися, отребье народное!
Ополчимся мы в войско свободное,
Завоюем мы счастье и долюшку
Да широкую, вольную волюшку...

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

<1882>

П. В. ГРИГОРЬЕВ

ПЕСНЯ ГОЛЫТЬБЫ

(Посвящается г. Врублевскому)

Гой ты, голь российска,
Вольница удала,
Грянем плясовую,
Я ль не запевала!
    Ты звени, струна,
    Песня, грянь, стройна!

Для убога люда
Соловьем разлейся!
Над богатым-знатным
В сине небо взвейся,
    Что орел грозна,
    Что орел вольна!

Оповедай люду,
Оповедуй свету,
Что житье нам худо,
Что житья нам нету
    От лихих врагов,
    Ото злых воров!

Что от тех воришек,
От пиявиц разных:
Лютых змей-купчишек,
Аспидов-приказных,
    От попов-святош,
    От князей-вельмож!

А того ль тяжельше,
А того ль нуднее,
Вор ворам всем перший,
Что у всех на шее,
    Царь — бездонна пасть,
    Всей земле напасть!

У него ль, у глота,
С тою шайкой барской,
Только и заботы
В славной думе царской
    Ободрать крестьян,
    Понабить карман!

Подати, поборы,
Штрафы, недоимки...
Что ни год — наборы,
Что ни час — прижимки,
    Ступишь шаг — платись,
    Ступишь два — топись!

Мы терпели долго,
Аж иссякла Волга,
    Волга, наша мать,
    Стала дно казать!

Мы поля пахали,
Аж они не стали
    Зерна подымать,
    Стали сор рожать!

Нету нашей муке
Ни конца, ни меры:
По судам нет правды,
По церквам нет веры,
    Без призору мрет
    На Руси народ!

Ну-тко, братцы, время!
С нашего раздолья

Шаркнем черта племя
В топоры да колья,
Силы не жалей
Да берись дружней!

А вы, струнки, пойте,
Да без останову,
Вы играйте-пойте
Жизнь крестьянску нову.
Горюшку — конец,
Счастию — венец!

Пойте вы, доколе
Песнею певучей
О земле и воле
Колокол могучий
В вече загудит,
Русь возвеселит!

<1882>

Н. А. НЕКРАСОВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной! . .»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских,
Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других.

Так мыслит он, и смерть ему любезна,
Не скажет он, что жизнь его нужна;
Не скажет он, что гибель бесполезна;
Его судьба давно ему ясна.

Его еще покамест не распяли,
Но близок час — он будет на кресте;
Его послал бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

1874 (?)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ОДА НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА III

О ты, познавший жизнь острога,
Наш доморощенный Фальстаф,
Наш рыцарь страха и упрека,
Монарх, лишенный многих прав!

Идешь ты робко на венчанье,
Дрожа всем телом, сам не свой,
Как агнец глупый на закланье,
Как бык, влекомый на убой!

Но ждешь, что дух, тебе священной
Помазав кисточкою лоб,
Не даст крамоле дерзновенной
Свалить тебя до срока в гроб.

Папаша твой был мазан тоже,
И потому был храбр и смел,
А умер он в канаве лежа,
Без ног в мир лучший улетел!

Его от пуль хранили боги,
Пока крамола била в лоб,
Но чуть задели бомбой ноги,
Он пал, раздавленный как клоп.

Тебе пример сей в поученье:
Чтоб избежать и бомб и мин,

Спастись живым от покушенья,
Не надо мазать лоб один.

Прими ж совет, по мысли смелый:
Разденься весь, пришедши в храм,
И вымажь миром торс дебелый,
И руки, ноги вымажь сам.

Обмазавшись, живи открыто,
Ответствуй кукишем врагам,
Ходи хоть голый и без свиты
По петербургским площадям.

Бесплодны будут покушенья!
Бессилен ков крамолы злой!
И купишь ты свое спасенье
Такой дешевою ценой!

Воспрянет доблесть в тебе снова
Всех предков, что царили встарь,
И станешь, по словам Каткова,
Ты истинный российский царь!

<1882>

ФЕВРАЛЬ 1884

Лечу крылатою мечтою
Над синей царственной Невою..
О, чем закончится февраль?
Ужель над русскою душою
Опять смеяться будет шваль
В лице штыка, в лице мундира
С небесной рожею ханжи?
Откликнись ты, защита мира,
Вы, социальные ножи,
Блеснувшие в лучах свободы
В защиту угнетенных прав!
О, скоро ли наступят годы,
Когда издохнет царь-удав?

<1884>

ЦАРСТВО ДВОРНИКОВ

Реакции дикой суровый поборник,
        Дивя проходящий народ,
В овчинном тулупе безграмотный дворник
        Бессменно сидит у ворот.

И снится ему, что при сей обороне,
        Нелепой, но грозной на вид,
Такой же, как он, на наследственном троне
        Безграмотный дворник сидит.

<1885>

ИНОК ПАРФЕНТИЙ

ПОСЛЕ ОДНОЙ ПРОПОВЕДИ

Мысли и чувства смиренномудрого инока Киево-печерския обители, яко подражание отцам-сатирам. Сей слабый труд свой всенижайше посвящает всероссийскому наставителю преподобному отцу Бедоносцеву

Автор

Глагол времен, металла звон,
Твой страшный глас меня смущает!

Ехидным змием, козлищем лукавым
Блея́л ты с чувством проповедь свою.
Ей удивленья дань невольно отдаю:
Как ты сумел глаголом сим непра́вым,
Хоть русским письменным, но тяжким языком
Всех потрясти, в ковчег науки юной
Лить грязь и яд доктрины той угрюмой,
Которой служишь ты, кормяся от нея,
Мороча люд честной... Язык тебе и руки
Развязаны над всем — и даже свет науки
Ты с тьмою мог сравнить! Мне вспомнилась свинья
Невольно как-то та, что в басне у Крылова
Под дубом, роя́ся в корнях его, сурово

Бурчит и хрюкает, и впрямь воображая,
Что дуб могучий с корнем подрывает...

Отец! Тебя, кого я, ликом иезуита
И речи тою паки вдохновясь,
Как в храме днесь, когда моя ланита
Горела гневом, длань приподнялась...
Но ах, зачем? На свете есть сатира,
Она больней сумеет отхлестать;
К тому ж за оскорбление мундира
Еще пришлось бы всуе отвечать:
Ведь ты одет в мундирную был тогу
И за тобой, как ангел лжи, парил
«Квартальный дух», в дыму же от кадил
Из недр твоих исправник выходил,
Чтоб расчищать невидимо дорогу
Твоим речам... в сыскную часть, не к богу!

А этот бог!.. Великими умами
Его ничтожество доказано давно...
О православные, вы согласитесь сами,
Что если людям думать суждено
Еще о нем, то и ему приятней,
И им самим покойней, благодатней,
Я думаю, чтоб мнили все о нем,
Что он почиет где-то непробудным сном.
Ведь именем его повсюду и всегда,
Тем мертвым именем, живых людей терзали
И убивать еще теперь не перестали
И мысли их, и чувства, и тела.
Зане вы, люди божии, искусно
На мощь не ангелов, а ружей оперлись
И, господа хваля, хоть это очень грустно,
В связи с царями целью задались
Забить людей, стричь стадо человечье,
А непокорных, потчуя картечью,
Для царства божьего рядами рядом класть.
Вы, человечества жестокая напасть,
Когда ж сдадут в архив поповские оравы?
Когда удастся людям, раздавив
Вас всех, свой ум от пут лукавых,
Парадно призрачных и лживо величавых

Освободить совсем! И вас при свете знанья
Из храма братства, счастья своего
Всех разом выгнать, всех до одного!
Поодиночке вы не стоите вниманья...

Прочти, отец, сие «похвально слово».
Простишь ли мне ты эту похвалу?
Быть может, всё сие уже тебе не ново?
И сам я чувствую: смиренному уму —
Хоть он тобою вдохновлялся
И подражать тебе старался —
Тебя ль красотами твоими же донять?
Ах, если б впредь хулы такие изрыгать
Сия хвала моя тебе бы помешала
И к чистоплотности в глаголах призывала,
Ах, если бы мой стих мог быть надгробным
словом
Твоим речам, — на месяц целый с богом
Я примириться, право бы, готов.

<1885>
Град Петербург

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

НАД МОГИЛОЙ СУДЕЙКИНА

(Посвящается иерею, сказавшему над гробом Судейкина публике: «Да послужит он вам примером, ибо только тот, кто живет подобно ему, достоин венца» и т. д.)

Прости, о господи, служителям твоим:
О сыне преданном в них больше нет печали,
Позор предательства века давно умчали,
И средь апостолов Иуда ныне чтим.

Кощунственно куря святой твой фимиам
Над смрадом палача, предателя, шпиона,
Служители твои торжественно с амвона
Предательство не в грех, а в доблесть
ставят нам.

Прости им, господи, и благости покров
Незримо распростри над жертвами печали,
Что так же, как и ты, детей своих теряли
От злопредательства иудиных сынов.

<1885>

ДВОРНИК

В столпах российского правленья
Наш взор невольно отличит
Тот высший столп, что из смиренья
Титу́лом дворника прикрыт.

Прижав к стене хребет свой мощный,
Пяту простерши чрез гранит,
Сей страж дневной и полунощный
Престол и родину хранит.

Его словарь в минуту бденья,
И свист, и храп в борьбе со сном
Являют дар и мощь внушенья
И тайну сил, сокрытых в нем.

Он — рулевой ладьи закона
И судно царственных забот;
Царизма враг к ступеням трона
Лишь чрез него перешагнет.

<1885>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

П. Л. ЛАВРОВУ

Давно, в дни юности далекой,
Соблазнов жизни и забот,
Ты предпочел стезе широкой
Ярмо страданья за народ.

Во дни печали и гоненья
Ты стыд будил в твоих врагах

Суровой мощью убежденья,
Глаголом истины в устах.

Всю жизнь гоним, всю жизнь терзаем,
И в наши дни, на склоне лет,
Ты сохранил, неувядаем,
Любви и правды пышный цвет.

Да сгибнет родины мучитель!
Заздравный пенится бокал —
За наш священный идеал
И за тебя, его носитель!

<1885>

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

ВСТРЕЧНЫЙ ГОЛОС НА ВЪЕЗД АЛЕКСАНДРА III

Вот он, наш родимый, вот он в блеске новом!
Встретим же родного чисто русским словом,
Грянем целым миром, не одной столицей:
Да пожнет, что сеял на Руси, сторицей!
Зычно закачался колокол кремлевский,
Повалил на кличку блюдолиз московский,
Ярко освещались здания и храмы,
Рыскали шпионы, буйствовали хамы,
Золото сверкало колесниц и башен,
Дрался люд голодный у протухлых брашен,
И огней потешных пиршественной ночи
Были ярче стрелы, что метали очи
Русского народа. Бой сердец довольных
Слышался лишь только в хамах подневольных.
«Дети, говорил он, я вас не покину —
Всем вам настегаю лядвия и спину.
Ныне я на милость руку простираю
И, не тронув плетью, просто отсылаю
К рудникам Сибири, к падшим и виновным —
Там вы прозябайте, в царстве всесословном».
И народ утешен словом благотворным,

Бьет, как одичалый, в землю лбом покорным
И, речей заморских тонкого изгиба
Чуждый, восклицает: «И на том спасибо!
Чувствуем, лобзаем царственную руку.
Прежде мы видали и страшнее муку,
И теперь, исполнен отческой заботы,
Ты от нас желаешь денег и работы.
Батюшка, спасибо! Дай-то бог, чтоб зрело
В этом направленьи царственное дело!
Не стерпи, родимый, лжи и злоуправства,
Что найдут жандармы средь пределов царства,
Хитрости змеиной, лести ядовитой.
Суд присяжных к черту, и устрой — закрытый.
Выслушай порою с благостию кроткой,
Как родные братцы пьянствуют с кокоткой.
Пусть, отец наш, теми, кто к тебе приближен,
В порошок сотрется след крестьянских хижин.
Поуймем в народе роскошь-лиходейку
И кнутом повыбьем для царя копейку;
Родственно-живая связь царя с народом
Пусть в России бродит пугалом-уродом.
Ты бы нас ведь не дал никому обидеть,
Да ведь где ж слепому божий свет увидеть!
Пусть же смотрят зорко верхние-то мужи,
Чтоб внутри всё гнило, ло́снилось снаружи,
Чтоб сильней святая правда разгоралась,
Как и встарь, в холопство сильным отдавалась.
Дай тебе всевышний провоззрений быстрых,
Хоть крупицу чести в дураках министрах
И в мужах совета, сих опорах царства,
Да не лопнешь с ними средь потех боярства,
Да узришь в них знанье, честь и правосудье —
Дворянином станет и Фома в безлюдье, —
Пусть они в блестящих, золотых палатах,
Отложивши дело, думают в халатах
О народных нуждах, о народных требах —
Воры, тунеядцы на российских хлёбах, —
Плавают в довольстве... Все мы молим бога:
Будь тебе к папаше торная дорога!
Не взыщи на слове скудного привета:
По твоим деяньям так ничтожно это».
<1885>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

* * *

Роскошный катафалк под аркой триумфальной,
Народ, венчающий поэта бренный прах,
Забывший о дневных заботах и трудах,
И слезы и цветы несущий в дар прощальный...

Приют убогий жертв в годину искупленья,
Народ, безумствуя, сквернящий сень могил,
Святую память тех, кто так его любил,
Брат брата режущий в порыве исступленья!..

Цветы и кровь!.. В лучах шумихи театральной,
Небесный музы лик, поникнувший в слезах,
И Каин, брата кровь узревший на руках,
Средь лавров высятся над урной погребальной —
Вот памятник, тобой воздвигнутый, народ!
Потомство в нем позор страны своей прочтет.
Померкнет холм цветов и блеск тщеславный злата
Пред каплей пролитой невинной крови брата!

Ты понял ли, чему учил тебя поэт?
Как дико оскорбил ты память и завет
Вождей, когда-то в мир проливших луч сознанья,
За кем, по ступеням бессмертных их могил,
Ты так торжественно и славно восходил
Ко свету истины, свободы и познанья?!.

Нет! Славой их покрыт, надменно треплешь ты
Ее, как свой наряд, рассудку не внимая,
И к поприщу былой духовной нищеты
Идешь, как блудный сын наследье их мотая...

12/24 мая <1885>
Париж

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

Закрылись тяжелые двери тюрьмы,
    Тюремщик засовы задвинул,
Ключи прогремели... Один я средь тьмы,
    И мир весь затем точно сгинул.
Ни звука. Лишь каменный свод надо мной,
    Железо, чугун... да икона.
Никто не услышит — умри иль запой —
    Ни песни, ни тяжкого стона.
Закрылись тяжелые двери тюрьмы,
    А сердце широко открылось
Для жизни, свободы и братской любви,
    И верой душа озарилась.
Не верю, тюрьма, ни в твердыни твои,
    Ни в силу и счастие Креза,
А верю в одно лишь, что сила любви
    Сильней всех твердынь и железа.
Я верю глубоко в тот день золотой,
    Когда в эти душные своды
Вольется вдруг воздух живою струей
    И звуки ворвутся свободы...
Увижу ли, нет ли я это живой,
    Услышу ли, нет ли те звуки,
Но с верою в них оживаю душой,
    И легче становятся муки.

1884
Петропавловская крепость

АКСАКОВСКАЯ МЕЛОДИЯ

У них в Европе
Темно, как в ...
Там волчий пир.
У нас же сладость,
Восторги, радость,
Любовь и мир.

Там басурмане,
Здесь христиане
И белый царь.
Живем мы ныне
Всё в той же тине,
В родной трясине,
Как жили встарь.

Мы бьем баклуши
И от кликуши
Ждем трезвых слов.
Лишились рая
Они, не зная,
Не постигая
Таких основ.

Мы духом тверды;
Нас хлещет в морды
Начальство, власть.
Мы не Европа,
А бить холопа,
Сколь стерпит...
Ему же всласть.

<1885>

КВИНТЕТ

Победоносцев и Катков,
Толстой и Воронцов,
А с ними и Ванновский,
Собравши в Гатчине совет,
Устроили квинтет.
Катков запасся древней лирой,
Толстой Эола арфу взял,
Победоносцев взял цимбал,
Ванновский захватил тромбон,
А Воронцов гобой и камертон.
Поют: Толстой — латинскую балладу,
Катков — Гомера «Илиаду»,
Ванновский — польский марш,
Победоносцев — «Отче наш»,

А Воронцов трубит в гобой:
«Не выезжай, голубчик мой!»
Квинтет всю Гатчину привел в такое восхищенье,
Что тотчас издан был указ и царское веленье:
«Артистов тех за гениев считать,
А подданным под музыку сию плясать, плясать,
плясать!!»

<1885>

А. А. ОЛЬХИН

ДУБИНУШКА

Много песен слыхал я в родной стороне,
<Там> про радость и горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И лишь только как станет работать невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Пока не взбороздят ему спину,
Ну, так как же забыть наш родимый мотив
И не петь про родную дубину.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работа невмочь,
Так затянет родную дубину.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Тянем с лесом судно́, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем,
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину в ней всё вспоминаем.
Ой, дубинушка *и т. д.*

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину, —
Будем ждать и терпеть, и в нужде будем петь
Всё про ту же родную дубину.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Мы пируем при блеске огней на балах,
И шутя мы поем про дубину,
А забыли о тех, кто сидит в кандалах
Всё за ту же родную дубину.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Но ведь время придет, и проснется народ,
Разогнет он избитую спину
И в родимых лесах на врагов подберет
Здоровее и крепче дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

<1885>

С. М. КОГАН (?)

МИНСКОМУ И БЕЛИНСКОМУ

Как вам не стыдно с Бурениным спорить,
Как вам не стыдно его поучать?
Он ведь над вами глумится и вздорит,
Он ведь вас будет «построчно» ругать!

Приняли вы за судью его, что ли?
В критики вы его произвели!
Мало «Помои» глаза вам кололи?
Мало ли брани на вас извели?
Разве теперь нет другого вам дела?
Разве для родины важен ваш спор?
Разве реакция в ней онемела?
Разве уж свергнуты гнет и позор?
Как вам не стыдно с Бурениным спорить,
Повод ему лишний раз доставлять —
Русскую мысль поносить и позорить,
Русское слово в донос обращать!..

<1886>

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

НА 1885 ГОД

Как ревизор судом и карой
Былым правителям грозит,
Так новый год, сменяя старый,
Собрать «претензии» спешит.
И, записав по дням вступленья
Людских желаний пестрый сброд,
В красивой папке, без решенья,
Смеясь, преемнику сдает...
Но тщетно учат нас преданья, —
Надежды луч упорно жив,
И каждый год свои желанья
Мы шлем заведомо в архив.
Толпы влечению послушный,
И я дерзаю в свой черед
Желанья с верой простодушной
Послать в грядущий новый год.

Желал бы я, чтоб наша пресса,
Дивя успехами весь мир,
Была на службе у прогресса,
Имела званье и мундир.

Чтоб речи наших либералов
Лилися шумною волной,
Чтоб толщина больших журналов
Не разрешалась «водяной».

Чтоб орган доблестный Каткова,
В своем стремлении «пресечь»,
Писал по крайности толково:
Кого, куда и как упечь.

Чтоб, всё «по штату» получая,
Над морем русских нужд и бед
Трудился, устали не зная,
Светил чиновных «комитет».

Чтобы «благие начинанья»,
Узрев, что прогнило давно,
Стремясь сберечь «основы зданья»,
Проникли каждое бревно.

Чтоб гордо с знаменем науки
Спешил к прогрессу русский люд,
Всегда по швам имея руки
И свыше посланный маршрут.

Чтоб в кассах сельского кредита
Давались в ссуду пятачки
И, пропивая их, сердито
Чесались после мужички.

Чтоб, вечно в пламени сраженья
Побед срывающий венец,
Попрал бы «кузьки» ополченья
Российский сеятель и жнец.

Чтобы, плодяся и тучнея,
Тузы концессий, земств и дум
В руках держали, не краснея,
И труд, и знания, и ум.

Чтоб всё, что в жизни мы стяжали,
Не съел безвременно кулак,

Чтоб иностранцы нам давали
За рубль хотя бы четвертак.

Чтоб в пику русскому бюджету
Плодился царский персонал
И чтобы бог всю клику эту
Елеем мазал наповал.

Чтоб всюду истина нагая
Лила святую благодать,
Чтоб уцелел я, утверждая,
Что дважды два — совсем не пять.

Чтобы всё это «циркуляром»
Нам было в жизнь водворено
И чтоб мы сеяли не даром
Надежды тощее зерно. .

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НОЧЬ

(Подражание Фету)

Шепот, грозное бряцанье
Сабель, звуки шпор, —
Обыск, тягость ожиданья,
Тихий разговор;

Свет ночной, — поодаль тени
Матери, отца, —
Смена быстрых выражений
Бледного лица;

В вечность канувшие грезы,
Бед в грядущем тьма,
И прощание, и слезы —
И тюрьма, тюрьма! . .

<1886>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

* * *

Русь пою, ко мне, мелодия!
Преисполнен жару рьяного,
Вспоминаю покровителей,
Пестунов ее, учителей,
От Кирилла и Мефодия
До Делянова!

Много лет сидя с указкою,
Под надзором православия,
Ты корпишь над старой сказкою
О сластях самодержавия.
Много лет тебе историю
Про ярмо поют татарское
И велят носить с любовию
Хоть такое ж, только царское.
Мутят дикими законами
Ум последний твой чиновники,
Пожирают миллионами
Плод трудов твоих сановники.
К просвещенью щель убогую
На твой счет законопатили
И ведут своей дорогою
К кабаку тебя предатели...

Продолжаю в том же роде я:
Русь! Скорей с размаху рьяного
Пореши ты, наученная,
До банкротства доведенная,
И Кирилла, и Мефодия,
И Делянова!

<1886>

А. И. СТРОНИН

ДЕРЖАВНАЯ ВОРОНА

(Басня)

Ворона случаем однажды очутилась
У соловьиного гнезда,
Где беззаботно приютилась
Семья певцов свободы и труда.
«Вот эти-то, — она сказала, — гниды
Всей роще песенки поют,
А нам чрез них покою не дают, —
Есть случай выместить на них свои обиды!
Весь наш державный хищный род
Мне будет очень благодарным;
Я также докажу, и без больших хлопот,
Что власть дается и бездарным».
И к гнездышку свой кровожадный нос
Приставила, трясясь от давней злобы,
Чтоб сразу порешить вопрос,
А также для своей утробы
Достать кусочки сладкого мясца...
Вспорхнула самка-мать, не годная для битвы,
И, сев в отчаяньи на ветку деревца,
Могла лишь песнь запеть страданья и молитвы...
Казнь над детьми ее свершилась жадно, вдруг...
Ворона, нос от крови очищая,
Ждала приветствий от своих подруг,
Заранее блаженство предвкушая.
Но юноша-червяк льстецов опередил
И, сидя над корой древесной,
Руководимый думой честной,
К вороне речь такую обратил:
«Бездушная и жадная повеса,
Урод без сердца и стыда, —
Когда бы знала ты, что отняла у леса, —
Ты не была б вороною тогда!»

Охотник до кровавой тризны,
Губитель юности, увенчанный болван,
Когда б ты мог понять, что отнял у отчизны, —
Ты не был бы тогда ни варвар, ни тиран!

10 апреля 1886

ПАМЯТИ ЦАРЯ НИКОЛАЯ

У шпица римского Петра
Царь Николай склоняет выю
И молит господа Христа,
Как сын, «за матушку Россию».
Так он любил свой бедный край,
Ему добра желал так много,
Что даже итальянский рай
Не заглушил к стране убогой
Любви сознательной и строгой!
Меж тем один его клеврет,
Давно потомством позабытый,
Хоть мог бы вырвать пистолет,
Но. . . затворился в кабинет —
И Пушкин пал, врагом убитый.
За шалость юноша другой
Был сослан, — среди гор далеких
Сражен безумною рукой
В пылу надежд и дум высоких.
Сатиры русской принципал
С ума сошел, и, умирая,
Он проклял всё, что написал
И чем горда страна родная.
Шевченко за какой-то пуф
Был отдан в Оренбург в солдаты,
Где, лямку «щиро» протянув,
Оттуда вышел весь измятый.
Гнил Костомаров в крепостях;
Щедрот же в довершенье царских —
Белинский умер, как в когтях,
В стальных объятиях жандармских!
И как от сердца не сказать,

Склонив пред Николаем выю,
Что он был не чета Батыю,
Что он любил Россию-мать. . .
Да, он любил свою Россию! . .

10 апреля 1886

Х. Д.

СУЛТАН МУРАД

(Восточная легенда)

«От робости дрожавшими устами
Едва дерзавших лепетать
Заставишь нас ты пыткой и мечами
        Навеки замолчать;
Но верь, палач, настанет миг отмщенья,
Когда из грозной темноты
Возопиют холодные каменья, —
        Молчать же будешь ты!»

Так говорили некогда султану
Три отрока, влекомые на казнь.
Убили их, но в глубь души к тирану
        Закралася боязнь.
Он окружил себя бесчисленною ратью,
Обвел дворец кольцом высоких стен
И в нем засел, как преданный проклятью,
        Как тигр, попавший в плен.

Среди дворца под каменные своды
Он повелел устроить тайный ход,
И под землей те мрачные проходы
        Замкнули пять ворот —
Все пять ворот из черных плит железных,
На каждых три тяжелые замка,
Чтоб дрогнула в усильях бесполезных
        Отважная рука!

Но в тот дворец, так тщательно хранимый,
Назло замкам венчанного раба
Вселился дух, как месть неумолимый
И грозный как судьба.
В ночной тиши порой рождались звуки,
И в вышине носилась чья-то речь:
«Погибнешь ты, в крови омывший руки,
На нас поднявший меч!»

Султан Мурад раз, словно привиденье,
В глухую ночь бродил с конца в конец.
Вдруг слышит он: «Позором преступленья
Ты запятнал венец;
Народ твой нищ, сыта от крови плаха».
И дрогнул он... По темному двору
Он кинулся от бешенства и страха,
Как зверь в свою нору.

По лабиринту темных переходов
С ключом в руке блуждает дико он,
Вдруг грянули каменья горных сводов
Ему со всех сторон:
«Твой час пришел, свершается отмщенье!
Ты вспомни, царь: средь грозной тишины
Возопиют холодные каменья,
Молчать же будешь ты!..»

Что было там, под этим черным сводом,
Никто не знал. Предчувствием томим,
Любимый раб со стражей и народом
С зарей пошел за ним.
И вдалеке, объятый тишиною,
Он наконец султана отыскал:
Один во тьме, загадкою немою
Холодный труп лежал!

<1887>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ (?)

НА 1887 г.

«Ничто не ново под луною», —
Не нов и этот будет год,
И он обычной чередою
В былое, старое уйдет.

Но с ним в немую даль забвенья,
Быть может, сжалившись, судьба
Возьмет и свой симво́л гоненья —
Самодержавного раба.

<1887>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

В ЦАРСТВЕ ПЛУТОНА

В царстве тьмы, где, в угоду святым небылицам,
Будут жарить нас вечным огнем,
А царям и высокопоставленным лицам
Замежуют всё лучшее в нем, —

На хлебах, в ожиданьи достойной награды,
Тени русских царей-молодцов
Впопыхах строят свиты свои на парады,
Шлют с приказами в Питер гонцов.

Разъярясь, звонким голосом Павел Мальтийский
Потрясает подземную ширь:
«Задремал? Ввозят книги! Мятеж всероссийский!
Строй в шеренги, командуй: в Сибирь!»

Николай, проникая до Гатчины взглядом,
Поучает, как правил он сам:
«Пропусти пред собою их майским парадом,
Да и крикни: мол, руки по швам!»

Александр напевает с отеческой лаской:
«Позаштопай дворянскую честь,
А народ пожимай... Только, Саша, с опаской,
Берегись, чтобы ноги унесть...»

<1887>

ДВА ДУХА

Современная драма в одном действии

Сцена представляет дикую цветущую долину. Розовый дух в виде юноши, появляясь, поет.

Розовый дух

Мысль, сомненьем истомленную,
Успокоил нынче я.
Сладко в душу просветленную
Льется знания струя;
Сквозь былые затемнения
Всё живее и живей
Мне сияет путь стремления
К благу родины моей;
Полный чудных истин знания,
Для добра открывши грудь,
Взяв в законе основания,
Я ступлю на этот путь.
Дар, от родины мне вверенный,
Я в себе не утаю:
Просветительно-умеренный,
В жизнь деяньями пролью.
Не найдет придирок цепкая
Челядь гнета и цепей,
И законов сила крепкая
Свяжет руки даже ей... Даже ей!..

(Ходит, разглядывая и срывая цветы.)

Голубой дух, появляясь, витает над юношей.

Голубой дух

Опять!.. Откуда что берется!..
С рассветом уберешь, а к утру — смотришь — вновь!
Так места скоро не найдется,
И склад хоть из своей квартиры им готовь!..

«Всё обстоит благополучно!» —
Не более как час назад рапортовал,
А вот поди ты! .. Безотлучно
Торчи и наблюдай: не то — как раз скандал! ..

Подставляет под ноги юноше раскрытый сундук, юноша падает туда. Голубой дух захлопывает сундук и улетает с ним.

Голос из сундука

Какие же к сему в законе основанья?!

Голубой дух

Законов больше нет — есть только примечанья! ..

<1887>

С. М. КОГАН и Н-А З-А

* * *

Кто сердца в груди не имеет,
В ком чувство любви к людям спит,
Кто скорбью страны не болеет,
Пусть прямо нам тот говорит:
«Преступники казни достойны,
И казни вас всех предадут!»
Казните! .. Мы, судьи, спокойны...
За нами другие пойдут.
Как нас, их страданья народа,
Насилие, гнет, произвол
Подвигнут для казни урода,
Занявшего царский престол.
Как мы, и они все дорогу
Узнают — какую избрать;
Узнают, какому им богу
Всю жизнь свою страстно отдать...
Им, братьям своим по идее,
Мы веру оставим свою:
Враги наши ныне сильнее,
Но мы победим их в бою!

А вам всем, лжесудьи, лакеи
Тирана и власти слепой,
История пишет своею
Рукой приговор роковой!

13 июня 1887

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

ОДА

Быть богом трудно в наше время:
Он сам, забыв лета свои,
Кой-как, на память, тянет бремя
И интенданта, и судьи.
Лишь светоч божьего вниманья
Прорежет сумрак облаков,
С мольбой дневного пропитанья
Вздохнут мильоны мужиков.
Про всемогущество и славу
В псалмах сподручно петь вельми,
А в самом деле-то ораву
Поди попробуй — накорми!
А там, чуть солнце обогрело,
И прочий люд, крестясь, встает.
И не зевай уж — что ни дело,
То так острогом и несет.
Обедни кончились — монахи,
Попы, причетники, цари
Того наделают, что в страхе
Дрожат дворцы и алтари...
Оно бы — как и подобает —
В них громом грянуть свысока,
Но здесь и в небе кто ж не знает,
Что «руку мыть должна рука».
И так-то день за днем! А к году —
В великий пост сбирай грехи,
И все прости. А из доходу
С просфор, с причастья — ни крохи́.
К тому же люд, грехи сваливши,

Потопит плоть в пуховиках,
Порядком выпив, закусивши, —
А бог морозься в облаках...
А время где? Мольбы, служенья
Что час — несутся к богу сил;
Прилег, так нос свернут куренья
И дым притворства от кадил.
В конце концов, со всей сноровкой,
Что зашибешь на старость лет?
Купцы побалуют рублевкой?
Намажут в Суздале портрет?..
Да. Нынче ментором всесветным
Кто б ни засел на небесах,
И не с умом ветхозаветным,
Не раз почешет в волосах!

<1887>

* * *

В наш век безверия не в моде чудеса,
Но, приспособив их к потребности народной,
Могли б еще себя потешить небеса
И скрыть прошедшее под маской благородной:
Лишь стоит господу, прозрев, с кем он знаком,
Кому был чрез попов покров и оборона,
Посыпать с высоты божественного трона
Царей и сыщиков персидским порошком.

<1887>

* * *

Воистину пришло смешенье языков!
Не то что различать оттенки убежденья,
А просто разобрать: откуда кто, каков? —
Сам гений не найдет ни силы, ни уменья:
Вчерашний арестант сегодня судит вас,
Сидевший в долговом забрал поместья в руки;
Кто, света убоясь, в глуши безвестной гас, —
Высоко зачадил на поприще науки;

Журналы потянул купец на свой аршин,
Ярыга о любви к отечеству толкует,
Встряхнулись Пастухов, Суворин, «Гражданин»,
И... старца Щедрина Буренин критикует!..

<1887>

1888 год

По верноподданной реляции Толстого
Последний нигилист заклепан в Шлиссельбург,
Обет безграмотства вся Русь принять готова,
И можно помышлять о въезде в Петербург.
Всё пышные плоды победы предвещает:
Печатают рубли, приладили бюджет,
Растут чиновники... и, пре́зрев бремя лет,
Мещерский к торжеству тромбоны прочищает...

<1888>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

СОНЕТ

Когда, сковав навек дрожащие народы,
Державный деспотизм бичует и гнетет —
На брань и ненависть к нему из рода в роды
Нетленной правды лик бестрепетно встает.

И если кто-нибудь среди борцов свободы,
Судьбою призванных потрясть державный гнет,
Рукою твердою сломить ярмо невзгоды,
Печалью многих лет истерзан, устает

И словом искренним любви и примиренья
Мечтает утишить безумный пыл гоненья, —
Мне тайный голос песнь суровую поет:

«Цепей еще ничья слеза не растопила —
Их только силы мощь, почуяв волю, рвет
И топчет варвара за то, что их носила!..»

<1888>

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

* * *

В час, когда живой волною
Мысль, проснувшись, закипит,
Злым укором предо мною
Образ родины стоит,

Где в былые дни, ласкаяя,
Как подснежные цветы,
Пробивались, вырастая,
Упованья и мечты;

Где теперь одни страданья,
Муки вечно новых ран,
Где последние мечтанья
Смёл безумный ураган;

Где опоры нет в законе,
Где, в сердца вселяя страх,
Всё постыдное — в короне,
И всё доброе — в цепях;

Где, упорно затмевая
Проблеск мысли, правды свет,
Губит сила роковая
Жизни трепетный расцвет;

Где зарею обновленья
Не сияет небосклон
И царит, краса правленья, —
Изолгавшийся шпион...

<1888>

НАЧАЛО

Орган русских социалистов

Петербург. 1878

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

24 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА

(Посвящается Вере Ивановне Засулич)

С тех пор как нам тупой монгол
В наследье плеть свою оставил,
Кнут в нашу жизнь царем вошел
И Русь терпеть себя заставил.
Он смелость, честь и ум попрал,
Позор тупого подчиненья
Возвел народу в идеал,
А благородство — в преступленье.
И сжались русские сердца,
Отважные приникли думы,
И громко только ложь льстеца
Да стон звучат в стране угрюмой...
Позор, позор! Свистят бичи,
А мысли и сердца немеют,
И от раздолья палачи
Что миг, то более пьянеют:

Открыто нагл бесстыдный взгляд,
Самоуверенны движенья,
И нет разгулу их преград,
И нет узды для преступленья!

Благоразумие? Расчет?
Приличье? Стыд, хотя наружный?
Всё безответный раб снесет!

И озираешься кругом
С невольным страхом и тоскою:
Куда ж мы наконец идем,
Что будет с русскою землею?!
Ответа нет!.. Кругом кошмар!..
И чуется с тревогой страстной —
Вот-вот сейчас падет удар,
Последний, страшный, безобразный...

И он упал... Зазнавшийся лакей,
Что весь свой век давил и пресмыкался
Над всем, что только свято для людей,
Открыто, нагло, зверски надругался...

. . . .

Что ж? Ликуйте шумней — уж не долог ваш пир!
Скоро, скоро падет ваш позорный кумир,
Скоро каждый из вас побледнеет!
В одинокой, неведомой, скромной тиши,
В тайниках недоступных, бесстрашной души
Уж решимость великая зреет!
В бедной комнатке тихо. Мигая, горит
Скромной лампочки пламя скупое;
Сдвинув бровь, нервно девушка ходит, не спит,
Хоть пора бы — уж время ночное.
Мысли, образы, сцены, как вихорь, бегут:
Розги... свалка... и кровь — расправляется кнут...
Нервно ходит она и бледнеет...
«Неужели ж на них нет уж вовсе суда?
Всё равно! Пусть не будет! Найдется узда!» —
И решимость великая зреет...

День... Светло и тепло... Тротуары полны...
Вот несется коляска красиво.
На нее из людской тротуарной волны
Та же девушка смотрит пытливо:
Там с осанкой монарха, блестя мишурой,
Сняв с улыбкою кепи, июльский герой,

Как Нарцисс, перед публикой млеет.
Стала девушка, гневно сверкнул ее взор:
«Что за наглость?! Как смел он, палач! О, позор!»
И решимость в ней грозная зреет.

Дни идут. Пробегая печати столбцы,
Ищет девушка в пене газетной —
Где бормочут рабы, где ликуют глупцы, —
Ищет, нет ли там вести заветной.
Но напрасно! И шепчет ей сердце: пора!
От опричных судов не дождаться добра,
Больше незачем медлить удару...
И, обдумав и взвесив свой шаг роковой,
Понесла она твердой, бесстрашной рукой
Оскорбителю родины кару...

О, если б я владел тем даром песнопенья,
Которому дана волшебной силы власть
Над всеми струнами сердечного волненья,
И всё подчинено: слеза, и смех, и страсть, —
Тогда бы, каждое подслушавши биенье
Всех честных на Руси сердец, в единый хор
Я слил бы их — и гимн святой, благоговейный,
Дрожа, разлился бы на весь родной простор!
И слышались бы в нем рокочущие звуки
Народной гордости, сознанья сил своих
И веры в будущность, в конец стыда и муки,
И звон оружия для битвы против них;
И ноты нежные любви и удивленья
К бесстрашной девушке звучали б в песне той,
И клики бурного восторга и волненья
Воюющих рядов фаланги молодой!
Но не дано мне сил титана песнопенья,
Всего не вылить мне ни в звуках, ни в словах,
Пред подвигом твоим стою я полн смущенья,
И замирает стих на трепетных устах...
Но пусть я не могу твой подвиг благородный
Созвучьями стиха бессмертного почтить,
Могу я перед ним, пред славою народной,
Как дань души моей, и гордой, и свободной, —
В немом почтении колена преклонить!

А вы, кому судьба и страсти
Над ней вверяют приговор,
Что вы решили? В вашей власти
И оправданье, и позор.
Не ей позор иль оправданье:
Ее блестящий ореол
Лишь станет ярче от страданья,
Светя с Голгофы в темный дол...
Нет! Вы словами приговора
Свои внесете имена
В страницы чести иль позора
На все отныне времена!
Не вам судить перун громовый,
Уже он взвешен Русью всей,
И Русь сплела венок лавровый
Геройской дочери своей.
И, доверяя вашей чести,
Его народ вручает вам,
Чтоб перед жрицей правой мести
Сложить его к ее ногам.
Ужели ж, чуждые народу
И не поняв своей судьбы,
Вы продадите честь, свободу,
Всё — как трусливые рабы?
Нет, нет! Поняв свое призванье,
Вы, светлой думою полны,
Произнесете оправданье,
Как Руси верные сыны!

Февраль или март 1878

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Социально-революционное обозрение

Петербург. 1878—1879

А. А. ОЛЬХИН

У ГРОБА

(Посвящается поразившему Мезенцева)

Как удар громовой, всенародная казнь
Над безумным злодеем свершилась.
То одна из ступеней от трона царя
С грозным треском долой отвалилась.

Бессердечный палач упокоен навек, —
Не откроются мертвые очи...
И трепещет у пышного гроба его
В изумлении деспот Полночи.

Мрачен царь. Думу крепкую думает он:
«Кто осмелился стать судиею
Над тобою, над верным слугою моим,
Над любимцем, возвышенным мною?

Не злодей ли без правды и бога в душе?
Не завистник ли подлый, лукавый?
Или враг потайной, или недруг лихой,
Преисполненный местью кровавой?»

Всё молчит... Нет ответа. Кругом тишина...
Лишь псаломщик кафизмы читает
Да светильня дрожит... И вторично судьбу
Самодержец-монарх вопрошает...

Вот упала свеча и потухла... Дымясь,
Вслед за нею потухли другие...
Мрак густой опустился на бархатный гроб,
На покровы его дорогие...

Царь стоит и не верит смущенным очам —
Как на глас неземного веленья
Поднялись и проносятся мимо его
Рой за роем живые виденья...

Измозжены, избиты, в тяжелых цепях,
Кто с простреленной грудью, кто связан,
Кто в зияющих ранах на вспухшей спине,
Будто только что плетью наказан.

Тут и лапоть крестьянский, и черный сюртук,
Женский локон, солдатик в мундире,
И с веревкой на шее удавленный труп,
И поэт, заморенный в Сибири.

Словно духи на страшную тризну сошлись
В час условный ночного свиданья,
Подлетели и, ставши кругом мертвеца,
Затянули ему отпеванье.

Отпевание

Жизнью распутною всхоленный,
Нашею кровию вспоенный,
Жалости в сердце не ведавший,
Пытки и казнь проповедавший;

Шедших дорогой тернистою
Мявший стопою нечистою
В страшной, неравной борьбе!
Вечная память тебе!..

Память позорная
Мысли гонителю!

Память укорная
Злому мучителю!

Непоправимая,
Неизгладимая,
Бесчеловечная,
Вечная, вечная
Память тебе!

Застучали оковы на тощих ногах,
В расшивной катафалк ударяясь.
И с проклятием громким они понеслись,
Черной кровью из ран обливаясь.

Но виденье одно, долетев до царя,
Перед ним неподвижное встало,
И, взглянув на него, с молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Бледный лик его гневным укором сверкал,
Страстный вызов во взоре светился:
«Царь, ты ведать хотел, кто любимца убил,
Кто на подвиг кровавый решился?

Не злодей, не завистник, не недруг лихой,
Не свои вымещал он обиды, —
То посланник смиренный, послушный боец
Всенародной святой Немезиды.

Не опричника злого он жизни искал.
Что опричник? Их много найдется...
Царь! Ты совесть спроси — и правдивый ответ,
Может быть, в ее недрах проснется...

За тебя изведен твой послушный холоп,
Исполнитель кровавых велений.
Ты — убийца его! Погляди и казнись:
Это — жертва твоих преступлений!

Царь, вспоенный коварною лестью рабов,
Бог земной, лишь себя обожавший!
Властелин, беспощадной железной рукой
Свой народ неповинный сковавший!

Ненавистник свободы и правды святой!
Нарождавшейся мысли губитель!
Сладострастный, холодный, жестокий старик,
Наших сил молодых развратитель!

Окруженный плеядой дворцовых светил,
В облаках покупных фимиамов
Не расслышал ты вопля родимой земли
За напевом придворных баянов.

Ты не ведал, не знал за обильным столом,
Как в нужде умирает голодный.
Двадцать лет, как блудница, с друзьями мотал
Ты последний достаток народный!

А повсюду-то голод, и холод, и мор!
Обездоленный грабит, ворует!
Свищут розги в поганых руках становых,
А избитый те руки целует!

Там, где Плевна дымится, огромный курган —
В нем останки еще не догнили:
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч «своих» уложили...

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату;
А на родине ветер холодный шумит
И разносит солдатскую хату...

Подойди и взгляни! Убивается мать...
В каземате сгноил ее сына
Ты за то, что в пигмее, в тебе, он не мог
Мирового признать исполина...

Из родимого дома его увезли
И в гранитный мешок посадили,
И на годы, на долгие годы в тюрьме,
Как ненужную ветошь, забыли...

Вот рыдают младенцы, рыдает вдова,
Схоронивши колодника мужа;
Вторят им невпопад, завывая, метель
И Сибири трескучая стужа.

Да товарищ унылый стоит в кандалах,
Над могильным холмом вспоминая,
Как завяла во цвете загубленных сил
Бескорыстная жизнь молодая.

Там невеста в слезах... Расстреляли вчера
Жениха, объявившего смело,
Что не сдастся злодеям, пришедшим его
Оторвать от великого дела.

Стонут Польша, казаки, забитый еврей,
Стонет пахарь наш многострадальный,
Истомился в далекой якутской тайге
Яркий светоч науки опальной.

Всюду ходит беда, по села́м, городам,
Во дворы, в конуры заползая,
Волком бешеным по́ миру рыщет она,
Воронье на поминки сзывая!

Стон и вопли страдальцев до самых небес
Горемычной росой поднялися
И вселенскою тучей над троном твоим
С целой Русской земли собралися.

И висит эта туча и будто бы ждет,
Словно крылья орел расправляет.
Но ударит твой час! Грозовая стрела,
Как архангела меч, засверкает.

Каждый стон, каждый вздох, пролитая слеза
    В огнедышащих змей обратятся
И в давно зачерствелое сердце твое
    Миллионами зубьев вонзятся!..»

Всё исчезло во тьме,
    И умолкли правдивые речи...
Встрепенулся псаломщик, опять зачитал,
    Восковые затеплились свечи...

Всё как прежде — и гроб, и покрытый налой,
    Зеркала обвиты простынями...
И холодный, суровый в мундире мертвец,
    И покров с золотыми кистями...

1878

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НА СМЕРТЬ И. М. КОВАЛЬСКОГО

Снова бой неравный с дикой силой...
Жертвой пал еще один герой.
Над его безвременной могилой
На врага сомкнется ль грозный строй?

Все ль пойдем под знамя правой мести?
Иль на камень брошено зерно?..
Нет! На ниве вольности и чести
Плод желанный принесет оно.

Жалкий страх не породит измену,
Пусть борьба неравна и трудна:
Уже нам идут бойцы на смену —
И победа наша решена!

1878

Н. А. НЕКРАСОВ

* * *

(Посвящается подсудимым процесса «50-ти»)

Смолкли честные, доблестно павшие;
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие...
Но разнузданы страсти жестокие! ..
Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная!
Всё живое, всё честное косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются...
Так на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

1877

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, малютка, спи, мой милый, —
Баюшки-баю!
Набирай здоровья, силу
Укрепляй свою.

Много силы будет надо
Для тебя в бою...
Спи ж пока, моя отрада,
Баюшки-баю!

Мы давно одни с тобою:
Умер твой отец!
Молодец он был собою,
Честный был боец.

Был в нем крепок дух свободный,
Было много сил;
Да вдали, в стране холодной,
Кости он сложил.

Я его не покидала,
С ним в Сибирь пошла;
В час невзгоды утешала,
Тот же крест несла.

Помню, как тебя, бывало,
На руки он брал:
На лице любовь сияла,
Цепи забывал.

На тебя глядит, смеется:
«Весь в отца пойдет!»
Мое сердце вдруг сожмется,
И слеза блеснет...

А тебе и горя мало:
Цепью зазвенишь
И так весело, бывало,
На отца глядишь.

Бодр он был, не опускался,
Да здоровьем плох:
Год до сроку оставался,
Но... дожить не смог.

Спи теперь ты безмятежно!
Будешь подрастать, —
Надо будет неизбежно
В жизни путь избрать.

Кто пойдет одним, тот будет
Силен и богат;
Скоро в роскоши забудет,
Как страдает брат.

Нет, не им пойдешь ты, милый!
Знаю я, что нет...
Не на то тебя родила
Я на божий свет.

Есть другой путь... Чудных много
Он минут дает;
Но трудна по нем дорога,
И в рудник сведет...

Неизбежно это — знаю...
Но ведь мать и я...
Стану думать — и рыдаю,
Глядя на тебя...

Знаю, знаю: сердце чутко!
Много слез пролью...
Спи ж покуда, мой малютка,
Баюшки-баю!

<1879>

Н. А. САБЛИН

ГОЛУБИ

Голуби по двору ходят, воркуют
Сизой артелью своей;
Всё подозрительно как-то толкуют,
Быстро летят от людей.

Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мне под окно;
Целой коммуною дружно питаются,
Делят по-братски зерно.

Видно влиянье идей растлевающих
В бедной семье голубей,
Мыслей, основы основ подрывающих,
Социализма идей!..

Где у них личность от злых ограждающий
Мудрой полиции глаз?!
Где у них кормчий, их жизнь направляющий, —
Этот порядка компа́с?

Здесь анархизма пример замечается —
Страшный пример для людей!..
Браки свободны — никто не венчается,
Нет ни попов, ни церквей!

Голуби сизые, пташечки бедные!
Развращены вы совсем!
Кем же идеи-то эти зловредные
К вам прививаются? Кем?

Скажут — природой?.. Для благ человечества
Выскажу мненье свое:
Если природа враждебна отечеству —
Выслать подальше ее!

<1879>

Н. А. МОРОЗОВ

ПЕРЕД СУДОМ

Приумолкла тюрьма...
Всюду тишь и покой...
И царит над землей
Полусвет-полутьма...

Что-то мрачно глядит
Нынче келья моя...
Хоть послушаю я,
Громко ль сердце стучит.

Чу!.. За дверью идут,
Слышен говор людей...
Близок час — поведут
Нас на суд палачей...

Но ни просьб, ни мольбы
И в последний тот час
Наши судьи-рабы
Не услышат от нас!..

18 октября 1877

С. С. СИНЕГУБ

НА СМЕРТЬ М. В. КУПРИЯНОВА

Гнета не снес ты, судьбиною данного, —
  Смерть заменила тюрьму...
Ах! Воскресить тебя, друга желанного,
  Где же я силу возьму?!

Так неотступно желанье напрасное
  В сердце скорбящем моем,
Чтоб твои умные очи прекрасные
  Снова зажглися огнем!

Вновь чтоб проснулася мысль твоя сильная,
  Чистые думы твои,
Вновь чтоб забилося сердце, обильное
  Силою гордой любви!

Чтобы ты снова пришел к нам сияющий
  Блеском здоровья и сил;
Чтобы ты вновь, на добро уповающий,
  С нами борьбу разделил!

Боже мой! Гнетом желанья бессильного
  Тяжко сдавило мне грудь;
Ах! Уж не вырвать из мрака могильного
  Друга... Назад не вернуть!..

1878 (?)

Н. А. МОРОЗОВ

* * *

Скованы цепи...
Кто же их будет носить?
Взятый ли в степи
Ссыльный, уставший бродить?

Вор ли, грабитель,
Схваченный ночью глухой?
Или служитель
Братства идеи святой?

1878

БОРЬБА

Могучее слово
Всесильным влияньем
Свет истины новой
Приносит в сознанье
Немого раба.

Но гордую силу,
И твердую волю,
И мощь — до могилы
Не падать в неволе —
Дает лишь борьба.

Пред грозной борьбою
За свет бесконечный
Над дольней землею
Царящее вечно
Насилье бежит.

Лишь в битве с врагами,
В годины невзгоды,
Великое знамя
Вселенской свободы
Народ водрузит!

<1879>

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

(Посвящается В. Ф.)

В долгой, тяжелой разлуке
Целые годы прошли;
Горя, страдания, муки
Много они принесли...

Стал я о воле смутнее
Помнить, как будто о сне...
Только друзья всё яснее
Припоминаются мне.

Часто сквозь сумрак темницы,
В душной каморке моей,
Вижу я смелые лица
Верных народу людей.

Ярко, как будто живые,
Средь тишины гробовой
Образы их дорогие
Живо встают предо мной...

Всё здесь они оживляют,
Всё согревают они,
Быстро в душе пробуждают
Веру в грядущие дни...

Кажется — вот раздается
Голос их здесь, в тишине...
Словно струя пронесется
Воздуха с воли ко мне!

Знаю я — темные силы
Их не согнут перед злом,
Будут они до могилы
Биться с народным врагом!

1875
Петропавловская крепость

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ИЕГОВА

Не верю я в величье Иегóвы,
Не верую в отжившие основы, —
Бог самовластья, ненависти бог
Разоблачен страданием веков.

Он создал алтари, рабов, проклятья,
Неравенства ужасные изъятья,
Он первый мысль свободную сковал —
Людей от древа знанья отогнал.

Он научил немому послушанью,
Безумному, тупому упованью.
Он ненавистен мне, он проклят мной!
Дух косности зовется Иеговóй!

<1879>

ОН

История зовет его на спешную работу,
И много от него наивно ждет народ,
Но некогда ему: он едет на охоту,
Но некогда ему: он едет на развод.

От горсти смельчаков усердно ограждая
Жизнь бесполезную, не глядя на закон, —
Свирепствует жандармов шайка злая,
И правит родиной шпион...

А он прогнал докучную забóту —
Что за беда, что целый ждет народ! —
Ведь некогда ему: он едет на охоту,
Ведь некогда ему: он едет на развод!

<1879>

Н. А. МОРОЗОВ и Д. А. КЛЕМЕНЦ

ТАИНОЕ СОБРАНИЕ
(ПО ГОРОДСКИМ СЛУХАМ)

Уж как в Третьем отделеньи,
По цареву повеленью,
Храбрый Дрентельн-генерал
Всех жандармов собирал.

Для прочистки ихней глотки
Подносил по рюмке водки,
По полтиннику дарил,
«Эй, ребята! — говорил. —

Подозрительные лица
Расплодилися в столице,
И бунтуют, и мутят,
И меня убить хотят.

Уж вы, синие мундиры,
Обыщите все квартиры.
От царя дана вам власть —
Знай тащи, ребята, в часть!

Если где сопротивленье —
В зубы бей без рассужденья,
Сам, мол, Дрентельн-генерал
Отвечает за скандал!»

Но, исполнены печали,
Голубые отвечали:
«Ах, отец ты из отцов,
Генерал ты Дрентелёв!

Показали бы примерно,
Как тебе мы служим верно,
Да сумнительно, вишь, тут —
Сохрани господь — убьют!»

На такое заявленье
Молвил Дрентельн без смущенья:
«Стой, ребята, не страшись!
Вот перцовка — подкрепись!

Дам на каждый дом две роты
Государевой пехоты,
Казаков прибавлю взвод —
Знай подталкивай вперед!..

Всем отрядом, душ хоть в триста,
Двиньтесь вы на нигилиста,

Навалитесь на него —
И не пикнет ничего!»

Тут жандармы ободрились,
Разом в пояс поклонились,
И ответил бодро всяк:
«Ладно будет, коли так!

Поусердствуем как можем:
Лоском на́ землю положим,
Все им зубы раздробим,
То-то страху зададим».

И пошли у нас в столице
Рыскать синих вереницы;
Хочет доблестная рать
Всю столицу обыскать!

<1879>

Н. А. МОРОЗОВ

* * *

*(Посвящается ***)*

Милый друг, безумно смелый,
    Честный и живой,
Быстро время пролетело
    Наших встреч с тобой!

Если я к тебе, бывало,
    Мрачный приходил
И подавленный, усталый
    С грустью говорил

О тоске невыносимой,
    Что меня гнетет
В этой жизни нестерпимой
    Горя и невзгод, —

Ты рассеянно молчала,
Слушая меня,
И скучала, и зевала,
Сон едва гоня.

Но когда в порыве новом
Речь я заводил
О борьбе с врагом суровым
До последних сил,

Снова клялся за свободу
Душу положить
И врагам за все невзгоды
Братий отомстить —

Все черты твои менялись,
Нет следа тоски!
Твои глазки загорались,
Словно угольки!..

<1879>

НОЧЬЮ

Всё тихо. Небесных светил мириады
Мерцают в лазурной дали.
Широкою тенью легли,
Облиты луною утесов громады...
В равнинах и звери, и птицы, и гады
Умолкли и в норы ушли.

О, как хорошо средь природы живется!
Тепло и спокойно везде,
Всё спит на земле и в воде...
Лишь только на фабрике шум раздается,
И грустная песня оттуда несется
О горе, о вечном труде...

За рощею видны фабричные своды!
Их окна сквозь ветви блестят...
И в сердце вливается яд:

Одни только пасынки вольной природы,
Не ведая счастья, не зная свободы,
    Одни только люди не спят.

О люди! Среди бесконечного мира,
    Где нет ни рабов, ни царей,
    В тиши этих чудных ночей,
Вы — чуждые гости средь чуждого пира...
Вселенная — царство свободы и мира,
    Вы — жертвы труда и цепей...

<1879>

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

Социально-революционное обозрение

Петербург. 1879—1885

Н. М. МИНСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ

(Отрывок из драмы)

Посвящается казненным

Внутренность каземата. Пять часов утра. На железной койке лежит исхудалый юноша. За дверью шаги и бряцанье ключей. Заключенный быстро садится. Входит священник с распятием; в глубине смутно видны фигура в красной рубахе и солдаты.

Священник

Во имя
Отца и сына и святого духа,
Аминь!

Молчание.

Очнись, мой сын! Великий миг
Приблизился...

Молчание.

Мне краткие мгновенья
Беседовать позволено с тобой:
Не трать, мой сын, мгновений дорогих!

Молчание.

На страшный путь ты должен запастись
Спокойствием и бодростью... Я мир
Душе твоей несу.

Осужденный

(оглядываясь и указывая на палача)

А этот — телу?

Священник

И я, и он — покорные послы
Пославших нас; небесной власти — я,
А он — земной. Я — вестник всепрощенья
И благости творца, а он... он — казни
Невольный вестник...

Осужденный

Ты сперва простишь,
А он потом казнит меня — не так ли?

Священник

Людская казнь свершится и пройдет,
Но вечною пребудет благость божья;
Не отвергай последний дар любви —
Земной залог господня примиренья.
Покайся, сын, в грехах...

Осужденный

Старик,
Уйди! В моих раскаявшись грехах,
Смертельный грех я б совершил пред смертью.
На грех такой меня духовный пастырь
С распятием в руках склоняет!..

Священник

Сын мой,
Между тобой и судьями твоими
Не я судья. Молитву я, не суд
Пришел творить. Молись, дитя, и кайся!

Осужденный

Пусть будет так! Услышь же ты, старик,
Предсмертное раскаянье мое!
«Прости, господь, что бедных и голодных
Я горячо, как братьев, полюбил...
Прости, господь, что вечное добро
Я не считал несбыточною сказкой.
Прости, господь, что я добру служил
Не языком одним медоточивым,
Но весь: умом, и сердцем, и руками...
Прости, господь, что родине несчастной

И в смертный час я верен остаюсь,
Что я, рабом родившись меж рабами,
Среди рабов — свободный умираю.
Прости, господь, что я к врагам народным
Всю жизнь пылал священною враждой,
Что я друзьям не изменял в несчастье,
Что вырывал из хищных лап злодеев
Невинные истерзанные жертвы;
Что гадине смертельно-ядовитой
Я притуплял отравленные зубы;
Что я смутил безумным воплем мести
Развратный пир прожорливых святош,
Что я убийц казнил за их убийство. . .»

Священник

Молчи, молчи! Ты раны растравляешь,
И без того зияющие в сердце
Твоем больном. Последнюю молитву
Не так творят. Есть тихие слова,
Слова любви, покорности, прощенья. . .
Они в душе, как вспоминанья детства,
Как матери ласкающий напев,
Баюкают и злобу, и страданья
И умирать дают нам без проклятий. . .
О, вспомни, сын, то золотое время,
Когда враждой еще не распалялась
Твоя душа! . . О, вспомни годы детства,
И чистый пыл младенческой молитвы,
И мир души, и слезы умиленья! . .
О, умились, дитя мое, пред смертью
И богу вздох последний посвяти,
А не земле! Послушай, сын мой: если
За тяжкий грех заслуженную кару
Теперь несешь, — пусть льется горячо
Пред господом раскаянье твое!
Он милостив. Раскаявшийся грешник
Ему милей, чем тот, кто не грешил.
Но, если ты безвинно умираешь,
Вдвойне теплей и ярче пусть горит
Последняя твоя молитва богу!
Идя на казнь невинно, помолись
Тому, кто сам невинно был казнен;

Вручи себя тому, кто нам когда-то
Себя вручил. Ты скорбь свою поведай
Тому, кто сам скорбел лютейшей скорбью.
Молись тому пред казнию, кому
Во время казни должен подражать ты...
И он казнен за бедных и голодных,
И он казнен за вечное добро, —
Но в смертный час врагов не проклинал он...

Осужденный

Ты задевать умеешь струны сердца...
Я сам, старик, продумал о Христе
Последний день своей недолгой жизни.
И много, много думал я...

Священник

И что же?

Осужденный

И я решил, что повесть о Христе —
Пустая ложь...

Священник

А прежде верил ты?

Осужденный

В дни юности когда-то... Вере в бога
Уже давно противился мой разум,
Но лишь вчера сказал мне голос сердца,
Что бога нет.

Священник

Что ж говорил тот голос?

Осужденный

Он говорил, что если на Голгофе,
Века назад, своей святою кровью
Грехи людей Христос бы искупил,
То не было б моей сегодня казни...

Священник

Его пути для нас неизъяснимы...

Осужденный

Молчи, старик! Ты слышишь ли далекий
Зловещий гул? То праздная толпа
На смерть мою сбирается глазеть...
Теперь, старик, дерзнешь ли ты о боге
Мне говорить? О, если б в небесах
И жил господь, то, этот гул услышав,
В себе самом он стал бы сомневаться...

(Прислушивается.)

Толпа растет... всё ближе... и о чем
Кричит она? То крики нетерпенья,
Или восторг, иль шутки площадные?
О, подожди, народ нетерпеливый!
Уж близок час, притихнет скоро сердце,
Что лишь к тебе любовью билось страстной,
Лишь за тебя скорбело и молилось...
Народ! Народ! Жених свою невесту
Не любит так, как я любил тебя!
Народ... Мой слух ласкало это слово,
Как музыка небес... В часы сомненья
Я воскресал мечтою о тебе,
Как жаркою молитвой. Дом родимый,
Отца и мать безропотно я бросил,
И лишь тебе, как бы отшельник богу,
Я посвятил всю жизнь, все силы духа...
С тех пор иных не ведал я печалей,
С тех пор иных я радостей не знал.
Там, в тишине твоих полей просторных,
Там, в суете твоих лачужек тесных, —
Там плакало, там радовалось сердце...
О, горький час! Ты горше часа смерти!

(Задумывается.)

Меня везут в позорной колеснице,
Я на глазах обманутых народа
Свою любовь к народу искупаю...
А я молчу... Ничья рука не может
Повязку лжи сорвать с его очей...
И ум его могучим словом правды
Ничей язык не может просветить...

О, веселись, толпа! Шути, позорь!
День траура своим друзьям доставишь,
День радости врагам ты подаришь...
Но нет! Клянусь, я радость отравлю им
И грудь толпы заставлю трепетать!
Я не совсем бессилен — умереть
Осталось мне, и грозное оружье
Я на врагов скую из этой смерти...
Я кафедру создам из эшафота
И проповедь могучую безмолвно
В последний раз скажу перед толпой!
Как надо жить, тебя не научил я,
Но покажу, как надо умирать.
Пусть палачи от злобы побледнеют,
Позора яд пускай сердца прожжет им!

Священник

Прощай, мой сын! Не дал господь мне тронуть
Твой дух. Сюда с надеждой робкой шел я,
С отчаяньем отсюда удаляюсь.
Пусть бог простит твою гордыню.
Быть может, что и к свету ты стремился,
Хотя бродил не светлыми путями.

Осужденный

Что о путях бормочешь ты? Когда бы я
Бесчестными путями не гнушался,
В твоих теперь валялся б я ногах,
Перед толпой с подмостков эшафота
Стократ себя крестом бы осенял,
Евангелье лобзал бы со слезами
И набожно толпу перекрестил бы:
Верней нет средств, чтоб мучеником правды
В толпе прослыть. Ведь знаю я, что каждый,
Склоняясь в прах пред судьями моими,
Христа судивших дважды в день клянет.
Но нет! Теперь, в торжественный час смерти,
Я честных рук своих не оскверню;
Народному и моему врагу
Не протяну их...

Священник

Я — народу враг?

Осужденный

Ты, поп.

Священник

И твой я враг?!

Осужденный

Ты враг народа...
И не за то ль, что громкие слова
На языке всегда у вас, — друзьями
Вас должно счесть? Вы — слуги божьи? Так ли?
Но для кого ваш бог страдал и умер?
Кому служил он? Сильным? Богачам?
Зачем же вы с сильнейшими в союзе?
Как верных псов, над овцами своими
Назначил вас блюсти небесный пастырь:
Зачем же вы с волками подружились?
Из всех врагов презреннейшие — вы!
Трусливые, со сладкими словами,
Изменники, лжецы и лицемеры!
Что нам в словах возвышенных и добрых!
Полезнее нет силы, чем огонь,
И без огня зверями были б люди,
Но изверг тот, кто тихомолком пламя
Под хижину подбросит бедняка.
Так и любовь, прощение и кротость —
Высокие и честные слова, —
Но те слова *кому* вы говорите?
Зачем меня учить теперь прощенью
Явился ты? Я — слабый, бедный узник,
Что через час заснет могильным сном...
О, если б ты и убедил меня,
Скажи, кому нужна моя пощада?
Зачем с такой же речью о прощеньи
Ты не пошел к моим всесильным судьям?
Их убедив, ты тотчас спас бы жизнь...
Так вы всегда: когда бедняк без хлеба
В виду безумных пиршеств издыхает,
Вы к бедняку подходите с крестом

И учите умеренности скромной...
Когда народ в цепях тирана стонет,
Смирению вы учите народ.
Тому ль учил божественный учитель?
На то ль дал крест, чтобы исподтишка
Его крестом вы слабых убивали?
Когда я смерть приму на эшафоте
И громко лгать начнут все языки,
Скажи, о чем народу скажешь в церкви?
Что к свету я стремился? Божий храм
Кто осквернит кощунственною ложью?
О, бедный край мой! Море гнусной лжи
Тебя залило мутными волнами
Со всех концов: в семействе лжет отец
Перед детьми, а в школе лжет учитель,
В твоих церквах лгут слуги алтарей...
Поверь, что мне палач стократ милее,
Чем лживый поп.

(Обращаясь к палачу.)

Невольный вестник казни!
Ну, начинай! Надеюсь, ты свое
Успешнее исполнишь порученье...

Палач выходит на средину каземата. Священник, медленно и дрожа всем телом, удаляется. Осужденный смотрит ему вслед.

Как он дрожит! Как бледен! Эй, старик,
Постой! В твоих глазах я встретил слезы,
И голос твой дышал ко мне участьем...
Твое лицо я первое в тюрьме
Беззлобное увидел... Перед смертью
Укоров я не слышал от тебя...
Старик! Твою я презираю рясу,
Но доброе под ней, быть может, сердце...
Как поп — мне враг, как человек — быть может,
Ты мне и друг... Прими же в благодарность
Ты мой поклон и теплое спасибо!..

Кланяется священнику; палач связывает ему руки.

<1879>

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

ПЕСНЬ ГРАЖДАНКИ

(Посвящается женам, не просившим помилования своим мужьям)

Если б мой дорогой, что по злобе людской
Дни свои коротает в неволе,
Мне сказал: «Поскорей приходи и своей
Поменяйся со мной вольной долей!»,

Я б сказала ему: «Мой желанный! Пойду
Я в огонь, если хочешь, и в воду.
Бесконечно любя, я отдать за тебя
Хоть сейчас же готова свободу».

И скажи милый мой: «Мало воли одной,
Палачам головы еще надо»,
Я и жизнь им отдам, был бы счастлив он сам,
Умереть за него мне отрада.

Но скажи он: «Пойди, пред тираном пади,
Со слезами, с мольбой, в униженьи
О пощаде моли и отрадой земли
Назови все его преступленья;

Ото всех дорогих убеждений своих,
От святого к свободе стремленья
Перед ним отрекись и служить поклянись,
Лишь бы мне даровал он прощенье», —

Я б сказала в ответ: «Никогда! Нет, о нет!
Лучше смерть, лучше холод могилы!
И отныне ты знай: ждет тебя ад иль рай —
Всё равно ты мне больше не милый!»

<1880>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПОСЛЕ КАЗНИ 4 НОЯБРЯ

И опять палачи! .. Сердца крик, замолчи! ..
Снова в петле качаются трупы.
На мученье бойцов, наших лучших сынов,
Смотрят массы, безжизненно тупы.
Нет! Покончить пора! Ведь не ждать нам добра
От царя с его сворой до века.
И приходится вновь биться с шайкой врагов
За свободу, права человека...
Я топор наточу, я себя приучу
Управляться с тяжелым оружьем,
В сердце жалость убью, чтобы руку свою
Сделать страшной бесчувственным судьям.
Не прощать никого! Не щадить ничего!
Смерть за смерть! Кровь за кровь! Месть за казни!
И чего ж ждать теперь? Если царь — дикий зверь,
Затравим мы его без боязни! ..
Братья! Труден наш путь! Надрывается грудь
В этой битве с бездушною силой.
Но сомнения прочь! Ведь не всё ж будет ночь,
Свет блеснет хоть над нашей могилой.
И, покончив борьбу, вспомнив нашу судьбу,
Обвинять нас потомки не станут
И в свободной стране оправдают вполне,
Добрым словом погибших помянут.

1880

В. Х. КРАВЦОВ

МАТЕРИ

Снился мне образ твой — нежный, тоскующий...
Ты пред иконою низко склонилась —
С верою кроткою, душу врачующей, —
И о единственном сыне молилась...

Полно, родимая! Мучимый жаждою
Истины, сын твой дорогой тернистою
Шел, и пред вечною жизненной правдою
Смело предстанет он с совестью чистою.

Не надрывай же ты сердца щемящего,
Не удручай себя тщетным молением
И одинокого узника спящего
Не отуманивай скорбным видением.

8 марта 1881

В. Г. БОГОРАЗ

* * *

Кровавые реки, веревка и плаха,
Проклятье, отчаянья стон...
Как много в бою вас погибло без страха,
О братьев святой легион!

Душил без пощады вас враг разъяренный
На каторге, в ссылке, в тюрьме,
Губили вас муки души, утомленной
Бороться с неправдой во тьме.

И призраки братьев, погибших печально,
Далеко от кровли родной,
Без слез, без объятий, без ласки прощальной,
Бессменно стоят предо мной.

Ужасен их саван, запачканный кровью;
Сверкает их огненный взор,
И жадное сердце читает с любовью
В нем мужества полный укор.

«Боец из дружины, стяжавшей геройством
Бессмертную славу себе,
Зачем ты считаешь с таким беспокойством
Ряды уцелевших в борьбе?

Зачем ты смущен, если счастье в сраженьи
На миг улыбнется врагам?
Ты знаешь, судьбы неизменно решенье:
Победа достанется нам!

Смотри, как палач перепуган глубоко!
Дрожит в загрубевших руках
Зловещий топор, занесенный высоко
Над братом, поверженным в прах.

Смотри: на подмогу бойцам утомленным
Воителей племя растет
На поле, кровавым дождем обагренном,
Где мрачный стоит эшафот.

Тела их могучи, прекрасны их лица,
Их груди отвагой кипят,
И грозно сверкает в поднятой деснице
Карающий острый булат.

И только что лезвия отблеск холодный
Достигнет до недруга глаз,
Бежит он, почуяв свободы народной,
Народного мщения час!»

Вы правы, великие, славные тени!
В сознаньи ошибок моих
Пред вами смиренно склоняю колени,
Простите мне слабости миг!

Кровавую злобу, и гнев, и волненье
Устав без конца выносить,
Душа захотела минуту забвенья,
Минуту покоя вкусить...

Но силу былую я чувствую снова,
И веру, и мужества жар,
И руки по-прежнему сыпать готовы
Врагам за ударом удар.

Скорее, товарищи! Сомкнутым строем
Стремительно кинемся в бой!
Мы грудью опасное место закроем,
Мы брешь загородим собой.

Со славой вернемся мы с бранного поля
Иль ляжем со славою там!
За нами судьбы неизменная воля, —
Победа достанется нам!

<1885>

НА СМЕРТЬ СУДЕЙКИНА

На травле яростной усердствуя безмерно,
Народному врагу ищейкой ты служил!
Безумным палачам во всем помощник верный,
В крови по пояс ты бродил!

Всегда на всякое готовый преступленье,
С свободой, с истиной ты вел упорный бой,
Ты женщин и детей душил без сожаленья
Своей кровавою рукой!

Могучий наглостью, коварством, ложью гнусной,
Ты силу и обман пускал с успехом в ход...
В бесславном поприще выказывал искусно
Ты лисий хвост и волчий рот.

И души слабые ты обольщал лукаво,
Отторгнув силой их от дружеской среды...
Ты воздух наполнял невидимой отравой
Измены, злобы и вражды.

И строил с ревностью, достойной лучшей доли,
Подмостки новые и трону и себе
Из жертв, загубленных на плахе и в неволе,
Погибших в роковой борьбе...

Но грозный приговор народной правой мести
Над головой твоей внезапно прозвучал
И поразил тебя, как молния, на месте...
Холодным трупом ты упал.

И над безжизненным, покрытым кровью прахом
В оцепенении твой властелин стоит.
Мрачна душа его, терзаемая страхом,
И злобой взгляд его горит.

Иди же в глубь земли, опричник злобный, лютый,
Позорный палача позорного холоп!
И пусть напутствуют в последнюю минуту
Тебя проклятья в мрачный гроб!

Одно является невольно сожаленье:
Ошиблась здесь судьба десницей роковой —
Ты предназначен был веревкой, без сомненья,
Закончить путь бесславный свой!

И только потому петля тебя лишилась
И свел последний счет с тобой тяжелый лом,
Что смертью праведных веревка освятилась,
Как освятился крест Христом.

А вы, убитого сотрудники живые!
Пускай покинут вас спокойствие и сон!
Рука могучая разит уж не впервые,
И не последний будет он.

Пусть гибель вашего достойного собрата
Предупреждением послужит и для вас,
Что если для него сегодня день расплаты,
То завтра ваш настанет час!

<1885>

* * *

Не божий здесь алтарь и не роскошный трон
Всесильного царя — народного кумира!..
Нет! Это эшафот громадный водружен
На горе для Руси и на позор для мира!

Внизу навалена большая груда тел...
То не из мрамора изваянные группы,
Хоть лица все бледны, действительно, как мел...
Нет! Это страшные, истерзанные трупы!

И тусклый блеск очей, погасших уж давно,
И эти черные зияющие раны —
Всё пахнет кровью здесь, всё смертью здесь полно,
Без театрального искусного обмана.

Вот сгибшие в бою от грозного меча,
Вот трупы бедняков, задавленных нуждою,
Вот павший от руки кровавой палача,
А это медленно замученный тюрьмою!

Над ними карликов безжалостных и злых
Толпа безумная, трепещущая... В страхе
Они цепляются к краям перил гнилых,
К ступеням и столбам, и даже к самой плахе.

А там, на высоте, позорный стул стоит,
Блестящий мишурой, насмешливо красивый,
Преступнейший из всех в нем наглухо забит,
Злодей бесчувственный, жестокий и трусливый.

Не надо надписи к позорному столбу,
Но знак, оттиснутый самой судьбы печатью,
Сияет на его широко-медном лбу...
Позор ему, позор и вечное проклятье!

<1885>

LA POÉSIE PAR NICOLAS MOROSOFF

Н. А. МОРОЗОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Женева. 1880

ВСТРЕЧА

(Посвящается С. М. Кравчинскому)

1

Кончены годы тупого мучения...
Где ты, мой склеп крепостной?..
Снова в груди моей жизни волнение,
Снова простор предо мной!

Быстро лошадка моя невеселая
Мелкой рысцóю бежит;
Скачет по кочкам телега тяжелая
И заунывно скрипит.

Утро мелькнуло сквозь сучья ветвистые...
Кончился лиственный лес...
Смотрится в лоно реки серебристое
Купол высоких небес.

Алой полоской заря занимается,
Капли на листьях дрожат,
Птица ночная в трущобы скрывается,
Звери в берлоги бежат...

Летнего утра дыханье могучее
Всё пробудило от сна...
Жизнь беспредельная, вечно кипучая
Бьет, упоенья полна.

Вот она кроется кочкою мшистою
В чаще болотных кустов,
В воздухе пылью несется душистою,
Запахом свежих цветов.

Стелет болота густыми туманами,
Блещет зеленой травой,
Ветром шумит над лесными полянами,
Искрится в листьях росой...

В царстве природы спокойной, блистающей,
В мире лесов и полей,
Нет диссонансов вражды несмолкающей
Бедного мира людей...

Дышит свободнее грудь утомленная
В этой далекой глуши.
Рвутся наружу от сна пробужденные
Силы свободной души...

Вот они снова, так много любимые
Родины дальной края:
Молча стоят толчеи недвижимые
Между хлебов, у ручья.

С белой оградою храм Вознесения
Виден с холма своего,
Лепится робко, как прежде, селение
К плитам подножья его.

Дальше ручьи и овраги глубокие,
Мелкий кустарник, леса,
Рощи, болота, пригорки высокие,
Волжских песков полоса...

Тихо встают много лет позабытые
Детства далекие дни,
Словно лишь только вчера пережитые,
Душу волнуют они!

Вот у пруда, за деревнею Босово,
Прежних строений столбы,
Вон, на холме, перелесок березовый,
Где собирал я грибы.

В этом лесу, за забытой избушкою,
Есть обвалившийся вал,—
Часто там с нянею, дряхлой старушкою,
В летние дни я гулял.

Севши покойней под ветви зеленые,
Вечно тиха и грустна,
Давнего прошлого сказки мудреные
Мне говорила она...

В мраке прошедшего чары враждебные
Бедных терзали людей...
Высились до́ неба замки волшебные,
Змием летал чародей,

В ступе носилась над лесом беззубая,
Дряхлая баба-яга,
Всё подавляла безумная, грубая
Злоба Кощея-врага!

И целый день, приторюнясь, под ивою
Робко тогда я сидел,
С смутной тоскою и жаждой пытливою
В даль голубую глядел.

Чудные грезы немолчно роилися
В детской душе в этот миг...
Детские силы низвергнуть стремилися
Царство волшебников злых,

Сбросить оковы, разрушить губящие
Планы волшебства и зла!..
А предо мной монотонно шумящая
Жизнь так обычно текла!

Прямо, обросший густыми рябинами,
Высился отчий мой кров.
В облаке пыли густой, за овинами
Слышался грохот цепов.

В рваных лаптях у избы, на завалинке,
Грелися два старика;
Мальчик-подпасок, пузатый и маленький,
Гнал по деревне быка;

А на гумне под кудрявой осиною,
В зелени листьев густой,
Ставил крестьянин колоду пчелиную,
Дряхлой склонясь головой...

Глушь вековая, немая, глубокая!
Робко ты крест свой несла!
Тихо и мирно, сторонка далекая,
Год ты за годом жила!..

Всё-то в тебе за сто лет предугадано,
Искони шло чередом, —
И безотрадно, как запахом ладана,
Веяло в избах кругом!..

Ну, а теперь? Всё, как прежде, покорная,
Гнешься ль в бесплодной борьбе,
Или же жизни струя благотворная
Вдруг пронеслась и к тебе?..

Скоро, прервав путешествие длинное,
В старых местах я пройдусь
И, посмотрев на жилище старинное,
Дальше я в путь соберусь...

2

«Что это? — Ваня! — Вот радость нежданная!..
Снова тебя я нашел!
Ты это?.. Здравствуй!.. Вот встреча желанная!
Как ты на Волгу забрел?»

Быстро ямщик мой, от сна пробудившийся,
Лошадь свою придержал.
Спрыгнув с пригорка, худой, запылившийся,
Ваня ко мне подбежал...

Да, это он, мой товарищ потерянный!..
Тот же и голос, и взгляд,
Та же лежит на нем силы уверенной,
Воли могучей печать.

Так же блистают глаза его впалые,
Весь -- как тогда, средь друзей!..
Только как будто лицо исхудалое
Стало суровей, грустней,

Да еще руки и щеки покрылися
Краской загара густой...
Помню я, крепко мы с ним подружилися
В семьдесят третьем, зимой.

Время минувшее, время прожитое,
Время бессонных ночей!
Все твои сцены почти позабытые,
Лица любимых друзей,

Братья, навеки погибнуть успевшие, —
Всё пронеслось предо мной
Вмиг, как стрелой в небесах пролетевшие
Ласточки ранней весной!..

Вот она, тесная комната Ванина,
Вечно в окурках, в пыли,
Где о борьбе за свободу крестьянина
Споры горячие шли;

Где до полуночи книги любимые
Вслух мы читали не раз;
Где все за благо народа гонимые
Стали святыней для нас...

Комнатка бедная, виду невзрачного,
Как хороша ты была!
Едкое облако дыму табачного
Сверху стоит... У стола,

С разных сторон, поскорей, как попалося,
Все разместились кругом...
Сколько тут толков у нас завязалося:
С Ваней в народ мы идем!

Область чужая, неведомо-чудная!
Что в тебе скрыто для нас?..
Счастье иль гибель? Толпа многолюдная
Смолкла, притихла зараз.

Занят всецело вопросами жгучими,
Ваня сидит, присмирев...
Вдруг средь молчанья волнами могучими
Грянул свободный напев:

«Твердые волей, в невзгоде суровые,
Новой работы работники новые,
Бедная родина, бедный народ
В бой вас за волю зовет!

Мрак гробовой,
Густ и суров,
Лег над страной
Вечных рабов.
Мерзость казарм
В каждом селе,
Грубый жандарм —
Царь на земле.

Выйдем же, братья, на мщенье великое...
Варварство злобное, варварство дикое
Всюду над русской землею царит,
Всё в ней живое мертвит!

Пусть нас в цепях
Годы томят,

Пусть в рудниках
Нас уморят.
Тех, кто с врагом
В битве падет,
Вспомнит добром
Русский народ!..

Время придет — пред работой упорною
Рухнет насилия зданье позорное,
И засияет над русской землей
Солнце свободы святой!..»

Долго мы молча сидели смущенные,
Было так тихо вокруг...
Чувство святое, в душе затаенное,
К сердцу прихлынуло вдруг.

Мы обнялися...
О, как нам хотелося
Делу все силы отдать!
Страстная жажда в груди загорелася
Биться, работать, страдать,

И, обновившись, с душою свободною
Бросясь навстречу судьбе,
Вызвать бурливое море народное
К грозной за волю борьбе!..

Вышли мы с Ваней... Но звуки призывные
Слышались как наяву...
Время ты чудное, время ты дивное,
Снова тобой я живу!..

Вот они снова — все лица любимые...
Вижу я образ живой
Сони...
Любовью к свободе гонимая,
В круг наш от жизни пустой

Смело навеки ушла ты, свободная,
Бросив отеческий кров
И прозябанье надменно-бесплодное
В мире рабынь и рабов!

В отческом доме бездушно-парадные,
Только лишь внешность любя,
Детства пустого подруги нарядные
Скоро забыли тебя...

Вслед тебе сыпались пасквили вздорные,
Хором неслись клеветы...
Но, как всегда, клевете непокорная,
Не оглянулася ты!

Трудной борьбе ты с врагом угнетающим
Всю посвятила себя...
Кажется мне, в ореоле сияющем
Вижу я, Соня, тебя!..

Вот предо мною строенья кирпичные
Фабрик большого села,
Где, поступивши на зиму в фабричные,
С Ваней ты вместе жила...

Вечер субботы... Работу недельную
Кончил фабричный народ...
Взяв у конторщика плату задельную,
Тихо домой он бредет.

В крайней избе, где бесплодное, дикое
Поле лежит за селом,
Тайно ведете вы дело великое
В царстве рабов вековом...

Вот они, окна избушки морозные
В свете лучины блестят...
В комнате лица рабочих серьезные
С думой глубокой глядят.

Ваня читает: «За волей далекою
Четверо братьев пошли.
Тихо идут они степью широкою
В разные страны земли,

Нет ее!
К северу, в область холодную
Первый приходит, — глядит:
Пашут крестьяне равнину бесплодную,
Жалко их платье и вид!..

Нет им покою в их дряхлой обители,
Вечно паши, борони!
Всё отбирают земли той властители,
Что ни добудут они!

В южные страны, сухие и знойные,
Вышел из братьев второй...
Видит он — массы народа нестройные
Встали за волю на бой...

Грянули залпы в толпу непокорную,
Кровью покрылись поля...
Скоро окончилась бойня позорная,
Снова в неволе земля!

Третий из братьев к востоку отправился...
Видит — приволье и ширь.
Встретил он реку, но вплавь переправился,
Вот перед ним монастырь.

Ярко блестят его главы высокие,
Мох по карнизам растет;
В церкви монахи, суровые, строгие,
Учат терпенью народ.

Низко склонилась толпа безответная,
Внемля их грозным словам;
Видны на лицах тоска беспросветная,
Страх и покорность врагам...

Вышел четвертый из братьев-товарищей
К западу... Пусто вокруг!..
Вместо селений там пни да пожарища,
Голы поля от засух...

Целое племя грабительства жадного
Когти раскрыло в стране;
Гибнет народ от труда беспощадного,
Нет ему воли нигде!

Страшно измучась в бесплодных исканиях,
Встретились братья опять
И рассказали про всё, что в скитаниях
Им привелось увидать.

Где ни посмотришь — нужда безысходная,
Счастья и правды нигде!
Жадные власти, как волки голодные,
Рыщут и грабят везде.

Тронуло братьев народа терпение,
Горе его, и с тех пор
Всюду они проповедуют мщение,
Грозный сзывают сговор!..

Быстро сгово́р тот растет, раздвигается,
Рушится древний покой,
Гнев на народных врагов накопляется
И разразится грозой!..»

. . . .

С дымом и чадом лучина трескучая
В хате мерцает сырой,
Изредка падают угли сыпучие
В грязную кадку с водой...

Жутко! .. Сырые, угрюмые, чадные
Стены из мрака глядят,
Странно по стенам и полкам громадные
Черные тени дрожат.

Словно все духи погибших, в молчании,
Слушать слетелись толпой
Речь о великом народном страдании
И о свободе святой!..

Близкого прошлого образы ясные,
Полные веры друзья!
Быстро надвинулось время ненастное, —
Наша погибла семья!..

Буря гонений в безумной свирепости
Вдруг пронеслась над страной...
Сгинуло всё!.. — Петропавловской крепости
Шпиль заблистал надо мной!

3

После взаимных объятий приветственных
Ваню к селу я подвез.
В тех же прошлись мы владеньях наследственных,
Где на свободе я рос.

Как здесь всё грустно! Покрылся крапивою
Старый заброшенный сад...
Мрачно, как стражи гробниц молчаливые,
Липы в аллеях стоят.

Пусто и глухо! Вот дома развалины
Видны без рам и окон.
Кучи навозу и мусору свалены
Прямо под ветхий балкон.

Это ли дом тот, где шумно съезжалися
Наши соседи толпой?..
Там, где гостей голоса раздавалися, —
Остов остался пустой!

В этом ли остове в годы счастливые
Рвался душою я вдаль?..
Сердце наполнило чувство тоскливое,
Стало былого мне жаль!

В вечность пред страшною времени силою
Вся старина унеслась, —
И над прошедшего мрачной могилою
Новая жизнь разлилась!

Только остались вы, детства влияния,
В душу запали на дно
И прорвалися сквозь радость свидания
С другом, любимым давно!..

Дальше пошли мы.
Вот роща тенистая
С рядом пригорков вдали...
Как разрослись в ней деревья ветвистые!..
Вместе в нее мы вошли,

И в этой роще, где в пору старинную
Целые дни я мечтал,
Тихо мне Ваня всю повесть недлинную
Жизни своей рассказал.

«Помнишь те годы, как бодрые, сильные
Вместе в народ мы ушли?..
Трудные годы, невзгодой обильные,
Сколько вы сил унесли!

После того, как с тобою расстались,
Помнишь, тогда, в феврале,
Долго мы с Соней еще оставались
В нашем фабричном селе.

Вскоре мы стали, с работой освоившись,
К новой среде привыкать...
Сколько народу тогда, поустроившись,
Нам удалось разыскать!..

Скоро нас знал далеко по окрестности
Каждый живой человек...
Только пришлось нам — увы! — в этой местности
Дело покончить навек!..

Раз было время — сырое, дождливое,
Ветер кругом бушевал,
Дробью своею немолчно-шумливою
Дождик тоску нагонял...

Было в тот вечер у нас на собрании
Трое фабричных друзей;
Все мы мечтали, полны упования,
Как через несколько дней —

Только окончат рабочие местные
Время фабричных работ —
Вместе пойдем мы в деревни безвестные,
В серый крестьянский народ.

Вдруг в полутьме наша дверь растворилася,
Взвизгнув на петлях своих;
Целая куча жандармов вломилася
Вместе с толпой понятых! ..

Кончено! Рушилось дело великое,
Жизни развязка пришла!
Грубой рукою действительность дикая
Все наши планы смела!

Вот они, слуги престола законные,
В синих мундирах стоят...
Грустно рабочих глаза изумленные
Всюду за ними следят...

Помню я сцену пред близкой разлукою:
Обыск к концу приходил,
Каждый прощался, подавленный мукою,
Молча со всем, что любил...

Быстро сносили жандармы привычные
В груду большую на стол
Письма, брошюры и книги различные...
Стали писать протокол...

Соня шепнула:
«Два адреса схвачены
В письмах, что сверху, — гляди!
Только что письма к отправке назначены...
Мы не успели снести...»

Вдруг нам предстала картина ужасная:
Обыск... аресты друзей!..
Кто причинит эту гибель напрасную?..
Бросились к письмам мы с ней —

И не успели жандармы смущенные
С мест шевельнуться своих,
Как эти письма, в клочки превращенные,
Были проглочены вмиг!

Всё спасено!..
Офицер наш, как бешеный,
Бледный от злости вскочил...
«Бей их! Вяжи их скорей! — как помешанный,
С пеной у рта возопил, —

Бей их! Вяжи их!»
Кругом завозилися
Верные слуги тотчас.
Мигом веревки на сцену явилися,
Руки скрутили у нас...

С саблями наголо, с руганью грязною
Бросились все к нам потом,
И началася тогда безобразная,
Дикая свалка кругом!

Сам офицер, наших писем лишившийся,
Соню за горло схватил,
Сжав его, словно бульдог обозлившийся...
Соня упала без сил.

Тщетно, до боли напрягши усилия,
Рвал я веревки свои,
Снова я падал на землю в бессилии,
С злобою жгучей в крови!

Чем эти сцены потом завершилися,
Право, и вспомнить невмочь!
В местном остроге мы все очутилися
В эту же самую ночь!

Медленно в мрачной тюрьме беспощадные
Годы пошли чередой,
Скрылися воли картины отрадные.
Только лишь поздней порой,

В полночь глухую, в часы нестерпимые
Долгих тюремных ночей
Смутно мы видели сцены любимые
Жизни прошедшей своей...

Вскоре потом началися дознания,
Ставки, допросы пошли.
Сколько гнетущей тоски и страдания
Нам эти дни принесли!

Вечная пошлость, придирки, нелепости —
Всё мы испили до дна...
После трех лет заключения в крепости
Соня была сослана́.

Год с небольшим просидев в заключении,
Я на свободу бежал
С жаждой могучей кровавого мщения...
Вновь я друзей увидал.

Только лишь редки, как пни на пожарище
В зелени новой лесной,
Старые наши друзья и товарищи
Были в семье молодой!

Вспомнили вместе мы силу громадную
Прежней великой семьи
И за погибших на месть беспощадную
Отдали руки свои...

Вот уж два года, как вновь обновленные,
Бьемся с врагом мы опять.
Еду теперь я в края отдаленные
Соню из ссылки спасать».

Кончил он...
Тихо на землю спускалася
Ночь с голубой высоты,
Низко над лесом луна показалася,
Светом обливши кусты,

И, миллионами звезд переполненный,
Ярко весь свод заблистал.
Чудной, казалось, гармоньи исполненный
Голос в природе звучал:

«Видишь, как жизни движенье могучее
К цели предвечной идет?
Сила свободы борьбою кипучею
К счастью людскому ведет.

Гибнет насилия царство бездольное
В свете живящих лучей...
Скоро услышишь ты выстрелы вольные
В родине бедной твоей!

Скоро услышишь... То сила великая
Рвется под гнетом оков;
Падает, рушится зверское, дикое
Царство народных врагов!»

В дальних селеньях огни засветилися,
В мраке мерцая чуть-чуть.
Время расстаться!.. Мы с Ваней простилися,
Дальше поехал я в путь.

1880

* * *

Там, средь движенья
Стройных систем мировых,
Нет треволненья
Бурь и страданий земных.

Здесь же народы,
Вечно в цепях и крови,
Ищут свободы,
Истины, братства, любви.

<1880>

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

Ежемесячное издание

Петербург—Москва. 1880—1881

Н. А. САБЛИН

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

(Разговор рабочего с фабрикантом)

«С чем, брат, предъявился?
Приплелся зачем?
Думал, что простился
Я с тобой совсем!»

— «Руку оторвало, —
Чай, помочь не грех,
Работал немало
Для твоих утех».

— «Малый ты не старый,
Чтоб с сумой ходить,
Мне же не пристало
Даром вас кормить».

— «На твоем заводе
Я ведь рук лишен...
Чай, при всем народе...»
— «Ты, брат, мне смешон,

Ты ведь был свободен,
Кто тянул тебя?
Сам пришел, был годен —
Ну, и принял я;

Руку оторвало —
Стал негож теперь,

Ну, вот — образ, малый,
А вот это — дверь!

У тебя землица,
Есть чем, значит, жить,
Есть чем прокормиться —
Стыдно зря просить!»

— «Землю-то, позволь-ка,
Я в аренду сдал;
Чтоб приняли только,
Пять рублей отдал.

Ведь ее задаром
Лишь дурак возьмет;
Хоть оброк-то барам
С нас теперь нейдет,

Так в казну поборы —
Чистый всем разор, —
Помирать, так впору...»
— «Мелешь, братец, вздор!

Я и так немало
Извожу деньжат;
Сил моих не стало...
Мало вас лежат

Здесь в больнице нашей?
Я ведь вас лечу,
Из-за лени вашей
Лекарям плачу.

У меня здесь, слышал,
Двое докторов,
Из больницы вышел —
Значит, ты здоров!

Не держу паспо́рта
И расчет отдал,
Так какого ж черта
Ты ко мне пристал?!»

<1880>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Время, братцы, уж приспело,
Не пора ли начинать?
Смело примемся за дело,
Гей, землицу добывать!

Много лет мы слезы лили;
Не видали красных дней;
Спину гнули, волком выли
Из-за бар, из-за царей...

Не радел царь в нашем горе, —
Время, что ль, ему радеть!
Слёз наплакали мы море,
Не конец ли нам терпеть?

Нам до смерти надоело
Голодать да холодать;
Станем мы горой за дело,
Гей, землицу добывать!

Ну-ка, братцы, дружно, смело
Не пора ли начинать?
Станем мы горой за дело,
Гей, усадьбы разорять!

Пусть увидят братья, люди,
Пусть увидит мир честной,
Что кипит в могучей груди
Правой мести дух святой.

<1880>

НА РОДИНЕ

Лондон — Женева. 1882—1888

Н. А. САБЛИН

НОВЬ

(Отрывок из неоконченной поэмы)

Посвящена Анне Васильевне Якимовой

Глава 4-я

Утро. Ночи тьма редеет,
День чуть брезжить стал...
Возвратившись поздно, пьяный,
Дремлет генерал.
Вот сквозь сон он ясно слышит —
Отворилась дверь,
И к нему Малюта входит,
Сам Малюта-зверь;
К ложу пышному подходит
Твердою стопой...
И с Малюты глаз не сводит
Генерал седой...
«Гость нежданный — что татарин!
Рад ты иль не рад,
Принимай меня: недаром
Я покинул ад!»
— «Чем служить могу Малюте?» —
Генерал сказал
И красивым жестом молча
Кресло указал.

Сели. «Слушай-ка, кормилец,
Я в аду слыхал,
Что душить крамолу грозно
Ты в России стал?»
— «Да, служу моей отчизне
Я по мере сил
И косой закона плевел
Много покосил!»
— «Ну, так я к тебе с поклоном,
Друг, — не откажи!
Разожги ты кровь мне в жилах,
Пытку покажи!
Всюду новь — чай, тоже в пытках
Новый обиход?»
— «Покажу, изволь, хоть тотчас
Двинемся в поход!»
Видит дальше, что с Малютой
Он в тюрьму идет,
О былом с ним гость дорогой
Речь свою ведет:
«При царе Иване Грозном
Лихо я пытал;
Много крови пролил, мяса
Много растерзал!
Понатешил душу вдосталь.
Если ж вспоминать, —
И таких видал, что пыткой
Даже не пронять.
Помню я: один боярин
Приведен был... Что ж?
Ни словечка, как глубоко
Ни вонзали нож!..
Из спины кроили сразу
Два ремня — молчит,
А из раны кровь струею
Алая бежит...
Припекать железом стали,
Думали — проймет!
Всё молчит и лишь молитвы
Тихо к небу шлет...
Подвял я его на дыбу,
Ногти вырывал,

Кипятком, и льдом, и кошкой —
Всем его пытал,
Так и бросил, не добился,
Он не застонал! ..
Через день его в синодик
Грозный записал...
А то раз попал в застенок
Сокол молодой.
Был станичник он удалый,
Грабил под Москвой,
И богатому — проезду
Парень не давал,
Бедняков не трогал пальцем,
Сам им помогал...
Привели его на пытку —
Рослый удалец! ..
— Ну, скажи-ка, с кем ты грабил,
Добрый молодец?
— Я тут весь перед тобою,
Ты во мне волён,
Но предать... скорей язык свой
Вырву с корнем вон! .. —
Я ему смолой на спину
Капать приказал —
Он как пень стоит и терпит,
Даже не стонал
И не морщился, как будто
И смола не жжет! ..
— Не томи меня, признайся! —
Он свое поет!
Начал крючьями я тело
Белое терзать;
Всадишь крюк — и дрогнет тело,
Вырвешь — дрожь опять...
И на свежие я раны
Солью посыпал,
И спиртами да настоем
Всласть их поливал...
Сам зашел вперед и в очи
Молодцу гляжу:
— Слышишь, парень, эй! признайся!
Скажешь? — Не скажу! —

И треща ломались кости,
И хрустела грудь...
Длил неистово я пытку,
Не давал вздохнуть...
Вдруг глаза перекосило...
Крик протяжный... вздох,
И, товарищей не выдав,
Негодяй издох!..»
— «То-то вот, вы торопились, —
Как бы поскорей!
Зря терзали только тело,
Мучили людей!..
А ведь в теле — образ божий,
И терзать — грешно!
Вот душа! Она без формы!
Душу — ничего!..
И для дела-то полезней —
Ты увидишь сам!..
Вот сюда теперь... к подъезду
Путь, Скуратов, нам».
Вот широким коридором
Направляют путь...
— «Нам куда сначала, к бабам,
Что ли, завернуть?
Ишь глаза-то засверкали!
Ну, пойдем, пойдем...
Чем потешить дорогого
Гостя — мы найдем!»
Сам над шуткой захихикал
Мрачный балагур,
И игриво в бок Малюту
Локтем он толкнул.
И вошли... Малюта ахнул:
Камер — без числа!
«Нынче осень урожайна,
Много принесла!
В каждой камере стекольце
Вделано в дверú,
Коли любо — забавляйся,
Сколько хошь смотри!..
Ну, вот эта больше года
Здесь уж прожила.

На допросах нас сердила —
Чересчур смела...
Письмецо с условным шифром
У нее нашли!
Ну, девицу тотчас взяли,
В крепость привезли...
— Вам известен шифр? — Конечно! —
Как же ей не знать.
— Не угодно ли нам способ
Этот указать?
— Не затем, чтоб вам открыла,
Доверялись мне!
— Ну так вам придется долго
Посидеть в тюрьме!
— Вы меня не испугали,
Знаю это я! —
И сидит... А жаль семейство —
Честная семья...»
Глаз приставивши, Малюта
На нее глядел;
Генерал в стекло небрежно
Тоже посмотрел...
«Ничего. Не изменилась:
Тот же самый взгляд,
Те же волосы густые
По плечам лежат.
Мы недавно только книжки
Дали ей читать,
Стала будто веселее —
Надо отобрать!..
Эка злоба!.. И ничем ей
Душу не проймешь!..
Ну, сидеть тебе, покуда
В землю отойдешь!
Через номер тут девчонка:
Ей семнадцать лет...
На допросах: — Всё забыла! —
Весь ее ответ.
Года три как их забрали —
Мать и дочерей:
Бунтовать там в сельской школе
Вздумали людей!..

Эта сильно изменилась —
Знать, душа болит...
Посмотри: ребенок с виду —
А в ней бес сидит!»
И Скуратов с генералом
Приложили глаз...
Было в камере темненько —
Слабо пущен газ...
У стены стоял ребенок,
Глухо он рыдал...
Вдруг рыданья перервались,
Он захохотал...
Дико хохот раздавался,
Оглушая свод.
Генерал шептал: «Прекрасно!
Хорошо идет!
Вот теперь мы на допросы
Вызовем тебя...
Запоешь ты, как нам надо,
Нынче у меня!»
Хохот кашлем заменился...
Плюнула в платок,
На платке образовался
Розовый кружок...
И махнула безнадежно
Слабою рукой...
«Всё равно... — она шептала, —
Путь покончен мой!..
Всё равно... А близко воля —
Тут ведь, за стеной...»
И к стене она припала
Русой головой...
Вдруг улыбкой озарились
Бледные черты;
Радость, волю ей рисуют
Дерзкие мечты...
Но ведь радости ревниво
Гонит прочь тюрьма,
И вот... образы иные
Видит въявь она...
Вот в ее глубоких глазках
Отразился страх...

Мать пред нею как живая,
Руки в кандалах...
«Мама милая!» — и разом
Ринулася к ней...
Сил уж нету... И упала
С криком у дверей...
«У тебя бежит, Скуратов,
По лицу слеза?!
Полно... Полно... ободрися
И утри глаза! ..
Встарь ты не был так изнежен,
Мучил зауряд!»
— «Нет, клянусь тебе, я в жизни
Не пытал ребят! ..»
— «Ну, да мы, Малюта, разом
Дух развеселим —
Диво-дивное покажем...
Здесь вот! .. Поглядим...
Видишь — женщина? Красивей
Редко встретишь ты!
Смелый взгляд, как у орлицы,
Гордые черты...
Выступает величаво,
Ростом, всем взяла...
Проживать бы в свете павой.
Нет! .. В народ пошла!
С месяц здесь, как опросталась,
Дочку родила...
Мы ребенка отобрали...
Долго зла была!
Неприступна как тигрица,
Всё швыряет, рвет...
Ночь настанет, так со злобы
До утра ревет! ..
Чрез неделю словно сняло
Зло с нее рукой...
Вызывает прокурора.
Тот пришел со мной...
— Возвратите мне ребенка! —
Прокурор в ответ:
— В показаньях откровенней
Будете иль нет? —

Просит, молит: — Пожалейте!
Пощадите мать!..
За какие ж преступленья
Должен он страдать?..
Вы загубите ребенка...
— Что ж возиться с ним?
Где жалеть нам поросенка,
Коль свиней палим?! —
Обмерла. Мы постояли
Так минут с пяток
И ушли... Вдруг донесенье
Мне под вечерок:
«Честь имею...» и так дальше
Этого числа...
Без причины арестантка
Вдруг с ума сошла...
Посмотри: качает тряпки
На своих руках...»
Взор блуждающий, без смысла,
И лицо в слезах...
Вот она засуетилась —
Мучит скорбь ее...
Ищет, ищет... перерыла
На руках тряпье.
«Не нашла!» — И крик раздался,
Страшный, скорбный крик...
Над несчастной издевался
Генерал-старик...
— «Не нашла? Ну, постарайся!
Это не беда!
Завалился? Что же, нету?
Нету и следа?
Ах, несчастная, как жалко —
Видно, не найдет?!»
Вдруг страдалица поднялась
И к окну идет.
Словно что-то против воли
Бедную влекло!
Вот рукой она взмахнула —
Вдребезги стекло,
И осколком режет шею..,
Кровяной фонтан

Брызнул на стену, и стройный
Покачнулся стан...
На колена опустилась,
Оперлась рукой
И безжизненно упала
На пол головой...
Видя это, сам Малюта
Словно задрожал...
Не смутился лишь привычный
К делу генерал.
И спросил он гостя: «Нашу
Как вы новь нашли?
Вы ли нас хитрее были?
Мы ль вперед ушли?»
— «Победили вы, — Малютин
Был на это сказ, —
Мы спроста бывали люты,
Вы ехидней нас! ..»

1880

Н. А. САБЛИН или С. С. СИНЕГУБ

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОКУРОРА ЖЕЛЕХОВСКОГО ПО ДЕЛУ 193-х (1877—78)

Я скажу вам предварительно,
Что защитники губительно
На преступников воздействуют,
Преступленьям их содействуют:
Раздувают страсти бурные
И внушают им мишурные
Пожеланья конституции, —
Просто сеют революцию!
Обратили заседания
В парламéнтские собрания!
Что мы видим? — Агитацию,
Дерзость, буйство, протестацию,
Суд поносят подсудимые!

И, из них же выводимые,
Чуть не поднимают крик:
«Vive la République!» [1]
В этом лишь одни виновны
Адвокаты поголовно!
В их вполне непозволительном
Поведеньи отвратительном
Представитель обвинения
Не находит уважения:
То со злобой, худо скрытою,
То с насмешкой ядовитою,
Попирая все приличия,
В грязь топча суда величие,
Отвечают обвинителю,
Мне — закона охранителю! —
Обратив суда внимание
На такое поругание
Обвиненья и суда,
Приступаю, господа,
Относясь к суду почтительно,
Прямо к речи обвинительной.

(Указывая на скамью подсудимых.)

Вот мы видим представителей
Государства разрушителей!
Сброд воришек и грабителей,
Огорчающих родителей.
Бросив в школах обучение,
Все они, без исключения,
Зарядив себя идеями,
Порожденными злодеями,
С криком: «В бой, друзья, с рутиною!»
Русь, как сетью, паутиною,
Разорвав с семьею, с обществом,
Всю опутали сообществом;
Занимаясь агитацией,
Прибегали к конспирации:
Местожительство скрывали,
Кличек членам надавали —

[1] Да здравствует Республика! (франц.). — *Ред.*

Так, Надежду звали Надькой,
Катерину звали Катькой,
Васькой назвали Василья!
Но напрасны их усилья...
Правда, лишь по ихней милости
И по их же крайней лживости,
Правды, истины скрывательства,
У меня нет доказательства,
Что сообщество реальное,
А не только идеальное
По империи разлилося,
На скамьях здесь очутилося.
Но известно, господа,
Представителя суда
Очень чуток нюх собачий,
Несомненнее тем паче
Чуткость сердца прокурора.
Это — истина вне спора.
Я на этом основаньи
Говорю без колебанья,
Как мне сердце говорит,
Как оно сказать велит,
Что путем теснейших уз
Связан подлый их союз!
Раздувая страсти дикие,
Отрицая брак, религию,
Власть, имущество, монархию,
Проповедуя анархию,
Воровски прикрывшись маскою,
Под одеждою крестьянскою,
Ложь, обман пуская в ход,
Пробрались они в народ.
Я не знаю, что б случилося,
Сколько крови бы пролилося,
Если б мужики к начальникам,
К становым своим, к исправникам
И к ближайшей властной братии
Не питали бы симпатии!
Но, спокойно выжидающий,
Слово власти уважающий,
Не без доброго последствия
Перенес народ все бедствия.

И, Христу благодаренье,
В мужике для нас спасенье!
Так, служа Руси основою,
Дорожа свободой новою,
Без обычной своей лености,
Полн сыновней откровенности,
Веры в власть и упованья,
О мятежных злодеяньях
Представлял он донесения
В волостные управления.

(С восторгом.)

Вот высокоблагородная,
Вот черта вполне народная!
И, ввиду такого качества,
Революция — ребячество!
Я прибавлю положительно:
Если б суд да исключительно
Доверял вполне свидетелю,
Лишь с такою добродетелью,
Вообще и ныне в частности, —
Русь была бы вне опасности.

(С грустью.)

Жаль, такие все свидетели
Крест несут за добродетели!
Как помыслю, как стараются
Люди злые, непокорные
Их унизить! . .
Клеветой грязнят их черною
И, ругаясь над законами,
Именуют их шпионами!

(Убедительно.)

Не шпионы-с, — доносители,
Государства охранители!

(Махнув рукою.)

Впрочем, все их ухищренья,
Все их злобные ученья,
Все дела сих развратителей
Не опасны для правителей.
И не стоило б вниманья
Обращать на их деянья,

Но они закон попрали,
Даже суд ваш оплевали,
Наущенные коварною
И к властям неблагодарною
Адвокатскою оравою —
Этой гидрой многоглавою.
Вы терпели слишком долго,
Посему, во имя долга,
За закона поруганье
Я взываю к мщенью, к мщенью,
Сообразно Уложенью!
А за порчу добрых нравов
Их, по божескому праву,
В ад кромешный упекут.

(Грозясь.)

Там возмездие найдут,
В этом Третьем отделеньи
Мирового управленья.

(Разгорячась.)

Люцифер с своей командой
Разочтется с этой бандой:
Жилы вытянет из них,
Кожу с них сдерет, с живых,
Будет драть их оголенных,
Да на плитах раскаленных.
Среди смрадной духоты
Будет их варить и жарить,
И из серной кислоты
Будет им клистиры ставить.
И, клянусь, я сам не прочь
Люциферу в том помочь! . .

1877

А. П. БАРЫКОВА

СКАЗКА ПРО ТО, КАК ЦАРЬ АХРЕЯН ХОДИЛ БОГУ ЖАЛОВАТЬСЯ

Петербург. 1883

Не бояр, не вельмож тароватыих,
Не боярынь-красавиц приветливых
Потешать я хочу сказкой новою,
Красным словом, что бисер нанизанным;
Гусляру-молодцу, парню вольному,
Не корыстны подачки боярские —
С гордых плеч дорогие обносочки,
Со столов со вельможных — объедочки,
Милость барская — сытость кисельная! ..

Ох ты гой еси, голь перекатная,
Перекатная голь, непокрытая!
Для тебя моя сказка сложилася,
Чтоб и ты, голытьба, распотешилась
Да сквозь слезы свои вековечные
Хоть разок от души рассмеялася! ..

1

Далеко ли от нас — догадайтеся,
И давно ли — смекните, ребятушки,
Было царство издревле крещеное,
Спокон веку веков православное,
Спокон веку большое, могучее;
В берегах во крутых, во кисельныих
Протекали там реченьки быстрые,
Всё молочные речки, медовые,
Что моря-окианы глубокие;
Золотые ли горы высокие
Поднимались до синего дó неба;

Зеленели леса изумрудные
Выше облака в небе ходячего;
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Вся-то красного, чистого золота,
Что морская волна разливалася.
А привольные степи широкие,
Что ковры дорогие персидские,
Расстилалися о́т моря до́ моря.
Города — золоченые маковки
Там росли, что грибы во сыром бору;
Нарождалось там люду крестьянского,
Да такая несметная силушка, —
Звездочеты считали, да сбилися...

Всё-то было в той дивной сторонушке, —
Одного только, братцы, там не было:
Не жилось там святой Правде-матушке,
А с того и всё царство в разор пришло.

Обмелели совсем, пересякнули
Те молочные речки, медовые;
Золотые все горы высокие
Обернулись в пески рудо-желтые;
Вековые леса изумрудные
На корню засыхали — валилися;
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Зарастала полынью-крапивою,
Лебедою-травой ядовитою;
Теснота-духота подневольная
Развилась во степном во раздольице;
В городах — золоченые маковки,
Да и в селах больших со приселками
Бесталанному люду крестьянскому,
Люду темному, люду бездольному,
От неправды лихой житья не было...
И то царство большое, могучее
(Прозывалось оно «Ахреяновкой»)
У соседушек в грош не считалося,
У заморских лихих пересмешников
Не в добре, не в чести было исстари;
Величалось лесной деревенщиной,
Деревенщиной — глупой засельщиной...

Как про то разоренье-стыдобушку,
Про несносные беды народные
Знали-ведали все люди добрые, —
Слухом вся-то земля переполнилась;
Да не ведал, не знал православный царь,
Той страны государь недогадливый,
Ахреян, по отцу Ахреянович.
Он сидел во своем стольном городе
На престоле отцовском и дедовском,
В золоченых хоромах украшенных,
За высоким за тыном железным, —
Для народу неслышно, невидимо;
Прохлаждался с лихой полюбовницей,
Разноглазою Кривдой проклятою,
Да с своею опричиной подлою,
Со князьями-боярами глупыми —
Дармоедами злыми, беспутными,
С неразумною Думой боярскою,
С завидущим поповским отродием,
С загребущею сворой холопскою.
За высоким за тыном железным
Не слыхать ему стону народного,
Не слыхать ему хохоту вражьего,
Не видать разоренья-стыдобушки...

Долго деется дело, ребятушки,
Да не скоро и сказка расскажется:
Нашей сказке еще не конец пришел,
Наша сказка сейчас начинается...

2

Не гроза в небесах собиралася,
Загорелась не яркая молния,
Да не гром грохотал во подне́бесьи, —
Собиралася свет Правда-матушка
Во великий поход на врагов своих:
Ахреяна-царя недоумочка,
С полюбовницей Кривдой проклятою
Да с опричиной царскою подлою.
Светит Правда — что яркая молния,

Созывает дружинушку храбрую
Громче страшного грома небесного:
«Уж ты гой еси, войско великое,
Удалая дружинушка храбрая,
Люди добрые, люди крещеные
Духом истинным света небесного,
В ком живая душа не померкнула,
Не застыло еще сердце честное, —
Соберитеся все, содружитеся,
Заступитеся грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
За моих обездоленных детушек,
Разноглазою Кривдой замученных,
За меня ли, за Правду, за Истину!»

С четырех со концов света белого —
И с Востока, и с Юга, и с Запада,
И с холодного дальнего Севера —
Откликалась дружина могучая.
Собралась-содружилась, сплотилася,
Становилась в ряды неразрывные,
Под святыми знаменами светлыми
Подступала ко стольному городу
Ахреяна-царя недоумочка.
Повалила высокий железный тын,
Начинала сраженье великое,
Рукопашный бой: грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
Заступалась за Правду, за Истину,
За несчастный народ обездоленный.
Ахреяну-царю за беду пришло;
Больно колет ему Правда-матушка
Оловянные очи бесстыжие;
Услыхал Ахреяныч народный стон,
Увидал разоренье-стыдобушку;
Зашатался под ним золотой престол,
И тяжелая шапочка царская
С головы неразумной свалилася.
Закричал он со страху великого,
Завопил, словно боров зарезанный,
Заревел, как медведь на рогатине:
«Ох ты гой еси, душенька милая,

Полюбовница царская верная,
Разноглазая Кривда проклятая!
Ты вставай со пуховой постелюшки,
Одеяльца шелковые скидывай;
Собери-ка опричину подлую —
Вишь она на карачках расползалась,
Подхватив животишки трусливые, —
Выручайте меня, царя-батюшку!..»

Откликалася Кривда проклятая,
Говорила царю льстивым голосом:
«Не тужи, не горюй, православный царь,
Ахреян ты мой свет Ахреянович!
Я тебя, ненаглядный мой, выручу;
Правде с Кривдой вовеки не справиться:
Ведь дружина у ней — голь кабацкая,
Неумытая голь, непокрытая;
Не хитро нам ту челядь ледащую
В табачок растереть да и вынюхать!
У меня ли войска всё отборные,
Тридцать тысяч полков без единого;
У меня ли оружие бранное,
Самопалы, пищали заморские;
У меня ли подвалы глубокие,
Пытки страшные, казни позорные!
Погоди-посиди, ненаглядный мой,
Я как раз это дельце обделаю, —
Заживем мы с тобою по-старому».
И пошла на расправу жестокую
Разноглазая Кривда проклятая.
Недоумок царек приосанился,
Подобрал свою шапочку царскую,
Зычным голосом молвил на радостях:
«Не страшна ты мне, Правда великая!»

Ополчалася Кривда проклятая,
Собирала всю силушку темную,
Созывала войска всё отборные,
Тридцать тысяч полков без единого,
За тридцатым сама становилася;
Нападала на Правду, да с хитростью:
В чистом поле капканы ей ставила;

Полонила-взяла Правду-матушку,
Изловила святую арканами,
Всю опутала цепью железною,
Кандалы надевала тяжелые,
Запирала в подвалы глубокие,
В погреба ли, в застеночки крепкие,
Отдавала на муки великие
Палачам-молодцам в поругание:
«Чтоб не видела ты свету божьего,
Чтоб вовеки у нас в Ахреяновке
Не слыхать было духу постылого,
Того духу святого, правдивого!
А дружину твою, голь кабацкую,
Мы искрошим-зарубим без жалости.
А кого не побьем, так в полон возьмем,
Запытаем-замучаем дó смерти!»

Ну и диво тут, братцы, случилося!
Во подвалах во темных, глубокиих
Правда-матушка всё-таки светится
Ярче летнего солнышка красного,
Ярче светлого месяца нового,
Ярче молнии в ноченьку бурную, —
Палачам-молодцам не убить ее.
Голос вещий в застенке гудит-гремит
Громче страшного грома небесного:
«Стой, дружинушка храбрая, верная!
Стойте, братцы, за Правду, за Истину!»
И стоит удалая дружинушка,
Вся рядами стоит неразрывными
Под святыми знаменами светлыми;
Напролом идет грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи;
Бьют ее, а она прибавляется,
Разрастается грозною тучею.
Осерчала тут Кривда проклятая,
Возвращалась домой к полюбовнику
Ахреяну, царю-недоумочку,
Говорила ему таковы слова:
«Ох ты гой еси, царь-недоумочек,
Неразумный ты мой полюбовничек!
Знать, сильнее нас Правда постылая!

Мне не справиться с голью кабацкою;
Бьешь ее, а она прибавляется,
Разрастается грозною тучею,
До тебя, до царя добирается!
Надевай-ка ты шубоньку царскую,
Надевай сапоги скороходные,
Снаряжайся-ка в путь, во дороженьку —
Во далекий путь, в царство небесное.
Сбегай — господу богу пожалуйся
На неверный народ ахреяновский,
На великую Правду постылую;
Захвати с собой свечку семи пудов,
Ставь к престолу его ко пресветлому;
Ведь недаром ты божий помазанник!
Пусть пошлет он нам силы небесные,
За тебя за царя пусть заступится,
За твое за величество царское,
Заживем мы с тобою по-старому!»

Испугался царек-недоумочек,
Снаряжался в дорогу живой рукой,
Надевал сапоги скороходные,
Брал тяжелую свечку семи пудов,
Шел во светлое царство небесное
С челобитьецем, слезною жалобой
На неверный народ ахреяновский.

8

Мало ль, долго ли шел он, ребятушки,
Шел всё по небу, словно по лесенке,
Со звезды на звезду перешагивал,
Белы облачки вскок перепрыгивал,
И взобрался-таки до седьмых небес,
До пресветлых врат царства небесного;
Глядь-поглядь, ан калитка затворена,
Петр-апостол с ключом на часах стоит.
Ахреян-царь апостолу кланялся,
Ожидал себе пропуску скорого.

Петр-апостол вскричал грозным голосом:
«Человече! Откуда пожаловал?

По какому ты виду здесь шляешься?
Здесь у нас, в небесах, ноне строгости:
Выпускаем, впускаем с оглядкою, —
Не сбежали б без спросу угоднички,
Не зашли бы сюда беспашпо́ртные.
Покажи-кась свой вид — не фальшивый ли?
На тебе, вишь, одежа-то царская,
А по роже видать, что холоп-прохвост!»

Ахреян на ту речь обижается,
Гладит с гордостью бороду царскую,
Отвечает апостолу с дерзостью:
«Аль ослеп ты, Петруша, на старости, —
У царя вздумал пашпорта спрашивать?
Не признал, что ль, знакомого сослепу —
Ахреяна, царя православного?
Али свеч тебе мало мы ставили?
Мало риз золоченых поделали?
Аль не пели молебнов с акафистом?
Не чадили, что ль, в нос тебе ладаном?
Аль ты, старый, не знаешь, не ведаешь,
Что и все мы, цари, богом данные,
Спокон веку веков — беспашпо́ртные?»

Осерчал Петр-апостол, разгневался,
Начинает ротитися-клятися:
«В очию, смерд-прохвост, завираешься!
Знать не знаю тебя и не ведаю, —
Отродясь ваших свеч я не видывал,
Отродясь и молебнов не слыхивал,
Золоченыих ризок не нашивал!..
Ох ты гой еси, стража небесная, —
Все святые архангелы-ангелы!
Эй! Хватайте бродягу-охальника,
Самозванца-царя беспашпо́ртного!
Закрутите ему белы рученьки
Да стащите к Михайле в участочек,
Пусть-ка ввергнет его в тьму кромешную,
В ту геенну-кутузку вонючую!»

Налетали архангелы-ангелы,
Ахреяна-царя брали за́ руки,

Прикрутили веревками накрепко;
Брали царскую шубку за шиворот,
Повели Ахреяна в участочек,
К самому ли Михайле-архангелу.

Им навстречу во образе странника
Чудотворец Микола-угодник шел.
Увидал он царя, да и сжалился
Над бедою его неминучею,
Над людскими слезами горючими,
Над мученьем души человеческой;
Вопрошал Ахреяна он ласково:
«Человече! Почто тебя мучают?
За какие грехи твои тяжкие
Волокут во геенну вонючую?»
Падал царь Ахреян на коленочки,
Слезно плакал, молился угоднику:
«Ох ты гой еси, божий угодничек,
Милосердный святитель Микола-свет!
Аль и ты не признаешь знакомого,
Своего ли молельщика верного,
Ахреяна, царя православного?
Али свеч тебе мало я ставливал?
Мало риз надарил золоченых?
Аль ленились попы толстопузые —
Не певали молебнов-акафистов?
Не кадили тебе божьим ладаном?..
Заступись за меня, горемычного,
Повели развязать руки белые,
Проведи меня к господу в светлый рай!..»
Отвечает угодник с усмешкою:
«Хоть не знаю тебя и не ведаю,
Хоть молебнов поповских не слыхивал
И не нюхивал вашего ладану, —
Всё ж тебя, Ахреян, я помилую,
Из беды неминучей повыручу,
Провожу тебя к господу в светлый рай.
Ох ты гой еси, стража небесная,
Отдавай-ка царя на поруки мне!»

Разлетелась тут стража небесная,
Ахреяна с Миколой оставила.

Вопрошал Ахреяна угодничек,
Сам развязывал рученьки белые:
«Ты зачем же к нам, милый, пожаловал?»
Отвечал Ахреян, низко кланяясь:
«Я пришел, вишь ты, к господу с жалобой
На неверный народ ахреяновский,
Захватил с собой свечку семи пудов
Ко престолу его ко пресветлому...»

Вопрошает Микола-угодничек:
«Да тебе, слышь, которого надобно?
Ведь уж наши давно разделилися,
На три дома живут, и скотинушку —
Вопиющу, поющу, взывающу,
И людишек — скотину глаголющу —
Поделили, родимые, поровну...
Бог-отец-то, старик, — не у дел теперь;
Знай себе день-деньской на перинушке
Чистых облачков белыих нежится
Да у солнышка красного греется...
Что ж, к нему, што ль, вести тебя, миленький?»

Призадумался царь-недоумочек,
Долго в царском затылке почесывал:
«Уж веди по порядку ко всем троим...
Кабы, дядя, знатье мне да веданье,
Захватил бы три свечки семи пудов;
Набрехала мне Кривда проклятая,
Чтоб я к троице шел с одной свечкою.
Вот теперь мне как будто и совестно...»
Отвечает Никола-угодничек:
«Им такого дерьма и не надобно!»

4

Не хоромы стоят, не высокие,
Златом-серебром все изукрашены, —
Твердь небесная синяя высится,
Изукрашена частыми звездами;
Во святом-то углу не лампадочка —

Светел-месяц серебряный теплится,
Да не печка в другом углу топится —
Красно солнышко жарко растоплено;
На печи-то лежит не перинушка,
Не высокая пуху лебяжьего —
Лежат чистые, белые облачки,
А на облачках чистых, на белыих
Сам господь Саваоф держит свой престол.
Падал царь Ахреян на коленочки,
Не стерпел того света великого;
От несносного страху от божьего
Задрожали поджилочки царские;
Молча клал он свечу воску ярого,
Дорогую свечу-то семи пудов,
Ко подножью престола пресветлого...
Глядь — от солнца свеча растопилася
И чадит на всё царство небесное.

Пробуждался господь, беспокоился:
«Эй! Какой тут дурак неотесанный
Начадил-навонял на всю горницу!
Али нонче на небе блины пекут?»
Отвечает Микола-угодничек:
«Не блины пекут, господь-батюшка,
А пришел человек с челобитною;
Приносил он тебе, не прогневайся,
Дорогую свечу воску ярого,
Да на солнце свеча растопилася, —
Вишь, чадит на всё царство небесное!»
Усмехнулся господь, молвил ласково:
«Ну, чего ж ему, глупому, надобно?»
В бок толкнул Ахреяна угодничек:
«Говори же, зачем пришел, сказывай!»
Ахреян за Миколу хоронится,
Взговорил, — сам дрожит, как осинов лист:
«Ох ты гой еси, отче наш, батюшка!
Грозный царь всех царей и господь всех господ!
К тебе, господу-богу, я с жалобой
На неверный народ ахреяновский;
Заступись за меня, за избранника,
Ахреяна — царя православного,
За мое за величество царское!

Дай победу ты мне, одоление
На великую Правду постылую,
Накажи супостатов-крамольников!
Ведь недаром же я твой помазанник!»

Не по нраву пришлось слово царское
Саваофу-творцу, вседержителю;
Распалился господь гневом праведным,
Из очей его молнии сыплются,
Молвит слово — гроза разыграется,
Топнет ножкой — весь мир содрогается:
«Ах, ты подлый червяк, ядовитый гад,
Вошь ползучая, мразь кровожадная!
В очию́ ты, червяк, завираешься!
Не избранник ты мой, не помазанник!
Отродясь твоей глупой головушки
Я святым своим миром не мазывал!

Было время, царек, было старое,
Наказал я народ свой Израйлев
За его ослушанье великое
Самуилу-пророку премудрому
И за все прегрешения прежние
Избирал пастушонка ослиного,
Ставил на́ смех царем над Израилем,
Чтоб казнились людишки безмозглые,
Не просили б царей себе — идолов!

Вот с тех пор и пошла ложь великая:
Брешут ваши попы толстопузые,
Будто я всех вас, дурни, помазывал!
Да я знать вас не знаю, не ведаю,
Кровопийцы, отродие Каина,
Палачи, душегубы, грабители!
Вас помазала подлость холопская,
Загребущая лапа поповская!
Да уж скоро вам, сволочь, конец придет!»

В бок толкнул Ахреяна угодничек:
«Ну, пойдем, пока цел, Ахреянович!
Видишь, дело твое здесь не выгорит!»

И повел он царя в вертоград Христов...

5

У Христа, спаса нашего, батюшки,
Во его вертограде зеленыим
Ликование шло, радость велия:
Принимает Христос дорогих гостей,
Дорогих ли гостей, души праведных,
Разноглазою Кривдой замученных.
Принимает Христос, обнимает их,
Раздает им венцы светозарные,
Говорит им господь таковы слова:
«Ох вы гой еси, воины храбрые!
Честь и слава вам всем, память вечная,
Да Христово спасибо великое!
Постояли вы грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
За моих обездоленных детушек,
За мою ли за братию меньшую,
Да за матушку Правду, за Истину!»

Как тут входит Микола-угодничек,
Ахреяна-царя ведет за́ руку.
Падал царь Ахреян на коленочки,
Не стерпел того света великого;
От несносного страху от божьего
Задрожали поджилочки царские, —
Ни словечка не смеет он вымолвить...

Оглянулся Христос, милосердный Спас,
Увидал он Миколу-угодничка,
Усмехнулся с великою ласкою;
А взглянул на царя да признал его —
Осерчал, милосердный, разгневался:
«Белены, што ль, объелся, Николушка,
В вертоград мой привел царя-Ирода,
Моей братии меньшей мучителя,
Моей Правды великой гонителя?
Уводи его, Ирода, с глаз долой!»

В бок толкнул Ахреяна Миколушка:
«Ну, пойдем, пока цел, Ахреянович!
Вишь, и здесь твое дело не выгорит...

Видно, дело твое, брат, неправое!..
Уж не знаю, — вести ль тебя к третьему?..»

Вот подходят они ко святым вратам
Вертограда Христова небесного,
А навстречу идет богородица,
Сама матушка наша заступница,
Разливается-плачет сердешная.
Вопрошает угодник пречистую:
«Ох ты гой еси, свет наш, заступница!
Да почто ты слезами горючими
Отуманила очи пресветлые?..»
Отвечает ему богородица:
«Как не плакать, Миколушка-батюшка?
Ведь у нас, слышь, беда приключилася:
Святой дух-то, голубчик мой беленький,
На войну полетел на кровавую
В Ахреяновку ту бесталанную,
Заступаться за Правду, за Истину,
Постоять за нее грудью белою,
Теплой крови своей не жалеючи.
Разноглазая Кривда проклятая,
Ахреяна-царя полюбовница,
Нападала на господа с хитростью,
Изловила святого арканами,
Посадила во клеточку крепкую,
Что во тот ли острог белокаменный, —
Отдала палачам в поругание!
Вот иду выручать его, батюшку,
Буду сына просить, Христа господа, —
Посылал бы все силы небесные
Скоро-наскоро в ту Ахреяновку...
Неровен час, ведь Кривда проклятая
С Ахреяном-царем полюбовником
Моего-то голубчика белого,
Духа-свята ощиплют да слопают!»

«Так ты вот каков? А?» — и Микола-свят
Тут стерпеть не мог, распалялся сам:
Поглядел царю в очи бесстыжие,
Плюнул раз ему в бороду царскую,
Плюнул два, плюнул три, — да и прочь пошел...

Долго деется дело, ребятушки,
Да не скоро и сказка расскажется,
Нашей сказке еще не конец пришел...

А когда наша сказка покончится,
Слава!
Запоем, братцы, песню мы новую,
Слава!
Что веселую песню, свободную,
Слава!
Духу вечному Света и Истины,
Слава!
Правде-матушке, нашей заступнице,
Слава!
Вольной воле, народу свободному
Слава!

<1883>

ВЕСТНИК НАРОДНОЙ ВОЛИ

Революционное социально-политическое обозрение

Женева. 1883—1886

П. Л. ЛАВРОВ

ТКАЧИ

<Из Г. Гейне>

Глаза их сухие, не блещут слезами;
Сидят у станка и скрежещут зубами:
«Германия, саван тебе мы соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем.
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятие богу, пред кем мы с мольбою
Склонялися в голод и холод зимою!
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Он нас обманул, одурачены мы.
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятье ему, королю всех счастливых!
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых;
Последний он грош отнимает у нас.
«Стрелять по собакам!» — он отдал приказ!
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятье тебе, о наш край лицемерный,
Где царствует стыд и позор беспримерный,
Где вмиг увядает цветок полевой,
Где кормится тленьем червяк гробовой!
Мы ткем, неустанно мы ткем!»

Челнок снует, станок гремит,
И день и ночь всё ткач сидит:
«Мы старой Германии саван соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем!
Мы ткем, неустанно мы ткем!»

<1883>

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ВИДЕНИЯ

В сумраке прошлого, миром забытые,
 В полночь встают предо мной
Тени замученных, кровью облитые,
 С тихой и скорбной мольбой:
«Бросив могилы свои отдаленные
 В области вечного льда,
Думой поэта к нему привлеченные,
 Все мы слетелись сюда.
Много терпели мы злого мучения,
 Всё за родимый наш край,
Вспомни хоть ты нас и в бездну забвения
 Нам погрузиться не дай.
Братьям скажи нашу жертву великую,
 Подвиг любви роковой;
Ненависть к злу, беспощадную, дикую,
 Грустною песнью воспой!
Хоть на минуту те звуки печальные
 Новую жизнь в нас вдохнут,
Снова на родину, милую, дальнюю,
 К братьям любимым вернут...»

Много их... Гордые жертвы страдания,
 Их не смирившей судьбы,
Из-за могилы нам шлют завещание
 Непримиримой борьбы.
Сестры прекрасные нам улыбаются,
 Дети лепечут привет,
Все вереницею братской сплетаются...
 Много их... Счету им нет...

Все, что в пустыне ногами усталыми
Тихо к могиле брели;
Все, что служили крупицами малыми
Делу родимой земли;
Все, что любили любовью глубокою
Русский несчастный народ;
Все, что боролись со властью жестокою,
Шли, не бледнея, вперед...

Братья любимые! Сестры мне милые!
Мне ли исполнить ваш зов?
Слово бессильное, слово постылое
Не разрывает оков.
Нет, оживят вас не песни печальные —
Жалких страдальцев удел —
Грянет в могилы к вам в стороны дальние
Гром совершившихся дел!

<1884>

* * *

Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...
Всю жизнь молчи, до смертного конца!
Ни песнь любви здесь не найдет ответа,
Ни стон не тронет мертвые сердца.
Зачем же я безжалостной судьбою
Один мечтою страстной возбужден,
Когда уста не могут крикнуть: «К бою!»,
Когда их стон темницей заглушен?
Мой голос не дойдет к друзьям далеким:
Враги друзей замучили твоих.
Молчи, поэт! Бесплодным, одиноким
Пускай замрет проклятый, жалкий стих!
Молчи, молчи, когда горячей кровью
Покрыты нивы родины твоей
И к твоему ночному изголовью
Доносит ветер звяканье цепей!
Молчи, поэт, когда с тобой из гроба
Знакомый голос тихо говорит!
<Пускай в груди растет в молчаньи злоба!
Пускай о деле сердце всё твердит!>

Поэт — не раб. Позорному кумиру
Хвалебных песен он не пропоет, —
Скорей свою беспомощную лиру
О первый камень с гневом разобьет.
Не станет он несчастному народу
Бросать цветы в суровую тюрьму:
Он меч возьмет и в битве за свободу
Исполнит долг, завещанный ему.
Да, горе тем, кто грязными руками
Потушит факел истины святой!
Придет их час, и тщетными слезами
Им не омыть след крови пролитой.
Судьба грозна, судьба неумолима!
Придет пора, пробудится народ,
И старый мир среди огня и дыма
В потоках крови в бездну упадет.

<1884>

А. К. ТОЛСТОЙ (?)

ФЕДОРУШКА

«Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повесила?!»
— Ох, отстань, родименький; отвяжись, невпорушка;
Без тебя тошнехонько,
Без тебя больнехонько,
Не мешай мне морщиться,
Не мешай мне корчиться!

«Непригоже, матушка; не идет, сударушка;
Ты ведь дама важная,
Барыня вальяжная!»
— Ох, была, родименький; ох, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Очення приятною,
Сытою, богатою,
К людям тароватою!

«Знамо дело, матушка; ведомо, Федорушка;
Златом, серебром, поди,
У тебя хоть пруд пруди!»
— Было всё, родименький; было всё, невпорушка,
Ныне же с натяжками
Я живу бумажками
Пестрыми, красивыми,
Зауряд фальшивыми.

«Как же так, сударыня? Как же так, Федорушка?
Где ж твои рублевики,
Звонкие целковики?»
— Вышли все, родименький; вышли все, невпорушка,
На бумаги новые,
В кабаки дешевые,
Немцам за границею,
Дома — на полицию.

«Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты, хоть не опаслива,
Встарь была запаслива».
— Не найти, родименький; не сыскать, невпорушка,
В небе ясна сокола;
Обнищала догола,
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася!

«Дело дрянь, сударыня; дело дрянь, Федорушка!
Что́ об нас поведают,
Коль соседи сведают?»
— Сведали, родименький; сведали, невпорушка;
Плачут все от радости,
Делают мне гадости;
Плю́ют да ругаются,
Вздуть меня сбираются.

«Ты сама бы, матушка; ты б сама, Федорушка,
Помянув родителей,
В морду бы хулителей!»
— Не молчу, родименький; не молчу, невпорушка;
Я и обижаюся;

Плюнут — утираюся,
И прошу прощения
За свое смирение.

«Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсем, Федорушка!
Надо бы, красавица,
Нам с тобой поправиться!»
— Поправляюсь, родненький; действую, невпорушка:
Отдаю юстицию
Под надзор в полицию;
Обрываю армию,
Завожу жандармию!

«На кого же, матушка, на кого ж, Федорушка,
Рать тебе татарская,
Силища жандармская?»
— На себя, родименький; на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтоб не ныла жалобой,
Чтоб «ура!» кричала бы!

Конец 1860-х гг. (?)

Е. И. МИНАКОВ

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Прощай, несчастный мой народ!
Прощайте, добрые друзья!
Мой час настал, палач уж ждет,
Уже колышется петля...
Умру спокойно, твердо я
С горячей верою в груди,
Что жизни светлая заря
Блеснет народу впереди...
И если прежде не вполне
Тебе на пользу я служил —
Прости, народ, теперь ты мне:
Тебя я искренно любил.

Прости, прости!.. Петля уж жмет,
В глазах темно, хладеет кровь...
Ура! Да здравствует народ,
Свобода, разум и любовь!!.

Конец 1878 или начало 1879

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

ИЗ ПЕСЕН О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ

Я пою для тех, чьи души юны,
Думой скорбной чье чело объято.
Музой был мне — сумрак каземата;
Цепь с веревкой — лиры были струны.

Вам — заботы об искусстве строгом,
Вам, певцы любви и ликованья,
Я пою великие страданья
Поколенья, про́клятого богом...

Июль 1884

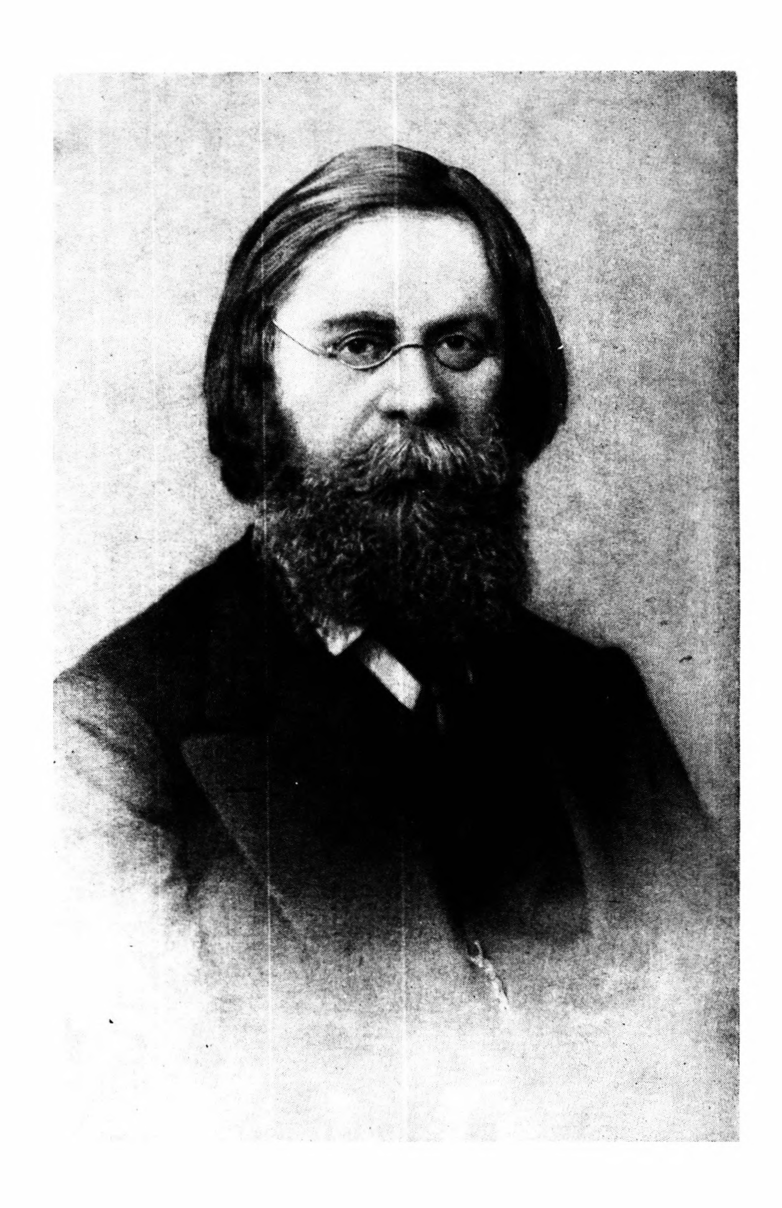
1

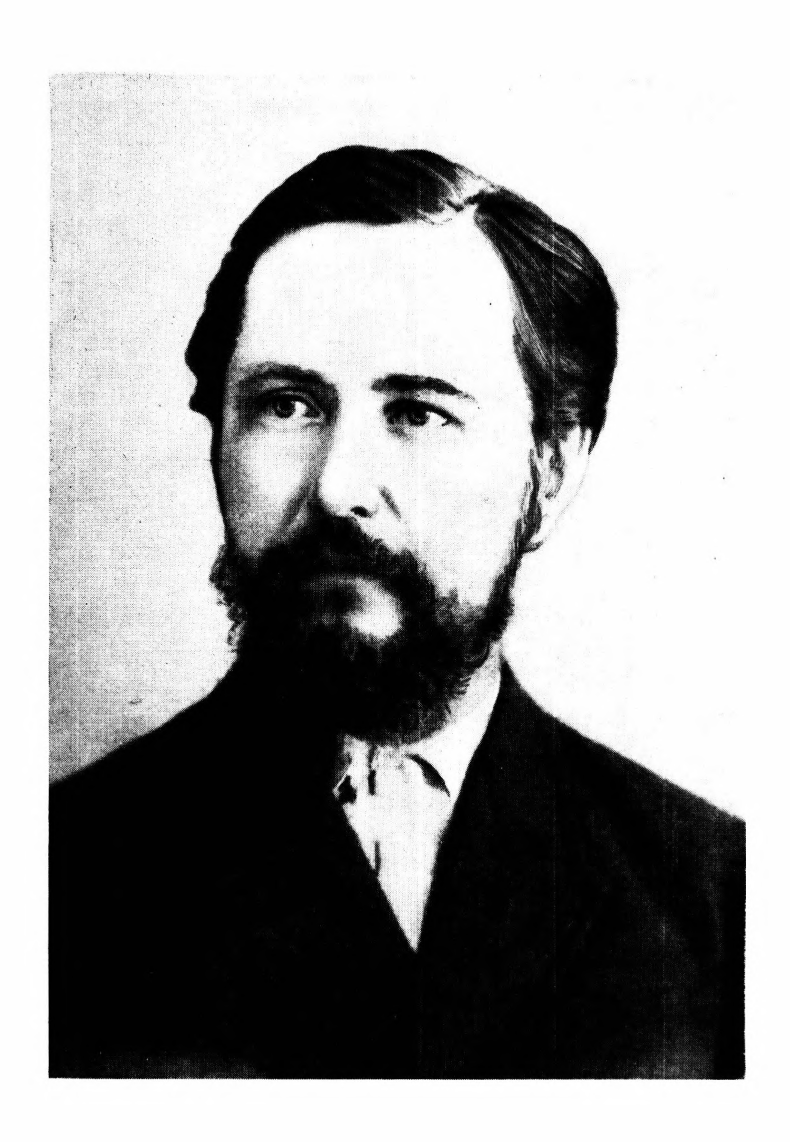
Сказочный город

(Посвящается С. К—рн—ому)

Говорят, этот город красивый —
Город, проклятый богом самим!
С вечным гостем — туманом седым
Над равниной реки горделивой,
Обнесенной гранитной стеной,
С пышным рядом дворцов величавых,
С цепью дел вопиющих, кровавых,
Он — тюрьма, он — мертвец ледяной!

Но любовью болезненно-страстной
Я люблю этот город несчастный.
Широта бесконечных лугов,





Дикий сумрак гигантов-лесов,
Тихо спящих над сонной рекою,
Милый Север с его красотою,
Одичалой и гордой, — он весь,
Край родной, отражается здесь.

Тут без роз и без песен весна;
В белый саван наряжены ночи,
И от страха не светит луна...
Тяжелеют усталые очи,
Но сомкнуться не могут для сна, —
С диким ужасом вдаль напрягаясь,
Где таинственно, странно сплетаясь,
Тени мрачные движутся... стон
Тихий чудится... Бред или сон?

А январские темные ночи
Над закованной в цепи Невой,
Когда яркие звездные очи
Смотрят в душу с тоскою немой...
И за ними приходит без шума
Безотчетная скорбная дума...
А поодаль роскошный чертог,
Где пирует земной полубог,
Словно спорит в сиянии с ними,
Весь облитый огнями земными...
Эти ночи нельзя не любить!
Или день, ослепляющий блеском!
Иль толпы бесконечную нить,
Когда с странно рокочущим плеском,
Как в реке за волною волна,
Проплывает куда-то она!..

Даже грозно-немые твердыни,
Где во имя великой святыни
Столько мук, страшных мук без конца
Горделиво, без слез принималось,
Столько сил молодых разбивалось,
В темноте гробовой задыхалось,
Не прося и в грядущем венца, —
Даже эту глухую твердыню,
О друзья, я люблю... как святыню...

В этих каменных глыбах — и он,
Лучший друг моей юности бедной,
Был свирепым врагом погребен.
Часто слабый, беспомощный, бледный,
Он мерещился мне средь ночей,
Когда сон убегал от очей.
И, бессильною злобой сгорая,
В лютой горести руки ломая,
Порывался я в битву с врагом,
Весь был — молния, ярость и гром! ..
Мимо грозной темницы не раз
Проходил я в полуночный час
С горькой думой: «О брат дорогой!
Отчего в виде жертвы святой
Выбран ты, а не я, не другой?»

Там и ты, наш учитель-избранник.
С гордо поднятым, ясным челом,
С смелым взором и с речью-огнем,
Ты пришел к нам как божий посланник.
К нашим язвам сердечным приник,
Колебанья и муки постиг —
И из наших сердец наболевших,
Силой слов, убежденьем горевших,
Вырвал гордой решимости крик! ..
Будто шумный порыв огневого
Урагана на нас налетел
И на крыльях безумья святого
Унести в беспредельность хотел...
Но пророки побиты камнями!
Метеором блеснул ты над нами:
В блеске сил огневых, в цвете лет,
В недрах каменных страшного гроба
Погребла тебя дикая злоба
Мертвецов, ненавидящих свет! ..

. . . .

Вот за что так болезненно-страстно
Я люблю этот город несчастный,
Это кладбище стольких друзей,
Стольких гордых и славных мужей,
Колыбель нашей русской свободы,

Где во имя ее прозвучал
Первый гром, призывая народы
На борьбу за святой идеал!..
Я люблю этот омут, где дышишь
Одуряющим запахом ран,
И клокочущий грозно вулкан
Под ногами усталыми слышишь,
Где так жадно бороться спешишь,
Жить и действовать... Дерзко усилья
Напрягаешь, пьянеешь — и, крылья
За спиной ощущая, летишь
На простор необъятный и дикий...
Как колодник оковы свои,
Я люблю этот город великий,
В неповинной омытый крови!

Часто, вихрем борьбы бесконечной
Обессиленный, с болью сердечной,
Со стыдом, без оглядки бежишь
В ту далекую ясную тишь,
Где волшебною сделаться сказкой
Могут лютые муки твои;
Где живит бесконечною лаской
Мать-природа, царица любви;
Где забыть, хоть на время, возможно,
Как порою борьба безнадежна...

Что ж? Остыть не успеет туман
Опьяненья — горячий, кровавый,
Как опять он встает, великан
Роковой, в красоте величавой.
Грустный, скорбный, зовет он к себе
Днем и ночью: в великой борьбе
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зовет и любовью!
Он зовет... Начинаешь пьянеть,
Жаждешь боя и подвигов шумных...
Дико мечешься в корчах безумных...
Он зовет — победить иль сгореть...

Август 1883

2

О, подлое, чудовищное время
С кровавыми глазами, с алчным ртом!
Година ужаса!.. Кто проклял наше племя,
Кто осудил его безжалостным судом?..
Пришли мы в мир с горячею любовью
К униженным, к обиженным, ко всем,
Кто под крестом борьбы, сам истекая кровью,
На вопль собратьев не был глух и нем;
Пришли мы в мир с решимостью великой —
Мир погибающий от гибели спасти,
От бойни вековой, бесчеловечной, дикой...
И что ж?..— Нас ра́спяли, предав на полпути!..
Жизнь умерла. Кто скрылся в катакомбы,
Кто пал в борьбе... Чудовищам-богам,
Что день, приносятся живые гекатомбы
И курится кровавый фимиам...
Ликуют псы, и торжествуют шумно
Жильцы хлевов своей победы час...
И рвется стон из сердца, стон безумный:
«Кто проклял нас? Кто проклял нас?..»

1882

3

Упреки

Je suis — la plaie et le couteau!
Je suis — le soufflet et la joue!
Je suis — les membres et la roue,
Et la victime et le bourreau!

Ch. Baudelaire.[1]

Ах! без жизни проносится жизнь вся моя!..
Поглощаемый жизненной тиною,
Я борюсь день и ночь, — сам себе я судья,
И тюрьма, и палач с гильотиною!

---

[1] Я одновременно и рана и нож,
Пощечина и щека,
Тело и колесо,
Жертва и палач!
Ш. Бодлер (франц.). — *Ред.*

аресту; въ статьѣ „Герои и толпа"
(стр. 67-80) понятіе о героизмѣ низводится съ той высокой ступени, на которой оно стояло въ исторіи. Героемъ называется человѣкъ увлекающій своимъ примѣромъ толпу на хорошее или дурное. Андреевъ убійца Московскаго Архіерея Амвросія, въ чуму 1771 года, признается героемъ въ этомъ смыслѣ.

Съ особенною яркостію выражается это тенденціозное направленіе сборника въ стихотвореніяхъ: 1), „Поэзія" (стр 1) гдѣ поэтъ такъ опредѣляетъ назначеніе своихъ стихотвореній, что они должны, нести хвалу бойцамъ за свободу и огласить славою ихъ дѣла и возбуждать на святой подвигъ." Въ слѣдующемъ стихотвореніи на оборотѣ страницы онъ пророчитъ поэту нашего времени горькую участь:

„Быть готовымъ безъ стона, безъ крика
„Подъ мечами враждебными пасть

И ужасная мысль наяву и во сне
Не дает мне покоя желанного:
Вижу в поле широком уснувших бойцов
После дела великого бранного.
Неподвижно и тихо над ними стоит
Ночь, ушедшая в даль беспредельную;
Месяц в небе плывет... Дикий ужас разлил
По лицу его бледность смертельную...
С головами разбитыми, к небу лицом,
Посиневшими, кровью облитыми,
Безмятежно, как дети, лежат мертвецы,
Все с глазами недвижно раскрытыми.
Словно призрак немой, точно бледная тень,
Обхожу я поляны ужасные
И считаю, не знаю зачем, мертвецов
И гляжу на их лица бесстрастные...
О! всё милые лица... всё братья, друзья...
Всё черты дорогие и близкие...

Все отважно погибли, как следует пасть
Тем, в ком жили не помыслы низкие,
А одна неподкупная, светлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы свету любви и свободы святой
Уступило бесправие дикое!

Точно бледная тень, точно призрак немой,
Прохожу я поляны унылые...
О, рыдай, моя песня! Всё братья, друзья,
Всё черты дорогие и милые...
Обезумев от горя, припасть я хочу
С диким воплем на грудь их холодную,
Чтоб поведать им лютую злобу мою,
И любовь, и тоску безысходную,
Громко, громко рыдать!.. Охладевшая грудь,
Может быть, еще раз задрожала бы
И смягчили бы гнев беспощадной судьбы
Мои громкие стоны и жалобы!..
И, склонившись, хочу я страдальцев обнять...

Вдруг... о ужас! Их лица бесстрастные
Потемнели как ночь; на недвижных устах
Зазмеились усмешки ужасные;
И, объятому трепетом, чудится мне
Тихий ропот, упреки суровые...

«Где ты был, когда в битве с могучим врагом
Нас глушили удары громо́вые?
Отчего не лежит твой истерзанный труп
Рядом с нами, погибшими братьями?
Ты, как тать, как гиена, во мраке ночном
К нам приходишь с своими объятьями...
Что нам в злобе твоей, хоть и нет ей конца,
Что тоска нам твоя безысходная?
Песни скорбные громко умеешь ты петь,
Но страшна тебе смерть благородная!
Уходи, уходи! Нам противны, смешны
Оправданья пустые, позорные:
Где ты был, когда битва стонала кругом,
Длились схватки безумно упорные?..
О, уйди же! Уйди — наших снов не тревожь!»

И помчался я в даль беспредельную...
Месяц сумрачный плыл — дикий ужас разлил
По лицу его бледность смертельную.
Руки горько ломая, я в небо глядел,
Словно тотчас же, зову послушное,
Усыпит оно скорбь мою — лютую скорбь.
Но синело оно — равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь
И на всё, что под бурею клонится,
И на всё, что ликует, царит и гнетет —
Ни мольбой, ни проклятьем не тронется!..
Я бежал, словно гнался невидимый враг
По пятам моим мертвой поляною;
Брань и крики его, как наточенный нож,
Наносили мне рану за раною.

И напрасно пощады молил я себе!..

. . . .

Октябрь 1879

4

Матери

Не плачь, о мать моя! И сына не кори!
Не горе дом твой посетило.
С тоской и горечью врагам не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духом он восстал
Из ненавистной ночи гроба,

Когда уверовал и истину познал,
И что ему смешна их злоба!
Что много нас... что пасть иль победить
Идем мы, не страшась гоненья,
Что мы идем, свободные, купить
Борьбы за волю наслажденье!..

О мать моя! Ты можешь ли понять
Слова мои, стремленья гражданина?
Иль, умирая, будешь повторять,
Что раньше схоронила сына?..

1884

5

Друзья! в тяжелый миг сомненья
Взгляните пристальней назад:
Какие бледные виденья
Оттуда с ужасом глядят,
И молят, и как будто плачут,
Грозят кистями рук худых...
Что их мольбы немые значат
И отчего так стыдно их?

То — наши братья. Жизни годы,
И мысли жар, и сердца кровь —
Всё сжечь на алтаре свободы
Им повелела мать-любовь!
Они погибли, веря страстно,
Что мы пойдем по их стопам

И не дадим пропасть напрасно
Их жертвам, ранам и скорбям!..

Когда в постыдный миг паденья
Они восстанут пред тобой,
Тогда, краснея от смущенья,
Ты вновь пробудишься душой!
Святые слезы покаянья
Подступят к горлу, и опять
Встают забытые желанья —
Идти на крестные страданья,
Вести на бой за ратью рать!

1883

6

«Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мрак глубок, не видно маяка...
Шевелятся на душе проклятья,
Замерла усталая рука...
Нет ни сил, ни бодрости, ни воли...
Бросим весла! Бесполезен руль!
Что ни день — всё нестерпимей боли,
Муки сердца, а в итоге — нуль!..»

Так в борьбе, могучие любовью,
Сколько раз стонали мы... И вновь
В пылком сердце, истекавшем кровью,
Воскресали силы и любовь!
Сколько раз мы опускали руки,
Сколько раз бросали буйный спор —
И опять с отвагой шли на муки,
На борьбу, на крест и на позор!..
Поднимали снова правды знамя
И на нем писали те слова,
От которых ярче в сердце пламя,
Даль светлей и выше голова!..

1882

ОТГОЛОСКИ РЕВОЛЮЦИИ

Таганрог. 1886

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЗАВЕТ

В жизни застигнутый нынешним веком,
Честной борьбы не старайся бежать:
Звать невозможно тебя человеком,
Если умеешь ты только рыдать!
Вырвано скорбью <слез> горючих немало, —
Можно бы мир в тех слезах затопить,
Если б слеза, что недавно упала,
Не заставляла былые застыть.
Адским концертом отвсюду несутся
Стоны над нашею бедной страной;
Вопли тяжелые с силою рвутся
Грозно давящей и шумной волной.
Грустью да вздохами зла не рассеешь,
Стан малодушных умножишь собой,
Если для жаркой борьбы не созреешь,
Если с проклятьем не ринешься в бой.
Твердой рукой распусти свое знамя,
Красное знамя к народу любви!
Злобы к врагам запылавшее пламя
Ты не гаси в возбужденной крови.
Честная злоба научит умело
Биться с врагом беспощадным и злым,
С жаркой любовью пожертвуешь смело
Счастью народному счастьем своим.
Лавров, венчающих гордую силу,
Ты не проси за геройство свое!..

Пестрых венков не желай на могилу,
Чистым пусть будет служенье твое.
Можно ль хвалами осыпать героя,
Если везде кругом трупы гниют?
Разве возьмешь ты венок среди боя,
Если там многие кровь свою льют?
Время теперь не для гимнов победных:
Надо без отдыха рваться вперед!
Разве не видишь ты лиц этих бледных,
Павших за бедный, бездольный народ?!
Смотрят они на тебя с лаской кроткой,
Смотрят — и верят, что ты их поймешь:
Жизнью страданья, хотя б и короткой,
В дело великое лепту внесешь.
Будь же бесстрашен! Иди без сомненья!
Жизнь всю великому делу отдай!
Голос любви, сильной злобы кипенье —
То и другое пред битвой смешай.
Будет награда за подвиг великий
В гордом сознаньи испытанных мук...
Силы прибавит тебе этот дикий
Яростной злобы врагов твоих звук.
Звездочкой ясной во тьме полуночной
Счастье людей для тебя заблестит,
Верой, любовью святой, непорочной
Будешь от пошлости жизни омыт.
Знамя свободы неси без боязни:
Тени погибших с тобою идут!
И не страшися людской неприязни,
Совести собственной выдержав суд!

<1886>

Б. Д. ОРЖИХ (?)

ПЕСНЯ БЕДНЯКОВ

Наша доля слезами полита,
Острым камнем дорога убита...

Отдохнуть не приходится нам,
Жизни горькой бессильным рабам!

Подточил силы крепкие голод,
Истомил нас безжалостный холод,

И лохмотьев убогий наряд
Возмущает случайный ваш взгляд.

Лица бледные наши в молчаньи
Говорят о тяжелом страданьи...

Нас нужда оковала кругом,
И со стоном мы песню поем.

Пусть несутся же наши проклятья
К вам, счастливые в роскоши братья!

Глухи вы остаетесь к добру,
Вы забыли о нас на пиру.

Не смотрите на нас с состраданьем:
Украшать себя лестно названьем

Друга бедных, несчастных людей;
Но горды мы в невзгоде своей.

Не издали бы стона глухого,
Не прорвалось бы страшного слова, —

Мучит нас плач голодных детей,
Душу рвет горький вопль матерей.

Пусть среди ликованья довольных,
Среди смеха и шуток застольных

Побледнеть вас заставит наш стон,
Как внезапная песнь похорон.

Пусть вино ваше в кровь превратится,
Пусть рассудок у вас помутится!

Вы живете несчастьем других,
Обездоленных братьев нагих!!

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Твердой поступью, с радостным взором,
Верный друг мой, на дело пойдем;
Не смущаясь толпы приговором,
Кровь свою за несчастных прольем.

Против злого обмана, насилья
Веру мощную вынесем в бой...
Не падем мы со стоном бессилья,
Не падем на колени с мольбой.

Грудь бронею железной одета:
Не страшны нам удары врагов;
Песнь святая над нами пропета,
Не возьмем себе доли рабов...

Средь насмешек, обид, поруганий,
Под томительным гнетом забот,
Не послышится горьких рыданий:
Вера наша — могучий оплот.

Если будут порою и муки,
То любовь наша их исцелит
И поднимет уставшие руки,
Сердце чистой волной оживит.

Твердой поступью, с радостным взором
Мы на дело святое пойдем...
Не смущаясь толпы приговором,
Кровь свою за несчастных прольем!

<1886>

Б. Д. ОРЖИХ

ДРУЖНЕЙ

Сдвинемся тесною, дружной семьей,
С новыми силами выступим в бой,
Вздохами горькими зла не убить, —
Делом докажем, что можем любить!
Стонущим, плачущим — братский привет,
Злому, коварному — злобой ответ,
Братьям страдающим — гимн неземной,
Полный любви безграничной, святой!

Буря несется со стоном глухим,
Гордо навстречу мы ей поспешим!
Плакать и прятаться — робких удел,
Верящий, любящий явится смел:
Грудью могучей закроет других,
Робко желающих дней дорогих;
С гордым сознанием силы умрет,
Веря, что солнце свободы взойдет!

Сдвинемся тесною, дружной семьей,
Выйдем навстречу грозе роковой!
Тучи рассеются, солнце блеснет,
Мир истомленный лучами зальет,
Скажется сила любви и добра;
Чудная, братья, настанет пора!
Будем работать для будущих дней,
Будем бороться за счастье людей!

<1886>

Б. Д. ОРЖИХ (?)

ТИХИЕ ЗВУКИ

Люди великие, жертвы гонения,
Жертвы за дело любви!
Жизнь вы отдали свою без сомнения,
В жаркой омылись крови.

Теней страдальческих губы бескровные
Шепчут великий завет,
Шепчут святые слова, безгреховные,
Юному чувству в ответ:

«Шествуй дорогою узкой, тернистою,
Думать забудь о себе;
Радостью гордою, радостью чистою
Сердце забьется в борьбе.

С каждым дыханием шли ты проклятия
Царству неправды и зла;
Теплые всем угнетенным объятия
Дай, чтобы вера росла.

Вырастет сила могучая, страстная,
Зло перед ней упадет;
Мстителям явится горе безгласное,
Солнце свободы взойдет!

Труд утомительный, мозг иссушающий,
В дело святое вложи;
Жаркой борьбою, сомненья не знающей,
Веру, любовь докажи!

Зданья великого — счастья народного
Камнем незыблемым стань!
Силу горячую сердца свободного
Вынеси мощно на брань!»

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ПРАВДА

Забросайте меня всею грязью земли
Из потоков, что мутной волной протекли,
Издеваясь как будто над жаждой людей,
Ожидавших найти чистый, светлый ручей, —
Эта липкая грязь не пристанет ко мне.

Солнце ярко от века блестит в вышине
И с величием гордым лучи свои льет,
Всем живущим улыбки приветливо шлет...
Так и я в обаяньи своей красоты
Буду вечно сиять, как сияют цветы,
Окропленные утром алмазной росой,
Когда солнце на них бросит луч свой косой.

Заточите меня вы в железо оков,
Звон которых понятен и страшен без слов;
Приставляйте ко мне стражей мрачных и злых,
Чтоб душа содрогалась при взгляде на них,
Я свободна останусь, как прежде была,—
Когда люд угнетенный с собою звала...
Как увижу, что чаша пролилась скорбей,
Подниму я подавленных горем людей,
И рассыплются в прах ваши стены пред мной,
Разнесется мой зов всемогущей волной.

Дам несчастным прекрасное небо без туч,
И осушит их слезы блистающий луч;
Оживленным вдохну силу гордую в грудь
И цветами усыплю им жизненный путь.

Я царицею буду в том царстве святом,
Что воздвигнется после победы над злом;
Мое имя жить будет в горячих сердцах,
Но не трепет постыдный — беспомощный страх
Ощущать будут, если меня назовут;
Не карающий строго, безжалостно суд
Будет делом моим в жизни, полной добра,
Где бесследно потухнет и злобы искра́.
Закидайте ж меня всею грязью земли,
Заточите меня вы в железо оков, —
Подыму я лежащих в дорожной пыли
И в свободных людей превращу я рабов.

<1886>

ДВА ТЕЧЕНИЯ

1

Мы разучились молиться,
Верить устали, любить,
К правде и свету стремиться...
Порвана старая нить!
Были когда-то порывы,
Бурь ожидали и гроз;
Дни не казались тоскливы,
Сердце не рвалось от слез.
Верою теплой согреты,
Ждали, что солнце взойдет, —
Песенки наши пропеты,
Полные радостных нот!
Жизнью их звуки избиты,
Жизнью невзгоды и зла...
Даже слова позабыты, —
Всё-то невзгода снесла.
Скорбной слезой мы почтили
Правду, убитую злом,
Руки бессильно сложили...
Нет утешенья ни в чем!

2

Мы научились молиться,
Верить и жарко любить,
К цели желанной стремиться,
Честною жизнию жить.
Сердца стремленье святое
Даст облегченье от мук;
Слово участья живое
Слабости вырвет недуг.
Твердою поступью, смело,
Злых не боясь ничуть,
Мы для любимого дела
Двинемся радостно в путь.
Вера без дела бессильна,
Чувством бесплодным замрет,
Жизнь же, невзгодой обильна,

Скоро порывы убьет:
Надо поменьше прекрасных
Слов, возбуждающих кровь,
Больше трудов ежечасных —
Крепнет в труде и любовь.
Мы не боимся страданья,
Мы не страшимся угроз,
Не издадим мы рыданья,
Миру не выкажем слез.
Пусть мы погибнем, но знаем —
Истина зло победит
И над униженным краем
Счастье и мир водворит.

<1886>

* * *

Позабудь свои боли и муки,
Позабудь роковую нужду,
Подыми ослабевшие руки,
Приложи их к святому труду.
Для людей поработай с любовью,
Потопи свое горе в чужом,
И не падай с тоской к изголовью
От обид, накопившихся днем.
Не минутою жатва приспеет —
Пробивается трудно зерно,
Но бесплодно в земле не истлеет,
Не погибнет бесследно оно.
Слово правды в сердцах отзовется,
Соберет оно мощную рать,
Русь родная волной всколыхнется,
Чтобы счастье себе добывать.
И следы горьких слез неустанных
С бледных лиц навсегда пропадут,
Пред началом дней счастья желанных
Люди полною грудью вздохнут.
Позабудь же ты личное горе,
Для народа все силы отдай:
Мук людских необъятное море
Скоро, скоро уж хлынет чрез край.

<1886>

В. Г. БОГОРАЗ

ДВА ПУТИ

Не водил я разбой по дороге большой,
Темной ночью чужих я клетей не ломал,
За родимый мой край, за народ мой родной
Я свой век загубил и в неволю попал.

Коль пошел бы я торным путем,
Мог бы почесть людскую и славу добыть,
И как полную чашу устроить свой дом,
И бессчетной казною кошель свой набить.

Но твердило всегда, не давая вздохнуть,
Ретивое не то в молодецкой груди:
«Ты оставь тот широкий, расчищенный путь,
Ты дорогой просторною той не ходи!

Этот путь проторен для князей-богачей,
Там лишь ездит боярин на борзых конях,
Развалясь на подушках в коляске своей,
Но не слышен там робкий убогого шаг.

Есть другой. Над обрывами тянется он,
Чрез ущелья, чрез скалы крутые лежит,
И не тесаным камнем, костьми он мощен,
И не частым дождем, а слезами полит.

Там голодный и нищий бредут кое-как,
Там сироты и вдовы плетутся шажком.
Этот путь проторил горемычный бедняк,
Ты иди этим узким и трудным путем!

Кто споткнется, оступится, скатится вниз,
Кто устанет, умается — всем помогай,
И с лопатой в руке за работу берись,
И овраги и горы с землею ровняй!»

И решился я горной тропою идти,
Беспокойного сердца подслушав порыв.

Но, к несчастью, споткнувшись на трудном пути,
Я скатился в глубокий, бездонный обрыв.

Не беда! Коли путь тот по скалам крутым
Не пришлось пролагать нам с лопатой в руках,
Всё ж мы будем полезны паденьем самим
И телами завалим широкий овраг!

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Гибнем мы! Безумной злобы сила
Нас из пира жизни увлекла,
И стопой тяжелой придавила,
И могиле в жертву обрекла,

И, свирепым гневом пламенея,
Нас с собою к пропасти влечет,
И, как Зевсов коршун Прометею,
Нам орел двуглавый сердце рвет.

Мы не ропщем на тяжелый жребий,
Мы покорны роковой судьбе,
Но душа сквозь эти стены рвется
И стремится, родина, к тебе!

Пали мы... Придут бойцы другие!
Пусть в бою погибнут и они, —
Но зато свои недуги злые
Ты с могучей силою стряхни.

Пусть погибнет произвола царство,
Пусть погибнет лютая вражда,
Пусть падут насилье и коварство,
Пусть исчезнут горе и нужда!

Свет науки чистой и богатство
Пусть наш край родимый осенят,
И свобода, равенство и братство
Пусть повсюду гордо в нем царят!

Будь же ты, о родина, счастлива!
Мы ж смиренно в рудники пойдем,
И спокойно, кротко, терпеливо
Свой тяжелый крест мы понесем.

<1886>

И. С. НИКИТИН

* * *

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди!
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди...

Молнии нас осветили,
Мы не распутье стоим:
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

1857

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

Холод, мрак, могила —
Смерть немая вновь...
А в душе есть сила,
В сердце есть любовь.

Цепенеет сила,
Леденеет кровь —
Не страшна могила,
Не умрет любовь!

<1886>

ЮНОШЕ

Рано в пытливом уме зарождается
Мысль о борьбе роковой:
Горе чужое всегда отзывается
Чутко в душе молодой.

Чувство тебя побуждает природное
Общему благу служить;
Примешь ли к сердцу ты дело народное,
Будешь ли честно ты жить?!

Скоро постигнешь ты мудрость суровую
Злых и бездушных людей;
Но сохранишь ли ты душу здоровую
В омуте грязных страстей?

Встретишь работу серьезную, трудную —
Хватит ли силы твоей?
Спячку увидишь кругом непробудную —
Станешь бороться ли с ней?

Сила невежества слишком упорная,
Мыслящих мало людей,
Слишком дорога заманчива торная —
Ты не пойдешь ли по ней?

Будешь ли верным ты другом обиженных,
Смело готов ли страдать?
Будешь ли слабых, убогих, униженных
Грудью своей защищать?

Если же нет, то мечтай об известности,
Дружбу, любовь воспевай,
Но не толкуй нам о правде, о честности,
Добрым себя не считай!

Будет пугать тебя мысль благородная —
Даром твой труд пропадет;
Знай, что на мелочи сила природная
Вся бесполезно уйдет.

Чем успокоишь в душе ты страдание,
Если из жизни твоей
Вынесешь горькое, злое сознание
Пошлости только своей!

<1886>

В. Г. БОГОРАЗ (?)

СОН

В ночной тиши, в безмолвьи каземата
Метался я, рыдал и проклинал.
Была душа отчаяньем объята,
И в исступленьи смерть я призывал.
Мучительно, тоскливо, без исхода...
Из уст моих невнятный рвался стон,
Терзавший грудь... Но сжалилась природа,
И мне не смерть послала — тихий сон.

И снилось мне: в равнине необъятной
Народ свободный весело живет,
И счастлив он, и с почвы благодатной
Сбирает труд сторицей пышный плод,
Добро и радость властвует над миром,
И пало зло, затоплено в крови...
Людская жизнь повсюду стала пиром,
Из края в край несется клич любви...

Проснулся я... Осталось всё как было;
Всё так же мрачен душный каземат,
И так же всё сурово и уныло,
И стены грустно, пасмурно глядят.
Но нет тоски. Исчезли все страданья,
Спустилась в душу благодать,
И снова я готов на испытанья,
Готов любить, готов опять страдать...

<1886>

В. Г. БОГОРАЗ

МАТЕРИ

Долги вы, зимние ночи бессонные!
Медленно, медленно время идет,
И перед очи мои утомленные
Твой исстрадавшийся образ встает.

В час этот поздний сидишь ты, угрюмая,
Так же, как я, ты не можешь уснуть,
Думу о сыне страдающем думая,
Голову низко склонила на грудь.

Свисли беспомощно руки усталые,
Полон отчаянья тусклый твой взгляд,
Молча на щеки твои исхудалые
Крупные слезы катятся, как град.

Бедная! Будешь ты жизнь всю печалиться,
Будешь не спать бесконечных ночей.
Словно как зерна из колоса валятся,
Тихие слезы ронять из очей.

Полная мыслью о сыне заветною,
Будешь ты век неутешно страдать;
Сердце лаская надеждою тщетною,
Будешь обратно его поджидать.

Но в бесприютные степи далекие
Сына забросил безжалостный враг,
Там, под снегами, в могилу глубокую
Будет навеки зарыт его прах.

И ожиданья печали бесплодные
Бедное сердце твое надорвут.
Так же, как сына, в могилу холодную
Руки чужие тебя отнесут.

<1886>

ПРОКЛЯТОЕ КЛАДБИЩЕ

У края столицы широкой,
За шумной чертой городской,
Кладбище стоит одиноко,
Вдали от тревоги людской.

В стенах его мрачно-унылых
Не видно ни плит, ни крестов,
И только стоят на могилах
Ряды захиревших кустов.

Оплакивать милые кости
Родные не ходят сюда,
И к другу уснувшему в гости
Друзья не зайдут никогда.

Лишь ветер осенний вздымает
Поблекшие листья горой
Да шумно метель завывает
Холодною зимней порой.

И только что полночь настанет,
Торжественный час мертвецов,
Ужасные призраки встанут
Из темных, холодных гробов.

На шее худой и бессильной
Обрывок веревки висит,
И черной землею могильной
Их саван истлевший покрыт.

Не сгладился с лиц исхудалых
Предсмертной агонии след,
И только во взорах их впалых
Сияет таинственный свет.

И, мрачные кинув жилища,
Свой тесный посмертный приют,
Они на средину кладбища
Размеренным шагом идут.

И там, на прогалине, тесно
Усевшись замкну́тым кружком,
Заводят печальную песню
В угрюмом безмолвьи ночном:

«Всю жизнь за народное дело
Борьбу мы без страха вели,
И пали спокойно и смело
За благо родимой земли.

Не знали мы радостей жизни,
Не знали объятий любви,
И отдали в жертву отчизне
Мы лучшие годы свои.

И даже наш недруг свирепый,
Пылающий злобой слепой,
Преследует местью нелепой
Наш смертный, последний покой.

Мы шлем вам обет нерушимый,
О братьев живущая рать,
Как прежде, за край наш родимый
Бесстрашно борьбу продолжать.

Как прежде, рукою могучей
Врагов кровожадных разить
И гибелью злой, неминучей
С лихвою за нас заплатить!»

И звуки той песни согласной
Несутся сквозь сумрак ночной
Торжественно, звонко и ясно
Над спящей спокойно землей.

<1886>

НА КОРОНАЦИЮ

Гудят, гремят все сорок сороков,
Пестреют флаги в небе голубом,
И с гулом радостных колоколов
Сливается могучий пушек звон.

На улицах толпа кишмя кишит,
И стоголосый рев над ней стоит.
Шумнее он, чем ропот волн морских,
Когда прилив на берег гонит их.

Сегодня празднует рабочий люд,
И прекращен обычный тяжкий труд.
Сюда с утра собрался весь народ,
Стоит шумя, нетерпеливо ждет.

Чего ж он ждет? Иль в небе занялась
Народной Воли наконец заря?
Нет, это Русь, ликуя, собралась
Венчать на царство нового царя.

Как зверь в норе, он в Гатчине сидел,
Два года носа высунуть не смел,
И, из берлоги выйдя наконец,
Идет надеть отцовский свой венец.

Но вот умолк народный шум и гам,
Штыков живой раздвинулся забор,
И каждый вдаль направил жадный взор:
Блестящий поезд показался там.

И вот толпа увидела царя.
И грянуло из края в край «ура»,
И долго, долго бурною волной
Могучий клич катился над толпой.

Толпа безумная! Она глядит
На внешность лишь. Ей блеск глаза слепит.
Хотя пред ней сверкает мишура,
Она кричит бессмысленно «ура».

Когда ж пора желанная придет,
Как различать научится народ
Своих врагов и им рукоплескать
Не станет он и в грязь друзей топтать?

Но царский поезд уж взошел в собор,
Молиться стал митрополитов ряд,

Святую песнь запел уж певчих хор,
И начался торжественный обряд.

Но отчего же, русский царь, ты бледен?
Могучий деспот, отчего дрожишь ты?
Твоя рука сжимает конвульсивно
Тот роковой венец, что смерть отца
Тебе в лицо насмешливо швырнула.
Испуганно твой взор кругом блуждает, —
Что ищет он в толпе необозримой?
Взгляни — кругом стоят твои клевреты,
Ищейки верные — они готовы,
Лишь укажи, — и ринутся по следу,
И выследят, и горло перервут!
Вон войско храброе стоит стеною.
Играет солнце на штыках бессчетных...
Махни рукой — и русскими костями
Они устелют горы Гималая,
Песок сыпучий знойного Турана
Иль запрудят рядами тел Дунай!
Лишь бровью двинь — и в битве с целым
миром,
В борьбе кровавой с силами чужими
Они положат головы свои...
А вот толпа! Смотри — людское море:
Могучей волн морских людские волны,
И громче бури грозной рев толпы.
Чудовище, которое пожрало
Кумиров столько, им же вознесенных,
Она в глаза глядит тебе покорно,
С благоговеньем каждый звук твой ловит...
Лишь прикажи — и в миг с остервененьем
Пред ясными царевыми очами
Она врага на части разорвет.

Что ж медлишь ты? Дай знак им! .. Нет,
безумец!
Ни сила войск, ни гнев толпы свирепой,
Ни верные, усердные холопы
Спасти тебя от гибели не могут,
Твоих врагов не в силах одолеть.

С могучей силой мысли необъятной,
С блестящим светом веры благодатной,
С огнем любви неугасимо ярким
Затеял ты безумную борьбу!
Вздымает горы пламенная вера,
За облака проникла мысль людская,
Во всех сердцах, к добру и к правде чутких,
Зажгла любовь неугасимо пламя.
Так твоему расшатанному трону
Где ж устоять в борьбе против стихий?
Они глубоко в землю проникают,
Они собою воздух наполняют,
С собою их разносит летний ветер,
В своем дыханьи ты вдыхаешь их.
Они везде — в тревожных сновиденьях,
В воспоминаньях совести преступной,
В улыбке нежной сыновей твоих.

Но близится к концу обряд священный,
И радостно, с глубоким облегченьем,
Как осужденный, коему внезапно
Дана пред самой плахою отсрочка,
Так ты спешишь отсюда под защиту
Надежных стен твоей берлоги мрачной.
Иди! Тебя от гибели жестокой
На этот раз избавила судьба.
Но знай, злодей, придет твой час последний!
Неумолимый, неизбежный, скоро
Он у тебя потребует отчета
Во всех делах, тобою совершенных!
И выступят из недр земли глубоких
Потоки слез горючих, реки крови,
Тобой пролитые, и захлебнешься
Ты в жгучих волнах их, палач жестокий!
Кипящего народного волкана
Зияющее жерло над тобою
Разверзнется и поглотит тебя!

<1886>

Б. Д. ОРЖИХ

ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Ты боролся с неправдой и злом,
Храма света показывал своды;
Горделивым и мощным умом
Вел к познанью любви и свободы.
Средь насилья, обмана и тьмы
Страстный голос твой громко раздался
И ни разу пред мраком тюрьмы
С боязливою дрожью не знался.
И, боясь расцветающих сил,
Сил, направленных к славному делу,
Враг с нахальной улыбкой зарыл
Их в рудник, жизнь оставивши телу
Для тяжелой работы в цепях,
Для беззвучного чувств угасанья,
Чтоб прочесть на лице твоем страх...
Вынес славно ты все поруганья!
Знай, страдалец, что честный твой зов
Не был звуком, замéршим в пустыне!
Много честных, прозревших умов
Принесли свою жертву святыне,
Той святыне, которой служил
Ты не долго, но так безупречно,
Что во всяком, кто стыд не убил,
Будет жить имя славное вечно.
Горек жребий твой, славный боец,
Жребий, созданный зверской рукою
Для учителя чистых сердец,
Зажигавшего светоч над тьмою!
Но великое имя живет,
И предаться не может забвенью
Тот, кто шел без боязни вперед,
Повинуяся правды влеченью!

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

К—ОЙ

В чистом поле завывает,
Злится бешеный буран
И сугробы наметает
На заброшенный курган.

Под его холодным кровом
Ты лежишь в сырой земле,
Вся в крови, с венцом терновым
На израненном челе.

Мир тебе! На битву с дикой,
Безобразной властью зла
Силу всю души великой
Ты геройски принесла!

И, сомненьям не давая
Никогда закрасться в грудь,
Ты прошла, не отступая,
До конца свой трудный путь.

И безумной злобы сила,
Захватив тебя во власть,
Беспощадно осудила
Под солдатской пулей пасть.

Но, не ведая боязни,
Ты с поднятой головой
Гордо шла на место казни
В час последний, роковой.

Мир тебе! Среди бесплодной
И безжизненной степи
В глубине земли холодной
Тихим сном спокойно спи!

Мир тебе! В уединеньи
Отдыхай средь сладких снов

От житейского волненья,
От страданий, от трудов.

Здесь тебя не потревожит
Беспокойный шум мирской,
Долететь сюда не может
Громкий гул толпы людской.

Эту землю посещает
Редко путника нога,
Только звери пробегают
Сквозь пустынные снега.

Только злится, завывает
Буйный, бешеный буран
И сугробы наметает
На заброшенный курган.

<1886>

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

* * *

Тучи черные в небе носятся;
Ветер яростно с лесом в бой вступил.
Из груди моей звуки просятся,
Не сдержать мне их, не хватает сил.

Горе лютое, безысходное
И внутри в груди, и везде кругом;
Им опутана мощь народная,
Он, закованный, спит могильным сном.

В нищете, в слезах лица бледные.
Для него уж нет в жизни светлых дней, —
Сколько тяжести, люди бедные,
Вы выносите на спине своей!

А враги сидят и с презрением
Топчут в грязь тебя, издеваются,

Пот и кровь твои проливаются...
И замолкнул ты в отупении.

О, проснися ты, подымись скорей!
Не жалей своих молодецких сил,
Посмотри кругом — уже с давних дней
Ветер яростно с лесом в бой вступил.

1878

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

КАЗНЬ

Загремела труба,
Повалила толпа
В поле чистое,
В степь широкую.

На том поле погост,
На погосте — помост,
Гладко тесанный,
Кровью крашенный.

Впереди идет поп,
А за ним несут гроб —
Для преступника,
Для крамольника...

Где ж преступник? Вот он, —
Он на плаху идет
Гордой поступью,
Молодецкою...

С визгом сталь поднялась,
В белу шею впилась —
С плеч головушка
Покатилася.

Палач за́ кудри взял
И толпе показал
Ту головушку
Непокорную...

Вдруг в толпе раздалось:
«Валерьян! Валерьян!» —
Голос матери,
Горько плачущей.

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР и А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

* * *

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых...
Свой суд беспощадный над вами
Судьи-палачи уж давно изрекли;
И шли вы, гремя кандалами.

Идешь ты усталый, а цепи гремят...
Закованы руки и ноги.
Спокойно, но грустно свой взор устремил
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впилися змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но ты молчаливо оковы несешь,
За дело любви ты страдаешь,
За то, что не мог равнодушно глядеть,
Как брат в нищете погибает.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая:

«Падет произвол, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный!»
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Конец 1870-х или начало 1880-х годов

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ДУБИНА

Много песен слыхал я в родной стороне,
Там про горе и радости пели.
Но из песен одна в память врезалась мне,
Это — песня рабочей артели.

<Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!>

Не по нотам она на балу сложена,
Не в концертных ее залах пели;
Средь кровавого пота она создана,
Среди стона и вопля артели.
(Припев).

На работу ль, с работы ль крестьянин идет,
Хоровод ли веселый ведется,
Одну песню поет всегда русский народ,
Про дубинушку в песне поется.
(Припев).

Вот он с ломом в руках на дороге большой
Камень бьет, засыпая трясину,
Исхудалый и бледный, голодный, больной
Бьет и тянет уныло дубину.
(Припев).

Как на матушке Волге, великой реке,
Он ломает и руки и спину;
Ему легче, когда, утопая в песке,
Он затянет родную дубину.

(Припев).

Англичанин хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Он затянет родную дубину.

(Припев).

Умирает отец и на смертном одре
Завещает родимому сыну
Лишь тупую покорность тяжелой судьбе
Да унылую песнь про дубину.

(Припев).

И от дедов к отцам, к сыновьям от отцов
Эта песня идет по наследству,
И народ наш в нужде к ней прибегнуть готов,
Как к самому верному средству.

(Припев).

Не дождаться поры, когда наши цари
Переменят правленья картину,
Переставши держать над народом своим
Милосердной рукою дубину.

(Припев).

Но то время придет, и проснется народ,
И стряхнет вековую кручину,
И в дремучем родимом лесу подберет
На врагов он покрепче дубину.

(Припев).

<1886>

ДОБРЫНЯ

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Где нелюбимый сын царевны
Киргиз-кайсацкия орды
В загоне жил, угрюмый, гневный,
Почти без денег и еды,
Готовя на врагов перуны, —
Там ныне пасынок фортуны,
Неве прощальный сделав жест,
Засел с семьей и укрепился...
Ах, он в пустыню удалился
От распрекрасных здешних мест!

О ты, отшельник добровольный,
В груди таишь ты страх невольный!
Да... Ныне шкурная тоска
Земным богам знакома стала,
Спать безмятежно помешала
Крамолы длинная рука.

В крови она, и кровь дымится;
Чья это кровь?.. Чья тень грозится?
Изгнанник милый, бледен ты!
Закрой трепещущие вежды,
Оставь безумные надежды,
Замоскворецкие мечты!

Не трогай шапки Мономаха,
В ней скрыта сущая беда, —
И, право, лучше жить без страха,
На всем готовом, без труда.
Елей Успенского собора
Уж чуда больше не хранит.
Чудесен только динамит,
Разоблачивший для позора
Бесстыдный, вековой обман!
Беглец, поверь: тому, что было,

Возврата нет, и над могилой
Почти рассеянный туман.

Не мучь себя, не мучь супругу,
Не мучь детей, не мучь народ!
Благословясь, сними кольчугу —
И без конвоя марш вперед!
Туда, в столицу, и с балкона
Ты поведи такую речь:

«Бросаю я обузу с плеч,
Мне, братцы, не к лицу корона,
Что в ней? И я бы пал в борьбе.
Хочу свой век прожить с ногами.
Народ! Возьми ее себе, —
Ее ты выстрадал веками!
На нашем доме страшный грех,
Пора народу поклониться.
Я земно кланяюсь! За всех
Мне жребий выпал повиниться!»

Да, всенародно поклонись,
Сними давнишний грех тяжелый
И, облегченный и веселый,
К жене и детям воротись!
Знай, не злопамятен народ,
Он всё готов простить сердечно.
Тебе ж он денег поднесет
И даст приют тебе — и вот
Ты заживешь с семьей беспечно!

Иди же, это путь прямой;
И, подвиг совершив почтенный,
Венец получишь, но иной,
Не золотой — зато нетленный!

<1886>

МУЖИЦКАЯ

Я мужик, ты мужик —
И бурчит утроба. . .
Я Иван, ты Степан,
А Макары оба!!

День в труде, толк-то где?
Ну и душит злоба;
Я был дран, ты был дран —
Пороты мы оба!

Новый царь-государь,
Слышь, венчаться хочет.
Вот-те раз — не о нас
Батюшка хлопочет.

Значит, что ж? Тот же грош,
И бурчи утроба!
Тьфу! Опять станут драть,
И вот так до гроба.

Коли так — марш в кабак
Дядюшки Парфена!
Наливай! Заливай!
Море по колена!

По выходе из кабака:

Ён... с венцом... Мы с винцом...
Эх! Житье какое!
Ты дурак! Я дурак —
Дураки мы трое...

<1886>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НА БЕДНОГО МАКАРА ВСЕ ШИШКИ ВАЛЯТСЯ

Плач

По гатчинским мрачным палатам,
Главу опустивши на грудь,
Блуждает давно император,
Блуждает, не может уснуть.

Его уж не тешат парады,
Охота на ум не идет,
И исконной русской отрады —
Сивухи он больше не пьет.

Лишь взад и вперед он шагает,
Беспомощно руки сложив,
И с горькой тоскою взывает,
В пространство свой взор устремив:

«О боже! Пошли мне спасенье!
Погибнуть не дай в цвете лет!
Так скверно мое положенье,
Что хуже не видывал свет!

Пустеет казна год от года,
Что год, то растет дефицит,
И нет никакого исхода,
И срамом банкротство грозит.

Мужик закоснел в непокорстве:
Он подати бросил платить,
И хочет в нелепом упорстве
Одни недоимки копить.

Уж я ли о нем не стараюсь,
Уж я ль не радею о нем?
Ну, просто из сил выбиваюсь,
Работаю ночью и днем.

Давно ли на благо России,
Забывши высокий свой сан,
Смазные надел сапоги я,
Жену нарядил в сарафан.

И даже на счастье народа
Решился акциз я поднять,
Не с целью прибавки дохода,
Но с тем, чтобы пьянство унять.

Я в банке земельном, казенном
Дал пять миллионов рублей

Крестьян сорока миллионам
Для купли лугов и полей.

И что ж? Обманули надежды,
Напрасны старанья мои —
Мужик-безобразник, как прежде,
Не хочет платить, хоть умри.

Бедой неожиданной новой
Висит над моей головой
Воинственный Бисмарк суровый
С могучей немецкой страной.

Он Польшу и край Прибалтийский
Отнять у меня порешил
И с хитрой державой австрийской
В союз неразрывный вступил.

Ломаю я голову тщетно,
Стараюсь спасенье найти.
С немецкою силой несметной
Как буду борьбу я вести?

Откуда я денег добуду?
(Давно уж истрачен заем.)
Припасов возьму я откуда?
Кого я назначу вождем?

С талантливым Мольтке немецким
Кто сможет бороться в бою?
Не дядя ль, походом турецким
Главу посрамивший свою?

Но всё ж это мог бы снести <я>:
Ведь как дефицит ни растет,
А всё же приносит Россия
По-прежнему славный доход.

Пусть немец отнимет и Польшу
В жестокой, кровавой борьбе;
Ведь сколько б ни взял, а <всё> больше
На долю останется мне.

И в сущности всё это мало
Мне лично приносит вреда.
Но горе. Ведь это начало, —
Есть хуже, есть горше беда!

В России моей терпеливой,
Не ведавшей искони ков,
Безумцы теперь горделиво
Хотят перестроить всё вновь.

Мечтают свирепым ученьем
Всеобщее счастье создать,
Стремятся в своем ослепленьи
Народу всю землю раздать.

В нелепом своем самохвальстве
Крестьянам невесть что сулят,
О правящих классах, начальстве
Им черт знает что говорят!

И даже бессмысленной, дикой
Анархии жаждой горя,
В России, царями великой,
Желают низвергнуть царя!

Увы, не внушают им страха
Жандармы, полиция, суд;
На каторгу, ссылку, на плаху
Они без боязни идут.

Злодеи отца умертвили,
Забывшие совесть и честь;
А слуг моих столько избили,
Что я не могу их <и> счесть.

Что делать мне с ними — не знаю,
Не ведаю, что предпринять.
Ну как обуздать негодяя,
Которому смерть — наплевать?

Давно я лишился покоя,
Давно потерял аппетит.

Повсюду встают предо мною
Кинжал, револьвер, динамит.

Я с шумной столицей простился,
Оттуда, как тать, улизнул,
И здесь запереться решился,
Расставя кругом караул.

С конвоем надежным и верным
Хожу чуть не в ватерклозет,
А всё же я в страхе безмерном,
А всё же покоя мне нет!

По-прежнему нет мне отрады,
По-прежнему в бденьи и сне
Всегда разрывные снаряды
Упорно мерещатся мне.

О Павел, безвременно павший
С крамолою в тяжкой борьбе!
В такую ж опасность попавший,
Твой правнук взывает к тебе!

Из мрачной и тесной могилы
Ты встань и явися на свет!
Молю тебя, прадед мой милый,
Подай мне разумный совет!»

Докончить последнего слова
Еще не успел он, как вдруг
Пред ним появился суровый
Великого прадеда дух.

«О внук, не напрасно, робея,
Пред злою крамолой дрожишь!
Совет мой: уйди поскорее,
Коль жизнью своей дорожишь.

И я <в> своей жизни недолгой,
Лишь только на троне воссел,
Ревнуя о царственном долге,
Унять крамолу́ захотел.

Сурово, решительно, строго
Стремился мятеж обуздать,
С начертанной мною дороги
Сойти не хотел ни на пядь.

Я крепкие замки построил
В столице и в Гатчине тут,
Количество стражи удвоил
И думал — меня не убьют.

Не спасся я стражей надежной,
Не спасся и крепким дворцом,
Задушен рукою мятежной,
Погиб я бесславным концом.

О внук! Своей ловкой рукою
Ты денег побольше сбери!
И, бросив борьбу с крамоло́ю,
Пока невредим, удери!»

1883

‹В. Г. БОГОРАЗ›

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

(Баллада-шутка)

Таганрог. 1886

Проснулся властитель, опухший от пьянства,
Из уст его вырвался крик.
Он дико обводит глазами пространство,
Как в бойню приведенный бык.

«Сюда, царедворцы, солдаты, лакеи!
Эй, кто там! Несите огня!
Кто верует в бога, на помощь скорее!
Спасите, спасите меня!»

Лакеи на крики сбежалися дружно
И стали пред ложем толпой.
«Мы здесь, повелитель! Чего тебе нужно?
Поведай, что сталось с тобой!»

От ламп, от свечей в полутемном чертоге
Разлился блистающий свет,
И царь, отдохнув от недавней тревоги,
Лакеям промолвил в ответ:

«Ужасное нечто случилось со мною
В глубокий полуночи час:
Но я перед вами того не открою,
Холопы, то тайна для вас!

Пошлите скорей вы курьера лихого,
Чтоб был он, как молния, быстр.
Пускай призовет мне министра Толстого, —
То верный и честный министр.

Ему я ужасную тайну открою
И сделаю верный рассказ
Того, что случилось недавно со мною
В глубокий полуночи час».

Был послан курьер, расторопный и верный.
Еще не блеснула заря,
А был уж разыскан любимец примерный
И введен в чертоги царя.

«Послушай, мой друг, мой любимец примерный,
Мой столб, подпирающий трон!
Недавно привиделся сон мне прескверный,
Зловещий, пророческий сон.

Мне снилось, что будто сижу я на троне
В роскошном московском дворце,
В порфире, в регалиях, в царской короне,
С улыбкой на гордом лице.

Стоят перед троном толпой адъютанты,
Министры, сановников ряд;
За окнами грозно гремят музыканты
И взапуски пушки гремят.

Как вдруг предо мною средь пышной палаты
Явилась, как пламя горя,
Рука, что уж раз напугала когда-то
Страны вавилонской царя.

И палец огромный поднялся мгновенно,
Сверкая, пылая огнем,
И слово «пентюх» написал дерзновенно
На лбу неподвижном моем.

Те страшные буквы пылающим жаром
До самого мозга прожгли
Мой лоб, и наполнили душу угаром,
И в мысли смятенье внесли.

Я слышал, как темени кости ломались,
Как лопались черепа швы;
Я с ужасом чувствовал, как уменьшались
Размеры моей головы.

В широкий дурацкий колпак обратился
Мой царский венец золотой,
И низко, на самые уши спустился,
И очи закрыл мне собой.

Я снова почувствовал... кровь леденеет,
Чуть вспомню об этом... Увы! —
Мой зад вырастает, мой зад тяжелеет,
Толстея за счет головы!

Гнетет, напирает мясная громада,
Трещит и шатается трон...
И вот под давленьем огромного зада
Рассыпался вдребезги он!»

Толстой не на шутку смутился рассказом,
Но молвил: «Подобные сны,
Пока еще жив я и светел мой разум,
Тебе, государь, не страшны!»

— «Спасибо, Димитрий, спасибо, мой милый!
Но слышу я голос в груди,
Он шепчет без звуков, но с странною силой:
Беда предстоит впереди.

Мы в тронную залу отправимся вместе.
Единственным спутником мне
Ты будешь. Стоит на возвышенном месте
Тот трон, что я видел во сне.

Я жадно желаю на деле измерить
И трон тот, и собственный зад,
И там я узнаю, не верить иль верить
Той правде, что сны говорят».

Толстой побледнел: «Повелитель, без стражи
Нам в тронную залу вдвоем
Не только что темною ночью, но даже
Опасно отправиться днем.

Быть может, злодейским исполненный ядом
Нас ждет там неведомый враг
С огромным ножом, с динамитным снарядом,
Иль с ломом огромным в руках».

— «Нет, нет, мой Димитрий, нам стражи с собою
Никак не приходится брать:
Такую ужасную тайну конвою
Нельзя ни за что открывать:

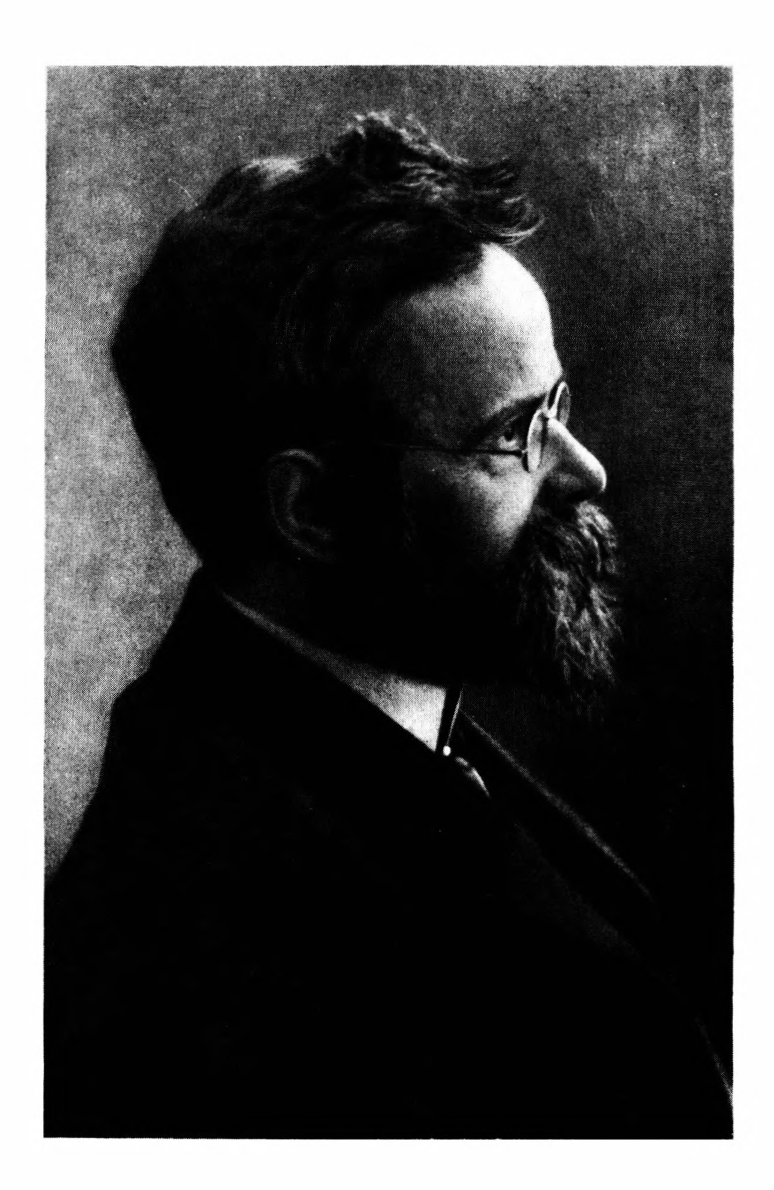
Быть может, действительно, мяса и жира
Прибавилось в заде моем, —
Так трон переделать прикажем пошире
Мы тайно — и дело с концом».

Толстой покорился. Рукою дрожащей
Он лампу тяжелую взял.
Пошли и приходят в чертог тот блестящий,
Где трон драгоценный стоял.

Луч лампы в чертоге обширном и темном
Рассеялся. Грозно углы
Чернели. Лишь трон с балдахином огромным
Блистал, выступая из мглы.

«Я, право, не знаю, на что и решиться!
Мне голос пророчит в груди,
Что скоро несчастье со мною случится,
Беда предстоит впереди».

И вот он решился. И к трону без страха
Поспешной стопой подошел
И, разом завесу откинув, с размаха
Воссел на отцовский престол.



Престол зашатался от грузного веса,
Устои, треща, подались,
И, с крюка сорвавшись, внезапно завеса
Без шума спустилася вниз.

И царь закричал богатырскою пастью:
«О горе! Пришел мне капут!
Сбылось надо мной предсказанье несчастья!
Придется погибнуть мне тут.

В тиски я попался! Как больно, как худо!
Ни вверх, ни вперед, ни назад
Нельзя шевельнуться, ни вылезть отсюда.
Раздавлен несчастный мой зад.

Но что со мной сделалось? Страшные звуки,
Как рокот ревущих валов,
Из чрева несутся. Я чувствую муки,
Как мать накануне родов.

Неведомый дух посетил мое тело.
Безумно свирепствует он.
Он выхода ищет, он близок к пределу,
И скоро уж вырвется вон!»

И лампу на пол уронивши со звоном,
Толстой закричал: «Караул!»
И сам повалился с подавленным стоном,
И уши руками заткнул.

Какой-то удар с оглушительным треском
Послышался в комнате вдруг,
И сернистым газом удушливо-резким
Запахло в пространстве вокруг.

<1886>

СТИХИ И ПЕСНИ

Сборник стихотворений разных авторов. С приложением стихотворений из ненапечатанного сборника «Отголоски революции»

‹Москва›. 1886

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

* * *

Братья, вперед! Не теряйте
Бодрость в неравном бою;
Родину дружно спасайте,
Честь и свободу свою!

Хоть и погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело ж всегда отзовется
На поколеньях живых.
Вперед, друзья, на смерть, на муки!

Мы за народ свой страдаем,
Мы за свободу стоим
И от цепей избавляем
Грудью и сердцем своим!

Хоть и погибнуть придется *и т. д.*

Час избавленья настанет,
Гимн вам народ пропоет,
Вас со слезами вспомянет,
К вам на могилу придет!

Хоть и погибнуть придется *и т. д.*

<1886>

* * *

Тихо в тюрьме, как в могиле;
Тускло ночник мой горит...
Отблеск неверный по стенам
Темного свода скользит...

Жмется болезненно сердце...
Где-то собратья мои,
Что за свободу святую
В битву святую пошли?..

В тиши гробовой казематов,
В сырой глубине рудников
Страдают свободные люди
За вечных безмолвных рабов...

Но смысл этих гордых страданий
И рабское сердце поймет...
И гордо народ угнетенный
Оковы свои проклянет.

Проснувшись от сна векового,
Как море народ зашумит,
Торжественный гром искупленья
По русской земле прогремит...

<1886>

И. И. ПОПОВ

МОНОЛОГ ИЗ ПОЭМЫ «ПЕРОВСКАЯ»

Перовская в последний раз смотрит на заходящее солнце.

Последний день, последние мгновенья...
А завтра казнь... Но что же это? Бред?
Кошмар больной? Ночное сновиденье?
Но нет, всё это явь. Я чувствую так ясно,
Так каждый нерв отчетливо дрожит...
Вот солнышко. Тепло, но безучастно
Оно в окошечко ко мне глядит.

Вот этот луч — всегдашний мой приятель,
Он, с трепетом скользящий по стене...
В последний раз, мой смелый обожатель,
Приходишь на свиданье ты ко мне...
Ну что ж? Прости! А завтра без боязни
Приди туда — на место страшной казни,
И там последний примешь мой привет;
Мой поцелуй ты передай народу,
Поклон полям, и нивам, и лугам;
Всем беднякам скажи, что, за свободу
Борясь, я отдана здесь палачам;
Что за любовь к отчизне бесталанной,
Кровавый труд рабов боготворя,
Убита я на площади базарной
Ничтожными холопами царя.
Шепни семье... Но ты уже уходишь...
Ну, бог с тобой, счастливого пути!
Свети ж другим, ты радость всем приносишь,
Прости, прости, прости!..

<1886>

В. Г. БОГОРАЗ

НА ПЕРЕЛОМЕ

Над спокойно спящею землею
Тяжело нависла тишина.
Отчего мертвящею тоскою
Грудь моя усталая полна?
Что тебя, душа моя, тревожит?
Что тебя терзает и грызет?
Словно червь, неутомимо гложет,
Как змея, без устали сосет?
Ах, в тебе чуть видно искра тлелась
Под холодным пеплом с давних пор,
А теперь внезапно разгорелась
В роковой отчаянья костер...
Я б желал, чтоб в том костре сгорели
Все следы проклятые дотла

Жизни долгой, не имевшей цели,
Не узнавшей ни добра, ни зла.
Беспредельной страсти упоенья
Я б желал почувствовать хоть раз,
Жизни, полной бурного волненья,
Пережить желал бы я хоть час.
Но не той бессмысленной и шумной,
Где разврата вечный пир идет,
Где в разгаре оргии безумной
В грязь вино пролитое течет.
Я б желал на площади огромной,
Где кругом стоит плечом в плечо
Мой народ страдающий и темный,
Говорить о братстве горячо.
Чтоб слова, исполненные силы,
Полились свободно, как волна,
Чтоб они навеки вкоренили
В душах всех благие семена!
Я желал бы в бой ожесточенный
Направлять нетерпеливый шаг,
Впереди товарищей колонны
Со священным знаменем в руках;
И упасть, из рук не выпуская
Знамя то, всё так же впереди,
Громкий крик победы испуская
Из смертельно раненной груди!

<1886>

БОРЦУ ПОЭТУ

Не для корысти и богатства,
Не за награду и венец,
За торжество любви и братства
Всю жизнь свою борись, боец!

Но не бросай в разгар сраженья
Туда, где бой кипит сильней,
Слова святого примиренья,
Залог грядущих светлых дней.

Смягчать горячею любовью
Сердца врагов — напрасный труд,
Твои слова твоей же кровью
Они с насмешкою зальют.

Бери ж скорее, грозный мститель,
Свой добрый меч и в бой спеши
И, словно ангел-разрушитель,
Чудовищ тьмы в куски кроши!

Рази без устали и страха,
Губи врагов своей земли,
Руби с плеча, руби с размаха,
Дави конем, копьем коли!

Тебе, быть может, злую долю
Сулит неравный смертный бой,
И ты падешь на бранном поле
В крови, с разбитой головой!

Но возрастут бойцы из праха
И по твоим стопам пойдут,
И вновь без устали и страха
Борьбу к победе поведут.

Тогда тебя помянут славой,
Поняв, как много ты любил,
Поняв, что ты в борьбе кровавой
Основы мира заложил. . .

<1886>

ОТРЫВОК ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ «СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ»

Письмо к матери

. . .Прощай, прощай! Но не вини
Меня за муки в час прощальный
И с лаской на меня взгляни
Перед разлукою печальной. . .
Так суждено было судьбой:

Упорной, яростной борьбой
Объята я была всецело;
Был труден путь мой, но свернуть
На путь, на пошлый путь,
Я не могла и не хотела.

И вот теперь недалеко
От искупленья рокового.
Я не жалею, я готова,
Мне так спокойно и легко!
Заутра суд, но я туда
Пойду уверенной стопою,
И в день позорного суда
Сама явлюсь судей судьею!
Всю меру лжи их я наглядно
Перед народом покажу.
И, как бичом, их беспощадно
Горячим словом поражу.
. . . .
Но память о тебе всегда
Меня терзает. Иногда
Твой образ плачущий как будто
Живой я вижу, и в минуту,
Когда суровая петля
Внезапно мне прервет дыханье
И из-под ног уйдет земля,
Последней искрою сознанья
В немой отчаянной борьбе
Я буду помнить о тебе...
Прощай, прощай! Воспоминаньем
Себя чрез меру не круши,
Не позволяй немым рыданьям
Свивать гнездо на дне души.
И только изредка грусти —
Спокойно, тихо и без страсти,
И тень мою тогда почти
Словами тихого участья...
Теперь во имя нашей нежной
Всепримиряющей любви
Меня на подвиг неизбежный
В последний раз благослови.

<1886>

ЛЮТНЯ. III.

Лейпциг. 1893—1897

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ГРЕЗЫ НЕВОЛИ

Драматическая картинка

Внутренность небольшой камеры в Шлиссельбургской крепости. Темно, на решетке окна играют лунные лучи. Заключенный, закованный по рукам и ногам, подымается над изголовьем, с немым удивлением оглядывается и потом, тяжело опустив голову, закрывает лицо руками.

Так это был лишь сон...
 один лишь сон...
Но как он ярок был — и чудо как хорош.
Мне снилось: я в глубокой думе
Сквозь стекла тусклого окна следил
За медленным теченьем дивных, ясных звезд
В волнах седых немой полночи,
И им вопрос я жгучий страстно задавал,
Я спрашивал, что сталось с родиной моей?..
По-прежнему ль над ней, сверкая,
Витает грозной тучей сонм святых идей?
По-прежнему ль поет он правды мощный гимн
И песнь божественной свободы?..
Иль, может быть, родимый край уснул
Глубоким сном, и ночи мрак над ним висит?
И только лишь одни могилы,
Могилы тех, кто кровь свою бесстрашно проливал
За люд, страдающий в цепях беды слепой,
Одни лишь говорят о правде...

И думал я: о, если так, — восстаньте вы,
Истлевшие в земле герои!.. Страшною толпой,
Сверкая мертвыми очами,
Гремя костьми, над русской сонною землей
Идите вы, ее будите, пойте песнь
Кровавой мести и проклятья!..

. . . .

Так бредил я — и вдруг в тиши ночной
Мне смутный, ровный шум почудился вдали:
Как будто море прошумело...
И шел ко мне, и рос тот страшный шум,
Как будто там, во мгле, девятый вал вставал,
Терзаясь дико меж утесов,
Могучий свой напев, запенясь, шумно начинал...
И вдруг угрюмый, грозный ропот пушки часовой
Меня смутил: на миг я потерял рассудок.
Я понял всё... то шла свобода!
Я слышал стоны, вопли, выстрелы и крик:
«Да здравствует свобода и народ, вперед!
Долой царя и смерть тирану!..
Да здравствует свободная Россия!..» Миг —
Я дико цепи в клочья разорвал и стал
Зубами грызть окна решетку,
Спеша с народом сладость битвы разделить
Во имя прав святых... и, может быть, меня
Она сдержала б ненадолго;
Но, как поток, что с гор от веянья весны,
Гремя, всё рвет, спадая в пропасть с высоты,
Народ толпою разъяренной
Ворвался к нам в приют могильных грез,
Внося с собой и жизни смех, и смерти страх...
Открылись двери клеток наших!..

. . . .

Счастливый миг, блаженства полный, светлый миг!
Как братьев встретил всех нас, узников, народ
В священном, тихом умиленьи.
Он наши цепи лобызал; потоком слез
И радостью был смыт с души тяжелый след
Тюремных дней, ночных видений...
Потом — не помню я: мелькнуло всё как тень,
Я видел трон поверженный, пожар дворцов...
Я слышал шум победной песни...

«Ликуй, народ! Свободы бог
Тебя хранит отныне.
Разрушен трон лежит у ног
Разгневанной святыни;
Погиб тиран, его чертог
Имеет вид пустыни.
Ликуй, народ! Свободы бог,
Как блага прочного залог,
Тебе вручает слово,
И пусть оно вперед оков
Не знает и сурово
Бичует всех твоих врагов
Мечом добра святого...»
И это всё лишь только сон...

(Задумывается.)

Из-за дверей доносится мерный шаг часового и бряцанье шпор.

<1893>

ИЗ КАЗЕМАТА

Мой друг одинокий, в минуту покоя
Ты в тихую полночь склонись
В углу пред иконой, при свете лампады
Ты долго и жарко молись...

Но, друг, не молись обо мне ты печально:
Привык я к железу цепей;
В тюрьму мою часто слетает украдкой
Улыбка полночных огней.

Я счастлив, я сжился с неволей холодной.
Мой друг, не молись обо мне;
Но долго и страстно в углу пред иконой
Молись ты в ночной тишине...

Пусть солнце свободы над родиной нашей
Державно и гордо взойдет...
Коснеющий в рабстве и духом уснувший —
Молись — да проснется народ!

Молись, чтобы волны правдивого слова
Рабочего впалую грудь
Скорей освежили надеждой великой,
Мой друг, а меня позабудь.

И тихие звуки молитвы полночной
До неба, до бога дойдут.
Их ангелы мира на крыльях с любовью
К сияющим звездам снесут.

Зеленые волны по ниве веселой
Всё ходят и тихо шумят...
А я вспоминаю о доле тяжелой,
О башне, где цепи гремят;
И скучно мне, душно... для глаз равнодушных
Напрасно сияет закат.

Я вновь за решеткой, и дума за думой
Певучей, скорбящей волной
Из сумрака башни, сырой и угрюмой,
Всё рвутся к долине родной,
Где рожь расцветает, где шепчут колосья
О чем-то заре золотой...

<1893>

ИЗ СИБИРСКИХ МЕЛОДИЙ

Ночь молчала... только ели
Над усталой Ангарой
Всё шептались, всё шумели
И кивали головой.
Слышу... песня тихо, страстно
В свежем сумраке плывет,
То звучит мольбой напрасной,
Словно мать к себе зовет,
Рано скрытую могилой,
Вздох покинутых детей;
То забьется с дикой силой,
Как волна среди камней;

То невесело хохочет:
В смехе слышится слеза;
То, стихая, зарокочет,
Как далекая гроза...
Мне знакома песня эта;
В ней рыданья кандалов,
Жажда битвы, жажда света
Говорят помимо слов.

Смолкла песня, в отдаленьи
Легкий говор заменил
Тишь ночную, в изумленьи
Смутный бор заговорил,
Тихо звезды повторяли
В беспредельной вышине
Звуки, полные печали,
Всплывшей на небо луне.

Солнце редко-редко всходит;
Тускло небо, всё в слезах;
С тихим вздохом осень бродит
В опечаленных лесах.
Лист сухой дрожит пугливо,
С шумом падает с ветвей;
В поле пусто... сжата нива;
В небе — крики журавлей...
Вижу я: помчались к югу;
Знать, почуяли они
Зимний холод, злую вьюгу,
Беспросветной жизни дни.
Если б крылья!.. Вольной птицей
Полетел бы также я
Вслед за этой вереницей
Вдаль, в родимые края,
Где в полно́чь у скал играет
Черноморская волна,
Гимн свободы запевает,
Гордой прелести полна.

———

Звезды горят, как влюбленные очи;
  Серп серебрится луны...
Слышится шорох слетевшей полночи —
  Говор ангарской волны.
В душу пахнуло какой-то прохладой,
  Сердце забилось ровней,
Мысль озарили небесной отрадой
  Отблески млечных огней.
Грусть умирает... мечтой безмятежной
  Тихо волнуется грудь;
В сумраке ночи мне чудится нежный,
  Ласковый шепот: «Забудь!..»

В сияньи вечерних огней,
Сверкая слезами печали,
Немало несчастных очей
На небо с мольбою взирали:

«О яркое солнце, постой!
Ты высуши слезы сначала,
И можешь тогда на покой...»
Но солнце в ответ угасало...

Поздняя ночь... замерли в отдалении
Звуки поспешные чьих-то шагов,
Снова всё тихо: в уснувшем селении
Слышится вой лишь далекий волков...

Скучно на Севере: в спячку глубокую
Всё погрузилось здесь с давних уж пор,
Родину вспомнишь невольно далекую,
В сторону южную кинешь свой взор.
Жизнь здесь, убитая долей суровою,
Мирно почила в цепях ледяных;
Спит она словно под крышкой гробовою,
Спит под покровом туманов седых.
Только порою здесь злобу бессильную
Выплачет ночью свирепый буран;
Тишь нарушает один он могильную,
Только лишь он разгоняет туман...

<1893>

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН

Вставай, Русь, царем вся измученная,
Хищников толпами ограбленная,
Поповством тупым замороченная,
По лесам, степям с горя бродящая,
Хлеба и угла не имеющая!
    Есть мера позору, мера страданью!

Встань, обойденная, не медли, не жди,
Бей грозно в набат, ножи, косы остри;
На тюрьмы, дворцы бурной тучей иди.
В тюрьмах цепи разбей, дворцы запали
И красное знамя в окне разверни!
    Есть мера позору, мера страданью!

Вставай, Русь, кнутами истерзанная,
Рабством злым, вековым развращенная,
В рубцах, ранах, больная, голодная;
Крест свой слепо, в потемках, несущая,
Как зверь властию лютой гонимая!
    Есть мера позору, мера страданью!

Восстань на царя, челядь придворную,
На предателей свору проклятую,
На грабителей, кожу сдирающих,
На попов, раем, адом торгующих,
Чудесами народ надувающих!
    Есть мера позору, мера страданью!

Встань, страна, страшный ад пережившая,
Смиреньем рабским мир поразившая,
Своих дивных борцов не познавшая,
В дни казней отстоять не умевшая,
Пред убийцей главу преклонившая!
    Есть мера позору, мера страданью!

Народ! В день судный не верь клятвам, рази!
Царский мерзкий вертеп дотла разнеси!
Публично чудовищ замучай, казни,
Всех гадов зловредных в крови разотри,
В царство света, правды без ноши войди!
    Есть мера позору, мера страданью!

Встань за братий своих погибающих,
В рудниках, крепостях изнывающих,
Заветы любви в груди сохранивших,
О всеобщем благе вечно мечтавших,
Смертную чашу до дна осушивших!
Есть мера позору, мера страданью!

Взбунтуйтесь, войска! собирайтесь, полки!
В грудь подлых злодеев направьте штыки.
В борьбе за народ вы сил не щадите,
Доблестью рабство свое искупите,
Царскую сволочь картечью сметите!
Есть мера позору, мера страданью!

Сентябрь 1891

* * *

Не звон колокольный, не пенье попов
В могилу его провожали —
Молчанье товарищей, лязг кандалов
Да слезы глубокой печали...
На гроб возложили лишь звенья оков,
Ведь он не желал и при жизни венков.
В железной неволе конец он печальный,
В весеннюю пору завянувших дней,
С улыбкою встретил, и в речи прощальной
«Не плакать, не плакать!» просил у друзей,
Просил: «Над могилой, как гимн погребальный,
Вы спойте мне песню о правде опальной...»

<1893>

* * *

Океана гневного волны могучие,
Как отрадны мне грозный ваш гул и движенье —
Напоминают они народов волненье.
К простору стремясь, вы подрываете скалы,
Как народ — ненавистные троны и храмы.

Океан, тишь твоя в душе будит томленье.
На корабле уж чуют грозы приближенье;
Бездн страшных покой гибель сулит, разрушенье.
Бойся, тиран, когда вся страна вдруг затихнет:
Она гнев, месть в груди копит, нож в тиши точит.

Океан, в тьме твоей притаилися спруты,
С властью царской сходны их сосущие плети,
Студенистая масса, коварные сети...
Вызывает своей жадной пастью акула
Мысль о честных и добрых сынах капитала!..

<1893>

П. Ф. АЛИСОВ

У МОГИЛЫ ГЕРЦЕНА

1

На мягком склоне покрытой лесом горы,
Где птички поют и так душисты цветы,
Памятник высится между мраморных плит:
Темный, бронзовый бюст солнца луч золотит.
И играет на нем, и металл он живит.
Великий, мощный борец стоит как живой;
Взор, проникающий в душу, ясный, прямой;
Лицо величьем, думой полно роковой,
И скрещены руки на широкой груди,
Вздыхавшей тяжко, много при жизни, в тиши.
Горизонты с могильных плит необъятны;
Причудливы скалы, волнисты равнины.
Средь кактусов, пальм, рощ апельсинных садов
Разбросаны палаццы всех стилей, цветов.
Обвивают розы и плющ колоннады;
Ветерок зимний полон неги, прохлады.
Взор отдыхает, пестротой утомленный,
На дымчатых рощах олив монотонных.
Луга, горы в лесах, скал диких обрывы,
Ослепительным солнцем все залитые,

Венчают снегом вечным закутанные
Альпы, суровые, грозно холодные.
При закате льды сияют лазурные...
Моря сапфирного волны прозрачные
Омывают берега поэтичные.

2

Ты в туманной, далекой, свободной стране
Создал слово для немых, ходящих во тьме,
И правдивая речь облетала всю Русь;
Власти злой и тупой не давал ты уснуть;
Угнетателей родины бедной своей
Гнал сарказма бичами из огненных змей;
Спину жалких рабов от плетей защищал,
Оковы, с гневом, с тела и духа срывал.
Русь растущую на бой упорный ты звал;
На юную Русь с верой горячей взирал;
«Колокол» твой был для всей Руси вечевой,
Вольный, летучий листок, бессмертный журнал.
Гадких смертных бичуя, громя, сохранял...
Их безумье, ошибки послужат нам впрок,
Их тяжкий позор — живой и страшный урок.
Ненавистны тебе были трон и алтарь —
Ты видел в царе лишь допотопную тварь.
Всю жизнь казнил, подрывал живущий враждой,
Кровь рабочих сосущий общественный строй;
Не ожесточилось сердце долгой борьбой;
Когда светлые думы мелькали порой,
Было дивными чарами слово полно,
И душу таинственно ласкало оно,
Как ветер весенний меж заросших руин,
Лавра шелест грустный средь забытых могил.

3

Родись с могучим талантом, сердцем своим
В стране, где ты, печалью изгнанья томим,
Свободным словом родине верно служил,
В Вестминстерском аббатстве твой прах бы лежал,
Юбилеи твои весь народ бы справлял,

Всем изданьям твоим счет потерян бы был,
Ребенок бы знал, где ты навеки затих.
Родись, где умер, где, чуя приступ грозы,
Пророчил невзгоды социальной войны,
И прах твой, при громе пушек, криках толпы,
Под сенью веющих тихо красных знамен,
В пантеон всеторжественно был бы внесен...
Но ты забыт: ты в России рабской рожден!
Увы! Не покрыт пьедестал именами
Очарованных огневыми речами.
Стою, полный восторга, твой почитатель,
Перед могилой твоей, правды хранитель,
Защитник России, великий писатель!
Правительством диким гражданства лишенный,
Чье слово до наших дней — плод запрещенный,
Трепетно, тайно под полой провозимый.
Еще чище горит души твоей пламя
В наше идеалов лишенное время,
Выше возносятся все духа стремленья
Средь постыдного для всех русских забвенья.

Декабрь 1892
Ницца

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ТОВАРИЩАМ ЮНОСТИ

Я вас позабавил бы песней игривой,
Но знаю: мой голос уныл и угрюм,
Как ночью над сжатой, покинутой нивой
Осеннего ветра тоскующий шум...
Простите... страничка измятая эта
Рядами поблекших, но искренних строк
Напомнит вам грустную долю поэта,
Оторванный бурей от ветки листок.
Я помню, под небом чарующим юга
При трепетном блеске полночных огней
Мы часто сидели, лаская друг друга
Огнем вдохновенных, кипучих речей.

Чуть слышно и смутно шумели каштаны
Тогда в тишине над моей головой,
Я строил роскошные, стройные планы,
И вас приглашал я идти за собой
Туда, где построен на розовом фоне
Поэзии чудной волшебный сераль,
Где правда усталая дремлет на троне,
Сквозь грезы поет мировая печаль...
Но в сон их не верил тогда я, счастливый,
И им на алтарь я готов был принесть
И ум свой кипучий, порой торопливый,
И юные годы, и счастье, и честь...
Я жизнь не считал тогда мрачной загадкой —
Знать, сильно упился я бражкой хмельной,
Как юная роза душистой и сладкой,
Что спрятал с фантазией ум молодой.
Три раза весна расцветала и розы...
И жница по ниве три раза прошла
С тех пор, и на землю холодные слезы
Печальная осень три раза лила;
Тяжелые годы. Тюрьма и дорога
Туда, где синеет угрюмый Урал,
Размыкали силу — но только как в бога,
Как прежде, я верю в святой идеал!
Под ропот далекий полярного моря
Я песни лишь правде предвечной пою,
И слезы... но только народного горя
В те звуки порой я печально волью...

<1893>

НОВЫЙ СБОРНИК РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕСЕН И СТИХОТВОРЕНИЙ

Париж. 1898

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ДВА СТАНА

В мире два стана, нещадно враждующих:
В первом — с победно поднятой главой
Сонмы веселых, беспечных, ликующих,
Сытых, довольных собой;
Сонмы терзающих силы народные,
Нагло сосущих народную кровь,
Топчущих в грязь всё святое, свободное —
Честь, идеал и любовь.
С сердцем заплывшим, душой пресыщенною,
Всюду внося с собой ложь и разврат,
Всё попирают стопой загрязненною,
Куплей-продажей клеймят.
Совесть и честь для них звуки забытые,
Изгнаны правда, любовь, идеал;
Соки народные, в золото слитые, —
Вот где их бог, их Ваал!
Вечная праздность, разгул нескончаемый,
Пьянство, обжорство, бесстыдный разврат,
Наглая ложь, произвол нескрываемый
Здесь безраздельно царят!..

В стане другом — миллионы униженных,
Стонущих тяжко под гнетом оков,
Счастья не знающих, роком обиженных,
Цепи влачащих рабов;

Изданіе Группы Народовольцевъ

НОВЫЙ СБОРНИКЪ
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПѢСЕНЪ
И
СТИХОТВОРЕНІЙ

PARIS
IMPRIMERIE J. ALLEMANE
51, rue Saint-Sauveur, 51

1898

Вечно надломленных, вечно страдающих,
Молотом, ломом, сохой, топором
Жизнь и здоровье свое надрывающих
Над непосильным трудом;
Хищные стаи жестоких мучителей,
Алчных вельмож и жестоких царей,
Царских холопов, чиновных грабителей
Кровью питают своей...

Только не вечно им рабство позорное,
Гнет ненавистный смиренно нести;
Кончится скоро молчанье покорное,
И задрожат палачи...
Близок уж час, уж борьба разгорается,
Мрак беспросветный не так уж гнетет:
Это свободы заря занимается,
Это народ восстает...

<1898>

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

МАТЕРИ

Мне снилось сегодня: в безвестном краю
В слезах я родимую видел свою.
«Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду ли тебя я, соколик, домой?
Взгляни: мои очи ослепли от слез,
И снега белей стали пряди волос...
Всё грезятся мне наяву и во сне
Страданья твои в чужедальней стране!
Всё слышу бряцанье тяжелых цепей,
Всё вижу замки у дубовых дверей;
За ними — знакомая поступь и речь...
Нельзя мне спокойно в могилушку лечь!»

«О матушка милая! Рад бы душой
Тебя я утешить, вернуться домой:

Хоть были б три жизни даны мне в удел,
Всё б отдал я, всё... и к тебе б полетел!
Но душу живую я смею ль отдать?
Могла ли б меня ты за сына принять?»

И слезы лились у родимой рекой,
И дряхлой качала она головой...

Между 1889 и 1893

ПЕСНЯ РУБИЛЬЩИКОВ

Там, где, холодом облиты,
Сопки высятся кругом, —
Обезличены, обриты,
В кандалах и под штыком,
В полумраке шахты душной,
Не жалея сил и рук,
Мы долбим гранит бездушный
Монотонным «тук» да «тук»!

Где высокие порывы,
Сны о правде и добре?
Ранний гроб себе нашли вы
В темной каторжной норе!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано из рук...
Заглушая сердца раны,
Мы стучим лишь «тук» да «тук»!

С нелюдимого Востока,
С плачем снежных непогод
Этот стук пройдет далеко,
В грудь отчизны западет!
И на гибнущее дело
Вышлет сотни свежих рук...
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: «тук! тук! тук!»

1892
Акатуй

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

На рубеже прошедшего с грядущим,
Товарищи, оглянемся назад:
Там не один погиб за правду брат, —
Погиб, победу завещав живущим.
Великое великой жатвы семя,
Те мертвецы *живут* среди бойцов...
Долой же грусть! Долой сомнений бремя!
И выпьемте за наших мертвецов!

Бодрящею струей
Вино пусть в кубки льется!
Еще в нас сердце бьется!
Как встарь, над головой
Всё то же знамя вьется!

Хоть многие упали уж в бою,
А всё ж ряды бойцов не поредели:
Они идут к своей великой цели
И высоко несут хоругвь свою,
Встречая смерть, и муки, и измену
Открытой грудью, с криками «вперед!»
Товарищи! За тех, кто стал на смену!
Я пью за тех, кто бьется и живет!

Бодрящею струей
Вино пусть в кубки льется,
Пусть в нас душа смеется,
И клич наш боевой
Пусть громче раздается!

Чу! Новый год уж в нашу дверь стучится...
Последний тост: за весь рабочий люд!
Я пью за тех, чей неустанный труд
Дал всё, чем человечество гордится,
Кто всё дает и вечно обделен,
Кем живы братство, равенство, свобода,
Но для кого они — лишь чудный сон!
За счастие, за честь, за жизнь *всего* народа!

А! вот и Новый год...
Вверх кубки! Пусть вино,
Как бодрый дух, играет!
Грядущее темно,
Но нас не испугает:
На радость иль на муки —
Дадим друг другу руки!
Да здравствует народ!

<1898>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПРИЗЫВ

Бросим прочь мы сомненья гнетущие,
Смело жизни посмотрим в глаза!
Стыдно нам свои силы цветущие,
Стыдно юность сгубить без следа!
Стыдно нам с малодушной тревогою,
Без борьбы с поля битвы бежать;
Смело двинемся трудной дорогою,
Будем правды и света искать!

Пусть борьба тяжела,
Пусть гнетуще мрачна
Непроглядная ночь безрассветная,
Но на битву со злом
Все мы смело пойдем,
Куда цель нам укажет заветная!

Пусть идут проторенной дорогою
Миллионы трусливых рабов,
Примиренных душою убогою,
Притерпевшихся к гнету оков.
Но с надеждой и верою чистою
В гибель царства неправды и тьмы
Все пойдем мы дорогой тернистою
Для тяжелой, но славной борьбы!

Все пойдем мы вперед,
Не страшася невзгод,
Смерть встречая с улыбкой презрительной;
Жизнью рабскою жить,
Цепи рабски влачить —
Для нас пытки и казни мучительней!..

<1898>

П. Л. ЛАВРОВ

ВПЕРЕД!

Go ahead![1]

Вперед, люди-братья, во имя познанья,
Во имя отчизны, во имя любви!
Вперед, хоть дорогой тяжелой страданья!
Вперед, хоть в горячке! Вперед, хоть в крови!

Вокруг нас мороз усыпительной лени
И мелких тщеславий продажный расчет;
Кто стал среди жизни, кто стал средь движенья,
Тот сном непробудным под хладом заснет;
И с каменным мозгом, и с каменным сердцем,
Холодной статуей стоя средь людей,
В посмешище веку, в укор одноверцам,
Он будет чужим для отчизны своей.
Он чужд будет братьям, он чужд будет веку,
Он чужд будет детям своей же семьи —
Бездушный свидетель для дел человека,
Ненужное бремя родимой земли.
Я слышу укоры толпы утомленной,
Слуг жалких былого, изживших детей:
«К чему ты зовешь нас на путь отдаленный?
К чему недовольство судьбою своей?
Не хуже ли будет в далеком стремленьи?
Вся цель человека — бесстрастный покой.

---

[1] Иди вперед! (англ.). — *Ред.*

Что нам неизвестно — одно обольщенье;
Мы знаем лишь то, что достанем рукой.
Нас в прошлом лелеют заветные сказки,
Святые преданья минувших времен;
Пускай это грезы, но нашей повязки
Мы с глаз не снимаем: нам дорог наш сон.
Смотри: миллионы питает былое,
Под каждым листочком живет паразит, —
Оставь их дремать там в безбедном покое:
За что их гнездо твой удар разорит?
Зачем ты стремишься внести разрушенье,
И слезы, и муки в спокойный наш мир?
К чему нам познанье? К чему нам движенье?
Покой — наша радость, покой — наш кумир!»

Нет в мире покоя: везде измененье,
Повсюду могучие силы кипят;
Века друг за другом спешат как мгновенья,
Вперед что не может, пошло то назад!
Несется с планетами солнце куда-то;
Ногой попираем мы сотни веков,
И смотрят уныло на волны Евфрата
Дворцы Вавилона из диких холмов.
И мчится вперед неусыпное время,
Бросая нам мысли, вопросы, мечты,
Землей засыпая отцов наших племя,
Зовя нас в путь правды, добра, красоты;
Напрасны все жертвы, напрасны молитвы —
Оно не отдаст нам единого дня;
И тщетно былое идет с ним на битву:
Для времени нет ни меча, ни огня.
За верою веру оно отнимает,
И царства падут под его топором;
В крови поколений оно созидает
Грядущее благо над нынешним злом.
Среди заблуждений растет в нем наука;
Средь рабства и скорби растет человек,
И деды страдают для радости внука...
Вперед нас зовет девятнадцатый век.

Вперед же без страха! Вперед без сомненья!
Вперед без оглядки! Вперед нам пора!

Средь дикого леса должно поколенье
Пробить путь для знанья, любви и добра!
Конечно, изящен лес дикой природы,
И целое племя зверей в нем живет;
Конечно, их хищная сгибнет порода,
И много бессильных в работе падет.
Но благо должно совершить свое дело,
Но правда должна победить на земле.
Вперед же! В работу спокойно и смело
С сознанием силы на ясном челе.

Да рухнут, стеная, дубы вековые:
Они заграждают дорогу к добру;
Гнездятся в них змеи; их дупла пустые
Да вырвутся с корнем на жертву костру!
Да рухнет царей беззаконных держава!
Да рухнут умерших богов алтари!
Да царствует разум! Да царствует право!
Да светит нам солнце грядущей зари!
Да мир оживится дыханьем свободы!
Да цепи преданья падут навсегда!
Да братьями станут земные народы
На принципе знанья, любви и труда!
Пусть гибнут ненужных людей поколенья!
Пусть хищники гибнут на славу труда!
Пусть гибнут питомцы бездарные лени!
Пусть гибнут враги, паразиты труда!
Пусть плачет и стонет их жалкое племя —
Обрек его смерти истории суд;
Летит, всё летит неусыпное время,
И волны грядущего вечно растут.
Быть может, мы ляжем кровавою жертвой,
Другим завещая цель жизни своей, —
Тогда пусть живым возглаголает мертвый:
Вперед! Всё вперед, через трупы друзей!

Да будем мы, братья, орудия жизни!
Да будем орудия правды святой!
Да служим мы словом и делом отчизне!
Да смело идем по дороге прямой!
Вперед! Да погибнет всё сердцем гнилое!

Всё то, что отжило, пусть смертью умрет!
Вперед! Да восстанет всё духом живое!
Во имя свободы и правды — вперед!

Март 1857 (?)

Н. П. ОГАРЕВУ

Поклон борцу минувших лет
На новый день его рожденья!
Пусть примет дружеский привет
Во имя вечного движенья,
Во имя боя всех веков
За справедливость и свободу,
Во имя всех живых борцов
За благо русского народа.
Мы помним «Колокола» звон!
Он разбудил от сна Россию;
И вот теперь со всех сторон
Идут на бой борцы иные.
Идут в измученный народ,
Идут в голодные селенья;
Всех русских голос их зовет
В бой за народное спасенье.
Пусть их казнит лакейский суд,
Пусть их измучат палачами,
Пусть ждет их смерть: они несут
В народ свое святое знамя,
То знамя общего труда,
То знамя братства и науки,
И не опустят никогда
Его израненные руки.
В победу веруют они,
В победу правды и свободы;
Придут, придут святые дни,
Восстанут спящие народы,
Пройдет безумие веков,
Пройдут их вечные страданья,
И кровью нынешних борцов
Скрепится будущее зданье.
Тогда, в день светлый торжества,

Людей счастливых поколенья
Сочтут дела, прочтут слова
Борцов за их освобожденье,
Припомнят в прошлом ряд имен
Тех, что за истину страдали,
И грозный «Колокола» звон
Запишут в вечные скрижали.

12 ноября 1876

ПЕСНЯ НЕНАВИСТИ

<Из Г. Гервега>

Вперед! Скорей! Чрез реки, через горы,
Заре навстречу молодой.
Последний поцелуй для милой, ласка взора...
И в бой, скорее в грозный бой!

Мы взяли в руки меч: пока они не сгнили,
Мы не должны расстаться с ним.
Довольно мы врагов своих любили:
Мы ненавидеть их хотим!

Нет, нет: любовь не даст рабам свободы,
И нет спасения в любви.
Ты, ненависть, суди врагов народа!
Ты, ненависть, оковы разорви!

Там, где тираны трон свой нагло утвердили,
Престол мы в щепки обратим.
Довольно мы врагов своих любили:
Мы ненавидеть их хотим!

Пусть в сердце всех, в ком сердце страстью бьется,
Царит лишь ненависти жар.
Готов костер; довольно дров найдется,
Чтоб на весь мир разжечь святой пожар!

Вы все, борцы земли, что для свободы жили,
Кричите братиям своим:
Довольно мы врагов своих любили:
Мы ненавидеть их хотим!

Разите же врагов не уставая,
Разите смелою рукой.
И будет вам та ненависть святая
Священнее любви святой!

Мы взяли в руки меч: пока они не сгнили,
Мы не должны расстаться с ним.
Довольно мы врагов своих любили:
Мы ненавидеть их хотим.

<1898>

ПЕСНЯ ЮНОСТИ

Весело! Шумно! Здесь, жизнь молодая,
Ты свой чертог создаешь.
Горе, нужду и труды забывая,
Пляшет, поет молодежь.
Хохот и шутки. Стаканы сверкают
Красным, дешевым вином.
Это изгнанники праздник встречают...
Юности песню споем:

«Голод, и холод, и муки изгнанья,
Долгие годы тюрьмы,
Труд непрестанный и горе скитанья —
Всё это вынесли мы.
Всё это завтра и снова, и снова
Молча спокойно снесем.
Что нам сегодня до завтра лихого?
Юности песню споем!

Полночь! Год новый! Его на чужбине
Встретим мы криком: ура!
Знаем: он даст нам всё то же, что ныне,
Не принесет он добра.

Будем работать за грош, за копейку,
Мыкаться ночью и днем.
Ну ее к черту, заботу-злодейку!
Юности песню споем!

Тише! За братьев далеких, любимых
Молча поднимем стакан.
Там они бьются, там мучит родимых,
Тянет их жилы тиран.
Все мы готовимся к грозному бою,
Все мы оружье куем.
Будь то, что будет! Пред мрачной судьбою
Юности песню споем!

Встретим мы весело, встретим мы смело
Новый родившийся год!
Будем мы биться за братское дело,
Биться за бедный народ!
Рухните, старые злые кумиры!
Радостно мы развернем
Красное знамя, стяг юного мира!
Юности песню споем!»

1 января 1880
Париж

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

14-е ИЮНЯ 1898 г.
(СЕМИДЕСЯТИПЯТАЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Л. ЛАВРОВА)

Товарищи, соратники и братья,
Вы все, кто здесь, и те, кого здесь нет,
Раскройте шире братские объятья
И — без различья лет, идей и платья —
Сольем весь пыл
И чувств, и сил
В один сердечный, родственный привет!

Тому, в сердца кто многих поколений
Добра и правды искру заронил,
Тому, кто яд мучительных сомнений
Не раз разумным словом исцелил,
Кто говорил нам вечно о народе,
Кто нас учил значенью слова «труд»,
Кто в нас питал любовь к святой свободе
И тиранию громко звал на суд, —
Чей ум и в счастье, и в несчастье,
И в ведро, и в ненастье
Всегда любовью светлой был согрет, —
Тому сегодня семьдесят пять лет!
Как много лет! — и лет завидных, честных,
В труде прожитых, умных, славных лет,
Оставивших в бесчисленных, безвестных
Сердцах живой, неизгладимый след!

Еще нам дай таких годов поболе
И не тверди, что ты старик! Нет, нет!
Кто бороздит, как ты, науки поле
Булатом мысли в семьдесят пять лет;
В ком для добра, как прежде, сердце бьется
И идеал горит святым огнем;
В ком стон земли родимой отдается
Живою болью, как удар ножом,
И в чьей душе родное лихолетье,
Как встарь, родит негодованья крик, —
Тот не старик! Нет, нет, тот не старик,
Хотя б он прожил целое столетье!

Берите ж кубки ваши!
Звените громче, чаши!
И в этот светлый миг
Пусть шире раздается,
Пусть далеко несется
Наш дружный, наш заздравный,
Наш общий, братский крик:
Да здравствует наш славный,
Наш *молодой* старик!

Июнь 1898

Б. Н. ГЕЙМАН

* * *

В отдаленном краю, за Уральским хребтом,
В неприглядной, холодной Сибири,
Окруженный глухими снегами и льдом,
Отдаленный насильно от мира,
Стану я коротать молодые года,
Заменивши неволю неволей,
Утешаясь тяжелой порой иногда,
Что служил я хоть чем-нибудь воле!
Что хоть мало принес я родимой стране,
Но всегда для нее я трудился,
Что не жили корыстные мысли во мне,
Что всегда к ее благу стремился!
Не страшна мне Сибирь и безмолвье лесов,
Ее тундры и мертвые степи,
Не страшны и трескучий мороз, и снегов
Бурный ветр, и железные цепи,
Лишь бы дело нашел я по силам себе,
Лишь бы мог я работе отдаться! —
И тогда и в Сибири, и в мертвой тайге
Я не буду тоске поддаваться!..
Прочь бесцельные муки и горе-тоска!
Впереди новый мир развернется!
Где живет лишь народ, там работа всегда
Для желающих мигом найдется!

Август 1887

2-е (14) ИЮЛЯ 1889 г.

Пойте, товарищи! Песней веселою,
Может быть, думы отгоните прочь!
Только зачем в эту песню тоскливая
Нотка, забравшись, напомнила ночь.

Степи безлюдные, цепи железные,
Дальнего Севера лютый мороз,
И молодые надежды разбитые,
И неоглядное кладбище грез!..

Пойте, товарищи, песни веселые!
Ровно сто лет, как Бастилья взята;
Нынче пирует весь мир образованный
Память победы свободы, труда!..

Что ж вы задумались? Разве не радостно
Вспомнить о дальней победе своей?
Только зачем тут решетки железные?
Только зачем эти звуки цепей?..

Полноте, братцы! Что цепи железные?
Телом мы скованы, — духом вольны!
Если гнетет нас действительность горькая,
Вспомним прошедшие годы и дни!

Пойте, товарищи, песни веселые!
Мрачные думы гоните скорей!

2 июля 1889
Якутский тюр<емный> замок

МИТЕ

Ударит час — как тяжкий сон
В немую даль наш век уйдет.
Лучом свободы озарен,
Счастливый, новый мир блеснет
Волшебный сказочной мечтой;
Из окровавленных могил
Он, гордый, юный, полный сил,
Придет, сияя красотой!
И ты, дитя, придешь тогда
В тот мир; проклятья старине
Раскроют чистые уста
И громко зазвучат оне!
И из-за них наш темный мир
Не омрачит ваш чудный пир!..
Тогда поймешь ли ты, дитя,
Борьбу кровавых, грозных дней,
Когда, мечту в душе тая,

Под лязг и гулкий звон цепей
Мы день и ночь вели в бою?
Когда не только жизнь свою —
Мы душу в жертву принесли
И вас, на старческих плечах
Увлекши вдаль, от тьмы спасли?
Не прозвучит ли на устах
Укор жестокий? О дитя!
Наш век был мрачный, грозный век,
А ваш счастливый! В нем шутя
Живет свободный человек!
Когда б наш долгий, долгий бой
Не беспощадностью дышал,
Тогда б и ваш мир был иной,
И он бы грезой не сиял!..

3 августа 1889
Якутская тюрьма

Б. Д. ОРЖИХ

НОВОСЕЛЬЕ

(Посвящается новичкам
Петропавловской крепости)

Эх! И плохие пришли времена!
    В крепость попал ты, мой милый!
Мертвая всюду царит тишина,
    Изредка звон лишь унылый.
Ну, да ведь ночь, а как утро придет,
    Всё ж веселее, брат, станет!
Завтра увидишь ты здешний народ;
    Новая жизнь настанет.
Завтра начнешь ты подслушивать шум,
    Звуки разгадывать будешь.
Только поменьше мучительных дум:
    Скоро здоровье погубишь.
Лучше спокойно и кротко сноси
    Долю свою роковую.

Много сынов здесь родимой Руси
Сносят тоску гробовую,
Многие годы сидят здесь и ждут
Долгие, долгие годы!
Что-то они им в конце принесут?
Может, лишь Шлюссельки своды?
Спи же, родимый, спокойно усни!
Завтра дадут тебе книгу,
С ней скоротаешь тюремные дни,
Братскую с ней свяжешь лигу.
В книгах найдешь ты не раз и не два
Веры своей подтвержденье.
В них ты увидишь, как часто злобá
Честных гнела в заключеньи.
Скажут они: нет вернее пути,
Кроме борьбы той кровавой,
Что завязалась давно на Руси
С этой безумной оравой
Низких холопов чурбана-царя,
Губящих правду, свободу,
Разум, науку; ведущих шутя
Сотни людей к эшафоту.
Скажут они, что настанет пора —
Нас, может быть, уж не будет —
Сбросит народ наш с престола царя,
Землю и волю добудет.
Спи же пока, брат, спокойно усни:
Будь до конца делу верен,
И на вопросы жандармам скажи,
Что отвечать не намерен.

Между 1886 и 1889 (?)
Петропавловская крепость

* * *

Не рыдай так безумно над павшим в борьбе
Другом, сильно тобою любимым.
Покорись роковой, неизбежной судьбе
И не мучь свое сердце тоскою!

Не вернешь никогда то, что смертью отнято,
Не воскреснет зарытый в могилу;
Если буря порывом одних унесла, —
Не убить же другим свою силу
Бесполезною мукой, бесплодной тоской,
Разъедающим душу сомненьем?
Верь! И знамя борьбы еще сильной рукой
Держи смело и гордо с терпеньем.
Верь, что жертвы борьбы этой страшной, глухой
Не без пользы, не сгинут бесследно:
Их заслуги припомнят счастливой порой,
Когда клик разнесется победный.
Пусть же кровь наших братьев, погибших в борьбе,
Возродит твою силу, отвагу,
Чувство мести кровавой возбудит в тебе
И стремленье к народному благу.

Страшные в жизни творятся явленья:
Гибнут одно за другим поколенья
Юные, лучшие, с силой могучею,
С братской любовью к народу родному,

Гибнут, а всё ж их идея живучая —
Вечный укор всему пошлому, злому —
Двигает новые рати отважные
В битву с тиранами злыми, продажными.
Смело несут свою жизнь благородную
В жертву за жизнь и свободу народную.
И никогда эту силу великую
Не сокрушит злоба лютая, дикая,
Но, как поток, берега размывающий,
В бурную осень пределов не знающий,
Родина-мать, разольешься и ты,
С корнем негодные вырвешь кусты
И на очищенной почве свободной
Счастье взрастишь ты на ниве народной!

Между 1886 и 1889 (?)
Петропавловская крепость

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

УЗНИК

Была семья — семья разбита...
Друзья?.. Но где они теперь?
Как в темной яме мысль зарыта,
И радость жизни подло скрыта:
<Кругом стена, решетка, дверь...>
Он заперт, словно дикий зверь!

Пропитан каждый миг сознаньем
Тупого торжества невежд,
И ядом порванных надежд,
И даже сон усталых вежд
Отравлен часовых бряцаньем.

Он жил! Он бился! Он вложил
В свою борьбу весь цвет, весь пыл
Нетронутых надежд и сил —
Всё отдал родине своей
Еще в начале юных дней.

Что ж родина? Она молчит.
Ужель он матерью забыт?
Он, за нее отдавший кровь,
И радость жизни, и любовь?

Ужели ж там, в стране родной,
Нет никого — души одной,
Чье сердце сжалось бы об нем
И братским вспыхнуло огнем?..

<1898>

Н. С. РУСАНОВ

НА ВОЛГЕ

Я над Волгой сидел,
Я на волны глядел,
Как катились они чередом...

Вдруг почудилось мне,
Что в речной глубине
Раздалось: «Гей, ребята, пойдем!

На бояр, на попов
Да на сытых купцов
За народ православный честной!
Себе землю возьмем,
Себе волю найдем,
Постоим друг за друга горой! ..»

И опять тишина...
Вдруг я вижу: со дна
Всплыл на Волгу-реку резвый струг,
А на том на стружке
Сидят хлопцы в кружке,
На носу атаман, верный друг...

Он стоит недвижим,
Кушаком дорогим
Опоясал он стан молодой:
То — народный боец,
То — за правду борец,
Стенька Разин, казак удалой!

Он очами сверкнул,
Он кудрями тряхнул
И вскричал, размахнув топором:
«Двести лет уж прошло,
Как всех нас извело
Племя бар заодно с их царем,

Но вслед нам, вижу я,
Идет много, друзья,
Разудалых, лихих молодцов,
Что побьют бар-вельмож,
Да попов, всех святош,
Пошлют к черту царя и купцов!

Пролилась наша кровь
За большую любовь, —
Что народ мы уж больно любили...

Царь, бояре-князья
И купцы-холопья
Нас за то, молодцов, загубили...

Но недолго им жить,
Из народа кровь пить:
Месть народа падет на них скоро...»
И из глаз тут моих
Улетел стружек вмиг
Вниз по Волге, по царству простора.

1874

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В СБОРНИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

ОДА НА СМЕРТЬ НИКОЛАЯ I

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.

И ни попыткою, ни кликом, ни полсловом
Не обнаружились трусливые сердца,
И будут вновь страдать при сыне бестолковом,
Как тридцать лет страдали от отца.

Да, тридцать лет почти терзал братоубийца
Родную нашу Русь, которой он не знал,
По каплям кровь ее сосал, он, кровопийца,
И просвещенье в ней цензурою сковал.

И, не поняв, что только в просвещеньи
Народов честь, и мощь, и благо, и покой,
Все силы напрягал он для уничтоженья
Стремлений и надежд России молодой.

Что жизнью свежею цвело и самобытной,
Что гордо шло вперед, неся идеи в мир,
К земле и к небу взор бросая любопытный, —
Он всё ловил, душил, он всё ссылал в Сибирь.

Всю жизнь стремился он, чтоб сделать Русь
машиной,
И точно, упростил правленья механизм:
Вельмож и мужиков бил в голову дубиной
И возвеличил лишь военный деспотизм.

Он грабил нашу Русь, немецкое отродье,
И немцам передал на жертву наш народ,
Без нужды он привлек к нам ратное невзгодье,
Других хотел губить, но сам погиб вперед.

И в день всерадостный его внезапной смерти
Сын хочет взять себе его за образец!
Нет! Пусть тебя хранят все ангелы и черти,
Но нас не будешь ты тиранить, как отец!

Пора открыть глаза уснувшему народу,
Пора лучу ума блеснуть в глухую ночь,
Событий сча́стливых естественному ходу
Пора энергией и силою помочь.

Не правь же, новый царь, как твой отец ужасный,
Поверь, назло царям, к свободе Русь придет,
Тогда не пощадят тирана род несчастный,
И будет без царей блаженствовать народ.

После 18 февраля 1855

П. Л. ЛАВРОВ

ОТЗЫВ НА МАНИФЕСТ

Европа против нас! Окружено врагами
Отечество со всех сторон.
Кровавый час настал... и очередь за нами, —
Повсюду меч уж обнажен!..
Мы знаем клеветы, мы слышим оскорбленья
Тысячеглавой лжи газет —
Измены, зависти и страха порожденье.
Друзей у нашей Руси нет...
И бранный клич прошел над русскою землею,
Забились русские сердца,

И тысячи певцов восторженной толпою
Прославили царя-отца.
И я к тебе пишу еще одно посланье,
России царь! Пускай мой стих
Пред миром выскажет всеобщее желанье
Сограждан — подданных твоих.
Перчатка брошена, не время нам считаться:
Теперь ты предводитель наш,
И русский гражданин пойдет за Русь сражаться —
Ее всегдашний, верный страж.
Ни пред каким иноплеменным строем —
Поверь — не дрогнет русский строй.
Наш ратник, осенив крестом грудь перед боем,
Не посрамит земли родной,
И ляжет он костьми с молитвою простою
На том же месте, где стоял...
Ему — кровавый труд, а ленту после бою
Пускай наденет генерал.

Он — царской прихоти орудие слепое —
Безвестным жил, безвестным пал...
И много подвигов неведомых свершится,
И много, много жертв падет,
И не одна семья, в слезах, во храм молиться
За души милые придет.
И, может быть, кровавая победа
К твоим ногам положит трон;
Ты будешь, может быть, диктатором соседа,
Предпишешь Англии закон!
И с ультиматумом поедут дипломаты
В Париж, чрез груды русских тел,
И в страхе утвердят парламенты, палаты
Всё то, что русский царь велел!..
Но если в этот раз нам суждено иное
И жребий против нас падет,
И рати русские, одну вслед за другою,
Перст божий вихрем разнесет...
Тогда мы встанем все, тогда опять зажгутся
Перед врагами города,
Мильоны новые защитников сберутся
Вкруг трона твоего тогда;

Сумеют дети встать в ряды за Русь родную,
Сумеют жены умереть.
Не сможет гордый враг в минуту роковую
Ни пядью Руси завладеть.
Пока один из нас родное слово слышит,
До тех пор длиться будет бой,
До тех пор договор постыдный не подпишет
Европа русскою рукой.

Европа? Где ж она? Тому еще недавно
Она всей жизнию жила,
Ее манил к себе свободы призрак славный,
Свершались громкие дела.
Ее ораторы, провозглашая братство,
Громили потрясенный трон,
И короли ее, готовя святотатство,
Клялись поддерживать закон.
В мечтах Германия, от Рейна до Карпатов,
Сливалась под одним венцом,
И падало во прах созданье дипломатов
Пред Гогенштáуфенским мечом,
И тени Фабиев и грозных Сципионов
Слетались в возрожденный Рим,
Чтоб ненависть свою к царям и страх законов
Потомкам передать своим.
Граждáне Франции, провозгласив свободу,
Навек разбили эшафот;
Вставали Венгрия, славянские народы —
Всё оживало... шло вперед...
Тогда мы слушали с восторженным вниманьем
Далекий шум святой борьбы,
Дрожала наша грудь тревожным ожиданьем
Перед решением судьбы.
Мы братьев видели в защитниках свободы,
Мы не могли их не любить...
Могучий дух тогда воспламенял народы,
Они могли нас победить...
Но жребий пал иной... Отложена до срока
Победа вольности святой,
Еще час не настал последнего урока,
Не закипел последний бой!..

———

Владыки Англии, патриции, банкиры, —
Все ниц пред золотым тельцом!..
Их флот во всех морях, торговля полумира
Британским скована клеймом.
Пиявки Индии во имя просвещенья,
Защитники ростовщиков,
Отравы продавцы, — они без убежденья
Бросают волны громких слов.
А между тем у них ирландцы голодают,
Кряхтят под тягостным ярмом!..
И нищих миллион в разврате изнывают
Пред раззолоченным дворцом!
На золотых весах там взвешивают право!
«Гнилых местечек» депутат,
Во имя древности Британского устава,
Садится на скамью палат;
Высокомерный внук прославленного деда,
Распутный лорд и пэр идет,
Под мирный шум речей, дремать после обеда,
И хартии хранит клейнод...
Величье Англии есть ложь! Ее расчеты
Не отвратят час роковой,
И не спасут ее ни армии, ни флоты
От раны тайной и гнилой
Несправедливых дел под маскою закона.
Падет владычица морей,
В горячке и бреду, с ее златого трона, —
Перст божий тяготит над ней!

И Франция свою похоронила славу,
Сама разбила свой венец!..
Мне жаль великую свободную державу, —
Постыден Франции конец.
За блестки мишуры, за шитые кафтаны,
За сан чиновного слуги,
За право набивать бестрепетно карманы
И не уплачивать долги,
За балы пышные, за праздники без счета
Французы продали закон,
Отечество и честь с улыбкой Искарьота!..
И для кого ж воздвигли трон?

Бездушный спекулянт на низкие влеченья,
Холодный ритор громких слов,
Тиран бесславных дел, фигляр без убежденья,
Он всем пожертвовать готов, —
Он клятвой торговал, он торговал собою,
Он с кафедры публично лгал;
Поддержан пьяною, подкупленной толпою,
Он гордо право попирал;
Он крал у Франции, у падших поколений,
Скупал мильоны низких душ.
Под маскою его подпишет мир с презреньем:
«Вот коронованный Картуш!»
На этого царя французы променяли
Свободы мыслей и речей,
Своих ораторов-героев изгоняли,
Цвет лучший родины своей...
Он Цезаря надел тяжелую корону,
Ахилла жалкий мирмидон...
И хитрый иезуит, продажные шпионы
Продажный окружили трон...
Ты ль это, Франция, отчизна Лафайета?
Ты, где Жанна д'Арк жила?..
Передовой народ во всех движеньях света,
Свой славный век ты отжила...

И ты, искусственной монархии властитель,
Наследник четырех корон,
Монахов ученик, Радецких повелитель,
Монарх двенадцати племен, —
Давно ль ты трепетал перед народной волей?
Давно ль клялся хранить закон?
И мощная рука союзника давно ли
Твой шаткий поддержала трон?
Пред силой чуждою угас огонь восстанья;
К ногам России положил
Маджар разбитый меч; свое завоеванье
Тебе царь русский возвратил.
И ты в крови не смыл позор твоей державы:
Напрасно венгров кровь текла, —
Ты в казнях не нашел венца поблекшей славы,
Венца габсбургского орла.

Ты молод, но давно ты приучен к обману:
Предательством известный двор
В тебя вдохнул свой яд, к тебе привил он рано
Дипломатический позор.
Штыками разогнал ты скучные палаты,
С тебя монах присягу снял;
Князья без княжества, гнилые бюрократы
Опять дают, без счета, бал!
И ты готовишься на новую измену, —
Твои полки идут на нас...
Не рано ли еще, и позабыла ль Вена
Своей свободы краткий час?
Смотри: там мечутся славянские народы
Под ненавистным им ярмом;
Смотри: в Италии блеснул кинжал свободы,
Смотри — ударил в Парме гром.
Спроси Стюартов ты, спроси ты у Бурбонов:
Народы судят ли царей?
И сходят ли порой на эшафот со тронов
Потомки древних королей?

Стоглавый исполин, страна ученых прений,
Метафизический народ,
Отчизна Гегеля, высоких умозрений,
Мыслителей могучий род!
Злой жребий обрекла история на долю
Твоим разрозненным сынам, —
Как жертву, отдала тебя судьба в неволю
Микроскопическим царькам.
Когда же сбросишь ты лохмотья разделенья
И бремя сорока венцов?
Когда настанет час единства, возрожденья,
Иль вечен сон твоих сынов?
Иль, погруженные в туманные идеи,
Живя средь отвлеченных фраз,
Не чувствуют они, ученые пигмеи,
Что дорог день, что дорог час?
Иль сонм филистеров средь пыльных кабинетов
Забыл, что родине нужна
Не речь профессоров и не мечты поэтов,
Что жаждет славных дел она?

Наследник Фридриха, воспитанник пиэтизма,
Священный папа лютеран,
Сегодня либерал, вчера друг деспотизма,
Ты, пьяный Ульриха тиран.
Не это ль и́збранный Германии правитель?
Неужли он поддержит вас?
И жалок и смешон тевтонов избавитель:
Нет, не настал еще ваш час!..

Недуг неверия, гражданского раздора,
Недуг себялюбивых дел,
Дух малодушия, продажности, позора
Европой старой овладел.
Восстанет ли с одра болезни и мученья
От лихорадочного сна?
Придут ли для нее минуты исцеленья,
Провозвестит ли нам она
Законы новые общественного строя —
Любви и равенства закон?
И скажут новые гражданские герои:
«Европы род еще силен».
Или томит ее предсмертное страданье,
Последний старческий недуг,
И дети Запада, как всякое созданье,
Свершили свой заветный круг
И сходят, мрачные, с окровавленной сцены,
Как братья старшие сошли?
Затем, что час настал для новой перемены
Всей декорации земли.
Как исполинский кедр над горной высотою,
Могуч, несокрушим на вид,
Внутри давно прогнив, держась одной корою,
Тысячелетия стоит
И ждет, чтоб ураган, поднявшись в час урочный,
Сорвал гиганта с вышины
И бросил в прах его... быть может, так же точно
И дни Европы сочтены!..
И, как отжившие владыки Вавилона,
<Как сгибнувший немой народ,>
Как Рима древнего герои — легионы,
Умрет и европейский род.

Быть может, суждено славянским поколеньям
Наследье славное принять,
Народам светлый луч гражданства, просвещенья
Возобновленный передать.
Но русские достойны ль этой славы?
Воистину ль мы лучше их?..
Гражданской доблестью крепка ль твоя держава,
Царь русский? Для сынов твоих
Понятны ли слова: «Законы и заслуги»?
Отчизну любят ли они?
Или вокруг тебя стоят безмолвно слуги
Беспрекословные одни?
Растет ли твой народ под отческим надзором,
Под благодетельной рукой?
Ты смотришь ли на всё спокойным взором?
Живешь ли жизнью с ним одной?
Ты сердца русского все знаешь ли биенья?
Скажи: ведешь ли ты вперед,
К познанью, к высшему святому назначенью
От бога вверенный народ?
Я вижу — вкруг тебя Клейнмихели, Орловы,
Временщиков надменный строй...
Готов уже для них стих горький и суровый,
Но смолк он до поры иной...
Забыто прошлое — в пылу тревоги бранной
Забыт пиявиц хищный род,
Забыты мелкие чиновные тираны, —
Теперь с тобою, царь, весь твой народ!
Но помни, русский царь, ты нашей силой крепок,
Величьем нашим ты велик,
Без русской доблести престол твой — груда щепок,
Народов мощь есть мощь владык!
Проси у господа не громкие победы, —
Тебе их принесет народ;
Не усмирение коварного соседа, —
Его рать русская уймет;
Не помощь в бедствии, — мы вытерпим с тобою;
Не злата — мы его дадим;
Моли о мудрости, чтобы ее рукою
Ты был всегда руководим;
Чтоб дал тебе господь советников нельстивых,
Помощников разумных дал,

Слуг бескорыстных и судей правдивых
Твоей рукой бы избирал;
Чтоб он внушил тебе сочувствие свободы,
Познание народных нужд,
Чтобы привлек к тебе сердца и ум народа,
Чтоб ты не оставался чужд
Его стремлению к великим идеалам;
Чтоб он в тебе и ты жил в нем;
Чтоб назвали тебя потомки не капралом,
Но русским праведным царем!

Между январем и апрелем (?) 1855

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

* * *

Итак, сбылись заветные желанья.
Прости навек, наш грозный падишах,
Благодарим за все благодеянья,
За седины в поручичьих чинах,
За ряд обид и мелких оскорблений,
Которые ты щедро расточал;
За глубину того уничиженья,
В которое ты нас умышленно втоптал.
Ты дерзостно смеялся над искусством,
Талант и ум нещадно презирал
И в нас убить хотел зародыш чувства,
Которого — слепец — ты сам не понимал.
Гордились мы своим образованьем,
Почтен был перед всеми наш мундир,
Но, не поняв великого призванья,
Ты всех в него бессмысленно рядил.
Ты в нас убить хотел сознанье чести,
Лишь воровство и подлость поощрял.
Ты награждал лишь тех, кто наглой лестью
И рабской трусостью твой гнев предупреждал.
Плебей душой, плебей происхожденьем,
Ты историческим преданьям верен был
И приближал к себе всех тех, кто по рожденью
Немножко имя громкое носил.

Тревожимый тщеславьем непомерным,
Ты изменил религии отцов.
Ты возмечтал, что царь наш благоверный
Твой род включит в сонм княжеских родов.
Но кончим счет, прощай — и бог с тобою.
Ведь на Руси лежачего не бьют.
Мы незлопамятны, да будет над тобою
Лишь царский праведный да грозный божий суд!
Расстались мы с тобой — и слава богу,
Опять за всё тебя благодарим:
За Уайенса железную дорогу,
За то, что нет еще дороги в Крым,
За капитал, разбросанный в пустыне,
За всё, чем ты хотел нас оскорбить.
Благодарим за то, что уж отныне
Не будем мы тебя благодарить.

После 15 октября 1855

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

17 АПРЕЛЯ 1856 г.

Царь Николай просил у бога
Суда на сына своего,
Распространяясь очень много
О непокорности его
Отцовским мудрым повеленьям,
О том, как он себя забыл
И, внемля подданных моленьям,
Мир неблестящий заключил,
Как он о честности хлопочет,
О правде, чести и уме,
Как мыслящих людей не хочет
Держать в Сибири и в тюрьме...
«Ах же подлец! — вскричал всевышний,
Услышав звук последних слов, —
Да так я сам ведь буду лишний
Средь этих мыслящих голов,
Лишь пусть побольше разведутся...

Вот я ж его!.. Моя рука
Тебе, мой друг; тотчас польются
Беды на твоего сынка».
И многоопытной главою
Старик разгневанный потряс,
И начал думать сам с собою:
Чем гнев явить на этот раз?..
«Ох, старость, старость, плохо, право, —
Вздохнув, сказал он наконец, —
Как сузилась моя держава,
Как мало верных мне сердец!
Бывало, дождь падет весною —
И все меня благодарят,
Хлеба в полях сгорят от зною —
Ко мне с мольньями спешат.
Бывало, вылечат больного —
Молебны мне ж идут служить,
Сошьют для праздника обнову —
Меня ж придут благодарить.
Бывало, бедного ограбят,
Или бессильного прибьют,
Иль с рвением кого прославят —
За всё ко мне моленья шлют.
Теперь не то... Народ умнеет,
Всё хочет знать да рассуждать,
И на писанье не робеет
Опроверженье представлять.
Не удивить теперь затменьем,
Ни громом страха, ни внушеньем
Немногих к богу обратишь.
Теперь законами природы
Всё объясняет человек,
Стремится к правде и свободе, —
Бездушный век, развратный век!
Что с Александром делать станешь!
И не придумать, право, мне...
Ведь гласом неба тут не грянешь
Или не явишься во сне.
Не упадешь с аэролитом,
Чтоб страх вдохнуть в цареву грудь.
С умом, науками, развитьем
Всё это долго ли смекнуть!

Мне нужно очень осторожно
Теперь с людьми себя держать, —
Их обмануть еще возможно,
Но страхом ничего не взять».
И долго в тягостном раздумье,
Главой поникнув, бог сидел, —
Должно быть, о людском бездумье
По доброте своей жалел.
А Николай благочестивый
Меж тем является опять
И просит вновь нетерпеливо
На сына казнь скорей послать.
Бог стал уж грустно убеждаться,
Что тут не сделать ничего,
Но не хотел никак сознаться,
Что мало силы у него.
«Что ж тебе? — на Николая
С притворным гневом он вскричал, —
Но, внутрь незримо проникая,
Царю я в сердце скорбь послал;
Он будет плакать и томиться,
Хоть с виду весел будет он,
К твоим стопам он обратится,
Тоской душевной исполнён».
«Не лжи, бог, — вскрикнул гневно,
Забывшись, русский царь-палач, —
На свете нет тоски душевной,
Вздор мелешь, старый бородач...
Лет шестьдесят я жил на свете,
А не знавал такой тоски,
И чтоб мои родные дети —
Да что они за дураки!!.»
Увидел бог, что слишком сильно
Распетушился Николай,
И говорит ему умильно:
«О смертный, смолкни и внимай».
Вдруг оба услыхали ясно,
Дождь проливной как зашумел,
И этим случаем прекрасно
Прикрыться хитрый бог сумел.
Он принял важную осанку,
Главою гневно покачал

И, бросив бабью перебранку,
Царю торжественно вещал:
«Теперь твой сын в твоей столице
Иллюминацию зажжет
И сам поедет в колеснице
Смотреть, как празднует народ;
Но здесь не узрит он ни крошки,
Глубокий страх везде найдет,
Зане намеки <?> все и плошки
Затушит ветр и дождь зальет;
Народ не выйдет за ворота,
И рано град во мгле заснет,
И царь со скорбью и заботой
Свой день рожденья проклянет».
Умолк! Речам хитросплетенным
От сердца верит наш солдат
И ждет, когда к ушам блаженным
Проклятья сына долетят.
Но, ах! Погибли упованья,
Надул всеправедный творец!
Не гул проклятий и стенаний
С земли он слышит наконец,
А лишь веселья отклик шумный
И громогласное «ура!» —
В толпах народа клич безумный
В честь молодого их царя...
Увы, увы! Ни дождь, ни слякоть
Не помешали торжеству.
Отцу пришлось — не сыну — плакать
И богу вновь склонить главу!
Перехитрил его строптивый
И недостойный род людской:
К погоде бурной и дождливой
Огонь придумал спиртовой,
От ветра плошки защитивший
И, несмотря на ветр и дождь,
Толпой беспечно пробродивший
Почти насквозь всю эту ночь!
И Николай российской бранью
Ругнул всевышнего творца,
И бог закрыл всемощной дланью
Черты незрящего лица.

И долго думал сам с собою,
Но не придумал ничего,
На мир людской махнул рукою
И отвернулся от него.
Свершай призвание святое,
Неутомимо, царь, свершай,
И всё, что вкруг тебя есть злое,
Немилосердно сокрушай.
Клейнмихель, Бибиков в изгнаньи —
Ты Руси двух врагов сломил, —
Смотри, народ твой в ликованьи,
Уж он тебя благословил.
Но это мало для отчизны,
Еще не весь пал хамов род,
Не смолкли стоны укоризны,
Не умолкает твой народ.
И видит он всё в том же страхе,
Что и министром — Нессельрод,
И Долгоруков не на плахе,
И Киселев народ дерет.
Ничтожный Брок казною правит,
Теряет битву Горчаков,
Еще Москву Закревский давит
И атаманом — Хомутов.
Когда падут все хамократы,
Не будет злобы вкруг тебя,
Благословит тебя трикраты,
О царь, твоя семья.

Август (?) 1856

В. С. КУРОЧКИН

ПТИЧКА

<Из П.-Ж. Беранже>

В самой страсти цепь привычки
Я с трудом ношу —
И на крылья вольной птички
С завистью гляжу.

Сколько воздуха, простора,
Недоступного для взора,
    Свод небес открыл!
Я летал бы скоро-скоро,
    Если б птичкой был!

Завещала б Филомела
    Тайну звуков мне,
Птичка весело б запела
    В дикой стороне,
Где пустынник в чаще бора,
Не спуская с неба взора,
    Братьев не забыл...
Я летал бы скоро-скоро,
    Если б птичкой был!

Знойной страстью бы гремели
    Песни по полям;
Поселяне бы хмелели
    В честь красавиц там.
Я бы с неба в дни раздора
Всем несчастным без разбора
    В звуках радость лил!
Я летал бы скоро-скоро,
    Если б птичкой был!

Огласил бы казематы
    Звонкий голос мой,
И, мечтаньями объятый
    О стране родной,
Накануне приговора
Хоть на миг бы цепь позора
    Узник позабыл.
Я летал бы скоро-скоро,
    Если б птичкой был!

Чуя в воздухе страданья
    И потоки слез,
Я бы на берег изгнанья
    Мира ветвь принес.
Царь Саул бы, в звуках хора,

Дух унынья и раздора
    И свой гнев забыл.
Я летал бы скоро-скоро,
    Если б птичкой был!

Только злых не усладил бы
    Пеньем никогда, —
Разве птичку подстрелил бы
    Бог любви; тогда,
Покорясь ему без спора,
Я на зов родного взора
    Из последних сил
Полетел бы скоро-скоро,
    Если б птичкой был!

<1856>

МОЕ ПРИЗВАНИЕ

<Из П.-Ж. Беранже>

На произвол судьбы
Я брошен в мир, бездомный,
От горя, от борьбы
Ничем не огражденный,
И на тяжелый вздох,
На первый ропот мой —
«Пой! — провещал мне бог, —
    Бедняжка, пой!»

Мне наглым блеском жжет
Глаза богач спесивый,
Гнетет меня, гнетет
Вельможа горделивый.
И злоба и порок
Кишат передо мной!
«Пой! — говорит мне бог. —
    Бедняжка, пой!»

Страшася злой нужды,
Я выбрал жребий скромный

И выносил труды
Обязанности темной;
В оковах изнемог,
Измученный, больной, —
«Пой! — говорит мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Любовь меня от зла
Когда-то охраняла,
Но молодость прошла
И с ней любовь пропала;
Теперь лежу у ног
Красавицы с тоской—
«Пой! — говорит мне бог, —
Бедняжка, пой!»

Так в песнях золотых
Я буду жить для света —
И тот, кто любит их,
Тот любит и поэта.
Сомкнись, друзей кружок,
За чашей пировой —
Да возвестит мне бог:
«Бедняжка, пой!»

<1857>

СТАРЫЙ КАПРАЛ

<Из П.-Ж. Беранже>

В ногу, ребята, идите;
Полно! Не вешать ружья!
Трубка со мной — проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята,
Вся в сединах голова —
Вот она — служба солдата!
В ногу ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Да, оскорбил офицера,
Молод и он оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла!
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Братцы! Солдатские годы,
Служба в руках у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.
Эх! наша слава пропала —
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись:
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного.
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю,
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью.
Снежной, тяжелой дорогой

Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...—
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! Не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться!
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

1857

СТАРЫЙ НИЩИЙ

<Из П.-Ж. Беранже>

Яма эта будет мне могилой;
Умираю немощный и хилый.
Здесь толпа беспечная пройдет;
Скажут: пьян, должно быть с горя, бедный!
Кто добрее, грош мне бросит медный
И глаза, краснея, отвернет...
Что жалеть? Венчайтеся цветами!
А бродяга старый в этой яме
Без участья вашего умрет.

Уходили горе, старость, злоба —
Не доходят с голода до гроба!
Целый год мечтал я об одном:
Умереть бы только на постели —
Нет больницы, где б меня призрели,
Говорят: наполнены битком.

Всё народ счастливый приютился!
Под открытым небом, как родился,
И уснет бродяга вечным сном.

Прокормиться думал я трудами —
Я просил работы со слезами,
Да просил не в добрый, видно, час:
Никуда бездомного не взяли!
Из окошек кости мне бросали,
И, как пес, я их глодал не раз,
В конурах, в конюшнях засыпая, —
И бродяга старый, умирая,
Богачи, не проклинает вас.

Воровать и грабить приходилось —
Да на сердце совесть шевелилась.
А соблазн, соблазн со всех сторон!
И пошел канючить, по дороге
Попадая в тюрьмы да в остроги,—
Ни за что подчас был заключен!
Наглотался я казенной пищи!
Солнце всем сияет; старый нищий
Даже солнца светлого лишен.

Разве есть отчизна у бездомных?
Что мне в ваших фабриках огромных,
В тучных нивах, в блеске городов?
В шумных сходках, в важных заседаньях,
В громкой славе вашей и в собраньях
Краснобаев ваших и льстецов?
А ваш город занят был врагами —
Нищий плакал горькими слезами,
Принимая пищу от врагов.

Червь зловредный — я вас беспокою?
Раздавите гадину ногою,
Что жалеть — приплюсните скорей!
Отчего меня вы не учили?
Не дали исхода дикой силе:
Вышел бы из червя муравей.
Я бы умер, братьев обнимая,

А бродягой старым умирая,
Призываю мщенье на людей!

<1857>

УРОК

<Из П.-Ж. Беранже>

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят
Весь седой ворчун-старик,
  Отставной солдат.
  «Я согнулся, я уж слаб,
  А виды видал!
Унтер не был бы, когда б
  Грамоте не знал!
Дружно, дети! все зараз:
  Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня ль в саду цветок
Насадил я каждый сам,
И из тех цветов венок
  Грамотному дам.
Битый — правду говорит
  Молвь людей простых —
Стоит двух, кто не был бит,
  Грамотей — троих.
Дружно, дети! все зараз:
  Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Митя, видишь карандаш?
За моей следи рукой:
Это *иже*, а не *наш*;
  Экой срам какой!
Да, прислушайте: с полком
В Греции я был,
В двадцать, значит... а в каком, —
  Значит, позабыл.
Дружно, дети! все зараз:
  Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Отстояли мы друзей!
Раз, иду себе один,
Вижу — школа для детей
    У ворот Афин.
В школе учится моряк,
    Детям не под стать:
Я взглянул — и как дурак
    Начал хохотать.
Дружно, дети! Все зараз:
    Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Но учитель мне сказал:
„Ты глупей ребенка сам!
Ты героя осмеял,
    Страшного врагам.
Он за греков мстил — пред ним
    Трепетал султан,
И упал, сожжен живым,
    Вражий капитан“.
Дружно, дети! все зараз:
    Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

„Гордость края моего —
Он, Канáри, — да!
В мире встретили его
    Горе и нужда;
Он, умея побеждать,
    Сел букварь учить,
Всё затем, чтобы опять
    Греции служить!“
Дружно, дети, все зараз:
    Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Весь зардевшись, в стороне
Я в смущении стоял,
Но герой сжал руку мне,
    Слово мне сказал, —
Мне послышался завет
    Бога самого:

„Знанье — вольность, знанье — свет;
Рабство без него!“
Дружно, дети! все зараз!
    Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас».

<1858>

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

<Из П.-Ж. Беранже>

Monsieur Judas est un drôle.
Béranger. [1]

Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы.
Пушкин

Господин Искариотов —
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстилается, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искариотов —
Патриот из патриотов —
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей —
Шепчет, чувствуя опасность:
«Тише, тише, господа!

[1] Господин Иуда смешон. Беранже (франц.). — *Ред.*

Господин Искариотов —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Он поборник просвещенья;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но, едва вошел он в дом,
Вы невольно говорите:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

<1861>

СПЕРАНСКИЙ

ДВОРЯНИН-БАРИН

Писать задумав про дворянство,
Я рифму к слову стал искать —
И что ж... нашлось лишь *чванство, пьянство.*
Ну что прикажете сказать?
Когда ж прибегнешь к корнесловью,
Не годен корень ни один —
Ужель из одного отродья
Дворецкий, дворник, дворянин?
Зачем *дворняшками* зовутся
Те псы, что лают из ворот?
За кость между собой дерутся —
Ужель они *дворянский* род?
Два слова: «дворянин», «придворный» —
Увы! — слилися в слове «чин»;
И, значит, тоже — шут проворный
Тот, кто *придворный дворянин?*
Дворяне на Руси бывают
Одни лишь те, что при *дворе;*
Хоть родословной их не знают,
Но поместят в календаре.
Иные в *знать* попасть старались,
В своем дворянстве зря изъян,
И выскочки в число попались
Облагороженных дворян!

Но есть еще названье... *барин*
И душ владелец столбовой,
Его права скрепил татарин,
С ордой пришедши Золотой.
И развилось в России барство
Назло народу и земли,
Наследство гнусного мытарства,
В степной расцветшее пыли.
Второго ига тяготенье
Тогда почувствовал народ,
И тащат баре к просвещенью
Россию... *задом наперед!*

В столице... барство умолкает,
Там всяк — «служащий дворянин»,
В деревне редко он бывает
И барство... променял на *чин!*
Но с честолюбьем кто не знался —
В деревне барином живет.
А чтоб мужик не забывался,
Его он *отчески* гнетет.
Дворянство — в службе богатеет,
А барству — нищенский удел.
Но странно — взяточник худеет,
Помещик... смотришь, *растолстел!*

Доколь *боярина* значенье
Мы не способны понимать —
Дворянство — титул униженья,
А барство — варварства печать!

Август 1857

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Город роскоши и шума,
Суеты, молвы, балов,
Где одна «Градская дума»
Выше каменных дворцов,
Где все весело скучают
И всегда чего-то ждут,
Служат, пляшут иль гуляют —
Но житье свое клянут!
Петра Первого «окошко»
С толстой рамою двойной,
Запад виден там немножко,
А Восток весь за стеной.
Коль зима — окошко стынет,
Вид в Неметчину закрыт,
Осенью — волна нахлынет,
Летом — из окна сквозит!
А Европа — словно нищий,
Не отходит от окна,
За копейкой или пищей
Лезет в форточку она.

И хоть много там народу,
Но — не стерпит ни один:
Из окошка — прямо в воду
И отправиться в Штеттин!

<1860>

М. Л. МИХАЙЛОВ

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО

<Из М. Гартмана>

1

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он: гордый нрав
В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом —
И взят в борьбе с могучим злом,
И к петле присужден врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть мир! Не смерть страшна:
Больному сердцу в ней отрада!
Ужасно в петле роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадные слетятся,
И над опальной головой
Голодный рой их станет драться.
Но граф в тюрьме, в углу сыром,
Заснул спокойным, детским сном.

Поутру, грустно мать лаская,
Он говорил: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мне так скоро суждено
Расстаться с жизнью молодою!

Погибнет без следа со мною
И имя честное мое.
Ах, пожалей дитя свое!
Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать как лист придется мне».

Мать говорила, утешая:
«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворец пойду, рыдая:
Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбужу на троне...
И поутру, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе.
Коль в черном платье буду я,
Знай — неизбежна смерть твоя...
Не правда ль, сын мой, шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?
Ведь кровь венгерская в тебе!
Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
И до утра он будет спать...
Ему всё на балконе мать
Под белым покрывалом снится.

2

Гудит набат; бежит народ...
И тихо улицей идет,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна настежь. Сколько глаз
Его глазами провожает,

И сколько женских рук бросает
Ему цветы в последний раз!
Граф ничего не замечает:
Вперед, на площадь он глядит.
Там на балконе мать стоит —
Спокойна, в покрывале белом.

И заиграло сердце в нем!
И к месту казни шагом смелым
Пошел он... с радостным лицом
Вступил на по́мост с палачом...
И ясен к петле поднимался...
И в самой петле — улыбался!..

Зачем же в белом мать была?
О, ложь святая!.. Так могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

<1859>

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

<Из Т. Гуда>

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках...
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет —
Поет о рубашке она.

«Работай! работай! работай,
Едва петухи прокричат.
Работай! работай! работай,
Хоть звезды сквозь кровлю глядят!
Ах, лучше бы мне пропадать
В неволе у злых басурман!
Там нечего женщине душу спасать,
Как надо у нас, христиан.

Работай! работай! работай,
Пока не сожмет головы как в тисках!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — вóрот —
Вóрот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь всё да рубишь сорочку.

О братья любимых сестер!
Опора любимых супруг, матерей!
Не холст на рубашках вы носите — нет!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна!

Но что мне до смерти? Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,
Хоть тотчас костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее.
Похожа от голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О боже! зачем это дорог так хлеб,
Так дешевы тело и кровь?

Работай! работай! работай —
Мой труд бесконечный жесток.
А плата? Отрепье, солома в углу
Да черствого хлеба кусок.
Скамейка да стол — голый пол —
Убогая кровля сквозится...
И то любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.

Работай! работай! работай!
От боя до боя часов!
Работай! работай! работай,
Как каторжник в тьме рудников!
Строчка — ластовка — вóрот —
Вóрот — строчка — рубец...

Застелет глаза, онемеет рука,
И сердце замрет под конец.

Работай! работай! работай,
Когда леденеет в окошке стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и светло и тепло —
И ласточки, к выступам кровли лепясь,
Щебечут в сиянии дня,
И кажут мне яркие спинки свои,
И дразнят весною меня.

О! только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами!
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами.
О! только бы час лишь пожить
Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед!

О! только бы час лишь один!
Лишь миг!.. чтоб душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вам нет:
Всё время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои, не теките!
Иголке моей не мешайте вы шить!
Шитья моего не мочите!»

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках...
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет...
Иль песня та к вам, богачи, не дойдет?..
Поет о рубашке она.

<1860>

П. В. ШУМАХЕР

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО ЦАРЯ

«Вот, не в котором царстве»,
Как сказывали встарь,
Сидел на государстве
Могучий белый царь.
Носил с орлами каску,
Боялся букваря...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Народ его был черный:
Он мыться запрещал
И казнию позорной
Ослушников карал.
И задал же острастку
Он после «Декабря»...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Живя в разладе с веком,
Прогресс не признавал,
И только *человеком*
Лакея называл.
Носил величья маску,
Свой сан боготворя...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Лёв[1] Львовича, соседа,
Царем не признавал;
Считал за мироеда
И рать свою послал
Задать Левошке таску —
На Черные моря...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

---

[1] Louis русские нередко переводят — Лёв.

Расчел ли он неверно,
Надеялся ль на фукс, —
Но дело вышло скверно:
Он взял и принял Nux.
С тех пор пошло в развязку,
Сынку благодаря...
Ужо скажу вам сказку
Про красного царя!

1859

П. П.

ЧТО БУДУ ДЕЛАТЬ Я?

Что буду делать я,
Скажи мне, дух!
Болит душа моя;
Мне скучно, друг!
В стране родной всё вздор.
На что взгляну,
Во всем и грязь и сор
Я нахожу.
Мне грезится то ад,
То страшный суд,
То райский земной сад,
То плеть и кнут.
Ужели навсегда
Сокрыт тьмой свет?
Всё горе, да беда,
А счастья нет!
Но что же счастье есть? —
Волшебный сон,
Пустая слава, лесть,
Иль злата звон?
За золото — дают
И жизнь и смерть,
Невинность продают,
Закон и честь.
Скажи, где мне достать
Телец златой?

Ужель себя продать
Тебе, дух злой?
Ты хочешь править, бес,
Моей судьбой!
Но вот летит с небес
Защитник мой;
От бога дар несет —
Мне дар святой —
И вместе гимн споет
Творцу со мной.
И станут все внимать
Молитве той,
Лишь будешь ты дышать
Твоей злобо́й!

<1860>

И. С. НИКИТИН

* * *

Тяжкий крест несем мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слезы на сердце кипят.

Русь под гнетом, Русь болеет;
Гражданин в тоске немой —
Явно плакать он не смеет,
Сын — об матери больной!

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

1850-е годы (?)

* * *

. . . .

Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.
Не нам, иному поколенью,
Отдашь ты бич свой вековой
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат и вероломство,
Все козни время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.
Мужик — теперь твоя опора,
Твой вол, и больше ничего, —
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

1850-е годы (?)

П. Н. ТКАЧЕВ

14 ДЕКАБРЯ 1861

Памяти Михайлова

Еще одним их меньше стало,
Убыл еще из их кружка!..
На этот раз судьба избрала
Свободы лучшего бойца.
Закинутый в краю далеком,
И там, окованный, в цепях,
Быть может, сгибнет одиноко
В сырых и мрачных рудниках!

За что?.. За то ль, что он свободно
Восстал за угнетенных кровь,
Что отозвался благородно
На стоны страждущих рабов?
За то ль, что был он Человеком
Среди рабов и палачей,
Смеющихся над нашим веком
И пляшущих под звук цепей!
За то ль, что вопль меньших братий
В нем сердце кровью обливал
И что невольные проклятья
За них тиранам посылал!

Какая радость, ликованье!
Закон продажный «подведен»,
На муки, на изгнанье
Несчастный брат наш осужден!
У нас, как прежде у евреев
Свели Спасителя к кресту,
Что обличал он фарисеев, —
Ведут к позорному столбу
Для площадного поруганья
Подкупленных, продажных слуг
Того, кто «сильных» за тиранья
Смел обличать свободно, вслух.

Лишь только слово искушенья
Коснется чутких их ушей,
Кричат тираны в исступленьи:
«В Сибирь его, оков, цепей!»
Но не умрет живое слово,
Его цепями не сковать!
Оно воскреснет снова
И будет снова волновать
Рабов желанием свободы.
Его услышат с рудников,
И встанут мощные народы,
И отомстят за эту кровь!

18 декабря 1861

М. Л. МИХАЙЛОВ

* * *

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

Стонет и тяжко вздыхает
Бедный, забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

1861

П. В. ШУМАХЕР

ИЗОБРАЖЕНЬЕ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА

Чуя невзгоду дворянскому роду,
Баре судачат и лают свободу;
Обер-лакеи, спасая ливреи,

Гонят в три шеи живые идеи.
Образ правленья — холопства и барства —
Изображенье Российского царства.

Видя, как шатки и плохи порядки,
Все без оглядки пустились брать взятки,
Львы-ветераны, наперсники трона,
Дремлют, болваны, на страже закона;
А дел вершенье — в руках секретарства —
Изображенье Российского царства.

Для укрепленья филея и мозгу
Корень ученья нам вырастил розгу;
Книг лишних нету, читай что прикажут;
Чуть больше свету — окошко замажут.
Мрак и растленье в ви́дах государства —
Изображенье Российского царства.

Канты, кафтаны, смотры и парады,
Каски, султаны, полки и бригады,
Сабли да шпоры, усы да мундиры,
Дурни да воры — отцы-командиры;
Поле сраженья — арена мытарства —
Изображенье Российского царства.

Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;
Тесно свободе, в законах лазейки;
Бедность в народе, в казне ни копейки;
Лоск просвещенья на броне татарства —
Изображенье Российского царства!

1861

П. Л. ЛАВРОВ

ПОСЛАНИЕ МИХ. ИЛ. МИХАЙЛОВУ

С Балтийского моря на Дальний Восток
Летит бурный ветер свободно,
Несет он на крыльях пустынный песок,
Несет вздох тоски всенародной...

Несет он привет от печальных друзей
    Далекому милому другу...
Несет он зародыши грозных идей
    От Запада, Севера, Юга...
И шепчет: «Я слышал, в полях, в городах
    Уж ходит тревожное слово;
Бледнеют безумцы в роскошных дворцах...
    Грядущее дело готово.
Над русской землею краснеет заря;
    Заблещет светило свободы —
И скоро уж спросят отчет у царя
    Покорные прежде народы...
На празднике том уж готовят тебе
    Друзья твои славное дело,
Торопят друг друга к великой борьбе
    И ждут, чтоб мгновенье приспело...
И шлют издалека сердечный привет,
    Надежду, тоску ожиданья —
И твердую веру: свобода придет —
    И скоро... Борец, до свиданья!»

23 мая 1862

М. Л. МИХАЙЛОВ

ПЯТЕРО

Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли,
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов, —
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколеньям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованьем, что пора придет —

И вами смело начатое дело
Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах, —
В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец всё больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.
Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
Стоят великолепные гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Курится ладан, теплятся лампады,
И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет,
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,—
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена:
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святые ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят

Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений, —
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимою лампадой.

1861 или 1862 (?)

А. Ф. ПОГОССКИЙ

ДЕЛЕЖ НЕХОРОШ

(Новая песня под балалайку, не то под гармонику)

Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
Уж и так он нечестен, непригож,
Что мне, молодцу, совсем невтерпеж:

Кому блин, кому два, кому кныш,
А как мне ли, горемыке, — шиш,
Да и то, вишь, коли выкупишь.
Уж такое это правило,
Только немцев позабавило,
В дураках всю Русь оставило.

Ой, батюшка, твой дележ нехорош,
Таки очень нечестен, непригож,
Никому-то на Руси невтерпеж.

Ах, ты доля моя, долюшка,
Что ковыль-трава среди полюшка,
Безземельная ты волюшка!
Надштукована, налатана,
В «Положение» запрятана,
Ко лбу пулей припечатана.

Нет, батюшка, твой дележ нехорош,
Больно, сударь, нечестен, непригож —
Не пойти ли нам с тобою на правеж?

Али крикнуть моих мальчиков,
Моих верных выручальщиков,

Костяных-то десять пальчиков:
Что сожму — так дубоватые,
Распущу — так вороватые,
Пущу в дело — плутоватые.

Уж, батюшка-государь, как ты хошь,
Ну, а только твой дележ нехорош,
То есть просто ни на черта не гож!

Забавляй-кось ты с девчатами,
Пей с немцами-панибратами,
Потешайся медвежатами, —
Разной этакой охотою,
Государскою заботою, —
Ну, а я-то поработаю!

Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
Не пойти ли нам с тобой на правеж,
Да не кликнуть ли солдатикам про то ж.

Други-братцы вы, солдатушки,
Одной матушки ребятушки, —
Послужите Руси матушке!
У нас кашица заварена
Про царя да и про барина
И про всякого татарина.

Пересудим-кось по-своему дележ,
Чтобы был он всей Расеюшке хорош,
А и нужен-то он — вынь да положь!

1862

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

«СЛУ-ШАЙ!»

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище,
— Слу-шай!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака зальется,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шай!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная...»
— Слу-шай!..

Чу!.. Шелест... Вот кто-то упал... приподнялся...
И два раза щелкнул курок...
«Кто и́дет? ..» Тень мелькнула — и выстрел раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!»
Прорвалося стоном из раненой груди...
— Слу-шай!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

<1864>

Л. И. ПАЛЬМИН

REQUIEM [1]

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

<1865>

[1] Похоронная песня (лат.). — *Ред.*

А. К. Толстой

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ТИМАШЕВА

Вся земля наша велика и обильна,
а наряда в ней нет.

Нестор. Летопись, стр. 8.

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тароваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

6

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

7

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка —
Пойдем, коли зовут!»

8

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

9

«Ну, — думают, — команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort».[1]

10

Но братец старший Рюрик
«Постой, — сказал другим, —
Fort geh'n wär ungebürlich
Vielleicht ist's nicht so schlimm.[2]

---

[1] Ведь это позор — мы должны убраться прочь (нем.). — *Ред.*

[2] Уйти было бы неприлично, может быть, здесь не так уж плохо (нем.). — *Ред.*

11

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zu Stande,
Versuchen wir einmal».[1]

12

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

13

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein grosser Krieger[2]
И умный человек.

14

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge[3]
Языческих держав.

15

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endingte für immer
Die alte Religion.[4]

---

[1] Мы как-нибудь справимся, давайте попробуем (нем.). — *Ред.*
[2] Это был великий воин (нем.). — *Ред.*
[3] Такова была последовательность (нем.). — *Ред.*
[4] Тогда пришел конец старой религии (нем.). — *Ред.*

16

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!»
И сделал нам Йордань.

17

«Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!»

18

Послал он за попами
В Афины и Царьград,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

19

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

20

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

21

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

22

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

23

Узнали то татары:
«Ну, — думают, — не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

24

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем».

25

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси).
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

26

Что день, то брат на брата
В Орду несет извет;
Земля, кажись, богата —
Порядка ж вовсе нет.

27

Иван явился Третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

28

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А всё ж порядка нет.

29

Настал Иван Четвертый,
Он третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

32

Жить можно бы беспечно
При этаком царе;
Но, ах! ничто не вечно —
И царь Иван умре!

33

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

34

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

35

При нем пошло всё гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

36

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

37

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

38

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

39

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

40

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

41

Вернулися поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки —
Поляки и казаки,

42

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя, как раки,
Горюем на мели.

43

Прямые были страсти —
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдешь.

44

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

45

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

46

Свершилося то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

47

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна —
Порядка ж нет как нет.

48

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

49

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был несладок,
Порой бывал и пьян.

50

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..

51

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

52

Вернувшися оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

53

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54

Хотя силён уж очень
Был, может быть, прием,
А всё ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

55

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь — земля обильна,
Порядка ж снова нет.

56

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

57

Бирон царил при Анне,
Он сущий был жандарм:
Сидели мы как в ванне
При нем, dass Gott erbarm! [1]

---

[1] Помилуй бог! (нем.). — *Ред.*

58

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

59

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, —
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, —

61

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

62

«Messieurs, — им возразила
Она, — vous me comblez», [1]
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

63

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

---

[1] Господа, вы слишком добры ко мне (франц.). — *Ред.*

64

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

65

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

66

Казалося, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le D'esiré. [1]

67

В то время очень сильно
Расцвел России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

68

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье —
Боюсь monsieur Veillot. [2]

---

[1] С Людовиком Желанным (франц.). — *Ред.*
[2] Господина Вельо (франц.). — *Ред.*

69

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

70

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом!

71

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

72

С горы со криком громким
In corpore,[1] сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

73

Се Норов, се Путятин,
Се Панин, се Метлин,
Се Брок, а се Замятнин,
Се Корф, се Головнин.

74

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,
И вниз одной дорогой
Летят они, скользя.

---

[1] В полном составе (лат.). — *Ред.*

75

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог —
Картине живописной
Противостать не мог.

76

Лиризм на всё способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

77

Поуспокой мне совесть,
Мое усердье зря,
И дай мою мне повесть
Окончить, не хитря.

78

Итак, начавши снова,
Столбец кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

79

Увидя, что всё хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

80

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев —
Порядок водвори.

81

Что аз же многогрешный
На бренных сих листах
Не дописах поспешно
Или переписах,

82

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.

83

Составил от былинок
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

1868

СОН ПОПОВА

1

Приснился раз, бог весть с какой причины,
Советнику Попову странный сон:
Поздравить он министра в именины
В приемный зал вошел без панталон;
Но, впрочем, не забыто ни единой
Регалии; отлично выбрит он;
Темляк на шпаге; всё по циркуляру —
Лишь панталон забыл надеть он пару.

2

И надо же случиться на беду,
Что он тогда лишь свой заметил промах,
Как уж вошел. «Ну, — думает, — уйду!»

Не тут-то было! Уж давно в хоромах
Народу тьма; стоит он на виду,
В почетном месте; множество знакомых
Его увидеть могут на пути —
«Нет, — он решил, — нет, мне нельзя уйти!

3

А вот я лучше что-нибудь придвину
И скрою тем досадный мой изъян,
Пусть верхнюю лишь видят половину,
За нижнюю ж ответит мне Иван!»
И вот бочком прокрался он к камину
И спрятался по пояс за экран.
«Эх, — думает, — недурно ведь, канальство!
Теперь пусть входит высшее начальство!»

4

Меж тем тесней всё становился круг
Особ чиновных, чающих карьеры;
Невнятный в зале раздавался звук,
И все принять свои старались меры,
Чтоб сразу быть замеченными. Вдруг
В себя втянули животы курьеры
И экзекутор рысью через зал,
Придерживая шпагу, пробежал.

5

Вошел министр. Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом,
Одет в визитку: своего, мол, чина
Не ставлю я пред публикой ребром.
Внушается гражданством дисциплина,
А не мундиром, шитым серебром.
Всё зло у нас от глупых форм избытка.
Я ж века сын — так вот на мне визитка!

6

Не ускользнул сей либеральный взгляд
И в самом сне от зоркости Попова.
Хватается, кто тонет, говорят,
За паутинку и за куст терновый.
«А что, — подумал он, — коль мой наряд
Понравится? Ведь есть же, право слово,
Свободное, простое что-то в нем!
Кто знает? Что ж? Быть может! Подождем!»

7

Министр меж тем стан изгибал приятно:
«Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал — полнейшая свобода,
Мне цель народ, и я слуга народа!

8

Прошло у нас то время, господа, —
Могу сказать: печальное то время, —
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес — но не вполне, да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды.

9

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:

Законность есть народное стесненье,
Гнуснейшее меж всеми преступленье!

10

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам, и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда, —
Надеюсь, вам понятно, господа?»

11

Раздался в зале шепот одобренья,
Министр поклоном легким отвечал,
И тут же, с видом, полным снисхожденья,
Он обходить обширный начал зал:
«Как вам? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семеновна? Давно не заезжал
Я к вам, любезный Сидор Тимофеич!
Ах, здравствуйте, Ельпидифор Сергеич!»

12

Стоял в углу, плюгав и одинок,
Какой-то там коллежский регистратор.
Он и к тому, и тем не пренебрег,
Взял под руку его: «Ах, Антипатор
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите в театор?
Что вы сказали? Всё болит живот?
Ах, как мне жаль! Но ничего, пройдет!»

13

Переходя налево и направо,
Свои министр так перлы расточал;
Иному он подмигивал лукаво,

На консоме другого приглашал,
И ласково смотрел и величаво.
Вдруг на Попова взор его упал,
Который, скрыт экраном лишь по пояс,
Исхода ждал, немного беспокоясь.

14

«Ба! Что я вижу! Тит Евсеич здесь!
Так, так и есть! Его мы точность знаем!
Но отчего ж он виден мне не весь?
И заслонен каким-то попугаем?
Престранная, выходит это, смесь!
Я любопытством очень подстрекаем
Увидеть ваши ноги. Да, да, да!
Я вас прошу, пожалуйте сюда!»

15

Колеблясь меж надежды и сомненья:
Как на его посмотрят туалет,
Попов наружу вылез. В изумленьи
Министр приставил к глазу свой лорнет.
«Что это? Правда или наважденье?
Никак на вас штанов, любезный, нет?»
И на чертах изящно-благородных
Гнев выразил ревнитель прав народных.

16

«Что это значит? Где вы рождены?
В Шотландии? Как вам пришла охота
Там, за экраном, снять с себя штаны?
Вы начитались, верно, Вальтер-Скотта?
Иль классицизмом вы заражены?
И римского хотите патриота
Изобразить? Иль, боже упаси,
Собой бюджет представить на Руси?»

17

И был министр еще во гневе краше,
Чем в милости. Чреватый от громов,
Взор заблестел. Он продолжал: «Вы наше
Доверье обманули. Много слов
Я тратить не люблю». — «Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! — шептал Попов. —
Я не сымал... Свидетели курьеры,
Я прямо так приехал из квартеры!»

18

— «Вы, милостивый, смели, государь,
Приехать так? Ко мне? На поздравленье?
В день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вон с глаз моих! Иль нету — секретарь!
Пишите к прокурору отношенье:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

19

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра — имярек, —
Отечество спаслось от заговору
И нравственность не сгинула навек.
Под стражей ныне шлется к прокурору
Для следствия сей вредный человек,
Дерзнувший снять публично панталоны —
Да поразят преступника законы!

20

Иль нет, постойте! Коль отдать под суд,
По делу выйти может послабленье.
Присяжные-бесштанники спасут
И оправдают корень возмущенья!
Здесь слишком громко нравы вопиют —
Пишите прямо в Третье отделенье:

Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

21

Он поступил законам так противно,
На общество так явно поднял меч,
Что пользу можно б административно
Из неглиже из самого извлечь.
Я жертвую агентам по две гривны,
Чтобы его — но скрашиваю речь —
Чтоб мысли там внушить ему иные.
Затем ура! Да здравствует Россия!»

22

Министр кивнул мизинцем. Сторожа
Внезапно взяли под руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,
Они его от Невского, Садовой,
Средь смеха, крика, чуть не мятежа,
К Цепному мосту привели, где новый
Стоит, на вид весьма красивый, дом,
Своим известный праведным судом.

23

Чиновник по особым порученьям,
Который их до места проводил,
С заботливым Попова попеченьем
Сдал нá руки дежурному. То был
Во фраке муж, с лицом, пылавшим рвеньем,
Со львиной физьономией, носил
Мальтийский крест и множество медалей,
И в душу взор его влезал всё далей!

24

В каком полку он некогда служил,
В каких боях отличен был как воин,
За что свой крест мальтийский получил

И где своих медалей удостоен —
Неведомо. Ехидно попросил
Попова он, чтобы тот был спокоен,
С улыбкой указал ему на стул
И в комнату соседнюю скользнул.

25

Один оставшись в небольшой гостиной,
Попов стал думать о своей судьбе:
«А казус вышел, кажется, причинный!
Кто б это мог вообразить себе?
Попался я в огонь, как сноп овинный!
Ведь искони того еще не бе,
Чтобы меня кто в этом виде встретил,
И как швейцар проклятый не заметил!»

26

Но дверь отверзлась, и явился в ней
С лицом почтенным, грустию покрытым,
Лазоревый полковник. Из очей
Катились слезы по его ланитам.
Обильно их струящийся ручей
Он утирал платком, узором шитым,
И про себя шептал: «Так! Это он!
Таким он был едва лишь из пелён!

27

О юноша! — он продолжал, вздыхая
(Попову было с лишком сорок лет). —
Моя душа для вашей не чужая!
Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Таких, увы! теперь уж боле нет.
Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

28

Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленье.
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройтесь мне, равно как на духу:
Что привело вас к этому греху?

29

Конечно, вы пришли к нему не сами,
Характер ваш невинен, чист и прям!
Я помню, как дитёй за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугам!
Нет, юный друг, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же их нам!
Кто вольнодумцы? Всех их назовите,
И собственную участь облегчите!

30

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успело корни в вас упорство?
Тогда должны мы будем приступить
Ко строгости, увы! и непокорство,
Сколь нам ни больно, в вас искоренить!
О юноша! Как сердце ваше черство!
В последний раз: хотите ли всю рать
Завлекших вас сообщников назвать?»

31

К нему Попов достойно и наивно:
«Я, господин полковник, я бы вам
Их рад назвать, но мне, ей-богу, дивно...
Возможно ли сообщничество там,
Где преступленье чисто негативно?
Ведь панталон-то не надел я сам!

И чем бы там меня вы ни пугали —
Другие мне, клянусь, не помогали!»

32

— «Не мудрствуйте, надменный санкюлот!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщников и гнусный ваш комплот
Повергните к отечества подножью!
Когда б вы знали, что́ теперь вас ждет,
Вас проняло бы ужасом и дрожью!
Но дружбу вы чтоб ведали мою,
Одуматься я время вам даю!

33

Здесь на столе, смотрите, вам готово
Достаточно бумаги и чернил:
Пишите же — не то, даю вам слово:
Чрез полчаса вас изо всех мы сил...»
Тут ужас вдруг такой объял Попова,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (как люди в страхе гадки!)
Имен невинных многие десятки!

34

Явились тут на нескольких листах:
Какой-то Шмидт, два брата Шулаковы,
Зерцалов, Палкин, Савич, Розенбах,
Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова,
Делаверганж, Шульгин, Страженко, Драх,
Грай-Жеребец, Бабков, Ильин, Багровый,
Мадам Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих,
Бурдюк-Лишай — и множество других.

35

Попов строчил сплеча и без оглядки,
Попались в список лучшие друзья:
Я повторю: как люди в страхе гадки —
Начнут, как бог, а кончат, как свинья!

Строчил Попов, строчил во все лопатки,
Такая вышла вскоре ектенья́,
Что, прочитав, и сам он ужаснулся,
Вскричал: фуй, фуй! задрыгал — и проснулся.

36

Небесный свод сиял так юн и нов,
Весенний день глядел в окно так весел,
Висела пара форменных штанов
С мундиром купно через спинку кресел;
И в радости уверился Попов,
Что их Иван там с вечера повесил, —
Одним скачком покинул он кровать
И начал их в восторге надевать.

37

«То был лишь сон! О, счастие! о, радость!
Моя душа, как этот день, ясна!
Не сделал я Бодай-Корове гадость!
Не выдал я агентам Ильина!
Не наклепал на Савича! О, сладость!
Мадам Гриневич мной не предана!
Страженко цел, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены в оковы!»

38

Но ты никак, читатель, восстаешь
На мой рассказ? Твое я слышу мненье:
Сей анекдот, пожалуй, и хорош,
Но в нем сквозит дурное направленье.
Всё выдумки, нет правды ни на грош!
Слыхал ли кто такое обвиненье,
Что, мол, такой-то — встречен без штанов,
Так уж и власти свергнуть он готов?

39

И где такие виданы министры?
Кто так из них толпе кадить бы мог?

Я допущу: успехи наши быстры,
Но где ж у нас министер-демагог?
Пусть проберут все списки и регистры,
Я пять рублей бумажных дам в залог:
Быть может, их во Франции немало,
Но на Руси их нет и не бывало!

40

И что это, помилуйте, за дом,
Куда Попов отправлен в наказанье?
Что за допрос? Каким его судом
Стращают там? Где есть такое зданье?
Что за полковник выскочил? Во всем,
Во всем заметно полное незнанье
Своей страны, обычаев и лиц,
Встречаемое только у девиц.

41

А наконец, и самое вступленье:
Ну есть ли смысл, я спрашиваю, в том,
Чтоб в день такой, когда на поздравленье
К министру все съезжаются гуртом,
С Поповым вдруг случилось помраченье,
И он таким оделся бы шутом?
Забыться может галстук, орден, пряжка —
Но пара брюк — нет, это уж натяжка!

42

И мог ли он так ехать? Мог ли в зал
Войти, одет как древние герои?
И где резон, чтоб за экран он стал,
Никем не зрим? Возможно ли такое?
Ах, батюшка-читатель, что пристал?
Я не Попов! Оставь меня в покое!
Резон ли в этом или не резон —
Я за чужой не отвечаю сон!

Лето 1873

И. Я. ПАВЛОВСКИЙ(?)

* * *

Сила ломит и соломушку, —
Ломит барин мужика,
Нет житья народу бедному
От попа да кулака!
Прижимают на нет моченьки,
Схоронить хотят живьем
По заказу зверя лютого,
Что народ зовет «царем».
Эх ты, сила благодатная,
Ты зачем нам не дана?!
Зажила б с тобой по-своему
Вся родная сторона!
Зажила бы, показала бы,
Как народ умеет жить!
Наши руки развязала бы,
Не дала бы нас губить!
Эх ты, силушка родимая,
Ты у нас, у нас в руках!
Чует всяк тебя и в спинушке,
И в плечах, и в кулаках!
Ты у нас в руках, да связаны
Наши рученьки назад!
Все дороги нам заказаны,
Хоть и скатертью лежат!..
Лишь одна для нас дороженька —
До царева кабака.
А оттедова до темного
Что до божьего леска!..
Лишь по ним свободно хаживал
Наш замученный мужик,
Лишь от леса он отваживал
Тех, кто драть его привык!
Эх ты, сила! Сила-силушка,
Ты в руках у мужиков!
Покажись ты им, родимая,
Дай свободу от оков!
Дай разбить ты цепи царские,
Дай избавиться от бар,

Дай снести суды татарские,
Дай разжечь кругом пожар,
Да не тот, что палит без толку
Хаты голых мужиков,
А вот тот, что <с> Стенькой Разиным
Вздул Емелька Пугачев!
Чтоб разлился красным заревом
По России тот пожар,
Чтобы с барскими хоромами
Он извлек и самых бар,
Чтоб усадебки, как свечечки,
Освещали грозный путь,
Чтобы шел он прямо к Питеру
И не мог бы вкось свернуть.
Разливайся, море красное,
Песни красны пой, петух.
Знай буди Россию-матушку,
Чтоб пожар-то не потух.
Жги, народ, усадьбы барские,
В города иди казнить
Всех бояр, попов, чиновников,
Что Руси мешали жить.
Гой! Точи ножи булатные,
В топоры их принимай.
Гой! Вы сгиньте, баре знатные.
Гой! Ты волю добывай.
Гой! Вставай, вставай, помахивай,
Кто дубьем, кто топором,
Царских хамов перетряхивай —
До царя потом дойдем.
Разносися вместе с заревом
По России весть одна,
Что нам волюшка с земельцею
Всем, как есть, сполна дана.
Что дается тая волюшка
Всем, кто хочет ее взять,
У кого есть мощь да силушка
И кто грудью хочет встать
За мужичье дело бедное,
Против барства да царей,
Да купечества, кулачества,
Против лютых тех зверей,

Что сосали кровь народную,
Что топтали мужика,
Что держали нас в покорности
Силой палки и штыка.
Что же, братцы, натерпелись ли,
Аль мякина не горька,
Али очень уж боитесь вы
Силы царского штыка?
Али воли вам не хочется,
Аль землица есть у вас,
Али, может быть, по-вашему,
Не настал еще тот час?
Не пришла пора великая
Волю силой добывать?
Али, может быть, вам хочется
Ваше дело-то проспать?
Нет? Так что же?
Долго ль думать-то?
Долго ль сиднями сидеть?
Не пора ль нам, братцы, песенку
Пугачевскую запеть?!!
А и есть та песня, сложена,
Уж готова — лишь запой,
И на голос уж положена —
Я люблю ее душой!..
Есть и хор, и бубны звонкие,
Запевалы только нет!
Уж поют ее сторонкою...
Слышат люди... Скоро свет
Эту песню разлюбезную
Весь услышит!.. Скоро днем
На миру ее, сердечную,
Мы все хором запоем.
Запоем как мы про волюшку,
Как подхватит весь народ,
И раздастся она пó свету
И неправду всю снесет!
Всех снесет бояр, чиновников,
Царских хамов — и дойдет
До царя она, что в Питере
Нашу кровь как воду пьет!..
Разливайся, море красное,

Пеной красной, как петух!
Знай буди Россию-матушку,
Чтоб пожар-то не потух!
Пой ты *нечто* про былиночку,
Что во поле градом бьет,
Пой ты песню про тростиночку,
Что дитя мало́е гнет!
Спой, как крышу из соломушки
Да и граду не пробить,
Как пук прутьев и Еремушки
Дюжей силе не сломить...
Ломит сила и соломушку,
Ломит барин мужика,
Ломит царь Россию-матушку
Силой быстрого штыка!..
Не сломить им мощь мужицкую,
Как восстанет весь народ,
Как бунты свои отдельные
Он в единый бунт сольет!
Есть и хор, и бубны звонкие;
Запевалы только нет!
Как связать нам в пук все прутики?
Как избавиться от бед?
Гой! вставай, народ, пошаливай,
Кто дубьем, кто топором;
Царских хамов перетряхивай,
До царя потом дойдем.
Разливайся, море красное,
Песню красный пой петух —
Знай буди Россию-матушку,
Чтоб пожар-то не потух.

1874 (?)

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ИДУЩИМ В СИБИРЬ

Прощайте, братья дорогие,
Вы в жертву преданы судьбой.
В могилу гонят вас живыми,
Как гнали всех за правый бой.

Что тяжко жизнь влачить в неволе,
Мы это чувствуем глубоко —
И та же участь, та же доля
Постигнет нас по воле рока.

Но ни тюрьма, ни даже казни
Не сломят дух протеста в нас;
Дорогой вашей без боязни
Пойдем мы мстить, друзья, за вас.

Пускай в темницы запирают
И даже света нас лишат;
Пусть жизнь нам нашу отравляют
И годы целые томят.

Пусть разлучают нас с друзьями,
По каплям кровь пусть будут пить,
Всё ж будем клясть мы то устами,
Что сердцем не могли любить.

Злодейства власти не забудем,
В себе вражды к ней не убьем;
За муки братий мстить ей будем
Всю жизнь, покамест не помрем.

1876
Петербург

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят, чуть не до полу, темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

<1878>

П. В. ГРИГОРЬЕВ

ДУБРОВИН НА ИСПОВЕДИ

В тюрьме, пред казнию, удалый террорист
Попу-духовнику в глаза глядел сурово,
И на возгла́с его: «Покайся, нигилист!»
С усмешкой гордою такое молвил слово:

«Мне не в чем каяться! Свободе я служил
Всегда как верный сын! И — умирая ныне —
Истерзанный врагом, собрав остаток сил,
Я ей одной молюсь, души моей святыне!

Уйдите, батюшка! Коль вы не лицемер,
Стыдитесь здесь стоять с напутствием бездушным!
Смиренник ваш Христос мне гадок, как пример!
Я не рожден рабом безгласным и послушным!

Я прожил век бойцом! Я и умру таким,
Смеясь в лицо врагу, проклятья посылая!

Месть, месть кровавую, товарищам моим
К царю, его семье и слугам завещая!

Так что ж вам надо здесь?» И поп, скорбя
до слез
О грешнике, ушел, вздыхая, молчаливый...
Однако то́тчас же начальству всё донес,
Присовокупив, что «изверг — горделивый!»

1879 (?)

П. В. ШУМАХЕР

* * *

У Цепного моста
Видел я потеху:
Черт, держась за пузо,
Помирал со смеху.

«Батюшки! нет мочи! —
Говорил лукавый. —
В Третьем отделеньи
Изучают право!

Право на бесправье!..
Этак скоро, братцы,
Мне за богословье
Надо приниматься».

1870-е годы (?)

СЕРДЦЕ ЦАРЕВО В РУЦЕ БОЖИЕЙ

1

Пока наш русский бог
С царем сидел на троне,
Сам черт, и тот не мог
Напакостить короне.

Все козни дерзких клик,
Все шутки нигилистов —
Предупреждали вмиг
Жандарм и частный пристав.
Чуть мину где взорвут,
Чуть выстрелят откуда, —
Уж русский бог как тут
И совершает чудо...

. . . .

С начальства взяв пример,
Молебны отслужили.
И марш в «Фоли-бержер»,
И снова закружили!..

2

Но вот раздался звон
Меж жителей столицы,
Что пойман купидон
У горничной царицы...
Не грех и не беда:
Все очень понимают,
Что фрейлины всегда
На ... хромают.
Сам царь им делал честь
И лазал к ним в постели;
На то они и есть —
Дворцовые мамзели.
Таков уж там манер.
Всех тянет к купидону...
Allons[1] в «Фоли-бержер»?
А ужинать — к Донону...

3

Бог сердится, но бдит,
Сложив браду на чреслах;
Глядь влево — ан сидит
Амур с ним рядом в креслах...

---

[1] Идем (франц.). — *Ред.*

«Ах ты, Венерин сын!
Ты как здесь на престоле?»
— «Я здешний семьянин,
По высочайшей воле...»
— «Ну нет, ребята, пас!
От срама от такова
Бежать скорей от вас...» —
И выслал Русакова.

1881

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

КАНУН РОЖДЕСТВА

В юрте жалкой и убогой
Приютились мы с тобой.
Кое-как и понемногу
Мы сживаемся с тоской.

Завтра праздник. Мы далеко
От России, от друзей...
Нам открыт простор широкий
Безотраднейших полей.

В этот праздник мы невольно
Переносимся туда,
Где жилося так привольно
В жизни мысли и труда.

Где, бывало, собиралась
Нас немалая семья,
Где больное забывалось
С вами, милые друзья.

А теперь семья разбита,
Все разбросаны кой-где.
Жизнь гнетущая открыта
Нам, изгнанникам, везде.

Из своих снегов далеких,
Куда бросила судьба,
Шлем привет мы вам глубокий,
Отдаленные друзья!

1881

В. Н. ФИГНЕР

ТУК-ТУК

Полно, сосед, заниматься!
Мало ль на свете наук?!
Если за все приниматься,
Жизни не хватит, мой друг!

Молод ты. Сил не жалеешь!..
Рвешься скорей всё узнать...
Полно, мой милый, успеешь
Ты стариков обогнать!

Кинь же ты книжку на время —
Выйди из храма наук!
Сбрось отвлеченностей бремя
И отзовись на мой стук...
Тук-тук!

13 декабря 1887
Шлиссельбургская крепость

МАТЕРИ

Если, товарищ, на волю ты выйдешь,
Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!

Ради всего, что есть в жизни святого,
Чистого, нежного, нам дорогого,
Дай обо мне ты ей знать!

Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удела иного —
Всем идеалам верна...

Было мне трудно здесь в первое время:
Страшной разлуки тяжелое бремя,
Думала, сломит меня.

Но не сломило... Теперь не бледнею,
Что уж надежды в душе не имею
Мать дорогую обнять!..

Мать не прошу я любить: сердце чует,
Что и без просьб она любит, горюет,
Образ мой в сердце хранит.

Но пусть не плачет, меня вспоминая:
Я весела... я бодра... Пусть родная
Горем себя не томит!

Пусть лишь в молитвах меня поминает,
Пусть лишь крестом издали осеняет —
Дочь трудный путь да свершит!..

16 января 1888
Шлиссельбургская крепость

* * *

Пали все лучшие... В землю зарытые,
В месте пустынном безвестно легли!
Кости, ничьею слезой не омытые,
Руки чужие в могилу снесли...

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
Надпись об имени славном молчит...
Выросла травка, былинка бессильная,
Долу склонилась — и тайну хранит...

Были свидетелем волны кипучие,
Гневно вздымаются, берег грызут...
Но и они, эти волны могучие,
Родине весточку в даль не снесут!

1897
Шлиссельбургская крепость

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу этой книги положены корректуры подготовленного в 1934 г., но не вышедшего в свет сборника «Вольная русская поэзия». Сборник был составлен для Большой серии «Библиотеки поэта» видным историком русского революционного движения, библиографом и архивистом А. А. Шиловым (сконч. 6 января 1942 г.).[1]

А. А. Шиловым была проделана большая работа по систематическому просмотру и выявлению памятников русской нелегальной поэзии второй половины XIX в. Собранный материал был им подробно прокомментирован. Непосредственные связи с живыми еще в те годы революционерами — в первую очередь с Н. А. Морозовым, В. Г. Богоразом (Таном), А. В. Диковской-Якимовой, Л. А. Кузнецовым и др. — позволили раскрыть забытые и непонятные теперь намеки, установить авторов ряда стихотворений и т. д. Эти устные сведения использованы и оговорены в примечаниях.

Однако настоящее издание не является простой перепечаткой работы А. А. Шилова. За истекшие четверть века существенно пополнились наши знания по истории русского революционного движения второй половины XIX в. Выпущены научные издания Н. А. Добролюбова, В. С. Курочкина, М. Л. Михайлова, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева и ряда других поэтов, позволившие установить авторство для считавшихся раньше анонимными произведений, уточнить их текст, подробно их прокомментировать и т. д. Включены произведения, опубликованные в последнее время в «Литературном наследстве» и других изданиях. Введены данные об авторстве Н. А. Белоголового, Н. С. Курочкина, В. П. Михайлова, И. И. Попова, М. П. Розенгейма, А. И. Стронина, В. Г. Тихановича, А. Х. Христофорова и др.

Для этого издания весь материал заново просмотрен, уточнен и существенно пополнен. Достаточно сказать, что в издание 1934 г. намечено было включить 276 произведений из 35 источников, а настоящее объединяет 387 произведений более чем из 60 источников.

---

[1] См. его статью «Вольная русская поэзия эпохи революционного народничества (1855—1880)». «Звезда», 1933, № 7, стр. 172—180.

Использованы оставленные А. А. Шиловым без внимания сборники «Лютня», существенно пополнен фонд стихотворных прокламаций Н. П. Огарева, изданных в Женеве в 1869 г., расширен список использованных изданий П. В. Долгорукова, значительно полнее представлены материалы из журнала «Общее дело», впервые публикуются несколько стихотворений, например обнаруженный в делах ЦГИАЛ стихотворный памфлет — «баллада-шутка» В. Г. Богораза (Тана) «Сон в летнюю ночь» (А. А. Шилов знал о его существовании, но не нашел его) и т. д. Кроме того, введен особый раздел — стихотворений, не печатавшихся в составе сборников или напечатанных легально и вошедших в репертуар русской революционной поэзии (стихи М. Л. Михайлова, Я. П. Полонского, И. И. Гольц-Миллера, переводы В. С. Курочкина из Беранже и др.). Некоторые стихотворения, как например «Сила ломит и соломушку...» И. Я. Павловского (?), публикуются полностью впервые.

Однако настоящее издание не ставило перед собой задачи исчерпать полностью фонд «вольной» русской поэзии второй половины XIX в. Обилие материала (за пределами книги осталось много десятков произведений) и невысокие поэтические достоинства многих из них заставили произвести отбор (см. соответствующие места примечаний).[1]

Комментарии написаны заново, как сказано выше, с учетом всего установленного в свое время А. А. Шиловым. В основу текстов этого издания, кроме особо оговоренных случаев, положены напечатанные, ходившие по рукам или подготовленные к печати, но не увидевшие света памятники «вольной» русской поэзии второй половины XIX в. В книге воспроизводятся именно тексты современных сборников, а не более поздние редакции и перепечатки. Единичные отступления от этого принципа мотивированы в соответствующих примечаниях. Произведения «вольной» поэзии передавались сплошь и рядом путем устной традиции, в условиях конспирации запись не рекомендовалась. Сохранившиеся списки часто весьма неисправны. Было бы неправильно воспроизводить их механически. В результате сверки текстов с последующими, в том числе и новейшими, публикациями редактором исправлены все оче-

---

[1] В частности, в сборнике не представлены многочисленные писания полубезумного графомана, автора более чем трехсот (!) напечатанных по особой орфографии сборников, В. П. Сидорацкого. За исключением «Лютни» и «Собрания запрещенных стихов и прозы», другие коммерческие издания зарубежных книгопродавцев не использованы. Ф. Я. Прийма безосновательно пытается одно из них — «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки» (?!) представить в качестве выдающегося явления в истории украинской бесцензурной печати. (См. его статью «Шевченко і вільна російська преса» в изд.: «Збірник праць п'ятої наукової шевченківської конференції». Киев, 1957, стр. 173—190). Еще М. П. Драгоманов имел все основания назвать это издание «шарлатанским». Что же до того, что книга была запрещена к ввозу в Россию, то это относилось ко всем изданиям заграничной «вольной» печати, и обнаруженный автором статьи документ ничего нового не дает.

видные искажения, описки, опечатки и прочие ошибки в текстах. Это сделано без особых каждый раз оговорок. Разбивка на строфы также нередко производилась редактором. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Варианты, как правило, не приводятся. По указанным выше причинам они большей частью не представляют ни интереса, ни ценности. В комментариях отмечается лишь самый факт наличия разночтений и иногда дается их сжатая характеристика.

Во всех случаях указывается источник текста и представляющие текстологический интерес перепечатки. Кроме того, где это надо, дается справка о времени и месте первой легальной публикации, а для наиболее значительных произведений и ссылка на новейшие советские издания, в которых дан свод вариантов, установлена история стихотворения и т. д.

Ввиду того что подавляющая часть материала печаталась анонимно, в начальной части примечания это обстоятельство не оговаривается. В тексте всюду, где оказалось возможным, указаны подлинные фамилии авторов стихотворений. Псевдонимы и криптонимы приводятся лишь в тех случаях, когда их не удалось расшифровать. Анонимные стихотворения, авторов которых установить оказалось невозможно, даются всюду под рубрикой «Неизвестный автор».

Все имеющиеся в изданиях редакционные предисловия, пояснения и прочее отнесены в примечания, где они воспроизводятся, пересказываются или только отмечаются.

Особую трудность представляет вопрос о расположении материала.

Расположить все публикуемые стихотворения в хронологической последовательности их написания оказалось невозможным. Датировка произведений «вольной» печати представляет непреодолимые трудности. Условия их создания, хранения и распространения в большей части случаев исключали наличие рукописей — списков и особенно автографов, которые нередко сразу же уничтожались, чтобы не служить в случае провала «уликами» или «вещественными доказательствами». Точная датировка сплошь и рядом отсутствует; при этом она не всегда и показательна. Дело в том, что стихотворение иногда далеко не сразу после создания, а порою гораздо позже, становилось достоянием революционного подполья. Иной раз произведения, написанные по какому-либо конкретному поводу, но не напечатанные по тем или иным причинам в свое время, позднее переосмыслялись и «переадресовывались» в связи с другими аналогичными фактами и спустя ряд лет в этом качестве оказывались распространенными в революционных кругах, — так было, например, с некоторыми стихотворениями Некрасова (см. стр. 407 и 446).

Для сборников подобного типа и назначения наибольшую историческую и историко-литературную ценность представляло бы расположение материала в хронологической последовательности по начальной дате его распространения. Но и этот способ практически осуществить невозможно. Лишь в немногих случаях мы знаем время и способы распространения того или иного стихотворения. При этом в одних случаях стихотворение становилось популярным и получало массовое распространение после того, как было напе-

чатано в сборнике, а в других — печаталось в сборниках после того и именно потому, что было широко распространено в копиях и приобрело популярность. Трудно сказать, какой из этих случаев встречается чаще, — вероятно, количество тех и других приблизительно одинаково.

Третий возможный способ — расположение всего материала по авторам — лишил бы сборник всякой исторической перспективы, не говоря уже о том, что около половины напечатанных в этой книге стихотворений анонимны. Совмещение же в одном «потоке» хронологии сборников и авторского ряда представляется методологически неверным.

Вследствие всех этих соображений было решено сохранить избранное А. А. Шиловым расположение материала по сборникам и другим источникам (периодическим изданиям, листовкам и пр.) — все они следуют один за другим в хронологическом порядке выхода в свет, с незначительными отступлениями от этого принципа, чтобы не разрушать цельности изданий определенной группы, например женевских изданий Огарева и Нечаева 1869—1871 гг., изданий П. В. Долгорукова, изданий петербургского кружка чайковцев 1873—1875 гг.

Принятое расположение материала дает достаточно отчетливое представление о развитии «вольной» русской поэзии второй половины XIX в. Для других периодов, например для первой половины XIX в., специфика материала потребует других способов его группировки. Но для времени от середины 1850-х и до 1890-х годов типичным является распространение революционной поэзии именно в сборниках и периодических изданиях.

Следует, однако, учитывать, что многие стихотворения русского революционного репертуара получили распространение не через сборники или журналы, а иным путем: ряд стихотворений известен только в отдельных списках; другие прочно вошли в революционную традицию из легальной печати; пропущенные цензурою, они в своей дальнейшей истории приобретали значение революционных. Материал этого рода собран в последнем разделе: в него включены стихотворения, не напечатанные в составе предшествующих сборников, а также стихи, ходившие в списках или напечатанные в легальной печати. Этот материал по необходимости неполон и охватывает лишь наиболее значительные памятники.

Все стихотворения книги датированы. В тех случаях, когда приведена дата первой публикации, она напечатана в угловых скобках. Стихотворения, имеющие две редакции, написанные в разные годы, отмечены датами, отделенными друг от друга запятыми. Дата, установленная приблизительно, сопровождается вопросительным знаком. Для переводных произведений всюду подразумевается дата перевода.

Совершенно особый, очень значительный интерес и важность представляет собою проблема музыкального бытования революционного стихотворения, ставшего песней. Музыка — один из путей, при помощи которого стихотворение получает широкое народное признание и популярность. В комментариях к настоящему изданию материал такого рода почти полностью отсутствует. Это — особая проблема, музыковедческого характера. Кое-что в этом отношении

уже сделано. Назову содержательную книгу М. С. Друскина «Русская революционная песня» (М., 1954), его же статью «Революционная песня народовольцев» («Советская музыка», 1934, № 3, стр 48—62) и «Студенческая песня в России 40—60-х годов» (в изд. «Очерки по истории и теории музыки», вып. I. Л., 1939, стр. 49—83), статью Д. Житомирского «Песни революционной борьбы» («Музыкальная жизнь», 1958, № 11, стр. 15—16; № 13, стр. 9—10; № 15, стр. 8—9; № 16, стр. 15—16; № 17, стр. 10—11).

Предшествующий материал — русская «вольная» поэзия первой половины XIX в. — подготовляется к изданию отдельным сборником под редакцией Ю. Г. Оксмана в Большой серии «Библиотеки поэта».

Непосредственным продолжением материала этого сборника являются следующие издания: 1. Пролетарские поэты. Вступительные статьи, редакция текста и примечания А. Л. Дымшица, Г. Д. Владимирского, В. М. Абрамкина. Тт. 1—3. Л., 1935—1939 (Большая серия «Библиотеки поэта»). 2. Революционная поэзия (1890—1917). Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Л. Дымшица. Л., 1954 (Большая серия «Библиотеки поэта», изд. 2-е). 3. Русская революционная поэзия. 1895—1917. Антология. Предисловие В. М. Саянова, подготовка текста и приложения И. С. Эвентова. Л., 1957.

Сочинения В. И. Ленина цитируются в примечаниях по 4-му изданию.

С. А. Рейсер

Сокращения, принятые в примечаниях

Б — «Былое».

Богучарский — В. Богучарский. Государственные преступления в России в XIX веке... Тт. 1—3. Изд. «Донская речь». Ростов-на-Дону, 1906.

Бродский — Н. Л. Бродский и В. Львов-Рогачевский. Революционные мотивы русской поэзии. Л., 1926 (То же: Н. Л. Бродский и В. Львов-Рогачевский. Красный декабрь. От 14 декабря 1825 г. к декабрю 1905 г. Революционные мотивы русской поэзии. Л., 1925).

ВНВ — «Вестник „Народной воли"».

ВП I — «Вольный песенник». Вып. I. Женева, 1870.

БП II — «Вольный песенник». Вып. II. Женева, 1870.

Герцен. ПСС — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Тт. 1—22. Пг., 1915 — Л., 1925.

Герцен. СС — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. Тт. 1—18. М., Изд. Академии наук СССР, 1954—1959. (Издание продолжается).

ГизР — «Голоса из России».

ГМ — «Голос минувшего».

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

«Деятели...» — «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма». Т. 1, чч. 1—2; т. 2, чч. 1—4; т. 3, чч. 1—2;

т. 5, чч. 1—2. М., Изд-во политкаторжан, 1927—1934. (Издание осталось незаконченным, т. 4 в свет не вышел, тт. 3 и 5 не завершены).
Друскин — М. С. Друскин. Русская революционная песня. М., 1954.
ЗиВ — «Земля и воля».
ИВ — «Исторический вестник».
ИР — «Из-за решетки». Женева, 1877.
К — «Колокол».
КА — «Красный архив».
КиС — «Каторга и ссылка».
Короленко — В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Тт. 1—10. М., Гослитиздат, 1953—1956.
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ЛН — «Литературное наследство».
Л I — «Лютня. I. Собрание свободных русских песен и стихотворений». <Изд.> Э. Л. Каспрович, Лейпциг, 1869.
Л II — «Лютня. Потаенная литература XIX столетия», <Изд.> Э. Л. Каспрович. Лейпциг, 1874.
Л III — «Лютня. III. Молодая Россия в стихах». <Изд.> Э. Л. Каспрович. Лейпциг, три издания 1893—1897 гг.
Л V — «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений». Изд. 5, Э. Л. Каспрович. Лейпциг, 1879.
Морозов — Н. А. Морозов. Повести моей жизни. Редакция и примечания С. Я. Штрайха. Тт. 1—3. М., 1947.
НВ — «Народная воля».
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. Тт. 1—12. М., Гослитиздат, 1948—1953.
НСРПиС — «Новый сборник революционных песен и стихотворений». Париж, 1898.
ОВ — «Общее вече».
ОД — «Общее дело».
ОР — «Отголоски революции». Таганрог, 1886.
П — «Песенник». Женева, 1873.
ПБ — «Песни борьбы». Сборник революционных стихотворений и песен. Женева, 1892.
ПД — Пушкинский Дом (Институт русской литературы Академии наук СССР).
ПЗ — «Полярная звезда».
ПИ — «Поэты „Искры"». Т. 1. В. С. Курочкин. Т. 2. Д. Д. Минаев, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, П. И. Вейнберг, Г. Н. Жулев и др. Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. Г. Ямпольского. Л., 1955 («Библиотека поэта», Большая серия).
ПТ — «Песни труда» <Ростов-на-Дону>, 1905.
РА — «Русский архив».
РБ I — «Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других авторов». <Изд.> В. Гергард. Лейпциг, 1858 («Русская библиотека», т. 1).
РМ — «Русская мысль».
РПЛ — «Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Часть первая. С предисловием Н. Огарева». Лондон, 1861.

РС — «Русская старина».
«Сборник статей...» — «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 г.» СПб., 1862.
СЗСиП — «Собрание запрещенных стихов и прозы». Изд. 6-е, умноженное, Э. Л. Каспрович, Лейпциг, 1876 («Международная библиотека», т. 12).
СиП — «Стихи и песни». <М.> 1886.
СНПиС — «Сборник новых песен и стихов». Женева, 1873.
СП — «Солдатские песни». Лондон, 1862.
СРП — «Свободные русские песни». <Берн> 1863.
СС — «Собрание стихотворений». СПб., 1879.
Тургенев — И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Тт. 1—12. М., Гослитиздат, 1954—1958.
Фигнер — В. Н. Фигнер. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Тт. 1—7. М., Изд-во политкаторжан, 1932.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Полярная звезда
Лондон. 1855—1869

Под названием «Полярная звезда» в Петербурге в 1823—1825 гг. А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев издавали литературный альманах. Подчеркивая свою связь и преемственность с традициями декабризма, Герцен так же назвал и свое издание — одно из самых значительных из числа выпущенных Вольной русской типографией в Лондоне.

Герцен начал издавать «Полярную звезду» в 1855 г. — вскоре после смерти Николая I и поражения России в Крымской кампании. «Юная Россия, — писал Герцен в предисловии к первой книжке, — Россия будущего и надежд, не имеет ни одного органа. Мы предлагаем его ей... «Полярная звезда» должна быть, и это одно из самых горячих желаний наших, убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею. Мы... обращаемся с просьбой ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем... Рукописи погибнут наконец — их надобно закрепить печатью». [1]

В ответ на это обращение к Герцену вскоре же стали поступать из России всевозможные рукописи, в частности стихи. Значительный фонд их в 1856 г. был привезен Н. П. Огаревым, кое-

[1] Отдельная листовка (Лондон, 1855) и в качестве предисловия к первой книге «Полярной звезды» (стр. III—X). Датировано 25 марта (6 апреля) 1855 г. Герцен. СС, т. 12, стр. 265—271.

что П. А. Ефремовым,[1] многое было доставлено по-видимому, В. Р. Зотовым (см. стр. 729), многое поступало «самотеком» от приезжавших за границу русских, — всего в семи книгах было напечатано 126 стихотворений; бо́льшая часть их относится ко времени до 1855 г. В настоящее издание из них включено лишь 17.

«Полярная звезда» выходила в 1855—1869 гг. (с пропуском 1860 и 1863—1868 гг). Всего вышло восемь книг, седьмая — в двух выпусках. Первые четыре книги в 1858 г. были выпущены вторыми изданиями. Первые две книги были подготовлены Герценом, остальные — при ближайшем участии Огарева. Первоначальный план — создать из «Полярной звезды» подписное периодическое издание — не осуществился, эту роль отчасти выполнил начавший вскоре выходить «Колокол».

Каждая книжка «Полярной звезды» вскоре же доходила до России и становилась там фактом величайшего пропагандистского значения.

Оценивая деятельность Герцена, В. И. Ленин в 1912 г. в статье «Памяти Герцена» отмечал, что он «создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов» (Соч., т. 18, стр. 12). До основания в 1857 г. «Колокола» сборники «Полярной звезды» были единственным органом, в котором печатались произведения «вольной» русской поэзии.

«Как восьмого сентября...» (стр. 45). Впервые — ПЗ III, стр. 313—315. В ст. 3 обозначено: *«Bis»*. Перепеч.: РБ I, СРП, Л I и Л V. Публикация этой и др. песни «Как четвертого числа...» сопровождалась в ПЗ примечанием Герцена: «Эти песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь особого автора, и в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора» (Герцен. СС, т. 12, стр. 458 и 573). Из письма Н. А. Мельгунова к Герцену от 28 марта 1857 г. видно, что Герцен знал автора песен, но умышленно подчеркнул их фольклорный характер (ЛН, № 62, 1955, стр. 353). Автором второй песни является Л. Н. Толстой, первая написана группой офицеров, также с участием Толстого (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1935, стр. 424—426 — сводный текст по двум авторитетным спискам; там же, стр. 426—427 — основания датировки). «В Крыму песня графа Л. Н. Толстого получила широкую известность», — читаем в «Заметках артиллериста» 1856 г. (РС, 1875, № 11, стр. 566). Широкое распространение этой и следующей песен в списках, как предполагает биограф Л. Н. Толстого П. И. Бирюков, послужило серьезным препятствием в его военной карьере («Биография Л. Н. Толстого», т. 1. Изд. 3-е. М. — Пг., 1923, стр. 118—121). Обе песни 23 января 1856 г. переписал в свой дневник Н. А. Добролюбов, в то время студент Главного педагогического института в Петербурге (Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 418—420). О популярности песни свидетельствует, между прочим, и то, что Шевченко, встретившись с Л. Н. Толстым 8 апреля 1858 г., упоминает его в дневнике именно как «автора солдатской

[1] «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 291.

севастопольской песни» (Т. Г. Шевченко. Дневник. М.—Л., 1931, стр. 279). Наконец, наиболее ярким доказательством длительной популярности песни служит двукратное цитирование ее В. И. Лениным. В статье «Кто за союзы с кадетами» (1906) Ленин упомянул строку: «Туда умного не надо», в работе «О праве наций на самоопределение» (1914) снова находим трехстрочную цитату: «Туда умного не надо, Вы пошлите-ка Реада, А я посмотрю» (Соч., т. 11, стр. 37; т. 20, стр. 420). *Как восьмого сентября.* После Альминского сражения 8 сентября 1854 г. русская армия отступила к реке Каче и Севастополю. *Меньшик* — Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — начальник войск в Крыму до февраля 1855 г. По его приказу 11 сентября были потоплены, в целях защиты Севастополя, семь кораблей русского военного флота. *Сам ушел к Бакчисараю.* 12 февраля Меншиков, чтобы не быть блокированным в Севастополе, предпринял фланговое движение на Бахчисарай. *Сент-Арно... сзаду обошел.* Французский главнокомандующий Жак Сент-Арно (1796—1854) перевел армию на южную сторону Севастополя. *Всех бы нас забрал.* После занятия Федюхиных высот и Балаклавы армия французов и англичан готова была двинуться на Севастополь, но заменивший заболевшего Сент-Арно Канробер не решился на это. *Маркелы* — мортиры. *И князья к нам приезжали.* Сыновья Николая I — великие князья Николай и Михаил — в середине октября 1854 г. прибыли в Севастополь. *Штуцеров мы поджидали* — нарезных ружей вместо устарелых гладкоствольных. *Из-за града Кишинева Ждали войска мы большого.* Подкрепления Крымской армии прибыли к середине сентября 1854 г. *Данненбергу поручили.* Инкерманское сражение 24 октября 1854 г. под общим командованием генерала Петра Андреевича Данненберга (1792—1872) было проиграно. *Павлов, Соймонов ходили.* Отряды генерала Прокофия Яковлевича Павлова (1796—1868) и генерала Федора Ивановича Соймонова (1800—1854) соединиться в Инкерманском сражении не успели; Соймонов был убит. *А Липранди хоть видал.* Военные специалисты считали, что генерал Павел Петрович Липранди (1796—1864) принял в том же сражении крайне незначительное участие. *Тысяч десять положили.* Потери русских войск убитыми и ранеными исчислялись почти в 11 000 человек. *Князь изволил рассердиться* — А. С. Меншиков. *Их высочества.* Великие князья Николай и Михаил получили Георгиевские кресты 4-й степени и в декабре 1854 г. уехали в Петербург. *Меньшик просит подкрепленья* и т. д. В ответ на донесение Меншикова о ходе военных действий Николай I в начале ноября 1854 г. послал в Севастополь, в качестве начальника гарнизона, генерала, графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена (1790—1881). *Ерофеич* — отчество Остен-Сакена. *От твоих же малолеток* — т. е. от названных выше Николая и Михаила. *Царь на Меньшика серчал* и т. д. Николай I был недоволен действиями Меншикова и незадолго до смерти отрешил его от командования Крымской армией. *Сын же к Меньшику писал* — письмо будущего царя Александра II (в то время еще наследника) 15 февраля 1855 г. об отрешении Меншикова. *Того князя Горчакова.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков (1793—1861) 16 февраля 1855 г. был назначен главнокомандующим Крымской армией. *Красные штаны* — шаровары красного сукна с золотым галуном,

новая генеральская форма, введенная Александром II в самом начале царствования. *Посылали тут Хрулева Выгнать турку из Козлова.* Генерал Степан Александрович Хрулев (1807—1870) 5 февраля неудачно пытался выбить союзную армию из Евпатории, т. е. Козлова (искаженное старинное татарское название города Гёзлева).

«Как четвертого числа...» (стр. 47). Впервые — ПЗ III, стр. 316—318. Перепеч.: РБ, СРП, Л I, Л V и PC, 1875, №№ 2 и 3. См. примечание к предыдущему стихотворению. В Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, т. 4. М., 1935, стр. 307—308, дан текст песни, составленный на основании семи списков, и ноты — напев песни. *Как четвертого числа.* Сражение 4 августа 1855 г. на речке Черной окончилось для русских войск крайне неблагоприятно. *Барон Вревский енерал К Горчакову приставал.* Генерал Павел Александрович Вревский (1808—1855) был командирован из Петербурга в Севастополь для наблюдения за деятельностью главнокомандующего Крымской армией генерала М. Д. Горчакова. *Возьми ты эти горы* — позиции союзных войск на Гасфортовой горе и Федюхиных высотах. *Собирались на советы.* О военном совете 28 июля 1855 г. с участием высших чинов армии. *Плац-Бекок.* Генерал-полицмейстер Андрей Платонович Плац-бек-Кокум в совете, по-видимому, не участвовал. *Большой редут* — новый редут вблизи Мекензиевых гор. *Липранди* — см. стр. 711. *Атанде* — подожди (от франц. attendre — ждать). *Ты пошли туда Реада.* Генерал П. П. Липранди командовал левым крылом, генерал Н. А. Реад — правым; последний повел войска в атаку, не дождавшись завершения их построения, — это повлекло за собою ряд неудач. *Веймарн плакал, умолял.* Генерал Петр Владимирович Веймарн (убит в 1855), начальник штаба Реада, просил его повременить с атакой. *Енерал-то Ушаков* и т. д. Генерал Александр Клеонакович Ушаков (1803—1877) медлил с атакой, ожидая резервов. *А Белявцов енарал Тот всё знамем потрясал.* Генерал Дмитрий Николаевич Белевцов (1800—1883), прискакав к отступавшей дивизии, взял в руки знамя и стал собирать вокруг себя бежавших солдат. *Сикурс* — помощь (искаж. франц.: secours). *А там Сакен енарал Всё акафисты читал.* Начальник севастопольского гарнизона генерал Д. Е. Остен-Сакен был известен своим ханжеством. Яркая характеристика его набожности и пристрастия к акафистам дана Н. С. Лесковым в рассказе «Фигура». *Фот-Сала* (точнее Фоти-Сала) — небольшая деревушка к востоку от Севастополя.

Кнут (стр. 49). Впервые — ПЗ IV, стр. 288. Перепеч.: РПЛ, Л I, Л V и ВП II. *От стран ли дикого востока Пришел ты в общество меча.* Кнут славяне заимствовали не от татар, а скорее от скандинавов.

Сказка (стр. 50). Впервые — ПЗ IV, стр. 289—291. Перепеч.: РПЛ и Л II. В стихотворении осмеивается «норманская» теория призвания варягов, бывшая в 1840—1860-х годах предметом оживленной полемики. Той же теме посвящены написанное в 1854 г. стихотворение М. А. Дмитриева «Когда наш Новгород вели-

кий...» (впервые — ГизР IV, перепеч.: РПЛ, РБ I, Л II и Л V), отчасти сатирическая поэма А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868), «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1869) и др. Легендой о призвании князей автор воспользовался как формой для создания острой антимонархической сатиры. *Гостомысл* — легендарный новгородский посадник IX в., по совету которого славяне якобы призвали варягов.

Искандеру (стр. 53). Впервые — ПЗ IV, стр. 324—325, с подписью Огарева. Перепеч.: Н. П. Огарев. Стихотворения. Лондон, 1858, Л I, Л II, НСРПиС и в целом ряде других изданий XIX в. Стихотворение прочно вошло в репертуар русской революционной поэзии, став одной из наиболее популярных песен второй половины XIX в. «Мы совсем неистовствовали, когда пелась строфа: „Но если б грозила беда иль невзгода..."» (Н. Николадзе. Воспоминания о 60-х годах. КиС, 1927, № 4 (33), стр. 48). *Искандер* — псевдоним Герцена.

Из Wintermärchen (стр. 54). Перевод строф 4—10 главы 13 поэмы «Deutschland. Ein Wintermärchen». Впервые — ПЗ V, стр. 45. Перепеч.: РПЛ, Л I и Л V. Полностью поэма в переводе В. М. Михайлова была издана в 1875 г. и снабжена небольшим предисловием И. С. Тургенева (Г. Гейне. Германия. Зимняя сказка. Перевод Заезжего, просмотренный И. С. Тургеневым и исправленный по его замечаниям. Лейпциг, 1875, стр. 48—50). *Михайлов* Владимир Михайлович (1811—189?), в молодости друг В. С. Печерина и А. В. Никитенко, сделал в дальнейшем большую карьеру в качестве чиновника Государственного совета и секретаря Вольного экономического общества. С 1871 г. жил за границей. Много времени посвятил переводу на русский язык Гейне и Данте и на французский «Евгения Онегина». См.: «Знакомые. Альбом М. И. Семевского». СПб., 1888, стр. 299—301; М. П. Алексеев. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. «Труды отдела новой русской литературы» Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР, т. 1. Л., 1948, стр. 53—54. Перевод начал осуществляться еще во второй половине 1850-х годов. *Назарей* — прозвище Христа. *Речь нагорная.* Имеется в виду так называемая Нагорная проповедь Иисуса Христа.

Помойная яма (стр. 55). Впервые — ПЗ V, стр. 46. Перепеч.: РПЛ и Л II. Автором, по-видимому, является известный московский актер и водевилист Дмитрий Тимофеевич Ленский (1805—1860). С его именем эта басня переписана 1 января 1858 г. в дневнике Т. Г. Шевченко. Шевченко скопировал запись Олейникова, сделанную со слов М. С. Щепкина. Его текст не имеет заглавия и несколько длиннее. После последней строки следует:

Зачем раскапывать заглохшее дермо?
И не казнить воров, не предавать их сраму?
Не лучше ль облегчить народное ярмо
Да вычистить велеть помойную-то яму.

(Т. Г. Шевченко. Дневник. М. — Л., 1931, стр. 232). *Хозяин наш прекрасный, но упрямый* — вероятно, Александр II; тем самым басня датируется временем после 18 февраля 1855 г.

Кнут (стр. 56). Впервые — ПЗ V, стр. 47. Перепеч.: РПЛ, Л I, Л V и ОД, 1885, март, № 71 (подпись: «И. Тургенев»), со следующим примечанием редакции: «Помещаем стихотворную шалость покойного И. С. Тургенева, как не попавшую в сборник его стихотворений, вышедший недавно в Петербурге». Принадлежность этого стихотворения Тургеневу не доказана, дата его тоже неясна. Однако осведомленность фактического редактора ОД — Н. А. Белоголового и его непосредственная близость к Тургеневу придает известную авторитетность этому указанию, подтверждая давнюю традицию. В экземпляре РПЛ, хранящемся в ПД и принадлежавшем А. Ф. Онегину, над этим стихотворением карандашом написано «И. С. Тургенева??».

В. Г. Белинский (стр. 57). Впервые — ПЗ V, стр. 48—52. Перепеч.: РПЛ и Л II. В легальной русской печати впервые в качестве произведения, приписываемого Некрасову, — «Древняя и новая Россия», 1881, № 2. В собрание стихотворений Некрасова впервые введено лишь в 1920 г. Поэма была написана в 1855 г. и, включенная в так наз. Солдатенковскую тетрадь (в раздел «Не для печати»), сразу же разошлась в списках. (См. А. М. Гаркави. Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века. «Ученые записки Калининградского гос. педагогического института», вып. 3. 1957, стр. 222—226). Полный перечень произведений Некрасова (отдельных изданий и публикаций в сборниках) в «вольной» русской поэзии XIX в. см. на стр. 863. «Стихи Некрасова, — свидетельствовал А. Н. Пыпин в письме к В. Ганке 1858 г. (?), — задолго до появления их в печати переходили из рук в руки в рукописном виде» («Ученые записки факультета языка и литературы Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского», т. 1. 1938, стр. 75). Нечто подобное было, вероятно, и в данном случае: цензор И. А. Гончаров в докладе о новом издании стихотворений Некрасова 22 апреля 1859 г. указывал, что стихи поэта будут «ходить в рукописях, выучиваться наизусть, пока будет продолжаться запрещение ее <поэмы> к свободному изданию» (André Mazon. Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov. 1812—1891. Paris, 1914, p. 392—393). Один из многочисленных списков не увидевшей при жизни Некрасова поэмы «по милости одного приятеля», как записал автор в дневнике 22 августа 1876 г., и был передан Герцену (Некрасов, т. 12, стр. 27). *Его отец был лекарь жалкой* и т. д. 16—21 апреля 1840 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, стр. 512). *С кончиной лекаря на свете Остался он убог и мал.* Эти строки неточны: Г. Н. Белинский умер в 1835 г., когда сыну был 21 год. *Но выгнан был, не доказав Каких-то о рожденьи прав.* В действительности Белинский был исключен из университета под предлогом «неуспешности в занятиях». *Один ученый человек* и т. д.

М. П. Погодин в «Москвитянине» написал статью о Белинском, в которой сообщил между прочим, что «Белинский не имеет никакого образования. Это гений-самоучка, которые у нас растут, как грибы, ежегодно, между студентами, не оканчивающими курса. Ни на каком языке он читать не может» (1846, № 5, стр. 164—175). *Прожектер* — Андрей Александрович *Краевский* (1810—1889), издатель «Отечественных записок»; Белинский в этом журнале сотрудничал с 1839 г. до 1847 г. *Два задорных поляка* — Ф. В. Булгарин (редактор «Северной пчелы») и О. И. Сенковский (редактор «Библиотеки для чтения»). *Уж новый гений* — Гоголь. *Но поднялась тогда тревога в Париже буйном* — февральская революция 1848 г. и провозглашение республики. *Палач науки Бутурлин.* Генерал Дмитрий Петрович Бутурлин (1790—1849) в 1848 г. состоял председателем секретного комитета, учрежденного Николаем I для высшего надзора за цензурой. Бутурлин стяжал себе незавидную славу в качестве душителя печати, а особенно «Современника» Некрасова. *Закройте университеты.* Такие проекты действительно существовали, но проведены в жизнь не были. *Том истории твоей.* Д. П. Бутурлин был автором ряда книг по истории: Военная история походов россиян в XVIII в. (до 1735 г.). СПб., 1819—1823; История нашествия императора Наполеона в Россию в 1812 году. СПб, 1837; История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1839—1846 и др.

Вожди свободы (стр. 63). Впервые — ПЗ VI, стр. 195—197. Перепеч.: Л II. Тема отказа осужденного от исповеди два десятилетия спустя была разработана в поэме Н. М. Минского «Последняя исповедь» (см. стр. 459 наст. изд.), в стихотворении П. Безобразова (псевд. П. В. Григорьева) «Дубровин на исповеди» («Правда», Женева, 1882, 19 декабря, № 14) и некот. др.

Фантазия (стр. 65). Впервые — ПЗ VI, стр. 198—199. Перепеч.: Л II. Текст этого стихотворения использован (с искажениями) в «Бесах» Достоевского: за несколько дней до празднования освобождения крестьян Степан Трофимович Верховенский «повадился было бормотать про себя известные, хотя несколько неестественные стихи, должно быть сочиненные каким-нибудь прежним либеральным помещиком» (ч. 1, гл. 1).

Фейерверк (стр. 66). Впервые — ПЗ VI, стр. 200—202. Перепеч.: Л II. *В каком-то смрадном я вертепе заключен* и т. д. О русской действительности николаевского времени. *Вдруг что-то странное в вертепе совершилось* — рескрипты и устные выступления Александра II, подготовлявшие крестьянскую реформу.

Навуходоносор (стр. 68). Впервые — ПЗ VI, стр. 209—211. Перепеч.: Л I и Л V. Датируется временем между смертью Николая I (т. е. 18 февраля 1855 г.) и началом 1858 г., когда переделка стихотворения Беранже «Nabuchodonosor» была уже широко распространена в списках (например, в «Дневнике» Т. Г. Шевченко от 3 апреля 1858 г. М. — Л., 1931, стр. 275—277). Беранже имел в виду Людовика XVIII; Курочкин приспособил русский

перевод так, что все читатели легко понимали, что *Навуходоносор* — обозначение Николая I. По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор II (604—561 до н. э.) сошел с ума, вообразив себя быком. *След царской думы необъятной* — по предположению И. Г. Ямпольского, намек на известное стихотворение А. Н. Майкова «Коляска» (1854), в котором был дан идеализированный портрет Николая I (ПИ, т. 1, стр. 775). *«Северная пчела»* — реакционная газета, выходившая в Петербурге под редакцией Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча с 1825 до 1860 г. *Да и в Египте государь.* Имеется в виду культ священного быка Аписа в древнем Египте. *Был съеден незабвенный царь.* «Незабвенным» Николай I был назван в манифесте Александра II о восшествии на престол. Это выражение на долгие годы стало ироническим обозначением Николая I. *В бозе сгнил* — пародируется извещение о смерти лица царствующего дома: «в бозе почил».

Басня («Раз до царя животных, Льва...») (стр. 70). Впервые — ПЗ VI, стр. 212. Перепеч.: Л II. *Достиг верблюд до звания министра.* 15 октября 1855 г. К. В. Чевкин был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями; раньше этого времени стихотворение не могло быть написано. Верблюд — намек на то, что Чевкин был горбат.

На кончину е. и. в. государыни императрицы Александры Федоровны (стр. 71). Впервые — ПЗ VI, стр. 213. Жена Николая I Александра Федоровна (род. 1798) умерла в Царском Селе 19 октября 1860 г. В течение последних лет она подолгу жила за границей, по преимуществу в Ницце. В листе 1-м «Колокола» от 19 июня (1 июля) 1857 г. в статье «Августейшие путешественники. I. Вдовствующая императрица» Герцен резко порицал ее за «зрелище истинно азиатского бросанья денег, истинно варварской роскоши... каждый переезд августейшей больной и каждый отдых ее равнялся для России неурожаю, разливу рек и двум-трем пожарам... В Ницце — пикники, dejeuners flottants <завтраки на воде> на море, музыка, parties fines <кутежи>, не знаю что» (Герцен. ПСС, т. 8, стр. 542—547). В письме И. Т. Кокорева к М. П. Погодину от 31 октября 1860 г. цитируется (с некоторыми вариантами) это четверостишие (ЛБ, ф. 231, раздел 2, папка № 15, № 106. Сообщено Б. Ф. Егоровым).

Послания (стр. 71). Впервые — ПЗ VI, стр. 214. Перепеч.: «Будущность», 1861, 31 марта (12 апреля), № 10—11; Л I, Л V; СРП (заглавие: «Современное», с некоторыми вариантами и с заменой Тимашева Потаповым); К, 1866, 21 марта (1 апреля), лист 221 (только второе стихотворение). *У царя* — у Александра II. *Тимашев* Александр Егорович (1819—1893) — в 1860—1861 гг. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением (впоследствии, в 1868—1878 гг. министр внутренних дел). Этой датой и определяется примерное время написания стихотворения. *Потапов* Александр Львович (1818—1896) сменил Тимашева в октябре 1861 г.; в 1863 г. участвовал вместе с М. Н. Муравьевым в подавлении польского восстания. *Здание у Цепного моста* — зда-

ние III Отделения на Фонтанке (ныне № 16) возле моста через Фонтанку (тогда Цепного; ныне мост Пестеля). Цепной мост в качестве эвфемистического обозначения III Отделения не раз упоминается в «вольной» поэзии; см. в стихотворении «Карающего поэта» (А. О. Преженцева) в журнале «A tout venant je crache, или Бог не выдаст — свинья не съест», лист 1, Гейдельберг, 20 мая 1864 г. («Вопросы литературы», 1959, № 1, стр. 180). Автор этого стихотворения не установлен. Н. А. Морозов ошибочно считал им Герцена или Огарева (Морозов, т. 2, стр. 36), а М. К. Лемке безосновательно приписывал стихотворение А. К. Толстому (Герцен. ПСС, т. 18, стр. 413).

Забытье (стр. 72). Впервые — ПЗ VII, вып. 2, стр. 161—166, с подписью Огарева. Заключительная песня («Из-за матушки за Волги...») перепеч.: СРП, ВП II, Л I и Л V. Эта песня прочно вошла в репертуар русской революционной поэзии. Поэма характерна как показатель страстного ожидания народного восстания и веры в революционную силу народа. Я. З. Черняк сделал попытку связать замысел этой поэмы с проектом произвести в начале 1863 г. высадку на литовское побережье отряда революционных добровольцев-поляков (Н. П. Огарев. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1938, стр. 344—345). Реальность этого предположения сомнительна: против него говорят и хронологические несовпадения, и общий лирический тон поэмы, и все реалии. *Вхожу я в город людный* и след. строки имеют в виду Петербург, статую Медного всадника. *Злодея Похоронили не жалея.* 18 февраля 1855 г. скончался Николай I.

Голоса из России
Лондон. 1856—1860

«Голоса из России» — сборники, составлявшиеся Герценом из присылавшихся из России рукописей. Чтобы разгрузить ПЗ, Герцен создал новый, особый орган; при этом в ГизР (особенно вначале) помещались рукописи тех авторов, со взглядами которых Герцен не мог полностью солидаризироваться. Все же он считал необходимым их печатать, подчеркивая, что он «только типограф, типограф, готовый печатать *все* полезное нашей общей цели» (Герцен. СС, т. 12, стр. 329—330). Всего в 1856—1860 гг. было выпущено 9 книжек, — первые четыре в 1858 г. вышли вторым изданием. Стихи содержались только в 4-й книжке 1857 г.

Пророчество (стр. 77). Впервые — ГизР IV, стр. 33—38. Перепеч.: РБ I, СЗСиП, Л II, и отрывки — Л I (ст. 1—12 и 117—128) и Л V (ст. 1—12 и 117—128). Это и следующее стихотворение в ГизР объединены общим заглавием: «Современные отголоски» и посвящены Виктору Гюго. Под заглавием эпиграф: «Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain» («И я прибавил к моей лире медную струну»). В листе 6 К от 19 ноября (1 декабря) 1857 г. на стр. 50 помещена небольшая заметка Герцена: «Виктор Гюго просит редактора «Колокола» переслать его искреннюю благодарность русскому

поэту, посвятившему ему «Современные отголоски из России». Мы извещаем автора, что по его желанию экземпляр его стихотворений... был нами доставлен Виктору Гюго в Гернсей» (Герцен. ПСС, т. 9, стр. 80). Стихи были не случайно посвящены Гюго — они носят явные следы его влияния: ораторский стиль, метафоры и ритм стоят в прямой зависимости от сборника «Châtiments» Гюго (М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. ЛН, № 31—32, 1937, стр. 830—833). Автором обоих стихотворений является известный русский социолог и публицист, идеолог революционного народничества, член «Земли и воли» (1860-х и 1870-х годов) и «Народной воли» Петр Лаврович *Лавров* (1823—1900). Первое стихотворение написано в 1852 г. (Б, 1907, № 2, стр. 250). Оба стихотворения Лавров сам переслал Герцену в 1856 г. вместе с письмом к нему («Вестник Европы», 1910, № 10, стр. 97; «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Вып. 1. Пг., 1921, стр. 36). Стихотворения широко распространились в России в списках и в гектографированном виде. В 1866 г. Лавров был изобличен следственной комиссией в «сочинении четырех стихотворений, в которых возбуждалось неуважение к Николаю I и Александру II» (П. Л. Лавров. Автобиографическая заметка. ЛБ, фонд № 22 Н. А. Белоголового, № 6—50). Лавров был уволен от службы в Михайловской артиллерийской академии и сослан в Вологодскую губернию под строгий надзор полиции, без права въезда в столицы. В 1870 г. Лавров бежал за границу, где и пробыл до смерти 25 января (ст. ст.) 1900 г. Из названных четырех стихотворений два были напечатаны в ГизР (см. стр. 77—87 наст. изд.), «Отзыв на манифест» («Русскому царю») см. на стр. 619. «Новому царю» см. стр. 224 наст. изд. *Деспот-гений* — Наполеон I. *И снова клич свободы* — французская революция 1848 г. *Но деспот Севера склонился к их моленью.* Николай I принимал участие в подавлении революционного движения в Европе в 1849 г. *И ты, сын случая* — президент французской республики Луи Бонапарт, в результате государственного переворота объявивший себя императором Франции Наполеоном III. *Избранник миллионов.* Этот переворот был санкционирован последующим плебисцитом 20—21 декабря 1852 г. *Самодержавный царь* — Николай I.

Русскому народу (стр. 80). Впервые — ГизР IV, стр. 39—49. Перепеч.: РБ I и Л I. Первые 96 строк 18 сентября 1857 г. были переписаны Т. Г. Шевченко в дневник из «заветной портфели» М. П. Комаровского (Т. Г. Шевченко. Дневник. М. — Л., 1931, стр. 178—181). По указанию самого Лаврова, стихотворение было написано в 1854 г. после неудачных для России Альминского и Инкерманского сражений 8 сентября и 24 октября и после начавшейся осады Севастополя. Е. А. Штакеншнейдер в дневнике свидетельствует о том, что стихотворения «Русскому народу» и «Русскому царю» («Отзыв на манифест») были широко распространены в списках; власти искали автора, и подозрение пало на А. С. Хомякова. Лавров, чтобы не подвести невинного человека, готов был назвать себя, «но его удержали» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М. — Л., 1934, стр. 39 и 146). О стихотворении «Русскому народу» Е. А. Штакеншнейдер пишет, что оно,

как «ау в лесу дремучем, скликало братьев к одному месту, чтобы они увиделись и поняли друг друга» (там же, стр. 40). Стихи 1—20 характеризуют Николая I, стихи 21—56 — созданный им режим. Эпиграф — из стихотворения А. С. Хомякова «Ночь» (1854). *Стал конюх цензором.* Скорее всего, Лавров имеет в виду слухи о том, что назначенный в 1855 г. товарищем министра народного просвещения и тем самым ставший руководителем цензурного ведомства камергер кн. П. А. Вяземский получил придворный чин шталмейстера (от нем. Stallmeister —«начальник конюшни». Указано И. Я. Айзенштоком). *Шут царский адмиралом* — А. С. Меншиков (см. о нем стр. 711), морской министр в 1836—1855 гг. *Клейнмихель графом стал.* Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1868) получил титул графа в 1839 г. за восстановление сгоревшего Зимнего дворца. *Рашель* Элиза (1821—1858) — знаменитая французская драматическая актриса, гастролировавшая в России в 1853 и 1854 гг. *Фреццолини* Эрминия (1818—1884) — итальянская певица, гастролировавшая в России в 1848—1850 гг. *Венчанный интриган* — Наполеон III. *С креста Исакия Россия различала Британский гордый флаг.* В ясную погоду с вышки Исаакиевского собора в Петербурге можно было различить отряд подошедших к Кронштадту английских кораблей. *Там отступали мы от фортов Силистрии.* 9 июня 1854 г. русские войска, сняв осаду с фортов, отошли на левый берег Дуная. *Здесь унижали мы достоинства России Пред габсбургским орлом.* Имеется в виду неудачная миссия гр. А. Ф. Орлова к австрийскому императору Францу-Иосифу в январе 1854 г., чтобы выяснить позицию Австрии в будущей войне. *Тут берег финский весь был предан разграбленью.* О действиях английского и французского флота на балтийском побережье в апреле — октябре 1854 г. *Гордый адмирал* и т. д. — А. С. Меншиков. *Высочествам с почтеньем Он раздает кресты* — см. стр. 711. *Бóярин-князь по слову мещанина* — князь Д. М. Пожарский, возглавивший в 1612 г. вместе с К. З. Мининым-Сухоруком народное ополчение против поляков-интервентов. *Когда поляк царил* — Лжедмитрий I в 1605—1606 гг. *Тушинский царь* — Лжедмитрий II. *Ты отменял султаны* — частые в России эпохи Николая I изменения военной формы. *То третий день настал* — т. е. день воскресения из мертвых.

Русский певец (стр. 88). Впервые — ГизР IV, стр. 58—60. Перепеч.: РБ I, Л I и Л V. В некоторых рукописных копиях стихотворение приписывается Н. А. Добролюбову, что представляется маловероятным. Так же неправдоподобно приписывание его и А. А. Григорьеву (РМ, 1916, № 5, стр. 131) и Д. Д. Минаеву («Русская литература», 1959, № 1, стр. 130). *Город на болоте* — Петербург. *Фонтанки воду* — намек на III Отделение, помещавшееся на Фонтанке.

Двуглавый орел (стр. 89). Впервые — ГизР IV. Перепеч.: РБ I, СРП, ВП II, Л I и Л V. Авторство Курочкина обосновано И. Г. Ямпольским (ПИ, т. 2, стр. 724). Стихотворение пользовалось огромной популярностью и было широко распространено. «Даже через полвека после его создания, в 1905 г., его,

по свидетельству Е. Ярославского, распевали революционные рабочие Ярославля» (см. комментарий И. Г. Ямпольского в кн. «Василий Курочкин. Стихотворения, статьи, фельетоны». Л., 1957, стр. 679). *Двуглавый орел* — герб Российской империи. *Каждый штоф за печатью.* Бутылки с водкой закупоривались пробкой с печатью — изображением двуглавого орла. *На обоих бортах вицмундира.* На пуговицах чиновничьих вицмундиров также был изображен двуглавый орел. *Зерцало* — треугольная призма-колонка с печатными экземплярами трех указов Петра I по сторонам, эмблема законности в государственных и судебных учреждениях дореволюционной России.

Колокол

Лондон—Женева. 1857—1867

Для того чтобы углубить налаживающиеся связи с Россией и оперативно использовать непрерывно поступавшие материалы, Герцен, при ближайшем участии Огарева, стал с июня 1857 г. издавать газету «Колокол». Первый лист датирован 19 июня (1 июля), но фактически вышел в свет несколько раньше — около 10 (22) июня. «Колокол» был задуман как периодическое издание и фактически выходил один или, чаще, два раза в месяц. Первые 197 номеров изданы в Лондоне, остальные 48 в Женеве, куда Герцен с середины июня 1865 г. перенес издание, — центр русской революционной эмиграции в это время переместился из Англии в Швейцарию. До середины мая 1867 г. всего было издано 245 номеров (Герцен называл их листами), составивших в общем более 2000 страниц текста. [1]

Количество и объем поступавших рукописей были так велики, что вскоре же при «Колоколе» стали выходить приложения, объединявшие материал по тематическому признаку: в 1859—1862 гг. вышло 13 номеров «Под суд», содержащих специфический разоблачительный материал особенно вопиющих фактов российского произвола и беззакония, а в 1862—1864 гг. — 29 номеров под заглавием: «Общее вече». Герцен воспользовался гонением на раскольников со стороны царского правительства и постарался привлечь их на свою сторону.

Широкая платформа, намеченная «Колоколом», — «везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства, со стороны развивающихся народов против отстающих правительств» (Герцен. СС, т. 12, стр. 357) — позволила вначале объ-

---

[1] Кроме того, в 1868 г. Герцен сделал попытку издавать «Колокол» на французском языке, — всего вышло 15 номеров (из них 6 — с русскими прибавлениями). В 1862—1864 гг. Леон Фонтэн издавал в Брюсселе на французском языке «La cloche», основной материал которого составляли переводы из «Колокола». 6 номеров «Колокола» после смерти Герцена изданы С. Г. Нечаевым, — это было по сути дела совсем новое литературное предприятие, лишь по названию связанное с Герценом.

единить в газете представителей самых разнообразных общественных групп: борьба с цензурой, с телесными наказаниями и освобождение крестьян входили в программу и революционно-демократических, и умеренно-либеральных групп. Через несколько лет, по мере развития революционного движения и углубления классовой дифференциации, произошло неизбежное размежевание и пути бывших союзников разошлись — отношение к «Колоколу» со стороны либералов стало отрицательным. Польское восстание 1863 г. и мужественная позиция Герцена в этом вопросе еще более отдалили «Колокол» от русских либералов. «Когда вся орава русских либералов, — писал В. И. Ленин в 1912 г. в статье «Памяти Герцена», — отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» (Соч., т. 18, стр. 13).

«Колокол» сумел наладить обширнейшую сеть корреспондентов в самых различных местах России и, с другой стороны, сумел организовать самую широкую пересылку газеты по всей стране. Тираж издания составлял до 1863 г. огромную по тем временам цифру: 2 500—3 000 экземпляров. Правительство оказалось бессильным разрушить корреспондентскую сеть или прекратить доставку газеты.

Предисловие (стр. 92). Впервые — К, 1857, 19 июня (1 июля), лист 1, стр. 1. Перепеч.: Н. П. Огарев. Стихотворения. Лондон, 1858 (под заглавием: «Предисловие к „Колоколу“»), Л I и Л V. Стихотворение было написано незадолго до выхода первого листа «Колокола», т. е. не позднее мая-июня 1857 г. *Тупоумный капрал* — Николай I. *Глас вопиющего в пустыне* и т. д. Огарев имеет в виду издания Вольной русской типографии, предшествовавшие «Колоколу».

Шарманка (стр. 94). Впервые — К, 1857, 21 октября (1 ноября), лист 5, стр. 42. Перепеч.: РБ I (подпись: «Н. Н.» — этими буквами обозначены в РБ другие, бесспорно некрасовские произведения), Л I и Л V (в обоих случаях заглавие: «Старая шарманка»). Это стихотворение почти неизменно встречается в альбомах и отдельных записях в 1860—1870-х годах и составляет неотъемлемую принадлежность русского революционного репертуара этих лет. В К стихотворение напечатано со следующим редакционным примечанием: «Несколько месяцев тому назад в Москве и Петербурге ходила по рукам песня, которую мы передаем нашим читателям для пополнения антиниколаевской литературы». Автор не установлен. Сестра Некрасова А. А. Буткевич считала автором своего брата, и это авторитетное указание не может быть элиминировано. С. А. Венгеров, М. М. Клевенский, А. Н. Дубовиков и Б. Ф. Егоров склоняются к мысли, что автором стихотворения был второстепенный журналист и поэт Владимир Рафаилович Зотов (1821—1896), посетивший Герцена в июле 1857 г. и, может быть, передавший ему текст стихотворения (ЛН, № 41—42, 1941, стр. 591—592; ЛН, № 62, 1955, стр. 141; «Ученые записки Тартуского гос. университета», № 78, 1959, стр. 113). Признанию авторства

Зотова мешает, однако, то обстоятельство, что стихотворение переписано Зотовым в ряду других собиравшихся им «вольных» стихотворений в тетрадь «Безыменные стихотворения Владимира Зотова» (ПД, фонд 548 В. Р. Зотова). Это могло быть сделано лишь в порядке автомаскировки, что мало вероятно: самый факт обнаружения тетради уже был серьезной криминальной уликой. М. М. Клевенским же указано, что предположение Н. О. Лернера об авторстве Н. А. Арбузова («Звезда», 1929, № 1, стр. 200) основано на недоразумении (ЛН, № 41—42, 1941, стр. 592). Вопрос об авторе стихотворения требует дальнейшего изучения и разысканий. *Незабвенный* — Николай I (см. стр. 716). *Сколотил его Варяг* — намек на теорию призвания варягов; см. стр. 712—713. *Наконец им завладел Удалой татарин* — об эпохе татарского ига. *С нею пробовал потом И поляк возиться* — о польской интервенции XVII в. *Вскоре отыскался Для шарманки доброхот* — Петр I. *На плечи сына* — Александра II.

С того берега (стр. 96). Впервые — К, 1858, 19 апреля (1 мая), лист 14, стр. 109—110, с подписью Огарева. Перепеч.: Н. П. Огарев. Стихотворения. Лондон, 1858, и Л II. Заглавие поэмы повторяет одноименное произведение Герцена. Поэма является откликом на казнь Орсини и Пиери (13 марта 1858 г.), покушавшихся на Наполеона III. *Граф Феличе Орсини* (1819—1858) — буржуазный демократ, республиканец, один из заговорщиков, которых выдвинуло национально-освободительное движение в Италии — опирался всего лишь на небольшую группу итальянских революционеров и на содействие отдельных французских эмигрантов. Мужественное поведение Орсини во время процесса и на эшафоте произвело огромное впечатление в демократических кругах Франции. Мемуары Орсини были изданы в Англии еще при жизни последнего (русский перевод — М., 1934), переписка — в Милане в 1861 г. Орсини был близок с Герценом в начале 1850-х годов, во время жизни в Ницце. Одновременно с появлением поэмы Огарева в К была напечатана заметка Герцена по поводу дела Симона Бернара, одного из участников заговора Орсини, под давлением французского правительства привлеченного к суду английскими властями, но оправданного судом присяжных (К, 1858, 19 апреля (1 мая), л. 14; ср. гл. 55-ю 6-й части «Былого и дум»). *Задумали подорвать кесаря.* Покушение произошло в Париже 14 января 1858 г. *Кесарь хочет сам ему свободу дать* и сл. строки имеют в виду Александра II. В начале 1858 г. Огарев и Герцен еще допускали возможность осуществления крестьянской реформы до некоторой степени в интересах крестьянства; эти иллюзии быстро рассеялись.

Современное (стр. 100). Впервые — К, 1858, 3 (15) августа, лист 21, стр. 173—174. Обоснование авторства Огарева — в ЛН, № 61, 1953, стр. 581—582. *Панин.* Имеется в виду реакционный государственный деятель Виктор Никитич Панин (1801—1874).

Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года (стр. 101). Впервые — К, 1858, 3 (15) ок-

тября, лист 26, стр. 215—216. Перепеч.: Л II. Напечатанное анонимно, это стихотворение с 1910 г. стало приписываться П. И. Вейнбергу. Ошибочная атрибуция опровергнута Е. Г. Бушканцем в статье «О двух стихотворениях в «Колоколе» А. И. Герцена» («Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка», т. 18, вып. 1, 1959, стр. 61—64). Предположение Е. Г. Бушканца о возможном авторстве Н. А. Добролюбова остается пока недоказанным. См. также примечание к стихотворению «Гибкий человек» (стр. 724). В К стихотворение было напечатано с обширным редакционным примечанием, в котором сообщалось, как, подготовляя свой юбилей, Я. И. Ростовцев приказал «своей канцелярии написать *во все* подведомственные ему кадетские корпуса приглашения о присылке «добровольных пожертвований на устройство предполагаемого торжества в честь любимого начальника», тут же были указаны и суммы, которые должны были «добровольно пожертвовать» директора, офицеры и даже кадеты (от 100 р. до 25 коп. сер.)». Юбилей был испорчен стихотворением, полученным Ростовцевым утром в день юбилея. *Ростовцев* Яков Иванович (1803—1860) в молодости был близок к Е. П. Оболенскому и некоторым другим деятелям декабристского движения и состоял в числе членов «Северного общества». За два дня до восстания — 12 декабря 1825 г. — он довел до сведения Николая о готовящемся восстании и 14 декабря, участвуя в его подавлении на Сенатской площади, даже был ранен. Впоследствии его деятельность в комиссиях по подготовке освобождения крестьян неоднократно подвергалась резкому осуждению в «Колоколе». *Позорно ты бежал от друга, от поэта* — т. е. от Рылеева; далее следует перифраз стихов Рылеева из «Исповеди Наливайки». *Сарматы* — здесь: поляки. *Ты убежал! Куда ж? — В Аничковский дворец* — к Николаю I. *Он поручил тебе воспитывать детей.* С 1835 г. и до смерти Ростовцев — начальник штаба по управлению военно-учебными заведениями.

«Грустно матушке России...» (стр. 103). Впервые — К, 1858, 3 (15) октября, лист 26, стр. 216, в заключение заметки Герцена «О бороде А. А. Иванова». Другой, гораздо менее исправный вариант этого широко распространенного стихотворения был напечатан в «Будущности», 1860, 3 (15) сентября, № 1, стр. 9. *Незабвенный* — Николай I (см. стр. 716).

У парадного крыльца (стр. 104). Впервые — К, 1860, 3 (15) января, лист 61, стр. 505—506, со следующим редакционным примечанием (вероятно, Герцена): «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить». Знал ли Герцен автора стихотворения — неизвестно. Перепеч.: Л II, но еще до того напечатано легально в издании «Стихотворений» Некрасова (ч. 2, СПб., 1863). В 1873 г. стихотворение было перепечатано в СНПиС, заглавие также — «У парадного крыльца». По сравнению с оригинальным текстом в СНПиС исключены ст. 1—16, 43—45, 51—52, 55—58, 61—77, 80—82, 84—85 и 113—117. Переделаны с целью упрощения ст.: 23, 34, 49, 50, 53, 54, 59, 60, 78 и 79. После ст. 83 введена (для рифмы) отсутствующая у Некрасова строка: «Да к тому же давно он привык». Под названным

выше заглавием (авторское — «Размышления у парадного подъезда») стихотворение в 1860—1863 гг. широко распространялось по всей России в списках. Заключительные строки (от слов «Назови мне такую обитель...») были в 60—80-х годах одной из популярнейших студенческих песен. Текст стихотворения напечатан Герценом не вполне точно, что объясняется неисправностью полученного списка. История этого стихотворения комментируется рассказом в воспоминаниях А. Я. Панаевой, как Некрасов из окон своей квартиры на Литейном проспекте наблюдал однажды осенью напротив, у здания министерства государственных имуществ, как дворник и городовой гнали иззябших и промокших крестьян, желавших подать какое-то прошение» (А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1948, стр. 217. В действительности в этом доме помещался департамент уделов).

Гибкий человек (стр. 107). Впервые — К, 1860, 20 июля (1 августа), лист 77—78, стр. 653. Перепеч.: Л II. Авторство П. И. Вейнберга обосновано в статье Е. Г. Бушканца «О двух стихотворениях в «Колоколе» А. И. Герцена» («Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка», т. 18, вып. 1, 1959). См. выше примечание к стихотворению «Иакову Ростовцеву...» (стр. 722). *Вейнберг* Петр Исаевич (1831—1908) — второстепенный поэт, переводчик и историк литературы. В 60-х годах примыкал к группе поэтов «Искры» (см. заметку И. Г. Ямпольского. ПИ, т. 2, стр. 617—620). *Михаил Иванович* Топильский (1809—1873) — в 1845—1862 гг. вице-директор, директор департамента министерства юстиции, потом сенатор. В течение более чем 20 лет Топильский был правой рукой известного реакционера-крепостника В. Н. Панина. Бюрократ и взяточник Топильский был неоднократно задет в К — в заметках Герцена и других лиц.

Уральская песня (стр. 109). Впервые — К, 1861, 3 (15) января, лист 90, стр. 760 (с примечанием: «Говорят, что эту песню поет народ на Урале»). Перепеч.: СРП (с примечанием: «На голос: „Как на матушке на Неве-реке"»), Л I и Л V.

Солдатская песня (стр. 111). Впервые — К, 1861, 21 мая (1 июня), лист 100, стр. 844 (с примечанием: «Получена в редакции „Колокола" от неизвестного»). Перепеч.: СРП, Л I и Л V. Автор не установлен. Е. А. Бобровым было указано, что предание приписывает эту песню В. А. Слепцову («Известия Северо-кавказского гос. университета», т. 3 (16). Ростов-на-Дону, 1928, стр. 25). Речь может идти, конечно, лишь о деятеле «Земли и воли» А. А. Слепцове, но и его авторство весьма сомнительно. Предание основано на том, что начало песни и написанная Слепцовым в 1863 г. прокламация «Льется польская кровь» начинаются почти одинаково; песня очень близка также к статье Герцена «Русская кровь льется», напечатанной в 1861 г. в К. *Русская кровь льется.* Стихотворение связано с жестоким подавлением царскими войсками многочисленных крестьянских восстаний этих лет: в 1176 имениях крестьяне в 1861 г. оказали «неповиновение», в 337 случаях пришлось прибегать к помощи войск («Отчет о действиях III Отделе-

ния... за 1861 г.» в кн.: «Крестьянское движение. 1827—1869». Вып. 2. М., 1931, стр. 17). *И польская с ней.* Имеется в виду расстрел патриотической демонстрации в Варшаве 27 февраля (убито 5 человек) и демонстрации 8 апреля 1861 г. (убито более ста человек).

Памяти Добролюбова (стр. 112). Впервые — К, 1862, 3 (15) января, лист 119—120, стр. 997. С различными вариантами широко распространялось в списках и перепеч.: СРП, Л I (заглавие: «В память Добролюбова»), Л II, Л V, СиП и др. Стихотворение написано 20 ноября 1861 г. в Петропавловской крепости. Михайлов был одним из близких друзей Добролюбова. Стихотворение сопровождалось следующей припиской автора: «Стихи эти невольно сложились у меня в голове вечером в день похорон бедного Бова, и я записал их, чтобы откликнуться из своей клетки на общее наше горе. Сообщите их друзьям покойника. Они не станут искать в них эстетических красот, как не искал бы он сам, но, верно, найдут чувство, похожее на свое. Бедный, бедный Бов; мне так и представляется его доброе, прекрасное лицо со слезами на щеках. Да, умирать в такие годы горько». *Бов* — псевдоним Н. А. Добролюбова.

Михайлову (стр. 113). Впервые — К, 3(15) января, прибавление к листам 119—120, стр. 1001, с подписью Огарева. Перепеч.: Л II и отрывок: «Закован в железы, с тяжелою цепью...» до конца — СРП, Л I и Л V — во всех трех случаях с пометой: «На голос: „Среди долины ровныя“» и без этой пометы — НСРПиС. Этот отрывок прочно вошел в репертуар русской революционной песни. Поэт и переводчик, беллетрист и публицист Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865) был арестован 14 сентября 1861 г. по обвинению в составлении прокламации «К молодому поколению» (написанной в основном Н. В. Шелгуновым и отпечатанной в Вольной русской типографии). Михайлов был приговорен к лишению прав и ссылке в каторжные работы на 6 лет. Приговор был объявлен Михайлову 14 декабря 1861 г. *Ведь ты из фрачных* — из гражданских (не военных). *Брошен свежий труп Бойца.* Огарев имеет в виду крестьянина Антона Петрова. Он пытался внушить крестьянам села Бездны Спасского уезда Казанской губернии, что «Положение...» даровало крестьянам полную волю, которую помещики от них скрывают. Начавшиеся крестьянские беспорядки были с необычайной жестокостью подавлены вызванными войсками: расстреляно на месте несколько десятков человек. Петрова арестовали и предали военно-полевому суду, по приговору которого он 17 апреля 1861 г. был расстрелян. Об этом эпизоде и отклике Герцена см.: В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

Узнику (стр. 116). Впервые — К, 1862, 3 (15) января, прибавление к листам 119—120, стр. 1001. Перепеч.: Л II, СиП (заглавие: «Послание М. Л. Михайлову студентов СПб. университета, заключенных в Петропавловской крепости за студенческую историю 12 октября 1861 г.») и ПБ (с подзаголовком: «Михайлову»). Автором стихотворения, на основании свидетельства Н. Я. Николадзе, считается студент Петербургского университета И. А. Рожде-

ственский (КиС, 1927, № 4, стр. 44 и сл.); однако осведомленный Л. Ф. Пантелеев считал автором деятеля «Земли и воли» Н. И. Утина (Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 179). Вопрос об авторе не может считаться окончательно решенным. Стихотворение написано от имени петербургских студентов, находившихся в заключении в Петропавловской крепости. Ответ М. Л. Михайлова на это стихотворение см. на стр. 116.

Ответ (стр. 116). Впервые — К, 1862, 3 (15) января, прибавление к листам 119—120, стр. 1001. Перепеч.: СРП (заглавие: «Студентам»), Л I, Л V, НСРПиС (заглавие: «Студентам», помета: «Приписывается Михайлову») и СиП (под текстом: «Петропавловская крепость»). Написано в конце ноября 1861 г. в Петропавловской крепости в ответ на стихотворное послание «Узнику» (см. стр. 116). «Ответ» Михайлова сопровождался следующей припиской: «Спасибо вам за те слезы, которые вызвал у меня ваш братский привет. С кровью приходится мне отрывать от сердца все, что дорого, чем светла жизнь! Дай бог лучшего времени, хоть, может, мне уже и не суждено возвратиться». Это стихотворение исполнялось на мотивы «Нелюдимо наше море...» и «Моряков» композитора К. П. Вильбоа и вскоре стало одним из популярнейших стихотворений «вольной» русской поэзии второй половины XIX в. (М. Л. Михайлов. Записки. Пг., 1922, стр. 12).

«Сим победиши» (стр. 117). Впервые — К, 1863, 20 октября (1 ноября), лист 172, стр. 1413, с подписью Огарева. Статья, ответом на которую является настоящее стихотворение, напечатана в 171 листе «Колокола» от 19 сентября (1 октября) 1863 г. под заглавием: «Братское слово. По поводу заявления московских и харьковских студентов». Статья вызвана верноподданническим адресом, поднесенным Александру II от имени московских студентов в связи с польским восстанием. Подпись под статьею: «Один из многих». Она была послана из России в августе, но не поспела к сентябрьскому листу (см. прим. редакции «Колокола» на стр. 1406). Таким образом, ответ Огарева датируется сентябрем-октябрем 1863 г. Стихотворение было в рукописи послано Н. И. Утину, который в ответном письме от 8 октября предложил некоторые изменения; все они были приняты Огаревым (см. ЛН, № 62, 1955, стр. 625—626). Последняя строфа стихотворения была в качестве отдельного произведения Огарева приведена М. Н. Слепцовой в ее воспоминаниях «Штурманы грядущей бури» (сб. «Звенья», вып. 2. М., 1933, стр. 391) по записи, сделанной ею в 1895 г. со слов ее мужа — землевольца А. А. Слепцова. Текст публикации Слепцовой, кроме одного слова, совпадает с текстом «Колокола». По словам автора воспоминаний, стихотворение было обращено к А. А. Слепцову (последний был в Лондоне дважды — летом 1860 г. и в январе 1863 г.). Однако считать А. А. Слепцова автором названной выше статьи нет достаточных оснований (см. Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы. Л., 1956, стр. 828).

«Долго нас помещики душили...» (стр. 118). Впервые — РПЛ, стр. 427—428 (заглавие: «Современное стихотворение»). Этот текст, по-видимому в переработке Н. П. Огарева, с некото-

рыми сокращениями и перестановками перепеч.: СРП (без заглавия, после каждого четверостишия припев — «Вот житье, вот бытье, Жизнь горе расейское! (Bis)»; ВII 1 (без заглавия); П (без заглавия, со строки 41—44 основного текста с небольшими вариантами); СНПиС (без заглавия), Л II (заглавие: «Современное стихотворение. (Вариант)», подпись: «П. Холодовский-Цибульский»). Ряд вариантов приведен также в статье Е. Г. Бушканца: «Нелегальная революционная поэзия 1860-х годов». «Русская литература», 1959, № 1, стр. 130, 142. Печ. по наиболее полному и исправному тексту К, 1866, 3 (15) января, лист 212, стр. 1739. Этот текст перепеч.: Л I и Л V (оба раза заглавие: «Долго нас помещики душили...» и подпись: «П. Холодовский-Цибульский»). Автор стихотворения окончательно не установлен, но авторство В. С. Курочкина наиболее вероятно (см. примечания И. Г. Ямпольского в ПИ, т. 1, стр. 768—770; РС, 1887, № 9, стр. 631). Кроме того, стихотворение приписывалось П. А. Холодковскому-Цибульскому (Л I, Л II, Л V), А. А. Григорьеву (Н. С. Лесков-Стебницкий. Загадочный человек. СПб., 1871, стр. 48—49, и намек в статье П. Д. Боборыкина «Из воспоминаний о пишущей братии». «С-Петербургские ведомости», 1877, 10 февраля, № 41, стр. 1), Ивану или Виктору Умнову (Неизданные письма... из архива А. Н. Островского. М. — Л., 1932, стр. 455 и 716, «Деятели...», т. 1, вып. 2, стр. 414). О популярности стихотворения свидетельствует также и то, что оно распространялось в 1863 г. в качестве печатной прокламации, может быть, «Земли и воли» (см. «Былое». Лондон, 1904, февраль, № 6, стр. 10; ср. М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов. «История СССР», 1957, № 1, стр. 118 и 131; текст этой прокламации нам неизвестен). По данным организатора Морозовской стачки П. А. Моисеенко, он в 1877 г. вместе с товарищами организовал хор с бубенцами и плясунами. Эта группа певцов исполняла с агитационными целями в пивных и трактирах района Обводного канала в Петербурге песни «Долго нас помещики душили...», «Свободушка» и др. «Эффект был поразительный. Всех нас воодушевляла революционная песня. Несмотря на усталость, мы забывали всё» (Воспоминания. 1873—1923. М., 1924, стр. 14). Песня была использована и реакционной литературой — А. Ф. Писемским в романе «Люди сороковых годов» («Заря», 1869, № 9, стр. 109), Вс. Крестовским в романе «Панургово стадо» («Русский вестник», 1869, № 3, стр. 168; здесь она названа даже «русской марсельезой»). Стихотворение быстро распространилось, став одним из наиболее популярных в репертуаре «вольной» поэзии второй половины XIX в., особенно в студенческой среде (Друскин, стр. 35—38). Песню, в частности, пели, расходясь с панихиды 16 апреля 1861 г. по жертвам Бездпинского расстрела на Куртинском кладбище в Казани. Вообще, судя по мемуарам, в Казани песня была особенно популярна (ПИ, т. 1, стр. 769; ср. также публикацию текста песни в статье М. А. Васильева «Песни казанского студенчества». «Ученые записки Казанского гос. университета», т. 90, кн. 5. 1930, стр. 852 (текст в основном идентичен РПЛ, варианты ср. А. <Н.> М<ожарова>. Воспоминания о П. Г. Зайчневском. Сб.: «О минувшем». СПб., 1909, стр. 182). Н. П. Огарев в предисловии к РПЛ писал об этом стихотворении: «Перешагнув через хроноло-

гический порядок, которого мы по возможности старались держаться в нашем сборнике, мы поместили в конце этой части «Современное стихотворение», которое тем замечательно, что не нарочно сосредоточивает в себе целую историческую эпоху и опирается на ее исходную точку, на 14 декабря» (стр. XCIX). *Бутарь* (точнее: бударь) — будочник.

До свиданья (стр. 119). Впервые — К, 1867, 19 июня (1 июля), лист 244—245, стр. 1992, с подписью Огарева. Этим стихотворением заключалось издание К перед перерывом до 1 января 1868 г. Стихотворение стоит в непосредственной связи с «Предисловием к „Колоколу“», открывавшим первый лист его за десять лет до того. Ряд выражений и строк настоящего стихотворения — перифразы «Предисловия» (ср. стихи 7, 8, 17, 18, 20—24 на стр. 92).

К. Ф. Рылеев. Думы и стихотворения
Лондон. 1860

Это издание, открывавшееся стихотворным предисловием Н. П. Огарева, было первой зарубежной перепечаткой «Дум», имя автора которых не могло быть в это время в России названо. На титульном листе «Дум» указано: «Изд. Искандера».

Памяти Рылеева (стр. 121). Впервые — в виде посвящения к «Думам» К. Ф. Рылеева, стр. V—VI. Это стихотворение Огарева прочно вошло в репертуар русской революционной поэзии и многократно переписывалось и перепечатывалось. Имя Рылеева должно быть названо в числе политических и поэтических учителей Огарева, много сделавшего для популяризации его запретного в России имени. *Пять повешенных людей* — декабристы. *Бронзовые кони и Николая и Петра* — памятники Николаю I и Петру I в Петербурге на Исаакиевской и Сенатской (Петровской) площадях.

Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Часть первая. С предисловием Н. Огарева
Лондон. 1861

«Русская потаенная литература...» — один из наиболее значительных сборников, впервые объединивший всю русскую «вольную» поэзию первой половины XIX в. и бывший источником для целого ряда последующих перепечаток. Часть материалов, вошедших в РПЛ, несомненно была в памяти Герцена и Огарева, как современников; значительную часть захватил с собою Огарев, уезжая из России в 1856 г. Герцен 11 апреля 1856 г. сообщал М. К. Рейхель, что Огарев «привез бездну стихов» (Герцен. ПСС, т. 8, стр. 268); возможно, впрочем, что некоторые записи наиболее острых в политическом смысле стихотворений были сделаны уже в Лондоне, по

памяти. Какая-то часть материалов была доставлена В. Р. Зотовым, во время его поездки в Лондон в июле 1857 г. Несомненно преувеличивая, Зотов писал даже, что «почти все... было собрано мною в России и мною же отвезено Герцену для напечатания» (Морозов, т. 2, стр. 433; ср. Герцен. ПСС, т. 8, стр. 551, и ИВ, 1890, № 4, стр. 113 и сл.). Какие-то материалы были привезены Н. В. Гербелем, который участвовал даже в корректуре сборника (Герцен. ПСС, т. 22, стр. 128—129). Над изданием РПЛ в Лондоне работал и недавно выехавший из России В. И. Касаткин. «Можно будет издать книгу бесцензурных стихотворений разн<ых> автор<ов>в хронологическом порядке», — писал Огарев Герцену в сентябре 1860 г. (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 382; ср. ЛН, № 41—42, 1941, стр. 8—9). Наконец, можно думать, что какие-то отдельные стихотворения были доставлены приезжавшими из-за границы русскими путешественниками. Сборник вышел в свет в сентябре 1861 г. (Герцен. ПСС, т. 2, стр. 225). На титульном листе и обложке обозначено: «Часть первая» (часть 2-я в свет не вышла).

Всего в сборник включено 170 стихотворений Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Полежаева, Хомякова, Аксакова и других авторов, — все эти произведения не могли быть напечатаны легально в России и ходили по рукам в многочисленных списках. Естественно, что в условиях такого существования текст не всегда был точен, а редактор сборника не всегда знал действительного автора стихотворения, — в рукописной традиции Пушкину, например, сплошь и рядом приписывались произведения, в которых он был неповинен, авторов ряда стихотворений Огарев вообще не знал. В сборник были включены не только «противоправительственные» произведения. В условиях реакционного режима протестантскими оказывались также и произведения, непочтительно касавшиеся вопросов религии, и даже полупорнографические стихотворения.

Большая часть собранных в РПЛ стихотворений относится ко времени до 1855 г. В настоящий сборник включены лишь семь стихотворений более позднего времени.

Сборнику предпослана большая (в 96 страниц) вступительная статья Огарева, в которой он «пытается проследить наше гражданское движение в стихотворной литературе» (стр. VI), давая тем самым первый историко-литературный очерк русской гражданской поэзии.

На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними (стр. 123). Впервые — РПЛ, стр. 268—283. Стихи 145—164 в качестве отдельного стихотворения — ВП II, стр. 21. Как стихотворение, приписывавшееся Некрасову, с измененным началом, с рядом вариантов и без последних 58 стихов — ГМ, 1917, № 5—6, стр. 60—68. Впервые полностью — «Книга и революция», 1922, № 3(15), стр. 38—41. В собственноручном списке своих политических стихотворений Добролюбов назвал его первым в ряду стихотворений 1855 г. и озаглавил это стихотворение «Дума при гробе Оленина» («Современник», 1911, № 11, стр. 254). Это заглавие и принято в советских изданиях стихотворений Добролюбова. Стихотворение, по свидетельству его друга по Главному педагогическому институту М. И. Шемановского, было очень популярно и расходилось в списках (ЛН, № 25—

26, 1936, стр. 293). Два отрывка (стихи 89—96 и 397—400), соединенные вместе, С. Г. Нечаев поместил в качестве эпиграфа к передовой статье № 1 «Народной расправы» (1869, стр. 1). *Оленин* Алексей Алексеевич (род. 1798) — сын известного писателя, археолога и художника А. Н. Оленина, некогда член Союза Благоденствия, действительный статский советник, был убит своими крепостными за жестокое обращение с ними 25 декабря 1854 г. При штабе корпуса жандармов для расследования этого происшествия была создана специальная комиссия. В отчете III Отделения и корпуса жандармов за 1855 год говорится, «что поводом к означенному злодеянию послужило дурное обращение Оленина с людьми его и что по жалобам их местное начальство делало ему неоднократные внушения... что крестьяне упомянутых имений от обременительных повинностей находятся большею частию в бедном положении и нуждаются даже в продовольствии. Поэтому сделано распоряжение как об отпуске им хлеба, так и об учреждении особого надзора местных властей за управлением наиболее расстроенной тульской вотчины» (Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. М., 1931, стр. 103). *Баскак* — татарский чиновник, ведавший сбором податей в покоренных странах. *Не ты ль, наш царь, с негодованием Продажу негров порицал.* 8 декабря 1841 г. Россия, Австрия, Пруссия и Англия (а с 1848 г. и Бельгия) заключили конвенцию об искоренении торга неграми. См. указ Николая I Сенату от 26 марта 1842 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. 17, отд. 1. СПб., 1843, № 15429, стр. 229—241).

Друзьям в России (стр. 136). Впервые — РПЛ, стр. 300—301. Перепеч.: Л I и Л V. На основании совпадения заглавия этого перевода из Мицкевича («Dziady» — «Do przyjaciol Moskali») с записью в собственноручном списке политических стихотворений Добролюбова Е. Г. Бушканец в категорической форме, а А. Н. Степанов предположительно приписывают этот перевод Н. А. Добролюбову («Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка», т. 16, вып. 1, 1957, стр. 68—69, и сб.: «Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955». Библиографические материалы. М. — Л., 1957, стр. 60 и 500—505). Предположение об Огареве как переводчике представляется маловероятным — из его предисловия к «Думам» Рылеева видно, что он ограничился прозаическим переводом: «Стихотворный перевод, который у нас есть, слишком неудовлетворителен. Я тоже пробовал перевести, но не сладил. Лучше верный перевод в прозе, чем вялый в стихах» (К. Рылеев. Думы... Лондон, 1860, стр. XIX). Начальные слова этой цитаты явно относятся к переводу, который Огарев счел все же возможным поместить в «Русской потаенной литературе...», заключительные — отвергают предположение о нем как переводчике этого послания, тем более что скрывать свое имя у него не было в 1861 г. никаких оснований (Е. Г. Бушканец ошибочно предполагает, что перевод Добролюбова стал Огареву известен уже после выхода «Дум»).

Собачий пир (стр. 137). Перевод стих. «La curée». Впервые — РПЛ, стр. 350—354. Перепеч.: Л II и первые 26 строк в виде

эпиграфа к статье «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела...» в журнале «Народная расправа», 1869, № 1; впервые в русской легальной печати (с некоторыми вариантами и в качестве перевода В. С. Курочкина) — сб. «Русская муза», сост. П. Я<кубовичем-Мельшиным>, перераб. и доп. изд., <СПб.,> 1908, стр. 272. Стихотворение быстро разошлось по стране в многочисленных списках и 16—17 сентября 1857 г. стало известно Т. Г. Шевченко, который переписал его полностью (Дневник. М.—Л., 1931, стр. 173—178). В РПЛ стихотворение было напечатано со следующим редакционным примечанием: «После 6-го стиха в рукописи был пропуск, которого мы не могли пополнить». «La curée» Огюста Барбье (1805—1882) написано в августе 1830 г. по поводу Июльской революции, в связи с тем «разделом добычи», который наступил для французской буржуазии после изгнания Бурбонов и провозглашения республики. Перевод Бенедиктова, по предположению Л. Я. Гинзбург, относится к 1856—1857 гг., к периоду либеральных настроений поэта под влиянием общественного оживления, наступившего после 1855 г. (В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., 1939, стр. 328). Впрочем, какой-то перевод этого стихотворения был запрещен цензурою уже в 1832 г. (там же).

«Когда он в вечность преселился...» (стр. 141). Впервые — РПЛ, стр. 422. Перепеч.: Л II (заглавие: «Русский император») и ВП I. В ГМ (1917, № 5—6, стр. 103) это стихотворение напечатано под заглавием: «Николай I перед дверями рая». 24—25 апреля 1866 г. при обыске у П. Л. Лаврова было обнаружено и это стихотворение под заглавием: «На смерть императора Николая I» (Б, 1906, № 8, стр. 38); он, видимо, и является его автором (см. назв. кн. и «Материалы для биографии П. Л. Лаврова», вып. 1. Пг., 1921, стр. 36). 24 февраля 1858 г. это стихотворение было переписано Т. Г. Шевченко в дневнике (Дневник. М.—Л., 1931, стр. 256—257).

Солдатские песни
Лондон. 1862

В предисловии к сборнику, вероятно принадлежащем Огареву, напечатано: «Нам случайно достались несколько песней, составленных, вероятно, кем-либо из русских офицеров; невольные свидетели мученичества солдат, невольные участники усмирения крестьян и угнетения поляков, им первым должна была прийти на сердце мрачная солдатская песня. Мы уверены, что эти песни поются в очень многих полках и потому с величайшим удовольствием печатаем их. Нам обещали доставить еще несколько песен этого рода, которые мы и издадим немедленно по получении». Составители этого сборника остаются неизвестными, едва ли знал их и Огарев. Близость шестой песни к «Духовному завещанию» И. Аргнольдта, П. Сливицкого и др. (сб. «Музей революции», т. 1. Л., 1923, стр. 38—43. Ср. Герцен. ПСС, т. 15, стр. 361—362) и к прокламации «Русским войскам» (Герцен. ПСС, т. 15, стр. 367—368) дает основание предполагать, что СП связаны с той группой русских офице-

ров в Варшаве, которая сблизилась с польскими революционерами Я. Домбровским, С. Сераковским и возглавлялась А. А. Потебнею; Потебня в ноябре 1862 г. был у Герцена и рассказывал ему о растущем недовольстве среди русских солдат, находящихся в Польше (Герцен. ПСС, т. 15, стр. 363—364). Другие песни, о которых написано в предисловии, опубликованы не были, но весь этот сборник был полностью перепечатан в СРП (см. стр. 159 и след.). Сборник вышел в свет во второй половине ноября 1862 г. — объявление о нем находим в «Общем вече», 1862, 20 ноября (1 декабря), № 6, стр. 44, — между тем казнь Арнгольдта и Сливицкого, упоминаемых в песне «Братцы! Дружно песню грянем...», была совершена 16 июня 1862 г. Тем самым определяется довольно точно период, когда эти песни были сложены, доставлены в Лондон и напечатаны, — на все это ушло едва ли больше четырех месяцев.

Сборник известен в двух изданиях; второе (с датой на титульном листе: 1863) отличается отсутствием предисловия; вероятно, перед нами другая часть тиража, печатавшаяся с того же набора. Две песни сборника — «Русскому солдату» и «Братцы! Дружно песню грянем...» — оказались особенно распространенными, они сохранились в репертуаре солдатской «вольной» поэзии до конца первого десятилетия XX в. Об агитационном использовании сборника деятелями «Земли и воли» см. ЛН, № 61, 1953, стр. 554. Шесть из семи песен сборника написаны на мотивы популярных народных песен; в этом смысле СП продолжают традицию агитационных песен Рылеева и Бестужева, тоже ориентированных на народные массы. Своеобразна композиция сборника. Мотивы политической агитации становятся от песни к песне все более острыми: от описания тяжелого положения крестьян до призыва не стрелять в братьев-крестьян, т. е. неподчинения начальству.

Ввиду того что все публикуемые нами стихотворения СП были перепечатаны в СРП, Л I и Л V, ниже указываются только перепечатки в других революционных сборниках.

«Эх, солдатское житье...» (стр. 142). Впервые — СП, стр. 5—7.

«Русскому солдату...» (стр. 144). Впервые — СП, стр. 8—9. Первые 8 строк этой песни (с изменением в ст. 7 «Он сечет» на «Матюшит») вошли в изд.: «Песни и стихи революции. Солдатский сборник». Казань, 1906, стр. 10—11. Стихи 9—32 заменены здесь шестнадцатью новыми, призывающими к восстанию. Заглавие этой переработки: «За ум!»

«Эх, товарищи любезны...» (стр. 145). Впервые — СП, стр. 10—11. Перепеч.: П. *Под бездной Пролилась честная кровь.* О подавлении войсками крестьянских восстаний, в частности в селе Бездна в 1861 г., см. стр. 725. *Пулей штуцерной* — т. е. нарезного ружья новой системы.

«Жил на свете русский царь...» (стр. 146). Впервые — СП, стр. 12—13. В ст. 3 обозначение: *«дважды»*. Перепеч.: ВП II, СНПиС (без 10-й строфы) и П (в оглавлении заглавие:

«Царская воля»). Авторство Огарева обосновано в ЛН, № 61, 1953, стр. 596—597. Е. Г. Бушканец без достаточных оснований оспаривает авторство Огарева; предполагаемая им датировка — 1861 г. — начало 1862 г. *Разнемецкий государь* и т. д. — Александр II. *И составил манифест* — об освобождении крестьян (19 февраля 1861 г.).

«Что так ветер воет глухо...» (стр. 148). Впервые — СП, стр. 16—17.

«Братцы! дружно песню грянем...» (стр. 149). Впервые — СП, стр. 18—20. Перепеч.: «Голос солдата», изд. Военной организации при Рижском комитете РСДРП, 1905, 23 декабря, № 2; «Голос казармы», изд. Военной организации при Тифлисском комитете РСДРП, 1907, 28 февраля, № 5; «Солдат», Либава, 1906, 8 марта, № 5 и др. Эти три текста являются переделками с заменой поляков рабочими, с существенными сокращениями и т. д. (См. сб. «Пролетарские поэты», т. 1. Л., 1935, стр. 157 и 369—371). *Как Арнгольдта расстреляли И Сливицкого зараз! И Ростковского сгубили Вместе с Шуром зауряд.* Поручик 4-го стрелкового батальона, расположенного в Варшаве, Иван Арнгольдт, один из организаторов подпольного офицерского кружка, ставившего своей целью революционную пропаганду среди солдат, подпоручик того же батальона Петр Сливицкий и унтер-офицер Франц Ростковский были арестованы 24 апреля 1862 г. и приговорены военным судом к расстрелу (приговор приведен в исполнение 16 июня 1862 г.), рядовой того же батальона Лев Шур — к 600 ударам шпицрутенов. См. статью А. А. Шилова «Дело Арнгольдта, Сливицкого, Ростковского и Шура 1862 г.» (сб. «Музей революции», вып. 1. Пг., 1923).

«Дядя, ты в походах...» (стр. 150). Впервые — СП, стр. 21—23. Перепеч.: ВП II, стр. 14—15.

Общее вече. Прибавление к «Колоколу»
Лондон. 1862—1864

См. стр. 720.

Мысли россиянина при чтении указа... (стр. 152). Впервые — ОВ, 1863, 3 (15) апреля, № 14, стр. 69—70. Перепеч.: Л I и Л V; с существенными сокращениями и переделками — ВП II, стр. 26—27 (см. стр. 746). Обоснование авторства Огарева — ЛН, № 61, 1953, стр. 582—585 и 595—596. В стихотворении нашла свое выражение неудовлетворенность Огарева крестьянской реформой 1861 г. Желая приостановить участие крестьян западных губерний в польском восстании 1863 г. и привлечь их на свою сторону, правительство пошло — раньше предусмотренного срока — на ликвидацию в четырех западных губерниях «обязательных отношений крестьян к помещикам». *Именинник бываю 14 декабря* — намек на день восстания декабристов. *Испугавшись*

ляха — т. е. польского восстания 1863 г. *В прусские объятия.* О сближении России и Германии.

Замечания старообрядца на тайные «Постановления по части раскола» (стр. 156). Впервые — ОВ, 1863, 20 октября (1 ноября), № 22, стр. 102, с подписью: «Старообрядец». Перепеч.: Л I и Л V. *Тайные «Постановления по части расколи».* Имеется в виду секретно изданная министерством внутренних дел книга: «Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. синода», тт. 1—2. СПб., 1860.

Свободные русские песни Берн. 1863

Сборник вышел в свет около 1 января 1864 г. (см. «Supplement to the Bell», объявление Трюбнера, № 57). Сборник был издан с фиктивными выходными данными (Кронштадт, в типографии главной брандвахты, 1863) и фальшивым цензурным разрешением (С.-Петербург, 3 мая 1863 г.). В действительности он был издан в Берне в организованной там с осени 1862 г. революционерами типографии (ЛН, № 41—42, 1941, стр. 8—14 и 82—105). Всего в сборник включено 38 стихотворений: 5 стихотворений были ранее напечатаны в К, одно — в ГизР IV, 7 — перепечатаны из СП, 5 — были ранее в ПЗ (из них одно — в СРП перепечатано в отрывке), 10 — в РПЛ. Таким образом, впервые в СРП напечатаны 10 стихотворений, но 3 относятся ко времени до 1855 г. и в наст. издание не включены. Сборник снабжен предисловием, принадлежащим, вероятнее всего, Огареву (предположение А. А. Шилова, см. ЛН, № 41—42, 1941, стр. 85), с эпиграфом: «Из песни слова не выкинешь»: «Составляя предлагаемый песенник, мы имели в виду соединить в нем песни наиболее знакомые, наиболее любимые и чаще других раздающиеся в русских свободных кружках. Песни наших славных декабристов пелись на Руси не одним поколением: с них мы и начинаем наш скромный сборник. Само собой, что помещенные здесь песни не все одинакового достоинства в литературном отношении, но во всех них более или менее слышится один и тот же мотив наболевшего русского сердца и глубокой вражды к рабству. Память о тех часах, в которые мы сами вслушивались в эти песни и пели их в среде молодого и старого поколения, дружно настроенных одною заветною для всех мыслью, дает нам право надеяться на добрый прием первого на Руси свободного песенника. Мы же вместе с ним шлем и наш сердечный привет как нашим личным, так и всем друзьям русской свободы. Издатели». Если РПЛ была сборником, суммирующим период развития русской «вольной» поэзии в 1830—1860-х годах и рассчитанным уже по одному тому (не говоря уже об объеме) на более или менее ограниченный круг читателей, то перед издателями СРП стояла задача создания песенника для распространения в массах. Большая часть стихотворений, составивших СРП, является именно песнями (по преимуществу для хорового исполнения) — почти все они сопровождаются указаниями на мотив («голос»), на который они поются.

Сборник рассчитан на пропаганду в самых разнообразных кругах: есть песни, ориентированные на солдат, они «описывают тяжелую солдатскую службу, призывают солдат к отказу от участия в подавлении Польши и крестьянских восстаний, другие написаны для крестьян; есть песни, призывающие к восстанию» (Е. Н. Кушева. К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и волей» 60-х годов. ЛН, № 41—42, 1941, стр. 85). О популярности сборника среди студентов 1860-х годов говорит показание Ф. Ф. Рипмана от 23 февраля 1870 г., привлеченного по нечаевскому делу. (Сб. «Нечаев и нечаевцы». М.—Л., 1931, стр. 113).

«Из-за матушки за Волги...» (стр. 159). Впервые — СРП, стр. 15—16. Перепеч.: ВП II, СНПиС II, «Работник», 1876, № 13 (с подписью Огарева, под заглавием: «Песни о Земле и Воле» и с измененной первой строкой: «Как со матушки, со Волги»). Стихотворение получило очень широкое распространение — оно представляет собою заключительную часть поэмы Огарева «Забытье» (ст. 139—156), полностью напечатанной в ПЗ VII (см. стр. 72—76).

«Родина наша...» (стр. 160). Впервые — СРП, стр. 36. Перепеч.: Л I, Л V. Судя по упоминанию «невольника», относится ко времени до 1861 г. *God save the Queen* — начальные слова английского национального гимна. Мелодия этого гимна до 1833 г. была одновременно и мелодией русского гимна. Е. Н. Кушевой было высказано не лишенное правдоподобия, но не доказанное пока предположение о том, что автором этого стихотворения является Огарев (ЛН, № 41—42, 1941, стр. 85).

«Ах ты, сукин сын, проклятый становой!..» (стр. 160). Впервые — СРП, стр. 37—38. Перепеч.: Л. I (подпись: «К. Ф. Рылеев»), ВП II (последняя строка: «Так и царь будет удавлен, сукин сын»), П (последняя строка: «Так и царь-то наш тоже сукин сын»). Стихотворение написано после 1861 г. («помещик... надул уставной грамотой крестьян»). *Царский адъютант* — флигель-адъютант, обычно командировавшийся для подавления крестьянских беспорядков. Стихотворение представляет собой переделку известной народной песни: «Ах ты, сукин сын, комаринский мужик...», ставшей прототипом ряда произведений — «Песни о комаринском мужике» Л. Н. Трефолева (1867), «Эх, ребята, собирайтесь поскорей...» Ф. В. Волховского (см. его воспоминания «Ткач Петр Алексеевич Алексеев». СПб., 1906, стр. 10) или распространенной переделки применительно к рабочему фабрики «Саввушки Морозова» («Рабочая мысль», 1900, февраль, № 8, стр. 6—8, перепеч.: ПБ, стр. 73—75, и изданной, по сообщению А. А. Шилова, в виде листовки петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; однако в книге «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1934, этой листовки нет). В качестве «новой комаринской, пущенной в то время кем-то из пропагандистов по народу», Н. А. Морозов приводит в своих мемуарах сокращенный и несколько отличный текст (Морозов, т. 1, стр. 303).

Ослушная песня (стр. 162). Впервые — СРП, стр. 44—46. Перепеч.: Л I, Л V, ВП II, П и СНПиС. Кроме того, в тексте прокламации «Русскому народу», написанной в 1873 г. А. В. Долгушиным, процитированы две строфы этой песни: 4-я и в виде концовки — 2-я (см.: А. Кункль. Долгушинцы. М., 1932, стр. 221—222). Припев песни представляет собою вольный перевод французского текста «Марсельезы». По указанию Н. В. Осьмакова, он повторен в стихотворении П. Л. Лаврова (?) «К оружию, народ!» Я. И. Линков считает, что эта песня, «написанная, по всей вероятности, Огаревым», в поэтической форме излагает основные черты землевольческой программы («Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов». «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 47). В столь категорической форме это утверждение едва ли может быть принято: с не меньшим правом на эту роль могут претендовать и другие произведения 1860-х годов.

«Славься свобода и честный наш труд...» (стр. 163). Впервые — СРП, стр. 79 (в сноске указано, что песня обыкновенно поется после «Долго нас помещики душили...»). Перепеч.: Л I, Л V, ВП II, СНПиС (с некоторыми вариантами), НСРПиС, СиП, ПБ и др. Н. А. Морозов считал автором песни одного из своих товарищей (кого именно, остается неизвестным). Его же указание, что песня написана в Петропавловской крепости под музыку ее курантов, неточно — куранты с 1860-х годов отбивали не «Славься...», а «Коль славен наш господь в Сионе...»; в полдень и в полночь — «Боже, царя храни...» (Морозов, т. 2, стр. 56; т. 3, стр. 42). Песня распространялась и позднее с различными переделками; ср., например, вариант: «Славься, славься, царь Николай, Чертом нам данный царь-государь...» и еще восемь строк («История пролетариата СССР», 1935, № 1 (21), стр. 101). Тем не менее в наши дни стихотворение оказалось забытым, и недавно была сделана бездоказательная попытка приписать его И. Г. Прыжову (см.: А. Р. Мазуркевич. И. Г. Прыжов. Киев, 1958, стр. 36). Ф. Я. Кон вспоминает, что песню пели политические ссыльные в 1886 г. перед отправлением по этапу в Сибирь (Ф. Я. Кон. За пятьдесят лет. Собр. соч., т. 1. М., 1932, стр. 225).

Песня бранного воинства (стр. 164). Впервые — СРП, стр. 82—83. Перепеч.: Л I и Л V.

«Уж опять не бывать...» (стр. 165). Впервые — СРП, стр. 85—87. Перепеч.: Л I, Л V и ВП II. Стихи 3—4 («жадно ждем Мы желанной воли») позволяют датировать стихотворение временем до 1861 г. Стихи 25—26 («Пусть тогда — для суда Земские наедут») могут относиться к дореформенному суду, т. е. до реформы 1864 г. Стихи 13—14 («Обещать и не дать Уж теперь не могут») свидетельствуют о том, что стихотворение написано в период подготовки крестьянской реформы, т. е. после 1857 г.

Будущность. L'Avenir
Лейпциг—Париж. 1860—1861

Редактор этого журнала — князь П. В. Долгоруков (1816—1868) — историк и публицист, эмигрировал в 1859 г. В некрологе в № 12 «Колокола» Герцен писал о нем, что он, «как неутомимый тореадор, дразнил, без отдыха и пощады, точно быка, русское правительство и заставлял дрожать камарилью Зимнего дворца» (Герцен. ПСС, т. 21, стр. 89). Политическая программа Долгорукова не шла далее умеренно-буржуазного либерализма; будущий политический строй он представлял себе как ограниченную конституцией монархию. Долгоруков последовательно издавал несколько журналов. Журнал «Будущность» («L'Avenir») выходил в Лейпциге и Париже с 3 (15) сентября 1860 г. по 19 (31) декабря 1861 г. — всего вышло 25 номеров. С ноября 1862 г. по 16 (28) июля 1864 г. Долгоруков выпустил в Брюсселе, а потом в Лондоне 22 номера журнала под заглавием «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым». Кроме того, в 1862—1863 гг. Долгоруков редактировал в Лейпциге журналы: «Правдивый» («Le Véridique» — вышло 6 номеров) и «Правдолюбивый» («Le Véridique»); №№ 7—10 за 1862 г.; №№ 1—8 за 1863 г. издавались там же и тем же издателем (В. Гергардом), но уже без участия Долгорукова. Все три журнала представляют собою, в сущности, один журнал, изменявший свои заглавия. Их программа не была особенно разнообразной, но известную роль в борьбе с русским самодержавием они сыграли. Не обладая даром журналиста-организатора, Долгоруков сосредоточил огонь на характеристиках отдельных представителей царского режима, — здесь, несмотря на злобно-бранчливый, а порою и сплетнический характер, было напечатано много справедливых и крайне неприятных для правительства разоблачений. В советское время эти характеристики собраны в изд.: П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1934. Статья С. В. Бахрушина «„Республиканец-князь" Петр Владимирович Долгоруков» (там же) дает характеристику этого политического деятеля.

Стихи к императору Александру II при восшествии его на престол (стр. 167). Впервые — «Будущность», 1861, 3 (15) января, № 6, стр. 47, с редакционным примечанием: «Стихи эти в 1855 году ходили в рукописи, если не ошибаемся, за границею еще напечатаны не были». Авторство журналиста и драматурга Федора Алексеевича Кони (1809—1879) устанавливается свидетельством П. В. Быкова (Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1931, стр. 119; здесь процитированы, с некоторыми вариантами, 16 строк). В статье Е. Н. Опочинина «Беседы с Достоевским» («Звенья», вып. 6. М., 1936, стр. 467) автор статьи и Достоевский цитируют отрывки из этого широко распространенного в свое время стихотворения. Без заглавия, с рядом вариантов и другим порядком стихов перепеч. в сб.: «Песни жизни», Женева, 1903, стр. 29—30. В литографированном журнале студентов Новороссийского университета (Одесса) «Забастовка» от 1 февраля 1901 г., № 2, это стихотворение помещено также без заглавия, с рядом сокра-

щений и вариантов и с подписью: «Герцен» (ЦГИАЛ, фонд 733, оп. 151, дело № 190593/63, 1901 г. о беспорядках 1899—1900 гг., часть 3, лист 254). *Для лошадей Особое есть министерство.* В 1843 г. был основан государственный комитет коннозаводства. Председатель комитета был приравнен к министру. В 1848 г. это ведомство вошло в состав министерства государственных имуществ, но в 1856 г. было вновь выделено; возможно, что именно к этому году стихотворение и относится.

«Внемли, о царь, надежда Руси новой...» (стр. 168). Впервые — там же. В тексте «Будущности» стихотворение ошибочно слито со «Стихами к императору Александру II...» Автор его, по-видимому, Н. А. Добролюбов. Об этом подробно см. примечания Б. Я. Бухштаба в изд.: Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 742 и 746. Возможно, что стихотворение было Добролюбовым послано В. Ф. Адлербергу (ЛН, № 25—26, 1936, стр. 289).

К генералу Гарибальди (стр. 169). Впервые — «Будущность», 1861, 15 (27) ноября, № 21, стр. 176. При публикации этого стихотворения было указано, что стихи написаны «в июле 1860 года, одним из почтенных русских литераторов» и в России не пропущены цензурою. В качестве стихотворения Огарева перепеч.: Бродский, стр. 46, и затем в изд.: Н. П. Огарев. Избранные стихотворения и поэмы. Под ред. Я. З. Черняка. М., 1938, стр. 43—44. Обе перепечатки — с произвольным заглавием «Гарибальди» и с мелкими неточностями текста. Авторство Огарева ничем не подтверждается: в середине 1861 г. Огареву не было никакой надобности скрывать его; нет также основания не верить редакции «Будущности», сообщившей, что автор — русский писатель, т. е. писатель, живущий в России. Имя Гарибальди и руководимое им национально-освободительное движение были очень популярны в России в 1860-х годах и сплошь и рядом использовались в статьях и стихах в качестве псевдонимного обозначения России. (См. статью В. Е. Невлера «Джузеппе Гарибальди и прогрессивные деятели России». «Вопросы истории», 1957, № 7, стр. 71—86). *Ты выждал час судьбой храним.* В начале 1861 г., воспользовавшись революционным восстанием в Венгрии, Гарибальди предпринял попытку освобождения Венеции из-под австрийского ига; экспедиция окончилась неудачей: Гарибальди был ранен и взят в плен.

Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым
Брюссель—Лондон. 1862—1864

См. стр. 737.

<Н. П. Поггенполю> (стр. 170). Впервые — «Листок...», 1863, 12 (24) ноября, № 15, стр. 120, со следующим ироническим введением П. В. Долгорукова: «Нам присланы с просьбою напечатать стихи в честь газеты «Le Nord», газеты, столь известной своей независимостью, своим беспристрастием и своим бескорыстием». Впервые полностью, с некоторыми вариантами — «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых». М., 1930, стр. 300. *Погань поля* — Поггенполь

Николай Петрович (1824—1894), редактор полуофициозного правительственного органа «Le Nord» (выходил в Брюсселе в 1863—1865 гг. и в 1868—1871 гг.). Газета была основана на деньги русского правительства, хотя называла себя независимым органом. Задача газеты заключалась в обработке в нужном правительству направлении общественного мнения Запада. Правительство было явно не прочь противопоставить «Le Nord» «Колоколу». Вначале официозность газеты всячески скрывалась, а внешний либерализм ее простирался до того, что Поггенполь собирался предложить участие в газете и Герцену. «Скажи Мельгунову, чтобы он отсоветовал Поггенполю предлагать мне участие; я ему напишу в ответ дерзкое письмо. Это самый подлейший орган и с каждым номером хуже и хуже ..» — писал Герцен Тургеневу 3 декабря 1856 г., т. е. вскоре после начала издания газеты (Герцен. ПСС, т. 8, стр. 362). Материальная база «Nord»'а была плохой. Поггенполь в особой докладной записке правительству (см. Герцен. ПСС, т. 16, стр. 275—277) просил выплачивать ему ежегодную субсидию. «Если «Nord» погибнет, — писал в заключение редактор, — останется «Cloche» Герцена...» Субсидия, однако, дана не была.

Русский пролетарий (стр. 170). Впервые — «Сборник статей...», стр. 139—142. Перепеч.: «Листок...», 1864, 14 (26) мая, № 20, стр. 156—157, со следующим редакционным примечанием: «Стихи эти не были пропущены в России цензурою. *Имя сочинителя нам неизвестно,* а получили мы это стихотворение от одного из наших знакомых, никогда стихов не писавшего». И. Г. Ямпольским установлено, что автор стихотворения Михаил Павлович *Розенгейм* (1820—1887), видный представитель умеренно-либерального «обличительства» 1860-х годов, и что стихотворение предназначалось для газеты «Наше время», издававшейся в Москве в 1861—1863 гг.

Садоводство (стр. 174). Впервые — «Сборник статей...», стр. 151—155. Перепеч. с вариантами: «Листок...», 1864, 11 (23) июня, № 21, стр. 162—163. В сноске то же примечание, что и при стихотворении «Русский пролетарий». Стихотворение предназначалось для газеты «Наше время» (ЦГИАЛ, собрание корректур, № 67). В стихотворении прикровенно изображены оживление и надежды первых лет царствования Александра II (строфы 6—10), позиция «садовника», «барина важного», т. е. Александра II, и реакция, возглавляемая придворной камарильей (строфы 11—14).

Овцы (стр. 177). Впервые — «Сборник статей...», стр. 188—189 (без заглавия). Перепеч.: «Листок...», 1864, 16 (28) августа, № 22, стр. 171—172, со следующим редакционным примечанием, относящимся к этому и следующим четырем стихотворениям: «Печатаемые здесь стихотворения не были в России пропущены цензурою. Имена их сочинителей нам неизвестны, а доставлены они нам знакомым, никогда стихов не писавшим». И. Г. Ямпольским установлено, что стихотворение предназначалось для журнала «Гудок».

В з г л я д на природу (стр. 178). Впервые — «Сборник статей...», стр. 172—173 и одновременно «Искра», 1862, 19 октября, № 40, стр. 536; с вариантами — <П. И. Вейнберг.> Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова. СПб., 1863, стр. 67—68; с перестановкой строф 4—5 — «Листок...», 1864, 16 (28) августа, № 22, стр. 172. П. В. Долгоруков, вероятно, не знал о том, что стихотворение было уже раньше легально напечатано в России. Его цензурную историю см. ПИ, т. 2, стр. 959. Запрещенное в течение некоторого времени цензурою, напечатанное в секретно изданном «Сборнике статей...» и за рубежом стихотворение стало распространяться в списках в качестве «вольного». *Станиславы И Владимиры и Анны* — ордена. *Ключи... Что блещут На высоких камергерах.* Ключ особого вида — принадлежность формы камергера.

В е л ь м о ж а (стр. 179). Впервые — «Сборник статей...», стр. 169—170. Перепеч. с некоторыми вариантами: «Листок...», 1864, 16 (28) августа, № 22, стр. 172. И. Г. Ямпольским установлено, что автор этого стихотворения — Владимир Григорьевич Тиханович (1843—1862) и что стихотворение предназначалось для «Искры» (см. ПИ, т. 2, стр. 879). *Гамбс* — известный петербургский мебельный мастер. *Мина* (Вильгельмина) Ивановна Буркова — всесильная в течение ряда лет любовница близкого к Николаю I главноуправляющего почтовой частью (1841—1856) и министра двора (1852—1870) ген.-ад. гр. В. Ф. Адлерберга. П. В. Долгоруков уделил ей много места в «Петербургских очерках», см. стр. 737. *Шарлотта.* Этим распространенным немецким именем подчеркнуто немецкое влияние в петербургских придворных кругах. В строфе 7-й очевидно влияние Некрасова.

С т а р и к (стр. 181). Впервые — «Сборник статей...», стр. 183—185. Перепеч. с некоторыми вариантами: «Листок...», 1864, 16 (28) августа, № 22, стр. 172—173. Кроме того, в сборнике есть еще одна строфа, заканчивающая стихотворение и отсутствующая в «Листке...»:

Зато слывем мы в дураках;
Об нас кричат, как об отсталых,
Плутах, ворах больших и малых.
Тьму пишут плутней небывалых
Об ком? — *об нас, об стариках...*

И. Г. Ямпольским установлено, что стихотворение предназначалось для «Петербургского вестника».

Ю н о ш е (стр. 183). Впервые — «Сборник статей...», стр. 173—174. Перепеч.: «Листок...», 1864, 16 (28) августа, № 22, стр. 173, под заглавием: «К N. N.». Предназначалось для газеты «День» — органа славянофилов, издававшегося в Москве в 1861—1865 гг., — и запрещено цензурою 15 апреля 1862 г. (ЦГИАЛ, собрание корректур, № 69). И. Г. Ямпольским указано, что в корректуре дата — 1847; содержание стихотворения позволяет считать эту дату неисправленной опечаткой.

Н. П. Огарев. Восточный вопрос в панораме. Рифмованные строчки
Женева. 1869
(стр. 185)

Впервые — отдельной брошюрой: «Восточный вопрос в панораме. Рифмованные строчки». Женева, Imprimerie russe de Londres, 1869. Поэма была послана в письме от 20 января (1 февраля) 1869 г. на имя Лизы Герцен (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 511). Началом поэмы («приступом») Герцен остался недоволен (ЛН, № 65, 1958, стр. 701). В ответ Огарев в письме от 25 января (6 февраля) писал: «Выбрось в поэме первые 4 стиха и начинай просто: «Небось, небось, мои боярыни и баре» (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 513). Так поэма и была напечатана. (Ср. также ЛН, № 65, 1958, стр. 697 и 699). В письме к Герцену от 6 (18) февраля 1869 г. Огарев сообщал ему, что читал П. И. Бларамбергу «Восточный вопрос»: «Он говорит (да это вдобавок мое мнение), что это надо напечатать сейчас или никогда» (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 522). Герцен 9 (21) февраля отвечал: «Разумеется, что твои стихи надобно печатать теперь или не печатать — даже и теперь поздновато... Печатай si piace <если угодно>. Но куда пойдет?» (Герцен. ПСС, т. 21, стр. 297). 11 (23) февраля Огарев извещал Герцена, что «памфлет мой сегодня отдам печатать, ибо уверен, что он даже так нелеп, что разойдется» (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 524). Заграничный агент III Отделения К. А. Роман (Н. В. Постников) в донесении от 22 октября (3 ноября) 1869 г. сообщал, что Огарев поднес ему в подарок названную брошюру (Р. Кантор. В погоне за Нечаевым. Л., 1927, стр. 47). Брошюра печаталась в конце февраля 1869 г. (см. ЛН, № 39—40, 1941, стр. 524). *Ектенья* — особая молитва, возглашаемая с амвона дьяконом или священником. *Что мне их Крит али бо Фракия?* — спорные территории, принадлежавшие в то время Греции; в числе претендентов на них была и Франция. Потому эти слова и произносит Наполеон III. В 1868 г. Крит отошел к Турции. *У меня жена Евгения* — Евгения де Монтихо (1826—1920), жена Наполеона III. *Я, говорит, за Рейном ему дам хлопштоса* — намек на подготовлявшуюся Бисмарком франко-прусскую войну, начатую в 1870 г. *Да кто б и Австрию хватил* и т. д. Об австро-прусской войне 1866 г., закончившейся поражением Австрии. *У меня в комочек свернулась и Дания.* Датско-прусская война 1864 г. окончилась серьезным поражением Дании, потерявшей несколько провинций. *У меня король Фридрих вошел в леты* — Фридрих III (1831—1888), кронпринц, а затем король прусский и император германский. *А сам я хоть и граф, но настоящий король.* Огарев имеет в виду исключительное влияние Бисмарка на дела Германии. *Франц-Осип* — австрийский император в 1848—1916 гг.; Огарев отмечает стремление порабощенных австрийской реакцией народов отделиться от «лоскутной» империи. *Потерял святого Марку,* т. е. Венецию (св. Марк считался покровителем Венеции), отошедшую к Италии в 1866 г. *Славяне к России тянут.* Галиция стремилась к воссоединению с Россией, Чехия ориентировалась на Россию в путях развития своей культуры. *Фон Бейст* Фридрих (1809—1886) — министр иностранных

дел и канцлер Австрии в 1866—1871 гг. *Виктор-Эммануил II* (1820—1878) — король сардинский, потом итальянский с 1861 г. *Гладстон* Вильям (1809—1898) — английский премьер-министр (1868—1874). *Сама королева* — Виктория, королева Великобритании (1837—1901). *Александр Николаевич, всех дел вершитель* — Александр II. *Грекам обещаний надам выше тополя.* Речь идет об обещаниях Александра II дипломатической помощи грекам в их борьбе с турками на конференции держав по греческому вопросу в Париже в 1869 г. *Не забыл Севастополя,* т. е. поражения России в Крымской кампании 1854—1855 гг. *Греческий король* — Георг I, король в 1863—1913 гг. *Да вот и султан* — Абдул-Азис, султан в 1861—1876 гг. *Голос... у Краевского* — игра слов: газета «Голос» издавалась в 1863—1884 гг. А. А. Краевским, см. о нем стр. 715.

Н. П. Огарев. Мужичкам
Женева. 1869

(стр. 189)

Впервые — в виде листовки, Женева, тип. Л. Чернецкого, 1869. Обоснование даты и авторства Огарева — ЛН, № 61, 1953, стр. 590 и 598 (там же, стр. 587 — фототипия).

Н. П. Огарев. Гой, ребята, люди русские!
Женева. 1869

(стр. 190)

Впервые — в виде листовки, Женева, тип. Л. Чернецкого, 1869. Существует два варианта этого издания, отличающиеся друг от друга форматом. Небольшие отрывки в легальной печати были приведены в статье К. А<лябье>ва «Шутовство русской эмиграции» («Голос», 1870, 6 июня, № 154, стр. 1—2). Обоснование авторства Огарева — ЛН, № 41—42, 1941, стр. 129—131. *Мы расправу учинить должны.* Слово «расправа», употребленное здесь и дальше, обычно для нечаевской группы («Комитет народной расправы», журнал «Народная расправа» и др.) *Услыхал о том Стенька Разин сам.* В народе существовало предание о том, что Разин жив и скрывается до поры до времени. В революционно-пропагандистской литературе 1860—1870-х годов имя Степана Разина было неоднократно использовано. *Трепов* Федор Федорович (1803—1889) — петербургский градоначальник в 1868—1878 гг.

Н. П. Огарев. Встреча. (Посвящено духовенству)
Женева. 1869

(стр. 194)

Впервые — в виде листовки, Женева, тип. Л. Чернецкого, 1869. Автограф — в ЦГАЛИ. Обоснование даты и авторства Огарева — ЛН, № 61, 1953, стр. 590—592 (факсимиле л. 1 рукописи — там же, стр. 591).

Н. П. Огарев. Напутствие
Женева. 1869

(стр. 195)

Впервые — Н. П. Огарев. Стихотворения. Лондон, 1858, стр. 409. Печ. по тексту выпущенной С. Г. Нечаевым в Женеве в сентябре 1869 г. одноименной листовки. Перепеч.: Л II. Здесь текст стихотворения отличен от лондонского изд. лишь в рифмующихся словах 14-й и 16-й строк (ранее было «дикой» и «великой» — изменение, очевидно, произведенное самим Огаревым, жившим в это время в Женеве и связанным с Нечаевым). В тексте листовки снято указание на источник эпиграфа — Евангелие, которое было в лондонском изд. В прозаическом тексте, предшествующем стихотворному и также написанном Огаревым, разъясняется, что «немудрыми» называются крестьяне и мещане. Огарев призывает немудрых сплотиться и совместно с солдатскою массою и передовою молодежью поднять восстание против самодержавия. В литературе отмечалось, что стихотворение использует форму пушкинского «Пророка», особенно его последнюю строфу (Н. П. Огарев. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1938, стр. 336).

Н. П. Огарев. Студент
Женева. 1869

(стр. 196)

Впервые — в виде листовки. Женева, тип. Л. Чернецкого, 1869. Стихотворение имеет длинную и примечательную историю. Написанное, по-видимому, в 1868 г., оно было посвящено памяти скончавшегося 24 декабря 1866 г. приятеля, Сергея Ивановича Астракова. Перепечатывая стихотворение в 1869 г., М. Драгоманов имел перед собою его оригинал с посвящением С. И. Астракову. Однако на оригинале стихотворения М. А. Бакунин написал: «Великолепно, а лучше бы, полезнее для дела было бы, если бы, заместо памяти Астракова, ты посвятил это стихотворение молодому другу Нечаеву» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 373). Огарев согласился с этим предложением (хотя оно и противоречило содержанию, ибо Нечаев был еще жив), и стихотворение с посвящением «Молодому другу Нечаеву» было отпечатано в Женеве в виде листовки не позднее сентября 1869 г. С. Серебренников прямо утверждает, что Нечаев находит «у Огарева заброшенное стихотворение, подправляет последнее прилично случаю, что Нечаев погиб на каторге после ужасных пыток, печатает это стихотворение с именем Огарева и пускает в свет как средство агитации» («Брошюра о Нечаеве». КиС, 1934, № 3, стр. 36). Листовка распространялась Нечаевым при его приезде в Москву в сентябре 1869 г. Она была отобрана при обыске у П. Г. Успенского. А. К. Кузнецов давал ее списывать П. А. Топоркову и В. И. Святскому («Правительственный вестник», 1871,

2 июля, № 156, стр. 2, и В. И. Засулич. Воспоминания. М., 1931, стр. 40). Любопытно, что В. Д. Спасович в речи по нечаевскому делу (он был защитником Алексея Кузнецова) интерпретирует это стихотворение как посвященное Огаревым именно Нечаеву. Впрочем, он склонен был отрицать авторство Огарева: «...стихи эти до такой степени слабы и плохи... они скорее суздальское изделие, отпечатанное подпольно... в Москве — С.-Петербурге» и т. д. («Правительственный вестник», 1871, 2 июля, № 156 и сл.). Стихотворение с посвящением Нечаеву стало известно Достоевскому и было использовано им в «Бесах». В гл. 6, ч. 2 Петр Верховенский читает стихотворение «Светлая личность» — пародию на огаревского «Студента», которую якобы написал сам Герцен и посвятил Шатову. Тексту стихотворения в романе Достоевского сопутствует ряд намеков о «прокламации, очевидно, заграничной печати», о «светлой личности» и о некоем «студенте». Текст «Светлой личности», так же как и текст «Студента», неожиданно оказался использованным революционерами для своих целей, и это вызвало в конце 1874 г. обращение начальника III Отделения Потапова к министру внутренних дел Тимашеву. Последний в своем ответе Потапову (16 декабря 1874 г.) резонно замечал, что «на означенное стихотворение <Достоевского> не было обращено цензурой особого внимания... потому что оно было напечатано в «Русском вестнике» не отдельно, в каковом виде оно действительно не могло быть терпимо в русской печати, а помещено в романе «Бесы» как документ, характеризующий образ мыслей и приемы зловредных пропагандистов. В романе этом изображается, с обличительною, вполне похвальною и полезною целью, кружок революционных агитаторов в одном губернском городе, распространявших, между прочим, возмутительные листки, и приведен как образчик один из таких листков заграничного издания, заключавший означенное стихотворение». См. об этом статью Ю. Г. Оксмана «Судьба одной пародии Достоевского» (КА, т. 3, 1923, стр. 301—303). Это стихотворение Огарева было известно Марксу и Энгельсу («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 4. М., 1929, стр. 383). Стихи Огарева вызвали довольно холодный отзыв Герцена в письме к автору от 20 августа (1 сентября) 1869 г. «Стихи, разумеется, благородны — но того звучного порыва, как давали твои стихи, caro mio <дорогой мой>, нет. Exempli gratia <например> «Свобода»...» (ЛН, № 65, 1958, стр. 733, ср. стр. 736).

Вольный песенник. Вып. I—II
Женева. 1870

Это очень редкое издание было выпущено в Женеве в типографии Л. Чернецкого в конце 1869 или, скорее, в начале 1870 г. «Вольный песенник» не фигурирует среди нечаевских изданий в процессе нечаевцев; следовательно, его не было у Нечаева в его приезд в Москву в сентябре 1869 г. Скорее всего, он был составлен после второго отъезда Нечаева за границу. В качестве недавно появившихся, оба выпуска упомянуты в статье К. А<лябье>ва «Шутовство русской эмиграции» («Голос», 1870, 6 июня, № 154), датированной: «Женева. 20 мая». Составителем сборника был, ско-

рее всего, Огарев (см. ЛН, № 61, 1953, стр. 595—596); кроме того, в сборник включено несколько его стихотворений и переделок стихотворений других авторов. Всего в оба выпуска включено 30 стихотворений; они были отобраны из РПЛ (15) и СРП (10), одно представляет собою произведенную, конечно самим Огаревым, переделку его старого стихотворения и 4 напечатаны впервые — два из них опять-таки принадлежат Огареву, а два других тоже, может быть, написаны им. Сборник был рассчитан на широкое распространение в агитационных целях; исходя из этого, редактор брал отрывки одних или переделывал старые стихотворения. Так, из большого стихотворения Добролюбова «На смерть помещика Оленина» взяты только пять строф из середины (ст. 145—164), из напечатанного в РПЛ «Разговора в 1849 году» были взяты и переработаны два отрывка: «Царя Алексашу...» и «Царь — отечества отец...» (Я. З. Черняк предполагает, что автор переделки — Огарев. ЛН, № 61, 1953, стр. 595—596). Из «Торжества смерти» В. С. Печерина взяты и соединены в одно целое песни «Старика» и «Старухи» о «пеньковых галстучках», которые готовятся на «головушки удалые» — возможно, что и эта контаминация была совершена Огаревым.

«Обманул нас царь свободой...» (стр. 197). Впервые — ВП I, стр. 1—2. Автор не установлен, А. А. Шилов допускал авторство С. Г. Нечаева, но эта гипотеза остается недоказанной.

«Царя Алексашу...» (стр. 198). Впервые — ВП I, стр. 12—13. Стихотворение представляет собою монтаж напечатанного в РПЛ (стр. 370—374) отрывка из «Разговора в 1849 году». В текст введены ст. 1—2 о царе «Алексаше» и снята после ст. 28 реплика Николая I. В остальном текст остался неизменным; в «Разговоре...» эти стихи произносит обер-прокурор синода гр. Н. А. Протасов. О возможном авторе «Разговора...» и редакторе, создавшем этот агитационный вариант, Н. П. Огареве, см.: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы. Л., 1956, стр. 903. *Царь Алексаша* — Александр II. *Его супруга* — Мария Александровна (1824—1880).

Надгробное (стр. 199). Впервые — ВП II, стр. 20—22. Обоснование авторства Огарева — ЛН, № 61, 1953, стр. 589 и 598. *Накануне именно Царских именин.* Стихотворение написано на смерть М. Н. Муравьева («Вешателя»), скончавшегося в ночь с 28 на 29 августа 1866 г., накануне именин царя. *Андрей с брильянтами.* Орден Андрея Первозванного был пожалован Муравьеву в день его смерти.

Царские указы (стр. 200). Впервые — ВП II, стр. 22—23. Обоснование авторства Огарева — ЛН, № 61, 1953, стр. 589 и 598. В стихотворении использована форма стихотворения Лермонтова «Есть речи — значенье...». Стихи Лермонтова использовались Огаревым неоднократно («Песня русской няньки у постели барского ребенка», «Спи, потомок благородья...» и др.). Точно так же у Некрасова и некоторых других поэтов революционно-демократического лагеря стихи Лермонтова использовались для перепева в качестве одного из методов преодоления канонов дворянской эстетики.

«Царь, дворяне да попы...» (стр. 201). Впервые — ВП II, стр. 24—25.

Мысль россиянина при чтении указа о воле (стр. 202). Впервые — ВП II, стр. 26—27. Автопереработка стихотворения Огарева 1863 г. «Мысли россиянина при чтении указа о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам в Западных четырех губерниях и четырех уездах», напечатанного в ОВ (см. стр. 152). Огарев существенно переработал стихотворение (вместо 153 стихов — 22); слив каждые две строки в одну и тем изменив ритм (вместо трехстопного — шестистопный хорей) и главное — устранив конкретный повод написания старого стихотворения, он придал ему общий смысл борьбы за волю: для этого пригодились лишь первые две части старого стихотворения.

«Царь — отечества отец...» (стр. 203). Впервые — ВП II, стр. 30. Несколько сокращенный вариант напечатанного в РПЛ отрывка из «Разговора в 1849 году» — монтаж реплик министра финансов М. П. Врончено, министра императорского двора П. М. Волконского и Николая I. Новыми здесь являются лишь стихи 15—16 и отчасти стихи 25—26. Можно думать, что автор этого монтажа — Огарев (ср. соображения Я. З. Черняка. ЛН, № 61, 1953, стр. 595—596). *Гроши сгибли на дворец* — на восстановление пострадавшего от пожара в 1837 г. Зимнего дворца в Петербурге. *И на невский мост* — Благовещенский, потом Николаевский мост (ныне им. лейтенанта Шмидта), строившийся в 1842—1850 гг. *Главный над путями* — П. А. Клейнмихель, см. стр. 719. *На венгерца прут, За австрийца мрут.* В 1849 г. русские войска участвовали в подавлении революции в Венгрии.

Н. П. Огарев. Размышления русского унтер-офицера перед походом
Женева. 1870

(стр. 205)

Впервые — в виде листовки: Женева, тип. Л. Чернецкого, 1870. В донесении от 13 (25) октября 1870 г. из Женевы заграничный агент III Отделения К. А. Роман (Н. В. Постников), посылая названную листовку, писал: «Имею честь представить при сем один экземпляр стихов, написанных Огаревым, о которых я вас предупреждал. Они только что отпечатаны и на днях будут из типографии переданы Огареву... Стихи отпечатаны в количестве 1000 экз. Я обязываюсь просить распоряжения по поводу сих стихов, как можно секретнее, чтобы не догадались здесь. А. Р. P. S. Точки означают цинические выражения» <следует расшифровка последних строк 2-й и 4-й строф> (см. Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937, стр. 262—263). А. Г. Цейтлин отметил в этом стихотворении влияние агитационных песен Рылеева (Творчество Рылеева. М., 1955, стр. 205—206).

Н. П. Огарев. Песня русской няньки у постели барского ребенка
Женева. 1871

(стр. 207)

Впервые — в виде листовки: Женева, тип. Эльпидина, 1871, ноябрь. Впервые полностью — Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. 1. Л., 1937, стр. 261—265. По-видимому, именно эта листовка была отобрана при обыске в Костроме 8 июня 1878 г. у чертежника Шипова. Она была дана ему А. Ф. Лаговским, который, в свою очередь, получил ее от кого-то (в 1877 г.?) в Петербурге в бытность студентом Технологического института (ЦГИАЛ, фонд 1410, оп. 1, № 154). У нас нет полной уверенности, что эта листовка тождественна с изданной в 1871 г. в Женеве: сравнить ее с каким-либо другим экземпляром не удалось (см.: «Русская подпольная и зарубежная печать...», вып. 1. М., 1935, стр. 200). Мотивы подражания Лермонтову у Огарева те же, что у Некрасова в его пародии-перепеве 1846 г. («Колыбельная песня»), но не связанный цензурою текст Огарева значительно резче.

Собрание запрещенных стихов и прозы. 1865—1876 (?) «Лютня». Собрание свободных русских песен и стихотворений
Лейпциг. 1896—1897

История изданий: «Собрание запрещенных стихов и прозы» и «Лютня» остается до сих пор невыясненной. Об их издателе Э. Л. Каспровиче почти никаких сведений собрать не удалось. Как видно из опубликованных М. К. Лемке материалов, уроженец Галиции Эразм Лука Каспрович в 1866 и 1875 гг. пытался завязать связи с III Отделением; его попытки получить субсидию не увенчались успехом, но возможно, что какие-то связи с III Отделением все же существовали (Герцен. ПСС, т. 14, стр. 609—610; т. 18, стр. 430—431). На том основании, что издания Каспровича имели коммерческий характер, историки русского революционного движения склонны преуменьшать или даже вовсе отрицать ценность этих сборников. Такое мнение представляется неправильным. В ряде изданий и переизданий (всего около двадцати названий) русский читатель получил несколько сот стихотворений, из которых часть была напечатана впервые, а перепечатка остальных способствовала их широкому распространению. Есть предположение, что «Лютня» издавалась при более или менее близком участии Н. В. Гербеля (сообщение Б. П. Козьмина).

Источником текстов названных сборников были ПЗ, К, РПЛ и другие издания Герцена — Огарева. Впрочем, несовпадения некоторых текстов позволяют думать, что издатель пользовался также и какими-то списками. Редакционная работа (если только она имела место) была крайне небрежна: издатель не замечал, что под различными заглавиями скрывались сходные тексты, — в итоге ода Пушкина «Вольность», «Не слышно шуму городского...» Ф. Н. Глинки, «Послания» неизвестного автора, «Когда наш Новго-

род великий...» М. А. Дмитриева и некоторые другие были повторены дважды, указания авторства порою были неверны (Пушкину приписано «Боже, царя храни...», Рылееву — «Не слышно шуму городского...»), заглавия нередко были совершенно произвольные, текст пестрел опечатками и явными небрежностями, порядок расположения стихотворений был совершенно случайный, под названием «вольных» в сборниках то и дело печатались стихотворения совершенно легальные (иногда религиозные), напечатанные уже в России, и т. д. Несмотря на все отмеченные дефекты, «Собрание запрещенных стихов и прозы» и «Лютня» сыграли определенную роль в истории «вольной» русской поэзии. Наибольшее место в сборниках занимали произведения авторов, относящихся к первой половине XIX в.: Вяземского, Давыдова, Одоевского, Печерина, Полежаева, Пушкина, Рылеева, Языкова. Вторая половина была представлена именами Добролюбова, Курочкина, Лаврова, Михайлова, Некрасова, Огарева.

Годовщина (стр. 209). Впервые — СЗСиП, стр. 3—5. Перепеч.: Л I, Л II и Л V. Впервые полностью в русской печати — «Книга и революция», 1922, № 3 (15), стр. 37—38. *18 февраля 1856 года* — годовщина смерти Николая I. *И девка грязная, любовница министра* — М. И. Буркова, см. стр. 740.

На 50-летний юбилей его превосходительства Н. И. Греча (стр. 212). Впервые — СЗСиП, стр. 8—13. Перепеч.: Л II. Впервые полностью — Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 213—217. По указанию М. И. Шемановского, «это стихотворение разослано было во все редакции и самому Гречу, который получил его, находясь уже за своим юбилейным обеденным столом» (ЛН, № 25—26, 1936, стр. 273). Юбилей Н. И. Греча был отпразднован 27 декабря 1854 г. Стихотворение Добролюбова написано, очевидно, незадолго до него, когда в газетах уже было объявлено о готовящемся торжестве. *Достигли вы до генеральства.* Чин действительного статского советника Греч получил еще в 1838 г. *В своих грамматиках* и т. д. Гречу принадлежит ряд учебников по русской грамматике: «Начальная русская грамматика», «Краткая русская грамматика», «Практическая русская грамматика», «Учебная русская грамматика» и т. д. *Вы в географии мешали Восток и Запад меж собой.* В 1838 г. Греч издал «Учебную всеобщую географию». *Фаддея с Гоголем равняли* и т. д. В «Учебной книге русской словесности» (изд. 3, СПб., 1844) Гречем были подряд приведены отрывки из Гоголя и из Булгарина. *Вы и в истории нам дали* и т. д. Имеется в виду изданная Гречем книга К. Ф. Беккер. Всемирная история, пер. с немецкого, чч. 1—7. СПб., 1843—1849. *Заслуг таких не мог, конечно, Ваш добрый барин позабыть* и т. д. Имеется в виду опубликованное в газетах сообщение о том, что Николай I разрешил отпраздновать юбилей Греча. *В патриотическом журнале.* В 1812 г. Греч начал издание «Сына отечества». *С другим мошенником связавшись* — с Ф. В. Булгариным. *Всё к вам сошлось в газете вашей.* С 1825 г. Греч и Булгарин издавали «Северную пчелу». *Князь Вяземский поэт продажный.* В 1820—1830-е годы Вяземский был врагом бул-

гаринской группы, но в 50-е годы он, совершив длинный путь эволюции, оказался в лагере реакции; с 1885 г. он товарищ министра народного просвещения. Белинский в письме к Гоголю назвал его «князем в аристократии и холопом в литературе». *Брант* Леопольд Васильевич — реакционный критик, журналист и беллетрист, один из основных сотрудников «Северной пчелы». *Зотов* Рафаил Михайлович (1795—1871) — романист, драматург и переводчик, зло осмеянный еще Белинским. *Масальский* Константин Петрович (1802—1861) — романист консервативного лагеря. *Розен — тот, кому доныне Под лад язык наш не дался.* Немец по происхождению, барон Егор Федорович Розен (1800—1860) — поэт, драматург, журналист и критик реакционного лагеря — был постоянной мишенью насмешек за плохое знание русского языка. *Сушков* Николай Васильевич (1796—1871) — бездарный драматург и поэт. *А. А. А.* Может быть, Добролюбов имеет в виду коллективный псевдоним в «Морском сборнике» 1848 г. А. П. Соколова, А. В. Фрейганга и А. А. Храмцова. (См. И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов..., т. 1. М., 1956, стр. 29.) *Я. Я. Я.* — псевдоним Л. В. Бранта. *Тряпичкиных задел.* Тряпичкин упоминается в комедии Гоголя «Ревизор». *Взялись чиновные друзья* и т. д. Инициаторами и распорядителями юбилея были: адмирал П. И. Рикорд, генерал-адъютант Я. И. Ростовцев, тайные советники А. М. Княжевич, В. И. Панаев и граф Ф. П. Толстой. *Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым И с Гоголем век другом был* и т. д. — вероятно, П. А. Плетнев. *И ты остался лишь с толпою Писак да нескольких людей.* Прогрессивные писатели демонстративно игнорировали юбилей Греча.

Биография благородного человека (стр. 217). Впервые — СЗСиП, стр. 16—20. Перепеч.: Л II. *Брашно* (древнеслав.) — яство, еда.

Предопределение (стр. 221). Впервые — СЗСиП, стр. 24—26. Стихи 35, 40, 44 и 48 дефектны, исправляем их по другим спискам и по смыслу. Об авторстве Лаврова см.: Н. С. Русанов. «П. Л. Лавров». Б, 1907, № 2, стр. 251—252.

Часовые (стр. 222). Впервые — СЗСиП, стр. 30—32. Перепеч.: Л II. *В. Г. Б.* — очевидно, В. Г. Белинский.

Новому царю (стр. 224). Впервые — СЗСиП, стр. 78—80. Это стихотворение было широко распространено в списках, один из них в отрывке (ст. 1, 61—64) цитирует Е. А. Штакеншнейдер 15 мая 1858 г. (Дневник и записки. М. — Л., 1934, стр. 209), отрывок из другого приведен в Б (1906, № 8, стр. 37), где процитированы ст. 87—92 и приведены еще 4, заканчивающие стихотворение и необходимые по смыслу и построению (16-строчными строфами). Они, очевидно, были случайно пропущены в СЗСиП, поэтому вводим их в текст. В «Софийской» коллекции Академии наук СССР есть еще один список этого стихотворения (в нем 96 ст.) с аналогичным окончанием (см. ЛН, № 63, 1956, стр. 192—194). На нем сверху рукою Герцена написано: «Начало очень хорошо». Заглавие: «На празднества, бывшие в Москве по случаю

коронации императора Александра II в августе и сентябре 1856 года». *Гордой Франции презренный повелитель* — Наполеон III. *Тюльери* — дворец в Париже, резиденция королей.

Верх премудрости (стр. 227). Впервые — Л I, стр. 47. Перепеч.: Л V.

О цензуре (стр. 228). Впервые — «Современность» (Женева), 1868, № 2, май, стр. 30—32. Под авторским заглавием: «Природа, вино и любовь» — «Отечественные записки», 1868, № 8, стр. 321—323 (подпись: «В. К.», в оглавлении тома — «В. Курочкин»). Текст «Современности» перепеч.: Л I и Л V. Стихотворение предназначалось для «Искры» в 1863 г., но было запрещено цензурою. См. ПИ, т. 1, стр. 758.

А. А. Навроцкий. Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин
Женева. 1872
(стр. 230)

Издание было осуществлено петербургским кружком чайковцев (о нем см. Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, стр. 355—356). Напечатанная перед тем в «Вестнике Европы» (1871, № 5) «драматическая хроника» А. А. Навроцкого «Стенька Разин» была переиздана анонимно, с некоторыми изменениями текста. Эта брошюра свыше 15 раз упомянута в обвинительном акте по «процессу 193-х». В одном из задержанных в 1874 г. транспортов было обнаружено 155 экземпляров брошюры (В. Богучарский, т. 3, стр. 138).

«Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» (стр. 230). Впервые — «Вестник Европы», 1870, № 12, стр. 574—575 под заглавием: «Утес Стеньки Разина», с подписью — «Н. А. Вроцкий». Перепеч.: «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин». Женева, 1872 — в качестве концовки драматической хроники, авторское заглавие которой — «Стенька Разин». Автор стихотворения Навроцкий Александр Александрович (1839—1914) — генерал-лейтенант, крупный чиновник военно-судебного ведомства, ставший в 1903 г. одним из учредителей первой черносотенной организации «Русское собрание». Как беллетрист Навроцкий выступал в печати с 1869 г. в качестве автора многочисленных исторических романов, драм, сказаний и стихотворений. В 1879—1882 гг. он редактировал консервативный журнал «Русская речь», где напечатал целый ряд статей на политические и общественные темы; впоследствии выпустил ряд листовок, обращений к молодежи. Из всего его литературного наследия сохранили свое значение только три стихотворения, по иронии судьбы многократно использованные в целях революционной пропаганды. Стихотворение «Есть на Волге утес...» до самого последнего времени пользовалось популярностью в среде молодежи. Стихотворение за его революционный пафос очень

любил А. И. Ульянов (А. И. Елизарова-Ульянова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1931, стр. 45). Стихотворение прочно вошло в русский песенный репертуар. В основе драматической хроники Навроцкого «Стенька Разин» лежит идеализированное представление о его образе, восходящее к монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858). Характерное для революционных групп 1870-х годов прославление подвига Разина содержится, между прочим, в анонимной статье «Песни о Степане Разине» в журнале «Работник» (Женева, 1875, март, № 3, стр. 1—4).

Песенник
Женева. 1873

Этот сборник подготовлен петербургским кружком чайковцев и издан в Женеве в 1873 г. Составлен он, скорее всего, Д. А. Клеменцем (см. Богучарский, т. 3, стр. 16—22); о том же есть прямое указание Н. А. Морозова («Повести...», т. 1, стр. 286); вероятно, по ошибке он сообщает, что в книжке 16 страниц; на самом деле — 22. О месте издания и издателях см.: П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. Л., 1925, стр. 37. На обороте титульного листа — фиктивное обозначение: «Дозволено цензурою. Москва. 8 января 1873 года. Губернская типография». Заграничной типографией чайковцев заведовали: в 1871—1872 гг. В. М. Александров (1849—18??), а потом Л. Б. Гольденберг-Гетройтман (ок. 1846—1915; см. Морозов, т. 1, стр. 162 и 403—413). Большая часть вошедших в сборник стихотворений — подражания народным песням; другие написаны на голос песен солдатских и крестьянских — этим определяется и намеченный издателями круг возможных читателей. Из 9 стихотворений — 7 перепечатано: 1 — из РПЛ, 1 — из К, 2 — из СП, 3 — из СРП. П был самым широким образом использован в революционной пропаганде 1870-х годов — обвинительный акт по «делу 193-х» упоминает это издание свыше 40 раз; число обращавшихся экземпляров, упоминаемых в этом акте, доходит до 200 — на самом деле их было гораздо больше (Богучарский, т. 3, стр. 1—243 и сл.).

Воля-матушка (стр. 232). Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 5, стр. 65—67, в составе драматической хроники «Стенька Разин». Стихотворение находится в 5-й картине хроники. Разин после разговора с пустынником, предсказавшим ему близкую гибель, ужинает среди казаков. Предсказанная ему пустынником участь его пугает. Он говорит:

> Эк, привязалась подлая! Шалишь,
> Не испугаешь! .. Эй, Кирилка, песню!
> Заветную! Про волю! Ну, живей!

Кирилка берет на торбане несколько аккордов и начинает говорком петь песню. С заглавием «Воля-матушка», принадлежащим составителям, перепеч.: П, стр. 11—14, и без заглавия в аноним-

но изданной чайковцами с некоторыми изменениями драматической хронике А. А. Навроцкого «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин» (Женева, 1872, стр. 35—37). Об авторе стихотворения см. стр. 750. Ср. Л. Э. Шишко. Собрание сочинений, т. 4. М., 1918, стр. 207. В основе стихотворения лежит совершенно неверное представление о положении крестьян в Московском государстве, основанное на идеализации так называемого Юрьева дня, когда у крестьян 26 сентября старого стиля (точнее — за неделю до и на неделю позже этой даты), по окончании сельскохозяйственных работ, было право свободного выбора бояр и свободного перехода от одного к другому. Необеспеченность и долги лишали крестьянина фактической возможности воспользоваться этим правом, формально существовавшим до конца XVI в. Юрьевым днем пользовались богатые феодалы, которые, уплатив прежнему хозяину долги крестьянина, переводили его в свою вотчину, обеспечивая себя необходимою рабочею силою.

«То не нá небе туча черная собиралася...» (стр. 234). Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 5, стр. 41—42, в составе драматической хроники «Стенька Разин». Перепеч.: П, стр. 21—22. Стихотворение заканчивает третью картину — пир Разина на струге «Сокол». После того как Разин бросил в Волгу персидскую княжну, он хочет «пляской бешеной» да «песней удалою» потешить «кормилицу реку» и приказывает:

Начинай, Кирилка, плясовую.
Валяй, собака! Глотки не жалей!

Кирилка начинает речитативом, постепенно ускоряя темп под аккомпанемент нескольких музыкантов на разных народных инструментах.

Сборник новых песен и стихов
Женева. 1873

Этот сборник подготовлен петербургским кружком чайковцев и издан в Женеве в 1873 г. Все выходные данные, имеющиеся в книге, вымышленные. Титульный лист: «Сборник новых песен и стихов. Издание пятое. Москва. Отпечатан в типографии Борисова». На обороте титульного листа: «Дозволено цензурою. Москва. Апреля 14-го дня 1873 года».

В отличие от П, СНПиС рассчитан на более квалифицированный состав читателей. Самарские пропагандисты считали сборник «годным исключительно для лиц более или менее развитых, как-то: народных учителей, семинаристов и гимназистов» (Богучарский, т. 3, стр. 84). Н. А. Морозов сообщил А. А. Шилову, что ближайшее участие в составлении этого сборника принимал Д. А. Клеменц — автор ряда стихотворений, включенных в сборник (ср. указание А. В. Низовкина в книге Богучарского, т. 3, стр. 16—22). Сборник был издан не позднее лета 1873 г. Во всяком случае к осени 1873 г. он был уже в распоряжении Н. А. Чарушина и С. С. Синегуба

(Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, чч. 1 и 2. М., 1926, стр. 149), а С. И. Бардина читала его в 1875 г. рабочим фабрики Лазаревых в Москве (М. П. Драгоманов. Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женева, 1877, стр. 7). В одном из пунктов революционной программы — «Способ чтения книжек, какие находит нужным пропагандист» — СНПиС включен в раздел «наиважнейших способов при пропаганде» (Богучарский, т. 2, стр. 157). СНПиС был отпечатан очень большим тиражом. Это подтверждается, в частности, многочисленными упоминаниями о его распространении в обвинительном акте и материалах судебного следствия по «процессу 50-ти» и «193-х» (Богучарский, тт. 2 и 3). При случайном провале одного транспорта в июле 1874 г. было задержано 533 экземпляра (там же, т. 3, стр. 86), всего же число обращавшихся экземпляров, только по упоминаниям в обвинительных актах по этим процессам, доходит до 700, — конечно, тираж был гораздо больше. Из обвинительного акта по «делу 193-х» видно, что сборник был распространен, кроме Петербурга и Москвы, в ряде других городов и губерний. Из 15 стихотворений СНПиС в настоящее издание включено 10. Остальные представляют собою перепечатки из СРП.

Ночь после праздника (стр. 236). Впервые — СНПиС, стр. 3—8. Под этим заглавием перепечатан отрывок из главы «Пьяная ночь» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (впервые появившейся в «Отечественных записках», 1869, № 2, стр. 577—590). Текст СНПиС обработан составителем (Д. А. Клеменцем?) и прежде всего сокращен: из 472 строк оставлены 144. Исправления и вставки нарушают в нескольких случаях размер и искажают рифмовку Некрасова. Полностью текст Некрасова сохранен в ст. 138—155, 161, 165—168, 170, 176, 178—195, 201—220, 223—230, 253—278, 280—300 и 309—324 (нумерация стихов дана по изданию: Н. А. Некрасов, т 3, стр. 188—200). После ст. 161 следует строка для связи: «Какой-то барин с книжкою», отсутствующая у Некрасова. В ст. 164, 169, 177 «Павел» заменен «барином»; в ст. 231, вместо «Бог, царь и господин» — «Царь, поп и господин». В «Отечественных записках» и в издании 1873 г. (т. 3, ч. 5) этот стих отсутствует и был известен, скорее всего, из списков, восходивших, быть может, к какому-то авторитетному или даже авторизованному тексту. Текст публикации СНПиС восходит к «Отечественным запискам».

Дума ткача (стр. 241). Впервые — СНПиС, стр. 9—11. Перепеч.: СиП. Стихотворение, по рассказу Синегуба, было написано им в конце 1872 — начале 1873 г. после посещения им одной из петербургских ткацких фабрик. «Как-то мои друзья ткачи повели меня на фабрику во время работы. Боже мой! какой это ад! В ткацкой с непривычки нет возможности за грохотом машин слышать в двух шагах от человека не только то, что он говорит, но даже, что он кричит. Воздух — невозможный, жара и духота, вонь от людского пота и от масла, которым смазывают станки; от тонкой хлопковой пыли, носящейся в воздухе, в ткацком отделении получается своеобразный вид мглы. И в такой обстановке надо простоять человеку более 10 часов на ногах... Я пробыл на

фабрике не более 2 часов и вышел оттуда весь очумелый и с головной болью. Это мое посещение фабрики вызвало впоследствии появление на свет моего стихотворения «Дума ткача», получившего потом большое распространение среди молодежи и в особенности среди рабочих. Его, кажется, и до сих пор поют и в России, и в Сибири; я слыхал, как его пели в далекой Нишанской тайге, не особенно далеко от Охотского моря» («Воспоминания чайковца». Б, 1906, № 8, стр. 52). В одном из писем Синегуба к Г. А. Мачтету читаем: «В дни юности я сочинил стишину «Дума ткача». В редакции она потерпела провал, но широко распространялась в народе (в Москве, Петербурге, Одессе, Киеве) и среди революционеров» (ЛБ, фонд-162, № 12. Указано Н. В. Осьмаковым). Не вполне ясно, о какой редакции говорит Синегуб, — едва ли речь идет о попытке напечатания стихотворения в легальной печати. Стихотворение Синегуба сохранило популярность почти до дней Октябрьской революции. В конце XIX в. была сложена «Песня ткача», восходящая к тексту Синегуба, но с изменившимся сообразно новым условиям классовой борьбы текстом. Он впервые напечатан в ПБ, стр. 70.

ПЕСНЯ ТКАЧА

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка;
Маслом прогорклым воняет удушливо —
Да, жизнь ткача не легка!

Нитка порвалась в основе канальская,
Эх! распроклятая снасть!
Сколько греха-то ты примешь здесь на душу,
Господи боже, так страсть!

Ах, да зачем же, зачем же вы льетеся,
Горькие слезы, из глаз?
Делу помеха, основу испортите —
Быть мне в ответе за вас!

Как не завидовать главному мастеру,
Что у окошка стоит,
Чай попивает да гладит бородушку!
Видно, душа не болит!

Ласков на взгляд, а пойди к нему вечером —
Станешь работу сдавать,
Он и корит, и бранит, и ругается,
Всё норовит браковать.

Всё норовит, чтоб поменьше досталося
Нашему брату ткачу.
Эх! Главный мастер, хозяин, надсмотрщик,
Жить ведь я тоже хочу!

В литературе известны и более поздние стихотворения на ту же тему: см., например, написанное М. Моисеенко и Г. Штрипаном в 1879 г. стихотворение «Ткачи» (П. Моисеенко. Воспоминания. М., 1924, стр. 34—35).

Разговор на железной дороге (стр. 243). Впервые — «Современник», 1865, № 10, стр. 547—552, без последних 4-х строк. Полный текст в изд.: Н. А. Некрасов. Стихотворения, ч. 4. СПб., 1869, стр. 129—137. К этому изданию и восходит текст СНПиС, стр. 16—20. Стихотворение представляет собой переработку «Железной дороги»: сняты ст. 1—16, 25—28 (это четверостишие впервые появилось лишь в изд.: Стихотворения, т. 2, ч. 4. СПб., 1873, стр. 128), 61—62, 81 и 89—112; ст. 17, 18, 31, 57 переделаны; ст. 43 разбит на два введением отсутствующего у Некрасова обозначения «Песнь мертвецов»; в ст. 82 введено в начале — «Да»; вместо первой половины ст. 116 («Светлую сторону...») — «Веселье и счастье крестьян». Нумерация стихов дана по изд.: Н. А. Некрасов, т. 2, стр. 202—206. Эпиграф также несколько изменен. Перед текстом стихотворения помещено обширное предисловие, характеризующее взгляды чайковцев.

Свободушка (стр. 248). Впервые — СНПиС, стр. 23—24. Авторство Клеменца документально не доказано, но утверждается традицией. Стихотворение «Свобода-свободушка» (в числе других) было найдено при обыске у учеников Синегуба в ноябре 1873 г. С. С. Синегуб, чтобы не запутывать в дело лишних людей, признал себя автором всех стихотворений. *Клеменц* Дмитрий Александрович (1848—1914) — виднейший деятель русского революционного движения 1870—1880-х годов, один из основателей «Земли и воли», теоретик, пропагандист, автор и редактор изданий нелегальных групп и многочисленных, широко распространенных стихотворений. Впоследствии отошел от непосредственной революционной работы и стал видным ученым — этнографом и директором Этнографического музея в Петербурге. *Синегуб* Сергей Силыч (1851—1907) — также крупный деятель русского революционного движения, в основном связанный с кружком чайковцев. Начал пропагандистскую работу с 1873 г. Наиболее значительные его произведения относятся к периоду 1870—1880-х годов. В обвинительном акте по «делу 193-х» это стихотворение называется: «Свобода», «Свобода-свободушка» и «Волюшка» (Богучарский, т. 3, стр. 1—243, и Б, 1906, № 9, стр. 116, 118). Стихотворение написано на голос народной песни «Лучина-лучинушка»; кроме того, в нем очевидны влияния «Размышлений у парадного подъезда» Некрасова и «Воли-матушки» А. А. Навроцкого (см. стр. 232). Ср. примечание к стихотворению «Долго нас помещики душили...», стр. 726—728.

Доля (стр. 249). Впервые — СНПиС, стр. 25—26. В своей последующей истории текст распался на две редакции. Одна тяготеет к СНПиС: таков отличающийся некоторыми вариантами (особенно в 1-й, 3-й и 6-й строфах) текст ПБ (стр. 71—72). Другая редакция носит следы устной обработки. Вот ее текст:

Ах ты, доля, моя доля,
Доля-долюшка моя!
Ах, зачем же, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой
Стороны родной лишился —
За крестьянский мир честной!

Год в ту пору был голодный,
Стали подати сбирать
И последнюю скотинку
За бесценок продавать.

Очутился я в Сибири,
В тесной шахте и сырой,
Здесь я встретился с друзьями.
Здравствуй, друг, и я с тобой!

Далеко село родное,
Но хотелось бы узнать —
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

(Песни сибирских каторжан, беглых и бродяг. Собрал В. Н. Гартевельд. М., 1915, стр. 1).

Автор этого стихотворения не может считаться установленным бесспорно. В альбоме чайковцев (сост. в основном Н. А. Чарушиным и А. И. Корниловой-Мороз и хранившемся в музее Всесоюзного общества политкаторжан) в заметке А. И. Корниловой-Мороз автором назван С. С. Синегуб, но Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым и И. И. Попов в биографии Д. А. Клеменца (Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925, стр. 18—19) настаивают на авторстве Д. А. Клеменца, что представляется более вероятным. *Борунов* (или Барунов), которому посвящено стихотворение, по-видимому, крестьянин Холмского уезда Псковской губернии, во время голода 1870 г. он убеждал крестьян, «чтобы они не платили податей, не слушали начальства, а отправили лучше ходока к самому царю». Отправленный в качестве ходока Борунов был вскоре схвачен. Однако он вырвался и стал от имени царя убеждать крестьян не платить податей три года и объявил, что все недоимки прежних лет сбрасываются. Борунов был посажен в холмскую тюрьму, но крестьяне «целой волостью отправились в город, требовали, чтобы им выдали Борунова, и трое суток не отходили от острога». Борунова хитростью перевезли в великолуцкую тюрьму, но крестьяне добились от присяжных заседателей оправдательного приговора. Тогда Борунова снова схватили жандармы и отправили в город Колу. В этом полуфольклорном рассказе («Крестьянин Борунов и его дело»),

разумеется, много вымышленного, но в основе его лежит что-то имевшее место в действительности. По словам А. П. Корбы, эта статья читалась в Исполнительном комитете партии «Народная воля» и была им одобрена («Рабочая газета», 1881, 27 января, приложение к № 2, стр. 2—3; перепеч.: КиС, 1929, № 4 (53), стр. 91—94, и в кн.: «Литература партии „Народная воля"». М., 1930, стр. 297—298).

Просьба (стр. 250). Впервые — СНПиС, стр. 26—28. Хотя С. С. Синегуб и назвал себя автором этого отобранного у него при обыске стихотворения («Разговор царя с народом», см. также стр. 755), но Н. А. Морозов, в беседе с А. А. Шиловым, категорически настаивал на авторстве Д. А. Клеменца.

Дума кузнеца (стр. 252). Впервые — СНПиС, стр. 29—32. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым высказал предположение об авторстве Д. А. Клеменца. Стихотворение, являющееся как бы параллелью к «Думе ткача» С. С. Синегуба (см. стр. 241), стало популярно, в частности, в студенческой среде. В. И. Скляревич в начале 1932 г. продиктовал А. А. Шилову следующий сокращенный и переработанный вариант:

Молодым пареньком
Дружбу свел с молотком,
А дожить довелось
До седых до волос.

Ах ты, молот-ковач,
Я ли не был силач?
А теперь не под стать
Мне с тобой работать!

Одряхлела рука,
Ноют грудь и бока,
А пока в небе свет,
Мне и отдыха нет!

Что за лютый злодей,
За лихой чародей
Наши деньги берет,
Кровь мужицкую пьет?

Нет, не лютый злодей,
Не лихой чародей —
Именитый купец,
Да царь белый — отец!

Собирайтесь же все,
Кузнецы, слесаря!
Топоры навострим
И пойдем на царя.

В этой переделке выброшены строфы 1, 3, 4, 6, 7, 9. 11, 12 и радикально переработаны строфы 2, 5, 8, 10, 13 первоначального текста. С. И. Канатчиков в воспоминаниях приводит еще одну переделку «Думы кузнеца», которую он слышал в 1896 г. на фабрике в Москве. Паренек здесь уже не крестьянин, а рабочий, вместо молотка — станок; поп, купец и царь пьют уже не мужицкую, а рабочую кровь («Из истории моего бытия». М.—Л., 1930, стр. 42). *Село Павлово*, ныне город, районный центр Горьковской области, слесарям и кузнецам которого посвящена «Дума кузнеца», издавна (с XVII в.) славилось производством (иногда артельным) ножей, замков и других мелких металлических изделий; в литературе его называли «русским Шеффильдом». Пропагандисты 1874 г., как это видно из обвинительного акта по «делу 193-х», обращали особое внимание на это село (Богучарский, т. 3, стр. 151, 154 и др.). Анализ павловских промыслов был дан В. И. Лениным в 1896—1899 гг. в работе «Развитие капитализма в России» (Соч. т. 3, стр. 362—366). О Павлове см. также: А. О. Лукашевич. В народ! Из воспоминаний семидесятника (Б, 1907, № 3, стр. 25 и сл.); В. Г. Короленко. Павловские очерки; П. Д. Боборыкин. Русский Шеффильд. СПб., 1878; брошюру: «Павловская промкооперация. (К юбилею). 40 лет Павловской артели и 10 лет Павловского метартельсоюза (Сборник материалов)». М., 1931.

Барка (стр. 254). Впервые — СНПиС, стр. 35—37. Авторство Д. А. Клеменца предположительно устанавливается указанием А. Низовкина (Богучарский, т. 3, стр. 16 и сл.). Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым склонялся к тому же мнению (ср. Морозов, т. 1, стр. 101 и 113). Стихотворение является переделкой подлинной бурлацкой песни, которую Клеменц, как уроженец Поволжья, мог слышать непосредственно от бурлаков. Ср. близкую песню, записанную от рабочих сенных барок в 1860-х годах в Новгородской губернии («Великорусские народные песни», собр. А. И. Соболевским, т. 6. СПб., 1900, стр. 470—472). О популярности «Барки» в качестве революционной песни свидетельствует, между прочим, и В. Г. Короленко в «Истории моего современника» (кн. 2, ч. 3, гл. 4). В обвинительном акте по «делу 193-х» это стихотворение упоминается многократно (Богучарский, т. 3, стр. 1—243). В ЦГИАЛ хранится тетрадь участника московского кружка чайковцев И. А. Богданова, в которой находится, между прочим, сочиненный Богдановым (на это указывают черновые наброски) текст «Дубинушки», восходящий к «Барке» и отчасти навеянный стихотворением «Долго нас помещики душили. . .»

ДУБИНУШКА

Как мы прежде, братцы, жили,
Нас помещики душили —
Ей, дубинушка, ухнем!
Ей, зеленая, подернем!
Подернем, подернем!
Ей! Ух!

Ежедневно нас дирали,
Наших девок растлевали.
Припев.

Бил нас каждый поп и барин,
Был мужик что твой татарин.
Припев.

Стало нам теперь привольно,
Нас секут теперь не больно.
Припев.

Ноне нас ослобонили,
Податями разорили.
Припев.

Платим мы теперь поболе,
Чем платили мы до воли.
Припев.

Девки наши поголовно
В ... идут свободно.
Припев.

Их ничем не остановишь, —
Почему же, чем накормишь?
Припев.

Как под эту бы дубину
Положить нам всем по чину.
Припев.

И попа, и станового,
И царя, и мирового.
Припев.

Так тогда бы по Расеи
Не ходили лиходеи.
Припев.

На забавы с нас не брали б,
Солдатьем нас не пугали б.
Припев.

Суд бы был у нас заправский,
Без министерской указки.
Припев.

Царь ушел бы за границию,
Захватив с собой полицию.
Припев.

Мы бы сами править стали,
Всем бы дело указали.
Припев.

Хлеб бы даром не давался,
За работу всяк принялся.
Припев.

Детки стали бы учиться,
Помогли бы просветиться.
Припев.

(ЦГИАЛ, фонд 1410, оп. 1, 1874 г., дело № 59.)

«Когда я был царем российским...» (стр. 256). Впервые — СНПиС, стр. 38—40. Текст строф 4 и 13 неисправен. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым сообщил, что автором стихотворения является Д. А. Клеменц, и указал, что в первоначальном тексте второй стих читался: «Актрис французских я любил...» (Клеменц был весьма недоволен изменением, кем-то произведенным при печатании сборника за границей). Мотив, на который написан этот памфлет на Александра II, — из известной и популярной в те годы арии оперетки французского композитора Ж. Оффенбаха «Орфей в аду». См., например, «Куплеты аркадского принца (превратившегося в Ваньку Стикса, лакея Плутона)» в сб.: «Невский альбом. 100 куплетов, современных песенок, пародий и других юмористических стихотворений». СПб., 1867, стр. 21—24. Это стихотворение под заглавием «Аркадский принц» часто упоминается в обвинительном акте по «делу 193-х» (Богучарский, т. 3). В тетради, отобранной в сентябре 1873 г. у И. А. Богданова (см. выше, стр. 758), находится вариант того же стихотворения, возможно принадлежащий перу И. А. Богданова.

АРКАДСКИЙ ПРИНЦ

(Куплеты)

Когда я был аркадским принцем,
Актрис французских я любил;
Продал в Америке владенья
И им бомбошек накупил.

Я увлекался — это правда,
Но что же делать, господа?
Америку мы потеряли —
Забрали Хиву — не беда!

Любил охоту я до страсти
И на медведя я ходил...
Но, нализавшись, не медведя —
Свово вельможу подстрелил.

Весь век проживши добрым малым,
Я пошутить всегда готов.
Вот и теперь — набрал министров
Из палачей да из попов.

Желая мысли дать свободу,
Я гнет цензурный облегчил,
А книжки с вольным содержаньем
Стал сожигать по мере сил.

Любя народ, суд правый, скорый
И милосердье обещал,
Но без суда и милосердья
В Сибирь бойцов народных слал.

Желал крестьянам дать свободу
И комитет о них собрал,
Но как-то, выпивши не в меру,
Указ о воле подписал.

Но положа на сердце руку,
Люблю крестьян я, как детей;
Для облегченья их страданий
Я им прибавил податей.

Чтобы поток идей гуманных
В среду мужицкую привлечь,
Велел не барам-живодерам,
Велел исправникам я сечь.

Когда я был аркадским принцем,
Прусака с шахом в гости звал
И каждый день почтенных старцев
Я Оффенбахом угощал.

Но всё ж невесел я — и сердце
Мне думы грустные теснят:
Ну что, как если в самом деле
Народ задаст мне шах и мат?

Да — нынче времена крутые,
Но всё ж я духом не упал
И в банке английском на случай
Изрядный спрятал капитал.

Притом устроена столица
Удобно очень... Чуть беда,
Махнуть недолго за границу,
И до свиданья, господа!

Прсдав в Америке владенья. В 1867 г. Россия продала США Аляску за 7.200.000 долларов. *Дал в феврале я им свободу.* О крестьянской реформе 1861 г.

Работник. Газета для русских рабочих
Женева, 1875—1876

«Работник» выходил с января 1875 г. и до марта 1876 г.; он был связан со «Всероссийской социально-революционной организацией» и издавался русскими эмигрантами — последователями М. А. Бакунина — З. К. Ралли (Арборе), В. А. Гольштейном и др. Всего вышло 15 номеров. Газета была рассчитана на малоподготовленного читателя: она призывала «работных» людей (то есть рабочих и крестьян) к бунту и созданию «вольного союза общин». В газете был напечатан ряд корреспонденций из России о рабочем движении, печатались также стихи и беллетристические очерки.

Крестьянская песня (стр. 259). Впервые — «Работник», 1875, № 11—12, стр. 8. Перепеч.: НСРПиС и ПБ под заглавием «Дуда» и в сильно измененном виде; текст переработки следующий:

Собирайтесь-ка, ребята, поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружней.
Полно нам под дудку барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть?

Сколько времени на нашу на беду,
Господа да кулаки дудят в дуду,
А начальство знай подхлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом!

Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний знай летит, —
Чиновьё да кулаки берут гроши:
Очень-де крестьянски деньги хороши.

Тут и поп, гляди, акафисты поет,
А руками те же денежки гребет!
Ах ты, подлый, долгогривый сатана,
Ведь и так, поди, мошна давно полна!

До каких же пор нам, братцы, всё плясать?!
Нет, давайте на своей дуде играть:
Пусть теперь попляшет воронье,
Растрясет маленько черево свое!

В кн.: Ф. В. Волховской. Случайные песни. М., 1907, стр. 79 (с подзаголовком: «Поется на голос: «Здравствуй, милая, хорошая моя» или «Вечерело, я стояла у ворот») переработка была вызвана необходимостью устранить анахронизмы о «надеже-царе», который должен «постоять за своих родных сирот». *Волховской* Феликс Вадимович (1846—1914) — один из видных деятелей русского революционного движения 1860—1870-х годов. Привлекался к ответственности по делу Каракозова, по процессу «Рублевого общества» (историю его см. в статье Н. Ф. Бельчикова: «Рублевое общество». «Известия Академии наук СССР», отд. обществен-

ных наук, 1935, № 10, стр. 941—1001). В начале 1870-х годов вошел в кружок чайковцев и стоял во главе одесской группы. Судился по «процессу 193-х» 24 января 1878 г., приговорен к ссылке на поселение в Тобольскую губернию; в 1889 г. бежал за границу. Впоследствии примкнул к партии эсеров. Арестованный по «делу 193-х» Ф. В. Волховской с 14 января по 12 декабря 1875 г. находился в Петропавловской крепости. Песня была написана в крепости и передана на волю. Она была доставлена в Женеву и анонимно напечатана в «Работнике». Ткач Петр Алексеев, после произнесения на суде своей знаменитой речи 10 марта 1877 г., переслал ее вместе со стихотворением «Крестьянская песня» Ф. В. Волховскому, — он не подозревал, что пересылает ее ее автору! Эту песню в то время уже «очень любили петь и пели на тех фабриках, где он <Алексеев> работал. Читатель, — пишет Волховской, — легко представит мое удовольствие, когда я скажу, что песня эта была сложена мною. До перевода в Дом предварительного заключения я содержался в Петропавловской крепости. Это был один из самых тяжелых периодов моей долголетней тюремной жизни, главным образом потому, что нам не давали письменных принадлежностей. Но складывать стихи можно было и без пера и бумаги. И вот я напал на счастливую мысль: сложить революционные песни на готовые уже, всем известные, народные голоса: «Комаринскую», «Барыню», «Здравствуй, милая, хорошая моя», «Ах вы, сени, мои сени» и т. п. Сложив ту или другую, я утаенным от тюремщиков обгрызком графита писал ее на папиросной бумаге и переправлял на волю при помощи матери, когда ей давали со мной свидания. О дальнейшей участи моих песен я не знал ничего. И вот теперь Петруха <Алексеев> мне сообщил, что не только песни мои не пропали, но проникли в народ, и одна по крайней мере стала даже любимой. Это была большая радость» (Ф. Волховской. Русский ткач Петр А. Алексеев. «Рабочее знамя», 1900, стр. 18). Здесь и далее всюду принято написание «Волховской», как значится на обложке, титульном листе и предисловии автора к его книге «Случайные песни». М., 1907.

Песня народного борца (стр. 260). Впервые — Н. А. Некрасов. Стихотворения, ч. 4. СПб., 1869, стр. 218, без заглавия, с фиктивным подзаголовком: «Из Гейне» и с датой «1868». Широко распространенное в революционных кругах в качестве призыва к восстанию (ср. Морозов, т. 2, стр. 64; т. 3, стр. 155), оно неоднократно перепечатывалось, в частности анонимно в «Работнике», 1875, № 11—12, стр. 8. Заглавие стихотворения принадлежит редакции «Работника». Этим же стихотворением начинается студенческая прокламация «Союза объединенных землячеств» («Литература и марксизм», 1930, № 2, стр. 72). В ст. 2 у Некрасова: «Ночь бесконечно длинна», в ст. 7 — «вселенского горя». Впрочем, в одной из рукописей Некрасова — «народного»; не исключено, что в прижизненных печатных текстах — вынужденный цензурный вариант (см. А. М. Гаркави. Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века. «Ученые записки Калининградского гос. педагогического института», вып. 3, 1957, стр. 220).

Вперед. Двухнедельное обозрение
Цюрих—Лондон. 1875—1876

В 1873—1877 гг. в Цюрихе и Лондоне выходило «непериодическое обозрение» «Вперед». Всего вышло 5 томов: тт. 1—2 — в Цюрихе, тт. 3—5 — в Лондоне. Тираж — 2000 экз. Кроме того, в 1875—1876 гг. в Лондоне выходило «двухнедельное обозрение» под тем же названием, — всего вышло 48 номеров. Тираж 2000—3000 экз. Оба издания выходили почти все время под редакцией П. Л. Лаврова и являлись органом пропагандистского течения революционного народничества (5-й том был редактирован В. Н. Смирновым, ввиду выхода Лаврова из редакции). Теоретически признавая заслуги К. Маркса, Лавров не понимал исторической роли рабочего класса в борьбе за социализм и в духе присущего ему эклектизма призывал к примирению с бакунистами. Лавров полагал, что народ еще не готов к социальному перевороту, который должен постепенно подготовляться «нераздельным оружием пропаганды, агитации и организации». От революционной интеллигенции Лавров требовал «основательной и разносторонней научной подготовки» (Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, стр. 361). Некоторую материальную поддержку изданию оказывал И. С. Тургенев (П. Л. Лавров и развитие русского общества. Сб.: «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М—Л., 1930, стр. 26).

Свидание (стр. 261). Впервые — «Вперед», 1875, 20 мая (1 июня), № 10, стр. 298. Стихотворение было напечатано со следующим редакционным примечанием П. Л. Лаврова: «Это стихотворение прислано нам Николаем Платоновичем Огаревым. С удовольствием помещаем в нашей газете строки друга и товарища Герцена, одного из основателей первой Вольной русской типографии». Стихотворение вызвано свиданием Александра II с Францем-Иосифом и Вильгельмом I в Берлине в конце апреля 1875 г. Оно было связано с вопросом о сохранении мира в Европе ввиду новых обострений отношений Германии и Франции под влиянием Бисмарка.

Новая песня (стр. 262). Впервые — «Вперед», 1875, 19 июня (1 июля), № 12, стр. 361—362. Перепеч.: СиП (без заглавия, в начале сборника указан автор этого стихотворения) и НСРПиС (заглавие: «Рабочая марсельеза»). Уже в середине 1880-х годов «Новая песня» стала одной из наиболее популярных в русском революционном репертуаре песен (см., например, «Историю моего современника» В. Г. Короленко, кн. 2, ч. 3, гл. 4). Вскоре она получила новое заглавие — «Марсельеза» (см. хотя бы П. А. Моисеенко. Воспоминания... М., 1924, стр. 107) и в период от Февральской и до Октябрьской революции была официальным русским гимном. В 1875 г. Н. С. Русанов «впервые» старался подобрать «какие-нибудь знакомые народные аккорды на гармонике... к песне «Вставай, подымайся, рабочий народ» из «Вперед» (Н. С. Русанов. На родине. М., 1931, стр. 94). А в повести

М. Горького «Мать» описывается уже пение *«Марсельезы»* во время первомайской демонстрации: «в ней звучало железное мужество, и, призывая людей в далекую дорогу к будущему, она честно говорила о тяжестях пути» (ч. 1, гл. 27). Текст песни со временем претерпел некоторые изменения. Так, в издании «Песни каторги и ссылки» (М., 1930, стр. 23—27) приведен текст, где ст. 35—36 из будущего перенесены в прошедшее:

Хоть купили мы страшной ценою,
Кровью нашею счастье земли.

В ст. 5 читаем: «Мы пойдем к нашим страждущим братьям»; в ст. 8: «На борьбу мы его поведем»; в ст. 19: «Из тебя богачи тянут жилы»; в ст. 32: «Заблести новой жизни заря». В СиП ст. 32: «Подавай ему крови своей».

В память июньских дней 1848 г. (стр. 264). Впервые — «Вперед», 1875, 3(15) июля, № 13, стр. 399—400. Перепеч.: Л III, Л V, ОР, НСРПиС и др. Авторство Н. С. Курочкина обосновано в статье Ф. Витязева «Неизвестное стихотворение Н. С. Курочкина» (ЛН, № 25—26, 1936, стр. 472—476). *Июньские дни.* Восстание парижского пролетариата 22—26 июня 1848 г., с необычайной жестокостью подавленное ген. Кавеньяком, которому Учредительное собрание передало всю полноту власти: тогда было убито не менее 3000 рабочих.

Заповеди отщепенца (стр. 265). Впервые — «Вперед», 1876, 3(15) марта, № 29, стр. 141—142. Перепеч.: Л V. Акростих составляет слова: «Братство, равенство, свобода». Помещено в разделе: «Что делается на родине?» Далее следует корреспонденция о судьбе осужденных «долгушинцев», находившихся с мая 1875 г. в Ново-Белгородской каторжной тюрьме под Харьковом. Стихотворение, как видно из заметки, принадлежит одному из заключенных. Мать инженера Льва Адольфовича *Дмоховского* (1851—1881) — одного из наиболее деятельных (с осени 1872 г.) членов кружка «долгушинцев» — Анастасия Васильевна Дмоховская первая добилась в январе 1876 г. свидания с сыном. Известно, что Дмоховский при свиданиях успевал тайком передавать матери какие-то записки (КиС, 1927, № 4 (33), стр. 112). Так как общение между другими заключенными «долгушинцами» в это время не допускалось, возникает предположение об авторстве именно Дмоховского.

Апостол (стр. 266). Впервые — «Вперед», 1876, 20 марта (1 апреля), № 30, стр. 176—178. Перепеч.: Л III, Л V, НСРПиС.

Новая тюрьма (стр. 267). Впервые — «Вперед», 1876, 3 (15) апреля, № 31, стр. 207—208. Перепеч.: Л V (с датой: «...ъ 1876 г.», т. е. март или август), Л III, НСРПиС, ПБ. Поводом к написанию этого стихотворения послужила постройка в Петербурге Дома предварительного заключения на Шпалерной улице, открытого 1 августа 1875 г. (См. В. Никитин. Тюрьма и ссылка. СПб., 1880, стр. 499—519; «Голос», 1875, 2 августа, № 212,

стр. 1—2.) Одним из первых ее обитателей был Н. А. Морозов (Морозов, т. 2, стр. 118). Стихотворение Лаврова, по-видимому, оказало влияние на замысел аналогичного по теме стихотворения В. Брюсова 1901 г. «Каменщик». *Был здесь сам царь и молебен служил.* Сведений об этом в тогдашних газетах нет.

Последнее прости (стр. 269). Впервые — «Вперед», 1876, 3(15) мая, № 33, стр. 284. Перепеч.: НСРПиС (варианты в ст. 4—5: «Ты голову честно сложил. Служил ты недолго, но честно...»), ПБ (с теми же вариантами), Л V (с ошибочным подзаголовком: «Замученному в остроге Чернышевскому...»), Л III и ПТ (без заглавия и подзаголовка). Авторство Григория Александровича *Мачтета* (1852—1901) обосновано в заметке Ф. И. Витязева «Кто автор стихотворения „Замучен тяжелой неволей"?» («Литературная газета», 1937, 21 января, № 4). Его подтвердил и сын писателя в письме к М. С. Друскину (Друскин, стр. 157). Высказывавшееся в литературе (напр., «Песни каторги и ссылки». М., 1930, стр. 31—33; И. И. Попов. «Минувшее и пережитое», ч. 1. Л., 1924, стр. 41—42) утверждение об авторстве Лаврова ошибочно. Авторское заглавие не привилось, стихотворение более известно по первой строке. Стихотворение посвящено памяти студента П. Ф. Чернышева (1853—1876). Арестованный в августе 1874 г. по делу о пропагандистском кружке в Петербурге и пропаганде среди крестьян Самарской губернии, он умер от туберкулеза в Петербурге 27 марта 1876 г. Его похороны 30 марта превратились в большую политическую демонстрацию. «К выносу тела, — пишет В. Г. Короленко в «Истории моего современника», — явились студенты, сначала в небольшом количестве, но затем, по мере движения по улицам, толпа росла. На углу Шпалерной и Литейного у Дома предварительного заключения гроб остановили и, подняв над головами, отслужили литию. Демонстрация была организована так удачно, что даже после этого полиция не спохватилась, и огромная толпа беспрепятственно дошла до <Волкова> кладбища, попутно разъясняя заинтересованной публике значение демонстрации. Только когда начались над могилой откровенно революционные речи, — местная полиция спохватилась, но ничего не могла сделать» (кн. 2, ч. 4, гл. 9; ср. также статью «Похороны Павла Чернышева» в газете «Вперед», 1876, 20 мая (1 июня), № 34, стр. 320—325). Характерно, что год спустя, на похоронах студента Подлевского, тоже пелась эта песня (И. И. Попов. Цит. кн., стр. 41—42). В дальнейшем, в фольклорном бытовании стихотворения, текст его несколько изменялся. Так, в ст. 3 появился вариант: «В борьбе за рабочее дело» (Друскин, стр. 158). Песня «Замучен тяжелой неволей...» пользовалась огромной популярностью. Ее пели находившиеся в ссылке большевики (Л. С. Шаповалов. В борьбе за социализм. Воспоминания старого большевика-подпольщика. М., 1934, стр. 257), она была одной из любимых песен А. И. Ульянова и В. И. Ленина. (См. А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1931, стр. 94). Эта песня хором Большого театра СССР была исполнена в 1924 г. на похоронах В. И. Ленина. В годы Великой Отечественной войны ее пели перед расстрелом молодогвардейцы Краснодона

(«Знамя», 1950, № 8, стр. 126, и А. А. Фадеев. Молодая гвардия, гл. 64; ср. Друскин, стр. 157—159). *Наш враг над тобой не глумился.* Застигнутая врасплох и не получившая никаких распоряжений полиция бездействовала.

«Не трава в степи колышется...» (стр. 270). Впервые — «Вперед», 1876, 3(15) мая, № 33, стр. 293—294. Перепеч.: Л V и ПБ. Стихотворение было прислано в редакцию со следующею припискою: «Если найдете нужным, то поместите эти стихи. Это — произведение одного рабочего. Но, если поместите, не делайте никаких поправок и изменений». Редакция исполнила эту просьбу рабочего и ничего (кроме знаков препинания) в рукописи не исправила. «Нам дорого это стихотворение как отголосок *из самого народа* на пропаганду социальной революции», — читаем в сопроводительной редакционной заметке.

Рождение Мессии (стр. 272). Впервые — «Вперед», 1876, 19(31) декабря, № 48, стр. 791. Перепеч.: Л V, Л III и НСРПиС (подпись: «Л.», дата — «Париж. 25 декабря 1870 г.» и варианты: отсутствует строфа 5 и изменены ст. 70 и 72: «Всесильный богочеловек» и «Он правда, братство, мир навек»). Несколько иной текст в приложении к письму Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер от 25 февраля (9 марта) 1871 г. Заглавие: «Рождество Христово», в конце — пометка: «Осажденный Париж, 25 дек<абря> 1870 г.». В настоящем издании воспроизводится текст журнала «Вперед», получивший преимущественное распространение в перепечатках и списках. *Работник-Лазарь* — по евангельскому преданию, беспомощный бедняк, лежавший у ворот бессердечного богача; по смерти богач попал в ад, а Лазарь в рай. *Голгофа* — гора близ Иерусалима, на которой, по преданию, был распят Иисус Христос. *Пилат* — римский наместник в Иудее, отдавший, хотя и неохотно («умывши руки»), Христа на распятие.

Вперед. Непериодическое обозрение
Цюрих—Лондон. 1873—1877

См. стр. 764.

«Война!.. На землю мрак густейший...» (стр. 274). Впервые — «Вперед», 1877, т. 5, стр. 128. Перепеч.: Л V (заглавие: «Война»). Авторство Лаврова документально не доказано, но утверждается революционной традицией, списками и т. д. Цитата из стихотворения приведена в книге весьма осведомленного В. Богучарского, не решившегося почему-то назвать имя Лаврова («Активное народничество семидесятых годов». М., 1912, стр. 277). Стихотворение вызвано русско-турецкой войной 1877—1878 гг., объявленной манифестом 12 апреля 1877 г. и прокламированной как война за освобождение «братьев-славян». *Иуды нового объятья.* Очевидно, имеется в виду Александр II.

К судьям (стр. 275). Впервые — «Вперед», 1877, т. 5, стр. 50; тогда же в изд.: М. П. Драгоманов. Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женщины в процессе московских социалистов. Женева, 1877, стр. 16. В этом издании текст имеет некоторые отличия. После заглавия — подзаголовок: «Осужденной на каторгу сенат<ским> судом 22 февр<аля> 1877 г. девице Лидии Фигнер», дата — 8 марта 1877 г.; ст. 2: «Суди, судья, но проще, поскорей»; ст. 13: «Оставь, судья, ненужные допросы»; ст. 15: «Мужицкая одежда, ноги босы»; ст. 25: «Пожизненно меня ты покараешь». В ОР, стр. 24—25, напечатана несколько отличная редакция этого стихотворения. В ней строфа 2-я поставлена 4-й, — это, скорее всего, случайная ошибка. Варианты текста следующие: ст. 2: «Суди, судья, но проще и скорей»; ст. 3: «Без мишуры, без ласки фарисейской»; ст. 5: «Крестьянскую дерюгу вместо платья»; ст. 8: «Где вечный стон, где бедняки»; ст. 13—16: «Зачем же тут бесплодные допросы? Смотри, я вся в уликах — на плечах Крестьянская одежда, ноги босы, Видны мозоли на руках»; ст. 21—23: «Но знай и то, что, как я ни преступна, Ты надо мной бессилен, мой судья... Ведь каре я суровой недоступна»; ст. 29—32: «Да, я умру! Но с тою же любовью Борцы за правду новую идут; Пусть знамя смочится еще родимой кровью, Его торжественней и выше понесут». Происхождение последней строфы установить трудно. Исправляем очевидную ошибку в ст. 5: вместо бессмысленного «Крестьянские вериги вместо платья» — «Крестьянскую дерюгу вместо платья». Перепеч.: Л V, НСРПиС (подпись: «С. Бардина») и ПБ (с подзаголовком: «С. И. Бардиной»). В НСРПиС ошибка в оглавлении оговорена и исправлена: «оно написано одним из защитников в процессе 50-ти и посвящено Бардиной». Как видно из письма Тургенева к В. Ральстону от 19 апреля 1877 г., он считал автором Л. Н. Фигнер. «Посылаю... очень трогательный отрывок M-lle Figner, очень хорошенькой блондинки 22 лет, в последнем градусе чахотки (это и объясняет предпоследнее четверостишие)... Смерть, очевидно, скоро освободит ее» («Недра», кн. 4. М., 1924, стр. 273). По сообщению В. Н. Фигнер редакции издания, «чахоткой Лидия Николаевна не страдала, но вследствие тяжелых условий тюремного заключения вид у нее был крайне изнуренный, что и дало повод подозревать эту болезнь» (там же, стр. 274). В статье «Процесс «50» 1877 г.» В. Н. Фигнер писала: «Боровиковский, совершенно плененный образами женщин, написал стихотворение, посвященное Л. Фигнер: «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...», ходившее во множестве экземпляров по рукам. В видах конспирации мы выдавали его за стихотворение Бардиной, которая в заключении писала стихи» (то же: Фигнер, т. 5, стр. 187). Адресат стихотворения Лидия Николаевна *Фигнер* (по мужу Стахевич, 1853—1920) — младшая сестра В. Н. Фигнер. Вместе с нею в 1872 г. уехала в Швейцарию, где сблизилась с С. И. Бардиной и группой девушек, входившей в так называемый кружок «Фричей» (по фамилии хозяйки квартиры, где они жили; см. Фигнер, т. 1, стр. 81—90). В 1874 г. возвратилась в Россию, вступила во «Всероссийскую социально-революционную организацию» и вела деятельную пропаганду в Москве и Иваново-Вознесенске в качестве работницы

на фабриках. Арестована в августе 1875 г. по «процессу 50-ти», приговорена к 5 годам каторжных работ, замененным ссылкою на поселение в Иркутскую губернию. В европейскую Россию возвратилась лишь в 1892 г. Автор этого популярнейшего стихотворения, написанного от имени подсудимой, *Боровиковский* Александр Львович (1844—1905) — либеральный присяжный поверенный, один из защитников по процессам «50-ти» и «193-х», впоследствии обер-прокурор и с 1899 г. сенатор гражданского кассационного департамента Сената; в 1870—1880-х годах — близкий приятель Салтыкова, много переписывавшийся с ним. Кроме этого стихотворения, среди молодежи пользовались успехом также и другие стихотворения Боровиковского — «Deo ignotus» («Неведомому богу»), «Ecce Homo» («Се человек»), «На смерть Некрасова», «Похороны Достоевского» и др. Они частично перепечатаны П. Ф. Якубовичем в сб. «Русская муза». СПб., 1908, стр. 342—343; В. Д. Бонч-Бруевичем в «Избранных произведениях русской поэзии» (изд. 2), СПб., 1899, стр. 331—344, и КиС, 1927, № 4 (33), стр. 86—87. Литературную позицию Боровиковского исследователи определяют словами: революционное попутничество. (См. о нем: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов в кругу современников. Л., 1938, стр. 259—266). 27 февраля 1877 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Один Аристарх, например, уверял, что Марианн <из романа Тургенева «Новь»> нет, что я их выдумал, — а тут вдруг процесс, где из 52 революционеров — 18 женщин — дело небывалое и неслыханное в Европе — ни в какое время» (Собр. соч., т. 12, 1958, стр. 509; почти в тех же словах — Ю. П. Вревской 1 марта 1877 г., там же, стр. 511). «Процесс 50-ти» происходил с 21 февраля по 14 марта 1877 г., речи защитников и последние слова подсудимых произносились с 4 по 12 марта — таким образом, имеющиеся в некоторых списках и печатных источниках февральские даты ошибочны. В «Новом мире» (1957, № 7) это стихотворение опубликовано Е. Волошко в качестве неизвестного по неполному и неисправному списку, причем автор статьи считает, что стихотворение представляет собою плод коллективного труда и написано после смерти Бардиной (т. е. после 1883 г.!) Путаницу усугубило письмо в редакцию (в № 10) Э. Ротштейна, который неправильно называет в качестве первой публикации ростовский-на-Дону сборник «Вперед» (сост. М. Львовичем в 1906 г.). Этот сборник, имеющийся в ряде библиотек Москвы и Ленинграда, Е. Волошко счел особой редкостью и заказал в Лондоне его микрофильм! («Вопросы литературы», 1959, № 8, стр 238). Н. М. Гайденков, вслед за П. Ф. Якубовичем, в комментариях к хрестоматии «Русские поэты XIX века» (М., 1958, стр. 912) ошибочно утверждает, что стихотворение является «поэтическим переложением» речи С. И. Бардиной. (Текст этой речи см. Богучарский, т. 2, стр. 327—331). В книге Н. С. Каржанского «Московский ткач Петр Алексеев» (М., 1954, стр. 139) автором этого стихотворения почему-то назван адвокат Бардовский.

Письмо в тюрьму (стр. 276). Впервые — «Вперед», 1877, т. 5, стр. 51. Перепеч.: Л V. Стихотворение напечатано среди материалов «процесса 50-ти», но автор его не подсудимый, а человек, находившийся на свободе и обратившийся к осужденным.

«Полюбила ты брата убогого...» (стр. 277). Впервые — «Вперед», 1877, т. 5, стр. 51. Тогда же в изд.: М. П. Драгоманов. Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женщины в процессе московских социалистов. Женева, 1877, стр. 15. В этом издании эпиграф: «Блажени кротции, яко тии наследят землю», ст. 1: «Возлюбила ты брата убогого», дата — «12 марта 1877 г.» Перепеч.: «Набат» (Женева), 1877, № 3—6 (текст издания Драгоманова, но без последней строфы и без даты); сб. «Набат» (Женева»), 1878 (ст. 1: «Возлюбила ты брата убогого»; ст. 14: «И не силой, не злобою дикой»); Л V (текст «Вперед»). Стихотворение обращено к кому-то из участников «процесса 50-ти» (см. выше, стр. 769). О С. И. Бардиной см. стр. 773.

К арестанту (стр. 277). Впервые — «Вперед», 1877, т. 5, стр. 52—53. Перепеч.: Л V и НСРПиС. Автор не установлен, но, как видно из статьи «К процессу пятидесяти», предшествовавшей публикации материалов этого процесса, и в том числе этого стихотворения, автор — один из подсудимых (ср. ст. 1: «брат по несчастью»). Стихотворение написано под очевидным влиянием Некрасова, а ст. 9 — цитата из его «Тройки».

Набат. Орган русских революционеров
Женева—Лондон. 1875—1881

Этот журнал народнического направления издавался сначала в Женеве П. Н. Ткачевым, а потом Г. М. Турским в Лондоне с 1875 до 1881 г. — всего вышло 18 номеров. Журнал ставил своей задачей помочь созданию боевой централизованной революционной организации с целью захвата власти и социального переустройства России. В. Н. Фигнер отмечает, что журнал не имел «почти никаких связей в России: распространение его было так ничтожно, что за все время после моего возвращения в декабре 1875 г. из Цюриха в Россию я ни разу ни у кого не видала ни одного номера этого издания и никогда, вплоть до ареста в 1883 г., не слыхала ни в одном из крупных городских центров России разговоров о нем... Ни один транспорт «Набата» не проскальзывал благополучно в Россию... в Петербурге никакой организации для приема и распространения у Турского не было» (Фигнер, т. 1, стр. 165).

«Будем верить и ждать, будем громко взывать...» (стр. 280). Впервые — «Набат», 1876, май, № 6, стр. 8. Четверостишие напечатано в составе анонимной корреспонденции из Петербурга: «Итак, как сказал один знакомый мне поэт...» и далее следует текст четверостишия.

К друзьям (стр. 280). Впервые — «Набат», 1876, август, № 9, стр. 7—8, с редакционным примечанием: «По желанию автора печатаем это стихотворение без всяких изменений». Это стихотворение, по предположению Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), возможно, принадлежит П. В. Григорьеву; впрочем,

в «Стихотворениях» П. В. Григорьева (Париж, 1883) его нет. О П. В. Григорьеве см. ниже.

Нечего ждать! (стр. 283). Впервые — «Набат», 1877, № 3—6, стр. 7. Перепеч.: НСРПиС.

Друзьям (стр. 284). Впервые — «Набат», 1877, № 3—6, стр. 31. Напечатано в составе корреспонденции из Петербурга: «Но вот посмотрите, что пишет один из самых выдающихся революционеров, попавших в каменный мешок и постепенно превращающихся в живых мертвецов». Автор стихотворения — один из подсудимых по «процессу 193-х», находившийся в Доме предварительного заключения, — это видно из текста корреспонденции. По предположению Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), автором стихотворения, возможно, является Ф. В. Волховской. Стилистически стихотворение ему очень близко, но в сборнике стихотворений Ф. В. Волховского («Случайные песни». М., 1907) его нет.

Из поэмы «Каракозов» (стр. 286). Впервые — «Набат», 1878, № 5—6, стр. 2—5. Перепеч.: П. В. Григорьев. Стихотворения. Париж, 1883. В этом издании заглавие: «Дмитрий Каракозов. Отрывки. Dédié á M. Henri Rochefort <Посвящено г. Анри Рошфору>»; перепеч. посвящение и отрывки 1—3. В посвящении переделаны ст. 3, 4, 18, 19, 22, во втором отрывке — ст. 9, 11, 21, 22, 25, в третьем — ст. 8. Автор стихотворения — Петр Василискович (Васильевич) *Григорьев* (псевд.: П. Безобразов. 1844—1913). Он был привлечен к следствию по «делу 193-х»; в октябре 1874 г. эмигрировал и в дальнейшем жил во Франции и Швейцарии, сотрудничал в журнале «Общее дело» и других изданиях. Рецензию на сборник его стихотворений, изданный в Париже в 1883 г., см. в ОД, 1884, май, № 61, стр. 15—16 (подп.: «X. X.», т. е. А. X. Христофоров), и стихотворный ответ Григорьева «Моему рецензенту» — там же, 1884, декабрь, № 68, стр. 15. Из многочисленных стихотворений Григорьева в этой книге перепечатаны всего 4, из них одно лишь предположительно может быть ему приписано (см. стр. 280). *Каракозов* Дмитрий Владимирович (1840—1866) 4 апреля 1866 г. покушался на Александра II. *Фив герои.* Вероятно, о победе фиванцев над войсками Спарты в 371 и 362 гг. до н. э. *Кассий* и *Брут* — участники заговора против Цезаря в целях спасения римской республики в 44 г. до н. э. *Телль* Вильгельм (ум. 1354) — швейцарский национальный герой, стоял во главе заговора против австрийского ига. *Бой в Одессе* — вооруженное сопротивление 30 января 1878 г. при аресте И. М. Ковальского. *Трепов устраненный.* 24 января 1878 г. В. И. Засулич покушалась на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова; 31 марта суд присяжных заседателей оправдал Засулич, после чего Трепов вышел в отставку. *На Дону наказанный шпион.* 1 февраля 1878 г. в Ростове-на-Дону И. Н. Ивичевым был убит шпион Аким Никонов. *Гейкинг подлый, Киевом казненный.* 25 мая 1878 г. в Киеве после покушения Б. А. Попко был ранен, а 29 мая умер от ран жандармский полковник барон Г. Э. Гейкинг. *Ходила в Иргиз, на Афон* — монастыри в Заволжье и на Кавказе. *Рошфор*

Анри (1830—1913) — французский буржуазный публицист и политический деятель. Он был особенно известен в конце 1860-х годов борьбой против бонапартистского режима. В 1868—1869 гг. издавал в Париже журнал «La Lanterne» («Фонарь»). В 1871 г. выступал против Парижской коммуны, но осуждал и версальскую контрреволюцию.

<П е с н я о М е з е н ц е в е> (стр. 291). Впервые — «Набат», 1878, № 5—6, стр. 13—14. Перепеч. с некоторыми вариантами: П. В. Григорьев. Стихотворение. Париж, 1883. В этом издании заглавие: «Казнь Мезенцева». Посвящение: «Dédié aux citoyens Eudes, Granger, Cournet, Chauvier et tous mes amis de France» («Посвящено гражданам Эду, Гранже, Курне, Шовье и всем моим французским друзьям»). В стихотворении довольно точно описано убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева 4 августа 1878 г. С. М. Кравчинским в Петербурге на Михайловской площади (ныне площадь Искусств) при возвращении с прогулки. По сообщению «Набата», эта песня распевалась «населением столицы». Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым сообщил, что С. М. Кравчинский «очень возмущался этим стихотворением и, в частности, тем местом, где говорится о приказе каких-то судей» (ст. 51—54 главы 2 и 10—12 главы 3). *Со милым дружком идет.* Мезенцев шел в сопровождении своего приятеля, отставного полковника Макарова. *Два молодца похаживают.* С. М. Кравчинский и А. И. Баранников. *Конь вороненький* — рысак «Варвар», неоднократно спасавший революционеров от преследования (напр., еще П. А. Кропоткина). *Кучер свистнул* — правивший пролеткою революционер Адриан Федорович Михайлов (1853—1929). Эд Эмиль (1844—1888) — французский политический деятель, участник Парижской коммуны. Гранже Эрнест-Анри (1844—189?) — политический деятель, последователь Бланки, журналист и участник Парижской коммуны. Вероятно, из того же революционного круга Курне и Шовье.

<*М. П. Драгоманов*>. *Детоубийство, совершаемое русским правительством* Женева. 1877

На титуле этой брошюры подзаголовок: «Femmes du procès des socialistes de Moscou (Женщины процесса московских социалистов). Издание редакции украинского сборника „Громада" („Община")». Брошюра была написана Драгомановым по поводу только что закончившегося «процесса 50-ти», разбиравшегося особым присутствием Сената с 21 февраля по 14 марта 1877 г. В брошюре рассказана биография С. И. Бардиной и даны сведения о процессе. В приложении перепечатаны: речь Бардиной на суде, 6 стихотворений Бардиной и стихотворение А. Л. Боровиковского «К судьям» (это стихотворение и стихотворение Бардиной «Полюбила ты брата убогого. . .» см. на стр. 275 и 277 наст. изд.). Драгоманов указывает, что все эти стихотворения «обращаются во множестве списков, а некоторые из них и в печатных копиях» (стр. 7). Револю-

ционная традиция, перепечатка одного из стихотворений в СС с подписью: «С. Б.», наконец, авторитетные свидетельства В. Н. Фигнер (т. 5, стр. 187) и Н. А. Морозова (сообщенное А. А. Шилову) с достаточной достоверностью устанавливают имя автора стихотворений. *Драгоманов* Михаил Петрович (1841—1895) — украинский историк, этнограф и публицист, идеолог буржуазно-национального либерализма; с 1876 г. — эмигрант. *Бардина* Софья Илларионовна (1853—1883) — одна из центральных фигур «процесса 50-ти». В начале 1872 г. она, по окончании Тамбовской гимназии, уехала в Цюрих, где принимала активное участие в делах революционной эмиграции, работала в наборной газеты «Вперед», входила в женский революционный кружок «Фричей» (по имени квартирной хозяйки). В конце 1874 г. возвратилась в Россию и, поступив на фабрику в Москве, вела там революционную пропаганду. Арестованная 4 апреля 1875 г., она произнесла на суде 10 апреля 1877 г. свою знаменитую речь. Была приговорена к 9 годам каторжных работ, замененным поселением в Тобольской губернии. В декабре 1880 г. бежала за границу и 14 апреля 1883 г. покончила жизнь самоубийством.

Две соседки (стр. 295). Впервые — М. П. Драгоманов. Детоубийство..., стр. 12—14. Это стихотворение распространялось в рукописных копиях. Так, например, оно было 22 апреля 1877 г. отобрано при обыске у Н. А. Лисина в Петербурге («Историко-революционный сборник», вып. 3. М., 1926, стр. 65). *Две соседки* — вероятно, Мария Дмитриевна Субботина (сконч. от туберкулеза 8 февраля 1878 г.) и Бетти Абрамовна Каминская (покончила самоубийством в 1878 г.).

К матери (стр. 297). Впервые — там же, стр. 14.

К <Л. Н.> Фигнер (стр. 298). Впервые — там же, стр. 14. Перепеч.: СС, стр. 15—16 (заглавие: «Лидии Фигнер», указано место написания: «Дом предварительного заключения», подпись: «С. Б.»). Текст с незначительными стилистическими отличиями и с новой 4-й строфой:

Пыток, костров были страшны мученья,
Долго зато не страдали тогда,
Пытки ж твоей бесконечны томленья,
В муках тяжелых проходят года...

О Л. Н. Фигнер см. стр. 768.

«Суд нынче мог бы хоть с балетом...» (стр. 298). Впервые — там же, стр. 15. Перепеч.: «Набат», 1877, № 3—6 (вариант ст. 8: «Виднелись слезы наших дам...»). Написано во время «процесса 50-ти», вызвавшего большое сочувствие к подсудимым среди самых разнообразных слоев населения. В. Н. Фигнер пишет даже, что «канцлер князь Горчаков, по слухам, говорил, что правительство сделало ошибку, допустив этот суд, так как вместо посрамления социалистов он имел противоположное действие» (Фигнер, т. 5, стр. 187).

«Мы были там. Его распяли...» (стр. 299). Впервые — там же, стр. 15—16. Перепеч.: «Набат», 1877, № 3—6, стр. 9—10, и СС, стр. 9. Стихотворение передает евангельский рассказ об отречении апостола Петра от Христа, но, конечно, имеет в виду современную действительность.

И. Ф. Фесенко (?) Становой (Быль в стихах) Петербург. 1877

(стр. 300)

Отпечатано в нелегальной типографии Н. А. Кузнецова и А. Н. Аверкиева. На титуле обозначено: «Изд. 2», на обороте фиктивные данные: «Дозволено цензурою, С.-Петербург, 22 марта 1877 г.». Существует два варианта этого издания: они различаются тем, что на одном из них помета «Соч. Ф.» отсутствует и вместо 8 нумерованных страниц — 6. История издания «Станового» освещена в статье Э. А. Корольчук «Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 1870-х годов» («Историко-революционный сборник», т. 3. М., 1926, стр. 98). Типография была обнаружена полицией 13 апреля 1877 г. К этому времени часть тиража названной книжки была уже распространена среди петербургских рабочих. Автором этой книжки, очевидно, был *Фесенко* Иван Федорович (1846—1882). С конца 1870-х годов он принимал участие в пропаганде среди петербургских рабочих, в 1873 г. эмигрировал, но вскоре возвратился. Арестован в 1874 г; был в числе обвиняемых по «процессу 193-х». Впоследствии продолжал революционную деятельность и не раз подвергался репрессиям. Яркую характеристику И. Ф. Фесенко и его роли см.: Л. Г. Дейч. За полвека, т. 1, ч. 1. М., 1922, стр. 43—90, и Фигнер, т. 1, стр. 260. Следует иметь в виду, что брошюра Л. Э. Шишко «Храбрый воин», вышедшая в Женеве в 1874 г. (с фиктивным обозначением: «Москва. Тип. Харламова»), имеет на титульном листе помету: «Сочинение Ф ***». Брошюра С. М. Кравчинского «Сказки о копейке», вышедшая в Женеве в 1874 г. (с фальшивым обозначением: «С.-Петербург. В тип. Сафронова»), имеет на титульном листе то же обозначение.

Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих «суда» Женева. 1877

После титульного листа посвящение: «Посвящается нашим политическим предшественникам». На титульном листе и на обложке эпиграф:

Ce serait une erreur de croire que ces choses
Finiront par des chants et des apothéoses.

V. Hugo. („Châtiments“)

(«И было бы ошибкой думать, что кончится это песнями и почестями». В. Гюго. «Кары»). Сборник перепечатывается целиком: в нем нет ни одного стихотворения, бывшего в печати ранее; с другой стороны, нет ни одного сборника революционных песен и стихотворений, который не использовал бы материалов этого необычайно цельного сборника, одного из самых популярных в истории русской революционной народнической поэзии. В предисловии к сборнику читаем: «В сборнике столько же авторов, сколько подписей; все эти подписи, конечно, псевдонимы; но каждому автору присвоен особый псевдоним; так что пьесы одного и того же автора подписаны одинаково» (стр. XXII, сноска). Всего в сборнике напечатано 69 стихотворений четырнадцати авторов (больше всего Синегуба и Волховского). Часть этих псевдонимов была впервые раскрыта в оглавлении изданного П. Л. Лавровым в 1898 г. НСРПиС. В тексте они были помещены с псевдонимами, но «позже мы узнали имена некоторых из авторов сборника, и так как в настоящее время нет никакой надобности скрывать их, то мы пользуемся случаем, чтобы сообщить их здесь» (стр. 142). Сборник вышел в свет не ранее ноября 1877 г. во время «процесса 193-х», по которому судились все или почти все участники сборника. Тираж — 1000 экз. Н. А. Морозов свидетельствует, что сборник «Из-за решетки» вызвал большой интерес не только в среде революционной молодежи, но и в либеральных кругах русской интеллигенции (Морозов, т. 2, стр. 216—217). Г. А. Лопатин сразу же послал его Тургеневу. 7(19) декабря 1877 г. Тургенев полемизировал с той частью предисловия к сборнику (оно было написано Г. А. Лопатиным), в которой было сказано, что «даже такие художники-джентльмены, как Ив. С. Тургенев, которого никто не заподозрит в доброхотном холопстве, — посодействовали своими трудами искажению нашего «мученика правды ради» в глазах нашего общества» (речь шла, понятно, о романе «Новь»). Тургенев в письме к Драгоманову, не соглашаясь с Лопатиным, утверждал, что «при данных условиях я мог сделать только то, что сделал, — и, по-видимому, результат не совпадает с выводами и заключениями моего критика» (Тургенев, т. 12., стр. 521—522).

«Думы мои любые...» (стр. 304). Впервые — ИР, стр. 1. Под этим и следующими четырнадцатью стихотворениями подпись: «Вербовчанин». Перепеч.: ОР (подпись: «Вербовчанин»; ст. 5—6: «В ореоле праведном Света и страдания»), СиП (подпись: «Вербовчанин») и Л III (подпись: «В.»). Мотивы этого стихотворения повторены в стихотворении того же автора «Тюремные стихотворения. Из старых тетрадок» (в его же сб.: «Стихотворения. 1905 год». Ростов-на-Дону, 1906, стр. 19). В стихотворении заметно влияние таких стихотворений Шевченко, как «Думи мої, думи мої, Лихо мені з вами...» и «Думи мої, думи мої. Ви мої єдині...»

К бюсту Белинского (стр. 304). Впервые — ИР, стр. 2—6. Перепеч.: ОР (подпись: «Вербовчанин») и Л III (подпись: «В.»). *Признав «действительности» право.* В сложном твор-

ческом пути Белинского был недолгий период (1838—1840), когда он гегельянской формулой «все действительное — разумно» пытался оправдать существующий общественный порядок.

Могила (стр. 308). Впервые — ИР, стр. 6—9. Перепеч.: СиП (подпись: «Вербовчанин») и Л III (подпись: «В.»).

Прощанье эмигранта (стр. 309). Впервые — ИР, стр. 9—11. С незначительными вариантами перепеч.: СиП (подпись: «Вербовчанин»), ОР (подпись: «Вербовчанин») и Л III (подпись: «В.»).

С. М. К. (стр. 310). Впервые — ИР, стр. 11—13. Перепеч.: Л III (подпись: «В.»). Стихотворение, скорее всего, обращено к Степану Мартыновичу Кардашеву (ок. 1852—189?), видному участнику «процесса 50-ти». 15 февраля 1877 г. он был переведен из Петропавловской крепости в Дом предварительного заключения, где Синегуб находился с декабря 1875 г. Естественное и прежде всего напрашивающееся предположение, что речь идет о С. М. Кравчинском, отпадает, так как в 1877 г. он принимал активное участие в революционном восстании в провинции Беневента в Италии; между тем из текста стихотворения ясно, что оно обращено к товарищу по заключению.

Мой друг Коля (стр. 311). Впервые — ИР, стр. 13—14. Перепеч.: Л III (подпись: «В.»). Адресат стихотворения не установлен.

Живое кладбище (стр. 312). Впервые — ИР, стр. 15—23. Перепеч.: Л III (подпись: «В.»); с незначительными вариантами: ОР. О ком идет речь в главе 2 не установлено. К строке: «Кто же отдаст ему душу его» в тексте ИР была следующая сноска, принадлежащая, по-видимому, редакции сборника: «Повод ко второму отделу «Живого кладбища» подала действительная участь одного из душевнобольных, замученных русским правительством, — по крайней мере, в таком виде обстоятельства ее дошли до поэта. Не надо, однако, думать, что они представляют что-либо исключительное в условиях преследования «подозрительных». При непременном условии судить и «исследовать» политического обвиняемого в Петербурге, хотя бы предполагаемое «преступление» было совершено на острове Сахалине, арестованные сплошь да рядом теряются из виду, словно опускаются в одну из oubliettes Людовика XI. Каковы же вообще условия существования политических арестованных, видно из общей цифры душевноболевших с 73 года; она еще не выяснена вполне, но и теперь уже достигает 25». «Oubliettes» — темница, в которую заключали во Франции пожизненно, лишая всяких сношений с внешним миром, так что о человеке забывали (отсюда и название).

«Волчонок» (стр. 316). Впервые — ИР, стр. 23—26. Перепеч.: Л III (подпись: «В.»). «Волчонок» — революционная кличка *Любатович* Веры Спиридоновны (по мужу Осташкиной, 1855—1907). В 1871 г. она уехала в Швейцарию и училась в Цю-

рихском университете, где вошла в кружок «Фричей» (см. стр. 768). По возвращении в Россию вступила во «Всероссийскую социально-революционную организацию». В августе 1875 г. была арестована и 14 марта 1877 г. по «процессу 50-ти» приговорена к каторжным работам на 6 лет, замененным ссылкою на поселение в менее отдаленные места Сибири. Об этом редакцией ИР сделана соответствующая сноска к заглавию стихотворения.

«Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...» (стр. 318). Впервые — ИР, стр. 27—30. С незначительными вариантами перепеч.: ОР и Л III (подпись: «В.»). Стихотворение обращено к жене Синегуба — Ларисе (Софье) Васильевне Чемодановой (1856—1923). Она была арестована в связи с делом мужа. Позднее вместе с Л. И. Корниловой была основательницей политического «Красного Креста» и добровольно последовала за мужем на Кару (КиС, 1923, № 6, стр. 247). Знакомство с Л. В. Чемодановой, их фиктивный, а потом и фактический брак с большой яркостью описаны Синегубом в его «Воспоминаниях чайковца» (Б, 1906, № 8, стр. 56—80).

Она (стр. 320). Впервые — ИР, стр. 30—36. В тексте ИР, в сноске к заглавию, было следующее примечание, по-видимому, редакции: «Все они осуждены — частию за ведение социально-революционной пропаганды в среде рабочих, частию за принадлежность к революционной организации и «недонесение» о чужой деятельности: *Софья Бардина* 22 лет — на 9 лет; *Александра Хоржевская* 20 л. — на 5 л.; *Ольга Любатович* 22 л. — на 9 л.; *Варвара Батюшкова* 25 л. — на 9 л. — *в каторжные работы; Анна Топоркова* 21 г. — на 4 г., и *Геся Гельфман* 22 л. — на 2 г. — *в рабочий дом,* с лишением всех прав состояния; *Лидия Фигнер* 21 г., *Варвара Александрова,* 23 л., *Вера Любатович,* 20 л., *Евгения Субботина,* 23 л., *Надежда Субботина,* 20 л., *Елена Медведева,* 25 л., *Марья Субботина,* 21 г. — *в Сибирь на житье; Надежда Георгиевская,* 19 л. — на 3 месяца, *Екатерина Гамкрелидзе,* 20 л. — на 6 недель, *Екатерина Введенская,* 20 лет — на 2 недели — *тюремного заключения*». С незначительными вариантами и без редакционного примечания о женщинах «процесса 50-ти» перепеч.: ОР, Л III (подпись: «Б.», вероятно, опечатка — вместо «В.»). Позднее перепеч.: С. С. Синегуб. Стихотворения. 1905 г. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 23—25, под заглавием «Народница» (посвящение и примечание сняты). Кроме того, стихотворение подверглось стилистической правке, сокращению и переделке. Синегуб стремился дать типичный образ женщины-революционерки; тем не менее начало стихотворения навеяно, по-видимому, биографией сестер Субботиных, а следующая часть — С. Л. Перовской. См.: Е. Субботина. На революционном пути. М., 1928; Н. Ашешов. С. Л. Перовская. Пг., 1920, стр. 10 и сл. Образ женщины-революционерки проникал иногда и на страницы легальной печати (см., напр., стихотворение А. Ленцевича «Подвижница». «Газета А. Гатцука», 1890, 25 марта, № 11, стр. 206—207).

К другу (стр. 323). Впервые — ИР, стр. 36—37. Перепеч.: Л III (подпись: «В»). По мнению Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), стихотворение обращено к Ф. В. Волховскому. Содержание стихотворения подтверждает это предположение.

Петру Алексееву (стр. 324). Впервые — ИР, стр. 38—41. Перепеч.: ОР (последние 13 стихов, приходящиеся на несохранившуюся 82-ю страницу в этом сборнике, неизвестны: см. стр. 821); СиП (подпись: «Вербовчанин»); НСРПиС (подпись: «Вербовчанин»); Л III (подпись: «В.») и ПБ (подпись: «Вербовчанин»). *Алексеев* Петр Алексеевич (1849—1891) — ткач, участник революционного кружка, организованного за Невской заставой в Петербурге в 1873 г. Судился по «процессу 50-ти». На суде 10 марта 1877 г. произнес знаменитую речь с призывом к революции; текст ее неоднократно издавался отдельными брошюрами, перепечатывался в сборниках, ходил в списках и т. д. Алексеев был присужден к 10 годам каторжных работ, по отбытии их поселен в Якутской области и вскоре был убит грабителями. По поводу этого поэтического отклика на речь Алексеева в советской литературе указывалось, что вместо облика рабочего-революционера Синегуб, верный своей народнической идеологии, смог нарисовать лишь образ просто бунтаря из народа. Другое стихотворение, навеянное речью Алексеева, было написано Ф. В. Волховским, но текст его неизвестен. См.: Ф. Волховской. Русский ткач Петр Алексеевич Алексеев. СПб., 1906, стр. 9. Кроме того, два анонимных стихотворных переложения речи Алексеева см. в изд.: «Архив „Земли и воли" и „Народной воли"». М., 1932, стр. 315—317.

Монолог (стр. 326). Впервые — ИР, стр. 42—43. С незначительными вариантами перепеч.: ОР (подпись: «Вербовчанин») и Л III (подпись: «В.»). *С страдалицей подругой дорогой* — Л. В. Чемодановой, женой Синегуба.

Перед смертью (стр. 327). Впервые — ИР, стр. 43—45. Перепеч.: ОР (подпись: «Вербовчанин»), Л III (подпись: «В.»).

Завещание (стр. 328). Впервые — ИР, стр. 46—47. Перепеч.: СС (здесь и в других публикациях подпись: «Вербовчанин»), ОР, СиП, НСРПиС (помета: «Дом предварительного заключения»), Л III (подпись: «В.») и ПБ. Первые 4 стиха помещены в качестве эпиграфа к статье Д. А. Клеменца «По поводу завещания» («Товарищи по убеждениям. . .»), «Община», 1878, № 8-9, стр. 1.

Вербовчанину (стр. 329). Впервые — ИР, стр. 48—49 (подпись: «В. Носов»). Перепеч.: Л III (подпись: «В. Н.»). Псевдоним остается до сих пор нераскрытым; не мог его расшифровать и Н. А. Морозов (в беседе с А. А. Шиловым). Как видно из примечания к следующему стихотворению, автор его находился в это время (1876—1877) в Доме предварительного заключения. *Вербовчанин* — псевдоним С. С. Синегуба (о нем см. на стр. 755).

«Когда и тьму и предрассудки...» (стр. 330). Впервые — ИР, стр. 49—50 (подпись: «В. Носов»). Перепеч.: Л III (подпись: «В. Н.»). В тексте ИР к последней строке стихотворения была следующая сноска, очевидно, редакции сборника: «Собственно пьеса эта принадлежит двум авторам. Происхождение ее такое: читая книгу, уже бывшую в руках других арестованных, Носов нашел в ней клочок бумаги с первоначальным наброском первого куплета; были ли то строки такого же заключенника или только сделанная последним выписка — неизвестно. Но мотив строфы совпал с настроением нашего автора и вызвал с его стороны, так сказать, антитезу. Обработав по-своему найденный куплет, он прибавил к нему второй — собственный».

Ольге Любатович (стр. 331). Впервые — ИР, стр. 51—52 (подпись: «Е. Н.»). Перепеч.: СиП, НСРПиС (подпись: «Е. Н.») и Л III (подпись: «Е. Н.»). В тексте ИР к заглавию была следующая сноска, очевидно, редакции: «Ольга Спиридоновна Любатович, девушка 24 лет, осуждена 14 марта этого 1877 года особым присутствием Сената на 9 лет каторжных работ за составление тайного общества с революционными целями и ведение социалистическо-революционной пропаганды. Автор этого стихотворения — *рабочий*». Н. А. Морозов (в беседе с А. А. Шиловым) не мог раскрыть инициалов автора стихотворения. Возможно, что аналогично другим случаям данного сборника (см. стр. 778, 781, 788) инициалы надо переставить. В таком случае автор — предположительно Николай Иванович Едуков (ок. 1851—?), крестьянин Владимирской губ. В 1875 г. он переехал в Тулу, работал в паровозной мастерской и жил в качестве «нахлебника» у Ольги Любатович (псевдоним: Мария Махоткина). Принимал участие в революционной пропаганде среди рабочих, 7 сентября 1875 г. был арестован вместе с Ольгой Любатович; по «процессу 50-ти» приговорен к заключению в рабочем доме на три месяца.

«Когда за жажду обновленья...» (стр. 332). Впервые — ИР, стр. 52—54 (подпись: «Б. Помеха»). Перепеч.: Л III (подпись: «Б. П.»). Псевдоним остается нераскрытым; не мог его расшифровать и Н. А. Морозов (в беседе с А. А. Шиловым).

Из апостола Павла (стр. 333). Впервые — ИР, стр. 54—55. В этом и следующих пяти стихотворениях подпись: «Кар...» Перепеч.: ОР (подпись та же), Л III (подпись: «К.»). Криптоним был раскрыт в 1910 г. Ф. В. Волховским в сб. «Памяти Л. Э. Шишко» <Лондон>, 1910, стр. 11. Стихотворение представляет собою вольное переложение ст. 6—8 главы 4 Второго послания к Тимофею апостола Павла. *Тихомиров* Лев Александрович (1852—1923) принимал участие в революционном движении с 1868 г. Автор популярной брошюры «Сказка о четырех братьях» (1868 и ряд переизданий). Был арестован в 1873 г. по «процессу 193-х» и провел более 4 лет в Петропавловской крепости. По этому процессу предварительное заключение было зачтено ему как наказание. С 1878 г. член партии «Земля и воля» и один из редакто-

ров ее печатного органа, с 1879 г. — член Исполнительного комитета «Народной воли». Автор знаменитого письма Исполнительного комитета к Александру III (1881). В 1882 г. эмигрировал, но продолжал активную революционную работу. В 1888 г. «раскаялся», возвратился в Россию и быстро перешел на крайние реакционные позиции в качестве журналиста «Московских ведомостей» и «Русского обозрения». Ср. любопытное стихотворение С. С. Синегуба «К портрету Л. Тихомирова», написанное приблизительно в 1896 г. Оно начинается словами:

Давно то было! Без сомнения
Передовым ты шел в бою,
На алтаре освобождения
Сжигая молодость свою!

(КиС, 1927, № 2 (31), стр. 98). О популярности Тихомирова в период его революционной деятельности свидетельствует также стихотворение С. М. Когана «Л. Тихомирову», напечатанное в ОД, 1885, февраль, № 70, стр. 15—16 (подпись: «Студент С-н»). После Февральской революции Тихомиров явился к начальнику московской милиции А. М. Никитину и дал ему следующую «подписку»: «Новое правительство я признаю и все распоряжения оного исполню и во всем ему буду повиноваться» («Русское слово», 1917, 10 марта, № 55).

«Дорогие братья...» (стр. 333). Впервые — ИР, стр. 55. Перепеч.: ОР и Л III (подпись: «К.»).

«Прочь мои снимите цепи...» (стр. 334). Впервые — ИР, стр. 56. Перепеч.: ОР (подпись: «Кар....») и Л III (подпись: «К.»).

К моему пиджаку (стр. 334). Подражание стихотворению «Mon habit». Впервые — ИР, стр. 57—59. Перепеч.: Л III (подпись: «Кар....»). «Невскою» в ст. 9 раскрывается на основании цитаты в биографическом очерке Ф. В. Волховского о Л. Э. Шишко (см. сб. «Памяти Л. Э. Шишко». <Лондон>, 1910, стр. 11).

«Прощай, земля родная! Может быть...» (стр. 336). Впервые — ИР, стр. 59. Перепеч.: Л III (подпись: «К.»).

Плясовая (стр. 336). Впервые — ИР, стр. 60. Перепеч.: НСРПиС (подпись: «Кар....»), Л III (подпись: «К.»), ПБ (подпись: «Кар....»).

«Эх, кабы нам теперь да на луг, господа...» (стр. 337). Впервые — ИР (подпись: «Л. Михайлов»). Перепеч.: Л III (подпись: «К. М.»). Л. Михайлов — по-видимому, псевдоним. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым высказал предположение, что он принадлежит Леониду Эммануиловичу Шишко (1852—1910) — видному деятелю народнического движения 1870—1880-х го-

дов, впоследствии примкнувшему к эсерам. Основание — сходство стихотворения со стилем принадлежащей ему прокламации: «Чтой-то, братцы, как тяжко живется нашему брату на русской земле» (Женева. Изд. кружка чайковцев, 1874; потом неоднократно переиздавалось).

В Доме предварительного заключения (стр. 338). Впервые — ИР, стр. 63. Под этим и следующими шестью стихотворениями подпись: «М. Н.». Перепеч.: Л III (подпись: «М. Н.») и с незначительными вариантами в сборниках Н. А. Морозова: «Стихотворения». Женева, 1880, и «Из стен неволи». СПб., 1906. Н. А. Морозов был одним из первых, попавших в только что законченный постройкой Дом предварительного заключения в Петербурге (Морозов, т. 2, стр. 112—127). *Морозов* Николай Александрович (1852—1946) — виднейший деятель русского революционного движения, ученый (химик, физик, математик, астроном) и поэт. С 1874 г. связан с московской группой «чайковцев», принимал участие в «хождении в народ». В 1874 г. эмигрировал, но уже в 1875 г. возвратился в Россию. Привлекался к ответственности по «процессу 193-х», ему было зачтено в наказание двухлетнее предварительное заключение. В 1878 г. член «Земли и воли», один из редакторов ее печатных органов, активный сторонник методов террора. С 1879 г. член Исполнительного комитета «Народной воли» и редактор ее изданий. В начале 1880 г. эмигрировал, в январе 1881 г. при возвращении в Россию арестован и по «процессу 20-ти» приговорен к пожизненным каторжным работам: 4 года провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и 21 год в казематах Шлиссельбурга. Освобожден в 1905 г.

В заключении (стр. 338). Впервые — ИР, стр. 64—65. Перепеч.: Л III (подпись: «М. Н.»); Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880. С незначительными вариантами, под заглавием «В заточении», вошло в сб. «Звездные песни», кн. 1. М., 1920.

Памяти 1873—75 гг. (стр. 339). Впервые — ИР, стр. 65—66. Перепеч.: ОР; Л III (подпись: «М. Н.»); с некоторыми вариантами — НСРПиС (подпись: «Н. Морозов»); Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880; с новыми вариантами — «Из стен неволи». СПб., 1906; снова с исправлениями — «Звездные песни», кн. 1. М., 1920. *Эти дни моей жизни короткой* и т. д. — пора «хождения в народ» 1874 г., в котором Морозов принимал самое активное участие.

Тюремные видения (стр. 340). Впервые — ИР, стр. 68—79. Перепеч.: ОР (подпись: «М. Н.»). С рядом вариантов, с подзаголовком «Отрывок из поэмы „Борьба"» и с датою «4 апреля 1877 г.» напечатано — «Вперед», т. 5, 1877. Этот текст перепеч.: Л V. С новыми вариантами и посвящением Ольге Любатович было напечатано в сб.: Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880. Этот текст перепеч.: НСРПиС и ПБ. В совершенно переделанном виде — под заглавием «Шлиссельбургский узник. Поэма веков» — вошло в сб. Морозова «Звездные песни», кн. 1. М., 1920.

В беседе с А. А. Шиловым Н. А. Морозов сообщил, что стихотворение было переслано Лаврову им самим во время кратковременной свободы, когда его выпустили из тюрьмы на поруки отца, а через две недели снова арестовали и поместили в Дом предварительного заключения (т. е. до 23 марта 1876 г. Дата установлена Ш. М. Левиным). «Тюремные видения» были первым напечатанным, но вторым написанным им произведением. Начато оно было в 1876 г. в заключении, в помещении Тверской части в Москве: «Мне захотелось писать стихами, но на душе было уныло, и унылое настроение навевало на меня одни меланхолические мотивы, так мало согласовавшиеся с обычным жизнерадостным состоянием моей души. Я сам не знаю, как у меня вдруг сложилось четверостишие:

Кругом непроглядною черною мглой
　Степная равнина одета,
И мрачно и душно в пустыне глухой,
　И нет в ней ни жизни, ни света.

Я записал его спичкой на стене камеры, и оно мне понравилось, но продолжать я не мог. От него стало хуже на моей душе» (Морозов, т. 2, стр. 95). Стихотворение было закончено в Петербурге, в Доме предварительного заключения, прочтено товарищам через сточную трубу ватерклозета, тем же способом было продиктовано для передачи находившемуся в тюремном лазарете Ф. В. Волховскому (там же, т. 2, стр. 216—217).[1] Любопытно, что перепечатка в числе прочих этого стихотворения в сборнике «Звездные песни» в 1910 г. была инкриминирована Морозову, и он в конце 1911 г. был приговорен к году тюремного заключения (Морозов, т. 3, стр. 69—87). *И трое царей нас давило.* Александр I, Николай I и Александр II.

«Р у с с к а я ж и з н ь! С р е д ь г у с т о й т е м н о т ы...» (стр. 346). Впервые — ИР, стр. 79—80. Перепеч.: ОР (подпись: «М. Н.»), СС (подпись: «Н. Никто»), Л III (подпись: «М. Н.»). С некоторыми вариантами перепеч. в сборниках стихотворений Н. А. Морозова: «Стихотворения». Женева, 1880; «Из стен неволи». СПб., 1906; «Звездные песни». М., 1910; «Звездные песни», кн. 1. М., 1920 (заглавие: «В отчаянии»). Во всех сборниках, кроме ИР и ОР, стихотворение начинается следующими строками:

Некуда деться от злобы и боли!..
Порча какая случилася, что ли,
Желчь ли во мне разлилась в эту ночь —
Право, не знаю! Но только невмочь!..
Против любимой недавно отчизны
Льются из сердца слова укоризны...

---

[1] Морозов называет стихотворение «Виденья в темнице», переделанное потом в «Венецианского узника», — текст с таким заглавием неизвестен.

«Проклятие! Пиши стихи в тюрьме...» (стр. 347). Впервые — ИР, стр. 81—82. Перепеч.: НСРПиС (подпись: «Н. Морозов») и Л III (подпись: «М. Н.»). С вариантами вошло в сборники стихотворений Морозова: «Стихотворения». Женева, 1880 (этот текст и вошел в НСРПиС); «Из стен неволи». СПб., 1906 (заглавие: «Проклятие»); «Звездные песни», кн. 1. М., 1920 (заглавие: «Проклятие»).

«Сгинули силы...» (стр. 348). Впервые — ИР, стр. 83. Перепеч.: ОР; Л III (подпись: «М. Н.»); Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880. Стихотворение написано в лазарете Дома предварительного заключения (см. Морозов, т. 2, стр. 231—232, отрывки стихотворения).

«Прошла зима, подходит лето...» (стр. 348). Впервые — ИР, стр. 84—86. Перепеч.: Л III (подпись: «Д. А.»).

Груня (стр. 349). Впервые — ИР, стр. 86—92. Перепеч.: Л III (подпись: «Д. А.»).

Хаос (стр. 353). Впервые — ИР, стр. 93. Перепеч.: Л III (подпись: «П. А.»). Как видно из текста стихотворения, автор его был близок к петербургским «чайковцам» и, вероятно, знал В. А. Богомолова (см. ниже).

Призрак (стр. 354). Впервые — ИР, стр. 94—95. Перепеч.: Л III (подпись: «П. А.»).

Другу Вербовчанину (стр. 355). Впервые — ИР, стр. 96. Перепеч.: Л III (подпись: «П. А.»). *Вербовчанин* — псевдоним С. С. Синегуба (о нем см. стр. 755).

На смерть Богомолова (стр. 355). Впервые — ИР, стр. 97—98 (подпись: «П. А.»). Перепеч.: Л III. *Богомолов* Владимир Александрович (1855—1875) — студент Медико-хирургической академии. В 1873 г. сблизился с «чайковцами» и организовал в Петербурге слесарную мастерскую. По словам «Старика» (т. е. С. Ф. Ковалика), «она стала своего рода революционным клубом» (Б, 1906, № 10, стр. 27). Арестован 4 января 1874 г. и 3 октября покончил жизнь самоубийством. В тексте ИР, в сноске к заглавию, было следующее примечание, по-видимому, редакции сборника: «Арестованный по подозрению в распространении социалистических брошюр в феврале 1874 года, Богомолов был одною из первых жертв тюремной пытки. Переведенный в Дом предварительного заключения, Богомолов осенью же этого года окончил там жизнь самоубийством».

Памяти Павла Трутковского (стр. 356). Впервые — ИР, стр. 98—99 (в оглавлении подпись: «Аноним»). Перепеч.: Л III и НСРПиС. В тексте ИР, в сноске к заглавию, было следующее примечание, по-видимому, редакции сборника: «Павел Никанорович Трутковский, молодой человек около 23 л., происхо-

дил из духовного звания, учился в Орловской духовной семинарии; потом был народным учителем. По подозрению в социально-революционной пропаганде был арестован в июле месяце 1874 года и, вследствие независимости и полного достоинства поведения при дознании и следствии, не выпущен на поруки, несмотря на ничтожность юридических оснований к аресту. Умер П. Н. от чахотки 12 мая 1877 г. в С.-Петербургском д<оме> п<редварительного> з<аключения>».

Пропагандист (стр. 356). Впервые — ИР (подпись: «Г. Эм.»). Перепеч.: Л III (подпись: «Г. Эм.»). По указанию Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), стихотворение посвящено ему и написано Григорием Михайловым — его товарищем по московскому кружку самообразования. Впоследствии Михайлов совершенно отошел от революционного движения. Большие отрывки из этого стихотворения (с рядом вариантов) Морозов цитирует в своих мемуарах. (См. Морозов, т. 1, стр. 236, и по указ. имен в т. 3.). *Крез* — царь Лидии (560—546 до н. э.), обладатель несметных богатств.

Из 1874 года (стр. 358). Впервые — ИР, стр. 103—104 (подпись: «М. М.»). Перепеч.: Л III (подпись: «М. М.»), НСРПиС (заглавие: «В народе»; в тексте — без подписи, в оглавлении — «М. Муравский»; дата: 1874 г.). *Муравский* Митрофан Данилович (1837—1879) — один из старейших деятелей русского революционного движения этого периода (его прозвища: «Дед», «Отец Митрофан»). Студентом Харьковского университета он в 1856—1858 гг. организовал революционный кружок. Был выслан в Оренбургскую губернию. В 1862 г. за «подготовление возбуждения к бунту» был приговорен к восьми годам каторжных работ. В 1873—1874 гг. вел активную пропаганду среди оренбургской молодежи. Вскоре был арестован. Судился по «процессу 193-х» и был приговорен к десяти годам каторжных работ. Об этом и о следующем стихотворении Тургенев выразился, что они «не без оригинального оборота» (Тургенев, т. 12, стр. 522).

Не от мира сего (стр. 359). Впервые — ИР, стр. 104—106 (подпись: «М. М.»). Перепеч.: Л III (подпись: «М. М.»). Ш. М. Левин предполагает, что стихотворение навеяно популярным в 1874 и следующих годах учением отчасти связанного с революционными кругами Александра Капитоновича Маликова (1839—1904). Его теория «богочеловеков» привлекла к себе изверившихся и разочарованных в революционном пути, колеблющихся интеллигентов. Маликов учил, что в душе каждого человека живет бог. Все люди братья — они должны любить друг друга и быть готовыми пожертвовать собою. Обновление жизни возможно лишь в духе равенства и братства, путем убеждения, но не насильственными методами; нетрудно видеть, что эта теория в какой-то мере явилась предшественницей учения о непротивлении злу насилием Л. Н. Толстого. Маликову удалось на некоторое время увлечь своим учением даже таких революционеров, как Н. В. Чайковский.

Кто? (стр. 360). Впервые — ИР, стр. 107—110 (подпись: «М. М.»). Перепеч.: Л III (подпись: «М. М.»). *Пиндар* (522 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий поэт, представитель торжественной хоровой лирики. *Житков* Александр Николаевич (ум. 1882) — генерал-майор, прославился жестокими методами проведения следствия по политическим делам. К 1-й строфе в тексте ИР было следующее примечание, по-видимому, редакции сборника: «Для недостаточно знакомых с историей русских полководцев и государственных людей необходимо объяснить, что генерал Житков производил дознание в 1874 г.». Ко 2-й строфе: «Точную цифру всех изловленных генер. Житковым определить невозможно. Надо, однако, думать, что их было не менее 30-ти человек, из коих значительная часть, просидев, сколько было потребно для блага отечества и для того, чтобы генер. Житков вспомнил о них, были отпущены. О полноте искоренения социализма можно судить по тому факту, что в числе арестованных был один (а может быть, и не один) мальчик 11-ти лет!» К 4-й строфе: «У одного из обвиняемых по казанской манифестации, Евгения Овчинникова, при обыске «нашли» между прочим белую фуражку без козырька. Фуражка эта долго мучила генер. Житкова своей подозрительностью. Наконец он не вытерпел и однажды поставил допросный пункт: „Что означает эта фуражка?"». К 6-й строфе: «Раз при тюремном обыске нашли у одного из обвиняемых, Леонида Щиголева, записку. Вследствие этого *всем* запретили продовольствоваться собственной пищей, пить чай, иметь книги. Через четыре месяца снова дозволили». К 7-й строфе: «По распоряжению генер. Житкова и других исторических исследователей казанского отдела, окна каморок, где сидели политические арестанты, были забиты снаружи досками, так что свет проходил через сравнительно небольшие щели. В этом положении арестованные провели около года. На второй же год мало-помалу сами оторвали почти все доски». К 8-й строфе: «Генерал Житков справедливо считал составление требуемого законом мотивированного постановления о содержании под стражей — ретроградною формальностью. Поэтому о большинстве подсудимых и выпущенных лиц совершенно не упоминается в делопроизводстве, что они были арестованы. О других постановления были составлены лишь по привозе их в Петербург». Популярное в свое время стихотворение:

Кто всей Россией управляет?
Министров ставит и сменяет?
Кто нас берег от разных ков? —
Михал Никифорыч Катков...

и след. 5 строф являются очевидным подражанием стихотворению Муравского (ГМ, 1916, № 11, стр. 206).

«Пусть я в тюрьме, пускай я связан...» (стр. 361). Впервые — ИР, стр. 111. (В этом и следующих двадцати одном стихотворении подпись: «А. Чорный»). Перепеч.: Л III (подпись: А. Ч.»). Это и все следующие стихотворения Ф. В. Волховского перепечатаны в его сборнике «Случайные песни», М., 1907. О *Волхов-*

ском — см. стр. 762. По сообщению Н. А. Морозова А. А. Шилову, Ф. В. Волховской — один из организаторов ИР. И. С. Тургенев в письме к М. П. Драгоманову от 19 декабря 1877 г. писал: «Кое-что похожее на талант мелькает в произведениях «Чорного», да и то навеяно Г. Гейне» (Тургенев, т. 12, стр. 522).

Прокурорские речи (стр. 361). Впервые — ИР, стр. 111—114. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.») и ПБ (без подписи). *Шубин* Николай Иванович — товарищ прокурора Саратовского окружного суда. *Мгркулов* Михаил Моисеевич — товарищ прокурора Саратовского окружного суда. *Жуков* Константин Николаевич — прокурор Московского окружного суда. *Жихарев* Сергей Степанович (1834—1899) — прокурор Саратовской судебной палаты, руководивший при помощи жандармского генерала И. Л. Слезкина дознанием по «делу 193-х», впоследствии сенатор. *Желиховский* (или Железовский) В. А. — см. стр. 815. *Аренда* — жалуемое царем ежегодное вознаграждение (обычно на 12 лет); до 1837 г. давались земли.

Прогресс (стр. 363). Впервые — ИР, стр. 115—116. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). *В первый раз сидел полгода.* По делу «Рублевого общества» Волховской находился под арестом с начала февраля до 17 августа 1868 г. *Во второй — два года с лишним* — по нечаевскому делу — с 16 апреля 1869 г. по июль 1871 г. *Столько ж времени на третий* — по «процессу 193-х» с августа 1874 г. по июль 1878 г. По сообщению И. С. Книжника, это стихотворение пелось весною 1902 г. политическими заключенными киевской Лукьяновской тюрьмы.

Гармония (стр. 364). Впервые — ИР, стр. 116. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

Из дорожных воспоминаний (стр. 364). Впервые — ИР, стр. 117—118. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

Судьба русского поэта (стр. 365). Впервые — ИР, стр. 119—120. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

Случайному тюремному другу (стр. 366). Впервые — ИР, стр. 120—121. Перепеч.: Л III (заглавие: «Тюремному другу», подпись: «А. Ч.»). *Но для меня так много сделал ты* и т. д. На основании брошюры Ф. В. Волховского «Друзья среди врагов. Из воспоминаний старого революционера» (СПб., 1906, стр. 10) можно предположить, что стихотворение обращено к жандарму в III Отделении, передавшему Г. А Лопатину черновик показания Волховского по делу о «Рублевом обществе». На основании этого показания Лопатин соответствующим образом изменил и свое, и дело было разрешено без суда, в административном порядке. Ср. в стихотворении строки: «Но ты всю сладость веры Мне возвратил» и в назв. брошюре: «своим бескорыстным поступком он поддержал во мне веру в человеческую природу». *Я словно Иов язвами покрытый.* По библейскому преданию, про-

рок Иов был, в целях испытания его веры богу, поражен проказою.

Н. Ч — и — у (стр. 366). Впервые — ИР, стр. 121—122. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.») и в сборнике Волховского «Случайные песни». М., 1907 (с заглавием: «Н. А. Чарушину»). *Чарушин* Николай Аполлонович (1851—1937) — один из виднейших участников кружка чайковцев, организатор пропаганды в Петербурге и в провинции. Чарушин и Волховской часто встречались на прогулках в Петропавловской крепости в период январь — июль 1878 г. после приговора по «процессу 193-х», перед отправлением на каторгу. Об этом стихотворении Чарушин упоминает в своих мемуарах «О далеком прошлом», чч. 1—2. М., 1926, стр. 211.

М. А. (стр. 367). Впервые — ИР, стр. 123—124. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). *М. А.* — Мария Иосифовна Антонова (1848—1877), жена Волховского. Антонова принимала активное участие в революционных кружках в конце 1860-х — начале 1870-х годов.

«Когда подумаю, голубка, о тебе...» (стр. 368). Впервые — ИР, стр. 125. Стихотворение обращено к М. И. Антоновой-Волховской (см. предыдущее примечание).

Всё то же (стр. 369). Впервые — ИР, стр. 125—126. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

«Не то обидно мне, что отнята свобода...» (стр. 369). Впервые — ИР, стр. 126—127. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»), НСРПиС (в оглавлении псевдоним раскрыт).

«Бесконечно мертво, монотонно...» (стр. 370). Впервые — ИР, стр. 127—128. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

Письмо (стр. 370). Впервые — ИР, стр. 128—129. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). Ст. 4-й, явно случайно пропущенный в тексте ИР и Л III, восстановлен по сборнику Волховского «Случайные песни». М., 1907. Эпиграф — из стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно...»

Прощай! (стр. 370). Впервые — ИР, стр. 129—130. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). Ст. 10 восстановлен по дате рождения Волховского — 1846 г. Стихотворение написано, очевидно, на отъезд М. И. Антоновой-Волховской (о ней см. выше) в 1876 г. за границу, где она в 1877 г. умерла.

Мать (стр. 371). Впервые — ИР, стр. 130—131. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). О своей матери Волховской упоминает в брошюре «Друзья среди врагов...» СПб., 1906, стр. 19 и 21. После свиданий с сыном в Петропавловской крепости она переправляла на волю его тюремные стихотворения.

«Я вынести могу разлуку...» (стр. 371). Впервые — ИР, стр. 131. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). Это стихотворение в КиС (1924, № 4 (11), стр. 255), а вслед за тем Е. Е. Колосовым («Государева тюрьма Шлиссельбург». М., 1930, стр. 237) и А. Р. Мазуркевичем («И. Г. Прыжов». Киев, 1958, стр. 113) ошибочно приписано Е. И. Минакову. В написанном в 1908 г. романе польского писателя Ст. Бржозовского «Зарево» (русский перевод, 1923, стр. 567) этот романс также поет в Шлиссельбургской крепости Минаков.

У окна (стр. 372). Впервые — ИР, стр. 132—133. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»). Эпиграф из стихотворения Т. Шевченко «А. О. Козачковскому» («Минають дні, минають ночі...»).

«Кашель душит, грудь болит...» (стр. 372). Впервые — ИР, стр. 133. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

«О, братство святое, святая свобода...» (стр. 373). Впервые — ИР, стр. 134—135. С незначительными вариантами перепеч.: ОР, Л III (подпись: «А. Ч.»). Без двух последних строф вошло в сборник Волховского «Случайные песни». М., 1907.

Нашим угнетателям (стр. 374). Впервые — ИР, стр. 136—138. Перепеч.: Л III (подпись: «А. Ч.»).

Там и здесь (стр. 375). Впервые — ИР, стр. 138—139. Перепеч.: ОР (дата — 1873), Л III (подпись: «А. Ч.», дата — 1873), НСРПиС (те же подпись и дата, в оглавлении указан автор — Ф. Волховской). С датой «1872» перепеч. в сборнике Волховского «Случайные песни». М., 1907.

Кричи!.. (стр. 376). Впервые — ИР, стр. 140. Перепеч.: ОР, НСРПиС (подпись: «А. Чорный»; в оглавлении указан автор — Ф. В. Волховской). Стихотворение было передано автором на волю и уже в 1874—1875 гг. приобрело значительную популярность, разошедшись во множестве списков. В рукописных, анонимных копиях заглавие «Кричи!..» было заменено более выразительным — «К бою». В. Г. Короленко в «Истории моего современника» рассказывает о распространенности стихотворения в студенческой среде. В Петровской сельскохозяйственной академии оно даже висело на стене (кн. 2, ч. 3, гл. 4).

«Мальчишка» (стр. 376). Впервые — ИР, стр. 141—142 (подпись: «О. П.»). Перепеч.: ОР и НСРПиС (подпись: «О. П.», в оглавлении криптоним раскрыт). *Орлов* Павел Александрович (ок. 1857—1890) в 1873—1874 гг., еще гимназистом в Оренбурге, принадлежал к революционному кружку С. Голоушева. Сблизившись с М. Д. Муравским, с 1874 г. вел пропаганду среди крестьян. Арестован в 1874 г. по «делу 193-х». По-видимому, в это время кто-то и назвал его «мальчишкой», — ему было тогда

17 лет. Судом был оправдан, но через 3 месяца за пропаганду среди петербургских рабочих был выслан в Архангельскую губернию. В дальнейшем всю жизнь подвергался многочисленным репрессиям. Кроме стихов, известен как автор двух прозаических произведений: «Рассказы прискателя» и «На дальном севере». Оба под псевдонимом «Павел Рельда» напечатаны в «Газете А. Гатцука» (1890, №№ 6—8, 12—14 и 36—37). Эти рассказы вызвали одобрительные отзывы Н. К. Михайловского и Г. А. Мачтета и ими же, вероятно, и были переданы в редакцию газеты (см. не вполне точные сведения в заметке П. С. Ивановской «П. А. Орлов». КиС, 1928, № 6 (43), стр. 156—161, и добавления Д. Д. Лейвина, там же, стр. 161—162). Следует иметь в виду, что в языковом обиходе 1870-х годов, особенно после «Признаков времени», цикла очерков «Наша общественная жизнь» и «Невинных рассказов» Салтыкова-Щедрина, слову «мальчишка» был придан особый семантический оттенок. Презрительное наименование реакционерами представителей молодого поколения «мальчишками» вызвало, как это часто бывает в таких случаях, переосмысление уничижительной клички в положительном значении.

Революция (стр. 377). Впервые — ИР, стр. 143—144 (подпись «О. П.»). Перепеч.: НСРПиС (подпись: «О. П.», в оглавлении криптоним раскрыт). Н. А. Морозов пишет, что «чуть не каждый день повторял в Алексеевском равелине стихотворение, написанное одним из первых моих товарищей в Доме предварительного заключения» (Морозов, т. 2, стр. 256; т. 3, 1947, стр. 50 — с некоторыми отличиями в тексте, ср. другие упоминания Орлова по указ. имен).

Общее дело. Газета политическая и литературная
Женева. 1877—1890

«Общее дело» выходило ежемесячно в Женеве с мая 1877 г. по ноябрь 1890 г. Всего вышло 112 номеров. В последнее время журнал выходил нерегулярно. Тираж составлял около 500 экз. Название журнала — один из наиболее распространенных в те годы эвфемизмов, обозначавших прогресс или революцию. Издателем его был М. К. Эльпидин, редактором А. Х. Христофоров. С № 15 (1878 г.) стал принимать активное участие врач и общественный деятель Н. А. Белоголовый (1831—1895). С 1881 г. он стал фактическим, но негласным и строго законспирированным редактором, выплачивая за это издателю (с ноября 1883 г.) по 100 франков за номер (ЛБ, ф. 22, папка № 2, ед. хр. 8, л. 5 об.). До середины 1881 г. ближайшее участие в журнале принимал В. А. Зайцев. Журнал был выразителем умеренно-конституционных стремлений и пропагандировал ограничение самодержавия народным представительством. В общем, он занимал несколько более левую позицию, чем легальная либеральная оппозиция тех лет. Обращает на себя внимание обилие информации о жизни России. В журнале (при посредстве Белоголового) были помещены неко-

торые запрещенные в России цензурою произведения Салтыкова-Щедрина («Сказки для детей изрядного возраста» и др.). Через Салтыкова-Щедрина Белоголовым был получен материал, послуживший к разоблачению «Священной дружины». Об «Общем деле» см. статьи Б. П. Козьмина «Из истории русской нелегальной прессы» («Исторический сборник» Академии наук СССР, т. 3. Л., 1934, стр. 163—218) и Н. Л. Мещерякова «Н. А. Белоголовый и газета „Общее дело“» («Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 2. 1939, стр. 66—70). Небольшой тираж и слабое распространение журнала в России определили его незначительную популярность. Стихотворный материал журнала приведен в настоящем издании почти полностью — не включено десять слабых стихотворений.

«Лет тридцать, как раки, мы задом ползли...» (стр. 379). Впервые — ОД, 1877, 9 мая, № 1, стр. 11—14, в составе «Размышлений неблагополучного» (подпись: «Н—б—й»). Стихам предшествуют следующие строки: «Позволяю себе привести разговор, который я имел с одним из таких оптимистов, каковой разговор мы, будучи крайне взволнованными оба, вели, сами того не замечая, рифмованными строчками». *Уплата пяти миллиардов.* Эти слова не вполне ясны: речь может идти о государственном долге России, который достиг в это время внушительной суммы в 4 314 600 000 руб., либо о пяти миллиардах, которые Франция должна была уплатить Германии в виде контрибуции после франко-прусской войны 1870 г. В тех же «Размышлениях неблагополучного» находятся в середине текста в разных местах еще два стихотворных отрывка, вероятно тоже принадлежащих Белоголовому. *Тимашев* — см. стр. 716. *Пален* Константин Иванович (1833—1912) — в 1867—1878 гг. министр юстиции, стремившийся по возможности ликвидировать все достижения судебной реформы 1864 г.

«Люблю тебя, родная Русь...» (стр. 380). Впервые — ОР, 1878, август, № 14, стр. 16. Стихотворение помещено со следующим предисловием редакции: «Наше чиновничество начинает вызывать такие живые чувства к себе, что для выражения их люди впечатлительные считают уже недостаточным язык презренной прозы и т<аким> о<бразом> в первый раз в жизни принимаются за стихи, как это можно видеть из присланного нам нижеследующего стихотворения, которое есть, очевидно, плод музы столь же неопытной, сколько искренней».

Новая реформа (стр. 381). Впервые — ОД, 1879, август, № 26, стр. 12—13. *Мезенцев* — см. стр. 803. *Лассаль* Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист. *Два раза сам я был мишенью пистолета.* В 1866 и 1868 гг. на Александра II были совершены именно таким образом покушения Д. В. Каракозова и А. И. Березовского; в 1879 г. было третье покушение — А. К. Соловьева. *На Итальянской пал от страшных ран.* Мезенцев был убит С. М. Кравчинским на углу Итальянской и Михайловской

улиц (ныне площадь Искусств). *Адлерберг* Александр Владимирович (1818—1888) — министр двора в 1872—1882 гг. *Фельдмаршал Никола* — великий князь Николай Николаевич (1831—1891), сын Николая I, с апреля 1878 г. генерал-фельдмаршал. *Толстой* Дмитрий Андреевич (1823—1889) — в 1866—1880 гг. обер-прокурор Синода и министр народного просвещения, в 1882—1889 гг. — министр внутренних дел и шеф жандармов. Один из реакционнейших деятелей, активно сопротивлявшийся передовой педагогике в высшей и средней школе; провел, в частности, реформы, ограничивающие возможности получения образования и усилившие преподавание в гимназиях древних языков. *Тимашев* А. Е. — см. стр. 716. *Грейг* Самуил Алексеевич (1827—1887) — министр финансов в 1878—1880 гг. *Валуев* — см. стр. 842. *Исидор* (Никольский, 1799—1892) — в 1860—1892 гг. митрополит Петербургский и Ладожский. *Здекауэр* Николай Федорович (1815—1897) — видный врач, с 1860 г. лейб-медик. *Плотицын* Максим — моршанский купец, один из вождей «скопческой» ереси, осужденный в 1869 г. к ссылке на поселение в Восточной Сибири. *Форшнейдер.* В 1856 г. при дворе был установлен чин обер-форшнейдера (от нем. schneiden — резать; Vorschnittener — скопец). *А для капеллы хора Каких бы теноров мы стали добывать.* Хор папской капеллы издавна комплектовался из малолетних кастратов-теноров. *Сильверстов* (или Селиверстов) Николай Дмитриевич — генерал-лейтенант, товарищ начальника III Отделения в 1879 г. *Людовика уж грезилися муки.* Французский король Людовик XVI был казнен в 1793 г. *Как Навин остановил движенье солнца.* По библейскому преданию, преемник Моисея Иисус Навин, чтобы помочь войскам Израиля в борьбе с амореянами под Гаваоном (город в Палестине), произнес: «Стой, солнце, над Гаваоном... И остановилось солнце... доколе народ мстил врагам своим». *И образ прадеда, свирепого чухонца.* По преданию, Павел I — чухонец (финн), был подложен вместо родившегося у Екатерины мертвого ребенка. *Его нам белый голубь заменит.* По учению скопцов, оскопленный приобщался к духу святому, изображавшемуся в виде голубя. *Скарятин* Владимир Дмитриевич — реакционный журналист, редактор-издатель крепостнической газеты «Весть» (1863—1870).

Из поэмы «Пир на весь мир»

1. «Никто, как бог...» (стр. 386). Впервые — ОД, 1879, ноябрь, № 29, стр. 14—15 (подпись: «Н. А. Некрасов»). Этот и следующие отрывки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» появились в русской легальной печати в «Отечественных записках» (1881, № 2, стр. 333—376). В этом издании есть некоторые варианты сравнительно с ОД, которое воспроизводит текст по изд.: Н. Некрасов. Пир на весь мир. Изд. Петербургской вольной типографии. СПб., вышедшему 16 декабря 1879 г. Некоторые соображения об истории и тексте этого издания см. в статье А. М. Гаркави «Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века» («Ученые записки Калининградского гос. педагогического института», вып. 3, стр. 217—219).

2. Крестьянский грех (стр. 389). Впервые — там же. См. предыдущее примечание.

3. Русь (стр. 390). Впервые — ОД, 1880, январь — февраль, № 31—32, стр. 13 (подпись: «Н. Некрасов»).

Петербургские мотивы (стр. 392). Впервые — ОД, 1880, январь—февраль, № 31—32, стр. 14. *Floh* — «Der Floh», сатирический листок, выходивший в Вене в 1869—1910 гг. *Бог спас монарха от седьмого покушенья.* В зависимости от счета покушений на Александра II, осуществленных и подготовлявшихся, речь может идти о взрыве царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. или о взрыве в Зимнем дворце, осуществленном Степаном Халтуриным 5 февраля 1880 г.

Завещание (стр. 393). Впервые — ОД, 1880, март — апрель, № 33—34, стр. 16 (подпись: «Н. Морозов»). *Н. А. С.* — Н. А. Саблин (о нем см. стр. 805). В беседе с А. А. Шиловым Н. А. Морозов сообщил, что стихотворение это, собственно говоря, принадлежит не ему. Оно было написано Н. А. Саблиным в подражание Беранже. «Стихотворение его мне не понравилось, — сказал Н. А. Морозов, — с внешней формы. Я его переделал, сгладил шероховатости, а затем оно без моего ведома, но за моей подписью было напечатано в журнале «Общее дело».

Марсельеза (стр. 394). Впервые — ОД, 1880, август, № 37, стр. 15—16. Переводчик не установлен. Марсельеза, «лучший революционный гимн прошлого» (Ф. Энгельс), была написана в ночь с 25 на 26 апреля 1792 г. офицером Жозефом *Руже де Лилем* (1760—1836) в связи с вторжением Австрии во Францию. Песня была исполнена перед армией и с энтузиазмом повторена солдатами, добровольцами и населением Марселя. Войсками же эта песня уже в июле 1792 г. была занесена в Париж и впервые напечатана (без нот). Среди солдат она произвела такое впечатление, что многие генералы приписывали честь победы в сражении песне. В русской традиции функции и название «Марсельезы» или «Рабочей марсельезы» («Солдатской марсельезы», «Пролетарской марсельезы», «Шахтерской марсельезы», «Новой песни» и др.) приобретали стихотворения, не имевшие ничего общего по тексту с подлинной «Марсельезой», например: «Долго нас помещики душили. . .» В. С. Курочкина (?), «Вперед, без страха и сомненья. . .» А. Н. Плещеева (1846) и особенно «Отречемся от старого мира. . .» П. Л. Лаврова (1875, см. стр. 262). Были переделки и реакционного характера, например «Русская марсельеза», изд. в Киеве в 1907 г. Первым неполным и приблизительным переводом припева «Марсельезы» на русский язык считаются соответствующие строки «Ослушной песни» (см. стр. 162 наст. изд.). В 1870-х годах «Марсельеза» была переведена А. К. Шеллером-Михайловым и напечатана в одном из изданий С. С. Окрейца (об этом см. ИВ, 1907, № 5, стр. 409—410; этот текст нами не обнаружен). В 1885 г. в газете «Суфлер» был напечатан перевод четырех строф и припева, принадлежащий В. И. Богданову (31 марта, № 22 (365), стр. 2). Кроме того, известны еще не менее 12 переводов гимна на русский язык (В. Г. Тана, В. Ладыженского, Л. Уманца, В. Уманова-Каплуновского, А. М. Федорова, В. Коломийцева, Н. Арватова, С. Обрадо-

вича, М. П. Столярова, П. Антокольского и др.). Ряд материалов по истории мелодии «Марсельезы» приведен в книге Друскина, стр. 87 и 154. См. также статью А. Л. Дымшица «О рабочих марсельезах» (в его сб. «Литература и фольклор». Л., 1938, стр. 161—182).

Притча (стр. 396). Впервые — ОД, 1881, июнь, № 41, стр. 6—8 (подпись: «Н. Некрасов»). В изд.: Некрасов, т. 2, стр. 786, в качестве первой публикации неверно указан текст «Заветов» (1913, № 2). В стихотворении в прикровенной форме отражены чаяния, а затем разочарование различных кругов русского общества в начале царствования Александра II. *О новом вине и о старых мехах* — цитата из Евангелия от Матфея.

«Однажды я ночной порой...» (стр. 402). Перевод стихотворения Шевченко «Якось то идучи в ночі...». Впервые — ОД, 1881, № 43, стр. 7. Автор перевода не установлен, и перевод этот в шевченковедческой библиографии не зарегистрирован.

«Если трезвой мысли холод...» (стр. 403). Впервые — ОД, 1882, март, № 47, стр. 16. Автор устанавливается цензурными данными (см. ниже, стр. 794 и «Русская муза». СПб., 1908, стр. 346). *Михайлов* Владимир Петрович (1855—1897) — физиолог. с 1882 г. ассистент И. М. Сеченова. О нем см.: Б. Глинский. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914, стр. 189—210. Под псевдонимом «Вл. Мартов» Михайлов сотрудничал в качестве поэта в «Русской мысли», «Русском богатстве», «Вестнике Европы» и других изданиях. Первые две строки стихотворения — перефразировка начала стихотворения М. Л. Михайлова:

Если лет бесстрастных холод
Всё в тебе оледенил...

Стихотворение (под псевдонимом «Вл. Мартов») предназначалось для сборника «Отклик», но было запрещено цензурой. По словам цензора, оно «возвещает братьям, что начался час исхода и дан священный пароль» (см. примечание к след. стихотворению).

Поэт (стр. 404). Вольный перевод «Ballade du roi des gueux» Жана Ришпена. Впервые — ОД, 1882, март, № 47, стр. 16—17. С ошибками перепеч.: НСРПиС. Это и предыдущее стихотворение напечатаны в ОД со следующим редакционным примечанием: «Помещаемые ниже стихотворения были назначены для известного студенческого сборника «Отклик», куда они не были допущены цензурой. Они принадлежат двум различным авторам. Одно из них оригинальное, другое — мастерской перевод из одного из замечательнейших поэтов недавно образовавшейся во Франции «натуралистической школы». С удовольствием даем им место в нашем издании и убедительно просим наших русских корреспондентов и всех понимающих необходимость деятельной борьбы с гонителями русской мысли доставлять нам все сколько-нибудь замечательные продукты последней, забракованные цензурой». *«Отклик»* — студенческий сборник, легально изданный П. Ф. Якубовичем и В. Н. Шаталовым в пользу недостаточных студентов Петербургского универси-

тета и слушательниц Высших женских курсов в Петербурге в 1881 г. Его цензурную историю см. ниже, на стр. 819, и в статье С. Н. Валка «К истории „процесса 21-го"» (КА, т. 5(36), 1929, стр. 128—179). *Ришпен* Жан (1849—1926) — французский поэт. В первых его сборниках воспевался мир бродяг и отщепенцев — своеобразная форма анархического протеста против морали буржуазного общества. В подлиннике — 3 строфы по 8 строк и заключительная строфа, превращенная переводчицей в припев. Об А. П. Барыковой см. стр. 816. В постановлении С.-Петербургского цензурного комитета от 6 апреля 1881 г. о мотивах запрещения стихотворения сказано: «В стихотворении «Поэт» (Барыковой из Ришпена), именуя себя певцом векового страдания и законным царем бессловесной твари, зовет к себе всю непокрытую голь, все отродье, в утробе проклятое <следует цитата в 20 строк>. С этим воинством, набранным из самых грязных подонков общества, поэт намерен произвести социальный переворот» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 20, № 345, л. 2 об.).

Песня голытьбы (стр. 405). Впервые — ОД, 1882, апрель — май, № 48, стр. 15—16 (подпись: «П. Безобразов»). Перепеч. с небольшими вариантами и дополнением 2-х строф: П. В. Григорьев. Стихотворения. Париж, 1883, стр. 74—81. Судя по рецензии Х. Х. <А. Х. Христофорова> в № 61 ОД (1888, май, стр. 15—16), в это стихотворение и в стихотворение «Песня», напечатанное в № 51 ОД, редакцией были внесены небольшие изменения. В редакционном примечании к публикации стихотворения Григорьева было указано: « NB Врублевский <1836—1908> участвовал в польском восстании 1863 г. и принимал участие в Парижской коммуне, которой и был произведен в чин генерала».

Н. Г. Чернышевскому (стр. 407). Впервые — «Отечественные записки», 1877, № 1, стр. 280, под заглавием «Пророк» (подпись: «Н. Н.»), без последней, четвертой строфы, которая в качестве «отброшенной поэтом» появилась в изд.: Н. А. Некрасов. Стихотворения, т. 4. СПб., 1879, стр. CI. Впервые в полном виде — ОД, 1882, август, № 50, стр. 9 (подпись: «Н. Некрасов») со следующей редакционной сноской: «Это стихотворение помещено в Полном собрании сочинений Некрасова под заглавием «Пророк» (Из Барбье) и без четвертого куплета, не пропущенного цензурой». Почти аналогичный текст с разночтениями в ст. 10, 14 и 16 был вскоре приведен в воспоминаниях о Некрасове П. Безобразова (псевдоним П. В. Григорьева) в женевской газете «Правда», 1883, 3 января, № 16, стр. 7. Стихотворение это, сохранившееся в нескольких рукописях и черновых набросках, имело разные заглавия и отсылало в целях цензурной маскировки к Байрону, к Ларре, к Барбье. В экземпляре «Последних песен», подаренном И. Н. Крамскому 3 апреля 1877 г., Некрасов зачеркнул заглавие «Пророк. (Из Барбье)» и написал: «В воспоминание о Чер<нышев>ском» (ЛН, № 49—50, 1946, стр. XXV, и № 53—54, 1949, стр. 156). Дата этого стихотворения неясна (от 1862 г. до 1874 г.), а содержание противоречит предположению о Чернышевском как его первоначальном адресате (см., например, строки: «Не хуже нас он видит

невозможность Служить добру, не жертвуя собой» или «Его еще покамест не распяли, Но час придет — он будет на кресте», — отнести их к сосланному на каторгу Чернышевскому трудно). Некрасов, вероятно, поступил с этим стихотворением так же, как и со стихами «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Еще скончался честный человек...», т. е. переадресовал написанное по другому поводу, но оставшееся ненапечатанным стихотворение.

Ода на коронацию Александра III (стр. 408). Впервые — ОД, 1882, декабрь, № 51, стр. 15. *Познавши жизнь острога.* Из страха перед новым покушением Александр III переселился в Гатчину, оказавшись «пленником революции» (см. стр. 823). *Наш доморощенный Фальстаф.* Сравнение Александра III с героем комедий Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские кумушки» было основано на толщине и пристрастии русского царя к спиртным напиткам. *Идешь ты робко на венчанье.* Из-за опасения террористических актов коронация была отложена и состоялась лишь 15 мая 1883 г., т. е. более чем два года спустя после воцарения. *А умер он в канаве лежа.* Александр II был смертельно ранен на набережной Екатерининского канала, который в просторечии назывался канавой. *Без ног в мир лучший улетел.* Брошенной Гриневицким бомбой Александру II были раздроблены ноги. *Миро* — специальный ароматический состав, употребляемый в христианской церкви. *Катков* — см. стр. 797.

Февраль 1884 (стр. 409). Впервые — ОД, 1884, август. № 64, стр. 14. Опубликовано в разделе «Нам пишут» со следующим пояснением автора раздела — «Оптимиста»: «Как литературный образчик, рисующий душевное состояние энергической молодости, посылаю вам следующее стихотворение одного из неизвестных поэтов, характеризующее и ее нервную возбужденность и всю нетерпеливую страстность ее ожиданий избавления».

Царство дворников (стр. 410). Впервые — ОД, 1885, апрель, № 72, стр. 14 (подпись: ***). Стихотворение представляет собою перепев стихотворения Лермонтова «Сосна». *На наследственном троне безграмотный дворник сидит.* Сравнение Александра III с дворником часто встречается в нелегальной литературе 1880-х годов.

После одной проповеди (стр. 410). Впервые — ОД, 1885, апрель, № 72, стр. 15. Псевдоним остается нераскрытым: происхождение его, очевидно, связано с именем популярного архиепископа Владимирского, потом Воронежского Парфения (П. В. Васильева-Черткова, 1782—1853). Эпиграф — из стихотворения Державина «На смерть князя Мещерского». *Бедоносцев* — Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), реакционный государственный деятель, воспитатель Александра III, в 1880—1905 гг. — обер-прокурор Синода. *Свинья, что в басне у Крылова.* Имеется в виду басня «Свинья под дубом».

Над могилой Судейкина (стр. 412). Впервые — ОД, 1885, май, № 73, стр. 16, в рубрике «Из запретных стихотворений

последних лет». *Судейкин* — см. примечание на стр. 812. В газетах, вероятно вследствие правительственного запрета, сведений об убийстве не появлялось, если не считать траурного объявления в «Новом времени», в котором глухо сказано о «скончавшемся» Судейкине (19 декабря, № 2806). Газеты ограничились лишь перепечаткой сообщения «Правительственного вестника» (20 декабря, № 278) об отпевании Судейкина в церкви Мариинской больницы, совершенном архимандритом Иннокентием. Приводимые в подзаголовке слова, вероятно, городские слухи.

Дворник (стр. 413). Впервые — ОД, 1885, май, № 73, стр. 16, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». Ср. примечание на стр. 795 к стих. «Царство дворников».

П. Л. Лаврову (стр. 413). Впервые — ОД, 1885, июнь, № 74, стр. 12 (подпись: «Н. Б.»). Стихотворение было прочитано в Париже на обеде в день рождения П. Л. Лаврова.

Встречный голос на въезд Александра III (стр. 414). Впервые — ОД, 1885, июнь, № 74, стр. 16 (подпись: «N»), в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет», со следующим редакционным примечанием: «Под этим названием напечатано в хрестоматии Филонова стихотворение Бенедиктова на въезд Александра III в Петербург после коронации. 1-й и затем все нечетные стихи взяты в последовательном порядке из этого стихотворения без всяких изменений». Имеется в виду изд.: А. Филонов. Русская хрестоматия с примечаниями, т. 2. Изд. 2, СПб., 1865 (и другие издания). На стр. 544—546 напечатано стихотворение В. Г. Бенедиктова «Встречный голос при торжественном въезде его императорского величества Александра II в Петербург», выдержанное в тонах безудержного восторга по поводу происходившей 26 августа 1856 г. коронации. На основании редакционных помет на хранящемся в Институте марксизма-ленинизма экземпляре «Общего дела» Б. П. Козьмин установил принадлежность редактору журнала Александру Христофоровичу *Христофорову* (1838—1913) ряда статей, подписанных N и NN (1884, № 59; 1885, № 76; 1887, № 102, 103; 1888, № 105). Но кроме того, в 1885 (№ 74), 1886 (№ 82) и 1888 (№ 108) гг. были напечатаны стихи, подписанные тем же криптонимом. Вероятно, они принадлежали тому же Христофорову: редактору незачем было смешивать в своем журнале под одним обозначением разных лиц. На этом основании предположительно раскрыт автор этого и двух других стихотворений (см. стр. 421 и 435). Ф. И. Витязев считает криптонимы N и NN принадлежащими Н. А. Юреневу (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 268—269); источником его утверждения является, по-видимому, книга: <М. К. Эльпидин>. Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Женева, 1906, стр. 6; этот источник представляется менее авторитетным.

«Роскошный катафалк под аркой погребальной...» (стр. 416). Впервые — ОД, 1885, июль, № 75, стр. 16 (подпись: «Н. Б.»). Дата в тексте: «22/24 мая» — очевидная опечатка вместо: «12/24». Стихотворение написано на смерть Виктора

Гюго, скончавшегося 10(22) мая 1885 г. в Париже и похороненного 20 мая (1 июня).

«Закрылись тяжелые двери тюрьмы...» (стр. 417). Впервые — ОД, 1885, июль, № 75, стр 16. Перепеч.: НСРПиС. Редакционное примечание: «Полученная из крепости рукопись, по весьма понятным причинам, так неразборчива, что при переписке весьма легко могли вкрасться неточности против оригинала». *Крез* — см. стр. 784.

Аксаковская мелодия (стр. 417). Впервые — ОД, 1885, август, № 76, стр. 16, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — славянофильский поэт и публицист; в ряде статей превозносил в эти годы общественный строй России, противопоставляя его «гнилому» Западу.

Квинтет (стр. 418). Впервые — ОД, 1885, сентябрь, № 77, стр. 12, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». *Победоносцев* — см. стр. 795. *Катков* Михаил Никифорович (1818—1887) — реакционный публицист, пользовавшийся огромным влиянием в правительственных кругах, издатель «Русского вестника» и «Московских ведомостей». *Толстой* — см. стр. 791. *Воронцов* — Воронцов-Дашков Иларион Иванович (1837—1916), в 1881—1897 гг. министр императорского двора. *Ванновский* Петр Семенович (1822—1904) — в 1881—1898 гг. военный министр.

Дубинушка (стр. 419). Впервые — ОД, 1885, декабрь, № 80, стр. 15, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». Текст ст. 2 восстановлен по другим текстам и спискам стихотворения (см. ниже). Перепеч.: НСРПиС и ПБ. Вариант, близкий тексту ОД, см. в изд.: «Песни каторги и ссылки». М., 1930, стр. 86—87. С рядом существенных вариантов и четырьмя новыми строфами перепеч.: ОР (см. стр. 563 наст. изд.). Стихотворение в различных вариантах было широко популярно уже в начале 1860-х годов. См., например, рассказ о «монастырской» и «нецензурной» «Дубинушках», распространенных в Екатеринославской губернии (А. М. Достоевский. Воспоминания. Л., <1930>, стр. 280). Из переделок «Дубинушки» и стихотворений, написанных на ее мотив, необходимо отметить «Дубинушку» Л. Н. Трефолева (1825). Вариант революционной «Дубинушки», относящийся к середине 1870-х годов, приводит В. Г. Короленко в «Истории моего современника» (кн. 2, ч. 3, гл. 4). Еще один интересный вариант см. в «Отечественных записках», 1871, № 7, стр. 215—216. Из позднейших переделок отметим популярную «Машинушку», подражание «Дубинушке» (см.: «Пролетарские поэты», т. 1. Л., 1935, стр. 43—44 и 336). Следует также иметь в виду, что в один из многочисленных вариантов «Дубинушки», бытовавших в устной традиции, входили две строфы из стихотворения Ольхина же «У гроба». В. Е. Евгеньев-Максимов, В. Н. Княжнин и П. А. Давыдов сообщили А. А. Шилову текст, певшийся студентами в начале XX в.:

Там, где Плевна стоит, есть высокий курган.
В нем останки еще не догнили.
В именины царя, чтоб ему угодить,
Много тысяч солдат положили.

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату,
А в родной стороне ветер буйный шумит,
Разметает солдатскую хату.

Два последние стиха иногда пелись так:

А по Руси святой слезы льются рекой,
Буйный ветер те слезы разносит.

(ср. стр. 443 наст. изд.). Из других многочисленных вариантов устной традиции приведем сообщенный С. Б. Окунем:

Я слыхал эту песнь — ее пела артель,
Поднимая бревно на стропила.
Вдруг упало бревно, и замолкли певцы:
Двух здоровых парней придавило.

Мужику-бедняку нечем подать платить,
У него отбирают скотину,
И идет он в кабак, чтобы горе залить,
И затянет родную дубину.

«Дубинушка» многократно перепечатывалась в различных сборниках, распространялась в рукописных и гектографированных копиях и была одной из наиболее популярных песен русского революционного репертуара до самой Октябрьской революции. Текст А. А. Ольхина восходит к «Дубинушке», принадлежащей перу В. И. Богданова (1838—1886), впервые напечатанной в «Будильнике» (1865, № 60). В переработке Ольхина сохранены с некоторыми вариантами три строфы Богданова. Припев — во всех вариантах «Дубинушки» приблизительно одинаковый — представляет собою вариант распространенной бурлацкой песни, восходящей, в свою очередь, к старинной трудовой песне о корчевке деревьев. Ср. полный текст припева: П. В. А<нненко>в. Провинциальные письма. «Современник», 1849, № 8, стр. 235, и И. П. Корнилов. Волжские бурлаки. «Морской сборник», 1862, № 7, отд. III, стр. 17. Переделка Ольхина значительно усилила революционную направленность стихотворения. Авторство Ольхина со значительнейшей степенью вероятности утверждается как революционной традицией, так и агентурной справкой департамента полиции: «Сочинил переделку «Дубинушки» в самом возмутительном духе и просил доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их в революционные». (Опубликовано в предисловии В. Петровского к изд.: С. М. Кравчинский. Смерть за смерть. Убийство Мезенцева. Пг., 1920, стр. 9—10.)

Минскому и Белинскому (стр. 420). Впервые — ОД, 1886, февраль, № 82, стр. 10 (подпись: «С — н»). Псевдоним раскрыт по аналогии со сходными подписями в №№ 70 и 98 ОД. Тексту стихотворения предшествует предисловие редакции: «Нам доставлено следующее увещание в стихах двум нашим молодым писателям по случаю литературного объяснения, в которое они вступили с г. Бурениным». *Минский* — см. стр. 810. *Белинский* — Максим Белинский — псевдоним Ясинского Иеронима Иеронимовича (1850—1931), популярного в 1880—1900-х годах беллетриста. Повод к написанию стихотворения был следующий. В «Критических очерках» В. Буренина в «Новом времени» (1886, 10 января, № 3545, и 17 января, № 3552) были напечатаны резко отрицательные отзывы о стихотворениях Минского («Вестник Европы», 1885, № 12, и «Новь», 1885, № 11) и рассказе Максима Белинского «Город мертвых» («Вестник Европы», 1886, № 1). И Минский и Белинский отвечали Буренину («Новости и биржевая газета», 1886, 20 января, № 20, стр. 2). Буренин продолжил полемику в очередном критическом обозрении («Новое время», 1886, 24 января, № 3559). *«Помои»* — газета «Новое время».

На 1885 год (стр. 421). Впервые — ОД, 1886, февраль, № 82, стр. 11—12 (подпись: «N»), под рубрикой «Из запретных стихотворений последних лет». *Орган доблестный Каткова* — газета «Московские ведомости». О Каткове см. на стр. 797. *Водяной* — т. е. водянкой.

Ночь (стр. 423). Впервые — ОД, 1886, март, № 83, стр. 11. Перепев стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье...»

«Русь пою, ко мне мелодия!..» (стр. 424). Впервые — ОД, 1886, май, № 85, стр. 13, под рубрикой «Из запретных стихотворений последних лет» (подпись: «Н. Б.»). *Кирилл* (827—869) и его старший брат *Мефодий* (ум. 885) — греческие монахи-просветители; по преданию, создатели славянского алфавита. 4 апреля 1885 г. — день тысячелетия смерти Мефодия — был торжественно отмечен в России специальными торжествами в честь славянских «первоучителей». *Делянов* Иван Давыдович (1818—1897) — товарищ министра в 1866—1882 гг., а затем министр народного просвещения.

Державная ворона (стр. 425). Впервые — ОД, 1886, июнь, № 86, стр. 11, под рубрикой «Из запретных стихотворений последних лет» (подпись: «Алеко»). Автор устанавливается сообщением Б. П. Козьмина и указаниями И. Ф. Масанова (Словарь псевдонимов..., т. I. М., 1956, стр. 92; ср. также архив Стронина в ГПБ, папка № 14, л. 4). *Стронин* Александр Иванович (1826—1889) — социолог, член «Земли и воли», в 1860-х годах подвергался репрессиям и был в ссылке; впоследствии от революционных кругов отошел. О Стронине см.: А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. М., 1954, стр. 104—107. *Увенчанный болван* — Александр III. *Когда б ты мог понять, что отнял у отчизны.* Возможно, что стихотворение написано по конкретному поводу: 3 мая 1885 г. в Харькове был повешен революционер С. Лисян-

ский, 29 января 1886 г. в Варшаве были повешены осужденные по делу польской рабочей партии «Пролетариат» Бардовский, Куницкий, Осовский и Петрусинский.

Памяти царя Николая (стр. 426). Впервые — ОД, 1886, апрель, № 86, стр. 12 (подпись: «Алеко»). *Николай* — Николай I (ум. 18 февраля 1855 г.). *У шпица римского Петра.* Имеется в виду собор св. Петра в Риме. *Один его клеврет* и т. д. Вероятно, речь идет о шефе жандармов А. Х. Бенкендорфе, который знал о готовящейся дуэли, но намеренно не принял никаких мер. *За шалость юноши другой Был сослан.* О поэте А. И. Полежаеве. *Сатиры русской принципал* — Гоголь. *Шевченко за какой-то пуф Был отдан в Оренбург в солдаты.* Шевченко обвинялся в принадлежности к «Кирилло-Мефодиевскому братству»; кроме того, правительство сводило с ним счеты за поэму 1844 г. «Сон». *Где лямку «щиро» протянув.* Шевченко находился под арестом и в ссылке с 1847 до 1855 г. *Гнил Костомаров в крепостях.* Историк Николай Иванович Костомаров (1817—1885) в 1847—1848 гг. находился в заключении в Петропавловской крепости также по делу «Кирилло-Мефодиевского братства». *Белинский умер, как в когтях.* В. Г. Белинский умирал в 1848 г. в обстановке напряженного внимания к его деятельности III Отделения; лишь смерть спасла его от ареста.

Султан Мурад (стр. 427). Впервые — ОД, 1887, январь, № 93, стр. 11. Перепеч.: НСРПиС. *Султан Мурад.* Мурад IV (1609—1640) — турецкий султан, известный своей жестокостью; здесь подразумевается Александр III. *Как тигр, попавший в плен* — см. примечание на стр. 823. *Позором преступленья Ты запятнал венец.* Вероятно, намек на казнь первомартовцев, участников убийства Александра II.

На 1887 г. (стр. 429). Впервые — ОД, 1887, апрель, № 96, стр. 13. После этого стихотворения напечатано другое — «В царстве Плутона», с подписью: «Н. Б.»; по-видимому, подпись относится к обоим стихотворениям.

В царстве Плутона (стр. 429). Впервые — ОД, 1887, апрель, № 96, стр. 13 (подпись: «Н. Б.»). *Плутон* (римск. миф.) — бог подземного мира. *Павел Мальтийский.* Павел I, принявший титул гроссмейстера Мальтийского ордена, взял о. Мальту под свое покровительство.

Два духа (стр. 430). Впервые — ОД, 1887, май, № 97, стр. 11 (подпись: «Н. Б.»). *Голубой дух* — т. е. жандарм (по цвету формы).

«Кто сердца в груди не имеет...» (стр. 431). Впервые — ОД, 1887, июнь, № 98, стр. 12, в составе корреспонденции из Одессы (подпись: «С-н и Н-а З-а»). Перепеч.: НСРПиС. Первый автор устанавливается по упоминанию Одессы и по связи со стихотворением «Л. Тихомирову» (в № 70 ОД). Автор корреспонден-

ции писал: «В заключение прилагаю ходящее здесь в списках стихотворение, посвященное памяти казненных 8 мая». 8 мая 1887 г. в Шлиссельбурге были казнены А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, В. С. Осипанов, П. И. Андреюшкин и В. Д. Генералов за организацию покушения 1 марта 1887 г. на Александра III.

Ода (стр. 432). Впервые — ОД, 1887, июнь, № 98, стр. 12 (подпись: «Н. Б.»). *Намажут в Суздали портрет.* В Суздали издавна было распространено писание икон.

«В наш век безверия не в моде чудеса...» (стр. 433). Впервые — ОД, 1887, сентябрь, № 101, стр. 15 (подпись: «Н. Б.»).

«Воистину пришло смешенье языков...» (стр. 433). Впервые — ОД, 1887, октябрь, № 102, стр. 16 (подпись: «Н. Б.»). *Пастухов* Николай Иванович (1821—1911) — с 1881 г. издатель бульварного «Московского листка», пользовавшегося популярностью среди малокультурных кругов населения. *Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912) — видный издатель и журналист. Издававшаяся им с 1876 г. газета «Новое время» быстро стала органом дворянско-бюрократической реакции и, по словам Ленина, «образцом продажных газет». *«Гражданин»* — реакционнейшая газета, издававшаяся в 1872—1914 гг. кн. В. П. Мещерским. *Старца Щедрина Буренин критикует.* Реакционный писатель и журналист Виктор Петрович Буренин (1841—1926) не раз задевал Салтыкова, см., например, «Критические очерки» в «Новом времени», 1885, 7 июня, № 33330.

1888 год (стр. 434). Впервые — ОД, 1888, январь, № 105, стр. 14 (подпись: «Н. Б.»). *Толстой* — см. стр. 791. *И можно помышлять о въезде в Петербург* — т. е. о возвращении из Гатчины, где Александр III скрывался (см. стр. 823). *Мещерский* Владимир Петрович (1839—1914) — беллетрист и реакционнейший публицист, с 1872 г. редактор-издатель газеты «Гражданин», личный друг Александра III. *К торжеству тромбоны прочищает* — намек на музыкальные упражнения царя на духовых инструментах; одна из ходивших в эти годы по рукам нелегальных песен начиналась словами: «Царь наш юный — музыкант...» (полный текст см.: Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. Ростов-на-Дону, 1958, стр. 224).

Сонет (стр. 434). Впервые — ОД, 1888, март, № 107, стр. 13. *Цепей еще ничья слеза не растопила.* Возможно, что эти строки направлены против тех представителей русской радикальной интеллигенции, которые готовы были поддаться влиянию популярной в это время толстовской проповеди непротивления злу насилием. (Указано Ш. М. Левиным.)

«В час, когда живой волною...» (стр. 435). Впервые — ОД, 1888, апрель, № 108, стр. 7. (Подпись: «N»). Перепеч.: НСРПиС. *Христофоров* А. Х. — см. стр. 796.

Начало
Орган русских социалистов
Петербург. 1878

«Начало» — первый русский журнал, выходивший подпольно в Петербурге в качестве «органа русских социалистов». Он издавался группою революционно настроенных интеллигентов, не входивших в какую-либо партию и стремившихся объединить революционеров разных направлений (Н. К. Бух, Л. К. Бух, А. И. Венцковский, И. А. Головин, А. А. Астафьев, В. В. Луцкий). Всего вышло 4 номера в марте — мае 1878 г. Тираж — до 500 экз. каждого номера. Печатаемое ниже стихотворение — единственное помещенное в журнале.

24 января 1878 г. (стр. 436). — Впервые — «Начало», 1878, № 2, апрель, стр. 9. Тогда же было переиздано Вольною русскою типографией, которая издавала и «Начало», отдельною листовкою под заглавием «Из тюремных стихотворений. 24 января 1878 г.». Автор стихотворения не установлен. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым высказал предположение, что автор не революционер, а скорее из кругов «попутчиков» типа А. А. Ольхина, А. Л. Боровиковского и др. Не исключено, что автор именно Ольхин, имевший некоторое отношение к процессу. По поручению защитника Засулич П. А. Александрова он обращался к С. С. Голоушеву с просьбой выступить на суде в качестве свидетеля (Б, 1918, № 7—9, стр. 150). Заглавие стихотворения — дата покушения В. И. Засулич на С.-Петербургского градоначальника Федора Федоровича Трепова (1803—1889). Покушение было ответом на расправу, которой подвергся 13 июля 1877 г. в Доме предварительного заключения в Петербурге политический заключенный А. С. Емельянов-Боголюбов. Появившись на тюремном дворе во время прогулки заключенных, Трепов за неотдание поклона ударил Емельянова, сбив с него шапку, приказал посадить в карцер и наказать 25 ударами розог. Этот акт вызвал протест заключенных, закончившийся их избиением, заключением в карцер и пр. В революционных кругах было принято решение отомстить Трепову. 31 марта Засулич была оправдана судом присяжных заседателей, и Трепов вынужден был подать в отставку. *Засулич* Вера Ивановна (1849—1919) сблизилась с революционными кругами еще в середине 1860-х годов. В апреле 1869 г. была арестована по делу Нечаева и после двухлетнего тюремного заключения выслана в 1871 г. под гласный надзор полиции в г. Крестцы Новгородской губернии, затем в Тверь, а потом в Солигалич. Затем жила в Харькове и Киеве, где примкнула к разгромленному полицией в 1876 г. кружку «Киевских бунтарей» (В. К. Дебагорий-Мокриевич и др.) и принимала участие в «хождении в народ». После оправдательного приговора, кассированного правительством, эмигрировала и вскоре примкнула к чернопередельцам. В 1883 г. была одной из основательниц группы «Освобождение труда», после II съезда РСДРП примкнула к меньшевикам. Покушение на Трепова и процесс В. И. Засулич многократно излагались в воспоминаниях современников и документальных публикациях. См.: «Про-

цесс В. Засулич». СПб., 1906; С. Глаголь <Голоушев>. Процесс первой русской террористки. Б., 1918, № 7—9, стр. 147—162; А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.—Л., 1933. *Зазнавшийся лакей* — Трепов. *Июльский герой* — он же (по дате расправы над Емельяновым). *А вы, кому судьба и страсти Над ней вверяют приговор.* Из этих строк видно, что стихотворение написано до вынесения приговора, т. е. до 31 марта 1878 г. *Голгофа* — гора в Иерусалиме, место казни Христа; употреблено здесь иносказательно.

Земля и воля. Социально-революционное обозрение Петербург. 1878—1879

Журнал «Земля и воля» — орган одноименной партии — выходил в Петербурге подпольно в 1878—1879 гг. Редакторами газеты и авторами большинства статей были: С. М. Кравчинский (принимал участие только в № 1), Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров и Г. В. Плеханов (№ 5). Ближайшее участие в редакционных делах принимал также А. Д. Михайлов. Всего вышло 5 номеров журнала и 6 номеров «Листка „Земли и воли“». Тираж — от 1500 до 3000 экземпляров.

У гроба (стр. 440). Впервые — ЗиВ, 1878, № 1, 25 октября, стр. 10—12. Перепеч.: СС; с незначительными вариантами — ОР; СиП. По памяти и вследствие этого с пропусками и искажениями перепеч.: НСРПиС (подпись: «Ольхин»). Кроме того, это стихотворение множество раз перепечатывалось в различных нелегальных, а потом и легальных изданиях, ходило в рукописных списках и гектографированных копиях и является одним из популярнейших стихотворений русской революционной поэзии 1870—1880-х годов. Н. А. Морозов прямо пишет, что оно «упало на мою душу, как манна небесная, и я, перечитав его своим друзьям еще до напечатания десятки раз, запомнил его наконец наизусть. Оно же сделалось в моих глазах оправданием и моего пребывания в редакции „Земли и воли“» (Морозов, т. 3, стр. 427). Стихотворение написано в связи с убийством 4 августа 1878 г. в Петербурге С. М. Кравчинским шефа жандармов Николая Владимировича *Мезенцева* (род. 1827) С. М. Кравчинский в брошюре «Смерть за смерть», вышедшей в свет до 12 августа 1878 г. (КА, 1926, т. 19, стр. 200), разъяснил мотивы этого террористического акта: Мезенцев был убит не как шеф жандармов, а как человек, совершивший ряд преступлений. Он «главный виновник отмены сенатского приговора по „процессу 193-х“» и составитель нового, «возмутительного по своей жестокости и полному, абсолютному пренебрежению ко всякому признаку законности», он виновник неисполнения ряда скромнейших требований заключенных в Петропавловской крепости, начавшейся вследствие этого голодовки и последующей кулачной расправы, «подстрекатель и внушитель тех свирепостей, которые были предприняты против социалистов в разных городах России», и, наконец, ему «принадлежит... введение так называемой административной ссылки в Восточную Сибирь». «Вот за что генерал-адъютант Мезенцев признан достойным смерти». Автор

стихотворения *Ольхин* Александр Александрович (1839—1897) — либеральный попутчик революционных народников 1870-х годов, он в 1865 г. оставил государственную службу. В качестве участкового мирового судьи обратил на себя внимание «тенденциозностью» своих решений. Выступления в качестве защитника по процессам «нечаевцев», делу В. М. Дьякова, о демонстрации на Казанской площади в Петербурге в 1876 г., на процессах «50-ти» и «193-х» обеспечили ему симпатии революционных групп и передовой части русского общества. Не входя в «Землю и волю», он оказывал партии ряд важных услуг и сотрудничал в «Начале» и «Земле и воле». В справке о нем, составленной в департаменте полиции, сообщалось, что он с 1878—1879 гг. стал «появляться в самых темных кружках, знаться с подонками общества <т. е. с рабочими>, и в этой темной среде читал и пел революционные песни, иногда даже сочинял их. Так, он сочинил переделку «Дубинушки» в самом возмутительном духе и просил доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их на революционные» (см. стр. 798). После покушения А. К. Соловьева на Александра II, он в июле 1879 г. был выслан в Вологодскую, а в 1880 г. в Пермскую губернию. Н. А. Морозов (т. 3, стр. 425) сообщает, что стихотворение «У гроба» для «Земли и воли» он получил непосредственно от Ольхина; возможно, что до напечатания оно было прочитано Ольхиным в редакции журнала Кравчинскому, Морозову и др. При этом в стихотворении было сделано несколько изменений (В. Бурцев. От редакции «Былого». Б, 1903, № 3, стр. 152). *Кафизмы* — части, на которые разделена Псалтырь. *Немезида* (греч. миф.) — богиня мщения. *Поэт, заморенный в Сибири* — М. Л. Михайлов. *Там, где Плевна дымится, огромный курган* и т. д. О третьем неудачном штурме Плевны, предпринятом 30 августа 1877 г. вел. кн. Николаем Николаевичем в день именин его брата Александра II; в этот день было убито и ранено более 15 000 русских солдат (см. И. И. Попов. Минувшее и пережитое. М., 1933. стр. 31 и стр. 798 наст. изд.). *Жениха, объявившего смело* и т. д. — намек на И. М. Ковальского — см. примечание к след. стихотворению. *Яркий светоч науки опальной* — Чернышевский, находившийся в это время в ссылке, в Вилюйске Якутской области.

На смерть И. М. Ковальского (стр. 445). Впервые — ЗиВ, 1878, 15 декабря, № 2, стр. 7. Перепеч.: НСРПиС. Революционная традиция издавна приписывает это стихотворение А. А. Ольхину, авторство которого, однако, до сих пор не доказано. См.: В. Петровский. Вступительная заметка к брошюре С. М. Кравчинского «Смерть за смерть». Пг., 1920, стр. 12. Стилистически стихотворение очень близко к манере Ольхина. *Ковальский* Иван Мартынович (1850—1878) привлекался по «делу 193-х». С 1876 г. жил в Одессе, где организовал революционный кружок. При аресте 30 января 1878 г. оказал вооруженное сопротивление и 2 августа был расстрелян. Известно еще одно стихотворение, посвященное той же теме, — «Памяти Ковальского» П. В. Григорьева (ОД, 1882, июнь, № 49, стр. 10, подпись: «П. Безобразов»); перепеч.: П. В. Григорьев. Стихотворения. Париж, 1883, стр. 82—85 (с пометой: «Посвящается П. Л. Лаврову»).

«Смолкли честные, доблестно павшие...» (стр. 446). Впервые — ЗиВ, 1879, 8 апреля, № 5, стр. 5 (сноска: «Из неизданных стихотворений Н. А. Некрасова»). Перепеч.: СС (подпись: «Н. Некрасов» и дата: «Февраль 1877 г.»), с рядом искажений — ОД, 1882, март, № 47, стр. 1. Текст «Земли и воли» перепеч.: НСРПиС и вторично текст ОД там же. По сравнению с текстом автографа ПД в стихотворении, напечатанном в «Земле и воле», есть незначительные варианты. Русская революционная традиция издавна считала, что это стихотворение обращено к осужденным по «процессу 50-ти». Однако недавно в статье И. И. Власова и С. А. Макашина «Некрасов и Парижская коммуна» (ЛН, № 49—50, 1946, стр. 397—428) доказано, что первоначальный набросок стихотворения относится к 1872 г. Его первое название — «Современная Франция» (потом — «С французского») ясно ориентировало на события франко-прусской войны и Парижской коммуны (один из вариантов, в целях цензурной маскировки, имел заглавие «2-е декабря 1852 г.» и подзаголовок «С французского», т. е. отсылал читателя к провозглашению Луи Бонапарта императором Франции). Стихотворение Некрасова не могло быть напечатано, и, воспользовавшись «процессом 50-ти» (суд происходил с 21 февраля по 14 марта 1877 г.), поэт, как это имело место и в других случаях (см. стр. 794—795), «переадресовал» стихотворение подсудимым по этому процессу, может быть осужденным женщинам (Морозов, т. 2, стр. 250). Через Е. П. Елисееву стихотворение было передано В. Н. Фигнер, сестра которой, Л. Н. Фигнер, была в числе осужденных, — вероятно, через нее стихотворение стало известно и другим арестованным. Впрочем, есть не лишенная правдоподобия версия о том, что Некрасов передал стихи для Петра Алексеева, как одного из главных героев процесса, автора знаменитой речи (В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, стр. 301. Ср.: Л. Г. Дейч. Некрасов и семидесятники. «Пролетарская революция», 1921, № 3, стр. 11; В. Н. Фигнер. Процесс 50-ти. М., 1927, стр. 26). Во всяком случае современники были уверены, что стихи написаны в связи с «процессом 50-ти». (Ср. Морозов, т. 1, стр. 377).

Колыбельная песня (стр. 446). Впервые — ЗиВ, 1879, 8 апреля, № 5, стр. 6—7. Перепеч.: СиП (подпись: «М. М.»). В качестве возможного автора стихотворения А. А. Шилов называл революционного деятеля 1870—1880-х годов Марию Михайловну Маркевич-Вецковскую (1854—18??); в 1879 г. она жила в Петербурге, арестована 18 сентября 1879 г.

Голуби (стр. 448). Впервые — ЗиВ, 1879, 8 апреля, № 5, стр. 7 (подпись: «Н. Ц—в»). Перепеч.: СС; с рядом вариантов — НСРПиС. Авторство Саблина указано: Б, 1906, № 4, стр. 64. *Саблин* Николай Алексеевич (ок. 1850—1881) принимал участие в революционном движении; еще в 1873—1874 гг. — в московском отделении кружка чайковцев; вел пропаганду в народе вместе с Н. А. Морозовым и А. И. Иванчиным-Писаревым. В 1874 г. уехал за границу, где входил в состав редакции «Работника». При возвращении в Россию в марте 1875 г. был арестован и привлечен

к ответственности по «делу 193-х». В «Народной воле» — с весны 1880 г. Вместе с А. Франжоли и В. Катковским входил в редакцию «Рабочей газеты» (1880—1881). В начале 1881 г. вместе с Г. Гельфман был хозяином конспиративной квартиры на Тележной улице в Петербурге; при аресте 3 марта застрелился.

Собрание стихотворений
Петербург. 1879

Сборник стихотворений под таким названием был издан, как указано на титульном листе, Вольной петербургской типографией 20 мая 1879 г. В нем 24 стр., тираж — 500 экз. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым указал, что составление и издание этой книжечки было исключительно его делом. Рукописи были взяты из портфеля редакции «Земли и воли». Из 17 стихотворений сборника 3 были напечатаны ранее в «Земле и воле», два — в брошюре М. П. Драгоманова «Детоубийство...», одно — в ИР; таким образом, 11 стихотворений являются новыми: Морозов печатал их по имевшимся у него рукописям (спискам) или по памяти.

Перед судом (стр. 450). Впервые — СС, стр. 8—9 (подпись: «Н. Никто»). С незначительными вариантами и датой «18 октября 1877» перепеч.: Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880, и далее в сборниках Н. А. Морозова: «Из стен неволи». СПб., 1906; «Звездные песни». М., 1910; «Звездные песни», кн. 1. М., 1920, во всех этих сборниках текст с незначительными отличиями, но с добавлением трех строф:

Пусть уныла тюрьма,
Пусть повсюду покой,
Пусть царит над землей
Полусвет, полутьма,

Но и в этой глуши,
Где так долги года,
Нашей вольной души
Не сломить никогда.

Чу!.. В тиши гробовой
Снова слышны шаги.
Приходите ж за мной
Вы скорее, враги!..

Дата — 18 октября 1877 г. — начало «процесса 193-х», в котором Морозов фигурировал в качестве одного из подсудимых (Морозов, т. 2, стр. 241).

На смерть М. В. Куприянова (стр. 451). Впервые — СС, стр. 10 (подпись: «Вербовчанин»). *Куприянов* Михаил Васильевич (1854—1878) — видный участник кружка «чайковцев». С марта 1874 г. находился в тюремном заключении по «делу 193-х»

и 23 января 1878 г. был приговорен к каторжным работам на 3 года и 4 месяца; 18 апреля того же года умер в Петропавловской крепости от перитонита (дата Синегуба в сноске ошибочна). С. С. Синегуб — близкий товарищ Куприянова по кружку «чайковцев» — в это время находился также в Петропавловской крепости. (См.: С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. Б, 1906, № 10, стр. 63). П. Ф. Якубович, по словам Синегуба, это стихотворение отверг, очевидно, для «Русской музы» (там же).

«Скованы цепи...» (стр. 451). Впервые — СС, стр. 12 (подпись: «Н. Никто»). Перепеч.: СиП; Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880. Датируется по сборнику Морозова «Звездные песни», кн. 1. М., 1920.

Борьба (стр. 452). Впервые — СС, стр. 13 (подпись: «Н. Никто»). Перепеч.: Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880; и радикально переработанный текст — «Звездные песни», кн. 1. М., 1920.

В заключении (стр. 452). Впервые — СС, стр. 14—15 (подпись: «Н. Никто»). Почти без изменений и с полным посвящением Вере Филипповой — в его сб.: Стихотворения. Женева, 1880. Перепеч.: «Из стен неволи». СПб., 1906, стр. 22, с посвящением Вере Фигнер; в «Звездных песнях». М., 1910, стр. 45—46 (без посвящения), с некоторыми вариантами. В «Звездных песнях», кн. 1. М., 1920, стр. 108—109, — ряд изменений текста и заглавие: «В одиночестве. Друзьям из темницы». *Филиппова* — фамилия В. Н. Фигнер по мужу (разошлась с ним в 1875 г.). С Н. А. Морозовым Фигнер связывают долгие годы дружбы, совместной работы и многолетнее заключение в Шлиссельбурге. К Фигнер обращено также стихотворение Морозова «Прости» при увозе ее 29 сентября 1904 г. Морозов был увезен 29 октября 1905 г. («Звездные песни». М., 1910, стр. 131—132).

Иегова (стр. 453). Впервые — СС, стр. 16. С некоторыми вариантами перепеч.: НСРПиС. Н. А. Морозов не мог назвать А. А. Шилову автора этого стихотворения и предполагал, что оно прислано в редакцию «Земли и воли» со стороны. *Иегова* — одно из обозначений бога у древних евреев.

Он (стр. 454). Впервые — СС, стр. 17. С исправлениями перепеч.: НСРПиС. С незначительными стилистическими изменениями, под заглавием «Кто он?» перепечатано в гектографированном журнале студентов Новороссийского университета «Забастовка», 1901, 1 февраля, № 2, стр. 3 (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 151, дело № 190583 (63), 1901, ч. 3, л. 254). Стихотворение имеет в виду Александра II, в частности его страсть к охоте.

Тайное собрание (стр. 454). Впервые — СС, стр. 17—19. С рядом изменений перепеч.: Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880, стр. 76—78 (сноска на стр. 76: «написано совместно с Д. К.»). Текст сборника 1880 г. перепеч. в НСРПиС; с изме-

нениями перепеч.: ПБ (подпись: «Н Морозов»); в сборнике Морозова «Звездные песни». М., 1910, в измененной редакции и с прибавлением 32 стихов, под заглавием: «Песня о Громове-генерале. Поэма из времен покойной памяти III Отделения». В «Звездных песнях», кн. 2. М., 1920, текст сильно переработан и изложение доведено до дней Великой Октябрьской социалистической революции. Текст этого стихотворения известен в ряде вариантов, в том числе авторских. В архиве П. Е. Щеголева в ПД (фонд № 627, оп. 2, № 21) хранится автограф Н. А. Морозова, написанный, по-видимому, до Октябрьской революции; в нем стихотворение названо: «Песня о Глупове-генерале. Из воспоминаний о плачевной памяти III Отделении». Сноска гласит: «Написано вместе с Д. К. и некоторыми другими». В тексте есть некоторые разночтения: так, ст. 12 напечатан: «И... ...хотят»; читать это надо, конечно: «И царя убить хотят». В следующих строках речь идет не о нигилистах, а о «социалистах». Кроме некоторых других вариантов, представляет интерес окончание; после последней строки публикуемого текста следует:

Всю столицу обыскали,
Сицилиста не сыскали,
Все предместье обошли,
Сицилиста не нашли.

У старьевщика Микишки
Отыскали в хламе книжки.
Целых два календаря
Кончик ......

Эти книжки признак верный
Сицилизма самый скверный,
«Поскорей его забрать —
Будет он начальство знать!»

У студента над камином
Нашли банку с вазелином,
И решил тут весь синклит:
«Эфто значит динамит!»

Уж вы, синие мундиры,
Прочь бегите все с квартиры.
«Эфто значит динамит,
Что без пороху палит!»

Ст. 8 этого текста нерасшифрован. Известны и другие тексты стихотворения. Представляет интерес запись Н. В. Яковлева, воспроизводящая текст, исполнявшийся его отцом В. К. Яковлевым. Этот текст еще более полон — очевидно, стихотворение в своем фольклорном бытовании все время обрастало новыми строфами и вариантами старых. Текст Яковлева приведен в кандидатской диссертации И. П. Карасевой «Из истории русской демократической поэзии 80-х годов XIX в.». Л., 1954 (ПД). Морозов в беседе

с А. А. Шиловым указал, что ст. 3—4, 7—12 и 19—20 написаны Д. А. Клеменцем, а остальные им. Первоначальный вариант этого стихотворения с некоторыми изменениями был очень популярен в студенческой среде в 1880—1890-х годах. Вероятно, поэтому в издании «Звездных песен» Н. А. Морозова 1910 г. сделано примечание: «Первые куплеты этой песни, написанной вместе с одним товарищем по поводу одной неудачной облавы, когда я был еще юношей, потом в шутку пелись молодежью на вечеринках, со включением многих куплетов, за которые я не принимаю ответственности» (стр. 188). *Дрентельн* Александр Романович (1820—1888), которому посвящено стихотворение, с октября 1878 г. по февраль 1880 г. был шефом жандармов и главным начальником III Отделения. Массовые обыски и аресты особенно имели место в это время в ночь на 25 февраля 1879 г. (после убийства харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина) и 14 марта 1879 г. (после покушения на Дрентельна); при этом полиция забирала без разбора всех лиц, носивших ту или иную «подозрительную» фамилию, например всех Гордонов или всех Койранских и т. д. (См. «Февральские аресты в Петербурге». «Листок „Земли и воли“», 1879, 12 марта, № 1, стр. 3—4; «Хроника арестов». Там же, 1879, 22 марта, № 2—3, стр. 10—12; «После 2 апреля». ЗиВ, 1879, 6 апреля, № 4, стр. 19—20; В. Г. Короленко. История моего современника, ч. 5, гл. 22).

«Милый друг, безумно смелый...» (стр. 456). Впервые — СС, стр. 21—22 (подпись: «Н. Никто»). С изменениями перепеч. в сборниках Н. А. Морозова: Стихотворения. Женева, 1880, стр. 41—42; «Из стен неволи». СПб., 1906, стр. 30—31; «Звездные песни». М., 1910, стр. 87—88, и «Звездные песни», кн. 1. М., 1920, стр. 154—155; в последнем издании — под заглавием «Давно» и с посвящением Ольге Любатович. *Любатович* Ольга Спиридоновна (1854—1917) — видный революционный деятель, соратник Морозова и его жена с 1878 г. См. воспоминания О. Любатович «Далекое и недавнее». М., 1930, о Морозове — по указ. имен.

Ночью (стр. 457). Впервые — СС, стр. 23—24 (подпись: «Н. Никто»). Перепеч.: ПБ и с незначительными вариантами — Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880. В последующих его сборниках («Из стен неволи». СПб., 1906; «Звездные песни». М., 1910; «Звездные песни», кн. 1. М., 1920) действие перенесено на Волгу, фабрика заменена мельницей и т. д.

Народная воля. Социально-революционное обозрение 1879—1885

Газета «Народная воля» выходила в 1879—1885 гг. Всего вышло 12 номеров (из них два номера двойные). НВ печаталась подпольно в Петербурге, Москве, Дерпте, Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске. Тираж отдельных номеров колебался от 1555 до 3000 экземпляров. В тех случаях, когда газета почему-либо не могла появиться, выпускался уменьшенного размера

и формата «Листок „Народной воли“» — всего вышло семь «Листков», из них один с приложением; они печатались в Петербурге и Туле. В редакцию газеты входили: Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов, Г. А. Лопатин и другие лица. Кроме того, в газете принимали участие Н. К. Михайловский и М. Е. Салтыков-Щедрин. «Народной воле» посвящено исследование Дмитрия Кузьмина <Е. Е. Колосова> «Народовольческая журналистика». М., 1930. К книге приложены алфавит сотрудников и справочник к оглавлению НВ, а также обширное послесловие В. Н. Фигнер, которая полемизирует с рядом положений автора.

Последняя исповедь (стр. 459). Впервые — НВ, 1879, 1 октября, № 1, стр. 9—12. С небольшими вариантами перепеч.: ОР, и с большими сокращениями, под заглавием «Белая ночь» — в Полн. собр. стихотворений Н. М. Минского, т. 1. СПб., 1907, стр. 46—55. Кроме того, поэма была широко распространена в списках (в том числе гектографированных) и приписывалась Максиму Белинскому (псевд. И. И. Ясинского), Н. С. Курочкину и Н. А. Саблину. По рассказу Н. К. Буха, слово «старик» в ст. 23 — замена первоначального «болтун», — произведенная в редакции НВ (А. Лубкиным или А. А. Квятковским), вызвала резкое недовольство автора (Н. К. Бух. Первая типография «Народной воли». КиС, 1929, № 8—9, стр. 69, и Дмитрий Кузьмин <Е. Е. Колосов>. Народовольческая журналистика. М., 1930, стр. 34, — сообщение Н. А. Морозова автору. Достоверность этого сообщения может быть заподозрена. Резкое «болтун» не соответствует ни стилю поэмы, ни наименованию священника «стариком» в других местах). Поэма была передана в редакцию НВ Н. А. Саблиным (Д. Кузьмин. Цит. соч., стр. 34). *Минский* (псевдоним — Виленкин) Николай Максимович (1855—1937) начал свой литературный путь «гражданскими» стихотворениями, из которых «Последняя исповедь» было наиболее значительным. В условиях реакции 1880-х годов он довольно быстро переходит на позиции «чистого искусства», о чем заявляет в нашумевшей в 1884 г. статье «Старинный спор». На сюжет этой поэмы И. Е. Репин в 1880—1886 гг. написал известную картину «Отказ от исповеди» и в 1886 г. подарил ее Минскому (с 1892 г. картина в Третьяковской галерее). Творческая история картины и ее связь с поэмой Минского исследована И. С. Зильберштейном в статьях «История одного шедевра» («Новый мир», 1950, № 9, стр. 199—222) и «Работа Репина над картиной „Отказ от исповеди перед казнью“» (сб.: «И. Е. Репин. Сборник докладов и материалов». М., 1952, стр. 47—90). Отказ революционеров перед казнью от напутствия священника был в 1870—1880-х годах частым явлением. Возможно, что под влиянием поэмы Минского П. В. Григорьев написал стихотворение «Дубровин на исповеди» (см. стр. 694).

Песнь гражданки (стр. 467). Впервые — НВ, 1880, 1 января, стр. 52. С некоторыми вариантами перепеч.: Ф. В. Волховской. Случайные песни. М., 1907, стр. 14. Указание Д. Кузьмина в его книге «Народовольческая журналистика» (М., 1930, стр. 201) об авторстве П. Ф. Якубовича ошибочно.

После казни 4 ноября (стр. 468). Впервые — НВ, 1880, 5 декабря, № 4, стр. 68. Перепеч.: ОР, стр. 33, и НСРПиС, стр. 51. По другому списку напеч.: СиП (кроме некоторых вариантов, подзаголовок: «Памяти Квятковского и Преснякова»). Стихотворение вызвано казнью А. А. Квятковского и А. К. Преснякова. Слесарь Андрей Корнеевич *Пресняков* (1856—1880) — активный член петербургских рабочих кружков; в 1877 г. организовал террористическую группу. Был арестован в октябре 1877 г., но в апреле 1878 г. при помощи Квятковского бежал. Примкнул к «Народной воле». На Липецком съезде в июне 1879 г. был избран членом Исполнительного комитета. При аресте 24 июля 1880 г. оказал вооруженное сопротивление. Сын сибирского золотопромышленника, дворянин Александр Александрович *Квятковский* (1853—1880) начал революционную деятельность в студенческих кружках петербургского Технологического института, в 1876—1879 гг. участвовал в землевольческих поселениях в Нижегородской, Самарской и Воронежской губерниях. В 1879 г. вступил в террористическую группу «Свобода и смерть». Примкнул к «Народной воле» и на Липецком съезде был избран членом Исполнительного комитета; принимал участие в ее террористической деятельности, организовал подпольную типографию и пр. Квятковский, в частности, поддерживал сношения со С. Халтуриным и снабжал его динамитом для взрыва Зимнего дворца. Арестован 24 ноября 1879 г. После казни 5 ноября 1880 г. Исполнительный комитет выпустил специальную прокламацию.

Матери (стр. 468). Впервые — НВ, 1881, 23 октября, № 6, стр. 12 (подпись: «В. Х. К — ов»). Перепеч.: СиП. Авторство В. Х. Кравцова раскрыто П. Ф. Якубовичем в сб. «Русская муза». СПб., <1908>, стр. 325. Указание Д. Кузьмина в его книге «Народовольческая журналистика» (М., 1930, стр. 201) о возможном авторстве П. Ф. Якубовича ошибочно. *Кравцов* Василий Христофорофич (1848—1923) принимал активное участие в революционном движении на юге России, где он вел пропаганду среди рабочих. Судился в 1879 г. по «делу 28-ми» и был приговорен к бессрочным каторжным работам. За сокращением срока в 1888 г. был поселен в Якутской области, где прожил до 1901 г.

«Кровавые реки, веревка и плаха...» (стр. 469). Впервые — НВ, 1885, октябрь, № 11—12, стр. 2—3. Перепеч.: Тан. Стихотворения. Изд. 3. СПб., 1906 (по цензурным причинам сделаны купюры; заглавие: «Призыв», дата — 1886). *Богораз* (псевдоним — Тан) Владимир Германович (1865—1936) — видный этнограф и беллетрист. В революционном движении принимал участие с 1881 г. В 1885 г. входил в центральную южно-русскую группу (Б. Оржих, Л. Штернберг, В. Бражников и др.) и принимал активное участие в организации и работе подпольных типографий в Таганроге, Новочеркасске, Екатеринославе и Туле. Редактировал № 11—12 НВ, в котором помещено это стихотворение. Арестован в декабре 1886 г. и после 3 лет заключения был выслан на 10 лет в Восточную Сибирь. Жил на Колыме, где начал заниматься беллетристикой и этнографией, в особенности исследованием быта

чукчей (лоураветланов). Возвратился в Петербург в 1898 г. 1901—1904 гг. прожил в Америке. Возвратившись в Россию, принимал некоторое участие в революционной работе, но в основном стал работать в области этнографии. С 1918 г. профессор Петроградского (Ленинградского) университета, основатель Музея истории религии и атеизма и т. д.

На смерть Судейкина (стр. 471). Впервые — НВ, 1885, октябрь, № 11—12, стр. 30—31. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. Ср.: Дмитрий Кузьмин. Народовольческая журналистика, М., 1930, стр. 179. Жандармский подполковник *Судейкин* Георгий Порфирьевич (уб. 1883) был в начале 1880-х годов инспектором С.-Петербургской секретной полиции. Честолюбивый карьерист, он замышлял стать диктатором в области внутренней политики. Судейкин широко развил систему шпионства, вовлекая в нее, не стесняясь методами, и революционеров. В его сети попал, в частности, в 1882 г. член Исполнительного комитета «Народной воли» С. П. Дегаев, из-за предательства которого в 1883 г. по всей России произошли аресты революционеров. Предательство Дегаева стало известно революционерам; для спасения своей жизни он согласился убить Судейкина, что и было им выполнено 16 декабря 1883 г. при участии Н. П. Стародворского; кроме того, в организации этого террористического акта принимал участие Г. А. Лопатин. Дегаев после убийства скрылся в США, где и прожил всю остальную жизнь. *Свел последний счет с тобой тяжелый лом.* Судейкин был добит Н. П. Стародворским ломом.

«Не божий здесь алтарь и не роскошный трон...» (стр. 472). Впервые — НВ, 1885, октябрь, № 12, стр. 43. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. *Злодей бесчувственный, жестокий и трусливый* — Александр III.

La poésie par Nicolas Morosoff
Н. А. Морозов. Стихотворения 1875—1880
Женева. 1880

На обложке сборника: «Poésie de Nicolas Morosoff», 1881. Это издание является первым собранием стихотворений Морозова. Сборник был составлен им самим во время второй поездки за границу, где он пробыл с весны 1880 г. по январь 1881 г. Сборник посвящен «русским революционерам — террористам». Из 16 стихотворений (они разбиты на отделы: «Тюремные стихотворения», «Вольные стихотворения», «Юмористические стихотворения») 7 были перед тем напечатаны в ИР, 7 — в СС (с некоторыми незначительными вариантами) и только 2 появились впервые.

Встреча (стр. 474). Впервые — Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева, 1880, стр. 47—72. С некоторыми вариантами перепеч. в сборниках Морозова: «Из стен неволи». СПб., 1906, и «Звездные песни». М., 1910; в совершенно переработанном виде —

в сб. «Звездные песни», кн. 2. М., 1920, стр. 11—32. В беседе с А. А. Шиловым Морозов сообщил, что поэма была им написана в 1880 г. и что образы Вани и Сони навеяны личностями С. М. Кравчинского и С. Л. Перовской, однако искать в поэме каких-либо биографических фактов о них было бы неверно. *Степняк-Кравчинский* Сергей Михайлович (1851—1895) — видный деятель народнического движения 1870-х годов, участник кружка чайковцев, редактор ряда изданий «Земли и воли», публицист и беллетрист. *Ваня читает* и т. д. Стихотворное изложение популярной в революционных кругах России тех лет «Сказки о четырех братьях», написанной Л. А. Тихомировым в 1868 г. и многократно переиздававшейся.

«Там, средь движенья...» (стр. 489). Впервые — там же, стр. 46. С некоторыми вариантами перепеч. в следующих сборниках Морозова: «Из стен неволи». СПб., 1906; «Звездные песни». М., 1910, и «Звездные песни», кн. 1. М., 1920 (в последнем изд. ст. 6 и 8: «Тщетно в цепях и крови» и «Ищут свободы, правды, добра и любви»).

Рабочая газета. Ежемесячное издание
Петербург—Москва. 1880—1881

«Рабочая газета» являлась подпольным органом партии «Народная воля» и издавалась в 1880—1881 гг. в Петербурге, а потом в Москве. Вначале газета выходила под редакцией А. И. Желябова. Всего вышло 3 номера газеты и 2 номера приложений к №№ 1 и 2. Газета носила популярный характер и была рассчитана на рабочих. Тираж — от 600 до 1 000 экземпляров.

Недоразумение (стр. 491). Впервые — «Рабочая газета», 1880, 15 декабря, № 1, стр. 4 (подпись: «Н. Ц..... в»). Н. А. Саблин был привлечен в редакцию «Рабочей газеты» А. И. Желябовым как человек, обладавший умением популярно писать и хорошо знавший рабочую среду.

«Время, братцы, уж приспело...» (стр. 492). Впервые — «Рабочая газета», 1881, 8 декабря, № 3, стр. 2.

На родине
Лондон—Женева. 1882—1883

Этот сборник выходил непериодически. Он представлял собою издание Красного Креста «Народной воли». Всего вышло 3 номера: два — в 1882 г. в Лондоне и один — в 1883 г. в Женеве.

Новь (стр. 494). Впервые — «На родине», 1882, № 1, стр. 52—62. С незначительными вариантами перепеч.: ОР и СиП. В литературе известны также и другие названия этого «отрывка из неоконченной поэмы». К словам: «Отрывок из неоконченной

поэмы» в сб. «На родине» сделана следующая сноска: «Этот отрывок написан Саблиным в 1880 году; в нем изображены лица из „процесса 193-х"». Вторая сноска (к словам: «Посвящена Анне Васильевне Якимовой»): «Приговорена по процессу 20-ти к смертной казни, которая затем заменена ей вечной каторгой». М. Эльцина-Зак называет отрывок «Малюта Скуратов» («Из встреч с первомартовцами». КиС, 1924, № 5 (12), стр. 127), А. П. Прибылева-Корба — «Поток» (сообщение А. А. Шилову). *Якимова* (Диковская) Анна Васильевна (1856—1942), которой посвящено стихотворение, — обвиняемая по «делу 193-х», член Исполнительного комитета «Народной воли», хозяйка «сырной лавки Кобозева» на Малой Садовой в Петербурге, где в 1880 г. подготовлялся подкоп для взрыва кареты Александра II. По «процессу 20-ти» 15 февраля 1882 г. была приговорена к смертной казни, замененной каторжными работами, которые отбывала на Каре. В ответ на письмо А. А. Шилова А. В. Якимова-Диковская 17 сентября 1932 г. писала: «Заглавие «Новь» относится только к четвертой главе и имеет в виду новые пытки. Мне помнится, что первая глава задуманной Саблиным работы и носила название «Поток», изображающий хождение в народ и т. п., но он почему-то был недоволен своей работой и, вероятно, не поспел ее исправить и напечатать. Саблин читал мне «Новь» в 1881 г. в магазине сыров на Малой Садовой, и я настаивала, чтобы он напечатал ее. «В таком случае она будет посвящена вам», — сказал он мне». Далее в том же письме сообщается, что «изображение первой женщины ни к кому лично не относится, а было таких множество. Для изображения второй послужила действительно семья Субботиных. При изображении третьей женщины имелось отчасти какое-то отношение к Алексеевой, но что было тут в действительности и что фантазия автора — не помню. Ребенок, кажется, был взят родственниками. Генерал — поэтический образ». Субботины — семья, в которой мать и три ее дочери приняли активное участие в революционном движении. (См.: Е. Д. Субботина. На революционном пути. М., 1928). *Алексеева* О. Г. (ок. 1850—18??) — участница кружка чайковцев, привлекалась по «процессу 193-х»; была оправдана. Впоследствии отошла от революционного движения. В политических процессах 1870—1880-х годов, по слухам, полиция и жандармы применяли пытки (см., например, сб. «Творчество И. С. Тургенева». М., 1959, стр. 484—485).

Обвинительная речь прокурора Желеховского по «делу 193-х» (стр. 502). Впервые — «На родине», 1882, № 2, стр. 30—36. Перепеч.: НСРПиС и гектографированной брошюрой с тем же заглавием (1883, цена 20 коп. Сбор в пользу партии «Народная воля»; ЦГИАЛ, фонд 1410, оп. 1, дело № 527, 1886 — вещественные доказательства по делу тайной типографии в Таганроге, и дело № 440, 1883 г. — вещественные доказательства по делу А. Е. Зарина). В качестве «неизданного» перепеч.: КА, 1929, т. 3 (34). Л. Г. Дейч автором этой пародии считает С. С. Синегуба («16 лет в Сибири». М., 1924, стр. 296). Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым склонен был приписать авторство Н. А. Саблину. Член Исполнительного комитета «Народной воли»

А. В. Якимова-Диковская в письме к А. А. Шилову от 17 сентября 1932 г. писала: «Мне кажется, что второю главою поэмы («Поток») и была пародия Саблина на обвинительную речь Желеховского». Публикация этой поэмы в сб. «На родине» была снабжена следующей сноской: «Это стихотворение написано еще в 1877 г. во время процесса одним из подсудимых; в рукописи оно ходило между публикой, но до сих пор напечатано нигде не было. Слышавшие речь Желеховского говорят, что это стихотворение, хотя и в карикатурной форме, но с поразительным сходством передает не только смысл подлинной речи прокурора, но даже его слог. Мы помещаем его здесь как материал для характеристики наших политических процессов». *Желеховский (Желиховский)* Владимир Антонович — товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, обвинитель по «процессу 193-х». А. Ф. Кони характеризует его как «воплощенную желчь», а его речь как «длинную и бесцветную» («Воспоминания о деле Веры Засулич». Л., 1933, стр. 51, 58). После процесса Желиховский обосновывал правильность и целесообразность намеченных помимо суда, в министерстве юстиции, наказаний. Вследствие этого в 1878 г. революционеры намеревались совершить покушение одновременно и на Трепова, и на Желиховского, но по случайной причине осуществить это не удалось. На «процессе 193-х» Желиховский сделал свою карьеру: в 1893 г. он стал сенатором, в 1906 г. первоприсутствующим в уголовном кассационном департаменте Сената, в 1909 г. первоприсутствующим в общих собраниях кассационных департаментов Сената (Ш. М. Левин. Финал «процесса 193-х». КА, 1928, т. 30, стр. 184—193). Сравнить пародию с подлинником невозможно, так как текст речи Желиховского в «Правительственном вестнике» опубликован не был, а 2-й том «Стенографического отчета», подготовленный защитниками по процессу, не увидел света. Для понимания пародии следует иметь в виду, что «процесс 193-х» прошел при очевидном даже для правительства превосходстве и моральной победе подсудимых и защитников. Большинство обвиняемых отказывалось участвовать в комедии суда, устраивало беспрерывные обструкции и т. д.

А. П. Барыкова. Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться
Петербург. 1883

(стр. 507)

Впервые — отдельным анонимным изданием, выпущенным в октябре 1883 г. летучей типографией «Народной воли» в Петербурге. Все известные нам экземпляры — без титульного листа. (Историю издания см.: М. П. Шебалин. Летучая типография «Народной воли» в 1883 г. Б, 1907, № 1, стр. 285). Сказка многократно перепечатывалась и распространялась в копиях — анонимно и с именами А. К. Толстого, П. Ф. Якубовича, Козьмы Пруткова, сенатора Ф. Л. Барыкова. С именем Барыковой, должно быть, впервые издана в Лондоне в 1902 г. (Библиотека «Жиз-

ни», № 5). В России, вероятно, впервые издана в Петрограде («Библиотека вольного слова», 1917, № 1). В советское время в качестве «неизданной» была напечатана в журнале «Истинная свобода», 1920, сентябрь, № 6, стр. 21—26. *Барыкова* Анна Павловна (1839—1893) начала литературную деятельность с середины 1870-х годов. Ее стихи посвящены социальным темам, в частности разоблачению эгоизма буржуазного общества. Кроме «Сказки...», из наследия Барыковой пользовались популярностью «Мои пациенты», «За пяльцами», «Два мальчика», «Мученица», «У кабака», «Обреченная», «Чужому горю», «Жрецы эстетики», «Песнь торжествующей свиньи», «В альбом счастливице». Барыкова печаталась в «Отечественных записках», «Деле» и др. прогрессивных и либеральных органах. Не входя формально в «Народную волю», она оказывала ей содействие и помощь, в частности денежную. Поддерживала сношения с П. Ф. Якубовичем, через которого «Сказка...» и была передана для издания. В конце жизни Барыкова сблизилась с толстовцами. Некоторые материалы о Барыковой, в том числе неизданные стихотворения, содержатся в брошюре А. Ефремина «А. П. Барыкова» (М., 1934), в статье С. Любимова «Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой» (КА, 1924, т. 6, стр. 256—259), в предисловии А. С. Полякова к изданию «Сказки...» (Пг., 1922). «Сказка...» — памфлет, направленный против самодержавия, в частности против Александра III (Ахреяна). *«Лихая полюбовница»* — жандармы, цензура и т. п. органы. *Петр-апостол с ключом на часах стоит.* По христианскому преданию, апостол Петр сторожит вход в рай. *Ротиться* — браниться. *Самуилу, пророку премудрому* и т. д. В библейской «Первой книге царств» рассказывается, как пророк Самуил помазал на царство Саула (XI в. до н. э.), который пошел искать заблудившихся ослиц своего отца, но, очаровав народ, вместо ослиц нашел царство.

Вестник «Народной воли». Революционное социально-политическое обозрение
Женева. 1883—1886

Этот заграничный теоретический орган партии «Народная воля» издавался в Женеве с ноября 1883 г. по декабрь 1886 г. Л. А. Тихомировым, П. Л. Лавровым и М. К. Ошаниной. Всего вышло пять номеров. Предполагал войти в редакцию и Г. В. Плеханов, имея в виду превратить журнал в орган, близкий марксизму (в № 1 была напечатана его рецензия на книгу Н. Аристова «А. П. Щапов»), но, после того как его работа «Социализм и политическая борьба» была отклонена, он порвал с редакцией. В журнале печатались теоретические статьи, мемуары и в небольшом количестве стихотворения.

Т к а ч и (стр. 522). Переделка стихотворения Гейне «Die schlesischen Weber». Впервые — ВНВ, 1883, т. 1, стр. 20 (перевод подписан: „—ов"). Перепеч.: НСРПиС. Перевод традиционно приписывался П. Л. Лаврову. Это стихотворение Гейне подвергалось уже

существенной переработке и приспособлению к русским условиям в «Думе ткача» С. С. Синегуба (см. стр. 241) и «Думе кузнеца» Д. А. Клеменца (см. стр. 251). Ср. еще характерную переделку в брошюре И. Привалова «Песни прядильщика» (СПб., 1907).

Видения (стр. 523). Впервые — ВНВ, 1884, т. 2, стр. 152—153. Это и следующее стихотворения, принадлежащие, вероятно, одному лицу, напечатаны со следующим редакционным примечанием: «Следующие два стихотворения присланы из Сибири от одного из ссыльных». Перепеч.: ОР и ПБ (подпись «П. Я.»). Однако в собрании стихотворений П. Ф. Якубовича оно не помещено. Якубович был арестован 15 ноября 1884 г. и в Сибири в это время еще не был.

«Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...» (стр. 524). Впервые — ВНВ, 1884, т. 2, стр. 153—154. Перепеч.: ОР (с пропуском, вероятно, случайным ст. 19—20). См. примечание к предыдущему стихотворению.

Федорушка (стр. 525). Впервые — ВНВ, 1884, т. 2, стр. 200—202, с редакционным примечанием: «Это стихотворение, давно уже распространенное в рукописи по России, но, насколько нам известно, еще не напечатанное, приписывается графу Алексею Толстому». Перепеч.: НСРПиС и ПБ (с перестановкой строф, подпись: «А. Толстой»). В изд.: А. К. Толстой. Полн собр. стихотворений. Л., 1937, И. Г. Ямпольским собраны свидетельства современников об авторстве А. К. Толстого, которое сам поэт категорически отрицал. В ЦГИАЛ, в фонде И. П. Корнилова (№ 970, оп. 1, лист 1022) есть два списка «Федоры», содержащие некоторые неизвестные варианты.

Последние минуты (стр. 527). Впервые — ВНВ, 1884, т. 2, стр. 263, со следующим редакционным примечанием: «Стихи эти привезены из Сибири человеком, получившим там их от одного из осужденных вместе с Лизогубом. Это лицо утверждает, что они написаны Дмитрием Лизогубом за несколько часов до смерти». Н. Виташевский в статье «Карийская песня, приписываемая Минакову» (Б, 1906, № 11, стр. 279—282) предположительно и на основании сибирской традиции выдвинул гипотезу об авторстве Минакова. (Он называет это стихотворение «На эшафоте».) О популярности песни, «представляющей нечто вроде предсмертного завещания Лизогуба», писал Ю. М. Стеклов («Воспоминания о якутской ссылке». КиС, 1923, № 6, стр. 80). В ответ на это Жуковский-Жук в письме в редакцию КиС (1924, № 1 (8), стр. 295—296) сообщил, что видел эту песню в польском сборнике[1] «Pieśni rewolucyjne» под заглавием «Pieśń Dymitra Lizo-

---

[1] Эта песня под заглавием: «Pieśń Dymitra Lizoguba» обнаружена нами в изданиях: «Pieśni rewolucji robotniczy». Wydawnictwo sekcji Polskej Komunistycznej Partii. Wiemec, 1919, str. 22, и «Pieśni proletarjatu». Zbiorek pierwszy. Wiedeń, Wydawnictwo «Swit», 1920, str. 4.

guba»: «Она представляет собою точный перевод приписываемой Минакову песни». Наконец, Н. Надоев в статье «Из воспоминаний о революционной работе в Одессе в 1870-х гг.» (КиС, 1932, № 6 (91), стр. 185) окончательно разрешил спорный вопрос, сообщив, что стихотворение написано именно Е. И. Минаковым при нем «и с нашего общего одобрения принят ее основной вариант». Написано оно в конце 1878 — начале 1879 г. Лизогуб Дмитрий Андреевич (1850—1879) — богатейший землевладелец Черниговской губернии, один из организаторов «Земли и воли». Арестован в Одессе в августе 1878 г. по обвинению в предоставлении денежных средств на революционные дела, в намерении подготовить крестьянские восстания и в подготовке террористических актов. 10 августа 1879 г. был казнен.

Из песен о молодом поколении
(стр. 528)

Впервые — ВНВ, 1884, № 4, стр. 121—131. Под этим названием объединен цикл из 7 стихотворений (см. ниже примечания к каждому стихотворению). Цикл был снабжен таким редакционным примечанием: «Согласно желанию автора, помещаем зараз всю серию присланных нам стихотворений, насколько место нам дозволяет поместить ее». Из этих строк, возможно, следует, что какие-то стихотворения того же цикла не были напечатаны. В библиотеке Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. хранились два тома «Стихотворений» П. Ф. Якубовича (т. 1, изд. 6, СПб., 1910, и т. 2, изд. 4, СПб., 1910) с многочисленными пометами, исправлениями и замечаниями автора, сделанными в ноябре 1910 г., т. е. незадолго до смерти (17 марта 1911 г.). П. Ф. Якубович сообщил историю почти каждого стихотворения, привел сведения о лицах, упоминаемых в нем, и т. д. — все это была подготовительная работа для нового издания. Том 1 названного издания в годы Великой Отечественной войны утрачен, — ниже воспроизводятся пометы, сделанные, в свое время, А. А. Шиловым. Начальный период творчества П. Ф. Якубовича рассмотрен в статье Л. П. Медведевой «Ранняя лирика П. Ф. Якубовича» («Ученые записки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского», т. 56. 1957, стр. 418—431). Ср. также ряд важных материалов и характеристику политической позиции Якубовича в статье С. Н. Валка «К истории „процесса 21-го"» (КА, 1929, № 5 (36), стр. 128—179).

«Я пою для тех, чьи души юны...» (стр. 528). Впервые — там же, стр. 121 (подпись: «Я» и дата: «С.-Петербург. 1880—1884»). В названном выше экземпляре — надпись Якубовича: «Написано летом 1884 г. в стенах искусственной тюрьмы — тайной дерптской типографии... Лично передано мной тем же летом Г. А. Лопатину (во время наезда его в Дерпт) и напечатано в 4-м или 5-м № «Вестника „Народной воли"». Между прочим, еще осенью 1884 г., почти накануне моего ареста, Тихомиров в письме ко мне из Парижа называл эти стихи «прекрасными», а позже, уже в брошюре «Как я перестал быть революционером», не называя

автора прямо, упомянул обо мне как о певце „поколенья, проклятого богом"». Приводимые Якубовичем слова Л. А. Тихомирова в брошюре «Почему я перестал быть революционером» не обнаружены.

1. Сказочный город (стр. 528). Впервые — там же, стр. 121—125. Ранняя редакция — ПД (архив С. А. Венгерова, альбом Кравцовых). В издании стихотворений П. Ф. Якубовича датировано: август 1883. Стихотворение посвящено народовольцу Сигизмунду — Ивану Николаевичу Комарницкому (1860—1931); надпись на указ. выше экземпляре гласит: «введший осенью 1882 г. меня, М. П. Шебалина и друг. в центральную организацию партии „Народная воля", сам же вскоре арестованный». (Цит. выше музейный экземпляр, стр. 79). Комарницкий был арестован 14 января 1883 г.; в июле 1884 г. был выслан в административном порядке на 5 лет в Восточную Сибирь. *Говорят, этот город красивый* и т. д. Эти строки посвящены Петербургу. В письме к М. Горькому от 29 января 1900 г. Якубович писал об этом стихотворении: «Вот мое отношение к Петербургу (былого, правда, времени). К сожалению, там <т. е. в новом издании> выброшена характернейшая часть, которую воспроизвожу для вас». Далее приведены 34 строки с вариантами сравнительно с текстами ВНВ (М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. Л., 1936, стр. 371—372). *Лучший друг моей юности бедной* и т. д. — Осип Иванович Нагорный (1857—1914), университетский товарищ Якубовича, участник петербургского народовольческого кружка. Арестован в 1881 г. В 1882 г. за убийство шпиона Прейма был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. В 1899 г. выпущен на поселение в Забайкальской области, в 1905 г. возвратился в европейскую Россию. *Там и ты, наш учитель-избранник* и т. д. — Комарницкий (указано Якубовичем в музейном экземпляре).

2. «О, подлое, чудовищное время...» (стр. 532). Впервые — там же, стр. 125—126. Перепеч.: НСРПиС (подпись: «Я»).

3. Упреки (стр. 532). Впервые — там же, стр. 126—129. Стихотворение первоначально намечалось к помещению в сборнике в пользу недостаточных студентов Петербургского университета и слушательниц Высших женских курсов «Отклик» (СПб., 1881). 6 апреля 1881 г. сборник, отпечатанный тиражом 3000 экземпляров, был задержан С.-Петербургским цензурным комитетом. Кроме стихотворения В. П. Михайлова «Если трезвой мысли холод...» и стихотворения Ришпена «Поэт» в переводе А. П. Барыковой, внимание цензора привлекли и стихи Якубовича. «В стихотворении «Упреки» П. Я. поэт видит в поле широком уснувших бойцов после дела великого, бранного и всматривается в лица мертвецов» <следует цитата в 23 строки>. Вообще цензор находил, что «заглавие сборника совершенно соответствует его содержанию: действительно, это отклик на страдания народа, отклик бойцам, вышедшим на борьбу за свободу, за правду против дикого бесправия, упрек в равнодушии масс. Нет почти ни одной статьи, прозаической или поэтиче-

ской, в которой бы не отражались тенденции недовольства, народных страданий, похвал самоотвержению, стремления к революционной пропаганде». В заключение цензор писал: «Вышеприведенные стихотворения с таким откровенным цинизмом высказывают поставленные себе гражданские задачи, говорят о своей борьбе с бесправием, о своих героях, павших в битвах, так ясно зовут к себе сочувствие и содействие толпы, что всякие комментарии к этим стихотворениям были бы излишни. Очевидно, они относятся к печальным событиям, смущавшим наше общество в последнее время, и к волнениям учащейся молодежи, которым посвящен сборник. Подвижники борьбы, павшие на полях битв и возводимые в апофеоз как жертвы, несомненно, найдутся в нравственном сродстве с теми личностями, о темных подвигах которых[1] мы слышали грустную повесть в последних судебных приговорах» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 20, дело № 345, 1881 г., лл. 2—5). Дело грозило принять плохой оборот, тем более что 9 апреля обо всем был конфиденциально извещен департамент государственной полиции. Там расследование было поручено чиновнику особых поручений камергеру Н. П. Балашову. Последний неожиданно представил министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову 27 апреля благожелательный доклад и тем предотвратил политическое преследование издателей. Он не нашел в стихах и замыслах издателей (Якубовича и В. Шаталова) никаких политических замыслов и предлагал сборник выпустить в свет, перепечатав ряд мест. Такое решение и было принято, и 7 сентября 1881 г. сборник был выпущен в свет (лл. 11, 19—21, 22—29 об., 34 назв. дела). Единственный, насколько нам известно, первоначальный, доцензурный вариант сборника сохранился в ГПБ (шифр: 37.18.3.5.). См. также статью С. Н. Валка «К истории „процесса 21"». КА, 1929, т. 5(36), стр. 128—179. В музейном экземпляре «Стихотворений» следующее примечание: «Стихотворение это... вылилось у меня ...почти экспромтом из действительно наболевшей юной души и, несмотря на примитивность и наивность формы, получило среди тогдашней петербургской молодежи широкое распространение. С автором пожелал, между прочим, познакомиться А. И. Желябов; был назначен уже и час свидания, но что-то задержало в тот вечер «Тараса» <Желябова>, и я так и не познакомился с знаменитым вождем народовольцев... «Упреки» я поместил в «Отклике», и они в первую голову были отмечены цензурою. Позже их напечатал за границей «Вестник „Народной воли"» (т. 1, стр. 18)». На стр. 24 того же издания Якубович отметил, что «Упреки», «В театре», «В час веселья», «Весенняя сказка» были вырезаны цензурою из «Отклика». Сопоставляя себя с С. Я. Надсоном, Якубович замечает, что оба они питались одним и тем же настроением эпохи. «Только Надсон был несравненно крупнейший *поэт,* и я быстро потонул в лучах его быстро нараставшей известности». Эпиграф — из «Цветов зла» Ш. Бодлера («L'Héautontimorouménos») приведен Якубовичем неверно; он исправлен нами по оригиналу. В переводе (впрочем, очень неточном) самого Якубовича эти строки эпиграфа звучат так:

[1] Речь, понятно, идет о процессе первомартовцев — убийц Александра II.

Я и нож, и вместе рана,
Беззащитная щека
И разящая рука...
Кроткой жертве, мне — тирана
Сердце злобное дано.

(Ш. Бодлер. Цветы зла. Перевод П. Я. СПб., 1909, стр. 160.)

4. Матери (стр. 536). Впервые — там же, стр. 129. Перепеч. с некоторыми вариантами: НСРПиС. Мать П. Ф. Якубовича — Екатерина Дмитриевна (урожденная Косаговская). Не следует смешивать это стихотворение с одноименным стихотворением Якубовича из НСРПиС, см. стр. 598.

5. «Друзья! В тяжелый миг сомненья...» (стр. 536). Впервые — там же, стр. 130. Со значительными изменениями перепеч.: Стихотворения, т. 1. Изд. 7, СПб., 1913, стр. 82—83.

6. «Не пора ли отдохнуть, о братья...» (стр. 537). Впервые — там же, стр. 131. Перепеч.: НСРПиС.

Отголоски революции
Таганрог. 1886

Сборник «Отголоски революции» не вышел в свет. Он был подготовлен группой народовольцев (В. Г. Богораз, Б. Д. Оржих, А. С. Сигида, Н. К. Малаксиано-Сигида, Е. М. Тринидатская, У. Н. Федорова и др.) и задержан во время разгрома таганрогской тайной типографии полицией в ночь на 23 января 1886 г. В ЦГИАЛ сохранились: 1. Части рукописи, с которой набирался и должен был далее набираться сборник (фонд 1410, оп. 1, дело № 524, конверт 1, лл. 96—169 об.); 2. Разрозненные экземпляры верстки, из которых можно составить: один экземпляр — стр. 1—83 (кроме 82), один экземпляр — стр. 1—78, один экземпляр — стр. 1—38 и один экземпляр — стр. 1—12, 15—20, 25—28. Верстка обрывается на середине «У порога» Тургенева. Таким образом, сообщение С. Лившиц, что сборник состоял из 76 страниц (КИС, 1929, № 2 (51), стр. 68), ошибочно. Б. Д. Оржих в воспоминаниях называет более правдоподобную цифру — 150 страниц («В рядах „Народной воли"». Сб. «Народовольцы», вып. 3. М., 1931, стр. 167). Оглавление сборника отсутствует, нет и титульного листа, — заглавие устанавливается названными воспоминаниями Б. Д. Оржиха (стр. 167 и 169); так же он называется и составителями другого, тоже не вышедшего в свет сборника — СиП, в котором ОР широко использован (см. стр. 828). Тираж сборника был около 1000 экземпляров («Обвинительный акт по делу Б. Д. Оржиха и др.» ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 87, дело № 10130, 1886 г., лл. 3 и 8). См. также: Б. Д. Оржих, цит. воспоминания, стр. 169. и А. А. Кулаков. Дополнения к воспоминаниям Б. Д. Оржиха (там же, стр. 181). В сохранившейся части сборника (считая и «У порога» Тургенева) 49 стихотворений. Из них 22 — перепечатка из ИР, 2 — из ВНВ, 2 — из «Вперед», 2 — из НВ, 1 — из ЗиВ,

1 — из «На родине», 1 («У порога» Тургенева) — перепечатка народовольческой подпольной листовки 1883 г. Таким образом, лишь 18 стихотворений оказываются новыми. На первой странице сборника набрано следующее предисловие (оно имеется в двух редакциях — более полной и сокращенной, текст сокращений заключен в квадратные скобки): «[От издателей.] Предлагаемый сборник представляет извлечение из обширного материала, имеющегося у нас под руками. Сюда вошли не только новые оригинальные произведения [находящиеся в портфеле редакции], но и многие из стихотворений, напечатанных в разных революционных изданиях или ходивших по рукам за последние десять лет, хотя далеко не все. Бóльшая часть этих стихотворений оказалась устаревшею для воспроизведения в настоящее время, а некоторые, несмотря на все старания [редакции], не могли быть разысканы [ибо в нынешние тяжкие времена стихи революционного содержания — это эфемериды, известность которых не продолжается дальше одного дня]». Кроме текстов, сохранившихся в верстке ОР, в настоящем издании воспроизводятся также и некоторые из оставшихся в рукописи и не успевших быть набранными стихотворений. Всего в рукописи 62 стихотворения на 74 листках. Рукопись написана двумя почерками: одним переписан ИР, другим — стихотворения из других изданий; именно это второе лицо выполняло, по-видимому, функции редактора — ему принадлежат перестановки мест стихотворений, стилистическая обработка и пр., — почерк остается не определенным. Некоторые из сохранившихся листков рукописи соответствуют имеющимся в корректуре, некоторые известны по другим изданиям, 8 стихотворений воспроизводятся впервые.

Завет (стр. 538). Печ. впервые по ОР, стр. 1—2. Автор не установлен.

Песня бедняков (стр. 539). Печ. впервые по ОР, стр. 3 (подпись: «Перекати-поле»). С рядом вариантов вошло в невышедший сб. СиП (см. стр. 828); подпись та же. Псевдоним предположительно раскрыт В. Г. Богоразом в беседе с А. А. Шиловым. То же подтвердил Шилову один из редакторов СиП — Л. А. Кузнецов. *Оржих* Борис Дмитриевич (1864—19??) — видный участник южных народовольческих кружков, один из организаторов подпольной типографии в Таганроге. Арестован 23 февраля 1886 г. и в 1888 г. присужден к бессрочным каторжным работам; в 1889—1898 гг. находился в заключении в Шлиссельбурге. В 1905 г. эмигрировал в Японию, позднее — член партии эсеров.

«Твердой поступью, с радостным взором...» (стр. 541). Печ. впервые по ОР, стр. 4.

Дружней (стр. 542). Печ. впервые по ОР, стр. 8—9. С рядом вариантов — СиП, стр. 67 (подпись: «Перекати-поле»).

Тихие звуки (стр. 542). Печ. впервые по ОР, стр. 9. С рядом вариантов — СиП, стр. 65—66 (подпись «Перекати-поле»).

Правда (стр. 543). Печ. впервые по ОР, стр. 10—11.

Два течения (стр. 545). Печ. впервые по ОР, стр. 11—12.

«Позабудь свои боли и муки...» (стр. 546). Печ. впервые по ОР, стр. 12—13.

Два пути (стр. 547). Печ. впервые по ОР, стр. 22—23. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову.

«Гибнем мы! Безумной злобы сила...» (стр. 548). Печ. впервые по ОР, стр. 23—24. С рядом вариантов — СиП, стр. 64—65.

«Медленно движется время...» (стр. 549). Впервые — «Русская беседа», 1858, № 10, стр. 6—7, под заглавием: «Песня». 1-я строфа этого стихотворения стала очень популярна в 1880—1890-е годы в качестве студенческой песни (КиС, 1931, № 8—9 (81—82), стр. 25) и вошла в ОР, стр. 25, в качестве отдельного анонимного стихотворения.

«Холод, мрак, могила...» (стр. 549). Печ. впервые по ОР, стр. 25.

Юноше (стр. 550). Печ. впервые по ОР, стр. 26—27.

Сон (стр. 551). Печ. впервые по ОР, стр. 27. С рядом вариантов — СиП, стр. 61—62 (подпись: «—И—»). А. А. Шилов допускал, что В. Г. Богораз ошибочно назвал это стихотворение принадлежащим ему, а криптоним «—И—», может быть, принадлежит Б. Д. Оржиху. В СиП стихотворение перепеч. со следующим редакционным примечанием, объясняющим происхождение вариантов: «Просим извинения у гг. авторов за вкравшиеся неточности. Стихотворения восстанавливались по памяти, вследствие пропажи рукописей при аресте таганрогской типографии партии „Народной воли“» (стр. 62).

Матери (стр. 552). Печ. впервые по ОР, стр. 28. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову.

Проклятое кладбище (стр. 553). Печ. впервые по ОР, стр. 33—35. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову.

На коронацию (стр. 554). Печ. впервые по ОР, стр. 35—39. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. *Как зверь в норе, он в Гатчине сидел* и т. д. Коронация Александра III, «содержащегося в Гатчине военнопленного революции», как назвали его К. Маркс и Ф. Энгельс в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в 1882 г. (Соч., т. 15. 1935, стр. 601), вступившего на престол 1 марта 1881 г. после убийства

его отца Александра II, — из боязни новых террористических актов состоялась только через 2 года, 15 мая 1883 г. *Туран* — древнее название Туркестана.

Чернышевскому (стр. 558). Печ. впервые: первые 17 стихов по рукописи неизвестной рукой, сохранившейся среди бумаг, захваченных полицией при аресте таганрогской тайной типографии (лл. 119—119 об.); остальные 15 — по верстке ОР, стр. 83 (стр. 82 сборника не сохранилась; начало стихотворения приходится именно на нее).

К—ой (стр. 559). Печ. впервые по тому же автографу ЦГИАЛ, лл. 121—121 об. (см. примечание к предыдущему стихотворению). По предположению Ш. М. Левина, в стихотворении речь идет о Марии Игнатьевне Кутитонской (1855—1887), связанной с одесским революционным кружком И. М. Ковальского. В 1879 г. она была приговорена к 4 годам каторжных работ. В 1882 г. покушалась на убийство забайкальского военного губернатора Л. И. Ильяшевича и была приговорена к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами.

«Тучи черные в небе носятся...» (стр. 560). Впервые — «Русское обозрение», 1878, 5 февраля, № 6, стр. 5 (подпись: «А. Архангельский»). Копия этого стихотворения — среди рукописных материалов ОР (лл. 122—122 об.). В «Русском обозрении» ст. 15: «Пот и кровь проливаются»; ст. 17: «О, проснися ты, поднимись смелей». Об авторе стихотворения сведений нет; А. А. Шилов допускал даже, что это псевдоним. По сообщению П. А. Моисеенко, «Русское обозрение» Г. К. Градовского было закрыто именно за напечатание этого стихотворения, стихотворения «В дороге» (см. ниже, стр. 826) и статьи Градовского «Духовная пища на генеральском обеде». В работе Градовского «К истории русской печати» (в его книге: Итоги. 1862—1907. Киев, 1908, стр. 263—298) эти стихотворения в качестве мотива запрещения газеты не указываются. Однако обращение к цензурным материалам позволяет установить справедливость утверждения старого революционера. После получения 8 февраля 1878 г. третьего (а всего со времени основания одиннадцатого) предупреждения газета была приостановлена на шесть месяцев, т. е. до 8 августа, а 5 августа по негласному высочайшему повелению была закрыта. В числе мотивов последнего предостережения названы оба указанных стихотворения (ЦГИАЛ, фонд 776, оп. 6, дело № 58, лл. 140, 146 и 150 об.; ср. «Правительственный вестник», 1878, 9 февраля, № 32). Популярности опальных стихотворений способствовал именно П. А. Моисеенко, который распространил несколько номеров запрещенной газеты в революционных кружках Петербурга (П. А. Моисеенко. Воспоминания. 1873—1923. М., 1924, стр. 16 и 48).

Казнь (стр. 561). Впервые — сб. «Песни каторги и ссылки». М., 1930, стр. 34—35. Первые 9 строк сохранились в рукописи ОР с вариантами в ст. 1, 5, 7—9 (л. 125). Стихотворение было очень

популярно в рабочей и арестантской среде с 1870-х годов, а может быть, и раньше. В ст. 26 вместо: «Валерьян! Валерьян!», обращенного к Валерьяну Осинскому, казненному 14 мая 1879 г. в Киеве,— пелось: «Вольдемар! Вольдемар!» (кто имелся в виду, не установлено).

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (стр. 562). Место первой публикации не установлено. Печ. по изд.: «Песни русских поэтов». Л., 1957, стр. 435—436. Этот традиционный текст одной из наиболее популярных революционных песен приблизительно датируется 1870-ми годами. Ф. Я. Кон сообщил М. С. Друскину, что в качестве похоронного марша он исполнялся в Варшаве в 1883 г. (Друскин, стр. 159). История текста этого стихотворения и вопрос о его авторе остаются весьма неясными. В рукописи ЦГИАЛ среди материалов ОР сохранился следующий, гораздо более обширный, но противоречивый лист, очевидно результат длительного фольклорного бытования стихотворения:

1

Мы жертвою пали борьбы роковой,
Любви беззаветной к народу;
Мы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, труд и свободу.

Порой изнывали мы в тюрьмах сырых...
Свой суд беззаконный над нами
Судьи-палачи изрекли, и на казнь
Идем мы, гремя кандалами.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чéртит рука роковая...

. . . .

2

Идет он усталый, и цепи звенят;
Закованы руки и ноги.
Спокойный, но грустный он взгляд устремил
Вперед по пустынной дороге.

Полдневное солнце нещадно палит,
И дышится трудно от пыли,
И вспомнил он живо о тех, что пред ним
Дорогою той проходили.

Тоскою смертельною сжалася грудь,
Слезой затуманились очи...
А жар всё сильнее, и думает он:
«Скорее бы холода ночи!..»

Нагрелися цепи от жгучих лучей
И в тело впилися змеями,
И льется по каплям горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но он терпеливо оковы несет:
За дело любви он страдает,
За то, что не мог равнодушно смотреть,
Как брат в нищете погибает.

И долго ему приведется нести
Тяжелое бремя страданья!..
Не вырвется стон из разбитой груди
Исчадиям тьмы в посмеянье!..

В груди его вера святая царит,
Что правда сильнее булата,
Что время настанет — оценят ту кровь,
Которую льет он за брата!..

Падет произвол, и восстанет народ
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

Близкий к этому текст первого отрывка под заглавием «Похоронный марш» напечатан в сб. «Песни каторги и ссылки». М., 1930, стр. 28—30 (в нем некоторые варианты и иной порядок строф: самых строф 7 вместо 3). Автор первого отрывка, как и всего контаминированного текста, не установлен. Предположение И. Н. Розанова о том, что им является журналист и педагог, член II Государственной думы Василий Гаврилович Архангельский, ошибочно (см.: «Песни русских поэтов». Л., 1957, стр. 435 — 436). М. С. Друскин в статье «Революционная песня 1905 г.» допускает, что к авторству первоначального текста был причастен И. М. Познер («Советская музыка», 1935, № 12, стр. 15). Второй отрывок впервые (под заглавием: «В дороге», с подписью: «А. Архангельский») напечатан в газете Г. К. Градовского «Русское обозрение», 1878, 5 февраля, № 6. Последняя строфа в тексте «Русского обозрения» отсутствует и, скорее всего, является позднейшим добавлением. В революционной традиции 1870—1880-х годов оба эти стихотворения прочно срослись — текст «Похоронного марша» из сб. «Песни каторги и ссылки» представляет собой именно такую контаминацию. Об авторе и судьбе газеты, напечатавшей это стихотворение, см. примечание на стр. 824. М. С. Друскин предполагает, что стихотворение представляет собою отклик

на «процесс 193-х» (Друскин, стр. 159). В таком случае кажется странным, что оно с некоторым запозданием проникло в печать и в революционную песенную традицию. Не может быть принято и другое предположение того же исследователя — будто бы текст этого стихотворения «воспроизводит (с небольшими разночтениями) текст известной каторжно-этапной песни „Идет он усталый, и цепи звенят“» (там же). Не говоря уже о том, что эта гипотеза противоречит высказанной выше, естественнее предположить обратное, а именно: песня, напечатанная с подписью Архангельского, стала столь популярной, что проникла в самые разнообразные слои, в том числе и каторжан. Две строки последней строфы стихотворения в несколько иной редакции процитированы В. И. Лениным в статье «Начало демонстраций» (см. Соч., т. 5, стр. 296).

Дубина (стр. 563). Впервые по автографу ЦГИАЛ, ф. 1410, оп. 1, д. № 523, 1886 г., л. 135. Стихотворение представляет собою вариант «Дубинушки», напечатанной в ОД (см. стр. 797). Строфы 2—5, 7 и 9 новые.

Современная ода (стр. 565). Печ. впервые по автографу ЦГИАЛ (лл. 154—155 об.). Стихотворение обращено к Александру III в связи с его запоздалой коронацией — 15 мая 1883 г. *Неве прощальный сделав жест* и т. д. О переезде Александра III из Петербурга в Гатчину, где он, опасаясь террористических актов, жил под особой охраной. Первые две строки — перифраз стихотворения Г. Р. Державина «Фелица».

Мужицкая (стр. 566). Печ. впервые по тому же автографу, лл. 155 об. — 156.

На бедного Макара все шишки валятся (стр. 567). Печ. впервые по тому же автографу, лл. 157—159 об. *Дядя, походом турецким* и т. д. Вел. князь Николай Николаевич Старший (1831—1891).

В. Г. Богораз. Сон в летнюю ночь. (Баллада-шутка) **Таганрог. 1886**

(стр. 573)

Печ. впервые по тексту листовки, подготовленной в тайной типографии в Таганроге в 1886 г.; экземпляр листовки обнаружен нами в ЦГИАЛ (фонд 1410, оп. 1, дело № 260, 1886 г., вещественные доказательства по делу тайной типографии в Таганроге, лл. 51—52 об.). О существовании этой листовки были сведения в литературе (А. А. Кулаков. Дополнения к воспоминаниям Б. Д. Оржиха. Сб. «Народовольцы», вып. 3. М., 1931, стр. 181), о том же, признавая свое авторство, В. Г. Богораз сообщал А. А. Шилову. *Рука, что уж раз напугала* и т. д. По библейской легенде, перстом невидимого существа на стене чертога, где пиро-

вал последний вавилонский царь Валтасар (ум. 538 до н. э.), были начертаны три халдейских слова: «мани, факел, фарес», означающие, по толкованию пророка Даниила: «исчислил бог царство твое и положил конец ему, ты взвешен на весах и найден очень легким, разделено царство твое и дано мидянам и персам».

Стихи и песни
Москва. 1886

Издан с подзаголовком «Сборник стихотворений разных авторов. С приложением стихотворений из ненапечатанного сборника „Отголоски революции"». «Стихи и песни», как и «Отголоски революции», в свет не вышли. Он был подготовлен московским народовольческим кружком (Н. Ф. Дмитриев, М. Р. Гоц, И. Тихомиров, А. И. Сипович, Л. А. и С. А. Кузнецовы и др.). Л. А. Кузнецов сообщил А. А. Шилову ряд сведений, касающихся истории этого сборника. Набор его происходил летом 1886 г. в Москве в квартире А. И. Сиповича (Дегтярный пер., дом Быкова), а печатание — в сентябре в квартире двух рабочих, оставшихся неизвестными царским следователям. Составителями сборника в основном были Л. А. Кузнецов и Н. Ф. Дмитриев. Сборник был отпечатан тиражом около 1 000 экземпляров, но не увидел света, так как был захвачен полицией: при обыске на квартире Дмитриева было взято до 6 000 отпечатанных, но не разобранных и не сброшюрованных листов сборника, при обыске у А. И. Сиповича — 757 экземпляров 6-го листа. Остальное находилось на складе у дяди Л. А. Кузнецова — врача Н. П. Теша, который, узнав о провале, уничтожил все, что у него находилось. Единственный уцелевший незавершенный экземпляр сборника сохранился в фондах библиотеки Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде. На последней (4-й) странице обложки напечатано: «Часть сбора от продажи издания поступит в пользу карийских каторжан. Готовятся к выпуску «Царь-голод», «Хитрая механика», „Кто чем живет"». Кроме того, на стр. 1 находим следующее примечание: «Просим извинения у читателей за вкравшиеся вследствие скорой работы опечатки. Автор стихотворения «Отречемся от старого мира» — Петр Лаврович Лавров. Редакция». Как видно из подзаголовка сборника, он находится в теснейшей зависимости от ОР. Южно-русские народовольцы — З. М. Коган и особенно В. Г. Богораз передали через М. И. Фундаминского материалы ОР для СиП. На стр. 61 СиП помещено следующее редакционное примечание: «Просим извинения у гг. авторов за вкравшиеся неточности. Стихотворения *восстанавливались по памяти,* вследствие пропажи рукописей при аресте таганрогской типографии партии „Народной воли"». Лицом, которым стихотворения «восстанавливались по памяти», был В. Г. Богораз (как он сам сообщил А. А. Шилову). Из 30 стихотворений СиП 8 взяты из ОР, 7 — из ИР, 3 — из НВ, 2 — из ЗиВ, 1 — из «Вперед», 1 — из «На родине», 1 — из СНПиС, 4 («Славься, свобода и честный наш труд. . .», «Послание М. Л. Михайлову», «Ответ М. Л. Михайлова» и «На смерть Добролюбова»

М. Л. Михайлова) были продиктованы Л. А. Кузнецову в 1883 г. П. Г. Зайчневским в Костроме — этим и объясняются варианты текста этих стихотворений. Новыми, таким образом, являются 6 стихотворений (3 из них из ОР). В той же типографии была напечатана еще и стихотворная прокламация Богораза «Современному поколению», — текст ее, кроме следующих трех строк, неизвестен:

Бойцы могучие, титаны, а не люди,
Поднявши грозно меч, выдерживали грудью
Врагов озлобленных безжалостный напор...

(К. М. Терешкевич. Несколько слов по поводу воспоминания М. Р. Гоца. Сб. «Народовольцы после 1-го марта 1881 года». М., 1928, стр. 113—114. Ср. КиС, 1929, № 2 (51), стр. 71).

«Братья, вперед, не теряйте...» (стр. 578). Печ. впервые по СиП, стр. 1—2. Это стихотворение, приобретшее позднее название «Народовольческого гимна» (см. например, «Песни каторги и ссылки», М., 1930, стр. 20), восходит к стихотворению М. Л. Михайлова «Смело, друзья! Не теряйте...», получившему широчайшую известность и популярность в различных списках и перепечатках в «вольных» изданиях. Стихотворение Михайлова, в свою очередь, особенно его 2-я строфа, восходит к песне «Славься, свобода и честный наш труд...», впервые напечатанной в СРП в 1863 г., но написанной раньше. 1-я и последняя строфы обоих стихотворений почти совпадают, 2-я строфа стихотворения Михайлова отброшена, а 3-я — переделана. В качестве революционной песни и оригинальное стихотворение Михайлова, и его переделка бытовали до дней революции 1917 г. Известные стихи революционного поэта Л. П. Радина «Смело, товарищи, в ногу...» (1897) и «Смелей, друзья, идем вперед...» (1900) написаны под несомненным влиянием стихотворения Михайлова (см. примечания Ю. Д. Левина в изд.: М. Михайлов. Собрание стихотворений. Л., 1953, стр. 668). Текст стихотворения Михайлова см. на стр. 655. И. И. Попов считал автором переделки Д. А. Клеменца (см.: Д. А. Клеменц. Воспоминания. Л., 1925, стр. 18). Судя по материалам, приведенным в книге А. Кункля «Долгушинцы» (М., 1932, стр. 121—123), автором стихотворения А. С. Чиков считал В. В. Берви-Флеровского; вопрос остается нерешенным.

«Тихо в тюрьме, как в могиле...» (стр. 579). Печ. впервые по СиП, стр. 12.

Монолог из поэмы «Перовская» (стр. 579). Печ. впервые по СиП, стр. 35—36. Авторство устанавливается свидетельством самого Попова (см. его книгу «Минувшее и пережитое», 1933, стр. 94). *Перовская* Софья Львовна (род. 1853) была казнена 3 апреля 1881 г. за участие в убийстве Александра II.

На переломе (стр. 580). Печ. впервые по СиП, стр. 62—64. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. Стихотворение предназначалось для ОР.

Борцу-поэту (стр. 581). Печ. впервые по СиП, стр. 69—70. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. Стихотворение предназначалось для ОР.

Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская» (стр. 582). Печ. впервые по СиП, стр. 71—72. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. Стихотворение предназначалось для ОР. Задуманная большая поэма осталась неоконченной. Написанный отрывок представляет собою вольное переложение письма, посланного С. Перовской матери из тюрьмы 22 марта 1881 г., незадолго до суда.

Лютня. III
Лейпциг. 1893—1897

Первое издание этого сборника, выпущенного с подзаголовком «Молодая Россия в стихах», продолжало Л I (1869), Л II (1874), и Л V (1879). Оно вышло в свет, по-видимому, в 1893 г., второе и третье, очевидно, в 1896 и 1897 гг.; все три издания совершенно сходны (третье было осуществлено уже не Э. Л. Каспровичем, а И. П. Ладыжниковым) и представляют собою один тираж с переклеенными обложками и титульными листами — частое в издательской практике явление, когда книга плохо расходилась. По составу Л III почти полностью повторяет ИР. Из 81 стихотворения лишь 12 отсутствуют в ИР и напечатаны впервые; почти все они анонимны — одно подписано криптонимом «А.», три — криптонимом «П. А.». Четыре слабые стихотворения не воспроизводятся.

Грезы неволи (стр. 584). Впервые — Л III, стр. 10—12.

Из каземата (стр. 586). Впервые — Л III, стр. 26—27.

Из сибирских мелодий (стр. 587). Впервые — Л III, стр. 27—29.

Национальный гимн (стр. 590). Впервые — Л III, стр. 71—72.

«Не звон колокольный, не пенье попов...» (стр. 591). Впервые — Л III, стр. 74.

«Океана гневного волны могучие...» (стр. 591). Впервые — Л III, стр. 79—80.

У могилы Герцена (стр. 592). Впервые — Л III, стр. 121—123 (подпись: «П. А.»). Стихотворение перепеч. в брошюре: П. Ф. Алисов. Крамольники. <Женева ? 1893 ?>. *Алисов* Петр Федосеевич (1847—189?) эмигрировал из России во второй половине 1871 г. и с тех пор постоянно жил за границей, сотрудничал в различных изданиях, издавал целый ряд антиправительственных брошюр и книг. *У могилы Герцена.* Герцен скончался 9 (21) января 1870 г. и был похоронен в Ницце. Памятник — работы П. П. Забелло; о нем см. ЛН, № 61, 1956, стр. 577.

Товарищам юности (стр. 594). Впервые — Л III, стр. 117—118.

Новый сборник революционных песен и стихотворений Париж. 1898

На титульном листе след. данные: Imprimerie J. Allemane, 51 Rue Saint-Sauver (Типография Ж. Аллемана, улица Сен-Сове, 51). Издание группы народовольцев. На обложке — 1899 г. Согласно старой и твердой революционной традиции, сборник составлен П. Л. Лавровым (см.: С. А. Никонов. Жизнь студенчества и революционная работа 80-х годов. Сб. «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М., 1927, стр. 179). Группа народовольцев, обозначенная в надзаголовке обложки и титульного листа: П. Л. Лавров, Э. Рубанович, Н. С. Русанов и др. Эта группа организовалась в Париже в 1893 г. и ставила себе задачей «оказывать коллективное содействие социально-революционному делу». Сборник как бы суммировал и подводил итоги развитию русской «вольной» поэзии 1870—1890-х годов. В этом смысле его значение аналогично РПЛ, которая также подводила итог за 1820—1860-е годы. В нескольких случаях стихотворения, ранее напечатанные в ИР под криптонимами, в оглавлении НСРПиС обозначены полной фамилией автора. Редакцией разъяснено, что эти сведения получены с запозданием и что «в настоящее время нет никакой надобности скрывать их». 77 стихотворений сборника перепечатаны: 14 — из ИР; 8 — из газеты и сборника «Вперед»; 7 — из ОД; 6 — из ВНВ; 4 — из ЗиВ (они воспроизведены по памяти); 4 — из РПЛ; 2 — из СС (также воспроизведены по памяти); 2 — из «Стихотворений» Н. А. Морозова (Женева, 1880); 2 — из «Песен мыслящего пролетария...» Д. М. Познякова (Париж, 1881); 2 — из «Русского рабочего»; 2 — вероятно, из К или перепечатки в СРП, Л I, Л II или Л V; 1 — из «Набата»; 1 — из сб. «На родине»; 1 — из ПЗ IV или «Стихотворений» Н. П. Огарева (Лондон, 1858); 1 — из «Стихотворений» М. Л. Михайлова (Берлин, 1862); 1 — восходит к СРП или перепечаткам в ВП II, Л I, Л V или СиП; 1 — представляет собою переработку «Крестьянской песни» из «Работника». Таким образом, всего в сборнике впервые напечатано 17 стихотворений.

Два стана (стр. 596). Впервые — НСРПиС, стр. 44—45. Перепеч.: ПБ.

Матери (стр. 598). Впервые — НСРПиС, стр. 49 (подпись: «П. Якубович»). Перепеч.: ПБ.

Песня рубильщиков (стр. 599). Впервые — НСРПиС, стр. 50 (подпись: «П. Якубович», в содержании озаглавлено «Рубильщикам»). Перепеч.: ПБ. Тот же текст воспроизведен в мемуарах П. Ф. Якубовича «В мире отверженных», т. 2 (М., 1933, стр. 228). Дата и место написания стихотворения указаны Д. П. Якубовичем в примечаниях (там же, стр. 367).

Новогодняя песня (стр. 600). Впервые — НСРПиС, стр. 64—65 (подпись: «Ф. Волховской»).

Призыв (стр. 601). Впервые — НСРПиС, стр. 89.

Вперед! (стр. 602). Впервые — НСРПиС, стр. 97—100 (подпись: «Л.»). Возможно, что дата «1857» — опечатка, вместо 1875.

Н. П. Огареву (стр. 605). Впервые — НСРПиС, стр. 104—105 (подпись: «Л»). Автограф — в ЦГАЛИ («Пражская коллекция»). 14 ноября 1876 г. Огарев в письме к Лаврову благодарил его за стихотворение и писал: «Читаю его и перечитываю, и слезы навертываются на глаза, на старые. Оно меня трогает, и юная дружба меня трогает. Спасибо Вам» (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 597). Огареву было в это время 63 года, Лаврову — 53. 29—30 ноября Огарев обратился к Лаврову со стихотворным ответом: «На Новый год. Лаврову». (См.: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы. Л., 1956, стр. 361). Личное знакомство Огарева с Лавровым произошло в мае 1875 г. (ЛН, № 39—40, 1941, стр. 574, 576), но переписка имела место, во всяком случае, с 1873 г. (ЛН, № 62, 1955, стр. 285), а может быть, и раньше, в 1870 г. В июле 1870 г. обсуждался вопрос о прекращении «Колокола» и об издании журнала «Русская община» или «Социалист». В редакцию должны были войти Бакунин, Огарев и Лавров. (См.: Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. Л., 1925, стр. 37; И. С. Книжник. П. Л. Лавров. М., 1930, стр. 37). Во второй половине 1870-х годов значение Огарева в революционном движении резко упало, и связь Лаврова с Огаревым — скорее всего тактический шаг. Огарев для него — знамя, почетное прошлое и живая традиция.

Песня ненависти (стр. 606). Перевод стихотворения Гервега «Das Lied vom Hasse». Впервые — НСРПиС, стр. 106—107 (подпись: «Л.»). *Гервег* Георг (1817—1875) — революционный поэт и деятель немецкой революции 1848 г. Находясь в эмиграции, некоторое время был близок к Бакунину, Сазонову и Герцену.

Песня юности (стр. 607). Впервые — НСРПиС, стр. 108—109 (подпись: «Л.»). Перепеч.: ПБ. В НСРПиС сноска: «Написано по поводу встречи Нового года русскими политическими эмигрантами в Париже».

14-е июня 1898 года (стр. 608). Впервые — НСРПиС, стр. 110—111 (подпись: «Ф. Волховской»). *2 (14) июня* — день рождения П. Л. Лаврова.

«В отдаленном краю, за Уральским хребтом...» (стр. 610). Впервые — НСРПиС, стр. 112 (подпись: «Б. Н. Гейман»). *Гейман* Борис Николаевич (1865—1893) — участник народовольческих кружков Таганрога и Ростова-на-Дону. В апреле 1887 г. выслан на 4 года в Восточную Сибирь. Принял участие в вооруженном сопротивлении ссыльных в Якутске 22 марта 1889 г., за что был приговорен к каторжным работам на 15 лет, замененным тюремным заключением на 3 года. В сентябре 1892 г. нелегально выехал в Париж, где и оставался до конца жизни. О Геймане и его стихотворениях см. статью И. Робсмана «Борис Николаевич Гейман» (сб. «Якутская трагедия 22 марта (3 апреля) 1889 года». М., 1925, стр. 167—170).

2 (14) июля 1889 г. (стр. 610). Впервые — НСРПиС, стр. 113—114 (подпись: «Б. Н. Гейман»). *2 (14) июля* — национальный праздник французского народа, день взятия Бастилии. Б. Н. Гейман в столетнюю годовщину этого дня находился в заключении в Якутском тюремном замке за участие в вооруженном сопротивлении ссыльных 22 марта 1889 г. (см. примечание к предыдущему стихотворению). В начале 1889 г. среди якутских политических ссыльных зародилась идея посылки к этому дню адресов Французской республике от имени всех ссыльных Сибири. Проекты осуществлены не были. См.: М. В. Брамсон. От русских ссыльных — Французской республике (КиС, 1924, № 4 (11), стр. 238—241) и М. А. Кротов. Якутская ссылка 70—80-х годов (М., 1925, стр. 141—143).

Мите (стр. 611). Впервые — НСРПиС, стр. 116 (подпись: «Б. Н. Гейман»). Стихотворение обращено к сыну Л. М. Когана-Бернштейна, казненного 7 августа 1889 г. за участие в вооруженном сопротивлении якутских ссыльных 22 марта 1889 г. Датировано днем получения в Якутске известия об утверждении смертного приговора. Мать Мити — Н. О. Баранова-Бернштейн была приговорена по тому же делу к 15 годам каторжных работ, и сын, таким образом, мог стать беспризорным. Он остался вместе с матерью и был всеобщим любимцем каторги. Дмитрий (Матвей) Львович *Коган-Бернштейн* (1886—1918) еще учеником Красноярской гимназии стал принимать участие в революционной работе, а в 1904 г. вступил в партию социалистов-революционеров; во время первой мировой войны примыкал к центристам-циммервальдцам. В НСРПиС к заглавию сноска: «Малолетний сын Когана-Бернштейна, повешенного в Якутске 7 августа 1889 г.».

Новоселье (стр. 612). Впервые — НСРПиС, стр. 117—118 (подпись: «О»). Перепеч.: ПБ (подпись: «О»). Авторство Оржиха подтвердил А. А. Шилову С. Н. Валк, сообщивший, что на вырезках воспоминаний Б. Д. Оржиха из нью-йоркской газеты «Но-

вый мир», находившихся в 1930-х годах в распоряжении народовольческого кружка при Всесоюзном обществе политических каторжан и ссыльно-поселенцев в Москве, имеются пометы Оржиха о принадлежности ему двух напечатанных в НСРПиС стихотворений, которые написаны в Петропавловской крепости, т. е. в 1886—1889 гг.

«Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...» (стр. 613). Впервые — НСРПиС, стр. 119—120 (подпись: «О»). См. примечание к предыдущему стихотворению.

Узник (стр. 615). Впервые — НСРПиС, стр. 121 (подпись: «Ф. Волховской»). Перепеч. с незначительными вариантами: Ф. В. Волховской. Случайные песни. М., 1907, стр. 23. Из этого издания вносим в текст ст. 5, явно пропущенный в НСРПиС.

На Волге (стр. 615). Впервые — НСРПиС, стр. 123—124. Авторство, дата, место написания и обстоятельства, вызвавшие это стихотворение, разъяснены Н. С. Русановым в воспоминаниях «На родине. 1859—1882» (М., 1931, стр. 94): «Летом 1874 г. я и сам написал под впечатлением чтения Костомарова о бунте Стеньки Разина стихотворение: «Я над Волгой сидел...», которому посчастливилось, так как местные кружки, а не один только наш, почувствовали ко мне симпатию как к мятежному поэту, и оно перепечатывалось не один раз в заграничных и выходивших в России сборниках революционных песен» и т. д. Русанов имеет в виду работу Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», печатавшуюся в «Отечественных записках» 1858 г., а в 1859, 1863 и 1872 гг. выходившую отдельным изданием. О воскресшем Разине — см. стр. 742 настоящего издания. *Русанов* Николай Сергеевич (1859—193?) — участник революционного движения с 1877 г., впоследствии народнический журналист; с 1882 г. жил за границей, входил в группу так называемых «старых народовольцев».

Нелегальные стихотворения, не входившие в сборники революционной поэзии второй половины XIX в.

Ода на смерть Николая I (стр. 618). Впервые — «Книга и революция», 1922, № 3 (15), стр. 37. Печ. по более точному тексту альбома казанского студента Н. Соколова (ПД). Этот текст напечатан в изд.: Н. Добролюбов. Стихотворения. Л., 1948, стр. 25—26. В собственноручном черновом списке политических стихотворений Добролюбова стихотворение озаглавлено: «18-е февраля 1855 г.» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 746). Об авторстве Добролюбова см. ЛН, № 25—26, 1936, стр. 288. Наличием ряда списков подтверждается факт широкого распространения этих стихов. *Немецкое отродье.* По матери Николай I был немецкого происхождения. Мужская линия дома Романовых фактически пресеклась с Петром III. *И немцам передал*

на жертву наш народ. В эпоху Николая I немцы играли в правительственном аппарате и в армии большую роль. *Ратное невзгодье* — Крымская кампания 1854—1855 гг., неудачная для России. *Сын хочет взять себе его за образец.* Имеются в виду следующие слова манифеста Александра II о вступлении на престол: «Как оплакиваемый нами любезнейший родитель наш посвящал все усилия, все часы своей жизни трудам и попечениям о благе подданных, так и мы... приемлем священный обет иметь всегда единою целью благоденствие отечества нашего».

Отзыв на манифест (стр. 619). Впервые — Б, 1907, № 2, стр. 289—296. Стихотворение было широко распространено в списках (см. например, указанный номер Б, стр. 288, сноска). Его другие заглавия: «Европа против нас», «К русскому царю», «Русскому царю». Ст. 9, 24, 34, 43, 73, 101, 177, 178, 221, 284, 295, 297, 299 имеют в списках различные варианты. Ст. 248 в публикации Б пропущен и восполнен по другим спискам. Ст. 211 дефектен. Из заглавия и содержания стихотворения ясно, что оно написано в ответ на манифест Николая I о Крымской войне 29 января 1855 г. и до отставки Клейнмихеля — 15 октября того же года. В стихотворении отразилась незрелость политического мышления молодого Лаврова. *Пред Гогенштауфенским мечом.* Фридрих Барбаросса (Гогенштауфен) (1123—1190), который, по германской легенде, не умер, а живет в подземной пещере в Богемии до времени, когда он сможет объединить империю. *И тени Фабиев и грозных Сципионов.* Фабий Кунктатор (ум. 203 до н. э.) — римский полководец. Публий Сципион Африканский Старший (ок. 235—184 до н. э.) — римский полководец, покоритель Карфагена. *«Гнилых местечек депутат».* В XVIII в. избирательная система в Англии приводила порою к тому, что депутат избирался от мест, давно брошенных и не имевших населения. *Клейнод* — драгоценности, войсковые отличия. *Картуш* Луи-Доминик (1693—1721) — знаменитый французский разбойник, атаман шайки, действовавшей в Париже и его окрестностях. *Ахилла жалкий мирмидон.* В героических сказаниях древних греков Ахилл — сын царя мирмидонян Пелея. *Искусственной монархии властитель* — Франц-Иосиф (1830—1916), император Австро-Венгрии с 1848 г. Австро-Венгрия, представлявшая собою искусственное объединение различных государств, обычно характеризовалась как «лоскутная» монархия. *Наследник четырех корон* — Австрии, Венгрии, Чехии и Моравии. *Радецкий* Иоганн-Иозеф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал. *Давно ль клялся хранить закон.* В обстановке революционных волнений 1848 г. *Пред силой чуждою угас огонь восстанья* и т. д. В 1849 г. русские войска принимали участие в подавлении революции в Венгрии. *Маджар* — мадьяр, венгров. *В Италии блеснул кинжал свободы.* Имеется в виду национально-освободительное движение, возглавлявшееся Д. Гарибальди. *Ударил в Парме гром* — революция 1848 г., принудившая герцога Карла II к бегству из страны. *Страна ученых прений* — Германия. *Микроскопическим царькам.* До 1871 г. Германия представляла собою ряд небольших самостоятельных государств. *Фридрих* II Великий (1712—1786) — король Пруссии с 1740 г. *Ты, пьяный Ульриха тиран.* Вероятно,

речь идет о преследовании известного гуманиста Ульриха фон Гуттена (1488—1523) вюртембергским герцогом Ульрихом. Ульрих фон Гуттен издал четыре речи против герцога Ульриха в связи с изменническим убийством своего друга и родственника Ганса Гуттена. *Клейнмихель* — см. ниже. *Орлов* Алексей Федорович (1787—1862) — военный деятель, дипломат, в 1844—1856 гг. шеф жандармов.

«Итак, сбылись заветные желанья...» (стр. 627). Впервые первые 8 строк — РА, 1889, № 1, стр. 148; полностью — ИВ, 1898, № 9, стр. 820. В некоторых списках стихотворение озаглавлено: «Прости» (см., например, Бродский, стр. 33). По словам М. И. Семевского, стихотворение «разошлось по России в то время в громаднейшем количестве экземпляров» (надпись на экземпляре одного из списков ПД, фонд № 265 «Русской старины», оп. 3, № 48). Стихотворение написано на отставку П. А. Клейнмихеля 15 октября 1855 г. Автор его, вероятно, инженер путей сообщения (см. указ. номера РА и ИВ), — содержание стихотворения подтверждает это предположение (ср.: «гордились мы своим образованьем», «наш мундир»). Стихотворение ошибочно включено в собрание стихотворений К. С. Аксакова (Соч., т. 1. <Пг.>, 1915, стр. 89—90). *Плебей происхожденьем.* Клейнмихели — обрусевший немецкий или шведский род незнатного происхождения, но уже дед и отец П. А. Клейнмихеля были видными государственными чиновниками (оба служили директорами 2-го кадетского корпуса). *Ты изменил религию отцов,* т. е. из лютеранства перешел в православие. *Твой род включит в сонм княжеских родов.* Неточно: 26 марта 1839 г. Клейнмихель был возведен в графское достоинство. *За бездоходную железную дорогу.* Клейнмихель руководил постройкою Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, которая обошлась более чем в 604 миллиона рублей; одна верста стоила около 107 000 рублей! «Вольная» русская поэзия знает и другие стихотворения, посвященные отставке Клейнмихеля, например, «Изгнанный Клейнмихель (Элегия à la Батюшков)» в рукописном сборнике, составлявшемся В. Р. Зотовым (ПД, ф. 548, оп. 1, № 8, лл. 37—38 об.). В ПД же хранится экземпляр ходившего по рукам «Плача о гр. Клейнмихеле» и эпиграмма на его падение (ПД, ф. 265, оп. 3, № 47—48):

Клейнмихель столько лет путями правил,
А сам был без пути и правил...

17 апреля 1856 г. (стр. 628). Впервые — В. Жданов. Николай Александрович Добролюбов. М., 1955, стр. 157 (26 строк из середины стихотворения), и полностью — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XVI, вып. 1. 1957, стр. 70—71. Ст. 110 явно искажен в списке, правильное чтение не установлено. Ст. 157 исправлен (вместо: «Еще весь не пал хамов род»). Из этого стихотворения, значащегося в собственноручном перечне Добролюбова именно с таким заглавием, были известны ранее лишь первые 5 строк (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 236). Между тем оно, по свидетельству М. И. Шемановского, было очень распространено («слишком известно») в списках (ЛН, № 25—26, 1936, стр. 293).

Судя по тому, что в стихотворении упоминается амнистия декабристов, объявленная в день коронации 26 августа 1856 г., стихотворение не могло быть написано раньше этого времени. *17 апреля 1856* — день рождения Александра II. Характерно, что М. И. Шемановский в назв. воспоминаниях цитирует первые строки этого стихотворения и приводит их заглавие — «26 августа». Шемановский отмечал, что оно отличалось некоторой восторженностью по отношению к новому царю. Этот тон был очень характерен для многих политиков, возлагавших на Александра II в начале его царствования некоторые надежды. *Суда на сына своего* — на Александра II. *Мир не блестящий заключил* — Парижский мир 18 (30) марта 1856 г. после неудачной Крымской кампании. *Мыслящих людей не хочет Держать в Сибири и в тюрьме.* Об амнистии декабристов, петрашевцев и др. *Аэролит* — метеорит. *Клейнмихель, Бибиков — в изгнанье.* Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869) и министр внутренних дел Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870) были уволены в отставку 15 октября и 30 августа 1855 г., вскоре по воцарении Александра II; они были верными слугами и проводниками политики Николая I. Ср. «Щукинский сборник», вып. I. М., 1902, стр. 89, и РМ, 1911, № 5, стр. 159 — отзывы современников. *Нессельрод (Нессельроде)* Карл Васильевич (1780—1862) — в 1822—1856 гг. министр иностранных дел. *Долгоруков* Василий Андреевич (1804—1868) — в 1853—1856 гг. военный министр. *Киселев* Павел Дмитриевич (1788—1872) — в 1837—1856 гг. министр государственных имуществ. *Брок* Петр Федорович (1805—1875) — министр финансов в 1852—1858 гг. *Горчаков* Михаил Дмитриевич (1793—1861) — генерал, военный деятель периода Крымской кампании, в 1856—1861 гг. наместник в Царстве Польском. *Закревский* А. А. (1783—1865) — в 1848—1859 гг. московский военный генерал-губернатор. *Хомутов* Михаил Григорьевич (1795—1864) — наказный атаман Войска Донского в 1849—1863 гг.

П т и ч к а (стр. 632). Перевод стихотворения «Si j'étais petit oiseau». Впервые — «Сын отечества», 1856, № 30, стр. 69. Перепеч.: Л I и Л V. *Саул* — первый царь еврейского народа (XI в. до н. э.).

М о е п р и з в а н и е (стр. 634). Перевод стихотворения «Ma vocation». Впервые — «Сын отечества», 1857, № 27, стр. 663. Перепеч.: Л IV. Текст печатается без цензурных искажений по изд.: Песни Беранже. Пер. В. Курочкина. СПб., 1858, стр. 108—110.

С т а р ы й к а п р а л (стр. 635). Перевод стихотворения «Le vieux caporal». Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, № 11, стр. 1—2. Перепеч.: Л I и Л V. Первые 2 строки 2-й строфы и первые 4 строки 4-й строфы вследствие цензурного вмешательства были искажены и в таком виде всюду и перепечатывались. Правильное чтение соответственно: «Да, я прибил офицера! Молод еще оскорблять» и:

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам,
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.

(ПИ, т. 1, стр. 391 и 770—771). Герой стихотворения — старый наполеоновский солдат; действие происходит после восстановления королевской власти, т. е. после 1814 г. *Император* — Наполеон I.

Старый нищий (стр. 637). Перевод стихотворения «Le vieux vagabond». Впервые — «Сын отечества», 1857, № 29, стр. 689. Перепеч.: Л I и Л V. Позднее Курочкин перепечатывал этот перевод под заглавием: «Старый бродяга».

Урок (стр. 639). Перевод стихотворения «Leçon de lecture». Впервые — «Отечественные записки», 1858, № 4, стр. 279—281. Перепеч.: Л I и Л V. *Это иже, а не наш* — славянские названия букв «и» и «н». *Отстояли мы друзей* — Франция помогла Греции в 1820—1830-х гг. стать самостоятельным государством. *Канари* Константин (1790—1877) — греческий государственный и политический деятель, борец за национальную свободу Греции.

Господин Искариотов (стр. 641). Перевод стихотворения «Monsieur Judas». Впервые — «Искра», 1861, 6 октября, № 38, стр. 539—540, под заглавием «Сплетник» и с двумя эпиграфами (из Беранже и из «Евгения Онегина»). *Искариотов* — от имени Иуды Искариота, по библейскому преданию, предавшего Иисуса Христа. Популярность стихотворения в России 1860-х годов и следующих десятилетий определялась протестом протим системы слежки и сыска, для участия в которых полиция и III Отделение вербовали агентов в самых различных кругах общества. Перевод Курочкина пользовался огромной популярностью.

Дворянин-барин (стр. 643). Впервые — Сп — й и П. П. Стихи. Лейпциг, изд. Вольфганга Гергарда, 1860, стр. 10—12. Перепеч. с раскрытием криптонима — Л II. Сведений об авторе найти не удалось: скорее всего — это псевдоним.

Тоска по родине (стр. 644). Впервые — там же, стр. 8—9. Перепеч. с раскрытием криптонима — Л I и Л V.

Белое покрывало (стр. 645). Перевод стихотворения «Der Weisse Schleier». Впервые — «Современник», 1859, № 3, стр. 174—176. Перепеч.: Л II. *Гартман* Мориц (1821—1872) — австрийский поэт и беллетрист, участник революции 1848 г., левый буржуазный демократ. Перевод пользовался широкой популярностью в России вплоть до революции 1905 г. включительно.

Песня о рубашке (стр. 647). Перевод стихотворения «The song of Shirt». Впервые — «Современник», 1860, № 9, стр. 63—66. Перепеч.: Л II и НСРПиС. Перевод пользовался в России огромной популярностью.

Сказка про белого царя (стр. 650). Впервые — сб. «Сатира 60-х годов». М., 1932, стр. 265—266. Стихотворение в течение нескольких десятилетий широко обращалось в копиях. *Белый царь* — Николай I. *И задал же острастку Он после «Декабря»...* Речь идет о жестоких репрессиях после восстания 14 декабря 1825 г. *Человеком лакея называл.* В дореволюционное время — презрительная кличка лакея и другой прислуги. *Лев Львовича, соседа, Царем не признавал.* Николай I долгое время не признавал Луи Бонапарта (Наполеона III) императором Франции. *И рать свою послал Задать Левошке таску.* О Крымской кампании. *Он взял Nux.* Nux vomica — стрихнин; ходили слухи, что Николай I кончил самоубийством, отравившись ядом.

Что буду делать я? (стр. 651). Впервые — Сп — й и П. П. Стихи. Лейпциг, изд. Вольфганга Гергарда, 1860, стр. 55—56. Перепеч.: Л I и Л V. Криптоним раскрыть не удалось.

«Тяжкий крест несем мы, братья...» (стр. 652). Впервые — Б, 1906, № 7, стр. 3. Стихотворение встречается в рукописных списках 1860-х годов.

«Падет презренное тиранство...» (стр. 653). Впервые — Б, 1906, № 7, стр. 1—2. Стихотворение встречается в рукописных списках. Кроме этого и предыдущего стихотворения, в списках находится также и стихотворение Никитина «Постыдно гибнет наше время...», относящееся скорее всего к концу 1850-х годов. Ср. также стихотворение Никитина в ОР на стр. 549 наст. изд.

14 декабря 1861 (стр. 653). Впервые — М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М. — Пг., 1923, стр. 136—137 (в качестве анонимного). Авторство установлено Н. Ф. Бельчиковым в статье «Стихотворные опыты П. Н. Ткачева» («Русская литература», 1958, № 4, стр. 183—185). Заглавие стихотворения — дата публичного объявления приговора М. Л. Михайлову. Стихотворение ходило по рукам и воспроизведено по тетради, взятой при обыске у Ткачева 17 ноября 1862 г. Ст. 23 и 39 неисправны.

«Смело, друзья, не теряйте...» (стр. 655). Впервые в легальной печати (с подписью Михайлова)—«Русская муза», сост. П. Я. <П. Ф. Якубовичем>. Перераб. и доп. изд., СПб., 1908, стр. 274—275. См. примечание к переделке этого стихотворения «Братья, вперед, не теряйте...», стр. 578, и примечание на стр. 829.

Изображение Российского царства (стр. 655). Впервые отрывок — сб. «Сатира 60-х годов». М., 1932, стр. 273; пол-

ностью — П. В. Шумахер. Стихотворения и сатиры. Л., 1937, стр. 51—52.

Послание Мих. Ил. Михайлову (стр. 656). Впервые — Б, 1906, № 5, стр. 185. Об обстоятельствах написания этого стихотворения см. примечание к стих. Н. П. Огарева «Михайлову», стр. 725. Стихотворение распространялось в списках.

Пятеро (стр. 657). Впервые — М. Л. Михайлов. Полн. собр. соч., 1934, стр. 614—615. Стихотворение было широко распространено в списках. *Пятеро* — пять декабристов: К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский, казненные 13 июля 1826 г. *Близ места вашей казни* и т. д. Декабристы были повешены на кронверке Петропавловской крепости, близ собора, в котором похоронены русские цари, начиная с Петра I и до Александра III включительно.

Дележ нехорош (стр. 659). Впервые — ЛН, № 63, 1957, стр. 675—676. Автограф — среди бумаг Н. П. Огарева в составе «Пражской коллекции» в ЦГАЛИ. Авторство популярного в 1860-х годах беллетриста и журналиста, близкого к демократическому лагерю, Александра Фомича *Погосского* (1816—1874) устанавливается письмом Бакунина к Герцену и Огареву от 4 марта 1864 г. (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896, стр. 154—155). Стихотворение посвящено освобождению крестьян, в частности введению уставных грамот, в период, когда осуществлялось «Положение», «обдирающее их <крестьян>, как липку» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 27).

«Слу-шай!» (стр. 660). Впервые — «Современник», 1864, № 2, стр. 553—554 (подпись: «Ив. Г. — М.»). В 1860-х годах было положено на музыку композитором Соколовским и стало очень популярно в студенческой и революционной среде. Впоследствии многократно перепечатывалось в хрестоматиях, сборниках «чтецах-декламаторах» и т. д. и вошло в обиход русской революционной поэзии. В ряде изданий ошибочно приписывалось М. Л. Михайлову. Иван Иванович *Гольц-Миллер* (1842—1871), будучи студентом юридического факультета Московского университета, сблизился с революционным кружком П. Г. Зайчневского и принимал участие в составлении прокламации «Молодая Россия». Вскоре последовали арест, заключение в смирительном доме, а затем административная высылка. В 1865 г. Гольц-Миллер переехал в Одессу и поступил в университет, но уже в 1866 г. был уволен и подвергся новой высылке. Как поэт Гольц-Миллер выступал в 1863 г. с рядом стихотворений на острые социальные темы, выражавших настроения русской революционной демократии.

Requiem (стр. 662). Впервые — «Искра», 1865 <18 марта>, № 11, стр. 159. Текст печ. без цензурных искажений по изд. Л. Пальмин. Сны наяву. Собрание стихотворений. М., 1878, стр. 517—518. *Пальмин* Лиодор Иванович (1841—1891) — поэт и переводчик, деятельный сотрудник «Искры» и ряда других журналов 1860—

1880-х годов. Как поэт Пальмин воспитывался бурной эпохой 1860-х годов, идеалам которых он остался навсегда верен. Впрочем, отчетливой политической позиции у Пальмина не было. Стихотворение «Requiem» — вершина его творчества. Уже в 1870-х годах оно стало популярно в качестве революционной песни: традиция относила его к подсудимым «процесса 193-х», хотя смертных приговоров по этому процессу и не было. Положенное на музыку стихотворение продолжало оставаться популярным и в начале XX в. Характеристику Пальмина и материалы по истории этого и других стихотворений Пальмина см. ПИ, т. 2, стр. 813—837 и 978—980.

История государства Российского от Гостомысла до Тимашева (стр. 663). Впервые — PC, 1883, № 11, стр. 481—496. Эта публикация фиксирует один из многочисленных списков, широко обращавшихся под различными заглавиями и во множестве копий. В настоящем издании печатается наиболее исправный текст, установленный И. Г. Ямпольским (см. А. К. Толстой. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937, стр. 357—370). *Гостомысл* — легендарный новгородский посадник, по совету которого, как сообщает летопись, новгородцы якобы пригласили варяжских князей. *Тимашев* Александр Егорович (1818—1893) — в 1856—1861 гг. управляющий III Отделением, в 1868—1878 гг. министр внутренних дел. *И сделал нам Иордань* — т. е. совершил обряд крещения. Иордань — река в Палестине, в которой, по евангельскому рассказу, крестился Иисус Христос. *Имярек* — по имени. В официальных бумагах это слово указывало место, где нужно было вставить соответствующее имя. *Но был ли уговор* — т. е. были ли взяты у царя Михаила Федоровича какие-нибудь обязательства, ограничивающие его власть, как это утверждали некоторые современники. *Вольтер* Франсуа Мари (1694—1778) и *Дидерот* (т. е. Дидро) Дени (1713—1784). Желая прослыть просвещенной монархиней, Екатерина II вступила с ними в переписку. Она добилась того, что ее хвалили, но все их советы относительно социальных преобразований в России исполнены, конечно, не были. *Мальтийский кавалер.* Павел I был с 1798 г. гроссмейстером ордена мальтийских рыцарей Иоанна Иерусалимского. *Louis le Désiré* (Людовик Желанный) — прозвище, данное роялистами Людовику XVIII (1755—1824). *Велио* Иван Осипович (1830—1899) — директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868—1880 гг.; имя его неоднократно встречается в стихах и письмах Толстого — поэт негодовал на него за перлюстрацию корреспонденции и высмеивал за плохую работу почты. *Норов* Авраам Сергеевич (1795—1869), *Путятин* Евфимий Васильевич (1803—1883), *Головнин* Александр Васильевич (1821—1880) — министры народного просвещения в 1854—1858, 1861 и 1861—1866 гг. *Панин* Виктор Никитич (1801—1874) — министр юстиции в 1839—1862 гг. *Метлин* Николай Федорович (1804—1884) — управляющий морским министерством в 1857—1860 гг. *Брок* Петр Федорович (1805—1875) — министр финансов в 1852—1858 гг. *Замятнин* Дмитрий Николаевич (1805—1881) — министр юстиции в 1862—1867 гг. *Корф* Модест Андреевич (1800—1876) — управляющий II Отделением собственной его имп. величества канцелярии в 1861—

1864 гг. *Столбец* (слав.) — свиток, старинная рукопись. *Худый* (слав.) — недостойный. *Не дописах поспешно...* Здесь и в начале использован текст летописи.

Сон Попова (стр. 677). Впервые — отдельным изданием под заглавием: «Сон статского советника Попова». Берлин, 1878. В России впервые — РС, 1882, № 12, стр. 701—712. Это сатирическое произведение, как и «История государства Российского...», долгое время обращалось под различными заглавиями в многочисленных копиях и стало очень популярным в революционных кругах. В настоящем издании печатается наиболее исправный текст, установленный И. Г. Ямпольским (см. А. К. Толстой. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937, стр. 399—409). *Поздравить он министра.* Согласно давней и весьма правдоподобной традиции, в образе министра А. К. Толстой изобразил Петра Александровича Валуева (1816—1890), в 1861—1868 гг. министра внутренних дел, а в 1872—1879 гг. министра государственных имуществ. Впрочем, созданный Толстым типический образ министра — либерала и демагога, конечно, шире и глубже, чем только портретное изображение Валуева. *Регалия* — орден или знак отличия. *Темляк* — тесьма с кистью на эфесе шпаги или сабли. *Имярек* — назвал по имени. *К Цепному мосту* — см. стр. 716—717. *Причинный казус* — неожиданный, неприятный случай. *Не бе* (слав.) — не было. *Лазоревый полковник.* Жандармы носили форму голубого цвета. *Санкюлот* — презрительная кличка, данная реакционерами в годы Французской революции XVIII в. беднейшим слоям населения и в частности революционерам-якобинцам, которые носили длинные брюки, а не аристократические короткие штаны до колен (culotte). Впоследствии в консервативной публицистике слово «санкюлот» употреблялось в значении «вольнодумец». *Комплот* (от франц. complot) — заговор. *Ектенья* (слав.) — заздравное моление, здесь в ироническом смысле.

«Сила ломит и соломушку...» (стр. 689). Полностью печ. впервые. Ст. 1—80 и 140—153 — КиС, 1932, № 6(91), стр. 207—209. Списки — ЦГИАМ (фонд 109, III Отделения, 3-й экспедиции, 1874, № 144, часть 5. 1-й список — лл. 285—289, 2-й список — лл. 296—299). В КиС предположительно обосновано и авторство Исаака Яковлевича Павловского (1852—189?), участника таганрогского революционного кружка, подсудимого по «процессу 193-х». В 1878 г. он эмигрировал; со второй половины 1880-х годов — корреспондент «Нового времени», в конце 1888 г. возвратился в Россию; автор воспоминаний о Тургеневе и некоторых других литературных работ. На полях «всеподданнейшего» донесения начальника Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенанта И. Л. Слезкина с приложением копии этого стихотворения Александр II написал: «Хорошо, нечего сказать!» (КиС, 1932, № 6, стр. 206). *Сила ломит и соломушку* — народная поговорка, получившая особую популярность по «Песне Еремушке» Некрасова. В стихотворении ряд реминисценций из этого произведения.

Идущим в Сибирь (стр. 692). Впервые — «Правда», 1883, 3 января, № 16, стр. 5. Доказательством распространенности этого

стихотворения служит то, что его сокращенный текст (без заглавия) находился в составе бумаг подпольной революционной организации Петербурга (см.: «Архив „Земли и воли" и „Народной воли"». М., 1932, стр. 318—319). Газета «Правда», издававшаяся в Женеве в 1882—1883 гг. отставным исправником И. Климовым, являлась органом «Священной дружины» и преследовала провокационные цели. Всего вышло 20 номеров. Ее подлинного назначения, разумеется, не знали сотрудничавшие в газете В. П. Сидорацкий, В. Черкезов, П. В. Григорьев и несколько неизвестных авторов, напечатавших в газете свои стихотворения — всего 14. Особенно часто печатался П. В. Григорьев; его стихотворения перепеч. в книге: П. В. Григорьев. Стихотворения. Париж, 1883.

Узница (стр. 693). Впервые — «Вестник Европы», 1878, № 11, стр. 61, без заглавия (по цензурным причинам). Стихотворение представляет собою отклик на процесс Веры Засулич, но написано, судя по содержанию, до суда, закончившегося оправданием подсудимой (см. стр. 802—803). Характерно, что даже такие далекие от революционных идей поэты, как Я. П. Полонский, не смогли не проникнуться сочувствием к подвигу революционерки, мстившей за унижение неизвестного ей лично человека. В литературе существует и другая, менее вероятная версия, будто бы стихотворение относится к Лидии Фигнер (Стахевич) (1853—1920), 14 марта 1877 г. осужденной по «процессу 50-ти» к ссылке в Сибирь (см. В. Н. Фигнер. «Процесс „50"», КиС, 1927, № 4 (33), стр. 18). Кроме окончательной редакции, известны и две предшествующие: см.: Б, 1906, № 1, стр. 98—99, и Я. П. Полонский. Стихотворения. Л., 1954, стр. 527—528.

Дубровин на исповеди (стр. 694). Впервые —«Правда», 1882, 19 декабря, № 14, стр. 5 (подпись: «П. Безобразов»). Перепеч.: П. В. Григорьев. Стихотворения. Париж, 1883, стр. 86—88, под заглавием «Дубровин» и с посвящением Виктору Гюго. Подпоручик Владимир Дмитриевич *Дубровин* (1855—1879) пытался создать военно-террористическую группу. При обыске в декабре 1878 г. оказал вооруженное сопротивление. 13 апреля 1879 г. был приговорен к повешению и казнен 20 апреля. Дубровин оттолкнул священника и, взойдя на эшафот, сам надел на себя петлю. Сведения о нем (не говоря об устных рассказах) Григорьев мог почерпнуть из «Листка „Земли и воли"» (1879, 8 июня, № 5), где была помещена подробная информация. Вероятно, вскоре после этого стихотворение и было написано.

«У Цепного моста...» (стр. 695). Впервые (?) — сб. «Сатира 60-х годов». М., 1932, стр. 268. Это стихотворение было широко распространено в списках приблизительно с 1870-х годов. *У Цепного моста* — см. примечание на стр. 716—717.

Сердце царево в руце божией (стр. 695). Впервые — П. В. Шумахер. Стихотворения и сатиры. Л., 1937, стр. 181—182. Стихотворение написано после убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 г. *Фоли-бержер* — увеселительное заведение

в Петербурге, пользовавшееся весьма дурной славой. *Донон* — владелец дорогого петербургского ресторана. *Рысаков* Николай Иванович (1860—1881) — народоволец, один из метальщиков бомбы 1 марта 1881 г. На следствии предал своих друзей.

Канун рождества (стр. 697). Впервые — «Нигилист», 1881, № 1, стр. 16. Журнал издавался в Париже В. П. Сидорацким (см. стр. 704), — вышло всего 2 номера.

Тук-тук (стр. 698). Впервые — Вера Фигнер. Стихотворения. СПб., 1906, стр. 6. Виднейший деятель русского революционного движения 1870—1880-х годов, член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Вера Николаевна *Фигнер* (1852—1942) в 1884 г. была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 20 лет (до 1904 г.) она провела в стенах Шлиссельбургской крепости. Все стихотворения Фигнер относятся к 1887—1897 гг. Они не выходили за пределы крепости, но сыграли немалую роль среди товарищей Фигнер по заключению. Современники узнали их лишь в начале XX в. по отдельному изданию 1906 г. и перепечаткам в популярных сборниках. Стихотворения В. Фигнер стали очень популярными среди прогрессивных кругов русского общества. Стихотворение обращено к соседу по камере — Василию Семеновичу *Панкратову* (1864—1925). О нем — см. Фигнер, т. 2, стр. 150—153. К 1900—1910 гг. относится стихотворение П. Ф. Якубовича на ту же тему и с таким же заглавием.

Матери (стр. 698). Впервые — там же, стр. 8. Одно из наиболее популярных стихотворений Фигнер. Стихотворение было передано с одним из увозимых из крепости.

«Пали все лучшие... В землю зарытые...» (стр. 699). Впервые — там же, стр. 38. Перепеч.: Фигнер, т. 4, стр. 297. Это стихотворение, «посвященное погибшим в заключении товарищам», по желанию В. Фигнер заключало собою сборник 1906 г. и последующие издания: «это хронологически — последнее стихотворение; после него источник иссяк...» (Фигнер, т. 4, стр. 242).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Стр. 61.* «Полярная звезда». Кн. 1. Лондон. 1855. Обложка.
2. *Стр. 93.* «Колокол». Лист 1. 19 июня (1 июля) 1857.
3—4. *Между стр. 112 и 113:* Н. П. Огарев. Гравюра конца 1850-х годов. Центральный гос. архив литературы и искусства.

На обороте: Н. А. Добролюбов. С фотографии Ж. Гох. Петербург. 1860. Литография Бореля. Гравюра, изготовленная в Лейпциге в 1862 г. по заказу Н. Г. Чернышевского. Подпись: «И делал я благое дело Среди царюющего зла» (из стихотворения Добролюбова «Памяти отца») была запрещена цензурою и портрет воспроизводился без нее. Пушкинский дом Академии наук СССР.

5. *Стр. 161.* «Свободные русские песни». Кронштадт, 1863. Обложка. Выходные данные фиктивные — в действительности: Берн.
6. *Стр. 237.* «Сборник новых песен и стихов». Москва. 1873. Обложка. Выходные данные фиктивные — в действительности: Женева.
7—8. *Стр. 246—247.* Н. А. Некрасов. «У парадного крыльца». Вариант стихотворения «Размышления у парадного подъезда», переделанного в революционных кругах. Там же.
9. *Стр. 285.* М. Л. Михайлов в тюрьме. Запрещенный цензурою рисунок худ. Н. Иевлева (?) «Долго ли похерить человека?». Готовился для сатирического журнала «Гудок» (1862, апрель). Оригиналом для рисунка послужила широко распространенная литография, изображающая М. Л. Михайлова закованным в кандалы. Гос. русский музей в Ленинграде, альбом Е. Рейтерна.
10. *Стр. 305.* Сборник «Из-за решетки», Женева, 1877. Обложка.
11. *Между стр. 400 и 401:* Н. А. Некрасов. С фотографии Деньера. Петербург. 1865.

На обороте: В. С. Курочкин. Фотография 1860-х годов. Из изд.: «Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России». СПб., Г. Деньер, 1865, № 8.

13. *Между стр. 528 и 529:* П. Л. Лавров. С фотографии 1874 г. (?). Пушкинский дом Академии наук СССР.

На обороте: П. Ф. Якубович (Мельшин). С фотографии Бореля. Петербург. 1900 (?). Пушкинский дом Академии наук СССР.

15. *Стр. 533.* Из доклада цензора о сборнике «Отклик» (1881), в котором был помещен отзыв о переводе А. П. Барыковой стихотворения Ж. Ришпена «Поэт». Центральный гос. исторический архив в Ленинграде, фонд 776, опись 20, дело III Отделения главного управления по делам печати № 345, 1881 г. лист 2 об.

16—17. *Между стр. 576 и 577:* В. Г. Богораз. С фотографии Д. С. Здобнова. Петербург. 1907 (?). Пушкинский дом Академии наук СССР.

На обороте: Н. А. Морозов. С фотографии Рентца и Шрадера. Петербург. 1910-е годы (?). Пушкинский дом Академии наук СССР.

18. *Стр. 597.* Титульный лист «Нового сборника революционных песен и стихотворений». Париж. 1898.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, КРИПТОНИМОВ И ПСЕВДОНИМОВ[1]

Алисов П. Ф. 592—594, *831*
Архангельский А. 560—563, *826*

Б. 380
Барбье О. 137—140
Бардина С. И. 277, 295—299, *773*
Барыкова А. П. 404—405, 507—521, *816*
Белоголовый Н. А. 379—380, 413—414, 416, 424, 429—434, *789*
Бенедиктов В. Г. 137—140
Беранже П.-Ж. 68—70, 334—335, 632—642
Богораз В. Г. 469—473, 547, 551—557, 573—577, 580—583, *811*
Боровиковский А. Л. 275—276, *769*

Вейнберг П. И. 107—109, 178—179, *724*
Волховской Ф. В. 259—260, 284—286, 361—376, 467, 600—601, 608—609, 615, *762—763*

Гартман М. 645—647, *838*
Гейман Б. Н. 610—612, *833*
Гейне Г. 522—523
Гервег Г. 606—607, *832*
Гольц-Миллер И. И. 660—662, *840*
Григорьев П. В. 280—283, 286—294, 405—407, 694—695, *771*
Гуд Т. 647—649

Д. А. 348—353
Дмоховский Л. А. (?) 265, *765*
Добролюбов Н. А. 123—137, 168—169, 209—217, 618—619
Добрыня 565—567

---

[1] Цифра, набранная курсивом, обозначает страницу примечания, где дается краткая справка об авторах и переводчиках, представленных в настоящем издании. Неизвестные авторы помещены после общего алфавита. Коллективные и предположительно установленные авторы даны вместе с основным обозначением автора.

Едуков Н. И. (?) 331, *779*

З — на Н. 431—432

Инок Парфентий 410—412

Клеменц Д. А. 248—258, 454—456, *755*
Коган С. М. 420—421, 431—432
Кони Ф. А. 167—168, *737*
Кравцов В. Х. 468, *811*
Курочкин В. С. 68—70, 89—91, 118—119, 632—642
Курочкин Н. С. 264

Лавров П. Л. 77—87, 141, 221—222, 224—226, 262—263, 266—269, 272—275, 522—523, 602—608, 619—632, 656—657, *718*
Ленский Д. Т. (?) 55, *713*
Лиль, Ж. Руже де — 394—396, *792*

Мачтет Г. А. 269—270, *766*
Минаков Е. И. 527—528
Минский Н. М. 459—466, *810*
Михайлов В. М. 54—55, *713*
Михайлов В. П. 403, *793*
Михайлов Г. 356—358, *784*
Михайлов Л. 337, *780*
Михайлов М. Л. 112—113, 116—117, 645—649, 655, 657—659, *725*
Мицкевич А. 136—137
Морозов Н. А. 338—348, 393—394, 450—458, 474—490, *781*
Муравский М. Д. 358—361, *784*

Навроцкий А. А. 230—235, *750*
Некрасов Н. А. 57—63, 104—107, 236—240, 243—247, 260, 386—392, 396—401, 407—408, 446
Никитин И. С. 549, 652—653
Носов В. 329—331, *778*

Огарев Н. П. 53—54, 72—76, 92—94, 96—101, 113—115, 117—122, 146—148, 152—156, 159, 170, 185—196, 199—203, 205—208, 261—262
Ольхин А. А. 419—420, 440—445, *804*
Оржих Б. Д. 539—540, 542—543, 558, 612—614, *822*
Орлов П. А. 376—378, *788—789*

П. А. 353—355, *783*
П. П. 651—652, *839*
Павловский И. Я. (?) 689—692, *842*
Пальмин Л. И. 622, *840*
Погосский А. Ф. 659—660, *840*
Политический ссыльный Якутской области 697—698
Полонский Я. П. 693—694, *843*
Помеха Б. 332—333, *779*
Попов И. И. 579—580

Ришпен Ж. 404—405, *794*
Рождественский И. А. (?) 116, *726*
Розенгейм М. П. 170—174, *739*
Русанов Н. С. 615—617, *834*

Саблин Н. А. 448—449, 491—492, 494—506, *805*
Синегуб С. С. 241—242, 304—329, 451, 502—506, *755*
Сперанский 643—645, *838*
Старообрядец 156—158
Стронин А. И. 425—427, *799*

Тан — см. Богораз В. Г.
Тиханович В. Г. 178—180, *740*
Тихомиров Л. А. 333—336, *779*
Ткачев П. Н. 653—654
Толстой А. К. 525—527, 663—688
Толстой Л. Н. 47—49
Тургенев И. С. (?) 56—57

Утин Н. И. (?) 116, *726*

Фесенко И. Ф. (?) 300—303, *774*
Фигнер В. Н. 698—700, *844*

Х. Д. 427—428
Христофоров А. Х. (?) 414—415, 421—423, 435, *796*

Шевченко Т. Г. 402—403
Шумахер П. В. 650—651, 655—656, 695—697

Якубович П. Ф. 528—537, 598—599

Неизвестные авторы 45—47, 49—52, 63—68, 70—71, 88—89, 94—96, 101—104, 109—112, 142—146, 148—151, 160—166, 169, 174—178, 181—184, 197—199, 201—204, 217—220, 222—224, 227—229, 270—271, 276—280, 283—284, 356, 381—386, 392—393, 408—410, 412—413, 417—419, 423, 434, 436—439, 445—448, 453—454, 468, 493, 523—525, 538—539, 541, 543—546, 548—551, 559—564, 567—572, 578—579, 584—592, 594—598, 601—602, 627—628, 692—693

Неизвестные переводчики 394—396, 402—403

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Лавров П. Л. Пророчество. 1852, январь.
Неизвестный автор. «Как восьмого сентября. . .». Между сентябрем 1854 и мартом 1855.
Добролюбов Н. А. На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча. 1854, декабрь.
Лавров П. Л. Русскому народу. 1854, декабрь.
Лавров П. Л. Отзыв на манифест. 1855, между январем и апрелем (?).
Добролюбов Н. А. Ода на смерть Николая I. 1855, после 18 февраля.
Добролюбов Н. А. На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними. 1855, начало.
Толстой Л. Н. «Как четвертого числа. . .» 1855, август.
Неизвестный автор. «Итак, сбылись заветные желанья. . .» 1855, после 15 октября.
Неизвестный автор. Басня. 1855, после октября.
Неизвестный автор. «Клейнмихель столько лет путями правил. . .» 1855, после октября.
Добролюбов Н. А. «Внемли, о царь, надежда Руси новой. . .» 1855.
Некрасов Н. А. В. Г. Белинский. 1855.
Лавров П. Л. (?) «Когда он в вечность преселился. . .» 1855 (?)
Ленский Д. Т. (?) Помойная яма. 1855 (?).
Добролюбов Н. А. Друзьям в России <Из А. Мицкевича>. 1855 (?). сентябрь или октябрь.
Неизвестный автор. Шарманка. 1855 или 1856 (?).
Курочкин В. С. Навуходоносор <Переделка стих. П.-Ж. Беранже>. Между 1855 и 1858.
Курочкин В. С. Птичка <Из П.-Ж. Беранже>. <1856>
Добролюбов Н. А. Годовщина (18 февраля 1856 года). 1856, февраль.
Неизвестный автор. Часовые. 1856, 19 августа.
Добролюбов Н. А. 17 апреля 1856 г. 1856, август (?).
Лавров П. Л. Новому царю (26 августа 1856 года). 1856, август или сентябрь.

Неизвестный автор. Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года. 1856, 21—22 декабря.
Кони Ф. А. Стихи к императору Александру II при восшествии его на престол. 1856 (?)
Бенедиктов В. Г. Собачий пир (Из О. Барбье). 1856 или 1857 (?).
Курочкин В. С. Мое призвание <Из П.-Ж. Беранже>. <1857>.
Курочкин В. С. Старый нищий <Из П.-Ж. Беранже>. <1857>.
Курочкин В. С. Двуглавый орел. <1857>.
Неизвестный автор. Русский певец. <1857>.
Огарев Н. П. Предисловие <к «Колоколу»>. 1857, май или июнь.
Сперанский. Дворянин-барин. 1857, август.
Курочкин В. С. Старый капрал <Из П.-Ж. Беранже>. 1857.
Лавров П. Л. Предопределение. 1857.
Никитин И. С. «Медленно движется время...» 1857.
Лавров П. Л. Вперед! 1857 (?), март.
Курочкин В. С. Урок <Из П.-Ж. Беранже>. <1858>.
Неизвестный автор. «Грустно матушке России...» <1858>.
Неизвестный автор. Кнут («Скажи мне, двигатель народный...»). <1858>.
Неизвестный автор. Сказка. <1858>.
Огарев Н. П. Напутствие. <1858>.
Огарев Н. П. С того берега. 1858, март — апрель.
Огарев Н. П. Современное. 1858, август.
Некрасов Н. А. У парадного крыльца. 1858.
Огарев Н. П. Искандеру («Когда я был отроком тихим и нежным...»). 1858.
Михайлов М. Л. Белое покрывало <Из М. Гартмана>. <1859>
Михайлов В. М. Из «Wintermärchen» («Редеют туманы и первым лучом...») <Из Г. Гейне>. <1859>.
Тургенев И. С. (?) Кнут («Ремянный кнут, не безуханный...»). <1859>.
Огарев Н. П. Памяти Рылеева. 1859.
Шумахер П. В. Сказка про белого царя. 1859.
Никитин И. С. «Падет презренное тиранство...» 1850-е годы.
Никитин И. С. «Тяжкий крест несем мы, братья...» 1850-е годы.
Вейнберг П. И. Гибкий человек. <1860>.
Михайлов М. Л. Песня о рубашке. <Из Т. Гуда>. <1860>.
П. П. Что буду делать я? <1860>.
Сперанский. Тоска по родине. <1860>.
Неизвестный автор. На кончину ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны. 1860.
Неизвестный автор. Послания. 1. Из Петербурга в Москву. 2. Из Москвы в Петербург. 1860 или 1861 (?).
Курочкин В. С. Господин Искариотов <Из П.-Ж. Беранже>. <1861>.
Курочкин В. С. (?) «Долго нас помещики душили...» <1861>.
Неизвестный автор. Вожди свободы. <1861>.
Неизвестный автор. К генералу Гарибальди. <1861>.
Неизвестный автор. Солдатская песня. <1861>.
Неизвестный автор. Уральская песня. <1861>.
Неизвестный автор. Фантазия. <1861>.
Неизвестный автор. Фейерверк. <1861>.

Огарёв Н. П. Михайлову. <1861>.
Михайлов М. Л. Памяти Добролюбова. 1861, 20 ноября.
Михайлов М. Л. Ответ. 1861, конец ноября.
Рождественский И. А. или Утин Н. И. Узнику. 1861, ноябрь.
Ткачев П. Н. 14 декабря 1861. Памяти Михайлова. 1861, 18 декабря.
Михайлов М. Л. «Смело, друзья! Не теряйте. . .» 1861.
Шумахер П. В. Изображенье Российского царства. 1861.
Неизвестный автор. Садоводство. 1861 или 1862.
Михайлов М. Л. Пятеро. 1861 или 1862 (?).
Неизвестный автор. Старик. <1862>.
Неизвестный автор. Юноше. <1862>.
Вейнберг П. И. Взгляд на природу. <1862>.
Тиханович В. Г. Вельможа. <1862>.
Неизвестный автор. Овцы. <1862>.
Розенгейм М. П. Русский пролетарий. <1862>.
Лавров П. Л. Послание Мих. Ил. Михайлову. 1862, 23 мая.
Огарев Н. П. Забытье. 1862, первая половина.
Неизвестный автор. «Братцы! Дружно песню грянем. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Неизвестный автор. «Дядя, ты в походах. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Огарев Н. П. «Жил на свете русский царь. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Неизвестный автор. «Русскому солдату. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Неизвестный автор. «Что так ветер воет глухо. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Неизвестный автор. «Эх, солдатское житье. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Неизвестный автор. «Эх, товарищи любезны. . .» 1862, между июнем и ноябрем.
Погосский А. Ф. Дележ нехорош. 1862 (?).
Неизвестный автор. «Ах ты, сукин сын, проклятый становой! . .» <1863>.
Неизвестный автор. Ослушная песня. <1863>.
Неизвестный автор. Песня бранного воинства. <1863>.
Неизвестный автор. «Родина наша. . .». <1863>.
Неизвестный автор. «Славься, свобода и честный наш труд! . .» <1863>.
Неизвестный автор. «Уж опять не бывать. . .» <1863>.
Старообрядец. Замечания старообрядца на тайные «Постановления по части раскола». <1863>.
Курочкин В. С. О цензуре. 1863.
Огарев Н. П. «Сим победиши». 1863, сентябрь — октябрь.
Огарев Н. П. <Н. П. Поггенполю> 1863.
Огарев Н. П. Мысли россиянина при чтении указа о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам. 1863.
Огарев Н. П. Мысли россиянина при чтении указа о воле. 1863, 1869.
Гольц-Миллер И. И. «Слу-шай!». <1864>.
Некрасов Н. А. Разговор на железной дороге. 1864.

Навроцкий А. А. «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» 1864 (?).
Неизвестный автор. Биография благородного человека. <1865>.
Пальмин Л. И. Requiem. <1865>.
Огарев Н. П. Надгробное. 1866, сентябрь.
Огарев Н. П. До свидания. 1867, июнь.
Неизвестный переводчик. Марсельеза <Из Ж. Руже де Лиля>. 1867.
Некрасов Н. А. Песня народного борца. 1868.
Огарев Н. П. Студент. 1868.
Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. 1868.
Неизвестный автор. Верх премудрости. <1869>.
Некрасов Н. А. Ночь после праздника. <1869>.
Огарев Н. П. Мужичкам. 1869, июль или август.
Огарев Н. П. Встреча. 1869, сентябрь.
Огарев Н. П. Размышления русского унтер-офицера перед походом. 1869, сентябрь (?).
Огарев Н. П. Восточный вопрос в панораме. 1869.
Огарев Н. П. «Гой, ребята, люди русские...» 1869.
Огарев Н. П. Царские указы. 1869.
Толстой А. К. (?) Федорушка. Конец 1860-х годов.
Неизвестный автор. «Обманул нас царь свободой...» <1870>.
Неизвестный автор. «Царь, дворяне да купцы...» <1870>.
Неизвестный автор. «Царь — отечества отец...» <1870>.
Неизвестный автор. «Царя Алексашу...» <1870>.
Некрасов Н. А. Притча. 1870, 20 июля.
Лавров П. Л. Рождение Мессии. 1870, 25 декабря.
Волховской Ф. В. Нашим угнетателям. 1870.
Волховской Ф. В. Случайному тюремному другу. 1870.
Навроцкий А. А. Воля-матушка. <1871>.
Навроцкий А. А. «То не на небе туча черная собиралася...» <1871>.
Огарев Н. П. Песня русской няньки у постели барского ребенка. Подражание Лермонтову. 1871.
Некрасов Н. А. «Смолкли честные, доблестно павшие...» 1872, 1877.
Волховской Ф. В. Судьба русского поэта. 1872.
Волховской Ф. В. Там и здесь. 1872.
Синегуб С. С. Дума ткача. Конец 1872 или начало 1873.
Клеменц Д. А. (?) Барка. <1873>.
Клеменц Д. А. (?) Доля. <1873>.
Клеменц Д. А. (?) Дума кузнеца. <1873>.
Клеменц Д. А. (?) «Когда я был царем российским...» <1873>.
Клеменц Д. А. (?) Просьба. <1873>.
Клеменц Д. А. (?) Свободушка. <1873>.
Толстой А. К. Сон Попова. 1873, лето.
Волховской Ф. В. Кричи! <1874>.
Русанов Н. С. На Волге. 1874.
Некрасов Н. А. Н. Г. Чернышевскому. 1874 (?).
Павловский И. Я. (?) «Сила ломит и соломушку...» 1874 (?).
Волховской Ф. В. Крестьянская песня. <1875>.
Лавров П. Л. Новая песня. <1875>.

Огарев Н. П. Свидание. 1875, апрель или май.
Курочкин Н. С. В память июньских дней 1848 года. 1875, 27 июня.
Морозов Н. А. В заключении. 1875.
П. А. На смерть Богомолова. 1875 (?).
Григорьев П. В. (?) К друзьям! <1876>.
Лавров П. Л. Апостол. <1876>.
Лавров П. Л. Новая тюрьма. <1876>.
Неизвестный автор. «Будем верить и ждать, будем громко взывать...» <1876>.
Неизвестный автор. «Не трава в лесу колышется...» <1876>.
Дмоховский Л. А. (?) Заповеди отщепенца. 1876, 18 февраля.
Некрасов Н. А. Русь. 1876, сентябрь — октябрь.
Лавров П. Л. Н. П. Огареву. 1876, 12 ноября.
Мачтет Г. А. Последнее прости. Замученному в остроге Чернышову, борцу за народное дело. 1876.
Неизвестный автор. Идущим в Сибирь. 1876.
Некрасов Н. А. Из поэмы «Пир на весь мир». <Отрывки>. 1876.
Волховской Ф. В. Прощай! 1876 (?).
Морозов Н. А. Тюремные видения. 1876 или 1877.
Бардина С. И. Две соседки. <1877>.
Бардина С. И. К матери. <1877>.
Бардина С. И. К <Л. Н.> Фигнер. <1877>.
Бардина С. И. «Мы были там. Его распяли...» <1877>.
Бардина С. И. «Полюбила ты брата убогого...» <1877>.
Белоголовый Н. А. «Лет тридцать, как раки, мы задом ползли...» <1877>.
Волховской Ф. В. «Бесконечно мертво, монотонно...» <1877>.
Волховской Ф. В. Всё то же. <1877>.
Волховской Ф. В. Гармония. <1877>.
Волховской Ф. В. Из дорожных воспоминаний. 1. В степи. 2. Знакомый тип. <1877>.
Волховской Ф. В. «Кашель душит, грудь болит...» <1877>.
Волховской Ф. В. «Когда подумаю, голубка, о тебе...» <1877>.
Волховской Ф. В. М. А. <1877>.
Волховской Ф. В. Мать. <1877>.
Волховской Ф. В. «Не то обидно мне, что отнята свобода...» <1877>.
Волховской Ф. В. «О, братство святое, святая свобода...» <1877>.
Волховской Ф. В. Письмо. <1877>.
Волховской Ф. В. Прогресс. <1877>.
Волховской Ф. В. Прокурорские речи. <1877>.
Волховской Ф. В. «Пусть я в тюрьме, пускай я связан...» <1877>.
Волховской Ф. В. У окна. <1877>.
Волховской Ф. В. Н. Ч — и — у. <1877>.
Волховской Ф. В. «Я вынести могу разлуку...» <1877>.
Д. А. Груня. <1877>.
Д. А. «Прошла зима. Подходит лето...» <1877>.
Едуков Н. И. (?) Ольга Любатович. <1877>.
Михайлов Г. Пропагандист. <1877>.
Михайлов Л. «Эх, кабы нам теперь да на луг, господа...». <1877>.

Морозов Н. А. В Доме предварительного заключения. <1877>.
Морозов Н. А. В заключении. <1877>.
Морозов Н. А. Памяти 1873—75 гг. <1877>.
Морозов Н. А. «Проклятие! Пиши стихи в тюрьме...» <1877>.
Морозов Н. А. «Русская жизнь! Средь густой темноты...» <1877>.
Морозов Н. А. «Сгинули силы...» <1877>.
Муравский М. Д. Из 1874 года <1877>.
Муравский М. Д. Кто? <1877>.
Муравский М. Д. Не от мира сего. <1877>.
Неизвестный автор. Нечего ждать! <1877>.
Неизвестный автор. Памяти Павла Трутковского. <1877>.
Неизвестный автор. Письмо в тюрьму. <1877>.
Носов В. Вербовчанину. <1877>.
Носов В. «Когда и тьму и предрассудки...» <1877>.
Орлов П. А. «Мальчишка». <1877>.
Орлов П. А. Революция. <1877>.
П. А. Другу Вербовчанину. <1877>.
П. А. Призрак. <1877>.
П. А. Хаос. <1877>.
Помеха Б. «Когда за жажду обновленья...» <1877>.
Синегуб С. С. Волчонок. <1877>.
Синегуб С. С. «Думы мои любые...» <1877>.
Синегуб С. С. Живое кладбище. <1877>.
Синегуб С. С. Завещание <1877>.
Синегуб С. С. К бюсту Белинского. <1877>.
Синегуб С. С. К другу. <1877>.
Синегуб С. С. Могила. <1877>.
Синегуб С. С. Мой друг Коля. <1877>.
Синегуб С. С. Монолог. <1877>.
Синегуб С. С. Она. <1877>.
Синегуб С. С. Перед смертью. <1877>.
Синегуб С. С. Петру Алексееву. <1877>.
Синегуб С. С. Прощанье эмигранта. <1877>.
Синегуб С. С. С. М. К. <1877>.
Синегуб С. С. «Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...» <1877>.
Тихомиров Л. А. «Дорогие братья...» <1877>.
Тихомиров Л. А. Из апостола Павла. <1877>.
Тихомиров Л. А. К моему пиджаку. Подражание Беранже. <1877>.
Тихомиров Л. А. Плясовая. <1877>.
Тихомиров Л. А. «Прочь мои снимите цепи...» <1877>.
Тихомиров Л. А. «Прощай, земля родная! Может быть...» <1877>.
Боровиковский А. Л. К судьям. 1877, 12 марта.
Бардина С. И. «Суд нынче мог бы хоть с балетом...» 1877, февраль — март.
Морозов Н. А. Перед судом. 1877, 18 октября.
Волховской Ф. В. (?) Друзьям. 1877.
Неизвестный автор. К арестанту. 1877.
Лавров П. Л. (?) «Война... На землю мрак густейший...» 1877.
Саблин Н. А. или Синегуб С. С. Обвинительная речь прокурора Железовского по «делу 193-х» (1877—78). 1877.

Фесенко И. Ф. Становой. Быль в стихах. 1877.
Б. «Люблю тебя, родная Русь...» <1878>.
Полонский Я. П. Узница. <1878>.
Неизвестный автор. 24 января 1878 года. 1878, февраль — март.
Архангельский А. «Тучи черные в небе носятся...» 1878.
Григорьев П. В. Из поэмы «Каракозов». 1878.
Григорьев П. В. <Песня о Мезенцеве>. 1878.
Морозов Н. А. «Скованы цепи...» 1878.
Неизвестный автор. На смерть И. М. Ковальского. 1878.
Ольхин А. А. У гроба. 1878.
Синегуб С. С. На смерть М. В. Куприянова. 1878 (?).
Минаков Е. И. Последние минуты. Конец 1878 — начало 1879.
Минский Н. М. Последняя исповедь. <1879>.
Морозов Н. А. Борьба. <1879>.
Морозов Н. А. «Милый друг, безумно-смелый...» <1879>.
Морозов Н. А. Ночью. <1879>
Морозов Н. А. и Клеменц Д. А. Тайное собрание. <1879>.
Неизвестный автор. Иегова. <1879>.
Неизвестный автор. Колыбельная песня. <1879>.
Неизвестный автор. Новая реформа. <1879>.
Неизвестный автор. Он. <1879>.
Саблин Н. А. Голуби. <1879>.
Якубович П. Ф. Упреки. 1879, октябрь.
Григорьев П. В. Дубровин на исповеди. 1879 (?).
Шумахер П. В. «У Цепного моста...» 1870-е годы.
Волховской Ф. В. Песнь гражданки. <1880>.
Морозов Н. А. Завещание. <1880>.
Морозов Н. А. «Там, средь движенья... <1880>.
Неизвестный автор. «Время, братцы, уж приспело...» <1880>.
Неизвестный автор. Петербургские мотивы. Вольный перевод из «Floh». <1880>.
Саблин Н. А. Недоразумение. <1880>.
Неизвестный автор и Архангельский А. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Конец 1870-х — начало 1880-х гг.
Лавров П. Л. Песня юности. 1880, 1 января.
Морозов Н. А. Встреча. 1880.
Неизвестный автор. После казни 4 ноября. 1880.
Саблин Н. А. Новь. 1880.
Якубович П. Ф. Матери («Не плачь, о мать моя! И сына не кори!..») Между 1880 и 1884 (?).
Неизвестный переводчик. «Однажды я ночной порой...» <Из Т. Г. Шевченко>. <1881>.
Кравцов В. Х. Матери. 1881, 8 марта
Политический ссыльный Якутской области. Канун рождества. 1881.
Шумахер П. В. Сердце царево в руце божией. 1881.
Григорьев П. В. Песня голытьбы. <1882>.
Михайлов В. П. «Если трезвой мысли холод...» <1882>.
Неизвестный автор. Ода на коронацию Александра III. <1882>.
Барыкова А. П. Поэт <Из Ж. Ришпена>. <1882>.
Якубович П. Ф. «Не пора ли отдохнуть, о братья...» 1882.
Якубович П. Ф. «О подлое, чудовищное время...» 1882.

Богораз В. Г. «Бойцы могучие, титаны, а не люди...» 1882 (?).
Барыкова А. П. Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться. <1883>.
Лавров П. Л. Ткачи <Из Г. Гейне>. <1883>.
Якубович П. Ф. Сказочный город. 1883, август.
Неизвестный автор. На бедного Макара все шишки валятся. Плач. 1883.
Якубович П. Ф. «Друзья! В тяжелый миг сомненья...» 1883.
Неизвестный автор. Виденья. <1884>.
Неизвестный автор. «Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...» <1884>.
Неизвестный автор. «Февраль 1884». 1884, февраль.
Якубович П. Ф. Из песен о молодом поколеньи. 1884, июль.
Неизвестный автор. «Закрылись тяжелые двери тюрьмы...» 1884.
Белоголовый Н. А. П. Л. Лаврову <1885>.
Богораз В. Г. «Кровавые речи, веревка и плаха...» <1885>.
Богораз В. Г. На смерть Судейкина. <1885>.
Богораз В. Г. «Не божий здесь алтарь и не роскошный храм...» <1885>.
Инок Парфентий. После одной проповеди. <1885>.
Неизвестный автор. Аксаковская мелодия. <1885>.
Неизвестный автор. Дворник. <1885>.
Неизвестный автор. Квинтет. <1885>.
Неизвестный автор. Над могилой Судейкина. <1885>.
Неизвестный автор. Царство дворников. <1885>.
Ольхин А. А. Дубинушка. <1885>.
Христофоров А. Х. (?) Встречный голос на въезд Александра III. <1885>.
Белоголовый Н. А. «Роскошный катафалк под аркой триумфальной...» 1885, 12 мая.
Оржих Б. Д. Новоселье. Между 1886 и 1889 (?)
Оржих Б. Д. «Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...». Между 1886 и 1889 (?).
Белоголовый Н. А. «Русь пою, ко мне мелодия...» <1886>.
Богораз В. Г. Борцу-поэту. <1886>.
Богораз В. Г. Два пути. <1886>.
Богораз В. Г. Матери. <1886>.
Богораз В. Г. На коронацию. <1886>.
Богораз В. Г. На переломе. <1886>.
Богораз В. Г. Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская». <1886>.
Богораз В. Г. Проклятое кладбище. <1886>.
Богораз В. Г. (?) Сон. <1886>.
Богораз В. Г. Сон в летнюю ночь. Баллада-шутка. <1886>.
Добрыня. Мужицкая. <1886>.
Добрыня. Современная ода. <1886>.
Коган С. М. (?) Минскому и Белинскому. <1886>.
Неизвестный автор. «Братья, вперед! Не теряйте...» <1886>.
Неизвестный автор. «Гибнем мы! Безумной злобы сила...» <1886>.
Неизвестный автор. Два течения. <1886>.

Неизвестный автор. Дубина. <1886>.
Неизвестный автор. Завет. <1886>.
Неизвестный автор. Казнь. <1886>.
Неизвестный автор. К — ой. <1886>.
Неизвестный автор. Ночь. Подражание Фету. <1886>.
Неизвестный автор. «Позабудь свои боли и муки...» <1886>.
Неизвестный автор. Правда. <1886>.
Неизвестный автор. «Твердой поступью, с радостным взором...» <1886>.
Неизвестный автор. «Тихо в тюрьме, как в могиле...» <1886>.
Неизвестный автор. «Холод, мрак, могила...» <1886>.
Неизвестный автор. Юноше. <1886>.
Оржих Б. Д. Дружней. <1886>.
Оржих Б. Д. (?) Песня бедняков. <1886>.
Оржих Б. Д. (?) Тихие звуки. <1886>.
Оржих Б. Д. Чернышевскому. <1886>.
Попов И. И. Монолог из поэмы «Перовская». <1886>.
Христофоров А. Х. (?) На 1885 год. <1886>.
Стронин А. И. Державная ворона. Басня. 1886, 10 апреля.
Стронин А. И. Памяти царя Николая. 1886, 10 апреля.
Белоголовый Н. А. «В наш век безверия не в моде чудеса...» <1887>.
Белоголовый Н. А. В царстве Плутона. <1887>.
Белоголовый Н. А. «Воистину пришло смешенье языков...» <1887>.
Белоголовый Н. А. Два духа. <1887>.
Белоголовый Н. А. (?) На 1887 г. <1887>.
Белоголовый Н. А. Ода. <1887>.
Х. Д. Султан Мурад. Восточная легенда. <1887>.
Коган С. М. и З — а Н. «Кто сердца в груди не имеет...» 1887, 1 июня.
Гейман Б. Н. «В отдаленном краю, за Уральским хребтом...» 1887, 1 августа.
Фигнер В. Н. Тук-тук. 1887, 13 декабря.
Неизвестный автор. Сонет. <1888>.
Христофоров А. Х. (?) «В час, когда живой волною...» <1888>.
Белоголовый Н. А. 1888 год. <1888>.
Фигнер В. Н. Матери. 1888, 16 января.
Гейман Б. Н. 2 (14) июля 1889 г. 1889, 2 июля.
Гейман Б. Н. Мите. 1889, 3 августа.
Якубович П. Ф. Матери. («Мне снилось сегодня: в безвестном краю...») Между 1889 и 1893.
Неизвестный автор. Национальный гимн. 1891, сентябрь.
Алисов П. Ф. У могилы Герцена. 1892, декабрь.
Якубович П. Ф. Песня рубильщиков. 1892.
Неизвестный автор. Грезы неволи. <1893>.
Неизвестный автор. Из сибирских мелодий. <1893>.
Неизвестный автор. Из каземата. <1893>.
Неизвестный автор. «Не звон колокольный, не пенье попов...» <1893>.
Неизвестный автор. «Океана гневного волны могучие...» <1893>.

Неизвестный автор. Товарищам юности. <1893>.
Фигнер В. Н. «Пали все лучшие... В землю зарытые...» 1897.
Волховской Ф. В. Узник. <1898>.
Волховской Ф. В. Новогодняя песня. <1898>.
Лавров П. Л. Песня ненависти. <Из Г. Гервега>. <1898>.
Неизвестный автор. Два стана. <1898>.
Неизвестный автор. Призыв. <1898>.
Волховской Ф. В. 14 июня 1898 года. 1898, июнь.

———

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭТОЙ КНИГЕ СБОРНИКИ, НО НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НЕЕ

В репертуар «вольной» русской поэзии второй половины XIX в. входили не только стихотворения, написанные в этот период; сплошь и рядом использовались также стихи более раннего времени. Они не включены в настоящее издание, но их перечень существенно дополняет наше представление об объеме революционного репертуара с 1855 г. и до конца века.

В указатель включены также стихотворения второй половины XIX в., по тем или иным причинам не введенные в книгу.

Все материалы расположены по алфавиту авторов, стихи неустановленных поэтов собраны под рубрикой «Неизвестные авторы и переводчики» и помещены в конце алфавита.

Искажения текста и варианты заглавий тех или других произведений в указателе не оговаривались, наличие или отсутствие подписи не указывалось, наконец, для облегчения структуры указателя факты приписывания одних произведений другим авторам, за отдельными исключениями, не отмечались.

Аксаков И. С.

«Добро б мечты, добро бы страсти...» — ПЗ V, РПЛ, Л II.

Жизнь чиновника — РПЛ, Л II.

Моим друзьям — РПЛ, Л II.

«Пусть гибнет всё, к чему сурово...» — РПЛ, Л II.

Аксаков К. С.

Петру Великому — РПЛ, Л I, Л V.

Свободное слово — РПЛ, Л I, Л V.

Аксаков К. С. (?)

Отрывок из послания к Н. Н. («Не там, где громко, многолюдно...») — РПЛ, Л II.

Алисов П. Ф.
Крамольники — Л III.
«Милый друг, я устал; не тоскуй надо мной...» — Л III.
Святотатственный злодей — Л III.
Арбузов Н.
Заштатный чиновник — СЗСиП, Л II.

Баратынский Е. А., Дельвиг А. А. и др.
«Наш приятель, Пушкин Лёв...» — ПЗ IV, РПЛ
Баратынский Е. А. и Соболевский С. А.
Цапли — ПЗ IV, РПЛ, Л II.
Баратынский Е. А. и Пушкин А. С. см. Пушкин А. С. и Баратынский Е. А.
Батенков Г. С.
Одичалый — РПЛ, Л II, «Листок...» 1863, № 16.
Белоголовый Н. А. (?)
«Время классиков мертвящих...» — ОД, 1877, № 9.
«Когда, спасаясь от Батыя...» — там же.
Беранже П.-Ж.
Вера и любовь — РПЛ, Л II.
Охотники. Пер. В. С. Курочкина — Л I, Л V.
Прощание. Пер. В. С. Курочкина — Л I, Л V.
Бестужев А. А.
Жуковскому («Бедный певец...») — РПЛ. Два неточных варианта.
Бестужев А. А. и Рылеев К. Ф. см. Рылеев К. Ф. и Бестужев А. А.
Бестужев М. А.
Песня («Что не ветер шумит во сыром бору...») — СРП, Л I, Л V.

Вяземский П. А.
Русский бог — Отд. листовка (1854), ПЗ II, РБ I, РПЛ, СРП, Л I, Л V.
Сравнение Петербурга с Москвою — РПЛ, «Будущность», 1861, № 6, Л I, Л V.

Гейне Г.
Алманзор. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
«Брось свои иносказанья...» Пер. М. Л. Михайлова — Л II, Л V.
Валтасар. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
Гастингское поле. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
Германия (Отрывок) — ОД, 1883, № 54.
«И смех, и песни, и солнца блеск...» Пер. А. Н. Плещеева — Л I, Л V.
Из «Götterdämmerung» («Земля! Земля! Твои страданья знаю...») — ПЗ VI, Л II.
Гренадеры. Пер. М. Л. Михайлова — Л I, Л V.
Два рыцаря. Переделка М. Н. Лонгинова — РПЛ, СЗСиП, Л I, Л V.
Диспут (Отрывки) — ПЗ VI, Л II, ОД, 1885, № 74.
Китайский император — Л I, Л V.
Король Ричард. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.

Сумерки богов. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
Умирающие. Пер. М. Л. Михайлова — Л V.

Глинка Ф. Н.
«Не слышно шума городского...» — РПЛ, Л I, Л V. Приписывалось К. Ф. Рылееву.

Григорьев А. А.
«Когда колокола торжественно звучат...» — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л I, Л V.
«Нет, не рожден я биться лбом...» — ПЗ II, РПЛ, РБ I, СРП, Л I, Л V.

Гербель Н. В.
Альпухары (Из А. Мицкевича) — Л I, Л V.

Григорьев П. В.
Моему рецензенту — ОД, 1884, № 68.
Памяти Ковальского — ОД, 1882, № 49.
Песня («В год неурядиц народных и бед...») — ОД, 1882, № 51.
«Чист я выступил в путь, чист иду я путем...» — ОД, 1885, № 70.

Давыдов Д. В.
Богомолка — РПЛ, Л I, Л V.
Голова и ноги — РПЛ, Л II.
«Мы несем едино бремя...» — РПЛ, Л II.

Дельвиг А. А.
Подражание Беранже («Однажды бог, восстав от сна...») — РПЛ, Л II.

Джелал Эддин Руми (Джелолиддин Руми).
«Я — дикий виноград; мне явором ты будь...» Пер. М. Л. Михайлова. — Л II.

Дмитриев М. А.
«Когда наш Новгород великий...» — ГизР IV, РПЛ, РБ I, Л II, Л V.
Ответ Аксакову («Священной памяти владыки...») — РПЛ, Л II.

Добролюбов Н. А.
«Милый друг, я умираю...» (Отрывок) — ОД, 1878, № 9.
Неисповедимость судеб (Отрывок) — ОД, 1877, № 6.
Родина великая («О моя родина, грозно-державная...») — ОД, 1878, № 9.

Дуров С. Ф.
Из апостола Иоанна («Когда пустынник Иоанн...») — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л II.

Житловский В. (?)
Вольный рабочий (Из М. Конопницкой) — «Русский рабочий», 1895, № 1, НСРПиС, ПБ.
Три дороги — «Русский рабочий», 1895, № 2, НСРПиС.

Каратыгин П. А. или Лавров П. Л.
Французам — ГизР IV, РБ I, Л II, Л V.

Коган С. М.
Л. Тихомирову — ОД, 1885, № 70.

Кольцов А. В.
Дума сокола — Л I, Л V.
Перед образом спасителя — Л I, Л V.
Последняя борьба — Л I, Л V.
Путь — Л I, Л V.
Конопницкая М.
Вольный рабочий. Пер. В. Житловского (?) — «Русский рабочий», 1895, № 1, НСРПиС, ПБ.
Красинский З.
«От слез и крови мутны и черны...» Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
Крылов И. А.
Конь («У ездока, наездника лихого...») — РПЛ, РБ I, Л II, Л V.
Куликов Н. И.
Братья-разбойники — РПЛ, Л II.
Курочкин В. С.
Охотники (Из П.-Ж. Беранже) — Л I, Л V.
Прощание (Из П.-Ж. Беранже) — Л I, Л V.
Кюхельбекер В. К.
Благодать господня — Л I, Л V.
В конце недели — Л I, Л V.
Вечерняя молитва — Л I, Л V.
Время («Не часов ли томный бой...») — Л I, Л V.
Молитва — Л I, Л V.
Молитва узника — Л I, Л V.
Море сна — Л I, Л V.
На воскресение Христово — Л I, Л V.
На смерть Чернова — ПЗ V, РПЛ, Л I, Л V. Автор стихотворения окончательно не установлен; ряд исследователей приписывает его Рылееву.
Поминки — Л I, Л V.
Псалом 102 — Л I, Л V.
Росинки — Л I, Л V.
Утренняя молитва — Л I, Л V.
Кюхельбекер В. К. (?)
«О правосудный бог! Сотри гордыни рог...» — СРП, Л I, Л V.

Лермонтов М. Ю.
Демон — РБ I.
Казачья колыбельная песня — Л I, Л V.
Молитва — Л I, Л V.
На смерть Пушкина — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л II, Л V.
Пленный рыцарь — Л I, Л V.
Пророк — Л I, Л V.
«Увы, как скучен этот город...» (Отрывок из стихотворения «Примите дивное посланье...») — К, 1860, лист 71.
Юнкерская молитва — Л I, Л V.
Лонгинов М. Н.
Два рыцаря (Переделка стих. Г. Гейне) — РПЛ, СЗСиП, Л I, Л V.

Лонгфелло Г.
Невольники в болоте. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
Песнь невольника в полночь. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.
Сон невольника. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.

Мей Л. А.
Вечевой колокол — ГизР IV, РБ I, Л II.

Михайлов М. Л.
Алманзор (Из Г. Гейне) — Л II.
«Брось свои иносказанья...» (Из Г. Гейне) — Л II, Л V.
Валтасар (Из Г. Гейне) — Л II.
Гастингское поле (Из Г. Гейне) — Л II.
Гренадеры (Из Г. Гейне) — Л I, Л V.
Из Талмуда — Л II.
Невольники в болоте (Из Г. Лонгфелло) — Л II.
«От слез и крови мутны и черны...» (Из З. Красинского) — Л II.
Песнь невольника в полночь (Из Г. Лонгфелло) — Л II.
Сон невольника (Из Г. Лонгфелло) — Л II.
Сумерки богов (Из Г. Гейне) — Л II.
Тоска по родине (Из И. Эйхендорфа) — Л II.
Умирающие (Из Г. Гейне) — Л V.
«Я — дикий виноград, мне явором ты будь...» (Из Джелолиддина Руми) — Л II.

Мицкевич А.
Альпухары. Пер. Н. В. Гербеля — Л I, Л V.
Воевода. Пер. А. С. Пушкина — Л I, Л V.
К русским друзьям. Перевод в прозе Н. П. Огарева — К. Рылеев. Думы и стихотворения. Лондон. 1860.

Мятлев И. П.
Фонарики — РПЛ, Л II.

Некрасов Н. А.[1]
Колыбельная песня — Л I, Л V.
На родине — РБ I, Л V.
Новый год — Л I, Л V.
Пьяница — РБ I.
Современная ода — Л I, Л V.
Филантроп — РБ I.
«Чуть-чуть не говоря: „Ты сущая ничтожность...!“» — РБ I.

Огарев Н. П.
Арестант — Л I, Л V.
Бабушка — ПЗ V.
Возвращение — ПЗ V, Л I, Л V.

---

[1] Полный перечень — см. А. М. Гаркави. Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века. «Ученые записки Калининградского гос. пед. ин-та», вып. 3. 1957, стр. 222--226.

Воспоминание — ПЗ IV
Год 1849 («Вы знаете: победа дряхлой власти...») — Л II.
«Дитятко, милость господня с тобою...» — ПЗ V.
Дорога — Л I, Л V.
Искандеру («В уныньи медленном недуга и леченья...») — ПЗ III, РБ I.
Искандеру («О! Если б ты подумать только мог...») — РБ I, Л II.
Искандеру («Я ехал по полю пустому...») — РБ I, Л V.
К <В. А. Панаеву> — ПЗ V, Л II.
К Н. <А. Тучковой> («На наш союз святой и вольный...») — РБ I.
К русским друзьям (Прозаический перевод из А. Мицкевича) — К. Рылеев. Думы и стихотворения. Лондон, 1860.
Кабак — Л I, Л V.
Кавказскому офицеру — РБ I, Л V.
Мария Магдалина — Л II.
Матвей Радаев (Отрывки) — ПЗ V.
Nocturno («Уже и за полночь давно! ..») — ПЗ IV.
Отступнице — ПЗ IV; Л II.
Прометей — Л II.
Раздумье — ОД, 1878, № 8.
Разлука — ПЗ IV.
Рассказ этапного офицера — ПЗ V, Л II.
Совершеннолетие — РБ I, Л V.
Сон («Мне снилося, что я в гробу лежу...») — ПЗ V, Л I, Л V.
Странник — Л II.
Сушь и дождь — ПЗ IV.
Тайна — ПЗ V.
Тюрьма — Л II.
У моря — ПЗ IV.
Упование. Год 1848 («Все говорят, что ныне страшно жить...») — РБ I, Л II, Л V.
Юмор. Отрывок — Л II.

Огарев Н. П. (?)
Разговор в 1849 году — РПЛ, Л II.

Одоевский А. И.
Далекий путь — Л I, Л V.
Осенью — ПЗ IV.
Ответ на послание Пушкина — ГизР IV, РПЛ, РБ I, Л I, Л V.
При известии о польской революции — РПЛ, Л I, Л V.
Славянские девы — ПЗ VI, Л II.

П. П.
Басня — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860.
Воспоминание — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860; Л II.
К* («Уже давно в душе кипит...») — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи. 1860; Л II.
К В. Д. («Ты ловкостью своих манер...») — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860; Л II.

К Е. П. — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860.
К аристократам — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860; Л II.
К народам — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860; Л I; Л V.
Отрывок из безыменной повести — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860.
Отрывок из эпико-сатирической поэмы Л.... («В минувшие былые годы...») — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860; Л II.
Отрывок из поэмы «Бал» — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860.
Разочарование — в кн.: Сп--й и П. П. Стихи, 1860; Л II.
Уединение — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860, Л II.
Умирающий поэт — в кн.: Сп—й и П. П. Стихи, 1860.

Павлова К. К.
Разговор в Трианоне — РПЛ, Л II.

Печерин В. С.
Песнь умирающего поэта — Л I, Л V.
Песня («Под стенами Сантарема...») — Л I, Л V.
Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь — ПЗ VI.
Торжество смерти — РПЛ, Л II, ВП I (отрывок).

Плещеев А. Н.
«И смех, и песни, и солнца блеск...» (Из Гейне) — Л I, Л V.
Молитва («О боже мой, восстанови...») — Л I.
Птичка («Для чего, певунья птичка...») — Л I, Л V.

Плещеев А. Н. (?)
Праведники — РПЛ, Л II.

Подолинский А. И.
Первая ночь брака — РПЛ.

Позняков Д. М.
Благодарность предшественникам — в кн.: Позняков Д. М. Песни мыслящего пролетариата. Париж, 1881; НСРПиС.
Борец за свободу — там же.

Полежаев А. И.
Духи зла («Есть духи зла — неистовые чада...») — Л I, Л V.
Имениннику — РПЛ, Л II.
Песнь пленного ирокезца — Л I, Л V.
Песнь погибающего пловца — Л I, Л V.
Сашка — РПЛ, Л II.
«Ты мне чужой...» — РПЛ, Л II.
«Ты хочешь, друг, чтобы рука...» — РПЛ.
Четыре нации — РПЛ, Л I, Л V, ВП I (отрывок).

Полежаев А. И. (?)
Фонарь («Друзья, не лучше ли на место фонаря...») — РПЛ, ВП I.

Пушкин А. С.
«В Академии наук...» — РПЛ.
«Во глубине сибирских руд...» — ПЗ II, РПЛ, СНПиС, РБ I, Л I, Л V.
Вишня — РПЛ.
Воевода (Из А. Мицкевича) — Л I, Л V.
Вольность — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л I, Л V.
«Вот перешедши мост Кокушкин...» — ПЗ V, РПЛ.
«Всей России притеснитель...» — РПЛ.

Гавриилиада — РПЛ.
Кн. А. Н. Голицыну («Вот Хвостовой покровитель...») — РПЛ.
Городок — РПЛ.
Деревня — ПЗ II, РПЛ, РБ I.
Десятая заповедь («Добра чужого не желать...») — РПЛ.
Екатерина II («Насильно Зубову мила...») — РПЛ.
«Иной имел мою Аглаю...» — РПЛ.
К* (Ты богоматерь: нет сомненья...») — ПЗ V, РПЛ.
К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес...») — РПЛ.
«К Смирдину как ни зайдешь...» — РПЛ.
Казак («Раз полуночной порою...») — Л I, Л V.
Кинжал — ПЗ II, РПЛ, СНПиС, РБ I, Л V.
«Клеветник без дарованья...» — РПЛ.
«Когда за городом задумчив я брожу...» — ПЗ II, РБ I.
Мирская власть — ПЗ II, РПЛ, РБ I.
«Митрополит, хвастун бесстыдный...» — ПЗ V, РПЛ.
Моя родословная — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л V.
На выздоровление Лукулла — ПЗ II, РПЛ, РБ I.
Наполеон (Пропущенные строфы) — ПЗ II, РБ I.
«Напрасно ахнула Европа...» — ПЗ V, РПЛ, Л I.
«Не дай мне бог сойти с ума...» — Л I, Л V.
«Не то беда, что ты поляк...» — РПЛ.
«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» — ПЗ V.
«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» — РПЛ.
«О ты, который сочетал...» — ПЗ II, РПЛ, РБ I.
«Ох, тетушка, ох, Анна Львовна...» — ПЗ IV, РПЛ.
«Орлов с Истоминой в постеле...» — РПЛ.
«От всенощной, вечор идя домой...» — РПЛ.
Паж (Отрывки) — ПЗ V.
Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...») — Л I, Л V.
«Полумилорд, полукупец...» — РПЛ.
Послание к кн. Горчакову (Отрывки) — РПЛ.
Послание к цензору (Отрывки) — РПЛ.
Послание к Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л V.
Пушкину В. Л. («Скажи, парнасский мой отец...») — ПЗ IV, РПЛ.
Пушкину Льву Сергеевичу («Всё изменилося под нашим зодиаком...») — РПЛ.
«Свободы сеятель пустынный...» — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л V.
Северину («Твой брат портной, твой дядя повар...») — РПЛ.
«Сказали раз царю, что наконец...» — РПЛ.
Сказка («Ура, в Россию скачет...») — ПЗ V, РПЛ, РБ I, Л I, Л V.
«Сосок чернеет сквозь рубашку...» — ПЗ V, РПЛ.
«Тимковский царствовал, и все твердили вслух...» — РПЛ.
Ты и я. К* («Ты богат, я очень беден...») — РПЛ.
«Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...» — ПЗ IV.
«Холоп венчанного солдата...» — РПЛ.
Христос воскрес («Христос воскрес! Питомец Феба...») — ПЗ II, РПЛ, Л I, Л V.

Христос воскрес, моя Ревекка!.. — РПЛ, РБ I.
Царь Никита — РПЛ, РБ I.
Черная шаль — Л I, Л V.
«Я знаю, Лидинька, мой друг!..» — РПЛ.

Пушкин А. С. (?)
На историю Карамзина («В его «Истории» изящность, простота...») — РПЛ.
«Накажи, святой угодник...» — РПЛ.

Пушкин А. С. и Баратынский Е. А.
Шаликову («Князь Шаликов, газетчик наш печальный...») — РПЛ.

Раевский В. Ф.
Послание к друзьям — РПЛ, Л II.

Растопчина Е. П.
Насильственный брак — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л II, Л V.

Растопчина Е. П. (?)
Московскому генерал-губернатору («Ты не молод, не глуп, и ты не без души...») — ПЗ II, РБ I.

Рылеев К. Ф.
Александру I («Ужасен времени полет...») — Л I, Л V.
Артемон Муравьев — Думы и стихотворения. Лондон, 1860 (ниже сокращенно: Думы. Лондон, 1860).
Богдан Хмельницкий — Думы. Лондон, 1860.
Борис Годунов — Думы. Лондон, 1860, РБ I.
Боян — Думы. Лондон, 1860.
Видение («Какое дивное виденье...») — ПЗ V, РПЛ, Л I, Л II; отрывки — ПЗ II, РБ I.
Видение императрицы Анны Иоанновны — ПЗ V, Л I, Л V; Думы. Лондон, 1860
Войнаровский — РБ I.
Волынский — Думы. Лондон, 1860, РБ I.
Глинский — Думы. Лондон, 1860, РБ I, Л I, Л V.
Гражданин — ПЗ II, РПЛ, Л II, Л V.
Гражданское мужество — ПЗ II, РПЛ, РБ I, Л II, Л V.
Державин — Думы. Лондон, 1860.
Дмитрий Донской — Думы. Лондон, 1860.
Дмитрий Самозванец — Думы. Лондон, 1860, РБ I.
Иван Сусанин — Думы. Лондон, 1860.
К временщику — ПЗ V, РПЛ, Л II.
Курбский — Думы. Лондон, 1860, Л I, Л V.
Михаил Тверской — Думы. Лондон, 1860.
«Мне тошно здесь, как на чужбине...» — «Будущность», 1861, № 10—11.
Мстислав Удалый — Думы. Лондон, 1860.
Наливайко — РБ I.
Наталия Долгорукова — Думы. Лондон, 1860.
«О милый друг, как внятен голос твой...» — «Будущность», 1861, № 10—11.
Олег Вещий — Думы. Лондон, 1860.
Ольга при могиле Игоря — Думы. Лондон, 1860.
Петр Великий в Острогожске — Думы. Лондон, 1860.

Рогнеда — Думы. Лондон, 1860.
Святослав — Думы. Лондон, 1860.
Смерть Ермака — Думы. Лондон, 1860, Л I, Л V.
Стансы («Не сбылись, мой друг, пророчества...») — РБ I.
«Уж как шел кузнец...» — РПЛ, СРП, ВП I, П, Л I, Л V.
«Царь наш — немец прусский...» — ПЗ V, РПЛ, СРП, ВП I, Л I, Л V.

Рылеев К. Ф. и Бестужев А. А.
«Ай, и скучно же мне...» — ПЗ V, РПЛ, СРП, ВП I, Л I, Л V.
«Ах, где те острова...» — ПЗ V, РПЛ, СРП, Л I, Л V.
«Ты скажи, говори...» — «Листок...», 1863, № 6.

Соболевский С. А.
Эпитафия духовнику Анны Львовны — ПЗ V, РПЛ. Приписывалось А. С. Пушкину.
Соболевский С. А. (?)
Вигелю («Для чего, скажи мне, Вигель...») — РПЛ.
Соколовский В. И. (?)
«Русский император...» — РПЛ, СРП, ВП I, Л I, Л V.
Сперанский
Exeunt omnes — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи. 1860, Л II.
Моисей — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860; Л I, Л V.
Новая порода — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860; Л I, Л V.
Падение Севастополя — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860; Л I, Л V.
После разговора — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860.
Призвание поэта — в кн.: Сп — й и П. П. Стихи, 1860.

Тютчев Ф. И.
«Гуманный внук воинственного деда...» — «Листок...», 1864, № 17; К, 1864, лист 176.
«Не гул молвы прошел в народе...» — РПЛ, Л II.
А. В. Шереметеву («Насилу добрый гений твой...») — РПЛ, Л II.

Уткин А. В.
«Боже! Коль благ еси...» — СРП, ВП II, Л I, Л V.

Хомяков А. С.
«Вставайте, оковы распались...» — РПЛ, Л I, Л V.
«Гаснет месяц Истамбула...» — РПЛ, Л II.
«Жаль мне вас, людей бессонных...» — ПЗ V, РПЛ, Л II.
Идиллия — РПЛ, Л II.
«Не гордись перед Белградом...» — РПЛ, Л I, Л V.
Подводный город — РПЛ, Л II.
Суд божий — РПЛ, Л II.
«Тебя призвал на брань святую...» — РПЛ, Л I, Л V.
1831-й год — РПЛ, Л I, Л V.

Шиллер Ф.
Пуншевая песня («Силы четыре...») — Л I, Л V.

Эйхендорф И.
Тоска по родине. Пер. М. Л. Михайлова — Л II.

Языков Н. М.
«Блажен, кто мог на ложе ночи...» — ПЗ V.
Гимн («Боже, вина, вина...») — ПЗ V, СРП, Л I, Л V.
Дерпт — ПЗ V, Л II.
К халату — ПЗ V, Л II.
Н. Д. Киселеву («В стране, где я забыл мирские наслажденья...») — ПЗ V, РПЛ, Л II.
«Кому достанется она...» — ПЗ V, РПЛ, Л II.
«Свободы гордой вдохновенье...» — ПЗ V, РПЛ, Л I, Л II, Л V.
Элегия («Еще молчит гроза народа...») — ПЗ V, РПЛ, Л II.
Элегия («Счастлив, кто с юношеских дней...») — ПЗ V, Л II.

Неизвестные авторы и переводчики.
Агафье («Ты просишь написать надгробную, Агафья...») — РПЛ.
Александровская колонна («В России дышит всё военным ремеслом...») — РПЛ.
Андрею Муравьеву («На диво нам и всей Европе...») — РПЛ.
«Ах, туманы вы мои, туманушки...» — «Работник», 1876, № 3.
Басня («Во избежание всех зол и бед...») — РПЛ, Л II.
«Богоугодная жена...» — РПЛ.
«Булгарин — вот поляк примерный...» — ПЗ V, РПЛ, Л I, Л V.
Вера и любовь (Из П.-Ж. Беранже) — РПЛ, Л II.
Верх премудрости («Крайний вывод рассудка и знания...») — Л I, Л V.
Вечерняя прогулка («Барин шел под вечерок...») — РПЛ.
Воейкову («Орликом и в колпаке...») — РПЛ.
«Все говорят: „он Вальтер Скотт...“» — РПЛ. Приписывалось А. С. Пушкину.
Германия (Отрывок) (Из Г. Гейне) — ОД, 1883, № 54.
Глинке Ф. Н. («Федор Глинка, молодец...») — РПЛ.
Голицыну («Встарь Голицын мудрость весил...») — РПЛ.
Голицыну («Он добрый малый, брат сестрицам...») — РПЛ, ПЗ V.
Город страдания («Да, я люблю его, создание Петра...») — РПЛ, Л II.
Декабристам («Над вашей памятью кровавой...») — ПЗ IV, РПЛ, СРП, Л I, Л V. Приписывалось И. В., Д. Л., Н. П. Крюковым и более обоснованно — И. В. Кроткову.
Диспут (Отрывки) (Из Г. Гейне) — ПЗ VI, Л II, ОД, 1885, № 74.
Друзьям на выступление гвардии («Час битв настал — гроза гремит...») — РПЛ, Л I, Л V.
«Еще ли наш архиерей не свят...» — РПЛ, ВП II. Приписывалось А. С. Пушкину; возможный автор — В. И. Аскоченский.

Из «Götterdämmerung» (Из Г. Гейне) — ПЗ VI, Л II.
«Забыл ты, видно, что где страх...» — «Будущность», 1862, № 1.
Идиллия («Пойте, други, песнь победы...») — РПЛ.
Императору Николаю («Великий государь...») — РПЛ.
Императору Николаю («Едва царем он стал...») — РПЛ.
Исповедь бедного стихотворца — ПЗ V.
К бюсту Николая («Оригинал похож на бюст...») — РПЛ.
«Кавеньяк говорит...» — РПЛ, Л I, Л V.
Канкрину («Канкрину Россия верит...») — РПЛ.
Катков («Доверья нет казенным фразам...») — ОД, 1885, № 73.
Китайский император (Из Г. Гейне) — Л I, Л V.
Кошмар — Л III.
Марина — Л II.
«Мальчик, солнце встретить должно...» — ПЗ V.
Молитва («Не дай нам духа празднословья...») — РПЛ, Л II.
На воцарение Александра I («Сказал деспот: „Мои сыны..."») — РПЛ.
На историю Карамзина («На плаху древность волоча...») — РПЛ (два варианта).
«Накажи, святой угодник...» — РПЛ.
Наполеон («У моря на скале угрюмой...») — РПЛ, Л II.
«Народ мы русский позабавим...» — РПЛ, ВП I.
«Она придет, она придет...» — РПЛ.
Павлу I («Поистине был он, покойник, велик...») — РПЛ.
Пародия («Норов к борову летит...») — РПЛ, Л II.
Пародия («По снежным сугробам Петровки...») — РПЛ, Л II.
Переложение 81-го псалма («Восстанет бог, и глас громов...») — РПЛ, Л I, Л II, Л V.
Песня К—ой («Я свободы дочь...») — РПЛ, СРП, Л I, Л V.
Пестелю («Снесем иль нет главу свою...») — РПЛ.
По прочтении Байронова «Каина» («Я здесь один — меня отвергли братья...») — РПЛ.
«Победоносцев для Синода...» — ОД, 1884, № 59.
«Поверьте мне: „Фиглярин моралист..."» — РПЛ.
Подражание Гете («Ты знаешь ли страну, где ловят соболей...») — РПЛ, Л II.
«Полуфанатик, полуплут...» — РПЛ.
«Помутился славный тихий Дон...» — «Работник», 1876, № 3.
«Послушайте, братцы, советы мои...» — СРП.
«Пред монархом благородным...» — ОД, 1887, № 103.
Про себя («Великим быть желаю...») — РПЛ.
Прокаженный — Л I, Л V.
Пуншевая песня (Из Ф. Шиллера) — Л I, Л V.
«Пускай в России нет дворян...» — РПЛ, Л II.
Разговор Фотия с гр. Орловой («Внимай, что я тебе вещаю...») — РПЛ.
«Радея за свои красы...» — РПЛ.
Сатана — Л III.
Сказка («Я когда-нибудь сберусь...») — РПЛ, Л II.
Скачка — ОД, 1886, № 92.

Спор («Как-то раз, пред царским кровом. . .») — РПЛ, СЗСиП, Л I, Л V.
Спор двух Державиных — РПЛ, Л II.
Т. . . . . у («Как счастливы библисты. . .») — РПЛ.
«У нас то было, братцы, на тихом Дону. . .» — «Работник», 1876, № 3.
Утренняя песнь («Твой первый долг — благодаренье. . .») — Л I, Л V.
«Фаддей рода Ивана. . .» — РПЛ.
Человек («Много жизненных вопросов. . .») — РПЛ, Л II.
«Что так ветер воет глухо. . .» — Л I.
Чувствования («Се видишь смертный прах владетеля того. . .») — РПЛ, Л II.
«Шепот, грозное бряцанье. . .» — ОД, 1886, № 83.
Эпитафия («Не пес ли тут лежит, что так воняет стервой. . .») — РПЛ, ВП I.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Вольная русская поэзия второй половины XIX века. *Вступительная статья С. А. Рейсера* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Полярная звезда. Лондон, 1855—1869

Неизвестный автор.

«Как восьмого сентября...» 45 *710*

Л. Н. Толстой.

«Как четвертого числа...» 47 *712*

Неизвестные авторы.

Кнут («Скажи мне, двигатель народный...») 49 *712*

Сказка 50 *712*

Н. П. Огарев.

Искандеру 53 *713*

В. М. Михайлов

Из «Wintermärchen» <*Из Г. Гейне*> 54 *713*

Д. Т. Ленский (?)

Помойная яма. *Басня* 55 *713*

И. С. Тургенев (?)

Кнут («Ремянный кнут, не безуханный...») 56 *714*

Н. А. Некрасов.

Белинский 57 *714*

Неизвестные авторы.

Вожди свободы 63 *715*

Фантазия 65 *715*

Фейерверк 66 *715*

В. С. Курочкин.

Навуходоносор <*Из П.-Ж. Беранже*> 68 *715*

Неизвестные авторы.

Басня («Раз до царя животных, Льва...») 70 *716*

На кончину е. и. в. государыни императрицы Александры Федоровны 71 *716*

Послания.

1. Из Петербурга в Москву 71 *716*
2. Из Москвы в Петербург 71 *716*

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Н. П. Огарев.
Забытье 72 *717*

Голоса из России. Лондон, 1856—1860
П. Л. Лавров
Пророчество 77 *717*
Русскому народу 80 *718*
Неизвестный автор.
Русский певец 88 *719*
В. С. Курочкин.
Двуглавый орел 89 *719*

Колокол. Лондон—Женева. 1857—1867
Н. П. Огарев.
Предисловие <к «Колоколу»> 92 *721*
Неизвестный автор.
Шарманка 94 *721*
Н. П. Огарев.
С того берега 96 *722*
Современное 100 *722*
Неизвестные авторы.
Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года 101 *722*
«Грустно матушке России...» 103 *723*
Н. А. Некрасов.
У парадного крыльца 104 *723*
П. И. Вейнберг.
Гибкий человек 107 *724*
Неизвестные авторы.
Уральская песня 109 *724*
Солдатская песня 111 *724*
М. Л. Михайлов.
Памяти Добролюбова 112 *725*
Н. П. Огарев.
Михайлову 113 *725*
И. А. Рождественский или Н. И. Утин.
Узнику 116 *725*
М. Л. Михайлов.
Ответ 116 *726*
Н. П. Огарев.
«Сим победиши» 117 *726*
В. С. Курочкин (?)
«Долго нас помещики душили...» 118 *726*
Н. П. Огарев.
До свиданья 119 *728*

К. Ф. Рылеев. Думы и стихотворения. Лондон. 1860
Н. П. Огарев.
Памяти Рылеева 121 *728*

«Русская потаенная литература...» Лондон. 1861
Н. А. Добролюбов.
На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними 123 *729*

Н. А. Добролюбов (?)
Друзьям в России <*Из А. Мицкевича*> 136 *730*
В. Г. Бенедиктов.
Собачий пир <*Из О. Барбье*> 137 *730*
П. Л. Лавров (?)
«Когда он в вечность преселился...» 141 *731*
Солдатские песни. Лондон. 1862
Неизвестные авторы
«Эх, солдатское житье...» 142 *732*
«Русскому солдату...» 144 *732*
«Эх, товарищи любезны...» 145 *732*
Н. П. Огарев.
«Жил на свете русский царь...» 146 *732*
Неизвестные авторы
«Что так ветер воет глухо...» 148 *733*
«Братцы! Дружно песню грянем...» 149 *733*
«Дядя, ты в походах...» 150 *733*
Общее вече. Прибавление к «Колоколу». Лондон. 1862—1864
Н. П. Огарев.
Мысли россиянина при чтении указа о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам... 152 *733*
Старообрядец.
Замечания старообрядца на тайные «Постановления по части раскола» 156 *734*
Свободные русские песни. Берн. 1863.
Н. П. Огарев.
«Из-за матушки за Волги...» 159 *735*
Неизвестные авторы.
«Родина наша...» 160 *735*
«Ах ты, сукин сын, проклятый становой!..» 160 *735*
Ослушная песня 162 *736*
«Славься, свобода и честный наш труд!..» 163 *736*
Песня бранного воинства 164 *736*
«Уж опять не бывать...» 165 *736*
Будущность. Лейпциг—Париж. 1860—1861
Ф. А. Кони.
Стихи к императору Александру II при восшествии его на престол 167 *737*
Н. А. Добролюбов.
«Внемли, о царь, надежда Руси новой!..» 168 *738*
Неизвестный автор.
К генералу Гарибальди 169 *738*
Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым. Брюссель—Лондон. 1862—1864
Н. П. Огарев.
<Н. П. Поггенполю> 170 *738*
М. П. Розенгейм.
Русский пролетарий 170 *739*
Неизвестные авторы.
Садоводство 174 *739*
Овцы 177 *739*

П. И. Вейнберг.
Взгляд на природу 178 *740*
В. Г. Тиханович.
Вельможа 179 *740*
Неизвестные авторы.
Старик 181 *740*
Юноше 183 *740*
Н. П. Огарев. Восточный вопрос в панораме. Рифмованные строчки. Женева. 1869 . . . . 185 *741*
Н. П. Огарев. Мужичкам. Женева. 1869 . . . . 189 *742*
Н. П. Огарев. «Гой, ребята, люди русские...» Женева. 1869 190 *742*
Н. П. Огарев. Встреча. Женева. 1869 . . . . 194 *742*
Н. П. Огарев. Напутствие. Женева. 1869 . . . . 195 *743*
Н. П. Огарев. Студент. Женева. 1869 . . . . 196 *743*
Вольный песенник. Вып. 1—2. Женева. 1870
Неизвестные авторы.
«Обманул нас царь свободой...» 197 *745*
«Царя Алексашу...» 198 *745*
Н. П. Огарев
Надгробное 199 *745*
Царские указы 200 *745*
Неизвестный автор.
«Царь, дворяне да попы...» 201 *746*
Н. П. Огарев.
Мысли россиянина при чтении указа о воле 202 *746*
Неизвестный автор.
«Царь — отечества отец! ..» 203 *746*
Н. П. Огарев. Размышление русского унтер-офицера перед походом. Женева. 1870 . . . . 205 *746*
Н. П. Огарев. Песня русской няньки у постели барского ребенка. *Подражание Лермонтову.* Женева. 1871 . . . 207 *747*
Собрание запрещенных стихов и прозы. Лейпциг. 1865—1876(?). **Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений.** Лейпциг. 1869—1879.
Н. А. Добролюбов.
Годовщина 209 *748*
На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча 212 *748*
Неизвестный автор.
Биография благородного человека 217 *749*
П. Л. Лавров.
Предопределение 221 *749*
Неизвестный автор.
Часовые 222 *749*
П. Л. Лавров.
Новому царю 224 *749*
Неизвестный автор.
Верх премудрости 227 *750*
В. С. Курочкин.
О цензуре 228 *750*
<А. А. Навроцкий.> Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин. Женева. 1872 . . . . 230 *750*

Песенник. Женева. 1873
А. А. Навроцкий.
Воля-матушка 232 *751*
«То не на небе туча черная собиралася...» 234 *752*
Сборник новых песен и стихов. Женева. 1873
Н. А. Некрасов.
Ночь после праздника 236 *753*
С. С. Синегуб.
Дума ткача 241 *753*
Н. А. Некрасов.
Разговор на железной дороге 243 *755*
Д. А. Клеменц.
Свободушка 248 *755*
Доля 249 *755*
Просьба 250 *757*
Дума кузнеца 252 *757*
Барка 254 *758*
«Когда я был царем российским...» 256 *760*
Работник. Газета для русских рабочих. Женева. 1875—1876.
Ф. В. Волховской.
Крестьянская песня 259 *762*
Н. А. Некрасов.
Песня народного борца 260 *763*
Вперед. Двухнедельное обозрение. Цюрих—Лондон. 1875—1876.
Н. П. Огарев.
Свидание 261 *764*
П. Л. Лавров.
Новая песня («Отречемся от старого мира...») . . 262 *764*
Н. С. Курочкин.
В память июньских дней 1848 г. 264 *765*
Л. А. Дмоховский (?)
Заповеди отщепенца 265 *765*
П. Л. Лавров.
Апостол 266 *765*
Новая тюрьма 267 *765*
Г. А. Мачтет.
Последнее прости («Замученный тяжкой неволей...») 269 *766*
Неизвестный автор.
«Не трава в степи колышется...» 270 *767*
П. Л. Лавров.
Рождение Мессии 272 *767*
Вперед. Непериодическое обозрение. Цюрих—Лондон. 1873—1877.
П. Л. Лавров (?)
«Война!.. На землю мрак густейший...» 274 *767*
А. Л. Боровиковский.
К судьям («Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...») 275 *768*
Неизвестный автор.
Письмо в тюрьму 276 *769*

С. И. Бардина.
«Полюбила ты брата убогого...» . . . 277 *770*
Неизвестный автор.
К арестанту . . . 277 *770*

Набат. Орган русских революционеров. Женева—Лондон. 1876—1877.
Неизвестный автор.
«Будем верить и ждать, будем громко взывать...» . . . 280 *770*
П. В. Григорьев (?)
К друзьям . . . 280 *770*
Неизвестный автор.
Нечего ждать! . . . 283 *771*
Ф. В. Волховской (?)
Друзьям . . . 284 *771*
П. В. Григорьев.
Из поэмы «Каракозов» . . . 286 *771*
<Песня о Мезенцеве> . . . 291 *772*

<М. П. Драгоманов.> Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женева. 1877
С. И. Бардина.
Две соседки . . . 295 *773*
К матери . . . 297 *773*
К <Л. Н.> Фигнер . . . 298 *773*
«Суд нынче мог бы хоть с балетом...» . . . 298 *773*
«Мы были там. Его распяли...» . . . 299 *774*

И. Ф. Фесенко (?). Становой (Быль в стихах). Петербург. 1877 . . . 300 *774*

Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих «суда». Женева. 1877
С. С. Синегуб.
«Думы мои лю́бые...» . . . 304 *775*
К бюсту Белинского . . . 304 *775*
Могила . . . 308 *776*
Прощанье эмигранта . . . 309 *776*
С. М. К. . . . 310 *776*
Мой друг Коля . . . 311 *776*
Живое кладбище . . . 312 *776*
«Волчонок» . . . 316 *776*
«Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...» . . . 318 *777*
Она . . . 320 *777*
К другу . . . 323 *778*
Петру Алексееву . . . 324 *778*
Монолог . . . 326 *778*
Перед смертью . . . 327 *778*
Завещание . . . 328 *778*
В. Носов.
Вербовчанину . . . 329 *778*
«Когда и тьму и предрассудки...» . . . 330 *779*
Н. И. Едуков (?)
Ольге Любатович . . . 331 *779*

Б. Помеха.
«Когда за жажду обновленья...» 332 *779*
Л. А. Тихомиров.
Из апостола Павла 333 *779*
«Дорогие братья! ..» 333 *780*
«Прочь мои снимите цепи...» 334 *780*
К моему пиджаку (*Подражание Беранже*) 334 *780*
«Прощай, земля родная! Может быть...» 336 *780*
Плясовая 336 *780*
Л. Михайлов.
«Эх, кабы нам теперь да на луг, господа...» . . . 337 *780*
Н. А. Морозов.
В Доме предварительного заключения 338 *781*
В заключении 338 *781*
Памяти 1873—75 гг. 339 *781*
Тюремные видения 340 *781*
«Русская жизнь! Средь густой темноты...» 346 *782*
«Проклятие! Пиши стихи в тюрьме...» 347 *783*
«Сгинули силы...» 348 *783*
Д. А.
«Прошла зима. Подходит лето...» 348 *783*
Груня 349 *783*
П. А.
Хаос 353 *783*
Призрак 354 *783*
Другу Вербовчанину 355 *783*
На смерть Богомолова 355 *783*
Неизвестный автор.
Памяти Павла Трутковского 356 *783*
Г. Михайлов.
Пропагандист 356 *784*
М. Д. Муравский.
Из 1874 года 358 *784*
Не от мира сего 359 *784*
Кто? 360 *785*
Ф. В. Волховской.
«Пусть я в тюрьме, пускай я связан...» 361 *785*
Прокурорские речи 361 *786*
Прогресс 363 *786*
Гармония 364 *786*
Из дорожных воспоминаний
1. В степи 364 *786*
2. Знакомый тип 364 *786*
Судьба русского поэта 365 *786*
Случайному тюремному другу 366 *786*
Н. Ч — и — у 366 *787*
М. А. 367 *787*
«Когда подумаю, голубка, о тебе...» 368 *787*
Всё то же 369 *787*
«Не то обидно мне, что отнята свобода...» 369 *787*
«Бесконечно мертво, монотонно...» 370 *787*
Письмо 370 *787*

Прощай! 370 *787*
Мать 371 *787*
«Я вынести могу разлуку...» 371 *788*
У окна 372 *788*
«Кашель душит, грудь болит...» 372 *788*
«О, братство святое, святая свобода!..» 373 *788*
Нашим угнетателям 374 *788*
Там и здесь 375 *788*
Кричи! 376 *788*
П. А. Орлов.
«Мальчишка» 376 *788*
Революция 377 *789*
Общее дело. Газета политическая и литературная. Женева. 1877—1890.
Н. А. Белоголовый.
«Лет тридцать, как раки, мы задом ползли...» 379 *790*
Б.
«Люблю тебя, родная Русь...» 380 *790*
Неизвестный автор.
Новая реформа 381 *790*
Н. А. Некрасов.
Из поэмы «Пир на весь мир»
1. «Никто, как бог!..» 386 *791*
2. Крестьянский грех 389 *791*
3. Русь 390 *792*
Неизвестный автор.
Петербургские мотивы *(Вольный перевод из «Floh»)* . 392 *792*
Н. А. Морозов.
Завещание 393 *792*
Неизвестный переводчик.
Марсельеза *<Из Ж. Руже де Лиля>* 394 *792*
Н. А. Некрасов.
Притча 396 *793*
Неизвестный переводчик.
«Однажды я ночной порой...» *<Из Т. Г. Шевченко>* . 402 *793*
В. П. Михайлов.
«Если трезвой мысли холод...» 403 *793*
А. П. Барыкова.
Поэт *(Из Ж. Ришпена)* 404 *793*
П. В. Григорьев.
Песня голытьбы 405 *794*
Н. А. Некрасов.
Н. Г. Чернышевскому 407 *794*
Неизвестные авторы.
Ода на коронацию Александра III 408 *795*
Февраль 1884 г. 409 *795*
Царство дворников 410 *795*
«Инок Парфентий».
После одной проповеди 410 *795*
Неизвестные авторы.
Над могилой Судейкина 412 *795*
Дворник 413 *796*

Н. А. Белоголовый.
П. Л. Лаврову 413 *796*
А. Х. Христофоров (?)
Встречный голос на въезд Александра III 414 *796*
Н. А. Белоголовый.
«Роскошный катафалк под аркой погребальной...» . 416 *796*
Неизвестные авторы.
«Закрылись тяжелые двери тюрьмы...» 417 *797*
Аксаковская мелодия 417 *797*
Квинтет 418 *797*
А. А. Ольхин.
Дубинушка 419 *797*
С. М. Коган (?).
Минскому и Белинскому 420 *799*
А. Х. Христофоров (?)
На 1885 год 421 *799*
Неизвестный автор.
Ночь *(Подражание Фету)* 423 *799*
Н. А. Белоголовый.
«Русь пою, ко мне мелодия!..» 424 *799*
А. И. Стронин.
Державная ворона. *Басня* 425 *799*
Памяти царя Николая 426 *800*
Х. Д.
Султан Мурад *(Восточная легенда)* 427 *800*
Н. А. Белоголовый (?)
На 1887 г. 429 *800*
Н. А. Белоголовый
В царстве Плутона 429 *800*
Два духа 430 *800*
С. М. Коган и Н—а З—а.
«Кто сердца в груди не имеет...» 431 *800*
Н. А. Белоголовый.
Ода 432 *801*
«В наш век безверия не в моде чудеса...» 433 *801*
«Воистину пришло смешенье языков...» 433 *801*
1888 год 434 *801*
Неизвестный автор.
Сонет 434 *801*
А. Х. Христофоров (?)
«В час, когда живой волною...» 435 *801*
Начало. Орган русских социалистов. Петербург. 1878.
Неизвестный автор.
24 января 1878 года 436 *802*
Земля и воля. Социально-революционное обозрение. Петербург. 1878—1879.
А. А. Ольхин.
У гроба 440 *803*
Неизвестный автор.
На смерть И. М. Ковальского 445 *804*
Н. А. Некрасов.
«Смолкли честные, доблестно павшие...» 446 *805*

Неизвестный автор.
Колыбельная песня 446 *805*
Н. А. Саблин.
Голуби 448 *805*
Собрание стихотворений. Петербург. 1878.
Н. А. Морозов.
Перед судом 450 *806*
С. С. Синегуб.
На смерть М. В. Куприянова 451 *806*
Н. А. Морозов.
«Скованы цепи...» 451 *807*
Борьба 452 *807*
В заключении 452 *807*
Неизвестный автор.
Иегова 453 *807*
Он 454 *807*
Н. А. Морозов и Д. А. Клеменц.
Тайное собрание *(По городским слухам)* 454 *807*
Н. А. Морозов.
«Милый друг, безумно смелый...» 456 *809*
Ночью 457 *809*
Народная воля. Социально-революционное обозрение. Петербург. 1879—1885
Н. М. Минский.
Последняя исповедь 459 *810*
Ф. В. Волховской.
Песнь гражданки 467 *810*
Неизвестный автор.
После казни 4 ноября 468 *811*
В. Х. Кравцов.
Матери 468 *811*
В. Г. Богораз.
«Кровавые реки, веревка и плаха...» 469 *811*
На смерть Судейкина 471 *812*
«Не божий здесь алтарь и не роскошный трон...» . 472 *812*
Н. А. Морозов. Стихотворения. Женева. 1880
Встреча 474 *812*
«Там, среди движенья...» 489 *813*
Рабочая газета. Ежемесячное издание. Петербург—Москва. 1880—1881
Н. А. Саблин.
Недоразумение 491 *813*
Неизвестный автор.
«Время, братцы, уж приспело...» 492 *813*
На родине. Лондон—Женева. 1882—1883
Н. А. Саблин.
Новь *(Отрывок из неоконченной поэмы)* 494 *813*
Н. А. Саблин или С. С. Синегуб.
Обвинительная речь прокурора Железховского по «делу 193-х» (1877—78) 502 *814*
А. П. Барыкова. Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться. Петербург. 1883 . . . . 507 *815*

Вестник «Народной воли». Революционное социально-политическое обозренье. Женева, 1883—1886
П. Л. Лавров
Ткачи *(Из Г. Гейне)* . . . 522 *816*
Неизвестные авторы.
Видения . . . 523 *817*
«Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...» . . . 524 *817*
А. К. Толстой (?).
Федорушка . . . 525 *817*
Е. И. Минаков.
Последние минуты . . . 527 *817*
П. Ф. Якубович.
Из песен о молодом поколении
«Я пою для тех, чьи души юны...» . . . 528 *818*
1. Сказочный город . . . 528 *819*
2. «О подлое, чудовищное время...» . . . 532 *819*
3. Упреки . . . 532 *819*
4. Матери («Не плачь, о мать моя! И сына не кори! ..») . . . 536 *821*
5. «Друзья! в тяжелый миг сомненья...» . . . 536 *821*
6. «Не пора ли отдохнуть, о братья? ..» . . . 537 *821*
Отголоски революции. Таганрог. 1886
Неизвестный автор.
Завет . . . 538 *822*
Б. Д. Оржих (?).
Песня бедняков . . . 539 *822*
Неизвестный автор.
«Твердой поступью, с радостным взором...» . . . 541 *822*
Б. Д. Оржих.
Дружней . . . 542 *822*
Б. Д. Оржих (?).
Тихие звуки . . . 542 *822*
Неизвестные авторы.
Правда . . . 543 *823*
Два течения . . . 545 *823*
«Позабудь свои боли и муки...» . . . 546 *823*
В. Г. Богораз.
Два пути . . . 547 *823*
Неизвестный автор.
«Гибнем мы! Безумной злобы сила...» . . . 548 *823*
И. С. Никитин.
«Медленно движется время...» . . . 549 *823*
Неизвестные авторы.
«Холод, мрак, могила...» . . . 549 *823*
Юноше . . . 550 *823*
В. Г. Богораз (?).
Сон . . . 551 *823*
В. Г. Богораз.
Матери . . . 552 *823*
Проклятое кладбище . . . 553 *823*
На коронацию . . . 554 *823*

Б. Д. Оржих.
Чернышевскому 558 *824*
Неизвестный автор.
К — ой 559 *824*
А. Архангельский.
«Тучи черные в небе носятся...» 560 *824*
Неизвестный автор.
Казнь 561 *824*
Неизвестный автор и А. Архангельский.
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» 562 *825*
Неизвестный автор.
Дубина 563 *827*
Добрыня.
Современная ода 565 *827*
Мужицкая 566 *827*
Неизвестный автор.
На бедного Макара все шишки валятся. *Плач*. 567 *827*
В. Г. Богораз. Сон в летнюю ночь *(Баллада-шутка)*. Таганрог. 1886 . . . . 573 *827*

Стихи и песни. Москва. 1886
Неизвестный автор.
«Братья, вперед, не теряйте...» 578 *829*
«Тихо в тюрьме, как в могиле...» 579 *829*
И. И. Попов.
Монолог из поэмы «Перовская» 579 *829*
В. Г. Богораз.
На переломе 580 *830*
Борцу-поэту 581 *830*
Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская». Письмо к матери. 582 *830*

«Лютня». III. Лейпциг. 1893—1897
Неизвестные авторы.
Грезы неволи 584 *830*
Из каземата 586 *830*
Из сибирских мелодий 587 *830*
Национальный гимн 590 *830*
«Не звон колокольный, не пенье попов...» 591 *830*
«Океана гневного волны могучие...» 591 *830*
П. Ф. Алисов.
У могилы Герцена 592 *831*
Неизвестный автор.
Товарищам юности 594 *831*

Новый сборник революционных песен и стихотворений. Париж. 1898
Неизвестный автор.
Два стана 596 *831*
П. Ф. Якубович.
Матери («Мне снилось сегодня: в безвестном краю...») 598 *832*
Песня рубильщиков 599 *832*
Ф. В. Волховской.
Новогодняя песня 600 *832*

Неизвестный автор.
Призыв 601 *832*
П. Л. Лавров.
Вперед! 602 *832*
Н. П. Огареву 605 *832*
Песня ненависти <*Из Г. Гервега*> 606 *832*
Песня юности. 607 *832*
Ф. В. Волховской.
14 июня 1898 г. (Семидесятипятая годовщина дня рождения П. Л. Лаврова) 608 *833*
Б. Н. Гейман.
«В отдаленном краю, за Уральским хребтом...» . . . 610 *833*
2 (14) июля 1889 г. 610 *833*
Мите 611 *833*
Б. Д. Оржих.
Новоселье 612 *833*
«Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...» . . 613 *834*
Ф. В. Волховской.
Узник 615 *834*
Н. С. Русанов.
На Волге 615 *834*

Нелегальные стихотворения, не входившие в сборники революционной поэзии второй половины XIX века

Н. А. Добролюбов.
Ода на смерть Николая I 618 *834*
П. Л. Лавров.
Отзыв на манифест 619 *835*
Неизвестный автор.
«Итак, сбылись заветные желанья...» 627 *836*
Н. А. Добролюбов.
17 апреля 1856 г. 628 *836*
В. С. Курочкин.
Птичка <*Из П.-Ж. Беранже*> 632 *837*
Мое призвание <*Из П.-Ж. Беранже*> 634 *837*
Старый капрал <*Из П.-Ж. Беранже*> 635 *837*
Старый нищий <*Из П.-Ж. Беранже*> 637 *838*
Урок <*Из П.-Ж. Беранже*> 639 *838*
Господин Искариотов <*Из П.-Ж. Беранже*> 641 *838*
Сперанский.
Дворянин-барин 643 *838*
Тоска по родине 644 *838*
М. Л. Михайлов.
Белое покрывало <*Из М. Гартмана*> 645 *838*
Песня о рубашке <*Из Т. Гуда*> 647 *839*
П. В. Шумахер.
Сказка про белого царя 650 *839*
П. П.
Что буду делать я? 651 *839*
И. С. Никитин.
«Тяжкий крест несем мы, братья...» 652 *839*
«Падет презренное тиранство...» 653 *839*

П. Н. Ткачев.
14 декабря 1861 . . . . 653 *839*
М. Л. Михайлов.
«Смело, друзья! Не теряйте...» 655 *839*
П. В. Шумахер.
Изображенье Российского царства 655 *839*
П. Л. Лавров.
Послание Мих. Ил. Михайлову 656 *840*
М. Л. Михайлов.
Пятеро 657 *840*
А. Ф. Погосский.
Дележ нехорош 659 *840*
И. И. Гольц-Миллер.
«Слу-шай!» 660 *840*
Л. И. Пальмин.
Requiem 662 *840*
А. К. Толстой.
История государства Российского от Гостомысла до Тимашева 663 *841*
Сон Попова 677 *842*
И. Я. Павловский (?)
«Сила ломит и соломушку...» 689 *842*
Неизвестный автор.
Идущим в Сибирь 692 *842*
Я. П. Полонский.
Узница 693 *843*
П. В. Григорьев.
Дубровин на исповеди 694 *843*
П. В. Шумахер.
«У Цепного моста...» 695 *843*
Сердце царево в руце божией 695 *843*
Политический ссыльный Якутской области
Канун рождества 697 *844*
В. Н. Фигнер.
Тук-тук 698 *844*
Матери 698 *844*
«Пали все лучшие... В землю зарытые...» 699 *844*

Примечания 701

К иллюстрациям 845
Алфавитный указатель авторов, переводчиков, криптонимов и псевдонимов 847
Хронологический указатель стихотворений 850
Указатель стихотворений, входящих в использованные в этой книге сборники, но не включенных в нее 860

Вольная русская поэзия второй половины XIX века

Редактор *Ю. Г. Оксман*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 18/VII 1959 г. Подписано в печать 23/XI 1959 г.
Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 28 (45,92). Уч.-изд. л. 46,05. Тираж 10 000.
Зак. № 800. Цена 15 р. 45 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
36	15 сн.	частных	частых
68	5 сн.	царевны	царёвы
136	6 сн.	свободу,	свободу
136	5 сн.	Пусть, как журавль, весну	Пусть, как журавль весну.
156	11 сн.	«Посоановления	«Постановления
198	12 св.	*1871*	<*1870*>
253	13 сн.	жмет!»	жмет!
253	12 сн.	— «Именитый	Именитый
253	4 сн.	купцом?»	купцом?
253	3 сн.	— «Сработать	Сработать
261	2 св.	Ддухнедельное	Двухнедельное
325	16 сн.	адском	адской
549	15 сн.	не распутье	на распутье
611	13 сн.	Волшебный	Волшебной
797	28 сн.	Иларион	Илларион
853	8—13 сн.	Клеменц Д. А. (?)	Клеменц Д. А.